

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Р. М. ШУКУРОВ

**ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ
и ВОСТОК
(1204–1461)**

Под редакцией *С. П. Карпова*

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

Р 43 Р. М. Шукуров

Великие Комнины и Восток (1204–1461). — СПб.: Алетейя, 2001. — 448 с. — (Византийская библиотека. Исследования).

ISBN 5-89329-337-1

Монография является первой в византиноведении попыткой дать исчерпывающий свод сведений о взаимоотношениях Трапезундской империи (1204–1461), восточного анклава византийской цивилизации в XIII–XV вв., с государствами Востока. Автор синтезирует данные широкого круга изданных греческих, персидских, арабских, тюркских, западноевропейских, армянских, грузинских и других источников, а также привлекает целый ряд неопубликованных восточных рукописей из рукописных собраний Санкт-Петербурга, Лондона и Оксфорда. Автор прослеживает историю Трапезундской империи с момента ее зарождения в 1204 г. и до падения под ударами турок в 1461 г. на пестром фоне зачастую катастрофических событий, потрясавших в эту эпоху обширный регион Анатолии, Ближнего Востока, Средиземноморья и Причерноморья. Читатель найдет в книге не только систематическое изложение событий (многие из которых впервые открыты и описаны автором), но и многочисленные реконструкции внутренней мотивации и ментальных оснований политической и дипломатической активности на международной арене как христианских народов, так и мусульман Переднего Востока.

Книга предназначена для специалистов византинистов и востоковедов, аспирантов и студентов гуманитарных вузов

Исследование проведено при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ): грант № 99-01-00295

ISBN 5-89329-337-1

9 785893 293371

На форзацах:

*слева — Алексей Комнин. 1122. Собор Св. Софии;
справа — Алексей I Комнин перед Христом. XII век.
Миниатюра из Догматического Паноплия Евфимия
Зигабена gr. 666*

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© Р. М. Шукуров, 2001 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Р. М. Шукуров — известный специалист в области отношений Византии и Востока. Его перу принадлежат десятки статей на эту тему, опубликованных как в нашей стране, так и за рубежом, и везде читатель находит новые подходы к теме, оригинальные методы решения трудных, а зачастую и казавшихся «тупиковыми» тем. Владение как классическими языками средневекового Востока, так и среднегреческим, вкус к сравнительному источниковедению, активное использование достижений современной информатики обеспечивают новизну и оригинальность его исследований.

В монографии «Великие Комнины и Восток (1204–1461)» Р. М. Шукуров делает попытку комплексного анализа отношений Трапезундской империи и государств Востока. До него разные ученые (Сп. Врионис, М. Куршанскис, Дж. Вудс, Х. Инальджик, Э. Брайер и др.) обращались к отдельным аспектам этой сложной темы. Необходимость обобщающего исследования давно назрела в силу целого ряда причин. Во-первых, взаимоотношения империи с тюркскими, монгольскими и др. анатолийскими и черноморскими соседями имели первостепенное значение как для политического, так и экономического состояния империи. На протяжении всей истории Трапезундской империи именно от восточных соседей исходила потенциальная угроза самому существованию греческой государственности на Понте. Вместе с тем, именно восточная торговля играла немалую роль в экономике империи. Трапезунд был узловым пунктом в связях Запада и великих государств Востока (Румского султаната, державы Ильханов, Тимуридов, Ак-Куйунлу, Османской Турции), играл большую роль во внешней политике стран обширного региона, простиравшегося от южнорусских степей до Леванта.

Достоинством работы Р. М. Шукурова является то, что он сумел с максимально возможной на сегодняшний день полнотой выявить, собрать воедино и проанализировать разрозненные сведения о политических и дипломатических контактах между империей Великих Комнинов и ее восточными соседями, нарисовать яркую картину развития этих взаимоотношений на протяжении всего существования империи. В монографии во многих случаях пересматриваются традиционные интерпретации давно известных науке событий, а также вводится в научный оборот значительное число новых фактов, предлагаются гипотезы, призванные объяснить неясные пока аспекты международных отношений в регионе в XIII–XV вв. Р. М. Шукурову удалось, на мой взгляд, показать, что ответы на многие «загадки» истории Понта, в том числе относящиеся и к его социально-экономическому развитию, к его самобытной культуре следует искать на Востоке.

Необходимо сказать и о другом, сугубо методологическом аспекте, который делает эту монографию заметным явлением в историографии последних лет. В соответствии с традициями медиевистической школы МГУ, исследователь последовательно придерживается комплексного подхода в анализе материала, аккумулируя для исследования конкретных сюжетов весь доступный ему материал источников, вне зависимости от того, к какому культурно-языковому кругу они относятся. Так, в монографии широко привлечены в оригиналах греческие, латинские, персидские, арабские, османские, армянские, грузинские и др. источники различных видов и жанров, использованы данные эпиграфики и нумизматики. Корпус восточных источников, которым до сих пор оперировали исследователи истории Трапезундской империи, значительно расширен за счет целого ряда неопубликованных текстов на персидском, арабском и тюркском языках из собраний рукописных хранилищ Санкт-Петербурга, Лондона и Оксфорда, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Особого внимания заслуживает включенное в монографию комментированное издание отрывка из сочинения наиболее информированного османского историка Идриса Бидлиси, объемный и чрезвычайно ценный труд которого до сих пор ожидает своего публикатора и исследователя. Те же принципы лежат и в подходе к оценке и интерпретации научной литературы, где, в частности, широко использованы труды современных турецких и греческих ученых.

Как и всякое подлинное научное исследование, эта книга содержит много дискуссионных положений, смелых догадок, которые еще предстоит проверять и уточнять. Несомненно, в историю средневекового Понта и вообще в историю связей Византии и Востока вписана новая страница.

С. П. Карпов

*Посвящается моей матери
Клавдии Васильевне Луканиной*

ВВЕДЕНИЕ

В ИЗУЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКО-ВОСТОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОНТЕ

Трапезундская империя — государство, существовавшее в 1204–1461 гг. в области Понта (Северо-Восточная Анатолия) на территории бывшей византийской фемы Халдия. Самостоятельное государство было основано на Понте отпрысками знаменитой византийской династии Комнинов, которые в Трапезунде стали именовать себя Великими Комнинами. Хотя понтийские общины, вошедшие в государство Великих Комнинов в 1204 г., обособились в политическом плане от западно-анатолийских и балканских византийских территорий, они, однако, сохранили в полной мере присущие «ромейской» цивилизации черты: государственный греческий язык, имперское православие, другие характерные особенности политической идеологии и культуры.

Вместе с тем, Понтийскую область в ряду других историко-культурных регионов византийского мира издавна отличал целый ряд социокультурных особенностей. Греки Понта говорили на особом понтийском диалекте среднегреческого, они заметно модифицировали общевизантийскую художественную культуру. Повседневный городской и сельский быт греков-понтийцев испытал значительное воздействие обычаев картвельского и, возможно, армянского населения Понта. Относительно высок был тут и уровень «восточных» (иранских, арабских, тюркских и др.) влияний. Закреплению регионального своеобразия понтийского визан-

тийского типа способствовали давние традиции политического сепаратизма, в полной мере проявившие себя в XI–XII вв., когда *страпиди* фемы Халдия добились значительной автономии от центральной константинопольской власти.

При учете этой бесспорной социо-культурной своеобразности понтийских византийцев, в некоторых случаях представляется целесообразным условно отделять понтийский *восточно-византийский* тип от *западно-византийского*, под которым в настоящем исследовании будут подразумеваться те балканские и западно-анатолийские византийские общества, которые вошли в государство Ласкарей и Палеологов.

В исторической судьбе Трапезундской империи значительную роль сыграло ее географическое расположение. Те регионы Понтийской области, которые оказались под властью Великих Комнинов, не отличались особым обилием сырьевых ресурсов, ограниченный резерв земель, пригодной для земледелия, не позволял империи превратиться в ведущего экспортера сельскохозяйственной продукции¹. Империя жила торговлей, ибо именно на ее территории находилось важнейшее пересечение магистральных экономических связей, охватывавших северный берег Черного моря, обширный ближневосточный регион, западновизантийские земли и Северное Средиземноморье. Через территорию Трапезундской империи проходили важнейшие торговые пути, соединявшие Иран, Ирак, Сирию с Константинополем, Балканами, Италией и Северным Причерноморьем. Трапезунд был главным портом на южном берегу Черного моря, в частности, через Трапезунд происходил торговый и информационный обмен между Малой Азией и «северными» землями — Крымом, Золотой Ордой и Русью. Именно торговые операции — как сам обмен, так и поддерживающие обеспечивающей его инфраструктуры, — по всей видимости, давали значительную часть средств к существованию частным лицам и императорской власти².

¹ Карпов С. П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 53.

² Подробнее о посреднической роли Трапезундской империи см. в разработках С. П. Карпова, развивавшего концепцию «города-эмпория» (т. е. высокоразвитого торгово-ремесленного центра) в применении к Трапезунду (Карпов С. П. Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII–XV вв.) // ВО. 1977. С. 79–106; *Он же*. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; *Karpov S. P. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. 1204–1461. Roma, 1986; Idem. The Southern Black Sea Coast in the System of Economic Relations between East and West (XIIIth–XVth Centuries) // Byzantiaka. 1986. Т. 6. P. 49–55).*

О значении торговли для Понтийского региона до начала XIII в.: *Vryonis Sp., Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkley, 1971. P. 14–17.* В самом общем виде роль Трапезунда в торговом обмене формулировалась еще в: *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig, 1886. Т. 2. P. 92–94.*

Но торговля не была единственной сферой жизни, в которой проявилась медиативная функция понтийского византизма. На протяжении всей своей истории Великие Комнины исполняли роль дипломатических посредников между мусульманскими и христианскими государями. Есть основания полагать, что в XIV–XV вв., когда между дворами Великих Комнинов и Палеологов установились доверительные союзные отношения, Трапезунд исполнял важную функцию информационного источника, снабжавшего Константинополь сведениями о состоянии дел на Ближнем Востоке. На рубеже XIII и XIV вв. Трапезунд превращается в важный центр передачи комплекса научных знаний (астрономических, математических, медицинских) из Ирана в византийский мир. Именно посредничество понтийских интеллектуалов-греков в научном информационном обмене оказало заметное воздействие на расцвет точных наук в константинопольских научных школах в начале XIV в.

Перечисленные обстоятельства с необходимостью предполагают высокую интенсивность международных связей Трапезундской империи, а также развитость и сложность структуры межэтнических и межконфессиональных отношений внутри самой империи. Поэтому характерная особенность понтийского общества в эпоху правления Великих Комнинов, как нам представляется, заключалась в выраженной *медиативной* его функции. По нашему убеждению, адекватное описание Трапезундской империи как исторического феномена возможно только при учете той системы внешних ее контактов, которые не только существенно влияли на внутреннюю жизнь империи, но в какой-то мере и обеспечивали самое ее существование.

Важность для истории Трапезундской империи внешних связей не раз отмечалась в научной литературе, наиболее глубоко исследованы взаимоотношения империи с западно-византийскими землями, Западной Европой, Грузией, Русью и Крымом³. Вместе с тем, хорошо известно, что на протяжении всей истории Трапезундской империи значительная часть материковых ее пределов прилежала к территориям, принадлежавшим

³ См. работы последних десятилетий: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства; *Он же*. Итальянские морские республики и южное Причерноморье; *Καρπου Σ. Ρ.* L'impero di Trebisonda; *Он же*. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99; *Он же*. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164; *Он же*. Трапезундская империя и Афон // ВВ. 1984. Т. 45. С. 95–101; *Он же*. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 38–47; *Bryer A.* The Empire of Trebizond and the Pontos / *Variorum collected studies series.* L., 1980. *Idem.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / *Variorum collected studies series.* L., 1988; *Kursanskis M.* Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'empire de Trébizonde // AP. 1970. Т. 30. P. 107–116; *Idem.* L'empire de Trébizonde et la Géorgie // REB. 1977. Т. 35. P. 237–256; *Idem.* Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens // BK. 1976. Т. 34. P. 112–127.

мусульманам. Только на крайнем востоке на относительно коротком отрезке границы империя соприкасалась с грузинскими землями. Поэтому очевидно, что анализ взаимоотношений Трапезундской империи с государствами Востока мог бы содействовать выяснению не только структуры и характера международных отношений в Передней Азии в XIII–XV вв., но и выявлению закономерностей внутреннего развития самой империи, а также мог бы внести и некоторый вклад для решения более общих проблем соотношения византийского и исламского миров.

Именно этот аспект — Трапезундская империя в ее взаимоотношениях с Востоком — избран, как следует из заглавия нашей монографии, в качестве основного объекта исследования. Однако для того чтобы приступить к развернутому обоснованию частных задач нашего исследования необходимо прежде вкратце ознакомиться с тем, что сделано в этой области в современной исторической науке.

1. О ЗАДАЧАХ ЭТОЙ КНИГИ

Вплоть до первой трети XIX в. о Трапезундской империи почти ничего не было известно достоверно. Ряд книг XVII–XVIII вв., посвященных истории Трапезундской империи — Афанасия (1600), Дорофея (1631), П. Турнефора (1717) и др., содержали весьма скудную и часто ошибочную информацию. Первой попыткой научного исследования истории империи оказалась диссертация П. В. Афцелиуса, опубликованная в 1824 г. в Упсале, в которой были собраны все доступные на то время сведения о Трапезундской империи в византийских источниках⁴. Относительная неудача первых историков Трапезундской империи XVII–XVIII вв. была связана с тем обстоятельством, что базовые источники по истории империи тогда еще не были открыты. Вместе с тем, следует отметить, что эти ранние публикации были важны для классификации Трапезундской империи, как исторического феномена, в контексте той концепции мировой истории, которая вырабатывалась западноевропейской мыслью. С тех пор и поныне — история комниновского Понта является частью истории Византии, той частью «Всеобщей истории», в которой до сих пор безраздельно доминируют византинисты. Это обстоятельство, как будет показано чуть ниже, имело как положительный, так и отрицательный аспекты.

Заслуга открытия целого ряда важнейших источников по истории Трапезундской империи (в первую очередь — «Хроники» Михаила Парнарета и др.) принадлежит выдающемуся немецкому византинисту и ори-

⁴ Сведения о ранних историографах Трапезундской империи см. в: *Vasiliev A. A. Empire of Trebizond in history and literature // Byzantion. 1940–1941. T. XV/1. P. 316–377; Savvides A., Lampakis S. Genike bibliographia peri tou byzantinou Pontou kai tou kratous ton Megalon Komnenon tes Trapezountas. Athena, 1992.*

енталисту Якобу Филиппу Фальмерайеру (1790–1861). Им же были созданы основы для научной разработки темы «Трапезундская империя и Восток» в его классической монографии «История Трапезундской империи» (1827) и сборнике источников по истории Понта в XIII–XV вв.⁵ Перед Я. Фальмерайером стояла задача сбора первичной информации, построения общей канвы политических событий на границах империи с исламским миром. Я. Фальмерайеру удалось собрать все наиболее важные греческие источники и значительную часть западноевропейских, содержащих какие-либо сведения о трапезундско-мусульманских отношениях. Широкие познания Я. Фальмерайера в восточных языках и основательная палеографическая подготовка позволили ему привлечь греческие, персидские, арабские, тюркские, сирийские, а также армянские хроники в рукописных первоисточниках, значительная часть которых к тому времени еще не была опубликована. Таким образом, Я. Фальмерайером была намечена общая канва взаимоотношений понтийцев с Востоком, были названы главные субъекты этих взаимоотношений с мусульманской стороны, открытые им новые факты этих взаимоотношений были введены в контекст истории Византии и Ближнего Востока. Эти исследования не потеряли своего значения до сих пор, особенно, в частях, посвященных XIII в., времени походов Тимура, заключительным десятилетиям истории империи.

В течение второй половины XIX в. и вплоть до 60-х гг. нашего века вышло еще несколько общих «Историй» Трапезундской империи (исследования Дж. Финлея, С. Иоаннидиса, митрополита Хрисанфа, У. Миллера, Ф. Успенского, Э. Жансана⁶). В целом, в частях, посвященных трапезундско-мусульманским отношениям, они лишь дополняли и уточняли классическую монографию Я. Фальмерайера — основное внимание исследователей конца XIX в. и первой половины XX в. было сосредоточено на внутренней истории Трапезундской империи, ее взаимоотношениях с Западом и Византией. Наиболее существенный вклад в проблему трапезундско-мусульманских отношений в первой половине XX столетия сде-

⁵ *Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827; Idem. Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt. Teil 1–2 // ABAW. 1843–1844. Bd. 3–4. См. также: Idem. Gesammelte Werke / Hrsg. G. M. Thomas. 1861. Bd. 1–3.*

⁶ *Finlay G. The History of Greece from its Conquest by the Crusades to its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond: 1204–1461. Edinburgh: L., 1851; Idem. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. Oxford, 1877. Vol. IV; Joannides S. Historia kai statistike Trapezountos kai tes peri tauten choras. Konstantinoupolis, 1870; Euangelides Tr. Historia tes Pontikes Trapezountos apo ton Archaïotaton Chronon mechri ton kath'hemas, 756 p. Ch. — 1897. Одесса, 1898; Chrysanthos. He ekklesia Trapezountos // AP. 1933. T. 4–5; Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926; Успенский Ф. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929; Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.*

ляли А. А. Куник, Ш. Диль, А. А. Васильев, Ф. Успенский, А. Ю. Якубовский, В. Хини⁷, исследования которых однако не пошли дальше частных исправлений схемы Я. Фальмерайера.

Новый этап в изучении трапезундско-мусульманских отношений наступает в послевоенной историографии, в последнее сорокалетие. Это было связано с несколькими обстоятельствами.

Следует начать с того, что в эти годы коренным образом изменилась стратегия понтийских исследований, что, конечно же, было следствием более общих процессов в мировой византистике. Прежде всего это касается процесса специализации в византологических исследованиях, который стал наиболее явственен после Второй мировой войны. Исследователи все решительней стали жертвовать всеобъемлющим знанием и энциклопедизмом в пользу частных, но при этом исчерпывающих разработок тех или иных узких тем. Процесс естественной профессиональной дифференциации внутри византистики, обособления в ней отдельных тематических и структурных подразделений привел к резкому увеличению информационного потока, росту объемов выявленной и проанализированной исследователями информации, что в свою очередь только усугубляло специализацию. Этот процесс, несомненно, захватил и понтийские исследования, которые вступили в новый этап, характеризовавшийся с формальной точки зрения переходом от составления синтезирующих трудов по истории Трапезундской империи к частным разработкам отдельных, иногда узкоспециальных ее аспектов. Начался новый виток накопления информации по истории Трапезундской империи и шире — всего византийского Понта от Пафлагонии до границ Грузии. Были открыты новые источники (как материальные, так и письменные), заметно изоширились частные методики анализа. Новаторские разработки по истории Трапезундской империи все больше становятся уделом профессионалов, получивших специальную подготовку в понтийских исследованиях.

В истории понтийских исследований последних десятилетий следует упомянуть несколько ключевых фигур, с именами которых связано кардинальное обновление этого раздела византистики. В первую очередь следует назвать имя грека Одиссея Лампсидиса, вклад которого в «профессионализацию» понтийских исследований трудно переоценить. Он продолжил работу своих предшественников (Я. Фальмерайера, Сп. Лампроса, А. Пападопуло-Керамевса и др.) по изданию и изучению значимых для понтийской истории греческих источников. В результате, к настоящему времени мы располагаем доброкачественными научными изданиями практически всех значимых грекоязычных источников по истории Понта. Под руководством Од. Лампсидиса афинский научный журнал 'Αρχαῖον Πόντος («Понтийский архив») превратился в международный печатный орган понтийских исследований и неисчерпаемый резервуар сведений по истории и культуре Понта.

⁷ См. библиографический указатель в конце книги.

Английский исследователь Энтони Брайер в конце 50-х гг. двинулся по пути региональных исследований, только зарождавшихся тогда в византинистике. В результате многочисленных экспедиций на Понт, принимавшихся английским исследователем в течение нескольких десятилетий, были обследованы и описаны практически все сохранившиеся к тому времени памятники византийского времени (церкви, монастыри, фортификация, дворцы и т. д.), ряд памятников было открыто в результате археологических раскопок. Прделанная исследователем работа позволила реинтерпретировать, а иногда и уточнить нередко довольно абстрактные данные нарративных источников, привязав их к конкретной географической, климатической и историко-культурной среде Понта. В разработку регионального направления внесли вклад в это время и ряд других английских ученых, как, например, Д. Уинфильд, С. Бэлленс. Эти исследования в области исторической топографии Понта оказали заметное воздействие на византинистику в целом.

Другой аспект современного облика понтийских исследований получил оформление в трудах отечественного византиниста и итальяниста С. П. Карпова. Российский исследователь избрал стратегию поиска и введения в научный оборот новых, нетрадиционных комплексов источников, значимых для истории Понта и шире — Южного и Северного Причерноморья в целом. Таким неисчерпаемым пластом неопубликованной и до тех пор мало известной в науке информации оказалась хорошо сохранившаяся официальная и частная документация итальянских морских республик — Венеции и Генуи. Новый комплекс источников позволил кардинально пересмотреть взаимоотношения Трапезунда с Западной Европой, обосновать выдающуюся международную роль Трапезунда как торгового и политического центра. Для наших задач важно то, что именно исследования С. П. Карпова актуализировали проблему «внешних», «иностранных» (в первую очередь, негреческих) источников по истории Понта, как важнейшего на сегодняшний день поставщика свежей информации.

Таким образом, в 80-х гг. появляются условия для создания первых обобщающих монографий, нацеленных, в отличие от синтетических трудов предыдущего поколения, на исчерпывающую разработку отдельных аспектов истории византийского Понта.

Первой такой «специальной» монографией явилась книга С. П. Карпова, изданная на русском в 1981 г. и в дополненном и исправленном виде переизданная на итальянском в 1986 г., которая посвящена международным связям Трапезундской империи с государствами христианского Запада⁸. В 1985 г. вышел в свет двухтомник Э. Брайера (в соавторстве с Д. Уинфильдом), в котором дается описание византийских памятников и топографии Понта с обширными экскурсами во внутреннюю и

⁸ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства: расширенное и пересмотренное издание книги: *Karpov S. P. L'impero di Trebisonda.*

внешнеполитическую историю Трапезундской империи⁹. В 1992 г. греческие исследователи А. Саввидис и С. Лампакис издали еще одно монографическое исследование вспомогательного характера — аннотированный библиографический справочник по источникам и историографии византийского Понта, само появление которого указывает на отмеченное выше существенное увеличение объемов специализированной информации¹⁰.

Вместе с тем, «восточная» тематика до поры не оказывалась в числе приоритетных. Конечно, дело не в том, что историки игнорировали ее важность. Напротив, интерес к восточным сюжетам никогда не ослабевал. Так, например, в работах С. П. Карпова восточным источникам уделяется необычайно пристальное внимание — они приобретают статус самостоятельного комплекса источников по внутренней жизни Понта, причем исследователь, оставаясь верен своей стратегической установке, делает упор на привлечение новых, неизданных восточных источников¹¹.

Интерес к «восточной» тематике в понтийских исследованиях был катализирован работами выдающегося византиниста Сп. Вриониса и, в первую очередь, его классической монографией «Упадок средневекового эллинизма в Малой Азии»¹². В этой книге и ряде своих статей Сп. Врионис затронул множество аспектов трапезундско-тюркских отношений. Ниже (в настоящем «Введении» и в основном тексте монографии) будут отмечены и обсуждены разработки Сп. Вриониса в этой области, однако, все же, следует признать, что история Понта во многом находится на периферии его интереса.

⁹ Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. Washington, 1985. Vol. 1–2.

¹⁰ Savvides A., Lampakis S. *Genike bibliographia...*

¹¹ См. вводные главы в: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства; *Karpov S. P. L'impero di Trebisonda; Он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

¹² См.: Vryonis Sp. *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. См. также: *Idem.* «The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization», the book and its Reviewers ten years later // *Greek Orthodox Theological Review*. 1982. Vol. 22. P. 225–285; *Idem.* «The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization», the book in the light of subsequent scholarship, 1971–1998 // *Eastern Approaches to Byzantium*. Hampshire, 2001. P. 1–15. Некоторые замечания о концепции Сп. Вриониса, реализованной в этой книге, в контексте исследований в области греко-тюркских и византийско-мусульманских отношений см. в нашей рецензии на книгу Мишеля Баливэ: *Шукуров Р. М.* Зона контакта: проблемы межкультурных отношений в современной византистике (рец. на: *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; *Balivet M.* *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication grécoturque*. Istanbul, 1994) // *ВВ.* 2000. Т. 59 (84). С. 258–268), а также: *Шукуров Р.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // *Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья)*. М., 1999. С. 229–230.

Главный вклад в разработку темы «Трапезундская империя и Восток» сделан Э. Брайером, специально обратившемся к «восточным» сюжетам после выхода в свет исследований Сп. Вриониса. Его основная работа в этом направлении — обширная статья «Греки и туркмены: понтийское исключение», задуманная как реакция на монографию Сп. Вриониса, корректирующая ее общие положения в применении к понтийскому материалу (1975 г.)¹³. Исследователь детально восстанавливает политическую ситуацию на Понте с конца XIII в. по начало XV в., показывает ход борьбы понтийских греков с нарастающим давлением кочевого элемента на границах империи. В той же статье Э. Брайер впервые в историографии дал первичную систематизацию сведений о влиянии тюрко-мусульманского Востока на трапезундское общество. Взаимным контактам греческого Понта с тюркскими и монгольскими соседями посвящена и целая серия других статей английского исследователя¹⁴.

Исследования Э. Брайера были подытожены в уже упоминавшейся монографии «Византийские памятники и топография Понта»¹⁵. Английский исследователь скрупулезно восстановил детальную картину практически всех известных по греческим источникам греко-тюркских военных столкновений в привязке к исторической географии Понта. Вклад Э. Брайера трудно переоценить, по-существу он создал почти исчерпывающий всесторонний комментарий для ключевых сообщений греческих источников по интересующим нас сюжетам. Им были показаны главные этапы развития греко-тюркских отношений на протяжении всей истории империи, проанализированы методы и средства борьбы Великих Комнинов с тюрками. К многообразному вкладу Э. Брайера в разработку греко-тюркских сюжетов мы на страницах настоящей книги еще не раз вернемся.

Начатые Э. Брайером исследования трапезундско-тюркских отношений в XIV в. нашли некоторое продолжение в работах Э. Захариаду, греческой специалистки по византийско-тюркским контактам¹⁶. Исследования Э. Брайера и Э. Захариаду окончательно опровергли господствующую со времени Я. Фальмерайера точку зрения о непримиримой враждебности, царившей в отношениях между греками Понта и окружавшими их мусульманами. Наряду с противоборством, отношения трапезундцев с

¹³ Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149 (=Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos. № V).

¹⁴ Bryer A. The Fate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 332–350; Idem. Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460–1461 // BK. 1965. T. XIX–XX. P. 178–198; Idem. Han Turali rides again // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 193–206; Idem. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. 1994. T. VI [Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen]. P. 257–261.

¹⁵ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1.

¹⁶ Zachariadou E. Romania and the Turks (c. 1300–c. 1500) / Variorum Reprints. L., 1985; Eadem. Noms coumans à Trébizonde // REB. 1995. T. 53. P. 285–288.

соседями могли складываться на взаимовыгодных условиях, греков и тюрок объединял общий интерес в протекционистской торговой политике¹⁷.

Существенный вклад в разработку истории политических взаимоотношений трапезундцев с Востоком внес и французский специалист по истории Понта и Кавказа М. Куршанскис, в центре внимания которого находились генеалогические связи Великих Комнинов с мусульманскими государями, взаимоотношения трапезундцев с тюрками-сельджуками и монголами в XIII в.¹⁸

Пространную серию статей посвятил трапезундско-мусульманским отношениям и греческий византист А. Саввидис, который в большей степени ориентирован на синтезный анализ предшествующей историографии, нежели на оригинальную разработку первоисточников¹⁹.

Эти исследователи часто не без успеха пытались преодолеть недоступность для них восточных источников посредством привлечения достижений европейского востоковедения. Однако надо сказать, что в этих попытках охватить «восточный» материал исследователи Понта не часто находили опору в профессиональной востоковедческой литературе: востоковеды в целом не интересовала судьба понтийского государства, мало повлиявшего на магистральные внутренние процессы в мусульманском мире²⁰. Византинистам приходится «буквально» выуживать сведения из чужих переводов, пересказов, кратких цитирований. Это внимание к вос-

¹⁷ Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352–1402) // AP. 1979. T. 35. P. 333–358.

¹⁸ Kuršanskis M. L'usurpation de Théodora Grande Comnène // REB. 1975. T. 33. P. 187–210; *Idem*. The Coinage of the Grand Komnenos Manuel I // AP. 1979. T. 35. 23–37; *Idem*. L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // REB. 1988. T. 46. P. 109–124; *Idem*. L'empire de Trébizonde et la Géorgie // REB. 1977. T. 35. P. 237–256.

¹⁹ Savvides A. Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols. Thessaloniki, 1981 (см. рецензию П. И. Жаворонкова и Р. Шукурова на эту монографию в: BB. 1987. T. 46. С. 172–178); Byzantium's Oriental Front in the First Part of the 13th Century // Diptycha. 1982–83. T. 3. P. 160–175; *Idem*. Ashik-pasha-zade on the Conquest of Trebizond by the Ottoman Turks in A. D. 1461 // AP. 1987. T. 42. P. 240–247; *Idem*. Hoi Megaloi Komnenoi tou Pontou kai hoi Seltzoukoi tou Rûm (Ikoniou) ten periodo 1205/6–1222 // AP. 1988. T. 39. P. 169–193; *Idem*. Gia ten tautoteta tou «Melik» sten seltzoukike extrateia tou 1222–1223 kata tes Trapezountas // Symmeikta. 1991. T. 9; *Idem*. Tamerlane, Byzantium and Spain (with notes on Clavijo's visit to Trebizond in A. D. 1404) // AP. 1992–93. T. 44. P. 47–57; *Idem*. Ho byzantinos Pontos, hoi Seltzoukoi kai hoi Ntanismentides Tourkoi // AP. 1996–97. T. 47. P. 91–106.

²⁰ Из востоковедов, специально занимавшихся историей византийского Понта, следует, пожалуй, упомянуть только Дж. Вудса, заинтересовавшегося взаимоотношениями туркмен *ак-куйунлу* и Великих Комнинов в XIV–XV вв. (Woods J. E. The Akkoyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/9th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis; Chicago, 1976).

точной проблематике является вполне закономерным, поскольку на крупных источниковых комплексах, наряду с греческим и западноевропейским, на нынешний момент только «восточный» не подвергался систематическому анализу. Однако, несмотря на определенные успехи в описании трапезундско-мусульманских взаимоотношений, следует признать, что в силу сложившейся специализации в понтийских исследованиях «восточные» сюжеты оказались на периферии научного интереса. До сих пор предпринимавшиеся попытки разработки комплекса восточных источников нельзя считать в полной мере успешными, поскольку исследователи трапезундской истории охватывали по преимуществу только ту малую его часть, которая доступна на европейских языках. Языковой барьер оставался главной причиной принципиальной «закрытости» восточного материала. В современных понтийских исследованиях наметилось несколько путей преодоления отмеченного «языкового» барьера.

В послевоенное время, в частности, в связи с упомянутыми процессами «дифференциации», историки Поздней Византии в поиске новых источников обратились к турецким хроникам и документам; появился целый ряд византистов, овладевших современным турецким и средневековым *osmanlıca* и освоивших тюркологическую проблематику. В фокусе внимания исследователей оказались османские кадастры (*defterler*) второй половины XV в., относящиеся к понтийскому региону, которые содержат уникальную ретроспективную информацию о народонаселении и хозяйстве византийского Понта перед турецким завоеванием. Серьезная разработка османских кадастров была начата турецкими историками после Второй мировой войны²¹, а затем подхвачена османистами во Франции и США. Впервые османские *дефтеры* были широко применены как ретроспективный источник по истории византийской Анатолии в уже упоминавшейся монографии Сп. Вриониса. Вслед за тем, начиная с конца 70-х гг., османские кадастры стали исследоваться, как ретроспективный источник, и по поздней истории Трапезундской империи²². Пик

²¹ Упомянем лишь те из изданий, которые касаются Северо-Восточной Анатолии: *Barkan O. L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1953–1954. C. 15. S. 209–237; Gökbilgin M. T. XVI yüzyıl başlarında Trabzon livası ve Doğu Karadeniz Bölgesi // Belleten. 1962. T. 26. S. 293–337; Miroğlu İ. XVI yüzyılda Bayburt sancağı. İstanbul, 1975; Idem. Kemaş sancağı ve Erzincan kazası (1520–1566). Ankara, 1990. См. также работу отечественного тюрколога, по-существу, первое фундированное исследование османских *дефтеров* на русском языке: Мустафаев Ш. М. Восточная Анатолия от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., 1994.*

²² См., например: *Beldiceanu N. Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde (1487). Monastères de la Chrysoképhale et du Pharos // REB. 1977. T. 35. P. 175–213; Idem. Biens des Grands Comnènes en 1461 d'après un registre ottoman // Byzantion. 1979. T. 49. P. 21–41; Idem. L'empire de Trébizonde à travers un registre ottoman de 1487 // AP. 1979. T. 35. P. 54–73; Idem. Les sources ottomanes au service des études byzantines // Studien zur Geschichte und Kultur*

влияния тюркологии на понтийские исследования приходится на 80-е гг. Хрестоматийным плодом сотрудничества между византинистами и османистами явился коллективный труд «Continuity and Change in Late Byzantine and Early Ottoman Society», вышедший под редакцией Э. Брайера и Х. Лаури, в то время ведущего специалиста по османским кадастрам²³. В книге, в частности, прослеживалась преемственность и инновации в социальной жизни понтийской провинции Мацуки/Мачки на протяжении значительного исторического периода с XIII в. по 1553 г.

Ориентация на османские источники как дополнительный ресурс информации для истории Византии отразилась в научно-организационной концепции «Центра византийских, новогреческих и османских исследований» (Centre for Byzantine, Modern Greek and Ottoman Studies), основанного Э. Брайером при Бирмингемском университете и возглавляемого сейчас известным византинистом Дж. Холдоном. Название центра говорит само за себя — он объединяет усилия гречесов и тюркологов, в частности, в области понтийских проблем²⁴. Важную роль в координации усилий английских гречесов и востоковедов играет ежегодная конференция «The Pontic Day», в поддержке которой участвует и бирмингемский центр.

Греко-тюркская тематика привлекла серьезное внимание и греческих исследователей, пока почти исключительно лингвистов-лексикографов, группирующихся вокруг журнала 'Αρχαίον Πόντον, которые обратились к исследованию тюркского лексического пласта в понтийском диалекте греческого²⁵.

des vorderen Orients. Festschrift für Bertold Spuler zum siebenzigsten Geburtstag. Leiden, 1981. P. 1–11; *Idem*. Les Qavāzid/Kabazitès à la lumière d'un registre ottoman de Trébizonde // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata*. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor. Napoli, 1982. T. XIX. P. 41–54; *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487 // *TM*. 1981. T. 8. P. 63–78; *Beldiceanu N., Năsturel P.* Le monastère de la Théosképastos à la lumière d'un recensement ottoman de Trébizonde // *Byzantion*. 1985. T. 55. P. 260–331; *Beldiceanu N., Năsturel P.* Biens du monastère Saint-Sophie de Trébizonde dans plusieurs bandons du pays à la charnière de la conquête (1461) // *Byzantion*. 1990. T. 60. P. 25–89; *Lowry H.* The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trabzon (ca. 1486–1583) / A diss. ... Un. of California. Los Angeles, 1977; *Idem*. Trabzon şehrinin islamlaşması ve türkleşmesi: 1463–1583. İstanbul, 1981; *Lefebvre M.-M.* Timars alloués aux garnisons de plusieurs forteresses maritimes de la province de Trébizonde après 1461 // *Byzantion*. T. 62. 1992. P. 311–379.

²³ Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. A. A. M. Bryer and H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986.

²⁴ Бирмингемский Центр с 1975 г. издает основанный Э. Брайером ежегодник Byzantine and Modern Greek Studies.

²⁵ Исследования понтийского диалекта греческого языка были инициированы выдающимся эллинистом Р. Даукинсом (*Dawkins R. M.* Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916; *Idem*. Modern Greek in Asia Minor // *JHS*. 1910. Vol. XXX.

В последние годы интерес к византийскому Понту оживился и в Турции, историография которой уделяла мало внимания истории Трапезундской империи. Долгое время лишь монография Шакира Шевкета (1877 г.) о Трапезунде/Трабзоне оставалась наиболее подробным систематическим изложением истории византийского Понта на турецком языке, которое, однако, сводилось лишь к вольному пересказу работ Я. Фальмерайера²⁶. В последние годы наметился кардинальный сдвиг в турецкой историографии, которая проявляет все больший интерес к византийскому прошлому Понта. Так, появился целый ряд исследований историко-краеведческого характера (М. Бильгин, Омер Асан, К. Эмироглу), которые, в частности, затрагивают роль греческого этноса в генезисе современных тюркских диалектных субкультур Понта²⁷. В Трабзонском университете продолжается исследование восточно-анатолийского османского документального материала, включая *дефтеры* (К. Инан, К. Чичек); растет интерес к проблеме начального этапа тюркизации Понта в византийскую эпоху²⁸.

Тюркские источники как документальные, так и нарративные в последние годы активно привлекаются для разработок понтийской проблематики. Однако дело заключается в том, что османская историография и дипломатика, в силу своего довольно позднего генезиса, способны осветить только последние десятилетия существования Трапезундской империи, начиная с рубежа XIV и XV вв. Большая часть истории Трапезундской империи приходится на то время, когда в культурной жизни Анатолии безраздельно господствовали персидский и арабский языки, на которых в XII–XIV вв. и писались хроники и документы. Причем, в анатолийской историографии на протяжении всего этого периода первенство сохраня-

P. 109–132; 267–291; *Idem*. Notes on the Study of Modern Greek of Pontus // Byzantion. 1931. T. 6. P. 389–400). О тюркских элементах в понтийском диалекте см., например: *Lampsides O.* Glossika scholia eis mesaionika keimena tou Pontou // AP. 1952. T. 17. P. 227–238; *Zerzelides G.* Toponymiko tes ano Matzoukas // AP. 1961. T. 24. P. 245–290; *Vagiakakos D.* Dialektika ek tou mesaionikou Pontou // AP. 1964. T. 26. P. 267–289; *Symeonidis Ch.* Lautlehre der türkischen Lehnwörter im neugriechischen Dialekt des Pontos // AP. 1971–72. T. 31. S. 17–231; *Idem*. Die Nominalendung -ávτ(oi), -ávτων, -ávτα im neugriechischen Dialekt des Pontos // AP. 1979. T. 36. S. 97–103; *Karapotosoglou K.* Etymologika se pontiakos lexeis // AP. 1990–1991. T. 33. P. 256–335.

Дополнительную библиографию см. в: *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 449, note 13.

²⁶ *Şakir Şevket.* Trabzon tarihi. Istanbul, 1877. C. 1–2; сокращенная современная переработка: *Karadenizli Kemal.* Trabzon tarihi. Ankara, 1954.

²⁷ *Emiroğlu K.* Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü. Ankara, 1989; *Bilgin M.* Sürmene Tarihi. Istanbul, 1992; *Asan Ömer.* Pontos Kültürü. Istanbul, 1996.

²⁸ См., например, публикации материалов двух конференций, посвященных истории Гиресуна: *Giresun tarihi sempozyumu 24–25 Mayıs 1996.* Bildiriler. Istanbul, 1997; *Giresun kültür sempozyumu 30–31 Mayıs 1998.* Bildiriler. Istanbul, 1998.

лось за персидским языком (см. об этом ниже в источниковедческом разделе). Источники на персидском и арабском языках продолжали создаваться в XV в. и позже, несмотря на прогрессирующую экспансию турецкого-османского в государственной и культурной сфере²⁹. Означенное обстоятельство пока еще не учитывается современной византинистикой в полной мере. Нынешняя ее ориентация исключительно на тюркологию вряд ли можно считать оправданной³⁰.

Это обстоятельство еще в начале 80-х гг. было в полной мере осознано С. П. Карповым, основавшим позже московскую «Лабораторию по истории Византии и Причерноморья» (МГУ). В стратегии московского центра было заложено комплексное сравнительное изучение персидских, арабских и тюркских источников для истории всего Причерноморья, включая и Понтийский регион³¹. В последнее десятилетие автором этих строк был издан ряд работ, развивавших упомянутые подходы к восточным источникам по истории Византии и Причерноморья (см. ниже). Одним

²⁹ См. классическую работу: *Mansuroğlu M. The Rise and Development of written Turkish in Anatolia // Oriens. 1954. См. также: Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968. P. XIV–XV, 56–61, 253–260 (о роли иранцев, в частности, среднеазиатских, в сельджуцкой культуре), а также 430–441 (подробно аннотированный список источников по истории Анатолии конца XI–XIII вв.).*

³⁰ Нельзя не отметить, что в зарубежной византистике существует два масштабных исключения. Во-первых, это уже упоминавшееся творчество Сп. Вриониса. В своих исследованиях Сп. Врионис не ограничивался только тюркскими источниками, но привлек и персидскую и арабскую историографию, что, в частности, и предопределило успех его исследований. Стоит лишь сожалеть, что понтийская проблематика, как мы уже отметили выше, реже, чем хотелось бы, оказывалась в центре исследовательских интересов Сп. Вриониса. То же касается и основанного им в 1985 г. «Центра греческих исследований Спироса Бэзела Вриониса» (*The Speros Basil Vryonis Center for the Study of Hellenism*), ныне базирующегося в Калифорнии, США). Центр нацелен на изучение греческой культуры от древнейших времен до современности в широком контексте всей переднеазиатской тематики, включая иранистику и арабистику. На настоящий момент в нем большое внимание уделяется современной греко-турецкой проблематике, а специальные понтийские исследования практически не ведутся.

Во-вторых, следует назвать недавнее синтетическое исследование французского ученого Мишеля Баливе (*Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc...*), упомянутое выше, в котором восточные источники используются для решения сугубо византиноведческих проблем широко и в оригинале. Однако и в этой работе понтийская тематика представлена скорее как маргинальная.

Несмотря на значительный вклад двух упомянутых исследователей, в разработках по византийско-восточным отношениям в XII–XV вв. наблюдается определенный кризис, обусловленный, как мне представляется, отмеченным «языковым барьером» и недоступностью для византистов оригинального источникового материала на персидском и арабском языках.

³¹ См.: Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М.; СПб., 1991–2001. Вып. 1–5.

из плодов избранного в Лаборатории подхода и явилась настоящая монография³².

Таким образом, обращение к взаимоотношениям Трапезундской империи с Востоком представляется в высшей степени своевременным и даже необходимым в контексте общего развития понтийских исследований. Отсюда и вытекает двоякая цель настоящей монографии — мы намереваемся предпринять систематическое описание истории взаимоотношений Трапезундской империи с государствами Востока, которое будет проводиться на основе исчерпывающего привлечения всего комплекса источников, как христианского круга (греческих, западноевропейских, грузинских, армянских), так и «восточных», без каких-либо изъятий и предпочтений. При этом под «Востоком» в настоящей монографии подразумеваются все мусульманские государства в Анатолии, Иране, Кавказе и Северном Причерноморье, а также монгольские ханства до обращения их правителей в ислам, связь которых с Трапезундской империей может быть прослежена в источниках. Под «восточными источниками» в настоящем исследовании подразумеваются письменные источники мусульманского круга на персидском, арабском и тюркском языках. Причем основной упор будет сделан не столько на тюркских источниках, уже неплохо исследованных в предшествующей историографии, сколько на персидских, а также арабских хрониках и документах.

Настоящая книга задумывалась как род «фактологических очерков» по преимуществу, что так же вытекает из общего состояния современной науки. Главная задача на настоящий момент заключается в том, чтобы очертить круг восточных источников по истории Трапезундской империи, выявить и каталогизировать весь комплекс фактологической конкретики, относящейся к истории взаимоотношений Понта с мусульманским миром. В данном исследовании нас в первую очередь интересует «внешняя», *политико-дипломатическая* история, а свою задачу мы видим в как можно более полной реконструкции всего многообразия внешних контактов понтийского византизма с анатолийским и переднеазиатским миром, настолько детальной, насколько это позволяють известные ныне источники. Эти разработки создадут некую элементарную систему координат, которая значительно облегчит и устрожит интерпретационную работу в области культурных трансформаций. Поэтому мы сочли целесообразным оставить за рамками работы ряд сюжетов, косвенно связанных с объявленной темой. В первую очередь мы обходим обширный пласт информации, затронутый в последних наших публикациях и касающийся внутренних трансформаций понтийского греческого общества

³² Работа над тематикой данной книги была начата автором этих строк еще в рамках кандидатской диссертации, научное руководство которой осуществлял С. П. Карповым (*Шукуров Р. М. Трапезундская империя и государства Востока (1204–1461)* / Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1990).

под воздействием встречи с тюркским началом³³. Тематически он мало связан с целями настоящей книги и требует отдельной проработки.

Настоящая книга явилась результатом серии частных исследований, опубликованных автором в последние десять лет и касающихся тех или иных узловых событий в истории восточной политики Великих Комнинов³⁴. Из мозаики этих очерков, значительно дополненных и пересмотренных, мы надеемся сконструировать фактографический свод сохранившихся до наших дней сведений о восточной политике Трапезундской империи, синтезировать целостную картину динамики дипломатических приоритетов, внешнеполитических удач и провалов на протяжении всей ее истории.

II. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Таким образом, как показывает накопившийся в историографии опыт разработки частных вопросов в области взаимоотношений понтийского византизма с миром Востока, наиболее важны тут по степени информативности, во-первых, греческий, во-вторых, персидский, в-третьих, арабский, и только в-четвертых, турецкий-османский комплексы документов. Исходя из этой общей посылки, в следующем ниже обзоре источников наиболее подробное описание будет дано только тем базовым источникам мусульманского круга, без привлечения которых на языках оригинала полноценная история Трапезундской империи вряд ли может быть написана. В настоящем обзоре будут охарактеризованы наиболее значимые для нашей темы источники, полный их список содержится в конце работы.

³³ *Шукуров Р. М.* Три жизни одного прорицания // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология... М., 1996. С. 168–178; *Он же.* Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2 / Под ред. С. П. Карпова М., 1995. С. 68–103; *Он же.* Латентная тюркизация: опыт византийского Понта // *Byzantium. Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies.* University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. № 3126; *Он же.* Имя и власть на византийском Понте. С. 194–234; *Он же.* Трапезундский городок 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // *ВВ.* 1999. Т. 58 (83). С. 47–59; *Shukurov R.* *AlMA: the blood of the Grand Komnenoi* // *BMGS.* 1995. Vol. 19. P. 161–181; *Idem.* Three Lives of One Prophecy // *The Humanities in Russia: Soros Laureates (Psychology, History...).* Moscow, 1997. P. 87–91; *Idem.* Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // *Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Sevchenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology.* Shepherdstown. 1996. P. 75–81; *Idem.* Horizons of Daily Interest // *Byzantinische Forschungen.* 1999. Bd. 25. P. 1–14; *Shukurov R.* *The Byzantine Turks of the Pontos* // *Mésogeios.* P., 1999. Т. 6. P. 7–47.

³⁴ См. библиографический список в конце книги.

1. НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

В этот раздел включены исторические, географические, агиографические сочинения, энкомии, краткие записи и фрагменты исторического характера.

а) Понтийские греческие источники

1. Основной греческий источник нашей работы — «Трапезундская хроника», начатая Михаилом Панаретом и законченная анонимным автором. Михаил Панарет (род. ок. 1320/30 г. — ум. в 1390-х гг.) в 1351–1379 гг. был в числе приближенных трапезундского императора Алексея III (1349–1390), под 1363 г. он говорит о себе как о *протосевасте* и *протонотари* двора. Начатая им хроника, отражавшая официальную точку зрения, охватывает период с 1204 по 1426 гг. Первая часть (события 1204–1332 гг.) писалась им по не дошедшим до нас источникам, вторая часть (1332–1390 гг.) составлена на основе наблюдений самого Панарета и, вероятно, каких-то хронологических записей, третья часть (события 1390–1426 гг.) добавлена неизвестным продолжателем хроника³⁵. Достоверность сведений, сообщаемых в хронике, весьма высока. Значительной долей информации о взаимоотношениях Трапезунда и восточных правителей в XIII–XIV вв. мы обязаны именно Панарету — многие из его сообщений уникальны. Особенно важна его хроника для реконструкции взаимоотношений Великих Комнинов с мелкими тюркскими эмирами мусульманского Понта в XIV в. Причем значимы не только те сведения, которые Панарет зафиксировал эксплицитно, но и имплицитная тенденция в его повествовании, зачастую подающаяся реконструкции и несущая дополнительную информацию о роли тюрков во внутренней жизни империи (см. гл. III).

Существует несколько изданий хроника, наиболее авторитетное из которых — О. Лампсидиса³⁶. Русский перевод хроника, выполненный А. Хахановым, изобилует ошибками и для исследовательских целей непригоден³⁷.

³⁵ Общую характеристику хроника и биографию Михаила Панарета см.: *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 480; *Карпов С. П.* Культура Трапезундской империи // *Культура Византии*. М., 1991. Т. 3. С. 95–96; *Bryer A.* The Faithless Kabazitai and Scholarioi // *Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for R. Browning* / Ed. Ann Moffatt. Canberra, 1984. P. 309–327 (= *idem*. *Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus*. № VII).

³⁶ *Panaretos = Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon* / Ed. Od. Lampsidis. Athena, 1958; там же указаны предыдущие европейские издания «Хроника».

³⁷ *Панарет Михаил*. Трапезундская хроника / Греческий текст с переводом, предисловием и комментариями издал А. Хаханов. М., 1905. Современные грузинские переводы хроника: *Гамкрелидзе А.* «Трапезундская хроника» Михаила Панарета // *Материалы для истории Грузии и Кавказа*. Вып. 33. Тбилиси, 1960; *Каухчишвили С. Г.* Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1967. Т. 7. С. 164–224.

Отрывки, касающиеся греко-тюркских взаимоотношений, переведены на английский и подробно откомментированы Э. Брайером³⁸.

2. Центральное место для реконструкции истории трапезундско-сельджукских отношений в 1220–1230-х гг. занимает агиографическое сочинение Иоанна Лазаропула «Синописис чудес св. Евгенія». В 1364–1367 гг. он занимал митрополичью кафедру в Трапезунде под именем Иосифа. В первую очередь нас интересовал хорошо известный в науке отрывок из «Синописиса», посвященный масштабному трапезундско-сельджукскому столкновению, которое завершилось пленением предводителя тюрков загадочного Султана-Малика. Теперь текст Иоанна Лазаропула доступен в добротном издании шведского исследователя Й. Розенквиста³⁹. В гл. II (часть I) настоящей работы нами дана новая реконструкция и интерпретация этого источника, согласно которой в основе пассажа о «Малике» лежало три отдельных эпизода из пространного понтийского текста историографического характера, составленного около 1230 г.

3. Весьма важны для наших целей произведения Андрея Ливадина (род. в 1310-х — ум. после 1361 г.), константинопольца, ритор и астролога, жившего в Трапезунде примерно с 1335 г. и, по крайней мере, до 1361 г. В Трапезунде он был вхож в императорский дворец и, как видно, был принят в кругах высшей трапезундской знати. В гражданской войне 1340–1355 гг. он много бедствует, приняв сторону мятежных Схолариев. После окончания войны вновь оказывается при императорском дворе⁴⁰. Андрей Ливадин оставил после себя целый ряд текстов в разных жанрах. Наиболее важными для наших задач оказались его «Путевые записки» («Периигисис»), прозанческое «Исповедание веры», а также несколько стихотворных произведений («Ямбы на Рождество Богородицы», «Стихи на Успение Богородицы»)⁴¹. «Периигисис» составлен после 1355 г., другие упомянутые тексты — осенью 1361 г.⁴² Именно у Андрея Ливадина в «Периигисисе» дается уникальное для всей понтийской историогра-

³⁸ Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 143–148 (Appendix I).

³⁹ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996. LzS: P. 308–335. Там же см. о жизни и других произведениях Иоанна Лазаропула, а также: Карпов С. П. Культура Трапезундской империи. С. 96–97, 99. О других изданиях и переводах этого источника см. в гл. II.

⁴⁰ Биографические сведения см.: Libadenos = Andreou Libadenou bios kai erga / Ed. O. Lampsides // AP (Parartema 7). Athena, 1975. P. 259–280; Карпов С. П. Новое издание Андрея Ливадина // ВВ. 1978. Т. 39. С. 263; Он же. Культура Трапезундской империи. С. 101–102; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur. Bd. I. S. 518; Trapp E. Aktualität in byzantinischen Reiseberichten // Zeitgeschichte und seine Darstellung im Mittelalter / Hrsg. von C. Cormeau. Bonn, 1995. S. 47–58; Schreiner P. Byzantinische Orientreisende im 14. Jahrhundert // ZDMG. Supplement VI. Wiesbaden, 1985. S. 143–146.

⁴¹ Libadenos. P. 39–87; 88–96; 105–108; 109–112.

⁴² Ibid. P. 223, 229–230.

фии указание на то, что уже к середине XIV в. в районах Кеихрины и Керасунта, контролируемых Великими Комнинами, расселились торки, с которыми местные греческие общины находились в симбиотическом балансе.

Тексты Андрея Ливадина представляют перегруженными риторикой и малоинформативными, поэтому должным образом они до сих пор не анализировались в современной науке. Однако, как показывает опыт обращения к ним, приводимые Ливадином сведения уникальны, точны и весьма ценны не только для политической истории, но идейной и социальной. Конкретное историческое содержание произведений Андрея Ливадина еще ждет своего исследователя. Мы пользовались последним и наилучшим изданием сочинений Андрея Ливадина, осуществленным Од. Лампсидисом⁴³.

3. Исторический труд Лаоника Халкокондила (род. в 20–30-е гг. XV в. — ум. во второй половине XV в.). Его сочинение начинается с Сотворения Мира и доводится до 1463 г., изложение наиболее подробно для событий XV в. Сведения Лаоника о Трапезундской империи (как в «трапезундских интерполяциях», так и в авторском тексте) особенно важны для истории взаимоотношений империи с Османами, Тимуридами, сефевидским шейхом Джунайдом. Большая часть материала в его труде, касающегося истории Трапезундской империи, почерпнута Халкокондилем из анонимного понтийского источника, текст которого, по-видимому, без существенных изменений вошел в его сочинение⁴⁴.

4. Другие источники трапезундского происхождения, несущие значимую для нас информацию: энкомий Алексею II (1297–1330) Стефана Струпула (нач. XIV в.), «Энкомий св. Евгению» Константина Лукита — *протонотария* и *протоветиария* Трапезундской империи, астрологический «Трапезундский гороскоп 1336 г.» и ряд других менее значительных текстов и мелких фрагментов, которые будут упомянуты в своем месте⁴⁵.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ О жизни и сочинениях Лаоника Халкокондила см.: *Cazacu M. Les parentés byzantines et ottomanes de l'historien Laonikos Chalkokondyle (c. 1423–c. 1470) // Turcica. 1984. T. XVI. P. 95–114. См. также: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur. Bd. I. S. 485; Веселаго Е. Б. Лаоник Халкокондил. «История» (из книги VIII) // ВВ. 1953. Т. 7. С. 431–433; Она же. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. 1958. Т. 12. С. 205–217. О «трапезундских интерполяциях» в сочинение Лаоника см.: *Grecu V. Zu den Interpolationen im Geschichtswerk des Laonikos Chalkokondyles // Académie Roumaine. Bulletin de la section historique. 1946. T. 27. P. 92–94; Карнов С. П. Культура Трапезундской империи. С. 97–98.**

⁴⁵ Текст Струпула см.: *Papatheodorides Tr. Anekdotoi stichoi Stephanou tou Sgouropoulou // AP. 1954. T. 19. P. 263–282; произведение Лукита см.: Rosenquist J. O. The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. (Lk) P. 164–165; Трапезундский гороскоп см.: *Trapezountiakon horoskopion tou etous 1336 / Ed. Sp. Lampros // NE. 1916. T. 13. P. 33–50; английский перевод гороскопа.**

б) Западно-византийские источники

Западно-византийские нарративные источники, создававшиеся на территории Никейской и Палеологовской Византии и других западно-византийских землях, долгое время составляли в исследовательской литературе основную источниковую базу для написания истории Трапезундской империи. Наиболее полный анализ данных западно-византийской литературы о Понте в эпоху Великих Комнинов принадлежит перу С. П. Карпова⁴⁶. Для наших целей, помимо «Истории» упомянутого Лаоника Халкокондила, наиболее полезными оказались историческое сочинение и речи Никиты Хониата (XIII в.), Дуки (XV в.), Георгия Сфрандзи (XV в.)⁴⁷, «Энкомий Трапезунду» уроженца Трапезунда Виссариона Никейского, составленный в 1436–1437 гг., и другие, которые будут упомянуты ниже в тексте книги⁴⁸.

в) Восточные нарративные источники

Сочинения на фарси.

Из всех восточных источников оказалась наиболее информативной для нашей темы малоазийская историография на языке фарси⁴⁹.

Mercier R. An Almanac for Trebizond for the Year 1336. (Corpus des astronomes byzantins, VII). Louvain-la-Neuve, 1994. P. 147–156.

О Срупуле и Луките см.: *Карпов С. П. Культура Трапезундской империи. С. 100–101. О Трапезундском гороскопе см.: Varvounis M. G. Opseis tes kathermerines zoes sten Trapezounta tou 14 aiona — he martyria tou horoskopiou tes Trapezountos (1336) // AP. 1994. T. 45. P. 18–36; Шукуров Р. М. Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. ... // Shukurov R. Horizons of Daily Interest...*

⁴⁶ *Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164; см. также: Он же. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.*

⁴⁷ *Nicetas Choniates. Historia / Ed. J. L. van Dieten. Berlin; N. Y., 1975. Vol. 1–2. (авторитетный английский перевод сочинения: Magoulias H. J. O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984); Nicetas Choniates. Orationes et epistulae / Rec. J. A. van Dieten. Berlin, 1972; Ducas. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958 (авторитетный английский перевод сочинения: Magoulias H. J. Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. Detroit, 1975); Sphrantzes. Memorii 1411–1477. In anexa Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. București, 1966. Об этих авторах и их сочинениях см.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur. Bd. 1. S. 430–504.*

⁴⁸ *Bessarion. Enkomion eis Trapezounta / Ed. O. Lampsides. AP. 1984. Т. 39. P. 20–72; Lampsides O. Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt // BZ. 1935. Bd. 35. S. 15–17; Stormon E. J. Bessarion before the Council of Florence. A survey of his early writings (1423–1437) // Byzantine Papers / Ed. E. & M. Jeffreys, A. Moffatt. Canberra, 1981. P. 128–156; Карпов С. П. Культура Трапезундской империи. С. 86–87, 103–104.*

⁴⁹ Обзор анатолийской литературы на фарси см.: *Ateş A. Hicri VI–VIII. (XII–XIV.) asırlarda Anadolu'da farsça eserler // Türkiye Mecmuası. 1945; Köprülü M. F. The Seljuks of Anatolia. Their History and Culture According to Local Muslim*

1. Основной источник по истории трапезундско-сельджукских отношений в XIII в. — сочинение Ибн Биби. Автор — ал-Хусайн б. Мухаммад б. ‘Али ал-Джа‘фари ал-Ругади Насир ал-Дин Ибн Биби (род. ? — ум. после 1284/85 г.), был одним из служащих дивана (султанской канцелярии). Предки Ибн Биби, по всей видимости, происходили из Мазандарана, из селения Ругад. Отец Ибн Биби, Маджд ал-Дин Мухаммад Тарджуман (ум. III/1272), выходец из иранской области Джурджан, сначала служил при дворе хорезмшаха Джалал ал-Дина, а затем перешел на службу к сельджуку султану ‘Ала ал-Дину Кай-Кубаду I (1219–1236). Его мать Биби-и Мунаджжима (Госпожа-астролог) была дочерью видного нишапурского улема, до переезда в Анатолию долгое время находилась при дворе хорезмшаха Джалал ал-Дина. Она славилась точностью своих астрологических предсказаний. Так что, свой литературный псевдоним (*takhal-luṣ*) — «Ибн Биби», т. е. «Сын Госпожи», — наш автор взял от имени матери, которая, как полагают, могла быть более знаменитой, чем ее муж⁵⁰.

Хроника Ибн Биби известна под полным названием, данным ей самим автором, — «ал-Авामीр ал-‘Ала’ийя фй ал-умур ал-‘Ала’ийя» («Повеления ‘Ала [ал-Дина Джувайни] относительно дел ‘Ала [ал-Дина Кай-Кубада]»). Это название растолковано Г. Дудой, согласно которому, оно указывает на то, что труд был заказан иранским историком ‘Ала ал-Дином Джувайни⁵¹. Вместе с тем, никак не отменяя бесспорной реконструкции Г. Дуды, следует отметить, что это название имеет и другой, более общий смысл: «Повеления ‘Ала [ал-Дина Кай-Кубада] относительно царских дел», которое, вероятно, подразумевало и самим автором сочинения.

Ибн Биби — хороший стилист, несмотря на богатую риторику, его слог остается ясным, выражаемые смыслы сохраняют необходимую для исторического сочинения однозначность. Глубокие познания Ибн Биби в области персидского языка не вызывают сомнений, он, вероятно, воспринял их от своих родителей, принадлежавших к кругу иранских интеллектуалов. Не исключено, что он родился еще до переезда его родителей к сельджукам, а, следовательно, свои молодые годы провел в иранской среде при дворе Джалал ал-Дина.

Sources / Transl. and ed. by G. Leiser. Salt Lake City, 1992. Об анатолийских персоязычных хрониках, включая сведения об их рукописях, изданиях и переводах, см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М., 1972. Ч. 2. С. 1247–1273 (раздел «История Малой Азии и Турции»).

⁵⁰ Биографические сведения об Ибн Биби и его родителях см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1247; *Erzi A. S.* Ibn Bibi // *IA.* С. 5; *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 2–6 ff.; *Idem.* Ibn Bibi // *El’; Köprülü M. F.* The Seljuks of Anatolia. Their History and Culture According to Local Muslim Sources / Transl. and ed. G. Leiser. Salt Lake City, 1992. P. 10.

⁵¹ *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 5.

Историческое сочинение Ибн Биби — первая дошедшая до нас «История» Сельджукидов Рума, она освещает историю Румского султаната с 1192 по 1280 гг. До начала царствования «Ала ал-Дина Кай-Кубада» сообщения Ибн Биби, хоть и носят краткий и схематичный характер, вполне доброкачественны и оригинальны. В этой части сочинения мало дат, и повествование строится на относительных датировках, к которым нужно относиться с известной долей осторожности. События 1219–1280 гг. освещены наиболее подробно и снабжены указаниями на точные даты. Большая часть хроники посвящена истории 1237–1280 гг. В центре внимания Ибн Биби находится военная история и история государственных институтов Румского султаната. По своим политическим убеждениям Ибн Биби принадлежал к горячим противникам монголов. Культурная (литературная, богословская, суфийская) история мусульманского Рума стоит на втором плане. Сочинение Ибн Биби является самым подробным и достоверным восточным источником по сельджукско-трапезундским отношениям в 1214–1277 гг. Четыре сообщения Ибн Биби прямо относятся к истории Трапезундской империи: 1) рассказ о взятии Синопа сельджуками в 1214 г.; 2) сообщение об участии понтийских ромеев в битве при Кёседаге в 1243 г.; 3) сообщение о взятии Синопа сельджуками в 1265/66 г.; 4) сообщение о неудачной попытке трапезундцев отвоевать Синоп в 1277 г. Анализ этих отрывков будет дан ниже в гл. I и II.

Среди источников Ибн Биби можно выделить два основных пласта — 1) устная придворная традиция, на которой он основывался для написания первой, наименее подробной части своего сочинения; 2) для событий произошедших на его памяти — документы султанской канцелярии, возможно, какие-то записи исторического характера (которые привлекались автором и для первой части повествования), рассказы очевидцев событий и собственные воспоминания автора.

Хроника сохранилась в двух вариантах: полном в единственной рукописи Айя София 2985 и сокращенном («Мухтасар», по-персидски *mukhtasar* — «сокращение»); «Мухтасар» был составлен в 1284/85 г. анонимным автором и сохранился в двух рукописях⁵². Автор «Мухтасара» добавил ряд дат в оригинальное произведение Ибн Биби. Хотя сокращение было произведено вполне корректно, однако в ряде случаев (но далеко не во всех) выпали исторически значимые детали. Полный вариант полностью издан в виде факсимиле рукописи Айи Софии⁵³, сокращенный — наборным текстом⁵⁴. В правление турецкого султана Мурада II

⁵² *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1248–1249.

⁵³ *Ibn Bibi. El-Evami'rü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Onsöz ve fihristi hazırlıyan A. S. Erzi. Ankara, 1956.* Турецкими исследователями предпринято и наборное издание полного текста, однако вышел только первый том его, охватывающий события до восшествия на престол «Ала ал-Дина Кай-Кубада I: *Ibn Bibi. El-Evami'rü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Neşr edenler N. Lugal, A. S. Erzi. T. 1. Ankara, 1957.*

⁵⁴ *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjoucنامه d'Ibn-Bibi / Texte persan publié... par M. H. Houtsma. Leide, 1902.*

(1421–1451) Йазиджи-оглу «Али поместил перевод сочинения Ибн Биби без упоминания имени автора в свой «Таварих-и Ал-и Салджук» (или «Огуз-нама»). Переводчик основательно отредактировал и в некоторых случаях дополнил персидский текст, создав, по-существу, новый вариант сочинения⁵⁵. Однако тюркский вариант сочинения мало пригоден для реконструкции истории XIII в. из-за вкрадшихся в него анахронизмов⁵⁶.

Существуют переводы нескольких извлечений из «Мухтасара» на русский язык⁵⁷. Немецкий перевод всего «Мухтасара» с добавлениями из полного варианта хроники, исполненный Г. Дудой, заслуживает наивысшей оценки⁵⁸. Вместе с тем, нельзя забывать, что перевод Г. Дуды основан на сокращенном «Мухтасаре» и, как показал наш опыт, не отменяет необходимость обращения к оригиналу полного персидского варианта⁵⁹.

2. «Мусâмарат ал-ахбâr ва мусâйарат ал-ахйâr» («Беседа известий и гармония благ») — важный источник по концу XIII — началу XIV вв. принадлежит перу Махмуда б. Мухаммада Карим ал-Дина Аксарайи. Карим ал-Дин (род. в сер. XIII в. — ум. между 1323–1327) служил в диване сельджуков султанов, в 1286–1298 гг. был приближенным монгольского правителя Анатолии Муджир ал-Дина Амир-шаха, занимая должность, по-видимому, в финансовом ведомстве. Вместе со своим господином дважды ездил в ставку Ильханов (в 1286/87 и 1298 гг.). В начале XIV в. он управлял *вакфами* Малой Азии, владел крепостью Салима у Аксарая. В 1332/33 гг. один из современников упоминает о нем как о покойном⁶⁰.

⁵⁵ Сочинение Йазиджи-оглу «Али издано: *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjoudnameh d'Ibn-Bibi / Texte turc publié...* par M. H. Noutsma. Leide, 1897.

⁵⁶ На тексте Йазиджи-оглу «Али основана известная монография В. Гордлевского (*Гордлевский В.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.: Л., 1941), которая в силу недоброкачества данных Йазиджи-оглу безнадежно устарела, несмотря на множество содержащихся в ней блестящих интерпретаций и выводов (см. об этом: *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 443–444).

⁵⁷ Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. Т. 25. С. 53–77. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.: Л., 1941. С. 25–26. Русский перевод из турецкого переложения хроники XVI в. («Сельджукнаме» Языджи-оглу Али): Мелиоранский П. И. Сельджук-наме как источник для истории Византии XII–XIII вв. // ВВ. 1892. Т. 1. С. 613–640.

⁵⁸ Duda H. W. Die Seldschukengeschichte des Ibn Bibi.

⁵⁹ О других переводах, изданиях и описаниях сочинения Ибн Биби, ныне имеющих скорее историографическую, чем практическую значимость см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1248–1250; *Erzi A. S.* Ibn Bibi // *IA.* С. 5.

⁶⁰ Биографические данные см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1251; *Köprülü M. F.* The Seljuks of Anatolia. P. 10–12; *Kerimuddin Mahmud Aksarayi.* Musameret ul-ahbar. Moğollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi i Mukaddime ve haşiyelerle tashih ve neşreden O. Turan. Ankara, 1944 (далее —

Карим ал-Дин составил свой исторический труд в 1323 г. и посвятил его монгольскому наместнику в Анатолии Тимурташу (1317–1327). Он сохранился в двух рукописях — полная в библиотеке Айя София (3143) и дефектная — в Ени Джами⁶¹. Заслуга открытия сочинения для современной науки принадлежит русскому востоковеду В. В. Бартольд, который квалифицировал «Мусамарат» как уникальный источник перво-степенной важности, провел начальную работу по введению его в контекст известных сведений по истории Анатолии и Ирана⁶².

Аксарайи пытался воспроизвести в своем сочинении стиль высокой персидской прозы, его язык предельно усложнен риторическими излишествами. Аксарайи был профессиональным чиновником и, следовательно, по долгу службы обладал неплохим знанием арабского. Стилевой изысканности в своей прозе он стремился достичь неумеренным использованием арабизмов. Аксарайи действительно удалось создать не простое для понимания повествование, однако вряд ли его проза может быть причислена к лучшим образцам изящной словесности — она слишком тяжело-весна, ей недостает подлинно персидской свободы в идиоматической игре. Можно поэтому предположить, что Аксарайи учился литературному персидскому языку в Анатолии, но не в Иране. Однако надо отдать должное Аксарайи — его настоячивые попытки породить риторическую красоту в большинстве случаев не сказались на логичности и читаемости излагаемых смыслов⁶³.

Свое повествование Аксарайи начинает с рассуждений о пользе истории и основных системах летоисчисления (*асл* I), затем переходит к истории мусульманского мира от Мухаммада (VII в.) до вторжения монголов (*асл* II), далее он излагает историю Сельджуков Ирана и Анатолии до сер. XIII в. (*асл* III). Наиболее подробно последняя, четвертая

Aksarayi). S. 32–40; *İşiltan F.* Die Seltschuken-Geschichte des Akserayi. Leipzig, 1943. S. 18–26; *Becqué-Gramment J.-L.* al-Aksarayi // *Et*.

⁶¹ *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1252; *Köprülü M. F.* The Seljuks of Anatolia. P. 11;

⁶² *Бартольд В. В.* О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке) // *ЗВО*. 1908. Т. XVIII. С. 119–137 (= *Он же*. Сочинения. Т. VIII). В. Бартольд обнаружил только рукопись Ени Джами⁶¹ и ничего не знал о другом, полном списке, поэтому упомянутая его работа не избежала существенных лаку.

⁶³ Однако, надо отметить, что смыслы все же временами теряются в переплетениях риторики — само арабское заглавие сочинения озадачивает современно-го исследователя. О. Туран даже предложил исправить его на «Мусамарат ал-ахйар ва мусайарат ал-ахбар» или «Беседа благ и гармония известий», чтобы придать ему менее экстравагантный смысл. Однако, возможно, что наши придирки по отношению к названию сочинения беспочвенны. Не исключено, что изобретено это название было не самим Аксарайи, но кем-то другим: оно содержится в приписке на л. I рукописи Ени Джами⁶¹. Пометка на рукописи Айи Софии дает другое название — «Тазкира-и Аксарайи» или «Антология Аксарайи» (*Aksarayi*. S. 31, 366).

часть (асл) сочинения, посвященная истории Рума во второй половине XIII в. Карим ал-Дин дает независимую от Ибн Биби информацию (он ни разу не упомянул этого имени и, вероятно, не знал о существовании «Авамир ал-«Ала'ийа»), опираясь на собственные воспоминания и отчеты участников событий. Чрезвычайно важны его сведения о Западном Понте и бывшей византийской Пафлагонии. В отношении Восточного Понта и территории Трапезундской империи Аксарайи не столь информативен, этот регион мало интересовал его. Прямо к нашей теме относится только рассказ Аксарайи об отторжении у Великих Комнинов Синопа, предпринятом сельджуками в 1265/66 г. Аксарайи приводит также сообщение об атаке на Синоп неких загадочных «франков» в 1298 г. Кроме того, Аксарайи дает уникальный материал для реконструкции хода кочевых нашествий в Понте в конце XIII в. (см. гл. II и III).

Наборное критическое издание 3 и 4 частей сочинения осуществлено в 1944 г. Османом Тураном⁶⁴. Существует подробный немецкий пересказ сочинения, выполненный Ф. Ишильтаном⁶⁵.

3. «Базм-у разм» («Пир и битва») «Азиза (или «Абд ал-«Азиза) б. Ардашира Астарабди — основной источник для истории Северо-Восточной Анатолии в последней четверти XIV в. «Азиз Астарабди (род. ? — ум. рубеже XIV и XV вв.) некоторое время жил в Багдаде (до 1393 г.). После взятия Багдада Тимуром он попал в плен к сыну завоевателя Мираншаху. «Азиз Астарабди бежал и нашел убежище в Сивасе. Вскоре, в 1394 г., он вошел в число приближенных султана Сиваса Кази Бурхан ал-Дина Ахмада. После смерти Бурхан ал-Дина в 1398 г. он отправился в Каир, где и встретил свою смерть, упав с высокой крыши⁶⁶.

«Азиз Астарабди — великолепный стилист, обладавший изысканным и легким пером. Его историческое сочинение должно быть поставлено в один ряд с лучшими образчиками персидской исторической прозы рубежа XIV и XV вв. Литературный талант «Азиза Астарабди был оценен уже современниками — Ибн «Арабшах писал о нем: «чудо нашего века, как в прозе, так и в поэзии, арабской и персидской»⁶⁷. Это неудивительно, поскольку большую часть жизни, как видно, он провел в иранской среде, в которой и сложился как высокопрофессиональный стилист. Однако формально его относят к «турецким» историографам и потому он мало известен иранистам-литературоведам.

⁶⁴ *Aksarayi*.

⁶⁵ *Isiltan F.* Die Seltschuken-Geschichte des Akserayi.

⁶⁶ Биографические данные см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1253; *Giesecke H.* Das Werk des 'Azîz ibn Aradašîr Astarâbâdî. Eine Quellen zur Geschichte des Spätmittelalters in Kleinasien. Leipzig, 1940. S. 5–19; *Aziz ibn Ardašîr Astarabadi*. Bazm-u razm / [Hazırlıyan Kilisli Muallim Rif'at], F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. Istanbul, 1928 (далее — Bazm-u razm). S. 7–13.

⁶⁷ Цитата по: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 1253.

Его сочинение, составленное в 1398 г., по существу представляет собою развернутую и подробную биографию султана Бурхан ал-Дина. 'Азиз Астарабади — историк хорошо информированный и точный до скрупулезности. Большое внимание уделяется в хронике «культурной истории» — биографиям и трудам анатолийской мусульманской интеллектуальной элиты. Наиболее детально события изложены для 1381–1396 гг. В нашей работе это сочинение преимущественно использовалось для реконструкции истории мусульманского Понта и припонтийского региона. В сочинении дается подробная история Джаникского эмирата, эмирата Хаджи Амира, Мутаххартана, туркмен *ак-куйунлу* и др. ближайших союзников, политических и торговых партнеров Великих Комнинов. Эта информация позволила более подробно, чем прежде, обрисовать внешнюю политику Трапезундской империи в конце XIV в. (см. гл. III). Непосредственно к истории Трапезунда относится лишь одно важнейшее сообщение, не встречающееся в других источниках — захват тюрками Керасунта в 1396/97 г. (см. гл. III и IV).

Критическое издание «Базм-у разм» было осуществлено Килисли Муаллимом Рифатом в 1928 г. и снабжено пространным предисловием Фуада Кёпрюлю⁶⁸. Существует подробный немецкий пересказ сочинения, выполненный Г. Гизеке⁶⁹, которым до сих пор пользуются византилисты.

4. «Китаб-и Дийарбакрийа» («Книга о Дийарбакре») Абу Бакра Тихрани-Исфагани — основной источник по истории султанага Ак-Куйунлу, Западного Ирана, Северо-Восточной Анатолии в конце XIV–XV в.

О жизни Абу Бакара (род. ? — ум. после 1478) известны только те отрывочные сведения, которые он сообщил о себе в своем сочинении. Жизнь его, в общем типичная для иранских интеллектуалов того времени, была наполнена неожиданными переменами, переездами и путешествиями, придворными увеселениями и чиновничьим трудом. Он происходил из селения Тихран под Исфаганом и к 1447 г. жил в Исфагане. После захвата Исфагана Джahan-шахом Кара-Куйунлу в 1452 г. он перешел на службу к правителям Кара-Куйунлу и получил место секретаря (*мунши*) в дворе царевича Мухаммади-мирзы. Он участвовал во многих военных кампаниях в Иране и Хорасане, а в 1457 г. ему удалось склонить жителей Дамгана сдать город без боя. Как рассказывает Абу Бакр Тихрани, в 1462 г. во время похода на Шираз он гадал по дивану стихов Хафиза об исходе военной кампании. Результаты гадания потом обсуждались на совете эмиров⁷⁰. Насколько нам известно, это одно из самых ранних указаний на практику гадания на стихах Хафиза, получившую широкое рас-

⁶⁸ Bazm-u razm.

⁶⁹ Giesecke H. Das Werk des 'Aziz ibn Aradašir Astarābādī.

⁷⁰ Abu Bakr Tihrani-Isfahani. Kitab-i Diyarbakriyya / Hazirlıyanlar N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1962–1964. Т. 1–2. Т. 2. Р. 363; Шукуров Р. Ходжа Хафиз и будущее // Культурное наследие Ирана на пороге XXI века. М., 2001. С. 170–177.

пространение в последующем. В 1469 г., после разгрома султаната Кара-Куйунлу Узун-Хасаном (1457–1478), он перешел на службу в диван султаната Ак-Куйунлу, где получил должность *мунши*. Сохранилось несколько документов, написанных Абу Бакром от имени Узун-Хасана. Дата его смерти неизвестна, но он пережил Узун-Хасана, скончавшегося в 1478 г.⁷¹

Его сочинение, начатое в 1470/71 г., посвящено Узун-Хасану. Абу Бакр ставил своей целью дать полную историю туркмен *ак-куйунлу* вплоть до времени Узун-Хасана. Историю туркмен *ак-куйунлу* он начинает с XIII в., но лишь с событий 1389 г. изложение становится подробным. Для ранней истории туркмен *ак-куйунлу* наряду с устной традицией Абу Бакр использовал, по всей видимости, какие-то хроники или другие тексты исторического характера. Некоторые периоды не освещены в хронике вовсе — так, например, события 1408–1419, 1424–1428, 1429–1433 гг. практически опущены. События 1441–1444 и 1446–1450 гг. даны очень кратко. Однако начиная с 1450 г. изложение становится очень подробным. Абу Бакр опирался в своем повествовании преимущественно на собственные воспоминания, свидетельства современников, а также документы султанского архива. Еще в 1458 г. султан Джахан-шах поручил ему написание истории Кара-Куйунлу, поэтому можно предположить, что в хронике вошли и какие-то более ранние записи Абу Бакра Тихрани. На это указывает и наличие в сочинении Абу Бакра как бы двух параллельных линий повествования — события излагаются то с точки зрения Кара-Куйунлу, то — Ак-Куйунлу.

«Китаб-и Дийарбакрийа» содержит ряд сообщений первостепенной важности по истории трапезундско-туркменских отношений и, в первую очередь, следующие эпизоды: 1) сообщение о столкновении эмира *ак-куйунлу* Кутлу-бека с понтийскими греками и пленении им *деспины*, дочери трапезундского императора в середине XIV в.; 2) сообщение о выплате *хараджа* Трапезундом Мутаххартану, эмиру Эрзинджана в 80-х гг. XIV в. (оба этих известия подробно обсуждаются в гл. III нашей работы); 3) известие о прибытии под Эрзинджан на помощь к эмиру *ак-куйунлу* Кара-Йулуку Усману «трапезундского султана» (см. гл. IV настоящей работы); 4) обширный и чрезвычайно важный отрывок, посвященный предыстории взятия Трапезунда османами в 1461 г., перевод которого помещен в Приложении 2 к настоящей работе. Помимо этих четырех ключевых сообщений Абу Бакра, его известия широко использовались для реконструкции взаимоотношений между эмирами мусульманского Понта в конце XIV–XV вв.

Абу Бакр был человеком блестяще образованным, обладавшим изысканным и ясным слогом. Сведения, им сообщаемые, весьма достоверны, его

⁷¹ Биографические сведения об Абу Бакре см.: *Стори Ч. А.* Персидская литература. Ч. 2. С. 846–847; *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. VII–XVI (предисловие издателей его сочинения).

сочинение получило высокую оценку уже у младших современников⁷². «Китаб-и Дийарбакриййа» сохранилось в единственном дефектном списке (лишенном конца), который был издан турецкими историками Н. Лугалом и Ф. Сюмером⁷³. О последней несохранившейся части сочинения для событий 1472–1474 гг. можно судить по компиляции Хасан-бека Румлу, включившего извлечения из «Китаб-и Дийарбакриййа» в свой исторический труд. Эти части из хроники Хасан-бека Румлу приведены в издании Н. Лугала и Ф. Сюмера.

5. «Хашт бихишт» («Восемь [кругов] рая») ⁷⁴ Идриса Бидлиси — одно из наиболее авторитетных и подробных исторических сочинений османской историографии, составленное в XVI в. Автор — Хаким ал-Дин Идрис б. Хусам ал-Дин «Али ал-Бидлиси (род. ? — ум. 1520 г.), курд по происхождению, сначала служил при дворе султана Ак-Куйунлу Иакуба (1478–1490), с 1501 г., в связи с разгромом султаната Ак-Куйунлу Сефевидами, он бежал к турецкому царевичу Селиму в Трапезунд. Всю жизнь Идрис Бидлиси оставался последовательным противником государей Ирана. В диване султана Байазид II (1481–1512) Идрис Бидлиси занимал должность *мунши*. В 1515 г. он был наместником от имени османов в Курдистане. Он был связан дружескими узами с османским царевичем, а позже султаном Селимом I (1512–1520). Идрис Бидлиси принимал активное участие в утверждении османской власти в Курдистане, используя свой авторитет в среде курдской знати. Многие он сделал для организации управления курдскими землями. Могила Идриса Бидлиси находится в Стамбуле в Эййубе, рядом с Идрис-Кёшкю, в мечети, построенной его женой Зайнаб-хатун⁷⁵.

Свой труд Идрис начал по поручению Байазид II в 1502 г. При дворе этому труду, вероятно, придавалось большое значение: в 1511 г., в момент охлаждения отношений между Идрисом и стамбульским двором, историк пригрозил ославить турецких султанов в предисловии и заключении своего сочинения. Султан Селим I после своего восшествия на престол в 1512 г. вновь приблизил писателя ко двору⁷⁶. Сочинение

⁷² *Kh'and Amīr*. Ḥabīb al-siyar fī akhbār afrād al-bashar. Tehran, 1954. Т. 4. Р. 43: Х'андамир (XVI в.) с почтением упоминает труд Абу Бакра Тихрани, однако сетует, что ему не удалось ознакомиться с ним, по этой причине сам Х'андамир не смог описать царствование Узун-Хасана, султана Ак-Куйунлу, в подробностях. Другие ссылки на труд Абу Бакра в мусульманской историографии см. в Предисловии турецких издателей сочинения (*Abu Bakr Tihrani*).

⁷³ *Abu Bakr Tihrani*.

⁷⁴ Другое название сочинения, встречающееся в предисловии к нему, — «*Kitāb al-shifāt al-thamāniyya fī akhbār al-qayāsara al-uthmāniyya*» («Книга восьми качеств в известиях об Османских императорах»).

⁷⁵ Биографические данные см.: *Стори Ч. А. Персидская литература*. Ч. 2. С. 1255–1256; *Minorsky V. Bidlisi // EI²; Babinger Fr. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke*. Leipzig, 1927. S. 45–49.

⁷⁶ *Стори Ч. А. Персидская литература*. Ч. 2. С. 1256.

посвящено роду Османа и доведено до 1506/07 г. Сочинение разделено на восемь книг (*катаба* или *дафтар*) по числу описанных правлений (кн. 1 о предках Османов до эмира Османа включительно; кн. 2 об Орхане; кн. 3 о Мураде I; кн. 4 о Байазиде I; кн. 5 о Мехмеде I; кн. 6 о Мураде II; кн. 7 о Мехмеде II; кн. 8 о Байазиде II). Внутри книги подразделяются на разное количество *дастанов* и других более мелких подразделений (*джанах*, *калб*). В подборе фактического материала и интерпретации османской истории Бидлиси следовал традиции Рухи. Наряду с предшествующей османской историографией Идрис Бидлиси широко использовал документальный материал османской канцелярии. По наблюдению В. Менажа, в его сочинение был включен и ряд не дошедших до нас османских хроник⁷⁷.

Для истории Трапезундской империи наиболее важно повествование Идриса о походах в Понтийскую область Мехмеда I (1402–1421), Мурада II (1421–1451) и, особенно, Мехмеда II. Издание и перевод разделов о взятии Мехмедом II Синопа и Трапезунда в 1461 г. включены в Приложение к книге. Сообщения Идриса Бидлиси о падении Трапезунда является одним из самых полных в османской историографии. В этой части своего сочинения он, по всей видимости, использовал труд Турсун-бека (см. о нем ниже), наиболее авторитетного османского информатора о походе⁷⁸. Идрис Бидлиси подробно пишет о противостоянии между Мехмедом II и Узуун-Хасаном в преддверии похода на Трапезунд, упоминает о сопротивлении османам других крепостей на территории Трапезундской империи помимо самого Трапезунда, свидетельствует о сохранении части недвижимости за прежними владельцами.

Следует подчеркнуть, что сочинение Идриса Бидлиси, огромное по объему и насыщенное достоверной и часто уникальной информацией, еще ждет своего исследователя. По нашим сведениям, изданий сколько-нибудь пространных отрывков из него в науке еще не предпринималось. Одной из причин этого, по всей видимости, является огромное количество списков «Хашт бихишт», дошедших до нас в европейских и азиатских рукописных собраниях. Причем, из более чем семи десятков списков три стамбульских и один индийский из Банкипура квалифицируются как автографы или частичные автографы⁷⁹. Наличие такого большого числа

⁷⁷ О сочинении «Хашт бихишт» см.: *Şükrü M. Das Heşt Bihişt des İdris Bidlisi*. I. Teil: von den Anfängen bis zum Tode Orhans // *Der Islam*. 1931. Bd. XIX. S. 131–157; *İnalçik H. The Rise of the Ottoman Historiography // Historians of the Middle East / Ed. B. Lewis and P. M. Holt. Oxford, 1962. P. 162–167; Ménage V. The Beginnings of Ottoman Historiography // *Historians of the Middle East*. P. 176.*

⁷⁸ *İnalçik H. The Rise of the Ottoman Historiography*. P. 162

⁷⁹ *Şükrü M. Das Heşt Bihişt des İdris Bidlisi*. S. 132–133 (рукописи из стамбульских собраний Ас'ада, Нур-и Османье и Аяя София); *Catalogue of the Arabic and Persian manuscripts in the Oriental Public Library at Bankipore / Ed. Sir E. D. Ross J. A. Chapman and others. Calcutta, 1918. Vol. 6. № 532–534*; см. также: *Стори Ч. А. Персидская литература*. Ч. 2. С. 1257–1258.

списков, несомненно, указывает на широкую распространенность и ценность труда. Однако, вместе с тем, многочисленность рукописей чрезвычайно усложняет задачу для тех, кто попытался бы создать критический научный текст сочинения.

Другой причиной, вероятно, является явно избыточная языковая усложненность повествования, которая немало препятствует исследованию памятника. Хотя и считается, что Идрис Бидлиси возвысил своим сочинением османское историописание до уровня иранских историографических школ (подразумеваются тимуридские и сефевидские историки в первую очередь), я, однако, осмелюсь оспорить это широко распространенное убеждение. Если доброкачественность сообщаемой Идрисом Бидлиси информации, его феноменальная историческая эрудиция не вызывают сомнений, то его стиль представляется достаточно искусственным. Так же, как и Аксарайи (см. выше), Идрис Бидлиси подменяет красоту настоящей персидской риторики нагромождениями неудобоваримых арабизмов. Начав с одной грамматической конструкции, он временами завершает предложение другой, конфронтирующей с первой. Языку его не достает идоматичности, если избавиться от «трудных» слов и пышных эпитетов, то способы выражения мысли нередко предстают слишком прямолинейными и однообразными. Однако следует еще раз подчеркнуть, беспрецедентная информированность и трудолюбие автора сделали его сочинение уникальным по ценности источником.

6. Ниже перечислены другие наиболее информативные хроники на фарси. Анонимная «Тарих-и Ал-и Салджук» («История дома Сельджуков») составлена в начале XIV в.⁸⁰ Из нее использовались отрывки о взятии турками Синопа в 1214 и в 1265/66 гг. Хроника написана на «народном» фарси, который был распространен в городских анатолийских центрах и характеризовался обилием синтаксических и грамматических отклонений от литературной нормы. Вполне вероятно, что анонимный автор был по происхождению двуязычным тюрком, владевшим разговорными тюркским и персидским, а также начатками персидской грамоты; не исключено, что он принадлежал к среде *ахи* — «молодцов», ремесленных братств (*футува*), поскольку *ахи* в хронике уделено особое внимание⁸¹. В хронике часто фиксируется устное предание о событиях, изложенное в близкой к фольклору формах. В целом, к немногим оригинальным сведениям,

⁸⁰ Факсимильное издание уникальной рукописи из Парижской национальной библиотеки: *Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F. N. Uzluğ*. Ankara, 1952. Издание снабжено турецким переводом, который изобилует неточностями и пропусками. Критическое издание хроники, осуществленное иранской исследовательницей Надирой Джалали, дает в целом достоверное прочтение текста, но снабжено слабыми комментариями: *Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali*. Tehran, 1999.

⁸¹ Ср.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 153, 337, 353.

содержащимся в хронике, нужно относиться с крайней осторожностью, ибо весьма часто она неточна и туманна, а иногда — загадочна.

Некоторые уникальные сведения по истории трапезундско-туркменским отношениям в XIV в. содержатся в погодных хрониках «Тарих-и таквим» (««Календарная» история»), изданных О. Тураном⁸².

Анализировались также персидские сочинения ильханской и пост-ильханской эпох (среди которых неопубликованная рукопись весьма ценного сочинения Мухаммада Шабанкаран)⁸³, комплекс тимуридских хроник (среди которых один из списков хроники 'Абд ал-Раззака Самарканди и неизданное сочинение Джа'фара ибн Мухаммада по петербургской рукописи)⁸⁴, хроники по ранней истории сефевидов (включая неизданное сочинение Будака Мунши в петербургском списке)⁸⁵, иранские исторические сочинения XVI в. Мирх'анда (в частности, по одной из рукописей

⁸² Turan O. Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Ankara, 1954. (далее — Tarikh-i tagwim).

⁸³ Рашид ал-Дин. Джаме ат-Таварих. М., 1980. Т. 2. Ч. 1; Рашид ал-Дин. Сборник летописей. Т. 1–2. М.; Л., 1952–1960; Рашид ад-Дин. Джаме' ат-таварих. Т. III / Критический текст А. А. Ализаде, перев. А. К. Арендса. Баку, 1957; The Tarikh-i-Jahan-Gusha of Ala'u 'd-Din 'Ata Malik-i-Juwayni / Ed. with an introduction, notes and indices... by Mirza Muhammad ibn Abdul'l-Wahhab-i-Qazwini // E. J. W. Gibb Memorial Series. L., 1916. Vol. 16; *Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror* / translated by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1–2; *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби*. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Махмуд / Изд. критического текста, перевод с арабского, предисл., коммент., примеч. и указатели З. М. Бунятова. М., 1996; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1 (Извлечения из арабских сочинений). СПб., 1884; Т. 2 (Извлечения из персидских сочинений). М.; Л., 1941; *Loon J. B. van. Ta'rikhi Shaikh Uwais. An Important Source for the History of Adharbayjan in the 14th Century.* Hague, 1954; *Абу Бакр Кутби ал-Ахари*. Тарихи Шейх Увейс / Введ. пер. и комм. М. Д. Кязимова и В. З. Пирнева. Баку 1984; *Мухаммад Шабанкаран*. Маджма' ал-ансаб. СПб. Отд. рукописей ПФ ИВ РАН. С 372.

⁸⁴ 'Abd al-Razzaq Samarqandi. Matla' al-sa'adaayn. T. 1. Rieu, Add. 17. 928; *Абдулраззак Самаркандий*. Матлаи саадайн. Тошкант, 1969; *Шарафуддин Али Язди*. Зафарнама / Нашрга тайерлаш А. Уринбоевники. Тошкант, 1972; *Ali Yazdi. The Zafarnamah* by Maulana Sharafuddin Ali Yazdi Ed. by Mawlawi M. Iahdad. Vol. 1–2. Calcutta, 1885–1888; *Hafiz-i Abrū. Zayl-i ta'rikh-i Zafarnāma-yi Shāmi*. Tehran, 1949; *Nizamuddin Šami. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Šami avec des additions empruntée au Zubdat at-Tawarīhi Baysunguri de Hafizi Abrū* / Ed. F. Tauer. Praha, 1937–1956. Vol. 1–2; *Tag̃as-Saltanī. Šams al'husn. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 / Persischer Text ins Deutsche übertragen und kommentiert von H. R. Roemer.* Wiesbaden, 1956; *Джа'фар ибн Мухаммад*. Тарихи Джа'фарни. СПб., Публ. 6-ка. ПНС 201;

⁸⁵ *Будак Мунши Казвини*. Джавахир ал-ахбар. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 288 (уникальная рукопись); *Husayn 'Abd al-Zahidi. Silsilat al-nasab-i Safawiyya*. Berlin, 1928; *Qāndī Ahmad Ghaffāri Qazwini. Ta'rikh-i jahān-ārā*. Tehran, 1965.

его сочинения) и Х^вандамира⁸⁶, османские хроники на персидском — Шукр-Аллаха Заки (XV в., по петербургской рукописи и изданию) и Муслих ад-Дина Лари (XVI в., по петербургскому списку)⁸⁷ и др.

Сочинения на арабском языке.

Арабские хроники, написанные в Восточной Анатолии и Сирии, наиболее информативны для анатolianской истории XIII в. Хроники XIII в. содержат прямые упоминания Трапезундской империи. Арабские историографы Сирии и Египта в XIV и XV вв. в несравнимо меньшей степени интересовались византийским Понтом.

Нами исследовались хроники Ибн ал-Асира (XIII в., с привлечением одной из рукописей сочинения), Мухаммада ал-Хамави (XIII в.), Григория Бар Эбрея (Абу ал-Фараджа) (XIII в.), ал-Айни, Ибн Шаддада, Абу ал-Фиды (начало XIV в.), Макризи, Ибн Тагрибирды, Ибн Фурата, Ибн Халдуна, Ибн 'Арабшаха (все — для событий XIV–XV вв.) и др.⁸⁸ Кроме сочинений Ибн ал-Асира, Мухаммада ал-Хамави, Ибн Шаддада, Ибн 'Арабшаха, содержащих упоминания Трапезундской империи, остальные труды использовались нами преимущественно для выяснения фактов истории соприкосновения с Понтийской областью стран. Вообще, следует отметить, что

⁸⁶ *Мирх^ванд*. Равзат ал-сафа. СПб. Публ. 6-ка, Dorn 278; *Mirhh^вand*. Ta'rikhi Rawzat al-safa. Tehran, 1960. Vol. 6; *Kh^вand Amir*. Habib al-siyar fi akhbar afraad al-bashar. Tehran, 1954. T. 3–4.

⁸⁷ *Шукр-Аллах Заки*. Бахчат ал-таварих. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 785; *Seif Th.* Der Abschnitt über die Osmanen in Sükrüllahs persischer Universalgeschichte // Mitteilungen zur osmanische Geschichte. 1925. Bd. 2. S. 63–128; *Муслих ад-Дин Мухаммад Лари*. Мир'ат ал-адвар ва миркат ал-ахбар. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 427. Об этих авторах и их сочинениях см.: *Стюри Ч. А.* Персидская литература. Ч. 1. С. 359–360; 413–415.

⁸⁸ *Ибн ал-Асир*. Камил ал-таварих. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. D 373; *Ibn al-Athir*. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C. T. Tornberg. Leiden, 1853. T. 12; *Мухаммад ал-Хамави*. ат-Тарих ал-Мансури (Мансурова хроника) / Изд. текста, предисловие и указатели П. А. Грязневича. М., 1960; *Abu al-Faraj*. The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron. Vol. 1: Translation from Syriac by E. A. W. Budge. L., 1932 (repr. Amsterdam, 1976); *Abu al-Faraj*. Mukhtasar tariikh al-duwal. Beirut, 1890; *ал-Айни*. Икд ал-джуман. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 350; *Cahen Cl.* Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // Byzantion. 1939. T. 14. P. 131–139; *Ibn Khaldun*. Kitab al-ibar wa diwan al-mubtada wa al-khibar. al-Qahira, 1856. T. 5; *Abu-l-Feda*. Annales musulmici. Arabice et latine / Ed. I. G. C. Adler. Hafniae, 1792. T. 4; *Ibn Furat*. The History of Ibn Furat / Ed. by C. K. Zurayk. Beirut, 1936–1939. T. 8–9; *Ahmad ibn Muhammad ibn Arabshah*. Kitab 'aja'ib al maqdur fi akhbar Timur. Lugduni Batavorum, 1636; *Ahmed ibn Arabshah*. Tamerlan or Timur the Great Amir / Tr. by J. H. Sanders. L., 1936; *Ibn Taghri Birdi*. Annals, entitled 'an-Nujum az-zahira fi muluk Misr wal-Qahira' / Ed. by W. Popper. Berkley, 1932–1936. Vol. 5 (Pts. 1–4); *Ibn Taghri Birdi's Chronicle of Egypt* / Ed. by W. Popper. Berkley; Los Angeles, 1957. Vol. 5; *Taqi al-Din Maqrizi*. Kitab al-suluk li-ma'rifat duwal al-muluk / Ed. M. M. Ziyad. al-Qahira, 1956. Vol. 3.

и сирийскую, и мамлюкскую, и даже восточно-анатолийскую арабоязычную историографию Трапезунд интересовал мало.

Из географических сочинений арабоязычных авторов наиболее ценны сведения «Масалик ал-абсар» Фадл-Аллаха ал-Умари (1301–1348)⁸⁹. В этом сочинении ал-Умари, секретарь каирской дворцовой канцелярии, со слов некоего генуэзца Доменико Дория дал весьма интересное описание Трапезундской империи, не имеющее аналогов по подробности и характеру информации во всей мусульманской географической литературе. Привлекались и другие географические сочинения на арабском языке: Идриси, Абу ал-Фиды, Ибн Баттуты⁹⁰. Следует сказать, что основная масса этих сочинений в своих описаниях Трапезундской империи малоинформативна и носит типовой характер.

Тюркоязычные источники.

Тюркоязычные хроники несут не много информации об истории Трапезундской империи. Непосредственно истории империи касаются лишь те из них, что повествуют о взятии Трапезунда Мехмедом II в 1461 г. Наиболее важный источник по походу Мехмеда II — хроника Турсунбека (род. после 1426 г. — ум. после 1491 г.). Турсунбек принадлежал к высшей бюрократии Османского султаната, он был *мунши* великого визира Махмуд-паши. Вместе с великим визиром участвовал в осаде Константинополя, сопровождал Мехмеда II во время его первого посещения Св. Софии в только что поверженном городе. Турсунбек участвовал и в походе на Трапезунд⁹¹. Х. Иналджик называет его сочинение — «самым важным источником для времени царствования Мехмеда II»⁹². Его описание трапезундского похода Мехмеда II наиболее детально и достоверно, у большинства других турецких историков обстоятельства похода передаются упрощенно.

Другие османские источники привлекались нами для выяснения деталей завоевания турками Понтийской области в первой половине XV в. (хроники Нешри, Ашикпаша-заде, два списка неопубликованной анонимной «Таварих Ал-и Осман» из Публичной библиотеки в Петербурге и др.)⁹³.

⁸⁹ *Al-Umaris Bericht über Anatolien in seinem Werke «Masalik al-Absar li Malalik al-Amsar» / Zum ersten Male herausg. von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929.*

⁹⁰ *Géographie d'Edrisi / Traduite de l'arabe en français par P. Amédée Jaubert. P., 1840. Т. 1–2; Géographie d'Aboulféda / Texte arabe publié par M. Reinaud. P., 1840; Ibn Battuta. The Travels of Ibn Battuta AD 1325–1354 / Tr. H. A. R. Gibb. Cambridge, 1962. Т. 1–2.*

⁹¹ Издание и английский пересказ: *Tursun-beg. The History of Mehmed the Conqueror / Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey. Minneapolis; Chicago, 1978; биографические сведения об авторе: Ibid. P. 11–24.*

⁹² *Ibid. P. 20.*

⁹³ *Nesri. Kitâb-i cihân-nüma / Yayınlayanlar F. R. Unat, M. A. Köymen. Ankara, 1949–1957. Т. 1–2; Нешри Мехмед. Зерцало мира. История османского двора.*

г) Армянские и грузинские нарративные источники.

Эти источники использовались нами в переводах на европейские языки, по возможности наиболее авторитетных. Особенно значимыми для целей нашей работы были французское переложение свода грузинских средневековых хроник «Картлис цховреба», выполненное М. Броссе⁹⁴; сборник отрывков, касающихся истории Византии и переведенных на русский с грузинского С. Г. Каухчишвили⁹⁵, армянские хроники Смбата Спарапета, Киракоса Гандзакечи, Фомы Мецопского, свод колофонов из армянских рукописей (английский перевод) А. Санджиана — издание чрезвычайно ценное, а также сборники отрывков из армянских хроник А. Г. Галстяна и Л. Х. Тер-Мкртичан⁹⁶. В целом, об армянских и грузинских источниках следует сказать, что сведений, прямо касающихся истории Трапезундской империи, они несут не много, однако для уяснения ситуации в соседних с Понтом областях они исключительно важны.

д) Западноевропейские источники.

Весьма важны для истории Понта в 1394–1427 гг. «Путешествия» Иоганна Шильбергера⁹⁷. Записки Шильбергера — простого солдата, плененного турками и служившего в качестве наемника сначала у османов, потом у Тимура и его преемников, — хотя просты и незатейливы, содержат много интересной и редкой информации, может быть, не всегда

М., 1987; *Ibn Kemal. Tevârih-i Âli Osman. VII. Defter / Hazırlıyan Dr. Şerafettin Turan. Ankara, 1957; 'Ashiqpashazade ta'rikhi. Istanbul, 1332; Aşikpaşa-zade. Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitlaufe des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn / Übersetzt, eingeleitet und erklärt vom R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959 (относительно сведений Ашикпаша-заде по истории Трапезунда см.: Savvides A. Ashik-pasha-zade on the Conquest of Trebizond by the Ottoman Turks in A. D. 1461 // AP. 1987. Т. 42. P. 240–247); Die frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch / Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausgegeben und eingeleitet von Fr. Babinger. Hannover, 1925; Таварих Ал-и Осман. СПб. Публ. 6-ка. ТНЧ 189; Таварих Ал-и Осман. СПб. Публ. 6-ка. ТНЧ 231.*

⁹⁴ *Brosset M. Histoire de la Géorgie. St-Petersbourg, 1850. Т. 1.*

⁹⁵ *Каухчишвили С. Г. Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. 1.*

⁹⁶ *Смбат Спарапет. Летопись / Пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974; Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976; Фома Мецопский. История Тимурланка и его преемников. Баку, 1957; Sanjian A. K. Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969; Тер-Мкртичан А. Х. Армянские источники о Средней Азии (VIII–XVIII вв.). М., 1985; Галстян А. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеармянского. М., 1962.*

⁹⁷ *Schiltberger Johannes. Reisen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859; Иоганн Шильбергер. Путешествие Ивана Шильбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Пер. и примеч. Ф. Бруна // ЗНУ. 1867. Т. 1 (1–2).*

абсолютно точной, но, в целом, правдивой. «Путешествие» Рюи де Клавихо (начало XV в.), участника кастильского посольства ко двору Тимура, прямая противоположность запискам немецкого наемника. Сочинение Клавихо — уникальный источник для истории обширного региона от Константинополя до Самарканда, плод изощренного ума, наблюдательности и скрупулезности⁹⁸. Нами привлекались и другие европейские источники (Симон де Сен-Кантен, Рубрук, Иоанн де Галонифонтибус, Перо Тафур и др.)⁹⁹.

2. АКТОВЫЙ МАТЕРИАЛ

Частноправовые и публичноправовые акты представлены преимущественно греческими и латинскими документами. Уникальны «Вазелонские акты» — акты понтийского монастыря св. Иоанна Предтечи в местечке Вазелон в Мацуке (купчие, дарственные, завешания, императорские пожалования, переписи и т. д.), подтверждающие права монастыря на земельные владения. Нами использовались антропонимические, топографические и др. данные этих актов¹⁰⁰. Редкий материал того же рода содержится и в трапезундских императорских хрисовулах¹⁰¹. Богатый

⁹⁸ Клавихо Рюи Гонзалес, де. Дневник путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 / Текст, пер. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28; анализ сведений о Трапезунде см., в частности: Savvides A. Tamerlane, Byzantium and Spain (with notes on Clavijo's visit to Trebizond in A. D. 1404) // AP. 1992–93. Т. 44. Р. 47–57.

⁹⁹ Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Ed. J. Richard. P., 1965; Путешествия в восточные страны: Джованни дель Плано Карпини, «История Монголов»; Гильом де Рубрук, «Путешествие в восточные страны»; «Книга Марко Поло» / Вступ. ст., комм. М. Б. Горнунга. М., 1997; Tardy L. The Caucasian Peoples and their Neighbours in 1404 // АО. 1978. Т. 32/1. Р. 83–111; Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа за 1404 г. / Пер. и коммент. З. Бунятова. Баку, 1980; Pero Tafur. Travels and Adventures (1439–1453) / Transl. and ed. with an introd. by M. Letts. L., 1926.

¹⁰⁰ Успенский Ф., Бенешевич В. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927; общую характеристику актов с необходимыми библиографическими отсылками см. в: Успенский Ф. Социальная эволюция и феодализация Византии // Анналы. 1922. Т. 2. С. 95–114; Dölger F. Zu den Urkunden des Vazelonklosters bei Trapezunt // Idem. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 350–370; Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. С. 47–52, см. также «Индекс». Некоторые замечания о языке актов и «ориентализмах» в них см. также нашу работу: Шукуров Р. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья). М., 1999. С. 194–234.

¹⁰¹ Lampros S. Anekdoton chrysoboullon Alexiou G tou Megalou Komnenou autokratoros Trapezountos // NE. 1905. Т. II. Р. 187–198; Miklosich F., Muller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1887. Т. V. Р. 276–

материал для истории международных отношений содержится в постановлениях венецианских ассамблей и венецианского сената, регесты которых изданы Ф. Тирье¹⁰².

3. ЭПИСТОЛОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Среди греческих источников этого рода наиболее важно письмо Георгия Амируци, трапезундского вельможи, о взятии османами Трапезунда в 1461 г.¹⁰³ Привлекались также и европейские средневековые переводы нескольких образчиков переписки трапезундских императоров с восточными и европейскими владыками (см. гл. V).

Из восточной эпистолографии важен целый ряд сборников официальной переписки: Фаридун-бей Ахмеда — сборник официальной переписки османских султанов, 'Абд ал-Хусайна Наваи — сборник переписки Тимуридов и Сефевидов и «Переписка» визира Ильханов Рашид ал-Дина¹⁰⁴. В двух первых сборниках содержится уникальная по значимости и до сих пор мало исследованная переписка между османским султаном Байазидом I Йылдырымом и среднеазиатским завоевателем Тимуром, в которой два государя достаточно подробно обсуждают современные им политические события в Восточной Анатолии, включая Понт. В «Переписке» Рашид ал-Дина содержится интересный материал о кочевой миграции в Понтийском регионе в конце XIII в. и попытках монголов остановить кочевую волну.

Уникальный материал по истории Трапезундской империи во второй половине XIII в. дают два руководства для секретарей мамлюкской султанской канцелярии — «Тасниф» ал-'Умари (первая половина XIV в.) и «Субх ал-аша» Абу ал-'Аббаса Калкашанди (сер. XV в.)¹⁰⁵. На основании приведенного в них формуляра удастся частично восстановить важное

281; *Laurent V. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV-Jean IV et David II* // AP. 1953. Т. 18. P. 241–278; наиболее полная характеристика трапезундских императорских хрисовулов на сегодняшний день: *Oikonomides N. The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality* // AP. 1975. Т. 35. P. 299–332.

¹⁰² *Thiriet F. Délibérations des Assemblées vénitiennes concernant la Roumanie. P., 1966–1971. Т. 1–2; Idem. Régestes de délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. P., 1958–1961. Т. 1–3.*

¹⁰³ *Georgios Amiroutzes Bessarioni* // PG. P. 723–728. Т. 161.

¹⁰⁴ *Feridun-bey Ahmet. Munsha'at al-salatin. Istanbul, 1857. Т. 1; Nawai Abd al-Husayn. Asnad wa mukatabat-i ta'rikhiy-i Iran (az Teymur ta shah Isma'il). Tehran, 1962; Shafi M. Letters of Rashid ad-Din Fadl Allah / Pers. text ed. by M. Shafi. Lahore, 1947; Рашид ал-Дин. Переписка / Пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М. 1971.*

¹⁰⁵ *Fadl-Allah 'Umari. Al-Ta'rif bi-l-mustalah al-sharif. al-Qahira, 1312/1894–1895; Abu al-'Abbas al-Qalqashandi. Kitab subh al-asha' fi kitabat al-insha'. al-Qahira, 1915. Т. VIII (франц. перевод извлечений: Lammens H. Correspondances diplomatiques entre les Sultans Mamlouks d'Egypte et les puissances chrétiennes // ROC. 1904. P. 151–187. Vol. 9/2.*

письмо мамлюкского султана к Великим Комнинам, проливающее свет на взаимоотношения Трапезундской империи с Ильханами и Золотой Ордой во второй половине XIII в. (см. гл. II). В «Дастур ал-катиб» Мухаммада Нахчивани (сер. XIV в., ильхановская и постильхановская канцелярия) содержатся формулы официальных писем поздних Ильханов к христианским государям¹⁰⁶.

4. ЭПИГРАФИКА И НУМИЗМАТИКА

Греческие надписи Понта до сих пор не систематизированы, их издания разбросаны по многим исследованиям¹⁰⁷. Наиболее легкодоступны арабские надписи Понта, часть из которых переиздана в недавней работе А. Хачатряна¹⁰⁸. Арабские, персидские и тюркские надписи собраны также в турецких краеведческих исследованиях Али Кемали об Эрзинджане, Шакира Шевкета о Трапезунде, М. Шакира о Синопе, М. Орала о Бафре¹⁰⁹.

Восточная нумизматика привлекалась нами в работах А. Тевхида, М. А. Сейфиддини, Г. Л. Рабино, каталогах ведущих мировых нумизматических коллекций¹¹⁰, грузинская нумизматика — в работах Д. Г. Капанадзе и И. Л. Джалагания¹¹¹.

¹⁰⁶ Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-китаб фи та'йин ал-матариб / Критич. текст, предисл. и указат. А. А. Али-заде. М., 1964–1971. Т. 1. (Ч. 1–2). М., 1976. Т. 2.

¹⁰⁷ Значительное число понтийских надписей эпохи Великих Комнинов собрано в двух изданиях: Fallmerayer J. Original Fragmente; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1–2. См. также библиографический справочник А. Саввидиса и С. Лампакиса, где собраны сведения об издании понтийской эпиграфики помимо упомянутых изданий: Savvides A., Lampakis S. Genike bibliographia. P. 45–46.

¹⁰⁸ Répertoire chronologique d'épigraphie arabe / Éd. E. Combe, J. Sauvaget, G. Wiet. Le Caire, 1931–1964. Vol. I–XVI; Хачатрян А. А. Корпус арабских надписей Армении. VIII–XVI вв. Вып. I. Ереван, 1987.

¹⁰⁹ Kemali A. Erzincan tarihi, coğrafi, ictimai, etnografi, idari. Istanbul, 1932; Şevket Ş. Trabzon tarihi; Şahir M. Sinop'ta Candar oğulları zamanına ait tarihî eserler. İstanbul, 1934; Oral M. Z. Kuvvadar oğulları // Belleten. 1955. T. 19. S. 99–102; Idem. Duruşan ve Bafr'a iki türbe // Belleten. 1956. T. 20. S. 385–410.

¹¹⁰ Tewhid A. Müze-i Humâyûn'un meskûkât-i kadime-i islâmîye kataloğu. T. 4. Qustantiniyya, 1321; Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Баку, 1978–1981. Т. 1–2; Artuk I., Artuk C. İstanbul Arkeoloji Müzeleri Teşhirdeki İslami sikkeler kataloğu. İstanbul, 1971. Т. 1; Butak B. XI, XII ve XIII. yüzyıllarda resimli Türk paraları. İstanbul, 1947. Т. 1; Lane-Pool St. Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. L., 1877. Vol. 3; Hennequin G. Bibliothèque Nationale. Catalogue des monnaies musulmanes. Asie pré-Mongole. P., 1985; Rabino H. L. Coins of the Jalâ'ir, Kara Koyunlu, Musha'sha and Ak Koyunlu Dynasties // NC. 6th ser. 1950. Vol. X. P. 94–139.

¹¹¹ Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1985; Джалагания И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. Тбилиси, 1979.

Для идентификации средневековой топонимики Понта, встречавшейся в источниках, использовались упомянутая монография Э. Брайера и Д. Уинфильда, исследование У. Рэмзея, старые географические словари Османской империи Джевада Али и К. Мостраса¹¹², а также и такие издания, как лейденская «Энциклопедия Ислама» и «Оксфордская энциклопедия Византии»¹¹³.

III. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Как уже отмечалось, одной из основных задач этой книги является полноценный ввод в византинистику восточных источников по истории Понта. Поэтому представляется нелишним привести в дополнение к нашему обзору источников некоторые сведения о базовой терминологии мусульманских авторов, которую они применяли для описания понтийского государства Великих Комнинов. Эта система первичных понятий, взятая в ее «синхронном срезе», создает то элементарное понятийное поле, в котором развивалось повествование мусульманских авторов о конкретных событиях.

1. ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА

Трапезундская империя находилась на периферии интеллектуального интереса мусульманских авторов XIII–XV вв. Политико-конфессиональное понятие «Византия» (*Rûm/Rhomania, Bûzantiya*) ассоциировалось у них скорее с Константинополем (*Qusṭantîniyya, İṣṭanbûl*), нежели чем с Трапезундом Великих Комнинов. Поэтому Трапезундская держава слабо связывалась или вообще не связывалась с «ромейской» государственностью. В арабских и персидских источниках она ставится в один ряд чаще с армянскими и грузинскими государственными образованиями того времени. Трапезунд привлекал внимание восточных писателей только в связи с конкретной военно-политической и реже — рутинной торговой деятельностью мусульманских правителей. Наиболее значимая информация об истории империи содержится в местных восточно-анатолийских источниках.

Авторы XIII–XV вв., опираясь на обширную информацию классической арабоязычной географии предшествующих эпох, довольно неплохо представляли себе географию Черного моря (перс. *bahr-i nîlish* < греч.

¹¹² *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1; Ramsay W. M. The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890; Ali C. Memâlik-i Osmânîyenin tarih ve cuğrafiya lugati. Istanbul, 1895–1896. T. 1–4; Mostras C. Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. St.-Petersbourg, 1873.*

¹¹³ EI; EI²; ODB.

Πόντος, *baḥr-i Trābzūn*, «море Трапезунда», *baḥr-i azdāq* — т. е. «море Азака» и т. д.)¹¹⁴, упоминая основные порты как на южном, так и на северном берегах Черноморья. Для обозначения территории Трапезундской империи восточные авторы пользовались топонимами «Трапезунд» (*Trābzūn*), Джанит (*jānīt*) и их производными. Топоним Джаник/Джанит восходит к топониму «Чанети», восходящему в свою очередь к названию картвельского племени «чан», которое населяло горные районы Понта юго-восточнее Трапезунда¹¹⁵. Какими путями этот топоним попал в мусульманскую литературу — через посредство понтийских греков или прямо от картвелов Восточного Понта, — сейчас сказать трудно. Во всяком случае, понтийским грекам этот топоним был известен: в Халдии располагалась стратегически важная крепость Τζάνιχα (понтийские греки, диалект которых пользовался звуками «дж» и «ч», именовали ее «Чаниха»). Вероятно, именно от этого топонима произошел патроним трапезундского вельможного рода Τζανιχίτης (Чанихит), представители которого, по-видимому, были чанами по происхождению¹¹⁶. Топоним Джанит стал употребляться в персоязычной среде Анатолии, насколько мы знаем, начиная с повествования о событиях 1196 г.¹¹⁷; позже он появляется в тюркской анатолийской литературе.

В течение XIII в. топоним Джаник (вариант Джанита) прилагался к территории Трапезундской империи. Однако с рубежа XIII и XIV вв. Джаником стали называть только мусульманские владения на Понте¹¹⁸. Во второй половине XIV и начале XV в. топонимами «Джанит», «область Джанит» (перс. *wilāyat-i Jānīt*) обозначают только территорию эмирата Тадж ал-Дина с центром в Никсаре (см. гл. III), а также ту часть Понта, которая простиралась от Самсуна до границ Трапезундской империи и в глубь материка до Токата¹¹⁹. До конца XIII в. Понтийская область вне

¹¹⁴ См., например: *Хафиз Абру*. География. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 290. Л. 196.

¹¹⁵ *Bryer A. Some Notes on the Laz and Tzan (I)* // ВК. 1966. Vol. XXI–XXII (50–51). P. 174–195; *Idem. Some Notes on the Laz and Tzan (II)* // ВК. 1967. Vol. XXIII–XXIV (52–53). P. 161–168 (= *Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus*. № XIVa-b); *Жордания Э.* Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Часть I: Лазы // BS. 1997. Т. 58. С. 125–139; *Он же.* Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. и некоторые вопросы топонимики Понта. Часть II: чаны // BS. 1999. Т. 60. С. 71–86 и, особенно, с. 80.

¹¹⁶ *Panaretos. P. 70*¹⁵ (Τζάνιχα); 65^{18ff.} (Τζανιχίτης). О крепости Чанихе и о роде Чанихитов см.: *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 125, 127; *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 303–304; см. также: *Жордания Э.* Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. и некоторые вопросы топонимики Понта. Часть II: Чаны.

¹¹⁷ *Ibn Bibi (Mukhtasar)*. P. 13.

¹¹⁸ *Aksarayi*. P. 256.

¹¹⁹ *Идрис Будисси*. Л. 3026; *Abu Bakr Tihriani*. Т. 2. P. 392; *Nezri*. Т. 1. P. 381; Т. 2. P. 531–538; *Aşikpaşa-zade. Vom Hirtenzelt*. S. 159–160; *Urudsch*. P. 114.

территории Трапезундской империи называлась также и «Данишмандские земли» (перс. *wildyat-i dānishmandiyya*)¹²⁰, однако позже это название исчезает из источников.

Названием «Трапезунд» обозначалось само государство Великих Комнинов («Трапезунд — город в области Великая Армения и страна неверных»; «твердыни Трапезунда»; «горы Трапезунда»¹²¹), город, порт, и даже само Черное море¹²².

Другие общие сведения об империи, содержащиеся в источниках, немногочисленны. Отмечается гористость страны, обилие бурных рек, труднодоступных дорог, удобство кочевий¹²³. Из других местностей упоминаются Синоп, Керасунт, крепость Кукос и фема Лазия¹²⁴.

Абу ал-Фида сообщает, что «большинство жителей [Трапезунда] — лазы (*al-lakzi*)», Ибн ал-Асир называет подданных империи «неверными ромеями» (*al-rūm al-kuffār*), во многих случаях отмечается, что империю населяли христиане, а воинство Великих Комнинов названо «франками»¹²⁵. В одном случае Ибн Биби подразумевал под войсками «ромеями», вероятно, именно понтийских греков¹²⁶.

Следует подчеркнуть, что восточные авторы нигде не называют подданных империи «греками» (*yūnānī*). «Греками» избегали именовать и константинопольских византийцев. Когда речь шла о принадлежности того или иного объекта к Византии, всегда употребляли термин «ромей»/«римлянин», «ромейский»/«римский» (*al-rūm, rūmī*). «Грек», «греческий» прилагались только к эпохам греческой классики, эллинизма, поздней античности, в особенности для идентификации греческих философов, ученых и властителей, при толковании заимствованных греческих слов в арабском и персидском (*lafz yūnānī*)¹²⁷. Для византийского времени «греческим», как правило, называли язык, хотя иногда даже и его именовали «румийским»¹²⁸. Еще большую трансформацию получил топоним «Рум»

¹²⁰ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). Index; *Aksarayi*. Index.

¹²¹ *Идрис Бидлиси*. Л. 299а, 302б; *Nawai Abd al-Husayn*. Asnad wa mukatabat. P. 540; *Рашид ад-Дин*. Переписка. С. 298, 307; *Abu al-Faraj*. Mukhtasar tarikhi al-duwal. P. 429.

¹²² *Kh'ānd Amīr*. *Habib al-siyar*. P. 660.

¹²³ *Идрис Бидлиси*. Л. 301б, 302б; *Nawai Abd al-Husayn*. Asnad wa mukatabat. P. 110; *Ibn Kemalī*. P. 195–196; *Tursun-bey*. P. 46–47, 92а.

¹²⁴ *Bazm-u razm*. P. 529; *Tarikh-i taqwīm*. P. 80.

¹²⁵ *Géographie d'Aboulféda*. P. 393; *Ibn al-Athir*. T. 12. P. 312; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 238; *Aksarayi*. P. 83.

¹²⁶ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 238.

¹²⁷ См., например: *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. География. М., 1971. С. 100 (Л. 63б): «Йунан — местность в земле ал-Рум ... Это — родина греческих мудрецов (*al-hukamā' al-yūnāniyyūn*)»; *Хафиз Абру*. География. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 290. Л. 4 (о греческой хронологии).

¹²⁸ *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971. С. 75; *Шильтбергер*. С. 65.

и, соответственно, определение «румийский» в османское время: они стали прилагаться к ядру владений Данишмандидов (Кайсери—Сивас), бывшим сельджукским владениям. При этом, область тюрок *караман* в Юго-Восточной Анатолии иногда именовалась «Грецией» (*yūnān*)¹²⁹.

В употреблении понятий «грек», «греческий» восточные авторы следовали самим византийцам, избегавшим применять их к себе и предпочитавшим именование «ромейский»/«римский»¹³⁰.

2. ИМЕНОВАНИЯ ТРАПЕЗУНДСКИХ ВАСИЛЕВСОВ

На Востоке хорошо знали о древнем происхождении Великих Комнинов, более древнем, чем константинопольских Палеологов, и даже удвевняли его, возводя род Комнинов к Константину Великому. Н. Икономидис видит в этом результат пропаганды самих Великих Комнинов, весьма гордившихся своим происхождением¹³¹.

Лишь один из Великих Комнинов назван в мусульманской литературе по имени — Кир Аликс (*kīr aliks* от *kūr* 'Ἀλέξιος), основатель империи Алексей I Великий Комнин (1204—1222)¹³².

Мусульманские источники дают целый ряд вариантов именования трапезундских императоров. В XIII в. в хронистике по отношению к трапезундскому императору чаще употреблялся титул «царь Рума», «царь Джанита», как, например, ар.-перс. *malik al-Rūm* «малик Рума» (для 1214 г.)¹³³, перс. *malik-i Jānīt* «царь Джанита» (для 1265 г.)¹³⁴, араб. *al-malik al-Rūmī* «ромейский царь» (для 1225 г.)¹³⁵.

¹²⁹ *Идрис Бидлиси*. Хашт биhiшт. СПб. Публ. 6-ка. ПНС 97. Л. 836:

بر تمام ديار يونان كه اکنون بقرامان معروفست
«...во всей греческой (*yūnān*) земле, которая сейчас известна [под названием] Караман...».

См. также: *Wittek P.* Le sultan de Rūm // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. 1938. Т. 6. P. 366ff; *Georgacas D.* The Names for the Asia Minor Peninsula and a Register of Surviving Anatolian Pre-Turkish Placenames [Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge / Hrsg. von R. Schützeichel, Beiheft 8]. Heidelberg, 1971. P. 66—68ff; *Erzi A. S.* Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkinda araştırmalar // *Belleten*. 1954. Т. 18. S. 197—198.

¹³⁰ См., например: *Литаврин Г. Г.* Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI—X вв. // *ВВ*. 1986. Т. 46. С. 100—108.

¹³¹ *Abu al-ʿAbbas al-Qalqashandi*. Т. VIII. P. 48; *Al-Umaris Bericht*. P. 53; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // *AP*. 1975. Т. 35. P. 322; *Varzos C.* He genealogia ton Komnenon. Thessalonike, 1984. Т. 2. (Предисловие).

¹³² *Ibn Bibi* (Ankara). P. 147; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 54; *Мухаммад ал-Хамави*. Л. 150b—151a; *Tarix-e al-e Saljuq*. P. 87.

¹³³ *Histoire des Seldjoukides* (Ankara, 1952). P. 43; *Tarix-e al-e Saljuq*. P. 87.

¹³⁴ *Aksarayi*. P. 83.

¹³⁵ *Мухаммад ал-Хамави*. Л. 150об—151.

В XIII–XV вв., и особенно в XIV–XV вв., трапезундский император именовался «такфуром Трапезунда»: перс. *takwar-i Trābzūn*¹³⁶, *takfūr-i Trābzūn*¹³⁷, осм. *Trabzōn tekuuri*¹³⁸. Около 1396/97 г. персидский историк «Азиз Астарабди называет Трапезунд «источником и стольным градом такфуров» (*Trābzūn ki manā wu dār al-mulūk-i takāfirāst*)¹³⁹.

Наивысшим именованием, которым когда-либо удостоивался мусульманами трапезундский государь, было «султан Трапезунда» в хронике Абу Бакра Тихрани в XV в. (перс. *sultān-i Trābzūn/Trabzūn*)¹⁴⁰. Вообще этот титул применялся почти исключительно к мусульманским государям, использование его в этом случае свидетельствует лишь о чрезвычайном почтении, оказанном туркменами *ак-куйунлу* к особе василевса.

К слову отметим, что существовали и сугубо пренебрежительные, эмоционально окрашенные способы именования трапезундских императоров. Так, например, в XIII в. у сельджукского персоязычного историка Ибн Биби встречается два явно пренебрежительных именованья: перс. *trābzūnī* и *jānīlī* («трапезундец» и «джанитец»).¹⁴¹ Такой стиль именования царственных особ был весьма редок для персидской историографии и должен был выражать крайнюю степень презрения по отношению к василевсу. Не столь уничижительное, но явно унизительное именование встречается у Идриса Бидлиси — император назван перс. *hākīm-i Trābzūn*, т. е. «правитель Трапезунда», где «правитель» употреблен явно с оттенком второстепенности¹⁴². Такой же несколько унизительный оттенок просматривается и в именовании Великого Комнина «беком Трапезунда» (*Trabzōn begi*), зафиксированном у османского хрониста Ашикпашазаде¹⁴³.

Нейтральным именованием трапезундского императора, вероятно, следует считать именование перс. *šāhib-i Jānīk* (для 1265 г.)¹⁴⁴, араб. *šāhib Trābzūn*¹⁴⁵ (для 1205/06 г.) — «господин», «правитель», «хозяин» Джанита/Трапезунда. Оно не имело дискриминирующего смысла и могло быть обращено ко всем государям, в всяком случае христианским.

Вместе с тем, очевидно, что в перечисленных выше случаях следует отделять церемониальную титулатуру, которая могла прилагаться к име-

¹³⁶ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 147.

¹³⁷ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. P. 13. Также в сочинении Идриса Бидлиси (начало XVI в.), в отрывке об османском захвате Трапезунда в 1461 г., генетически восходящем к турецкой историографии XV в.: — перс. *takwar-i Trābzūn* (Идрис Бидлиси. Л. 301б; см. также Приложение I).

¹³⁸ *Mehmed Neşri*. Т. 2. P. 752 и сл.; *Ibn Kemal*. P. 180 и сл.

¹³⁹ *Bazm-u razm*. P. 529.

¹⁴⁰ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. P. 90; Т. 2. P. 382.

¹⁴¹ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 643, 729.

¹⁴² *Идрис Бидлиси*. Л. 301об, 302об.

¹⁴³ *Ashīqpašhāzāda ta'rikhi*. P. 267.

¹⁴⁴ *Histoire des Seldjoukides* (Ankara, 1952). P. 55; *Tarix-e al-e Saljuq*. P. 99–100.

¹⁴⁵ *Ibn al-Athir*. Т. 12. P. 160.

нам Великих Комнинов в официальных случаях, от «необязательных» именовании, встречающихся в хронистике и зачастую носивших даже эмоциональный характер. В XIII в. официальная титулатура трапезундского императора при каирском дворе была «Его Величество Малик» [*ḥaḍrat al-malik*], что вполне согласуется с другими прецедентами применения именовании «малик», характерными для арабо-персидской историографии в XIII в. Посредством этого же основного титула каирцы в XIII–XV вв. обращались ко всем сколько-нибудь значительным христианским монархам: константинопольским василевсам, грузинским и армянским царям, а также и к менее значительным для них персонам — болгарским, сербским и др. государям¹⁴⁶.

Если в XIII в. для каирского двора официальным обращением к трапезундским императорам было «малик», т. е. «царь», то уже в XIV в. тот же ал-Умари в «Масалик ал-абсар» писал: «Малик Трапезунда зовется *такфур*, так же зовется и *малик* армян»¹⁴⁷. В «Та'рифе» тот же автор отмечал, что «малик» Сиса (т. е. Киликийской Армении) именуется также и «такфуром»¹⁴⁸. Как видим, для ал-Умари именовании «малик» и «такфур» в применении к трапезундским императорам и киликийским царям — титулы взаимозаменяемые. Не указывают ли этот и другие приводимые выше примеры употребления титула «такфур» на то, что при официальном обращении к трапезундским василевсам на Востоке в XIV в. стали пользоваться титулом «такфур/таквар», который вытеснил более употребительное в XIII в. «малик»?

Если обратиться к несколько более позднему сборнику формуляров для официальной переписки — к «Дастуру» Мухаммада Нахчивани, который был составлен в 60-е гг. XIV в., однако содержал формуляры, восходящие к эпохе Ильханов, — то обнаружится, что титул *такфур* использовался в письмах как официальное именование. Так, Мухаммад Нахчивани сообщает, что «к христианам [*ʿiṣāwīyyān*] из *такфуров* Сиса, грузинам, «назаретянам» [*naṣārī* — другое именование христиан. — Р. Ш.], армянам и франкам таким образом следует писать: «Такфuru Сиса, который является падишахом и главой той общины, василевсу, благороднейшему Файлакусу, славе дома Александра, прибежищу дома Мессии, *такфuru* Сиса»...»¹⁴⁹. Как мы видим, титул «такфур» использовался в качестве

¹⁴⁶ *Ibn Fadl-Allah al-ʿUmarī*. Al-Taʾrīf. P. 58; *Abu al-ʿAbbas Ahmad al-Qalqa-shandī*. T. VIII. P. 48–49. См. также ниже гл. II, часть II.

¹⁴⁷ *Al-Umarī's Bericht*. P. 53.

¹⁴⁸ *Ibn Faḍl-Allāh al-ʿUmarī*. Al-Taʾrīf. P. 55.

¹⁴⁹ Концовка формулы выглядит как «великому *тепу* [*tēr*], высокопочтиму господину христиан, образцу епископов, предводителю общины Иисусовой — Тер Давиду...». Формула эта вызывает определенное сомнение — совершенно очевидно, что в ней смешано два типа *inscriptio*. В начале ее, бесспорно, подразумевался армянский царь, однако вторая ее половина, по всей видимости, предназначалась для армянских католикосов или даже менее значительных иерархов армянской Церкви (*Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани*. С. 391–392).

официального обращения, по крайней мере, по отношению к армянским царям.

«Такфуром Трапезунда» трапезундский василевс назван около 1417 г. в официальном послании Кара-Йулука «Усмана, эмира туркменской конфедерации *ак-куйунлу*, к Шахруху, тимуридскому государю Ирана. Можно предположить, что этот случай требовал применения официальной титулатуры при упоминании трапезундского императора. Более того, автор известной армянской надписи из Трапезунда, датированной 1413/1414 г., являвшийся, очевидно, подданным Великих Комнинов, именуется трапезундского императора *kyr* и *takhavor*¹⁵⁰.

Вполне вероятно, что, по крайней мере, в XIV–XV вв. официальным титулом василевса на Востоке становился «такфур», заменив более употребительный в XIII в. титул «малик».

Несмотря на недостаточность сохранившихся сведений, все же есть основания полагать, что официальная титулатура трапезундских императоров в мусульманских канцеляриях в XIII в. могла отличаться от последующих времен. Не исключено, что большая распространенность титула «малик» в XIII в. в исторической литературе, а с другой стороны, вытеснение этого именованного титулом «такфур» в XIV в., как раз и отразило реакцию мусульманских канцелярий на существенное изменение в саморепрезентации Великих Комнинов, их отказ от титула «василевс» и императора ромеев» в 1280-х гг.¹⁵¹

В общем, следует сказать, что наиболее трудным временем для Трапезундской империи был XIII в. В мусульманских источниках сельджукского и монгольского периодов статус империи явно невысок. Повсеместно в источниках того времени подчеркивалась зависимость империи от восточных государей (Ибн ал-Асир, Ибн Биби, «Тарих-и Ал-и Салджук» и др.). В XIV в. империя упоминается редко, однако статус ее повысился: ал-Умари пишет о ней как о «державе, сильной могуществом»¹⁵². Начиная с рубежа XIV–XV вв. упоминания Трапезунда учащаются (в тимуридских, сефевидских и турецких источниках), о падении Трапезунда в 1461 г. сообщили многие османские и переднеазиатские хроники. Рост интереса к Трапезундской империи в Тимуридскую эпоху был связан, как будет показано в гл. IV, с интенсивной посреднической деятельностью Великих Комнинов, превратившихся в связующее звено между христианским Западом и эмиром Тимуром.

¹⁵⁰ Fallmerayer J. Original Fragmente. Teil. 2. S. 106–107; Я. Фальмерайер датировал надпись 1415 г. Поправку в датировке см.: Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 127 note 49.

¹⁵¹ Подробнее об этом см. гл. II.

¹⁵² Al-Umari's Bericht. P. 52.

IV. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ВИЗАНТИЙСКОМ ПОНТЕ В XIII–XV вв.

Прежде чем перейти к изложению истории взаимоотношений Трапезундской империи с мусульманскими государствами Анатолии, следует привести некоторые предварительные сведения общего характера. Они помогут читателю войти в довольно специфическую проблематику книги, а упоминание их в основном тексте вряд ли будет уместным.

1. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

В 1204–1214 гг. Великие Комнины владели тысячекилометровой прибрежной полосой от Западной Пафлагонии до Лазики и обладали значительными земельными и людскими ресурсами. По-видимому, на протяжении всей истории Понтийского государства Великие Комнины в той или иной мере контролировали ряд территорий в Крыму, включая на ранних этапах Херсон, а также княжество Феодоро с центром в Мангуле¹⁵³. В результате войн 1214 г. с никейцами и сельджуками Трапезундская империя потеряла западные анатолийские области и оказалась запертой в Восточном Понте, в границах, почти совпадавших с пределами бывшей византийской фемы Халдия. В течение последующей почти 250-летней истории анатолийские границы империи сохранили принципиальные свои очертания¹⁵⁴. Наиболее укрепленными районами империи были порты-крепости на побережье (Лимния, Иней, Кerasунт, Кенхрина, Петрома, Трапезунд, Ризе, Гония и др.), а также центральная материковая часть империи, ограниченная с запада долиной реки Филавонит (Харшит) и с востока — Пайпертским/Байбуртским нагорьем и долиной р. Акампсис (Чорох), в которой и концентрировалось сельское население империи. Почти вся территория империи располагалась в гористой местности. Исключение составляла узкая прибрежная полоса, изредка расширявшаяся на несколько километров в глубь материка, как, например, в области Трикомия, в районе восточнее Трапезунда, в областях Сирмены и Ризеона, которые включали в себя относительно обширные равнинные местности. Три ряда горных хребтов отделяют побережье от внутренней Анатолии: первый — хребты Зигана, Трабзон, Лазистан (в центральной и восточной части Понта), хребты Гиресун, Гюмюшхане (в Центральном и Западном Понте) — составляют второй пояс, и третий (с запада на восток) — хребты Джаник, Чимен, Коп, Акдаг. В центральной части импе-

¹⁵³ Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. P. 161–162; Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1 / Под ред. С. П. Карпова. С. 95–96.

¹⁵⁴ Подробнее об изменениях границ империи см.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 8–9.

рии — хребты Зигана, Трабзон, Гиресун, Гюмюшхане — рассечены труднодоступными горными проходами и перевалами, узкими долинами рек. Наиболее легкодоступные проходы из внутренних областей Анатолии к Трапезунду — через Понтийские ворота, Зиганский перевал, а также с запада — вдоль р. Филавонит¹⁵⁵.

На территории империи находился ряд важных месторождений — железа, серебра (из которого бились трапезундские *асптры*), квасцов, а до потери Пафлагонии Великие Комнины контролировали и знаменитые своим богатством медные рудники в районе Синопа и Кастамона¹⁵⁶.

Этнический состав подданных империи был довольно разнообразен, может быть, как нигде в Анатолии. Главенствующим народом были греки, причем, как уже говорилось выше, местные греки принадлежали к особой понтийской субкультуре, говорили на понтийском диалекте греческого языка. В городе, и в первую очередь в Трапезунде, влиятельна была и общевизантийская, «константинопольская» субкультура, к которой принадлежали, по-видимому, как местные греки-понтийцы, получившие стандартное византийское образование, так и образованные выходцы из западно-византийских земель, поселившиеся на Понте. Вероятно, что греческое население в той или иной степени сохранилось в восточно-анатолийском регионе и за пределами империи Великих Комнинов. Никаких статистических данных на сей счет нет, однако весьма вероятно, что достаточно влиятельным оно было в Испире и Байбурте. Еще в 1516 г., по данным дефтеров, христиане в Байбуртском вилайате составляли около 80% населения, а 33 % всех тимариотов Байбурта было из христиан. В Испире в 1520 г. 100% населения были христианами. Воз-

¹⁵⁵ Подробное описание географии, климата, дорог и перевалов Понта см. в: *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1.* В этом отношении чрезвычайно полезен также и целый ряд старых русских географических исследований о регионе, изданных в преддверии и во время Первой мировой войны как, например: *Маевский В.* Заметки о Понтийском хребте в районе караванных путей от Трапезонда к Байбурту // *Известия штаба Кавказского военного округа.* 1906. № 17–18; *Гунтус А. И.* Вилает Сивас и сеть путей к западу от Эрзерума. Тифлис, 1890. Ч. I–III; *Геологические изыскания в районах Трапезунда и Эрзерума* // *Известия Кавказского отделения Имп. русского географического общества.* Т. XXV. 1917. Ч. 1. Такого рода литература, создававшаяся, как правило, с военными целями и отличающаяся подробностью и точностью, еще ждет своего исследователя.

¹⁵⁶ *Vryonis Sp. The Question of the Byzantine Mines* // *Speculum.* 1962. Vol. 37. P. 4–10; *Bryer A. The Question of the Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and Mummy of Cheriaia* // *AS.* Vol. 32. 1982. P. 133–150 (= *idem.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. № XI); *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1.* P. 149; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey.* P. 319; *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 29; *Еманов А. Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995. С. 104–106.

можно, что значительная часть этих христиан были греками, а не только армянами¹⁵⁷.

Вероятно, что вторым по численности этносом был картвельский, представленный лазами и чанами, двумя чрезвычайно близкими друг к другу народами, населявшими восточную половину империи — возможно, часть Мацуки, области Сирмены, Ризеона, Лазику, а в глубь материка — восток Херианы¹⁵⁸. Заметный слой составляли армяне, так называемые *амшенские* армяне, жившие как восточнее Сирмены и южнее Ризеона в области Амшен/Хемшин (Аракел) ~~так и в Трапезунде~~¹⁵⁹. В 1486 г., по данным *дефтера*, армянское население в самом Трапезунде составляло 15,46% от всего христианского населения¹⁶⁰. В некоторых мусульманских районах, граничивших с Трапезундской империей, армянское население было в этот период преобладающим. В таких важных военных и торгово-ремесленных центрах как Эрзинджан и Эрзерум армянское население преобладало¹⁶¹. Армянское население было многочисленным в Байбурте, Никсаре/Неокесария и Сивасе/Севастия (последний являлся в XIII в. вторым по величине и значимости городом мусульманской Анатолии после Коньи¹⁶²). Вероятно, что большую часть населения Колонии/Кара-Хисара также составляли армяне, поскольку анатолийские мусульмане в XIII–XIV вв. имя этого города знали только в арменизированной фонетической форме «Кагуния» (арм. <греч. Колония)¹⁶³.

Источники фиксируют присутствие на византийском Понте также тюрков (как огузов, так и кыпчаков), арабов, курдов, монголов, персов¹⁶⁴.

¹⁵⁷ См., например, греческую надпись из Байбурта второй половины XIII в.: *Cumont F.* Inscription de l'époque des Comnènes de Trébizonde (1280) // *Mélanges Pirenne*. P., 1926. Т. I. P. 67–72; *Мустафаев Ш. М.* Восточная Анатолия. С. 22, 86, 112 (Таб. 11); *Bryer A.* Rural Society in Matzouka // *Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society (=Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. № XII)*. P. 74–75.

¹⁵⁸ См. выше сноску 111, а также: *Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте. С. 88.

¹⁵⁹ *Chalkokondyles*. Т. 2. P. 222 (упоминается «некая женщина из армян», жительница Трапезунда); *Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте. С. 88. О переселениях армян в Понтийский регион с VIII в. см. данные армянских источников, а также армянской диалектологии и этнографии в: *Кузнецов Н. В.* Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М., 1995. С. 10–25. Данные греческих источников собраны: *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 54–55. О княжестве Аракел см.: *Bryer A.* Some Notes on the Laz and Tzan (I). P. 193–194.

¹⁶⁰ *Lowry H.* The Ottoman Tahrir Defters. P. 47.

¹⁶¹ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 154–155, 212, 327.

¹⁶² *Ibid.* P. 201–202, 212.

¹⁶³ *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. Vol. I. P. 145.

¹⁶⁴ *Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте. С. 87–88, 89–93 (о монголах); *Он же.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое); *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos. О куманах см. также: *Zacharia-*

Выходцы из тюркской и иранской среды проникали и в среду трапезундского чиновничества¹⁶⁵.

Вероятно, относительно многочисленной была и община итальянцев (преимущественно генуэзцев и венецианцев), в первую очередь в Трапезунде — в главном портовом городе империи, но также, возможно, и в сельской Мацуке, в которой жили носители итальянских фамилий¹⁶⁶. Временами итальянцы обретали заметное влияние на политику империи — целый ряд выходцев из Италии с конца XIII по середину XV вв., приняв трапезундское подданство, занимали высшие должности в чиновничьем аппарате Великих Комнинов¹⁶⁷.

По всей видимости, греки, картвелы и армяне были самыми многочисленными этническими общинами Трапезундской империи. Вместе с тем, о численности этих этнических групп, да и вообще населения Трапезундской империи в целом нет никаких достоверных свидетельств. До опустошительных эпидемий Черной Смерти (1347 г. и 1362–1363 гг.) население Трапезунда, вероятно, достигало 6000 человек. Перед падением Трапезунда в городе жило около 4000–5000 человек. В 1487 г., уже в османское время, в Трапезунде было 5600–6000 жителей. Около 1520 г. османскую *ливу* Трабзон, простиравшуюся от Ризе до Керасунта (т. е. покрывавшую значительную часть земель империи), населяло между 215000 и 270000 человек, 84–89% из которых были христианами. Скорее всего, примерно таким же числом подданных располагали и Великие Комнины¹⁶⁸. По мнению Э. Брайера, территория империи была одним из наиболее густонаселенных регионов византийского мира. По данным османских *дефтеров*, в XV в. в гористой Мацуке на землях ниже отметки 1500 м над уровнем моря плотность населения достигала 60 человек на км², или же 14 человек на км², включая необитаемые горные территории. Еще большая плотность населения фиксируется для Трикомии —

dou E. Noms soumans à Trébizonde. P. 285–288, а также ниже гл. II. О монголах в Восточной Анатолии см. также: Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 135.

¹⁶⁵ *Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте. С. 95–96. О тюрках на византийской службе см. также обобщающие исследования: *Brand C.* The Turkish Element in Byzantium, 11th–12th Centuries // DOP. 1989. Vol. 43. P. 1–25; *Zachariadou E., Kazhdan A.* Turks in Byzantine Service // ODB. Col. 2129–2130.

¹⁶⁶ *Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте. С. 88.

¹⁶⁷ *Карпов С. П.* Итальянские «бароны» трапезундских императоров // ВВ. 1995. Т. 56. С. 144–155.

¹⁶⁸ *Bryer A.* Greeks and Turkmens. P. 121; *Idem.* The *Tourkokratia* in the Pontos. Some Problems and Preliminary Conclusions // Neo-Hellenika. 1970. Vol. 1 (*Idem.* The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. L., 1980. № XI). P. 37–38; *Idem.* The Structure of the Late Byzantine Town: *Dioikismos* and the *Mesoi* // Continuity and Change (= *Idem.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / Variorum collected studies series. L., 1988. № X). P. 268–276; *Pero Tafur.* P. 131.

125 человек на км² на территориях ниже отметки 1500 м (по данным *дефтера* 1520 г.). Столь высокая плотность населения на Понте сохранялась вплоть до XX столетия — в 1935 г. Понт уступал по населенности только региону Стамбула¹⁶⁹.

С конфессиональной точки зрения подавляющее большинство подданных Великих Комнинов принадлежало к православной Церкви (греки и картвелы) и находилось в церковной юрисдикции трапезундского митрополита — наиболее авторитетного и могущественного иерарха константинопольской Церкви в Восточной Анатолии в XIII–XV вв., еще в 1261 г. добившегося от Константинополя полунезависимого статуса и автономии в вопросах рукоположения викарных епископов¹⁷⁰. По меньшей мере с 1280 г. известно о присутствии католиков и католических храмов в Трапезунде¹⁷¹. Возможно, что большинство понтийских армян принадлежало к армянской монофизитской Церкви. На всем протяжении истории империи в Трапезунде проживали и мусульмане, присутствие их среди сельского населения упоминается в источниках XV в.; весьма вероятно, что на византийском Понте существовали и мечети¹⁷².

Городское население занималось торговлей и разнообразными ремеслами. Богатый набор ремесленных профессий, зафиксированных ис-

¹⁶⁹ Bryer A. Rural Society in Matzouka. P. 57–58; Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 52.

¹⁷⁰ Petit L. Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde (1 janvier 1260) // ИРАИК. 1902–1903. Т. VIII. P. 163–171; Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. С. 156–157. О православной Церкви в Анатолии в XIII–XV вв. и, в частности, на Понте см.: Wächter A. Der Verfall des Griechentums in Kleinasien in XIV Jahrhunderts. Leipzig, 1903; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 288–350. Подробнее о роли трапезундского митрополита в церковных структурах Восточной Анатолии см.: Коробейников Д. А. Понтийские митрополиты на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 156–169.

Источники показывают процесс постепенного упадка церковной организации и неуклонного сокращения епископств в Анатолии в XII–XV вв., что указывало на резкое падение численности христиан. Однако, как подметил Кл. Казэн, возможно, единственным исключением являлся краткий период после монгольского завоевания во второй половине XIII в., когда наблюдалось некое оживление в церковной жизни Восточной Анатолии и восстановление некоторых прежде исчезнувших митрополий (Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 327). Однако, этот сам по себе интересный тезис пока не нашел развернутого обоснования в исследовательской литературе.

¹⁷¹ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 131 и сл.

¹⁷² Шукуров Р. Тюрки на православном Понте. С. 85–86; Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos. P. 40; Idem. Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond. P. 75–81. О присутствии мусульман на Понте и, особенно, в Трапезунде в средневизантийский период см.: Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 50 note 256.

точниками для Трапезунда, вполне типичен для высокоразвитого «эмпория» — поздневизантийского торгово-ремесленного городского центра¹⁷³. В сельских районах империи, помимо производства пшеницы и ячменя, широкое распространение имели виноградарство, садоводство и скотоводство (выгонное и стойловое). Главной понтийской житницей были равнинные земли между Херианой и Пайпертом/Байбуртом. С потерей этого региона еще в предшествующую Великим Комнинам эпоху, византийские города на Понте снабжались хлебом за счет импорта. В суровые зимы, когда из-за бурного моря закрывался трапезундский порт и прекращались морские поставки хлеба, городу мог угрожать настоящий голод¹⁷⁴. Рыбная ловля, как и повсюду в приморских греческих обществах, находилась в числе приоритетных и широко распространенных занятий как горожан, так и сельчан — рыба традиционно составляла один из главных элементов питания для всех слоев общества¹⁷⁵.

Наряду с торговцами, ремесленниками и крестьянством, отдельную прослойку составляли представители интеллектуальных профессий (нотариусы, грамматики, вероятно, врачи), а также чиновничество¹⁷⁶. Особую роль в социальной структуре играла местная родовая знать греческого и картвельского происхождения (Схолариусы, Дораниты, Кавазиты, Камахины, уже упоминавшиеся выше Чанихиты), широко привлекавшаяся Великими Комнинами на высшие государственные должности. Влияние родовой знати в политической жизни империи, по-видимому, было много существенней, чем в Ласкариской и Палеологовской империях и в целом не совсем обычной для византийской традиции¹⁷⁷.

2. МУСУЛЬМАНСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Тюрки проникли в Северо-Восточную Анатолию уже на ранних этапах сельджукского завоевания в конце XI–XII вв., отторгнув у византийцев главные городские центры, лежавшие южнее понтийских хребтов — Кастамон, Неокесария/Никсар, Кельщина/Эрзинджан, Пайперт/Байбурт, Севастия/Сивас, Феодосиуполь/Эрзерум. Многие прибрежные

¹⁷³ Своего рода «каталог» торговых и ремесленных профессий жителей Трапезунда см. в: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 18–42.

¹⁷⁴ *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 39 note 189; Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 53, 144–145.

¹⁷⁵ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 26–31; Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 53.

¹⁷⁶ См.: Шукуров Р. Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. С. 53.

¹⁷⁷ См. об этом, например: Bryer A. *The Faithless Kabazitai and Scholarioi*; *Idem. Rural Society in Matzouka*. P. 66.

города также подверглись разорению и временной оккупации — в XI в. турками были взяты и разорены даже Синоп и Трапезунд. В XII в. наиболее активное давление на византийский Понт оказывали Данишмандиды, основавшие эмират с центрами в Сивасе, Кесарии/Кайсери и Мелитине/Малатье и успешно соперничавшие с сельджуками за контроль над тюркской Анатolieй вплоть до второй половины XII в.¹⁷⁸

В первой половине XIII в., после утверждения на Понте власти Великих Комнинов, основным мусульманским соседом понтийских византийцев были иконийские сельджуки. Трапезундская империя втянулась в острое соперничество с сельджуками за контроль над Синопом, но в результате целой серии войн в 1214–1277 гг., в конце концов потеряла надежду вернуть порт. Сельджуки, хотя и сумели удержаться в Синопе, потерпели неудачу в своих попытках подчинить византийский Понт — дважды (1205/06 и 1230 гг.) сельджукские армии осаждали сам Трапезунд, но взять город не смогли.

В середине XIII в. и вплоть до второй четверти XIV в. власть в сопредельных империи землях переходит к монголам, образовавшим в 1258 г. в Западном Иране государство Ильханов. Отношения Великих Комнинов с монголами по преимуществу были дружественными.

После падения монгольской державы Ильханов, в Анатолии наступал период политической раздробленности — период *бейликов*. На Понте и в прилегающих районах возникает целый ряд мелких эмиратов. Политический вектор в Понтийском регионе определялся соперничеством между Трапезундом и Сивасом — столицей наиболее могущественного султаната в Восточной Анатолии в то время.

В конце XIV в. турки-османы делают активные попытки прекратить затянувшуюся раздробленность Анатолии и, планомерно продвигаясь в Южном Причерноморье на восток, входят в непосредственное соприкосновение с государством Великих Комнинов. Однако закреплению их позиций в Понтийском регионе помешало нашествие войска эмира Тимура и разгром Османской державы в 1402 г. в знаменитой битве при Анкаре.

В начале XV в. в припонтийских областях соперничают два туркменских эмирата: Ак-Куйунлу и Кара-Куйунлу. В 50-х гг. султанат Ак-Куй-

¹⁷⁸ О борьбе с турками в Понтийском регионе в период, предшествующий воцарению здесь Великих Комнинов, см.: *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 160–163, 167; *Savvides A. Ho byzantinos Pontos, hoi Seltzoukoi kai hoi Ntanismentides Tourkoi* // *AP*. 1996-97. Т. 47. P. 91–106; *Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979–c. 1653* // *University of Birmingham Historical Journal*. 1970. Vol. XII. P. 169–170 (= *Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos* / *Variorum collected studies series*. L., 1980. № IIIa). О Пафлагонии и Кастамоне в борьбе между Комнинами и турками см.: *Crow J. Alexios Komnenos and Kastamon: Castles and Settlement in Middle Byzantine Paphlagonia* // *Alexios I Komnenos* / Ed. M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 12–36.

унлу одержал победу и стал основным сухопутным соседом и главным восточным союзником Трапезундской империи. Однако в 1461 г. в столкновении с Османским султанатом государство Ак-Куйунлу потерпело поражение, значительная часть Понтийской области отошла к османам, и Трапезундская империя прекратила свое существование.

3. О ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМПЕРИИ

В работе много будет уделено внимания военным действиям между трапезундцами и их мусульманскими соседями. Поэтому следует сказать в этой связи несколько слов о военной организации империи. О ней известно очень немного, последующие сведения приводятся преимущественно по разработкам Э. Брайера с нашими добавлениями¹⁷⁹. Вся территория империи была разделена на военно-административные единицы — *банды* (в ед. числе: *бáндос*). Возможно, что в разные периоды число *банд* менялось, по крайней мере для XIV в. зафиксировано, как минимум, семь *банд*: Трикомия, Трапезунд, Мацука, Палеомацука, Гемора, Сирмена, Ризеон. Отдельной административной единицей значилась *фема* Великая Лазия, вероятно, единственная *фема* в административной структуре империи (см. Карту 2). Во главе *банды* стоял назначаемый императором *кефали* («начальник») или *дука* — военачальник и глава местной администрации.

Главной военной силой империи были регулярные войска, скорее всего наемные. Их ядром, по всей видимости, были гвардейские подразделения (как, например, дворцовая *василика аллагия*). В состав императорского войска входили как конные, так и пешие подразделения.

Некоторые подразделения трапезундской профессиональной армии (скорее всего гвардейские, дислоцировавшиеся в столице) носили «восточные» именованья — *амирджандары*, *хурджириоты*, что, вероятно, указывает на то, что набирались они из «восточных» (скорее всего, турецких) наемников¹⁸⁰. Главная причина для создания таких подразделений из «иностранцев» крылась, по-видимому, в желании греков противопоставить враждебным им туркменам (чей стиль ведения войны, разумеется, обладал определенными особенностями) равноценного противника со своей стороны¹⁸¹. Один из понтийских источников фиксирует наличие отрядов *μωρτζάτοι* — крещеных тюрок или отпрысков смешанных

¹⁷⁹ Bryer A. Rural Society in Matzouka. P. 66–75 (V. Defence, land and the Ottoman inheritance); *Idem*. Shipping in the Empire of Trebizond // *Mariner's Mirror*. 1966. Vol. 52. P. 3–12 (= *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № VIII). Много больше известно для этого периода об армиях Ласкарей и Палеологов, см. исчерпывающую сводку в: *Bartusis M. The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, 1992.

¹⁸⁰ Шукуров Р. Тюрки на православном Понте. С. 99.

¹⁸¹ Эта логика срабатывала, в частности, в Румском султанате, в войска которого султаны набирали греков и «франков», чтобы дать адекватный отпор

греко-тюркских браков¹⁸². Однако позже командные посты в этих «иностранных» контингентах перешли в руки местной греческой знати, что фиксируется, по крайней мере, в отношении *амирджандаров*. Клавихо в начале XV в. отметил, что понтийские «греки вооружаются луками и шпагами и другим оружием, как турки, и так же ездят верхом». Несомненно, что в этом и выразилось влияние военного дела тюрков, которые были не только в числе противников греков, но и их «братьев по оружию»¹⁸³.

Не исключено, что в составе трапезундской армии были и другие «этнические» или, скорее, этно-территориальные ополчения. Так, Панарет упоминает «лазские» отряды, а Э. Брайер предположил, что существовали и чанские подразделения¹⁸⁴. Действительно, в провинциях в моменты вражеского нашествия, возможно, вступало в действие нечто подобное закону «всеобщей военной повинности», на основе которой создавались местные ополчения. Такой вывод можно сделать из данных источников, по крайней мере в отношении банды Мацуки. Эти ополченцы из Мацуки, хотя и были вооружены хуже, чем регулярные части (источники именуют ополченцев «легковооруженными»), все же несколько раз, благодаря своей храбрости и победам, попали на страницы понтийских источников¹⁸⁵. Возможно, в число этих ополченцев входили и отряды из зависимых крестьян (*париков*), которые, как предписывал один из императорских хрисовулов (1364 г.), должны были создавать монахи монастыря Сумела (Мацука) в случае атаки «агарян»¹⁸⁶. В Мацуке ополченские отряды, по всей видимости, в организационном плане были обособлены от регулярной *аллагии* — подразделений императорской армии, дислоцированных в провинции и подчинявшихся командующему банды¹⁸⁷.

Помимо императорских войск, собственными формированиями располагали знатные роды, как, например, Кавазиты, которым принадлежали и некоторые крепости на южной границе империи. Возможно, именно это обладание значительной военной силой, а также и опора на хорошо укреп-

специфическим военным техникам своих византийских и армяно-франкских противников (подробнее см.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 231ff*).

¹⁸² *Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introduc., texte et trad. par J. Verpeaux. P. 1966. P. 345²⁴, 348⁶¹; Balivet M. Une dignité byzantine d'origine turque: le «Myrtaitès» (Μυρταίτης) // Idem. Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. Istanbul, 1999. P. 115–123.*

¹⁸³ Клавихо. С. 122.

¹⁸⁴ Bryer A. Rural Society in Matzouka. P. 72, note 56.

¹⁸⁵ См., например: *Libadenos. P. 112¹⁰⁷*.

¹⁸⁶ *Miklosich F., Muller J. Acta et diplomata graeca. T. V. P. 280^{11–14}. Об этом см. также: Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952. С. 98.*

¹⁸⁷ Об *аллагии* как элементе палеологовской армии в эту эпоху см.: *Bartusis M. The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Military Organization in Late Byzantium // REB. 1989. T. 47. P. 183–207.*

ленные родовые замки делала некоторые знатные фамилии империи столь важными в дворцовых интригах.

В состав сухопутных подразделений, по сообщению одного из персидских хронистов XV в., входили и специальные орудия для осады городов и, возможно, огнестрельное оружие (см. гл. IV)¹⁸⁸.

Великие Комнины располагали военным флотом и, что примечательно, на протяжении всей истории империи были в состоянии содержать хотя бы небольшой контингент военных кораблей (для обедневшей Палеологовской Византии в XIV–XV вв. военный флот часто оказывался непосильной роскошью)¹⁸⁹.

Самая большая численность трапезундской профессиональной армии, зафиксированная Панаретом, составляла более двух тысяч человек, конных и пеших (1367 г.). Ибн Биби сообщил однажды о трехтысячном отряде «румийцев», возможно, подразумевая под ним именно трапезундскую армию (см. гл. II)¹⁹⁰.

В войсках вторгавшихся в империю тюрок, как правило, насчитывалось от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. Однажды Панарет сообщил о двенадцатитысячной армии соседа и союзника империи эмира Тадж ал-Дина¹⁹¹. Исключением являлись армии Тимура в 1402 г. и Мехмеда в 1461 г. — они насчитывали более сотни тысяч воинов (см. гл. IV и V). В подавляющем большинстве случаев масштабы военных столкновений на территории империи не были велики: военные действия велись чаще между несколькими сотнями, реже — несколькими тысячами воинов. Соответственно, как правило, относительно низки были и потери сторон в ходе этих столкновений (несколько человек, несколько десятков человек). Так, в одном из сражений императорская армия потеряла убитыми «42 ромея, павших же тюрок и тюрчанок, и тюрчат насчитывалось более чем сотня»¹⁹².

* * *

В примечаниях названия источников и исследований на греческом языке даются в стандартной латинской транскрипции. Среднегреческое понтийское «τζ», которое соответствовало в понтийском диалекте звукам «дж» и «ч», в большинстве случаев будет передаваться русским «ц», согласно общепринятым правилам транскрипции греческих слов в русской письменности. В ряде случаев, значимых для логики изложения, без повторных оговорок будет даваться действительное произношение «дж» или «ч».

¹⁸⁸ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. 90.

¹⁸⁹ *Bryer A. Shipping in the Empire of Trebizond...*

¹⁹⁰ *Panaretos*. Р. 76; *Ibn Bibi (Mukhtasar)*. Р. 238.

¹⁹¹ *Panaretos*. Р. 80^{13–19}.

¹⁹² *Panaretos*. Р. 79^{28–30}.

Пространные персидские и арабские цитаты приводятся в большинстве случаев на арабской графике. Отдельные термины на этих языках даны, как правило, в стандартной латинской транскрипции по системе, принятой во втором издании *The Encyclopaedia of Islam* с единственной, ставшей общепринятой модификацией — буква *z* передается через «j», а не «dj». В некоторых местах дана стандартная востоковедческая русская транскрипция (кириллический вариант системы EI). Цитаты на османском турецком приводятся либо на арабице, либо в тюркологической латинской транскрипции.

Наиболее употребительные анатолийские мусульманские топонимы автор старался давать в более привычном современном турецком произношении, хотя, как показывают отрывочные данные источников, часто оно весьма сильно отличается от средневекового. Небольшая часть малоупотребительных и сугубо средневековых анатолийских топонимов дана в транскрипции EI, которая во многих случаях лучше отражает их средневековую фонетическую форму. Таким образом, автор старался избежать анахронизма, прилагая новое турецкое произношение к древним доосманским названиям. Хотя, следует признать, что в этой двоякой системе транскрипции трудно было сохранить последовательность, и некоторые существующие в современной Турции географические названия могут присутствовать в настоящей книге в условной фонетической форме по системе EI.

Точно так же, во избежание анахронизмов, все арабские, персидские и тюркские имена собственные даны в условной научной транскрипции, за исключением имен турок-османов, которые более привычны в их современной турецкой форме (тур. Селим, а не ар. Салим, тур. Мехмед, а не ар. Мухаммад и прочее).

В заключение автор считает своим приятным долгом обратить слова благодарности к своему брату Ш. М. Шукурову, без чьей настойчивой инициативы эта книга вряд ли увидела бы свет. Автор пользуется случаем поблагодарить всех своих коллег по кафедре истории средних веков Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и действующей при ней Лаборатории по истории Византии и Причерноморья за создание той творческой среды, которая способствовала написанию этой книги. Автор благодарит также М. Курышеву за помощь в работе над корректурой этой книги. Особую признательность автор выражает заведующему кафедрой и лаборатории, декану Исторического факультета С. П. Карпову, чья многообразная помощь во многом повлияла на облик настоящего исследования.

Глава I

КОМНИНОВСКИЙ МЯТЕЖ (1204–1214 гг.)

Основание Трапезундской империи до сих пор остается в литературе проблемой дискуссионной. Неоднозначными представляются идеологическая, политическая и социальная подоплеку образования нового государства на Понте, спорным остается целый ряд вопросов первостепенной важности — от роли отдельных исторических личностей в событиях и вплоть до датировок основных этапов в становлении комниновской власти на Понте¹. Именно лапидарность дошедших до нас источников, отмечавшаяся во «Введении», препятствует воссозданию детализированной и в полной мере достоверной картины событий, приведших к власти в восточных провинциях Византии Алексея I, первого трапезундского им-

¹ Важнейшие работы: *Fallmerayer J.* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827; *Куник А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗИАИ по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. С. 705–733; *Vasiliev A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222) // *Speculum*. 1936. Vol. 11. P. 3–37; *Idem.* Empire of Trebizond in history and literature // *Byzantion*. 1940–1941. Т. 15/1. P. 316–377; *Успенский Ф.* Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // *СК*. 1927. Т. I. С. 21–34; *Lampsides O.* Peri ten hidrysin tou kratous ton megalon Komnenon // *AP*. 1971–1972. Т. 31. С. 3–18. Новейший и наиболее полный обзор проблем, связанных с основанием Трапезундской империи, снабженный подробной библиографией, см. в: *Карнов С. П.* Основание Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // *ВВ*. 2001. Т. 60 (85). С. 5–29.

ператора, правившего в 1204–1222 гг., и его брата Давида. В настоящей главе, не претендуя на разрешение всего многообразия проблем, связанных с основанием Трапезундской империи, мы сфокусируемся на одном комплексе взаимосвязанных аспектов, которые до сих пор не нашли в историографии систематической проработки и которые, вместе с тем, чрезвычайно важны для понимания логики последующего развития трапезундско-восточных отношений. Ниже мы намерены рассмотреть раннюю историю Трапезундской империи в контексте комниновских имперских и семейных традиций по преимуществу. Как будет показано, именно родовые традиции династии в целом и, в частности, ее младшей ветви, к которой принадлежали Алексей и Давид, сыграли важную роль как в генезисе самой понтийской государственности, так и в сложении особой парадигмы взаимоотношений трапезундских Комнинов с их анатолийскими соседями.

1. ПОПЫТКА РЕСТАВРАЦИИ

Сентябрьское восстание 1185 г. в Константинополе положило конец более чем столетнему правлению династии Комнинов в Византийской империи. Сменивший Андроника I (1183–1185) Исаак II Ангел (1185–1195), оказавшись во главе восставших во многом благодаря случаю и, быть может, даже против своей воли, положил начало недолгому и поистине разрушительному для Византии правлению династии Ангелов (1185–1204).

В византийском сознании достаточно сложно и неоднозначно отразились низвержение Комнинов и смена царствующих династий. Комниновская династия на протяжении XII столетия приобрела неоспоримый авторитет царского рода, обладающего среди других знатных фамилий неким неписанным приоритетным правом на императорскую власть. Идея этого харизматического предназначения Комнинов оставалась актуальной и многие десятилетия спустя. Много позже, когда поздневизантийские императорские династии (Ласкари-Ватаци в Никее, Комнины-Дуки в Эпире, Великие Комнины в Трапезунде, а позже и Палеологи в Константинополе) оправдывали свои притязания на экуменическую власть ромейских василевсов, то подчеркивали, в частности, свои кровнородственные связи с царской династией Комнинов. Имя «Комнин» вошло в официальные патронимы поздневизантийских государей, обратившись в своего рода неофициальную компоненту ромейского царского титула².

Начало этой практике положили уже Ангелы, которые состояли в тесных родственных связях с Комнинами (Феодора, дочь Алексея I Ком-

² См., например: *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 259–260; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi // *AP.* 1975. Т. 35. Р. 321–322.

нина (1081–1118), приходилась бабкой Исааку II Ангелу) и были вынуждены учитывать укоренившиеся в византийском сознании того времени представления о харизматическом характере Комниновской власти как таковой. Исаак II пребывал в убеждении, что первые шесть лет его правления на самом деле по праву принадлежали Андронику I, однако Бог отнял эти годы у последнего за смертные прегрешения и «пришил» их, «как некие лоскуты», к порфире Исаака³. Исаак II, несомненно, желал видеть себя полноправным членом царского Комниновского рода, задумываясь о том, что собственное его имя и имя порфирородного его сына Мануила, следуя за именем Андроника, могут продолжить осуществление известного пророчества о АИМА, которое, как известно, касалось исключительно фамилии Комнинов⁴.

Однако свое полное завершение идея «комниновского характера» власти Ангелов нашла в правление брата и преемника Исаака — Алексея III (1195–1203), который в официальной титулатуре отбросил имя Ангелов вовсе и короновался как василевс Алексей III Комнин⁵. Что знаменательно, константинопольцы в ответ на заявление нового императора о перемене патронима возмутились, заявив, что более не желают быть под властью надоевших им Комнинов⁶.

Несмотря на эти усилия Ангелов и их действительное родство с великими предшественниками, в целом их власть понималась византийским сознанием как разрыв с комниновской имперской традицией. Идея восстановления законной власти Комнинов находила многочисленных адептов не только среди представителей самой комниновской фамилии, но и в широких слоях византийского общества от аристократии до низших классов, как в столице, так и в провинции. Как в европейской, так и в азиатской частях империи то и дело вспыхивают восстания претендентов на императорский престол, действительно принадлежавших к комниновскому роду, равно как и самозванцев, не имевших к Комнинам никакого отношения. Это оппозиционное движение можно охарактеризовать как «прокомниновское реставрационное движение».

³ *Nicetas Choniates. Historia* / Ed. J. L. van Dieten. Berlin; N. Y., 1975. Vol. I. P. 433 (в дальнейшем — *Nic. Chon.*).

⁴ См. об этом пророчестве и его роли в эпоху Исаака II: *Brand C. M. Byzantium Confronts the West, 1180–1204*. Cambridge, Mass. 1968. P. 97; *Varzos K. He genealogia ton Komnenon*. Thessalonike, 1984. T. 2. P. 815; *Idem. La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prédiction AIMA (Sang) et l'héritage des Grands Comnènes de Trébizonde et de Anges-Comnènes-Doukas d'Epire face aux Lascarides de Nicée* // *JÖB*. 1988. T. 32/2. P. 357–358; *Shukurov R. AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi* // *BMGS*. 1995. Vol. 19. P. 161–181; *Idem. Three Lives of One Prophecy // The Humanities in Russia: Soros Laureates (Psychology, History...)*. Moscow, 1997. P. 87–91 (то же: *Шукуров Р. Три жизни одного пророчества // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология... М., 1996. С. 168–178*).

⁵ *Nic. Chon.* Vol. I. P. 459.

⁶ *Nic. Chon.* Vol. I. P. 456.

Племянник Андроника I Исаак Комнин, арестованный Исааком II, бежал в 1190 г. из заточения и провозгласил себя василевсом в Св. Софии. Однако, не найдя достаточной поддержки, был схвачен верными василевсу людьми и подвергнут мучительной казни⁷. Исаак Комнин стоял во главе целого заговора, перед смертью под пытками он выдал имена своих сообщников. Параллельно с Исааком и, по-видимому, самостоятельно действовал Константин Татикий Комнин, потомок Татики — прославленного полководца и преданного соратника Алексея I Комнина, возглавивший другую обширную сеть заговорщиков, числом до пятисот человек⁸.

Наиболее опасный мятеж, чуть было не увенчавшийся успехом, возглавил 31 июля 1200 г. Иоанн Аксух Комнин Толстый (Παχύς), сын порфирородной Марии Комнины — дочери давно умершего Алексея, официального приемника Иоанна II Комнина (1118–1143). Иоанн Толстый венчался на царство в Св. Софии, занял Большой дворец и на несколько часов установил контроль над Константинополем. Однако в первую же ночь войска, сохранившие верность Алексею III, застigli врасплох мятежников и восстановили власть Ангелов⁹.

Никита Хониат упоминает и менее важные прокомниновские мятежи, как то заговор Алексея (?) — правнука кесаря Вриенния и Анны Комнины (ок. 1190/91 г.); другой мятеж некоего безымянного и обедневшего отпрыска Комниновского рода, а также интриги бывшего властителя Кипра Исаака Комнина¹⁰.

Прокомниновские настроения, охватившие провинциальную ремесленную и крестьянскую среду, проявили себя в движениях Второго, Третьего и Четвертого Лже-Алексеев — самозванцев, выдававших себя за Алексея II (1182–1183), сына Мануила I, задушенного по приказу Андроника I. Константинопольские власти приложили значительные усилия для подавления восстаний Лже-Алексеев на северо-западных анатолийских территориях в период между 1192–1195 гг.¹¹

Можно догадываться, что источники зафиксировали далеко не все проявления этих попыток комниновской реставрации в конце XII — начале XIII вв. Однако бесспорным представляется следующее: эти мя-

⁷ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 423; *Varzos K.* *He genealogia ton Komnenon.* T. 2. S. 507–508; *Brand C. M.* *Byzantium Confronts the West.* P. 84–85; *Cheyne J. Cl.* *Pouvoir et contestations à Byzance* (963–1210). P., 1990. P. 123 (№ 172).

⁸ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 509; *Gautier P.* *Le synode des Blachernes* // *REB.* 1971. T. 29. P. 252–254; *Cheyne J. Cl.* *Pouvoir et contestations à Byzance.* P. 123 (№ 174).

⁹ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 526–527; *Varzos K.* *He genealogia ton Komnenon.* T. 1. S. 324 note 34; T. 2. S. 752; *Brand C. M.* *Byzantium Confronts the West.* P. 98, 122–123; *Cheyne J. Cl.* *Pouvoir et contestations à Byzance.* P. 128 (№ 195).

¹⁰ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 423, 428, 464; *Brand C. M.* *Byzantium Confronts the West.* P. 85, 124.

¹¹ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 420, 422–423, 461–463; *Varzos K.* *He genealogia ton Komnenon.* T. 2. S. 471–481.

тежи и заговоры представляли собою частное проявление более широкого прокомниновского реставрационного движения, ставшего одним из влиятельных факторов византийской политики в ту эпоху. Нет причин не доверять оценке столь глубокого и информированного историка, как Никита Хониат, который крайне негативно оценивая политическую активность Комнинов в посткомниновскую эпоху, с негодованием писал: «Итак, если что и было *главнейшей причиной упадка Ромейской державы и разорения земель и городов, а, в конце же концов, и гибели ее, то это мятежники и искатели престола из Комнинов*. Ибо убегая к народам, враждебным ромеям, они становились всегубительной язвой отечества, хотя, живя среди нас, в руководстве, распоряжении и управлении делами были они самыми неспособными, наиболее бесполезными и никчемными»¹². Угроза комниновской реставрации составила одну из насущнейших внутриполитических проблем, с которой приходилось сталкиваться Ангелам на протяжении всего их правления.

Самой мощной реставрационной волной явилось выступление внуков Андроника I — Алексея и Давида, поднявших на восточной окраине империи в апреле 1204 г. мятеж против Ангелов и едва не распространивших свою власть по всей территории империи.

2. ПОТОМКИ СЕВАСТОКРАТОРА ИСААКА

Алексей и Давид принадлежали, пожалуй, к одной из самых ярких и претенциозных ветвей Комниновского рода, давшей целый ряд непримиримых в своей гордыне бунтарей. Прадед царевичей, Исаак Комнин (род. 16. I. 1093 г. — ум. после 1152 г.), младший сын Алексея I, после смерти отца помог своему брату Иоанну утвердиться на троне и, приобретя почти неограниченное влияние на василевса, удостоился титула севастократора, наивысшего после императорского. Однако позже его отношения с Иоанном II портятся; в 1130 г. он участвует в заговоре против василевса, а после разоблачения бежит в Анатолию. Почти восемь лет Исаак вместе со старшим сыном Иоанном (род. около 1112 г. — ?) скитался по столицам анатолийских правителей, враждебных Византии, в надежде найти опору для борьбы с братом: посетив двор Данишмандидского эмира Гюмюштегина Гази, он отправился затем в Трапезунд к мятежным Гаврам, оттуда вновь к Данишмандидам, затем в Киликийскую Армению и, наконец, к сельджуку Руки ал-Дину Мас'уду I (1116–1156).

Гордыню Исаака и его вкус к странствиям вполне унаследовали его сыновья. Уже после примирения Исаака с василевсом, его сын Иоанн, участвовавший в походе императора на Неокесарию и против Гавров в 1139/40 гг., обиделся по ничтожному поводу на своего дядю Иоанна II и

¹² Nic. Chon. Vol. I. P. 529 (курсив мой. — Р. Ш.).

бежал из византийского стана к сельджукам. При сельджукском дворе он принял ислам и женился на дочери султана. Уже после смерти Иоанна, император Мануил I видел мусульманскую вдову Иоанна, когда осаждал Конью¹³

Удел странника выпал и другому сыну севастократора Исаака — Андронику. Блестящий аристократ, обладавший, по словам Хониата, царственной внешностью, неукротимым характером, острым и насмешливым умом, в правление Мануила I (1143–1180) дважды оказывался в константинопольской темнице, объехал изгнанником полмира от Иерусалима до Руси и, в конце концов, завоевал для себя ромейский престол. Однако когда престарелый Андроник обрел в 1183 г. возделенный царский венец, удача от него отвернулась — жизнь его окончилась бесславно. Андроник сам пал жертвой поощрявшего его прежде произвола: константинопольская чернь предала Андроника I долгой и мучительной смерти¹⁴.

Отец Алексея и Давида — старший сын Андроника I Мануил (род. в 1145 г.), личность несомненно незаурядная, не оцененная по достоинству современными историками. В период гонений на Андроника в конце 1150–1170-х гг., в котором Мануил I не без оснований видел опасного соперника, девятнадцатилетний Мануил, несмотря на добрые отношения с василевсом, взял сторону отца и помог ему бежать из темницы (1164). Этот сын Андроника I являлся, быть может, тем самым Мануилом Комнином, царским посланцем, который посетил в 1165 году Киев и Галицкое княжество и, блестяще исполнив свою миссию, вовлек киевского князя Ростислава и галицкого Ярослав в орбиту северной политики Византии¹⁵. В 1167 г. Мануил участвовал в еще одной почетной миссии: он сопро-

¹³ *Vryonis Sp., Jr.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971. P. 230–231, notes 516, 517, 518; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 94.

¹⁴ Об этой ветви Комнинов и, в особенности, об Андронике см., например: *Диль Ш.* Византийские портреты / Пер. М. Безобразовой. М., 1994. Глава IV: «Романтические похождения Андроника Комнина» (с. 278–307); *Васильев А. А.* История Византийской империи (от начала Крестовых походов до падения Константинополя). СПб., 1998. С. 11–14; *Успенский Ф. И.* История Византийской империи (XI–XV вв.). М., 1997. С. 222–236.

¹⁵ *Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke.* Bonnae, 1836. P. 232. 3–7 (далее — *Kinnamos*); *Varzos K.* He genealogia ton Komnenon. T. 2. S. 512–513; *Jurewicz O.* Andronik I Komnenos. Wroclaw, 1962. P. 142–149; *Chalandon F.* Les Comnène. Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. Vol. 2: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). P., 1912. P. 481–482; *Шестаков С.* Византийский посол в Русь, Мануил Комнин // *Mélanges Korsakov.* Казань, 1913. P. 381. *Ci.: Vernadsky G.* Relations byzantino-russes au XIIe siècle // *Byzantion.* T. 4. 1927–28. P. 270–271. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. L., 1971. P. 231; *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 246–247.

вождал в Иерусалим Марию Комнину, невесту иерусалимского короля Амальрика I.

В правление своего отца Мануил решительно дистанцировался от репрессивной политики императора. В августе 1183 г. он отказался исполнить приказ Андроника I, повелевшего ему и севасту Георгию (брату жены Андроника I) предать смерти вдову Мануила I Марию-Ксению, дочь Антиохийского князя Раймунда. Ровно через два года в августе 1185 г. в период норманнского вторжения на Балканы Андроник I, опасаясь антиправительственных заговоров в самом Константинополе, сфабриковал судебное определение, предписывавшее предать смерти всех заключенных и ссыльных, а также оставшихся на свободе их родственников. На совещании в Мелудийском дворце василевс вновь попытался возложить исполнение репрессивной акции на своего старшего сына. Однако Мануил в резкой форме отказался от порученной ему миссии, исполнение которой обречало на смерть, по словам Мануила, почти всю Ромейскую империю¹⁶.

Андроник I, хотя и почтил старшего сына званием севастократора, однако в вопросе наследования он отдал предпочтение своему второму сыну Иоанну, зачатому Андроником в заточении в 1164 г. По всей видимости, подтолкнула Андроника I к этому решению строптивость Мануила, а также советы прорицателей, считавших, что во исполнение старого пророчества о АИМА вслед за Андроником должен воцариться василевс с именем, начинающимся на *йоту*¹⁷. Лишь в разгар мятежа Андроник I объявил взбунтовавшимся константинопольцам о своем отречении в пользу севастократора Мануила. Однако и имя популярного в народе Мануила уже не могло остановить восставших. Исаак II Ангел, хотя и знал о непричастности севастократора к преступлениям отца, все же арестовал Мануила и ослепил его, избавляясь тем самым от одного из главных претендентов на комниновское наследие. Произошло это в ближайшие дни после 12 сентября 1185 г. Иоанна, брата Мануила, ослепили у Филиппополя; Иоанн умер в результате этой мучительной операции. О дальнейшей судьбе Мануила источники умалчивают; скорее всего он ненадолго пережил своего отца и младшего брата¹⁸.

По гипотезе, высказанной Ф. И. Успенским, несколькими десятилетиями позже потомки Мануила, возможно, перевезли его прах в Трапезунд, в новую комниновскую столицу¹⁹.

¹⁶ Nic. Chon. Vol. 1. P. 335–338; Brand C. M. Byzantium Confronts the West. P. 69.

¹⁷ Nic. Chon. Vol. 1. P. 107, 220, 315, 356, 379, 409, 415, 425–426, 451, 557. См. также: Shukurov R. AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi; *Idem*. Three Lives of One Prophecy; Шукров Р. Три жизни одного прорицания.

¹⁸ Varzos K. He genealogia ton Komnenon. T. 2. S. 525 note 59; *Lampsides O. Peri ten hidrysin*. S. 11–14.

¹⁹ Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 42; Varzos K. He genealogia ton Komnenon. T. 2. S. 527.

Следует подчеркнуть, что Исаакова ветвь Комниновской династии, пожалуй, в наибольшей мере, чем другие ветви рода оказалась связанной с мусульманскими соседями Византии. Потомки принявшего ислам Иоанна упоминаются в сельджукских источниках вплоть до второй половины XIII в.²⁰ Еще в 1143 г. Андроник побывал в сельджукском плену, около 1167 г. в своих скитаниях посетил Багдад, а между 1173–1176/7 и 1180 гг. владел от имени эрзерумского эмира Мухаммада Сальдукида некой крепостью у Колонии на границе с византийской Халдией. Будучи подданным Сальдукидов, Андроник совершал набеги на византийские земли, за что Церковь предала его анафеме²¹. Давние и устойчивые связи с анатолийскими мусульманами, знание об анатолийском тюркском мире из первых рук, как мы покажем позже, сослужили хорошую службу потомкам Андроника I — трапезундским Великим Комнинам.

В связи с этим, отвлекаясь от родовой истории Комнинов, стоит отметить, что традиционная связь понтийской знати с анатолийскими тюрками-мусульманами удостоверяется и примером Гавров (Γαβράς), еще одного знаменитого византийского рода, корни которого восходят к концу X в. Представители этой знатной понтийской фамилии возвысились в конце XI в., на гребне борьбы с тюркским нашествием. Наиболее вероятная этимология их родового имени, возводимая к арамейскому корню GBR (> *gabr* «неверный» — именование, по утверждению Э. Брайера, прилагавшееся к христианским *акритам* на мусульманской службе), позволяет думать, что родоначальники фамилии происходили из контролируемых мусульманами территорий. В 1075 г. Феодор Гавра, *дука* фемы Халдия, отбил у тюрков захваченный ими Трапезунд. В 1098 г. он был пленен и казнен тюрками, а греки позже отметили его военные подвиги и мученичество, причислив Феодора к лику святых (день поминовения 2 октября). Однако сепаратистская политика Гавров рассорила их с Константинополем и ок. 1165 г. Мануил I полностью восстановил императорскую власть в Халдии.

Уже к 1140-м гг. некий представитель рода Гавров был на службе у сельджуков; Мануил I пленил его под Коньей и казнил в 1146 г. Позже некоторые из оказавшихся в немилости Гавров бежали с византийских территорий, в частности, и в Румский султанат. Известно, по крайней мере, о четверых из Гавров, служивших султанам. Самый знаменитый из них — визир султана Кылыч-Арслана II (1156–1192) Ихтийар ал-Дин Хасан б. Гафрас (Гавра), имевший наследственные поместья у Эрзинджа-

²⁰ См. рецензию П. И. Жаворонкова и Р. Шукурова на книгу: A. A. Savvides, *Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols*. Thessaloniki, 1981. (BB. 1987. T. 46. C. 173–174).

²¹ *Nic. Chron.* Vol. 1. P. 142, 225; *Kinamos*. VI, 1; *Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades*, c. 979–c. 1653 // *University of Birmingham Historical Journal*. 1970. Vol. XII. P. 180 and note 56; *Cheyne J. Cl. Pouvoir et contestations à Byzance*. P. 109.

на. В результате интриг он был вынужден покинуть Конью, однако на пути в свои имения под Эрзинджаном он был перехвачен туркменами и вместе со своими сыновьями претерпел изуверскую казнь (сентябрь 1189 г.). Его имения наследовал Бахрам-шах, тогдашний правитель Эрзинджана из рода Мангуджаков (о нем см. гл. II). Знаменательно, что Гавры часто упоминались в составе посольств между византийским и сельджукским дворами — это обстоятельство лишний раз подчеркивает «двойственный» статус этого анатолийского рода в греко-тюркских отношениях того времени²².

3. ВНУКИ АНДРОНИКА И ГРУЗИЯ

В 1185 г. сыновья Мануила — трехлетний Алексей и его младший брат Давид, избежали участи своего отца, деда и дяди. О судьбе братьев между 1185 и 1204 гг. источники не донесли до нас почти никакой достоверной информации. Вместе с тем, именно об этом периоде жизни царевичей уже несколько поколений историков ведут неутихающие споры²³. Все многообразие точек зрения, появившихся за последние более чем полтора столетия, основано на оттенках толкования, по существу, одной единственной фразы, которой открывается хроника Михаила Панарета, официального историографа трапезундских императоров, жившего в XIV в. Хроника Панарета открывается следующими словами:

²² Этимологию имени см.: *Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827. S. 19 Anm. 3.*

См. пропосографические работы по истории рода Гавров: *Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979–c. 1653. (в особенности см.: P. 166, 169–171, 174–181 and № 1, 3, 6–13); Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D. M. A Byzantine Family: The Gabrades. An Additional Note // BS. 1975. T. 36. P. 38–45, и особенно: P. 39–40 (=Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series. L., 1980. № IIIa–IIIb); Бартикян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1987. Т. 118. № 3. С. 190–200; 1987. Т. 119. № 4. С. 181–193; 1988. Т. 120. № 1. С. 163–178.*

О Гаврах на мусульманской службе см.: *Cahen Cl. Une famille byzantine au service des Seldjoukides d'Asie Mineure // Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag / Hrsg. P. Wirth. Heidelberg, 1966. P. 145–149; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 90, 97, 103, 112–113 and Index; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 231–232, 360–361.*

О мученичестве Феодора Гавры см.: *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 360–361; Papadopoulos-Kerameus A. Symbolai eis ten historian Trapezountos // BB. 1906. T. 12. С. 132–137; Пападопулос-Керамевс А. Сборник источников по истории Трапезундской империи, I // Записки историко-филологического факультета Имп. С.-Петербургского Университета. СПб., 1897. Т. 44. С. 59.*

²³ См. недавнюю публикацию С. П. Карпова, в которой дается анализ основных точек зрения (*Карпов С. П. Основание Трапезундской империи. С. 5–13*).

«Пошел Великий Комнин к^{ир} Алексей, вышедший из счастливого Константинополя, поведя войска из Ивирии при помощи и стараниями его тетки по отцу Тамары, и овладел Трапезундом в месяце апреле, седьмого индикта, года 6712 (т. е. 1204. — Р. Ш.), будучи двадцати двух лет [от роду]» (Ἦλθεν ὁ μέγας Κομνηνός, ὁ κῆρ Ἀλέξιος, ἐξελθὼν μὲν ἐκ τῆς εὐδαίμονος Κωνσταντινουπόλεως, ἐκστρατεύσας δὲ ἐξ Ἰβηρίας, σπουδῇ καὶ μόχθῳ τῆς πρὸς πατρός θείας αὐτοῦ Θάμαρ, καὶ παρέλαβε τὴν Τραπεζοῦντα μηνὶ Ἀπριλίῳ, ἰνδικτιῶνος ζ', ἔτους, ς ψιβ', ἐτῶν ὧν κβ')²⁴.

Современные интерпретации приведенного высказывания Панарета, при всей его лаконичности, лежат в основе решения двух ключевых проблем: а) судьба царевичей Алексея и Давида между 1185–1204 гг.; б) роль Грузии в рождении комниновского государства на Понте в XIII в. Обзор этих интерпретаций мы и посвятим нескольким последующим страницам.

3.1. БЕГСТВО В ГРУЗИЮ

Бесспорно, что цитированный текст Панарета позволяет однозначно утверждать, что Алексей и, скорее всего, Давид вместе с ним некогда прежде находились в Константинополе, а потом покинули его. Однако относительно времени отъезда царевичей из византийской столицы мнения исследователей расходятся.

Существует две достойных внимания версии²⁵: первая, наиболее подробно обоснованная А. Куником и А. А. Васильевым, постулирует «раннее» бегство царевичей из столицы от мести Ангелов сразу после переворота 1185 г.; вторая версия, выдвинутая в последнее время М. Куршанским, О. Лампсидисом и К. Варзосом, доказывает их «позднее» бегство, в первые годы XIII столетия²⁶.

Главная слабость обеих концепций заключается в том, что они, за отсутствием сколько-нибудь надежных сведений в источниках, вынужденно основываются на умозаключениях общего порядка. Гипотеза «раннего» бегства царевичей из Константинополя автору этих строк представляется более правдоподобной, несмотря на все попытки ее пересмотра.

Несомненно, прав К. Варзос, показавший, что победивший Исаак II Ангел отнюдь не стремился уничтожить весь комниновский род, как не-

²⁴ Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon / Ed. Od. Lampsides. Athenai, 1958. 61¹⁻⁴ (далее — *Panaretos*). Подробный анализ этого отрывка см.: *Lampsides O. Peri ten hidrysin*. S. 15–16.

²⁵ См. также: *Карнов С. П.* Основание Трапезундской империи.

²⁶ *Куник А.* Основание Трапезундской империи в 1204 г. С. 717–718; *Vasiliev A.* The Foundation of the Empire of Trebizond. P. 9; *Kursanskis M.* Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'empire de Trébizonde // AP. 1970. T. 30. P. 112–113; *Panaretos*. P. 111–114 (Комментарии О. Лампсидиса к хронике Панарета); *Lampsides O. Peri ten hidrysin*. S. 14–17; *Varzos K.* He genealogia ton Komnenon. T. 2. S. 525–526. Другие более ранние версии этих событий см.: *Vasiliev A.* Ibid.

когда предполагал А. А. Васильев. Нет сомнений и в том, что византийцы, по справедливому замечанию того же К. Варзоса, сколь жестока ни была междоусобная борьба, старались, по неписанному закону, щадить малолетних детей своих врагов²⁷. Однако бесспорно и то, что происхождение братьев, являвшихся через отца прямыми наследниками власти Андроника I, неизбежно делало их слишком опасными конкурентами для Исаака II. Исаак II приложил особые усилия для заблаговременной нейтрализации потенциальных преемников Андроника I: об этом свидетельствует судьба двух Андрониковых сыновей, равно как и другого Исаака, племянника свергнутого императора, пять лет (с 1185 по 1190 г.) содержавшегося в темнице. Поэтому, присоединяясь к мнению А. Куника и А. Васильева, логично было бы предположить, что Константинополь под властью Ангелов являлся не самым безопасным местом для царевичей: оставаясь в столице они рисковали не только подпасть под превентивные репрессии властей, но и оказаться вовлеченными (даже против собственной воли) в прокомниновские мятежи, многие из участников которых поплатились жизнью за нелояльность правящей династии²⁸.

Наряду с общими соображениями в поддержку гипотезы «раннего» бегства можно привести, пожалуй, лишь один весомый аргумент, выдвинутый, кстати, ее противником — М. Куршанским. Исследователь показал, что примерно в 1188/89 г. Алексей (1170 — ок. 1199), незаконный сын Андроника I от его племянницы и любовницы Феодоры, женился в Грузии на некоей безымянной грузинке, став основателем княжеского рода аластанских Андроникашвили²⁹. Можно допустить, что Алексей и Давид появились в Грузии вместе со своим дядей, бежавшим из Константинополя в Грузию до 1188/89 г. Во всяком случае, женитьба незаконнорожденного Алексея — единственный ныне известный факт, дающий определенное, хотя и очень косвенное указание на предположительную дату приезда царевичей Алексея и Давида в Грузию.

И последнее, что хотелось бы отметить в этой связи. Никита Хониат дважды многозначительно подчеркнул, что Андроник I, пытаясь спастись от мятежников, собирался бежать к «тавроскифам», ибо счел ромейские провинции и земли «других народов» опасными для себя³⁰. Под «тавроскифами» следует понимать либо половцев, либо (что более вероятно в данном контексте) русские земли, а именно Галицкое княжество, где Ан-

²⁷ Varzos K. Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Kuršanskis M. Autour des sources géorgiennes de la foundation de l'Empire de Trébizonde. P. 114–115; Toumanoff C. On the Relationship between the Founders of Trebizond and the Georgian Queen Thamar // Speculum. 1940–1941. Vol. 15. P. 299–312; Idem. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasic chrétienne (Arménie-Géorgie-Albanie). Roma, 1977. P. 578; Varzos K. He genealogia ton Komnenon. T. 1. S. 638; T. 2. S. 535–537.

³⁰ Nic. Chon. Vol. 1. P. 347, 348; Lampsidis O. Peri ten hidrysin. S. 9–11.

дроник однажды (в 1164–1165 гг.) уже обрел убежище³¹. Если Андроник I и в самом деле оказался в 1185 г. столь стесненным в выборе для себя убежища, как в этом убеждает Хониат, то необходимо допустить, что и его сын и внуки, покинув Константинополь, добирались до Грузии далеко не сразу и через третьи страны.

Поддерживая гипотезу «раннего» бегства царевичей, вместе с тем следует отдать должное и весомости ее критики. В особенности, это касается построений О. Лампсидиса, считающего, что Алексей и Давид покинули Константинополь в июле 1203 г. после первого захвата столицы крестоносцами и убедительно показавшего, что тексты Миханла Панарета и Георгия Акрополита, если не подтверждают, то по крайней мере не противоречат этому допущению³².

Словом, по нынешний день этот спор неразрешим средствами тех аргументов, которые донесли до нас источники. Твердо известно лишь одно — к 1204 г. Алексей и Давид оказались во владениях грузинской царицы Тамары (1178–1207), откуда они и вторглись в византийскую Халдию, положив начало почти 250-летней власти Комнинов на Понте.

Грузия далеко не случайно оказалась местом убежища для гонимой комниновской аристократии. Комнинов связывали с правящим грузинским домом Багратидов прочные узы взаимной симпатии, закрепленные матримониальным союзом. Еще в 1118 г. Ката, дочь царя Давида II Багратида, вышла замуж за Алексея Комнина (первенца Анны Комнины и Никифора Вриенния) и приняла в Византии имя Евдокия. В 30-х гг. XII в. Ката-Евдокия вступает во второй брак с другим Алексеем, первородным сыном и наследником императора Иоанна II. Бегство Алексея и Давида, а также их дяди Алексея в Грузию, вероятно, в не меньшей степени было предопределено давней и тесной связью с Багратидами самого Андроника I. Андроник посещал двор грузинского царя Георгия III (1155–1184) в период своих скитаний около 1170 г. и участвовал в походах грузин против соседних мусульман. Можно думать, что связи Андроника с Грузией не прекратились и позже, когда он в 1174/77–1181 гг. правил мусульманской крепостью у границ Халдии, а затем принял от императора наместничество в Инее (около 1180 г.)³³. Андроник в качестве мусульманского и византийского должностного лица вряд ли избежал сношений с администрацией соседней Грузии³⁴.

³¹ Jurewicz O. Andronik I. P. 74–75.

³² Lampides O. Peri ten hidrysin. S. 14–17. М. Куршанскис полагает, что царевичи были вывезены из столицы после восстания Иоанна Аксуха (1200 г.). см.: Kuršanskis M. Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'Empire de Trébizonde. P. 113.

³³ Nic. Chon. Vol. 1. P. 142; Varzos K. He genealogia ton Komnenon. T. I. S. 316, 344–345, 526–530; T. 2. S. 68; Vasiliiev A. The Foundation of the Empire of Trebizond. P. 4–9; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 146.

³⁴ Bryer A. David Komnenos and Saint Eleutherios // AP. 1988/89. T. 42. P. 176.

3.2. ЦАРИЦА ТАМАРА

Между семейством Андроника и Багратидами был заключен матримонный союз, на что указывает оброненное Панаретом лаконичное замечание, вызвавшее многочисленные и противоречивые комментарии исследователей. Панарет в толкуемом отрывке называет грузинскую царицу Тамару «теткой по отцу» Алексея и, следовательно, его брата Давида (ἡρὸς πατρὸς θείας αὐτοῦ Ὀψάρ)³⁵. Большинство исследователей, в целом, безуспешно пытались выяснить реальную подоплеку этого замечания Панарета, определяя, чьей супругой являлась некая гипотетическая грузинская принцесса: самого Андроника или же его сына Мануила? Оба допущения, за отсутствием подтверждений в источниках, не выдерживают серьезной критики³⁶. Наиболее правдоподобной для нынешнего состояния источников представляется гипотеза М. Куршанскиса, нашедшая отражение и в штудиях князя К. Туманова и К. Варзоса. По мнению М. Куршанскиса, царица Тамара являлась для Алексея и Давида «теткой по отцу» в результате уже упоминавшегося брака Алексея, незаконнорожденного сына Андроника, на некоей принцессе из рода Багратидов³⁷.

В византийско-грузинских отношениях эпохи Комнинов личные династические связи, вероятно, играли далеко не последнюю роль. Антикомниновский переворот в Константинополе и жестокая казнь Андроника I, по всей видимости, отрицательно сказались на грузинско-византийских отношениях. Об этом красноречиво свидетельствует широко известный, но не всегда оцениваемый по достоинству факт: Алексей III Ангел проявил редкую бесцеремонность и вызывающую враждебность, повелев разграбить богатые дары, предназначенные царицей Тамарой для афонских и ближневосточных монастырей. Это демонстративное нарушение традиций благочестия, совершенное самим христианнейшим василевсом, возможно, объясняется сугубо личной, «кровной» враждой между императором и царицей³⁸. Я полагаю, именно пролитая в Константинополе кровь Андроника I и других Комнинов разделила Ангелов и Багратидов. Вместе с тем, сложившиеся в XII в. добрые отношения между Комнинами и Багратидами еще не раз возобновятся в течение XIII–XV вв. усилиями трапезундских наследников Андроника I.

³⁵ *Panaretos*. P. 61. 3.

³⁶ Подробное рассмотрение этих гипотез с библиографическими отсылками читатель найдет в: *Lampsides O. Peri ten hidrysin*. S. 4–9, особ. S. 7 (тут же содержится и исчерпывающий историко-филологический анализ упомянутой фразы Панарета); см. также: *Карпов С. П.* Основание Трапезундской империи. С. 6–13.

³⁷ *Kuršanskis M. Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'empire de Trébizonde*. P. 113–115. Как полагает исследователь, женой Алексея могла быть Русудан, сестра царицы Тамары.

³⁸ *Brosset M. Histoire de la Géorgie*. St.-Petersbourg, 1849. T. 1. P. 464–465; Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 69–70; *Каухчишвили С. Г.* Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 132–134.

Царица Тамара не только приютила внуков Андроника I, но и помогла им, когда те вознамерились в начале 1204 г. вернуть византийский престол. По уже цитированному утверждению Панарета, Алексей «повел войска из Ивирии при помощи и стараниями его тетки по отцу Тамары, и овладел Трапезундом в месяце апреле, седьмого индикта, года 6712 (1204), будучи двадцати двух лет [от роду]»³⁹.

Участие царицы Тамары в акции отпрысков Андроника подтверждается грузинским сводом «Картлис Цховреба». Грузинский аноним сообщает, что царица желала отомстить Алексею III Ангелу за разграбление ее даров и потому отправила грузинский отряд в византийские владения; отнятые в результате этого похода у Византии земли она передала своему родственнику Алексею Комнину⁴⁰. Тамара не только приходилась теткой комниновским царевичам, но и явилась «крестной матерью» их мятежа.

Нам представляется маловероятным, что царица Тамара, поддерживая царевичей, желала в той или иной форме отторгнуть у Византии часть ее территории, как полагает большинство из современных комментаторов этих событий⁴¹. На наш взгляд, стратегический замысел царицы являлся более масштабным и, одновременно, более реалистичным.

Как показали дальнейшие события, в планы Тамары никак не входила аннексия византийского Понта и Пафлагонии. «Месть» Тамары Ангелам, о которой говорит грузинская хроника, по всей видимости, заключалась в организации комниновской реставрации на всей территории Византии. Захват Понта выглядит лишь начальным этапом этой кампании, завершило бы которую триумфальное возвращение Комнинов в Константинополь: грузинское войско не ограничилось захватом Халдии, но продолжило во главе с Давидом Комнином борьбу в Пафлагонии и Ви-

³⁹ *Panaretos*. P. 61²⁻⁴.

⁴⁰ *Brosset M.* Histoire de la Géorgie. T. 1. P. 464–65, 478; грузинский хронист ошибочно называет Алексея сыном Андроника I. См. также: *Bryer A.* David Komnenos. P. 178–79; Памятники эпохи Руставели. С. 69–70; *Каухчишвили С. Г.* Грузинские источники. С. 132–135, 148–149; *Куник А. А.* Основание. С. 724.

⁴¹ *Kuršanskis M.* L'Empire de Trébizonde et la Géorgie. // *REB*. 1977. T. 35. P. 237–256; *Vasiliev A.* The Foundation of the Empire of Trebizond. P. 17–18; *Lordkipanidze M.* Georgia in the 11th–12th centuries. Tbilisi, 1987. P. 156; *Карпов С. П.* От фемы Халдия к империи Великих Комнинов // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 57–58; *Он же.* Образование Трапезундской империи и роль Грузии (1204–1215) // Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья». тезисы докладов. Тбилиси, 1975. С. 83–85; *Он же.* Особенности образования Трапезундской империи (1204–1206) // XVe Congrès int. des études byz. *Résumés des communications*. Athènes, 1976. Правда, в своей недавней публикации С. П. Карпов все более склоняется к тому, что Тамара все же не имела намерения в какой бы то ни было форме установить грузинский контроль над византийским Понтом: *Карпов С. П.* Основание Трапезундской империи. С. 14–15.

финии за выход к Проливам и к самому Константинополю⁴². Этому предприятую Грузии, вероятно, придавала много более серьезное значение, нежели это может показаться на первый взгляд. В случае его удачи Грузия обрела мощного и признательного союзника в лице Византии, ныне угрожавшей грузинским интересам и на Ближнем Востоке. Именно в этом пункте — в идее комниновской реставрации в Византии, — целиком совпали интересы царицы Тамары и внуков Андроника.

Царица Тамара, несомненно, внимательно следила за событиями в Константинополе. Вожди IV крестового похода под давлением венецианцев изменили первоначальный маршрут своей экспедиции, осадили Константинополь и взяли его штурмом 17–18 июля 1203 г. Формальным предложением для вторжения крестоносцев явилось соперничество за власть между Исааком II и Алексеем III Ангелами, в котором крестоносцы приняли сторону Исаака и его сына Алексея (Алексей IV, коронован в 1203 г. как соправитель своего отца). Эти трагические события уничтожили в глазах византийцев остатки авторитета правящей династии Ангелов, свергнувшей империю в катастрофу. Во второй половине 1203 г. царица Тамара, вероятно, оценила сложившуюся в Константинополе ситуацию как наиболее благоприятную для мести Ангелам и восстановления власти Комнинов, надеясь, что в уязвленном византийском патриотизме вновь актуализировалась тяга к «золотому веку Комнинов».

Вероятно, именно тогда, после июльского штурма Константинополя, в Грузии и началась подготовка к отправке в византийские земли царевичей Алексея и Давида⁴³.

Решение Тамары вмешаться во внутривизантийскую распрю, возможно, имело и другой аспект, который, правда, не нашел прямого отражения в источниках. Дело в том, что Тамара продолжила активную наступательную политику по отношению к соседним мусульманским государствам в Великой Армении и Азербайджане, начатую ее прадедом Давидом II Строителем (1089–1125). Захват грузинскими войсками крепости Двин в 1203 г. привел к открытому столкновению с Сельджукидами Рума; позже в том же году грузины разгромили сельджуков в знаменитом Басианском сражении. В 1204–1205 гг. Грузия атакует Эрзерумский эмират, Ахлат и пытается покорить Манцикерт. Ослабление Византии и прорыв сельджуков в 1190-х гг. к черноморскому побережью, несомненно, угрожали грузинским интересам в восточно-анатолийском регионе: Грузия не могла допустить перехода византийской Халдии в руки сельджуков и расширения западного фронта борьбы с мусульманами. Поэтому можно предположить, что Грузия, восстанавливая централизованную

⁴² *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 626^{57–61}; *Brosset M. Histoire de la Géorgie.* T. 1. P. 465.

⁴³ *Куник А. Основание Трапезундской империи.* С. 724; *Vasiliev A. The Foundation of the empire of Trebizond.* P. 19.

византийскую власть в Южном Причерноморье, надеялась тем самым остановить дальнейшее продвижение мусульман, что в будущем и свершилось благодаря походам Алексея и Давида⁴⁴.

Оценивая роль царицы Тамары в основании Трапезундской империи можно в целом заключить, что ее значение проявилось прежде всего в том, что она, вероятно, дала начальный толчок комниновскому мятежу и обеспечила материальную базу для быстрого подчинения понтийских провинций Алексеем и Давидом⁴⁵. Властное вмешательство Тамары во внутренние дела Византии лишний раз подчеркивает знаменательную нацеленность Грузии в эту эпоху на решение крупномасштабных внешнеполитических задач в обширном регионе от Средиземноморья до Кавказа. Нет сомнений — в эту эпоху Грузия переживала кульминационный момент своей истории.

4. МЯТЕЖ (1204 г.)

9–13 апреля 1204 г. крестоносцы, недовольные низложением Алексея IV и его отца Исаака, предприняли вторичный штурм Константинополя. После второго захвата Константинополя латиняне короновали ромейским императором Балдуина I Фландрского (1204–1205). Однако вскоре латиняне столкнулись с ожесточенным сопротивлением византийцев, консолидированных Михаилом Дукой на Балканах (в Эпире), Феодором Ласкарисом в Северо-Западной Анатолии (Никея) и Комнинами в Вифинии и Пафлагонии⁴⁶.

Комнины, как было сказано, выступили из владений Тамары и заняли Трапезунд в апреле 1204 г., может быть, еще до второго штурма Константинополя крестоносным воинством, во всяком случае, прежде чем весть

⁴⁴ Карпов С. П. От фемы Халдия к империи Великих Комнинов. С. 57–58; *Оп. же.* Основание Трапезундской империи. С. 14.

⁴⁵ В своем недавнем исследовании С. П. Карпов высказывает мнение, что «роль Грузии в образовании империи заключалась не только и не столько в военной помощи, сколько в обеспечении безопасности перед лицом сельджукской угрозы. Царство Тамары на этом историческом этапе было ГЛАВНЫМ ГАРАНТОМ самого существования Трапезундского государства» (Карпов С. П. Основание Трапезундской империи. С. 15). Соглашаясь с оценками С. П. Карпова относительно заслуг царицы Тамары в борьбе с экспансией сельджуков в Анатолии, Сирии и на Кавказе, отметим, однако, что источники не содержат никаких свидетельств о каком-либо участии Грузии в защите владений Великих Комнинов от нападений сельджуков (см. ниже в этой главе о событиях 1205–1214 гг.).

⁴⁶ О становлении власти латинян см. новейшее исследование: Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 8 и сл.

об этом достигла Халдин или Грузин⁴⁷. По предположению С. П. Карпова, который основывается на интерпретации малоизвестной в науке печати Алексея I Великого Комнина, захват Трапезунда мог произойти между 23 и 25 апреля 1204 г.⁴⁸

Нет сомнений, что Комнины надеялись силой оружия овладеть сначала византийской Анатолией, а потом и самим Константинополем. Очевидно, что они при этом следовали традиционной для Византии модели узурпации трона, де facto признававшейся допустимой формой смены власти. Причем, их узурпация с самого начала казалась обреченной на успех, ибо они намеревались вернуть власть в лоно Комниновского рода, единственного неоспоримо легитимного претендента на престол⁴⁹.

Войско царевичей, включившее в себя грузинские отряды, разделилось на две части: Алексей во главе первого отряда двинулся по побережью, а Давид со своими людьми (среди которых, как и в армии его брата, были грузинские воины) погрузился на корабли и морским путем добрался до Пафлагонии⁵⁰.

Вероятно, уже на самых ранних этапах своего мятежа Алексей и Давид стали именовать себя *Великими Комнинами* (Μεγάλοι Κομνηνοί). Прибавка «Великий» к родовому имени, как полагают, подчеркивала их принадлежность к старшей, царской ветви рода, и выделяла их среди других аристократических византийских фамилий (Ангелов, Дук, Палеологов, Ласкарей), имевших родственные связи со «старшими» Комнинами и претендовавших на их имперское наследие⁵¹.

До осени 1204 г. власть Великих Комнинов распространилась на Понтийские земли от Лазики вплоть до Инея и, вероятно, на Херсон в Крыму. В *Partitio Romaniae*, договоре, определявшем порядок раздела Византии между лидерами IV крестового похода и составленного, как полагают, в начале октября 1204 г., в числе других византийских земель

⁴⁷ Kuršanskis M. L'Empire de Trébizonde et la Géorgie. P. 245; Bryer A. David Komnenos.

⁴⁸ Карпов С. П. Основание Трапезундской империи. С. 27.

⁴⁹ О византийской концепции узурпации см. новейшую работу: Leszka M. J. *Uzupracje w Cesarstwie Byzantynskim w okresie od IV do połowy IX wieku* [Byzantina Lodziensia. Vol. VI]. Łódź, 1999; см. также: Чеснокова Н. П. Самозванцы в Византии (К вопросу о характере императорской власти в конце XII — начале XIII в.) // ВО. 1996. С. 97–100.

⁵⁰ Bryer A. David Komnenos. P. 179–180. Как предполагает Э. Брайер, флот Давида следовал по следующему маршруту: Имерети — Керасунт — Китора — Амастра — Ираклия (без захода в Трапезунд).

⁵¹ Polemis D. I. A Note on the Origin of the Title Μεγας Κομνηνός // NH. Vol. 1. 1970. P. 18–22; Macrides R. What's in the Name «Megas Komnenos» // AP. 1978. T. 35. P. 238–241; Oikonomides N. The Chancery of the Grand Komnenoi. С. 321–22; Карпов С. П. У истоков политической идеологии Трапезундской империи (о происхождении титула (MEGAS KOMNHNOS) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101–105; Varzos K. He genealogia ton Komnenon. T. 1. S. 638.

не упоминаются Трапезунд, Херсон, а крайним восточным пунктом византийских владений обозначен Иней⁵². Следовательно, достаточно быстро Алексей I занимает Иней, Лимнию, Самсун и Синоп, а Давид, опередив латинян, подчиняет всю Пафлагонию и Вифинию с крепостями Ираклиа Понтийская, Амасра, Кромна, Китора⁵³. Эти события происходили в 1204–1205 гг., установить более точную датировку событий пока не представляется возможным.

5. НА ПУТИ К КОНСТАНТИНОПОЛЮ

Именно Давиду предстояло вступить в борьбу за выход к Проливам и Константинополю. Однако Давид, шедший освобождать Константинополь от латинян, встретился с мощным сопротивлением своих же единоплеменников — приверженцев Никейского государства, нарождавшегося на северо-западе Анатолии. Феодор Ласкарь, зять Алексея III Ангела, в 1204–1205 гг. подчинив себе Никею и земли западнее Сангария, встал на пути Великих Комнинов. Как подметил Э. Брайер, Давид, видно, пытался повторить победоносную узурпацию своего деда Андроника I, который в 1181 г., покинув Синоп или Иней, шел к Константинополю из Пафлагонии⁵⁴.

Ключевым стратегическим пунктом на пути из Пафлагонии на запад являлся городок и местность Тарсия на восточном берегу Сангария. У Тарсии еще в Юстинианово время был перекинут мост через реку, по которому проходила главная магистраль, связавшая восточные провинции с Никомидией, последним значительным оплотом на пути в столицу. Южнее Тарсии располагалась Плусиада, стратегически важная крепость, прикрывавшая сангарскую переправу с юга. Если Андроник I Комнин в свое время беспрепятственно миновал Сангарий у Тарсии, то для его внука тарсская переправа оказалась непреодолимым препятствием⁵⁵. В первом десятилетии XIII в. вокруг Плусиады и Никомидии разыгралась настоящая драма.

Дальнейшие события разворачивались с калейдоскопической быстротой. Во второй половине 1205 г. войско Великих Комнинов во главе с

⁵² Carile A. *Partitio terrarum Imperii Romaniae* // *Studi veneziani*. T. VII. 1966. P. 217^a–12. «*Provincia Paflagonie et Vucellarii. Provincia Oenei et Sinopi et Pabrei*». *Oikonomidès N.* La décomposition de l'empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la *Partitio Romaniae* // XVe Congr. Int. d'études byzantines. Rapports et co-rapports. 1. Histoire. Athens, 1976. P. 19–20; Vasiliiev A. *The Foundation of the Empire of Trebizond*. P. 20.

⁵³ Nic. *Chon.* Vol. 1. P. 639; Georgii *Acropolitae opera* / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. T. 1. P. 12, 18; Bryer A. *David Komnenos*.

⁵⁴ Bryer A. *David Komnenos*. P. 176.

⁵⁵ Ibid. P. 171–174.

полководцем Синадином⁵⁶ подступило к самой Никомидии, последнему серьезному препятствию на пути к Проливам и Константинополю. Однако никейцы осенью 1205 г. нанесли сокрушительное поражение комниновскому войнству и отбросили его от Никомидии. Город вскоре отобрали у никейцев латиняне. Упорное сопротивление Ласкаря и активизация крестоносцев в Анатолии подтолкнули Давида к антиникейскому союзу с латинянами Константинополя — к шагу вполне логичному с точки зрения тактической и столь естественному в свете реставрационной стратегии Великих Комнинов. Как бы то ни было, соглашение с латинянами являло собою очевидный успех Давидовой дипломатии и первый прецедент такого рода в византийско-латинских отношениях после падения Константинополя. Формальное соглашение между Давидом и будущим латинским императором Генрихом было заключено летом 1206 г.⁵⁷

Сознвая всю опасность совместной атаки обоих своих недругов, Феодор, вероятно, уже в конце 1206 г. вторгся в земли Давида, отобрал у него Плусиаду, важнейший стратегический пункт на пути из Пафлагонии в Вифинию и подступил к резиденции Давида — Ираклии. Но Феодору явно не хватало сил для молниеносной победы над Давидом, на которую он, видимо, всерьез рассчитывал после удачи под Никомидией. Давид продержался до выступления своих новых союзников — латинян. Сенешаль Романии Тьер де Лож с частью войска выдвинулся с севера из Никомидии, угрожая перекрыть Ласкарю обратный путь в Вифинию, вторая колонна латинян двинулась в глубь никейской территории от Кизика. Ласкаря спасает его расторопность: он успел вернуться в свои владения и, отбив атаку латинян, заставил их отступить в Никомидию и Кизик⁵⁸.

Давид, тем временем, укрепил союзнические отношения с латинянами и заключил с Генрихом I новый договор. Он признал сюзеренитет константинопольского императора, однако верховная власть латинского императора не распространялась, по-видимому, на удел Алексея I Великого Комнина и на церковную политику самого Давида⁵⁹. Теперь союзники выступили одновременно. Давид вновь занял Плусиаду и переправился через Сангарий, а навстречу ему из Никомидии выступил отряд крестоносцев. Однако союзники явно упустили благоприятный для них момент: усилившиеся никейцы не только отбили латинян, но и предприняли мощ-

⁵⁶ *Laurent V. Andronic Synadénos ou la carrière d'un haut fonctionnaire byzantin au XIIIe siècle // REB. 1962. Vol. 20. P. 210–217.*

⁵⁷ *Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 148–149; Он же. Основание Трапезундской империи. С. 18–19. Отголоски этого первого столкновения между Комнином и Ласкарем содержатся, в частности, во втором из изданных А. Хайзенбергом текстов Николая Месарита: Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion // SBAW. München, 1923. № 3. S. 27.*

⁵⁸ *Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 149–150; Он же. Основание Трапезундской империи. С. 19–20.*

⁵⁹ *Bryer A. Trebizond and Rome. P. 290–291.*

ное наступление на Никомидию. Генрих I, пришедший на выручку Никомидии, принял предложенный Ласкарем мир, условия которого гарантировали и безопасность Давида⁶⁰.

В сентябре следующего 1208 г. Ласкарь нарушает заключенное соглашение и атакует Ираклию. Кампания 1208 г. во многом напоминает ход военных действий в конце 1206 г. Генрих I, откликнувшийся на призыв осажденных, опять пытался запретить Ласкаря между Сангарием и Ираклией. Спешное возвращение Ласкаря на этот раз напоминало паническое бегство — в разлившихся водах Сангария он потерял множество людей, но все же успел добраться до Никеи и скрыться за ее стенами⁶¹.

С этих пор, несмотря на последнюю неудачу Ласкаря, Давид оказался прочно запертым в Пафлагонии. Его переход к обороне был, вероятно, обусловлен прекращением помощи со стороны крестоносцев⁶².

Борьба против Никеи велась не только оружием и дипломатической интригой, но и церковно-административными средствами. В переписке Иоанна Навпактского сохранились кое-какие сведения о борьбе Давида и Алексея Великих Комнинов за церковную независимость отошедших к ним территорий. Комнины изгнали епископов Амастриды, Херсона и Судака, рукоположенных никейцем Михаилом IV Авторнаном, занявшим патриарший престол в 1208 г. Гангрский и керасунтский митрополиты рукоположили на опустевшие кафедры кандидатуры, подходящие для Великих Комнинов⁶³.

Война в Пафлагонии велась никейцами жестоко. Эфесский митрополит Николай Месарит (преданный сторонник Ласкаря), вспоминая около 1214 г. о прежних походах своего владыки, пишет, что Феодор I возвращался из Пафлагонии «как бы не добившись успеха, но и не с пустыми руками, ибо прошел всю окрестную страну пафлагонов, и опустошил городки ее и превратил селения в пустоши, и не только увел множество захваченного скота, но и пленил отборных людей»⁶⁴. Помимо прочего, приведенные слова подтверждают также, что в 1205–1207 гг. Феодор,

⁶⁰ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 151.

⁶¹ Там же. С. 151.

⁶² Жаворонков П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–55.

⁶³ Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi. XIII: Из переписки Иоанна Навпактского* // ВВ. Т. 3. 1896. С. 274^{22–26}, 275^{25–33}, 290^{9–23}; Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // ВО. 1982. С. 184; Богданова Н. М. К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. Ч. 1. С. 53; Коробейников Д. А. Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 157 сн. 9.

⁶⁴ Heisenberg A. *Neue Quellen*. S. 25. 30–26. 1. (Ср. с русским переводом: Архимандрит Арсений. Некого митрополита Ефесского, XIII века, не изданное доселе произведение. М. 1893. С. 32).

отразив первые атаки Давида, все же не добился коренного перелома в борьбе с Великими Комнинами. Угроза прорыва последних к Никомидии, что, в частности, привело бы к катастрофической для Никен изоляции от Босфора и Пропонтиды, продолжала сохраняться.

6. ЗАГАДКА ДАВИДА

Установившееся равновесие было скорее похоже на краткое перемирие, ибо ни одна из воюющих сторон так и не выполнила своих стратегических задач. Комнины, скорее всего, были полны решимости продолжить свои попытки пробиться к Константинополю, а Феодор Ласкарис не мог игнорировать той смертельной для него угрозы, которую представляло само существование Комниновской державы в Пафлагонии и на Понте.

6.1. СМЕРТЬ ДАВИДА

Однако, вопреки всем ожиданиям, для последующих пяти-шести лет, вплоть до самого 1214 г., источники молчат о каких-либо столкновениях на никейско-комниновской границе. Известно лишь, что в декабре 1212 г. умер Давид Комнин. Знаменитая приписка в Псалтири Ватопедского монастыря на Афоне (Cod. Athos. Vatop. 760, fol. 294 г.) гласит: «*μὴν ἡ δεκεμβρίου 14' ἡμέρα ἐ' ἔνθ. α' ἐν ἔτει ςψκα'* (13 декабря 1212 г.) *ἐκοιμήθη ὁ εὐσεβέστατος μέγας Κομνηνὸς κύριος Δαβὶδ, ὁ διὰ τοῦ Θεοῦ καὶ ἀγγελικοῦ σῴζατος μετονομασθεὶς Δανιὴλ μοναχός*»⁶⁵. Очевидно, что это была безвременная и даже подозрительная смерть, ибо Давиду было тогда только 27 или 28 лет. Что произошло с Давидом в эти четыре года (1208–1212)?

Вопросом о том, что могло случиться с Давидом между 1208 и 1212 гг., впервые занялся английский исследователь Э. Брайер. В одной из своих статей, в которой собрано практически все, что ныне известно относительно жизни и смерти Давида Комнина, Э. Брайер полагает, что в 1211 г. Давид был пленен Феодором I Ласкарисом, возможно, в Ираклии Понтийской, принужден принять схиму, а затем пленником отправлен на Святую Гору. Предложение Э. Брайера базируется на тексте Георгия Акрополита, который считал, что никейское завоевание Ираклии и Амастриды происходило в 1211. Тем не менее, эта интерпретация кажется довольно сомнительной (с чем, в общем-то соглашается и сам Э. Брайер): хронология Акрополита в этой части его «Истории» довольно запутана и в целом ненадежна. Известный текст Месарита, создавшего наиболее достоверный и пространный источник для походов никейцев в Пафлагонию в эту эпоху, однозначно указывает на 1214 г., как на дату падения Ираклии и Амастриды. Кроме того, если допустить, что это действительно произошло, то более чем странным будет выглядеть необъяснимое мол-

⁶⁵ *Chrysanthos. He ekklesia Trapezountos* // AP. Т. 4/5. 1933. Р. 355.

чание на этот счет энкомиастов Ласкаря, с восторгом фиксировавших и менее славные его деяния в Пафлагонии.

Такого рода сомнения подталкивают к поискам альтернативных ответов на поставленную Э. Брайером проблему.

6.2. ДАВИД И ВЕЛИКОКОМНИНОВСКАЯ ДИНАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В упомянутой статье Э. Брайер растолковывает три надписи, дошедших до нас со времени пребывания Давида в Пафлагонии⁶⁶. Это — надпись на башне в Ираклии, и две легенды на свинцовых печатах Давида; на одной из печатей изображен библейский царь Давид, а другая — содержит изображение св. Элефтерия. Надписи на этих печатах содержат ряд эпитетов (*βασιλέυονος* или *βασιλέγγονος*, *πορφυρόβλαστος*, *πορφυρανθής*), которые сопровождают имя Давида, очевидно, в качестве официальных именовании. Можно присоединиться к замечанию Э. Брайера, отмечавшего: «Все три надписи подчеркивают царское происхождение Давида Комнина, деликатно воздерживаясь от того, чтобы прямо назвать его императором. Все три (надписи) разделяют единую и осознанную династическую идеологию»⁶⁷.

Продолжая идею Э. Брайера можно отметить, что эти эпитеты — самые ранние из дошедших образцов специфической великокомнинновской энкомиастической фразеологии. Некоторые значимые черты последующих официальных именовании формируются уже в этих лаконичных строках, в которых можно найти почти буквальные совпадения с последующей традицией.

Например, *πορφυρόβλαστος* в надписи на печати имеет аналог в *κομηνόβλαστος*, которое было адресовано Сгуропулум василевсу Алексию II Великому Комнину (нач. XIV в.)⁶⁸. В надписи на башне, Давид именвал себя *ὁ πορφυρανθής Δαβὶδ εὐθαλῆς κλάδος κάπλου φυεῖς ἀνακτος ἐξ Ἀνδρονίκου*⁶⁹, где *πορφυρανθής* имеет параллель в *κομηνανθής* и *ἀνθη κομηνῶν* (надпись в монастыре Феоскепаст, которая увековечивала память деспота Андроника, умершего в 1376 г.)⁷⁰, а вся фраза лексически и

⁶⁶ Bryer A. David Komnenos. P. 164–167.

⁶⁷ Ibid. P. 166–167.

⁶⁸ Stephanos Sgouropoulos: *Papadopoulos-Kerameus A. Analecta Hierosolimitikes stachyologias* // St. Petersburg, 1891. P. 435²⁵, 436¹⁹.

⁶⁹ См. надпись на башне, опубликованную: Grégoire H. Notes épigraphiques // Revue de l'Instruction publique en Belgique. N. S. T. 52. 1909. P. 3–6. Bryer A. David Komnenos. P. 166 and note 1; Лухачев Н. П. Молнвдовулы греческого Востока / Состав. и автор коммент. В. С. Шандровская (Научное наследство. Вып. 19). М., 1991. С. 77–78, 289–293, тут же содержится новейшая библиография.

⁷⁰ Paranihas M. Epigraphai kai nomismata Trapezountos // Ho en Konstantinoupolei Hellenikos Philologikos Syllogos. 1907. T. 22. P. 298.

семантически близка к выражению Ливадины Κομνηνοφύλα, τῶν Κομνηνῶν τὸν μέγαν / ῥίζης ἀγαθῆς καὶ Βασιλείου κλάδον, обращенному к императору Алексею III (1349–1390)⁷¹.

Давид предвосхитил будущее не только лингвистически, самоидентификация Давида базировалась на идее, которая позже стала центральным пунктом самоидентификации Комнинов. Я имею в виду гордость Давида его прославленными предками, которая позже выросла в своего рода «комплекс родovitости». Грузинские и некоторые арабские историки и географы, не испытывавшие враждебных чувств к Великим Комнинам, с почтением писали о выдающемся ^{Λατ}происхождении⁷², в то время как их христианские и мусульманские соперники использовали по отношению к ним уничижительные именованья, обвиняя трапезундских императоров в высокомерии⁷³.

Именования Давида отразили, в частности, особую гордость понтийских Комнинов за их пращура Андроника I, который был связующим звеном между «старой» (константинопольской) и «новой» (трапезундской) ветвью Комнинов и потому находился как бы в центральном пункте великокомниновской историософии⁷⁴.

Эпитеты в надписях Давида очень близки к типичным восхвалениям последующих комниновских императоров Трапезунда. Вместе с тем, следует иметь в виду, что эти именованья обнаруживают не только общие черты династической идеологии, но также и специфику *персональ-*

⁷¹ *Andreou Libadenou bios* kai erga / Ed. Lampsides Od. AP. Parartema 7. Athenai, 1975. P. 112^{116–117} (=Libadenos).

⁷² *Al-Umaris Bericht über Anatolien in seinem Werke «Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar»* / Zum ersten Male herausg. von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929. S. 52–53; *al-Umari*. Al-Ta'rif bi-l-mustalah al-sharif. al-Qahira, 1312/1894–1895. P. 58; *Abu al-Abbas Ahmad al-Qalqashandi*. Kitab subh al-asha' fi kitabat al-insha'. Vol. VIII. al-Qahira, 1915. P. 48–49; *Каухчишвили С. Г.* Грузинские источники. Т. 1. С. 142. Умари, Калкашанди и грузинский автор считали, что Великие Комнины произошли от Константина Великого. См. также: *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi. P. 322.

⁷³ Об отношении византийских авторов к Великим Комнинам см.: *Карпов С. П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164; *Карпов С. П.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. 1204–1461. Roma, 1986. P. 229–249. Что касается мусульманских авторов, то Ибн Биби называл государя Трапезунда просто *ṭrabzūnī* («трапезундец») и *jānī* («джанитец»), не сопровождая эти имена каким-либо титулом, что в контексте цветистого стиля Ибн Биби выглядит пренебрежительным именованьем; в другом месте Ибн Биби отмечает «высокомерие» (*gustākhi*) государя Трапезунда (*Ibn Bibi*. El-Evamirū'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Onsöz ve fihristi hazırlıyan A. S. Erzi. Ankara, 1956. P. 147, 643, 729). Идрис Бидлиси обвинял последнего императора Трапезунда Давида в «гордыне» (*ghurūr*) (см.: *Идрис Бидлиси*. Хашт бихишт. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН С 387. Л. 302об. (См. об этом также во «Введении» к настоящей работе)).

⁷⁴ *Shukurov R.* AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi. P. 161–181.

ной идеологии Давида. Давид не был чужд царскому достоинству и, очевидно, пользовался исключительно высоким статусом в государственной иерархии, сравнимым только с царским.

На особый статус Давида указывала, наконец, и четкая выделенность его владений среди других земель, покоренных Великими Комнинами, что удостоверяется несколькими независимыми источниками. Как уже говорилось, если под контролем Алексея находились понтийские земли от Лазики до Синопа, то земли Пафлагонии и Вифинии вплоть до никейской границы находились под властью Давида⁷⁵. Причем, исходя из замечания Никиты Хониата о том, что Алексей был известен никейцам только по имени, но никто его никогда не встречал⁷⁶, можно было бы сделать вывод, что старший брат вообще не появлялся в уделе Давида.

Наконец, как уже отмечалось, Давид именуется в ватопедской псалтири *ὁ εὐσεβεστάτος μέγας Κομνηνός*. Вспомним, что эпитет *εὐσεβεστάτος* было старинным и распространенным именованием византийских императоров. В то же самое время, в последующей традиции определение *μέγας* сопровождало, как правило, родовое имя императоров и со-императоров (деспоты), но не рядовых представителей рода⁷⁷. Наряду с другими квази-императорскими самоидентификациями Давида, имя *μέγας Κομνηνός* (независимо от того, приобрело ли к 1212 г. это именование официальный статус царского и деспотского титула⁷⁸), только усиливает общее впечатление о его исключительно высоком месте в комниновской государственной иерархии.

В этой связи возникает вопрос о той границе, которая в действительности отделяла самоидентификацию Давида от идентификации царской. Могли ли эти именования Давида быть проинтерпретированы как своего рода эквивалент, искусная подмена царского титула?

В любом случае, нет сомнения в том, что Давид Великий Комнин, наряду со своим братом Алексеем, был фактическим основателем комниновского государства в Северной Анатолии и, следовательно, — выдающейся политической фигурой в политической структуре империи. Тем не менее, тут мы сталкиваемся с удивительным противоречием: это банальное для современного ученого утверждение не подкреплено самой трапезундской исторической традицией. Вопреки всем ожиданиям, Давид, в отличие от своего старшего брата и василевса Алексея I, ни разу не упоминается в трапезундской энциклопедической и исторической литературе. Как это ни парадоксально, но все, что мы знаем о Давиде, исходит от иноземных повествовательных источников, созданных за пределами Понта и антикомниновских по духу, и, кроме того, из некоторых случайных археологических находок.

⁷⁵ Bryer A. David Komnenos. P. 178–180.

⁷⁶ Nic. Chon. Vol. 1. P. 626.

⁷⁷ Карнов С. П. У истоков политической идеологии. С. 101–105.

⁷⁸ Macrides R. What's in the Name «Megas Komnenos». P. 238–241.

Подчеркнем, что Давид не упомянут даже в хронике Михаила Пана-рета, которая писалась в конце XIV в. как официальная история Великих Комнинов. Очевидно также, что портрет Давида не был представлен среди образов других комниновских предков, как константинопольских, так и трапезундских, на дворцовых фресках, описанных Константином Луки-том в первой трети XIV в. и носивших явный идеологический смысл⁷⁹. Эта «галерея» царских портретов включала в себя изображения Комниновских императоров и некоторых из наиболее прославленных их родственников, как, например, трех *севастократоров* (двух Исааков и Мануила, сына Андроника I), почитаемых на Понте. Разве Давид, благодаря той политической и военной роли, которую он сыграл в становлении комниновской власти, не заслужил такого же вознесения на Комниновский Пантеон?

Понтийских официальных энкомиастов и художников можно заподозрить в преднамеренном извращении ранней истории империи, когда они, игнорируя Давида, единодушно приписывают основание великокомниновского государства исключительно старшему брату Давида — Алексею I⁸⁰. В то же время, понтийские греки в XIII и начале XIV в., разумеется, не могли при этом не знать о фактической роли Давида в истории их страны.

Имя Давида, как представляется, было вычеркнуто из списка комниновских предков, равно как и из комниновской номенклатуры родовых крестных имен. Среди Комнинов в XIII–XIV вв. наиболее популярными были четыре гаймических имени (Алексей, Иоанн, Мануил, Андроник); в их ономастике можно также найти Георгия, Михаила и Василия⁸¹. Но среди них нет ни одного Давида. Есть единственный намек на то, что Давид не был забыт окончательно: император Алексей IV (1417–1429) назвал Давидом своего младшего отпрыска, который позже стал последним императором империи. Однако и тут не известно, кого из предков имел в виду Алексей IV — своих грузинских пращуров или Давида Великого Комнина.

Как бы то ни было, свыше двух столетий до этого никто из Великих Комнинов, за исключением одного из двух основателей империи, не носил имени Давида. Так, с Давида (наряду с его старшим братом Алексеем) империя начиналась, с Давидом она и закончилась.

⁷⁹ Papadopoulos-Kerameus A. *Analecta Hierosolymitikes stachyologias*. T. 1. P. 421–426; *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi. P. 323; *Rosenquist J. O.* Three Trapezuntine Notes // BS. 1993. Vol. 54. P. 294–299; *Shukurov R.* AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi. P. 162–165.

⁸⁰ См., например: *Panaretos*. P. 611–6; *Papadopoulos-Kerameus A.* *Analecta Hierosolymitikes stachyologias*. T. 1. P. 425. Хотя Виссарион Никейский вряд ли может быть причислен к официальным энкомиастам Великих Комнинов, однако нет сомнений в том, что его похвалы в их адрес испытали влияние официальной комниновской династической иден: *Lampsides Od.* Eis Trapezounta logos tou Bessarionos // AP. 1984. T. 39. P. 59.

⁸¹ *Shukurov R.* AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi. P. 171.

6.3. ГИПОТЕЗА

Следовательно, если оценивать фигуру Давида не столько в контексте дошедших до нас сведений о современных ему событиях, но в более общем контексте великокомниновской имперской традиции, то становится очевидным, что имя Давида окружено загадочным и многозначительным молчанием, которое само по себе требует каких-то объяснений. Этому странному молчанию может быть лишь одно объяснение — Давид и его деяния оказались жертвой *официального забвения*. Кроме того, почему именно в афонской рукописи содержится упомянутая приписка о смерти Давида? Не указание ли это на то, что Давид умер на Афоне?

Для нас представляется очевидным, что в истории Великих Комнинов между 1208 и 1212 гг. таится некое важное и не известное нам событие, надолго сделавшее само имя Давида *запретным* для его рода. Возможно, Давид в какой-то момент переступил тот предел, который отделяет обычного смертного от царя, и был за то наказан старшим братом — императором Алексеем I.

Смерть в схиме — обычная судьба тех, кто потерпел поражение в политической борьбе. Ослепление, пострижение в монахи и последующая жизнь и смерть в монастыре в византийском мире были обычным завершением политической карьеры. Это — в особенности верно для лиц царской крови. Как свидетельствует Панарет, по крайней мере четыре представителя рода Великих Комнинов закончили жизнь в монастырях как политические заключенные⁸². В XIV в. местом заключения политических ссыльных императорской крови был монастырь св. Саввы недалеко от Трапезунда⁸³. Возможно, Давид был наказан императором ссылкой на Афон, разделив судьбу других ссыльных из дома Великих Комнинов. Однако если ссыльных Комнинов держали в понтийских монастырях, то Давиду, вероятно, выпала участь закончить жизнь на Афоне.

Судя по внезапному прекращению военной активности в Пафлагонии после бегства Ласкариса из-под Ираклии в конце 1208 г., гипотетический «государственный переворот», который привел Давида в Ватопедский монастырь, мог произойти вскоре после этой даты. Согласно никейским историкам, в 1214 г. прежние владения Давида были уже под контролем Алексея I.

Можно найти некоторую поддержку моей гипотезе и в наличии дружественных связей между Великими Комнинами и Афоном (о которых

⁸² Согласно Панарету, следующие члены комниновской династии содержались под арестом в монастырях: Иоанникий (см. о нем также ниже) в 1238 (Р. 61¹⁷), Анна Анахутлу, вероятно, в 1330–1341 (Р. 64, 66¹²), Иоанн III в 1344–1345 (Р. 67²³, 68⁵⁻⁶), Михаил в 1349–1350 (Р. 69¹⁴⁻¹⁶); см. также: *Chrysanthos*. Op. cit. P. 355–356.

⁸³ *Panaretos*. P. 67²³, 68⁵⁻⁶, 69¹⁴⁻¹⁶; *Bryer A. Some Trapezuntine Monastic Obits (1368–1563)* // REB. 1976. Т. 34. P. 129–130 (*Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos / *Variorum collected studies series*. L., 1980. № IX).

известно начиная с середины XIV в.) и, в особенности, с Ватопедским монастырем. Как рано установились эти дружественные связи между Великими Комнинами и Афоном — пока определить невозможно, тем не менее, нет ничего невероятного в том, что они существовали уже в первое десятилетие XIII в.⁸⁴ Возможно, Алексей I Великий Комнин избавил себя от претензий младшего брата, отправив его на Афон.

7. УДЕЛ АЛЕКСЕЯ

О деятельности Алексея I Великого Комнина между 1204 и 1214 гг. сохранились весьма скудные сведения. Если верить Никите Хониату, он оставался в Трапезунде и, каковы бы ни были отношения между братьями, не показывался в Давидовом уделе, во всяком случае, в первые годы никейско-комниновской борьбы в Пафлагонии⁸⁵. Алексей I, в отличие от Давида, вряд ли мог помышлять об активной захватнической политике. Еще в 1204 г., в ходе своего победоносного шествия по Понту, Алексей I занимает Самсун, принадлежавший туркам-сельджукам с 1194 г., и, может быть, какие-то другие сельджукские владения на черноморском побережье⁸⁶. С этих пор, оборона от могущественного южного соседа превращается в главнейшую военно-политическую задачу трапезундской администрации.

Сельджуки не могли активно воспрепятствовать захвату Комнинами Самсуна из-за затяжного кризиса власти в султанате. В 80-х гг. XII в. Сельджукская держава, едва достигнув пика своего могущества, вступила в полосу затяжного кризиса. Прославленный иконийский султан Кылыч-Арслан II (1156–1192) разделил страну на 11 уделов между девятью своими сыновьями, братом и племянником. Султан раздал земли в соответствии с дедовскими законами наследования, бытовавшими среди тюркских кочевников-степняков, но вряд ли пригодными для социума оседлого типа. В султанате вспыхнула гражданская война между наследниками Кылыч-Арслана II. Признаки стабилизации наметились лишь в начале XIII столетия, когда один из его сыновей Рукин ал-Дин смог воссоединить под своей властью почти все уделы⁸⁷. Однако после неожиданной

⁸⁴ О связях между Трапезундом и Афонской горой см.: *Chrysantos*. *He ekklesia Trapezountos*. P. 356, 411 ff.; *Карнов С. П.* Трапезундская империя и Афон // ВВ. 1984. Т. 45. С. 95–101.

⁸⁵ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 626.

⁸⁶ *Brosset M.* *Histoire de la Géorgie*. T. 1. P. 465; *Кауцхчишвили С. Г.* Ук. соч. С. 134, 145; *Карнов С. П.* От фемы Халдия. С. 57; *Cahen Cl.* *Pre-Ottoman Turkey*. P. 117; *Bryer A.* *David Komnenos*. P. 177; Э. Брайер полагает, что туркам принадлежали, кроме Самсуна, еще Павра (Бафра) и Иней (Унье). Ср.: *Kurşanskis M.* *L'empire de Trébizonde et les Turcs au 13e siècle* // REB. 1988. Т. 46. P. 111.

⁸⁷ *Cahen Cl.* *Pre-Ottoman Turkey*. P. 104–106, 110–118.

смерти султана Руки ал-Дина в июле 1204 г. более полугодом царствовал его малолетний сын Кылыч-Арслан III, не обладавший поддержкой знати. В 1205 г. на иконийском престоле утверждается Гийас ал-Дин Кай-Хусрав I (первое правление 1192–1197; второе правление 1205–1211). Он был младшим сыном Кылыч-Арслана II и некоей христианки (вероятно, ромейки). Свергнутый с престола своим старшим братом Руки ал-Дином (1197 г.) Гийас ал-Дин бежал в Константинополь, где оставался до 1204 г. Изгнанник прижился при византийском дворе: иконийские мусульмане были шокированы вестями о его образе жизни, расходившемся с установлениями шариата. Ходили даже слухи, что василевс Алексей III окрестил его. В Константинополе Гийас ал-Дин женился на дочери Мануила Маврозома, который с материнской стороны приходился внуком самому Мануилу I Комнину⁸⁸. В конце концов Гийас ал-Дин вернулся в Рум и возвратил себе престол в *раджабе* 601 г. (22. 02–23. 03. 1205)⁸⁹. Если принять во внимание столь глубокую и продолжительную связь султана с византийским двором, то не покажется удивительным, что этой же весной 1205 г. он заключил военный союз с Феодором Ласкарем, видным вельможей и зятем Алексея III, несомненно, хорошо знакомым ему по прежней жизни в Константинополе. Воинство сельджуков помогло Ласкарю в самый сложный для него начальный период борьбы с соперниками на северо-западе Анатолии⁹⁰.

Поэтому вполне вероятно, что первая из известных военных акций сельджуков против понтийских Комнинов, имевшая место в 602 г. Х. (18. 08. 1205 – 7. 08. 1206), была каким-то образом согласована с никейцами. Слишком точно совпали во времени антикомниновские походы сельджуков и никейцев. Ведь именно в конце 1205 г. никейцы отбили атаку Давида, а в первой половине 1206 г. сами вторглись в комниновские пределы.

Ибн ал-Асир, единственный историк, сообщивший об этой сельджукско-трапезундской войне, говорит:

«В этот год (602 г.) снарядился Гийас ал-Дин Хусрав-шах, владетель страны Рум, и *отправился* против города Трапезунда, и осадил

⁸⁸ Ibid. P. 116; Brand C. M. Byzantium Confronts the West. P. 138; Turan O. Les souverains seldjoukides et leurs sujets non-musulmans // SI. 1953. T. 1. P. 79–80; Varzos K. He genealogia ton Komnenon. T. 2. S. 499 note 1.

⁸⁹ Ibn al-Athir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Lugduni Batavorum, 1851. T. 12. P. 131; Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F. N. Uzluk. Ankara, 1952. P. 41; Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999. P. 84.

⁹⁰ Nic. Chon. Vol. 1. P. 626; Nicetas Choniates. Orationes et epistulae / Rec. J. A. van Dieten. Berolini, 1972. P. 136; Жаворонков П. И. У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 33; Он же. Дополнения к третьему тому «Регест» Ф. Дзельгера периода Никейской империи // ВВ. 1980. Т. 41. С. 183–184; по источникам фиксируется по меньшей мере три соглашения между Ласкарисом и Гийас ал-Дином (№ 2–4) в период с конца 1204 до зимы 1206 г.

его властителя. Ведь вышел тот из повиновения ему и докучал ему, и поэтому прервался путь по суше и по морю из страны Рум, Рус, Кыпчак и других [земель], и не приходил из них никто в страну Гийас ал-Дина, и был от этого людям большой ущерб. Ибо они торговали с ними и ходили в их страны, и направлялись туда торговцы из Рума, Сирии, Ирака, Мосула, и Джазиры и других мест. Сходились многие из них в Сивасе. Поскольку не открывался путь, терпели они большой ущерб и самыми счастливыми были те из них, кто вернул свои деньги»⁹¹.

Пока трудно понять, что именно имел в виду арабский автор под прежним «повиновением» Алексея I Великого Комнина султану, и чем император мог «докучать» ему. Однако, очевидно, что инициатором ссоры Ибн ал-Асир считает Алексея I. Не исключено, что избранный султаном момент для похода на Трапезунд был обусловлен его союзническими отношениями с Ласкарисом и находился в связи с борьбой последнего за Тарсию и Никомидию. Если сельджуки действительно согласовывали эту военную акцию с военными действиями на трапезундско-никейской границе, то их первая атака на Трапезунд могла иметь место в период с лета 1205 г. до начала 1206 г.

Проще растолковать «экономическую» подоплеку события. Основной причиной сельджукского похода на Трапезунд Ибн ал-Асир все же называет нарушение греками важнейшей торговой артерии в Восточной Анатолии, проходившей через Сивас в Трапезунд. Важность для мусульманских ближневосточных купцов этой торговой артерии трудно переоценить. Яркое свидетельство о роли Сиваса оставил другой современник событий, анонимный хорасанский купец и географ, который начиная с 1205–1206 и до 1210-х гг. много путешествовал по Азербайджану, Восточной Анатолии и на Понте, а после 1220–1221 г. зафиксировал свои впечатления в географическом сочинении «Аджа'иб ал-Дунья»⁹². Хорасанец восторженно пишет о Сивасе тех лет:

«Сивас — большой город на границе Рума [несомненно, имеется в виду граница Трапезундской империи. — Р. Ш.], местожительство тюрок; много базаров. [Число] его построек и размеры растут день ото дня. За городом, в степи [şahra], построено 300 караван-сараяв. В каждом караван-сараяе находится более 500 тысяч динаров наличными и в вещах, всегда в полной сохранности. Там царит такая справедливость, что все эти богатства даже не охраняют. Каждый год на три месяца

⁹¹ *Ibn al-Athir*. Т. 12. Р. 160. Добавления, выделенные в тексте курсивом, сделаны по петербургскому списку (*Ибн ал-Асир*. Камил ал-таварих. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН D 373. Л. 398). Отрывок переводился на русский язык: *Куник А. А.* Основание Трапезундской империи. С. 730. Французский перевод: *Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux*. Р., 1887. Т. 2/1. Р. 101–102. См. также: *Cahen Cl.* Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // *Mélanges Louis Halphen*. Р., 1951. Р. 92–93.

⁹² *Аджа'иб ал-Дунья* (Чудеса мира) // Крит. текст, перев. с перс., введ., коммент. и указат. Л. П. Смирновой. М., 1993. С. 24, 26–27.

базар наводняют турки. Его называют базар Нилу [*nīlu*]. Там попадают-ся товары со всего мира, в том числе бобер, бургасская лисица, соболь, белка, золототканное бархатное византийское платье [*jāma-i rūmī ba-zar-i qatīfa*], паласы, войлок, лошади, хорошие мулы, овцы, рабы и рабыни»⁹³.

Что интересно, персидский автор отметил экономический бум, который переживал тогда Сивас. Подчеркнем также, что большая часть товара, им перечисленного, носила «северное» происхождение — пушнина, византийский дорогой текстиль, рабы, т. е. те товары, которые и поставались из Трапезунда на мусульманский Восток. Свидетельства Ибн ал-Асира и хорасанского купца позволяют догадываться о бурной торговой деятельности, расцветшей в начале XIII в. между Сивасом и Трапезундом, насильственное прекращение которой грозило мусульманам большими убытками. К роли черноморской торговли для сельджуков мы еще вернемся в этой главе.

Что же касается упомянутого трапезундско-сельджукского конфликта, прервавшего прибыльный торговый путь, то тут Ибн ал-Асир, возможно, подраزمевал, кроме прочего, покорение Самсуна и других черноморских портов комниновским войском⁹⁴. Цитировавшийся выше хорасанский купец, по всей видимости, лично бывавший в Самсуне, описал его точно и немногословно:

«Самсун — красивый и зеленый город в Руме на берегу моря, среди леса. Там взимают пошлину; народ недостойный. Товары его: лен, много фруктов, белки»⁹⁵.

Неизвестно, когда именно между 1205–06 и 1221 гг. побывал в Самсуне хорасанец, однако очевидно, что греки в Самсуне все еще не жаловали мусульман.

Таким образом, можно констатировать, что в самом начале своего правления Алексей I бросил вызов сельджукам. Можно предполагать,

⁹³ Аджа'иб ад-Дунья. С. 512. На с. 213 в русском переводе отрывка (который воспроизведен тут в отредактированном виде) грамматически и лексически прозрачное «золототканное бархатное византийское платье» [*jāma-i rūmī ba-zar-i qatīfa*] вдруг передается как «тюркский ситец, банные полотенца», при этом *ba-zar-i* («с золотом» или же «золототканный», когда речь идет о тканях и одеждах) вообще остается нереведенным. Значение «банное полотенце» для *qatīfa* присутствует в словарях современного персидского, однако в средневековой литературе его использовали именно в значении «бархат» (см.: *Steingass F. Persian-English Dictionary*. L., 1984. P. 978).

⁹⁴ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 117. М. Куршанскис полагает, что именно об этой атаке сельджуков на Трапезунд повествует в своем известном энциклопедии Виссарийон: *Lampsides O. Eis Trapezounta*. P. 67; *Kurşanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle*. P. 111 note 6. См. также: *Lampsides O. Zu Bessarion Lobrede auf Trapezunt* // *BZ*. 1935. Bd. 35. S. 15–17.

⁹⁵ Аджа'иб ад-Дунья. С. 510–511 (русский перевод на с. 211 вновь неточен: «взимали пошлину» вместо «взимают пошлину», «фрукты» вместо «много фруктов»).

что это было ответом Алексея I на сельджукско-никейское военное сближение, или же попыткой установить пределы политико-экономической экспансии сельджуков в северном направлении, к Черному морю.

8. ПАФЛАГОНСКИЙ КОНФЛИКТ (1214 г.)

Итак, в итоге упорной борьбы в Пафлагонии в 1205–1208 гг., Ласкарису удалось вытеснить трапезундцев из Вифинии и запереть их в Пафлагонии. Напомним, что с самого начала война приняла, так сказать, «интернациональный» характер. Ласкарису помогли сельджуки, а на стороне Давида выступили константинопольские латиняне⁹⁶.

Для последующего периода, вплоть до 1214 г., источники не сохранили практически никаких сведений о военной активности в Пафлагонии. Только бурные события 1214 г., в ходе которых никейцы отобрали у Великих Комнинов Пафлагонию с ее твердынями Ираклией и Амастридой⁹⁷, а сельджуки оккупировали Синоп, нашли отражение как у византийских, так и у восточных авторов.

8.1. ПАДЕНИЕ СИНОПА

О войне 1214 г. наиболее подробно повествуют два независимых источника. Первый — это записки никейца и (что важно) современника событий Николая Месарита, в ту пору эфесского митрополита⁹⁸. Меса-

⁹⁶ См. выше, а также: *Bryer A.* David Komnenos. P. 163–187; *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 109–124; *Karpov S. P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. P. 230–234; *Savvides A. G. C.* Byzantium in the Near East. P. 68–69 (см. также рецензию П. И. Жаворонкова и Р. Шукурова на эту работу А. Саввидиса в ВВ. Т. 48. С. 172–178); *Lampsidis O.* La rivalité entre l'état des Grands Comnènes et celui de Nicée à propos de l'héritage de l'idée byzantine // *Actes du XVe congrès international d'études byzantines*. P. IV. Histoire. Athènes, 1980. P. 186–191; *Idem.* Ho antagonismos metaxu ton kraton tes Nikaia kai ton Megalon Komnenon dia ten kleronomian tes Byzantines ideas // *AP.* 1977/78. T. 34. P. 3–19; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 122–123; *Vasiliev A.* The Foundation of the Empire of Trebizond. P. 21–27.

⁹⁷ О византийских укреплениях в Пафлагонии и, особенно, Амастриде см.: *Crow J.* Alexios Komnenos and Kastamon: Castles and Settlement in Middle Byzantine Paphlagonia // *Alexios I Komnenos* / Ed. M. Mullett and D. Smythe. Belfast, 1996. P. 12–36; *Crow J., Hill S.* The Byzantine Fortifications of Amastris in Paphlagonia // *AS.* 1995. Vol. XLV. P. 251–265.

⁹⁸ Критическое издание записок по трем сохранившимся рукописям: *Heisenberg A.* Neue Quellen. Издание по одному из московских неполных списков, снабженное русским переводом: *Архимандрит Арсений.* Некого митрополита Ефесского, XIII века, не изданное доселе произведение. Подробный английский пере-

рит концентрируется, по преимуществу, на никейско-латинских делах и внутринекейской церковной жизни, походя упоминая о военно-политических коллизиях в Пафлагонии во второй половине 1214 г. Второй текст — историческое сочинение Ибн Биби, секретаря сельджуцкой султанской канцелярии, писавшего на фарси в конце 70-х гг. XIII в. В разделе о деяниях султана «Изз ал-Дина Кай-Кавуса I (1211–1219) Ибн Биби дает детальное описание синопской кампании сельджуков⁹⁹. Краткое сообщение о покорении Пафлагонии никейцами содержится в сочинении Акрополита, однако там события ошибочно датированы 1211 г.¹⁰⁰ Кроме того, некоторые интересные детали добавляет персоязычный анонимный «Тарих-и Ал-и Салджук», составленный в начале XIV в. и основанный на источниках, независимых от Ибн Биби¹⁰¹. Два других свидетельства — сирийского христианина Абу ал-Фараджа (ум. 1286), а также хрониста и аййубидского эмира Абу ал-Фиды (1273–1331) — будучи слишком краткими и не во всем точными, лишь подтверждают в самых общих чертах сообщения упомянутых персидских источников¹⁰².

Наша задача значительно облегчается тем, что сообщения Николая Месарита и Ибн Биби, несомненно, наиболее важные для реконструкции

сказ записок: *Foss C. Nicaea: A Byzantine Capital and Its Praises, With the Speeches of Theodore Laskaris «In Praise of the Great City of Nicaea» and Theodore Metochites «Nicene Oration» / With the collaboration of J. Tulchin. Brookline, 1996. P. 59–63.* Оценка комментируемых сведений Месарита см.: *Vasiliev A. Mesarites as a source // Speculum. 1938. Vol. 13. P. 180–182; Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. С. 155.*

⁹⁹ Факсимильное издание уникального Анкарского списка: *Ibn Bibi (Ankara). Издание сокращенного варианта (далее — «Mukhtasar»), выполненного анонимом: Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn Bibi / Texte persan publié... par M. Th. Houtsma. Leide, 1902. Немецкий перевод «Мухтасара» с добавлениями из полного варианта: *Duda H. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.* Греческий перевод и комментарий к отрывку о событиях 1214 г.: *Sauvages A. Hoi Megaloi Komnenoi tou Pontou kai hoi Seltzoukoi tou Rûm (Ikoniou) ten periodo 1205/6–1222 // AP. 1988. T. 39. P. 169–193.* Русский перевод турецкого переложения сочинения Ибн Биби, выполненного Йазыджи-оглу «Али, см.: *Мелиоранский П. И. Сельджук-наме как источник для истории Византии XII–XIII вв. // ВВ. 1892. Т. I. С. 632–637.* Однако на текст Йазыджи-оглу «Али нельзя полагаться — именно в рассматриваемом отрывке содержится поздние добавки, не подтверждающиеся другими источниками.*

¹⁰⁰ *Georgios Akropolites. P. 18.* Э. Брайер предпринимал попытку обосновать Акрополитову датировку 1211 г.: *Bryer A. David Komnenos. P. 185.*

¹⁰¹ *Histoire des Seldjoukides (Ankara, 1952). P. 43–44; Tarix-e al-e Saljuq. Tehran, 1999. P. 87.*

¹⁰² *Gregorius Abu al-Faraj. The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron / Translation from Syriac by E. A. W. Budge. L., 1932 (repr.: Amsterdam, 1976). Vol. 1. P. 369; Abu'l-Feda. Annales musulmici. Arabice et latine / Ed. I. G. C. Adler. Hafniae, 1792. T. 4. P. 252–255.* Подробный разбор сообщений последнего автора см.: *Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения. С. 186–187.*

событий 1214 г., уже были предметом серьезного рассмотрения в ряде исследований¹⁰³. Тем не менее, до сих пор остается спорной проблема совмещения и согласования данных этих источников друг с другом, к решению которой мы и приступим.

Месарит и Ибн Биби весьма скупы на точные датировки описываемых событий, оба автора отдают предпочтение относительным временным определениям, которые нередко лишь затемняют реальную хронологию. В особенности это касается текста Ибн Биби. В то же время, повествование Николая Месарита, который писал через несколько недель после событий, содержит достаточно косвенной информации для того, чтобы приблизительно восстановить хронологию Пафлагонской войны 1214 г. Поэтому в нашем дальнейшем изложении мы жертвуем хронологией Ибн Биби, относительные датировки которого во многих случаях следует признать слишком неточными¹⁰⁴, и отдаем предпочтение хронологии Месарита, писавшего свое послание по свежим воспоминаниям. Итак, обратимся к тому, что донесли до нас источники о пафлагонских событиях 1214 г.

Один из самых ранних эпизодов разыгравшейся драмы представлен в тексте Ибн Биби. Происходило это, если верить относительной хронологии Месарита и Ибн Биби и судить по датировкам последующих событий (см. ниже), до *августа* 1214 г. Ибн Биби сообщает, что к султану 'Изз ал-Дину Кай-Кавусу I (1211–1219), находившемуся тогда в Сивасе, «неожиданно прибыли гонцы от стражей границ со стороны Синопа и привезли послание, скрепленное печатью, о том, что преступления и посягательствам в [анатолийской] земле кира Алексея (كير الكس), *таква-ра* (т. е. царя. — Р. Ш.) Джанита, стали тесны рубежи его державы, его вторжения в пределы принадлежащих султану земель преступили все границы»¹⁰⁵. О вторжении «многочисленного воинства» Алексея I в сельджукские земли «со стороны Синопа» сообщает и «Тарих-и Ал-и Салджук»¹⁰⁶. Объяснение этих свидетельств, столь важных для уяснения логи-

¹⁰³ См. важнейшие публикации: *Cahen Cl.* Le commerce anatolien au début du 13e siècle. P. 94; *Kürşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... Vol. 1. P. 69, 71; *Жаворонков П. И.* Никейско-трапезундские отношения. С. 183–190; *Heisenberg A.* Neue Quellen. S. 66–72; *Sauvages A.* Hoi Megaloi Komnenoi tou Pontou kai hoi Seltzoukoï tou Rûm. Работа А. Саввидиса содержит подробную библиографическую сводку.

¹⁰⁴ Если строго следовать счету дней, содержащемуся в отрывке Ибн Биби, то вся сельджукская кампания против Синопа укладывается в 7–10 дней, что, как мы увидим, никак не могло соответствовать действительной продолжительности событий.

¹⁰⁵ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 147; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 54; *Duda H.* Die Selt-schukengesichte. S. 64.

¹⁰⁶ Однако, по утверждению «Тарих-и Ал-и Салджук», султан находился тогда в Кесарии: *Histoire des Seldjoukides* (Ankara, 1952). P. 43–44; *Tarix-e al-e Saljuq*. P. 87.

ки конфликта, вызывает определенные трудности. Сделаем небольшое отступление и остановимся на их интерпретации подробнее.

Единственное объяснение этим утверждениям персидских хронистов выдвинул М. Куршанскис. По предположению исследователя, в годы, предшествовавшие Пафлагонской войне, Алексей I действовал заодно с мятежным братом сельджукского султана 'Изз ал-Дина — 'Ала Ал-Дином Кай-Кубадо (султан в 1219–1237 гг.)¹⁰⁷.

Царевич 'Ала ал-Дин при жизни отца — Гийас ал-Дина Кай-Хусрава I (1205–1211) — наместничал в Токате, в столице области Данишмандия, граничившей на севере с владениями Великих Комнинов. После смерти отца 'Ала ал-Дин отказался признать власть своего старшего брата 'Изз ал-Дина, воцарившегося в июне 1211 г.¹⁰⁸, и поднял мятеж, оспаривая у него престол. Источники сообщают, что 'Ала ал-Дин заручился поддержкой парвана Захир ал-Дина Или, отпрыска Данишмандидов, который, вероятно, сохранял влияние в токатском регионе, исконной вотчине Данишмандов¹⁰⁹. Кроме того, царевича поддержал его дядя — Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах, влиятельный эмир Эрзерума (1201 или 1203–1225)¹¹⁰. Из текста Ибн Биби следует, что и до того между 'Ала ал-Дином и Тугрул-шахом существовали дружеские отношения¹¹¹. Другим союзником царевича стал христианин — царь Киликийской Армении Левон II (1187–1219), к которому 'Ала ал-Дин послал гонца с обещанием отдать ему Кесарию/Кайсари. На стороне царевича, вероятно, выступили и северо-анатолийские кочевники-туркмены.

Союзники блокировали султана 'Изз ал-Дина в Кесарии. Однако султану удалось договориться с царем Леоном и тот отвел свои войска от Кесарии; вслед за ним отступил и эмир Эрзерума. На решение армяно-тюркских союзников, возможно, повлияло и вмешательство в конфликт аййубида Малика Ашрафа, давнего врага эрзерумцев, решившего помочь сельджукскому султану. 'Ала ал-Дин, оставленный союзниками, отступил от Кесарии и занял Анкиру. Спустя некоторое время, султанские войска осадили Анкиру, 'Ала ал-Дин сдался на милость победителя. Султан сначала хотел казнить брата, однако, благодаря заступничеству некоторых своих приближенных (اصحاب), ограничился тем, что посадил 'Ала ал-Дина под арест в Малатье/Мелитина¹¹².

¹⁰⁷ Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 112; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 120–122.

¹⁰⁸ Точнее — 28 июня 1211 г. (14 мухаррама 608 г. Х). См.: Histoire des Seldjoukides (1952). P. 43; Tarix-e al-e Saljuq. P. 86–87.

¹⁰⁹ О Захир ал-Дине парвана см.: Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 121, 222. Об области Данишмандия см.: Ibid. P. 240–241.

¹¹⁰ Об Абу ал-Харисе Мугис ал-Дине Тугрул-шахе см. гл. II.

¹¹¹ Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 40^{18–19}: میان ایشان پیوندی رفت.

¹¹² Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 40–44, 50; Abu-l-Feda. P. 248–250; Сибат Спанапет. Летопись / Пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. 122; Abu al-Faraj. P. 364.

Известные нам источники не позволяют точно датировать эти события. Относительная датировка по тексту Ибн Биби позволяет привязать начало и завершение осады Кесарии ко второй половине 1211 г., после июня этого года. Смбат Спарапет датирует поход Левона II к Кесарии так же 1211 г. Осада Анкары, судя по тексту Ибн Биби, длилась по меньшей мере год «от ранней весны до ранней весны следующего года»¹¹³, то есть либо с 1212 по 1213 г., либо с 1213 по 1214 г., а пленение 'Ала ал-Дина произошло соответственно либо весной 1213, либо весной 1214 г. Причем, Ибн Биби утверждает, что сдача Анкиры произошла вскоре после наступления весеннего равноденствия (20–21 марта): «когда знамена царя звезд [т. е. Солнца. — *Р. Ш.*] достигли точки весеннего равноденствия (اعتدال ربيعي)...»¹¹⁴. Абу ал-Фида (правда, не очень точный в деталях) однозначно относит арест 'Ала ал-Дина и препровождение его в Мелитину к 610 г. Х. Лунный 610 г. длился по солнечному календарю с 23 мая 1213 г. по 12 мая 1214 г., поэтому, если довериться Абу ал-Фиде и Ибн Биби, следует думать, что Анкара пала лишь весной 1214 г. (в период с конца марта по начало мая).

Несмотря на общее молчание наших источников о каком-либо участии понтийских греков в этом конфликте, все же догадка М. Куршанска не лишена оснований: весьма возможно, что не только Левон II и Тугрул-шах пытались помочь 'Ала ал-Дину, но и Алексей I Великий Комнин заключил с ним союз. Это тем более вероятно, что Алексей I был ближайшим и, пожалуй, наиболее могущественным соседом 'Ала ал-Дина по владениям в области Данишмандий. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является и то обстоятельство, что для чуть более позднего времени (конца 10-х и 20-х гг. XIII в.) известно о том, что Великие Комнины поддерживали хорошие отношения с другим субъектом этого союза — с эмиром Эрзерума, владения которого прилегали к юго-восточным границам комниновской Халдии; так что, этот трапезундско-эрзерумский альянс, возможно, начал складываться уже до 1214 г. Эти соображения позволяют нам поддержать догадку М. Куршанска.

Судя по уверенным (хотя и недостаточно конкретным) утверждениям сельджукских хронистов, упомянутым выше, войны Алексея I участвовали в какой-то военной акции на сельджукской территории. Описанный конфликт внутри сельджукидской царской семьи является пока наилучшим объяснением враждебных действий трапезундцев по отношению к султану 'Изз ал-Дину и, с другой стороны, косвенно подтверждает участие Великих Комнинов в христианско-мусульманской коалиции 'Ала ал-Дина.

Остается не ясным, когда именно и с какой тактической целью трапезундское войнство выступало против сельджукского султана — то ли в 1211 — начале 1214 гг., то ли уже во второй половине 1214 г. (как мож-

¹¹³ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 49¹⁻², а также p. 49⁹.

¹¹⁴ *Ibid.* P. 49⁹⁻¹⁰.

но понять из персидских источников) с целью повлиять на осаду Анкары или на судьбу арестованного «Ала ал-Дина, или же, может быть, чтобы отвлечь сельджуков от Эрзерума. Однако знаменателен сам факт пребывания «Из ал-Дина во второй половине 1214 г. в удаленных от главных центров султаната северных пределах, в непосредственной близости от владений как Великих Комнинов, так и Тугрул-шаха. Следовательно, ко второй половине 1214 г. эта распря еще не исчерпала себя, и вполне возможно, что греки в тот момент находились в состоянии войны с султаном.

Вместе с тем, можно думать, что в 1211–1214 гг. усиливалась напряженность и в никейско-трапезундских отношениях, — может быть, Великие Комнины решились на какие-то угрожающие приготовления на своей западной границе, ибо Месарит, рассказывая о событиях конца августа 1214 г., писал об Алексее I, как о замышляющем «втайне много худого» против никейцев¹¹⁵.

Однако вернемся к рассказу Ибн Биби. Придворные, продолжает свое повествование историк, узнав о вторжении греков, посоветовали султану атаковать Великих Комнинов. Султан расспросил о Синопе осведомленных людей. Они сообщили ему, что город можно взять лишь после долгой осады и только в том случае, если запасы еды в городе скудны и если не будет защитникам подмоги ни с моря, ни с суши. Однако внезапно явились отправленные на рекогносцировку лазутчики и принесли весть о том, что кир Алексей I охотится в окрестностях Синопа, и с ним всего пятьсот всадников. Ради царской забавы Алексей, видимо, покинул хорошо укрепленный город и слишком далеко ушел от берега. Спешно отправленный султаном отряд пленил Алексея I во время пира. Часть свиты василевса пала в коротком бою. Сразу же после этого султан подошел к стенам Синопа, где его уже ждал сельджукский авангард¹¹⁶.

Когда султан потребовал от Алексея I сдать город, тот попросил привести к нему «одного из своих великих эмиров»¹¹⁷, попавших вместе с ним в плен. Василевс отправляет в Синоп своего «эмира» с написанным по-гречески письмом. Начальники твердыни сначала отказывались сдать, заявляя, что «даже если Кир Алексей пленен, он имеет достойных сыновей, растущих в Джаните, мы возведем на трон одного из них, но не отдадим эту землю мусульманам»¹¹⁸. К обсуждению этого странного от-

¹¹⁵ Heisenberg A. Neue Quellen. S. 117–13. См. также ниже.

¹¹⁶ Ibn Bibi (Ankara). P. 147–149; Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 54–55; Duda H. Die Seltshukengeschichte. S. 64–65. Абу ал-Фарадж ошибочно утверждает, что Кир Алексей был убит султаном (*Abu al-Faraj*. P. 369).

¹¹⁷ Под именованием «великий эмир» (امير بزرگ) вполне мог скрываться реальный комниновский дворцовый титул с первым элементом μέγας (*Pseudo-Kodinos*. Traité des offices / Introduc., texte et traduc. par J. Verpeaux. P., 1966. P. 344–349).

¹¹⁸ Ibn Bibi (Ankara). P. 150; Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 56; Duda H. Die Seltshukengeschichte. S. 66. Защитники Синопа, очевидно, имели в виду Иоанна Аксуха,

вета синопцев, не внявших повелению своего василевса, еще будет повод возвратиться ниже.

О том, что тем временем происходило в Никее, повествует Месарит, помогая более или менее точно датировать время пленения Алексея I сельджуками. Речь идет о следующих трех отрывках из «Отчета» эфесского митрополита.

(I) «Когда мы шли [уже] недалеко от ворот Никей, внезапно некто [прибывший] из северных климатов подошел к василевсу (так сказать, божественный вестник), издали возглашая: "Возрадуйтесь все! Идите к властителю благочестия и сокрушителю мировых царств! Вот ведь, Алексей, преисполненный спеси, род ведущий от Комнинов, против Державы ромеев втайне замышляющий много худого..."»¹¹⁹ Следующие строки испорчены. Очевидно, что в этом отрывке речь идет о каком-то катастрофическом (и потому, невероятно радостном для никейцев) поражении Алексея I. Далее идет речь о смерти патриарха Михаила IV Авториана (26 августа 1214 г.) и пространный пассаж о его христологических воззрениях, решительно осуждаемых Месаритом¹²⁰. Покончив с разбором патриарших заблуждений, Месарит возвращается к хронологической канве и вкратце напоминает читателю о том, что было сказано выше о пафлагонских делах¹²¹.

(II) «А как только он [т. е. патриарх Михаил IV. — *Р. III.*] переселился из сего мира, а лежащие к северу страны [т. е. Пафлагония. — *Р. III.*] в то время оказались под одною державою царя нашего, то наш царь приказал возвести на Константинопольскую кафедру преемника умершему по выбору и одобрению священного сонма архиереев. Тогда и были принесены державному радостные вести. И он помчался бы верхом [из Никей] и направил бы узду в [землю] пафлагонов, если бы множество препятствий в церковных [делах] не сдерживали львиной храбрости василевса, заботившегося о мире и безмятежии Церкви...»¹²² Ласкарис вскоре умиротворил Церковь и возвел на престол нового патриарха¹²³.

(III) После того Феодор I «немедленно, не заботясь ни о чем, так что почти и пищи не отведав, стремительно напал на землю пафлагонов, которую одним военным кличем за семь дней усмирения подчинил неодолимой деснице своей»¹²⁴.

старшего сына Алексея I и будущего императора, правившего в 1235–1238 гг., и Иоанникия, который в 1238 г. был пострижен в монахи (*Panaretos*. Р. 61¹⁷). Подробнее см. ниже в этой главе, раздел «Три сына Алексея I Великого Комнина».

¹¹⁹ Heisenberg A. Neue Quellen. S. 11^{7–16}.

¹²⁰ Ibid. S. 11^{19–18}.

¹²¹ Ibid. S. 66; Vasiliev A. Mesarites as a source. P. 181.

¹²² Heisenberg A. Neue Quellen. S. 18^{14–22}; *Архимандрит Арсений*. Ук. соч. С. 15–16.

¹²³ Heisenberg A. Neue Quellen. S. 18^{23–32}.

¹²⁴ Ibid. S. 19^{1–4}.

Присоединяясь к А. Хайзенбергу и А. Васильеву, мы понимаем I и II отрывки как повествование об одном и том же событии, а именно о том, как «некий божественный вестник» принес Ласкарису «радостные вести» о пленении сельджуками Алексея I во время охоты. Весть пришла незадолго до кончины Михаила Авториана 26 августа 1214 г. За неимением более точных хронологических ориентиров, эту дату можно считать *terminus ante quem* для пленения турками Алексея I.

Из второго отрывка также следует, что уже в период между концом августа и 28 сентября (днем избрания новым патриархом Феодора Ириника) под власть никейцев переходят какие-то земли в Пафлагонии, вероятно, сданные трапезундцами после пленения их императора. Свой первый поход в Пафлагонию Феодор I Ласкарис совершает вскоре после 28 сентября 1214 г., вероятно, уже в начале октября, и в течение недели (если только это не Месаритова гипербола) покоряет «землю пафлагонов». Возвращается он из этой кампании лишь во второй половине октября¹²⁵.

В 10–20-х числах ноября 1214 г. Николай Месарит, побывав у кардинала Пелагия в Константинополе, с гордостью поведал латинянам о никейских военных «успехах в нынешнем году» (τῆτινον κατόρθωσις, т. е. в 6723 г. от Адама, начавшемся 1 сентября 1214 г. по Р.Х.), имея в виду октябрьскую атаку Ласкариса: «с Божьей помощью всю землю пафлагонов с укрепленными в ней городами подчинил [Ласкарис] неодолимой силой и десницей своей»¹²⁶. Ираклия Понтийская и Амастрида перешли к Ласкарису, вероятно, именно в октябрьскую кампанию.

В течение октября 1214 г., пока никейцы утверждали свою власть в Пафлагонии, Изз ал-Дин продолжал осаду Синопа. Султан, наконец, прибег к крайней мере. Два дня Алексей подвергался пыткам на виду у синопцев. «О безбожники, — взывал Алексей, — для кого бы вы ни берегли город, если убьют меня, а вас все равно опутают в гнев оковами плена, то что за польза от такого сопротивления?!» Когда василевс под пыткой потерял сознание, синопцы согласились принять сельджукского вестника. Они сдали город в обмен на султанскую клятву о том, что царю будет сохранена жизнь и возвращена свобода, а синопцы смогут с имуществом и семьями покинуть город¹²⁷.

¹²⁵ Heisenberg A. Neue Quellen. S. 198⁸⁻¹³, 68, 74. Ср.: Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения. С. 185–186. П. И. Жаворонков, анализируя приведенные отрывки из текста Месарита, предполагает, что между 28 сентября и началом ноября Ласкарис дважды (а не один раз) вторгнулся в Пафлагонию. На наш взгляд, обсуждаемый текст Месарита в достаточной мере однозначен и ясен и вряд ли нуждается в подобных поправках.

¹²⁶ Heisenberg A. Neue Quellen. S. 25¹⁸⁻¹⁹, 263³⁻⁶. Архимандрит Арсений. Ук. соч. С. 31–32. Ср.: Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения. С. 184.

¹²⁷ Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 56–57; Duda H. Die Selttschukengeschichte. S. 66. Демонстрация мучений знатных пленников под стенами осажденной твердыни являлась одним из средств брать крепости. Ср., например, как защитники

Горожан принудил к сдаче, как видно, целый комплекс неблагоприятных для них обстоятельств. Это и страдания их василевса, и захват Западной Пафлагонии Феодором I Ласкарисом, а главное то, что в ходе осады сельджукинский полководец, некий Бахрам Таранблуси, сжег синопский флот, затруднив или вовсе прервав сообщение осажденных с внешним миром (султан, по всей видимости, учел мнение своих приближенных, указавших на желательность морской блокады Синопа)¹²⁸.

26 джуммада второго 611 года (1 ноября 1214 г.) слуги кира Алексея I и приближенные 'Изз ал-Дина внесли султанский санджак в город и водрузили его на крепостной башне. В следующем году это событие было увековечено греко-арабской надписью на стенах крепостной башни, возведенной в месяце *раби' ал-ахир* 612 г. (август 1215) по приказу Бадр ал-Дина Абу Бахра, «слуги (добл) великого султана».¹²⁹

Анонимный «Тарих-и Ал-и Салджук» сообщает, что в Синопе в числе защитников находился отряд латинян (فرنگان). Сельджуки предали мучительной казни тридцать человек из «франков» во главе с их командиром (امير): с еще живых пленников содрали кожу¹³⁰. Остается загадкой, были ли эти латиняне наемниками или союзниками Алексея I, почему на них не распространились условия капитуляции и, наконец, чем была вызвана столь жестокая казнь части из них?

В Синопе Алексей и 'Изз ал-Дин подписали мирный договор. Ибн Биби цитирует, по всей видимости, подлинный персидский вариант этого договора, составленного «нотариями» (نوطاران) султана¹³¹. В нем, в част-

осажденной в 1196 г. сельджуками Дадивры сдались сразу, стоило только тюнкам поводить вдоль стен плененных греческих *страпигов* со связанными руками (Nic. Chon. Vol. 1. P. 474).

¹²⁸ Histoire de seldjoukides (Ankara, 1952). P. 44; Tarix-e al-e Saljuq. P. 87.

¹²⁹ Heisenberg A. Neue Quelle. S. 70–71; Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 56–57; Duda H. Die Seltshukengeschichte. S. 66–67; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... Vol. 1. P. 71–72, 88.

¹³⁰ Histoire de seldjoukides (Ankara, 1952). P. 44; Tarix-e al-e Saljuq. P. 87:

با سی نفر امیر فرنگان رومیان همه را بزندی پوست کنند

«с тридцатью людьми с эмира франков [и (?)] румийцев со всех с живых содрали кожу». Как видно, текст смутен, грамматически несовершенен и не поддается однозначному прочтению. В тегеранском издании «франки» и «румицы» разделены запятой (فرنگان، رومیان)، которая замешает предположительно опущенный тут союз «и» (و). Однако, возможно, что на самом деле автор хроники подразумевал «румийских франков» (فرنگان رومی), т. е. франков из Константинополя, которых он упоминал в других частях своей хроники (см., например: P. 85). Последнее предположение представляется более правдоподобным. Cf.: Cahen Cl. Seldjoukides de Röm, byzantins et francs d'après le 'Seljuknameh' anonyme // Mélanges Henri Grégoire. Bruxelles, 1951. T. 3. P. 102; Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 113.

¹³¹ По предположению Х. Дуды, под *нотариями* Ибн Биби подразумевал писцов «греческого бюро» султанской канцелярии (Duda H. Die Seltshukengeschichte. S. 67 und Anmerk. b). Относительно греческих секретарей в сельджукской

ности, говорилось: «Если султан мне, *киру* Алексею, дарует жизнь, мне и моим потомкам назначит во владение Джанит¹³² вне крепости Синоп и ее окрестностей, то буду поставлять [султану] каждый год десять тысяч динаров, пятьсот лошадей, две тысячи коров, десять тысяч голов овец, пятьдесят выюков разных даров, а когда [султан] попросит о помощи, то помогу со всеми своими войском, сколько его будет». Свидетелями в этом контракте были «самые значительные лица» (أموال عظمى) обеих сторон¹³³. V V
Попутно отметим, что документ, приведенный у Ибн Биби, — уникальный образчик письменной капитуляции византийского василевса перед более сильным государем.

О результатах сельджукской кампании писал и Абу ал-Фида. Хотя он ошибочно отождествил *кира* Алексея с Феодором Ласкарисом, по сути его сообщение подтверждает текст Ибн Биби и анонимного автора «Тарих-и Ал-и Салджук». Султан хотел убить византийского *малика*, однако тот «выкупил свою жизнь за огромное богатство» (أموال عظيمة) обеих сторон Кай-Кавусу крепости и земли (قلاع و بلاد), никогда не принадлежавшие мусульманам»¹³⁴.

Затем Алексей I и его приближенные поднялись на корабли и отправились в Джанит, под которым Ибн Биби, вероятно, подразумевал Халдию или сам Трапезунд.

Несмотря на сокрушительное поражение, в ноябре 1214 г. трапезундцы предприняли какие-то попытки спасти положение в Западной Пафлагонии. Ласкарису пришлось выступить во второй поход на Пафлагонию (во второй половине ноября 1214 г.), ибо «порождение ехиднино, драконово исчадие [т. е. Великий Комнин. — Р. Ш.] еще шевелит хвостом»¹³⁵. Однако Ласкарис не встретил серьезного сопротивления. Месарит, посетив императора в Ираклии Понтийской вскоре после завершения кампании в начале декабря 1214 г., писал, что увидел василевса «ласковым, благосклонным, скромным и не чванливым — [отнюдь] не возгордившемся тем, что без кровопролития и убийства привел под свою власть так много городов и обширных и наполненных большим богатством, а также и положение имеющих превосходное»¹³⁶. Ноябрьская кампания никей-

дворцовой канцелярии и в мусульманских городах, а также греческих документов от имени мусульманских анатолийских государей см.: *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 233 (здесь же указаны соответствующие источники и литература), 470; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 227.

¹³² О топониме «Джанит» см.: «Введение» к настоящей работе.

¹³³ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 153; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 57–58; *Duda H. Die Selbstschutungskgeschichte*. S. 67. Достоверность приведенного у Ибн Биби договора подтверждается условиями сельджукско-трапезундского соглашения ок. 1230 г., отменившего перечисленные повинности трапезундцев (см. гл. II).

¹³⁴ *Abu-l-Feda*. P. 254. См. также сноску 109.

¹³⁵ *Heisenberg A. Neue Quelle*. S. 33^{15–17}. *Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения*. С. 186 и сн. 19.

¹³⁶ *Heisenberg A. Neue Quelle*. S. 33^{28–31}. *Архимандрит Арсений. Ук. соч.* С. 50. Из изложения этих событий С. П. Карповым может сложиться впечатле-

ского императора поставила точку в войне 1214 г.: вся Пафлагония отошла к никейцам. Никея навсегда избавилась от наиболее грозного и авторитетного из своих греческих соперников.

Так завершился раздел Пафлагонии. Пафлагония под властью Ласкариса и первых Палеологов обратилась в отдаленную и малозначительную никейскую провинцию, на территориальные потери в которой впоследствии мало обращали внимания. Сельджуки не только овладели самым неприступным и удобным портом во всем Южном Причерноморье, но тогда же, как можно предположить, вернулись в другой черноморский порт — Самсун, отобранный у них Великими Комнинами около 1204 г.¹³⁷

8.2. ГРЕКО-ТЮРКСКИЕ АЛЬЯНСЫ

Столь легкий и бескровный разгром Великих Комнинов в Пафлагонии во многом выглядит случайным. На наш взгляд, он вряд ли отразил действительное соотношение противоборствующих сил. Как показали события никейско-трапезундской войны 1205–1208 гг., Ласкарис оказался не в состоянии вытеснить Великих Комнинов из Пафлагонии: обе его попытки отнять у Давида Ираклию (1206 и 1208 гг.), главную комниновскую базу, окончились жестокими поражениями никейцев. Трапезундско-сельджукская война 1205/1206 г. продемонстрировала способность Великих Комнинов перекрыть сельджукам выход к Черному морю¹³⁸. Вряд ли стоит сомневаться в том, что и в 1214 г. Великие Комнины располагали значительными военными ресурсами для более упорной и продолжительной войны на два фронта. Как это ни парадоксально, но успех никейцев и сельджуков в 1214 г. был, вероятно, во многом предопределен нелепой оплошностью Алексея I, весьма не вовремя отправившегося на охоту.

В необъяснимом поражении трапезундцев можно усмотреть намек и на гипотетическое устранение от власти Давида, о котором сказано выше. Во-первых, когда сельджуки пленили Алексея I и потребовали сдачи Синопа, защитники города отреагировали весьма странно, ответив, что посадят на престол одного из сыновей Алексея. Не представляется ли этот ответ слишком дерзким для лояльных подданных василевса? Такое равнодушие синопцев к судьбе их господина могло бы указывать на то обстоятельство, что отношения между Алексеем I и его подданными в Синопе были далеки от сердечности. Возможно ли, что синопцы, или, по крайней мере, часть из них, были недовольны своим государем из-за его недавних столкновений с Давидом?

ние, что военные действия в Пафлагонии могли захватить и начало 1215 г., однако, как видно из приведенных данных, такое расширение временных рамок излишне (Карнов С. П. Образование Трапезундской империи. С. 25).

¹³⁷ Kurşanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 114.

¹³⁸ Vasiliev A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. P. 158–159.

Во-вторых, как уже говорилось, Месарит, вспоминая никейские вторжения в Пафлагонию в 1205–1208 гг., отмечал, что Феодор Ласкарис обычно возвращался из похода с разнообразной добычей, включая домашний скот и пленников, разоряя города и разрушая до основания пафлагонские селения¹³⁹. Очевидно, что проводимая Ласкарисом «политика выжженной земли» в Пафлагонии, была вызвана, кроме прочего, враждебным отношением местных жителей по отношению к захватчикам. Однако, судя по тексту Месарита, Ласкарис не встретил серьезного сопротивления в течение его двух кампаний в Пафлагонии осенью 1214 г. Можно думать, что в 1214 г. пафлагонцы все еще оставались верными их прежнему господину Давиду и не были склонны защищать интересы Алексея I. Таким образом, катастрофа 1214 г., которая предопределила будущее понтийского государства Комнинов, в некоторой степени могла быть результатом и отстранения Давида от активной политической деятельности.

Однако есть и другое, вероятно, не менее существенное обстоятельство, повлиявшее на исход дела. Параллельное изложение действий Феодора I Ласкариса и 'Изз ал-Дина Кай-Кавуса I в войне 1214 г. не оставляет сомнений в согласованности действий никейских греков и тюрок¹⁴⁰. Несколькими годами раньше давний никейско-сельджукский союз пережил серьезный кризис, вылившийся в крупное столкновение на Меандре (1211 г.). В ходе этого знаменитого сражения султан Гийас ал-Дин, бывший соратник Ласкариса, пал от меча то ли наемного франка, то ли самого Феодора¹⁴¹. Однако после воцарения 'Изз ал-Дина Кай-Кавуса I (июнь 1211 г.), сына погибшего султана, сам Феодор I возобновил союз с тюрками, прислав к ним примирительное посольство со сказочно богатыми дарами; василевс и султан заочно обменялись клятвами в верности друг другу¹⁴². Закрепляя союз, Ласкарис прислал еще 20 тыс. динаров, чтобы раздали бедным по случаю захоронения останков Гийас ал-Дина в семейной усыпальнице в Конье. Учитывая последующие события 1214 г., можно предположить, что этот союз с самого начала носил антикомниновский характер и зиждился на общей тюрко-никейской заинтересованности в разделе Пафлагонии и блокировании Великих Ком-

¹³⁹ Heisenberg. A. Neue Quellen. S. 25³⁰–26¹; *Архимандрит Арсений*. Ук. соч. С. 32.

¹⁴⁰ *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 112. О никейско-сельджукском союзе в 1214 г. писал еще Ф. И. Успенский (Очерки из истории Трапезундской империи. С. 32–33); иную точку зрения отстаивает П. И. Жаворонков (Никейско-латинские отношения. С. 59–60), полагая что такого союза в 1214 г. не существовало.

¹⁴¹ О комплексе никейско-сельджукских противоречий в тот период см.: *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 120.

¹⁴² *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 45–47; *Duda H.* Die Seltschukengeschichte. S. 57–58; *Histoire de seldjoucides* (Ankara, 1952). P. 43; *Tarix-e al-e Saljuq*. P. 86; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 120–122; *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 111–112.

нинов в пределах далекой Халдии, стратегически безопасной для обоих партнеров. Весь предыдущий опыт борьбы с Великими Комнинами подталкивал никейцев и тюрок к осознанию необходимости в согласованных действиях против Алексея I. Не исключено, что «послание, скрепленное печатью» о «посягательствах» Алексея I, которое получил султан в самом начале конфликта, пришло на самом деле от никейцев. Не менее вероятно и то, что упоминавшийся выше «божественный посланник», принеший Ласкарису весть о пленении Великого Комнина, прибыл к Ласкарису от самого султана Изз ал-Дина.

Однако, как показывают события 1211–1214 гг., первоначальная схема противостояния в Пафлагонии, возможно, была еще более усложнена Великими Комнинами, включившимися в анатолийское противостояние между иконийскими сельджуками и их стратегическими соперниками (тюрьками и армянами) на северо-восточной и юго-восточной периферии Малой Азии. Острие гипотетического трапезундско-тюркского союза в начале 10-х гг. XIII в. было направлено не столько против никейцев, сколько против их соратника — султана Икония. Тем не менее, не исключено, что и в 1214 г. Феодору I и иконийскому султану могли противостоять не только Алексей I и латиняне (на этот раз, может быть, наемные), но, возможно, и тюркские антагонисты Икония (ведь, как мы показали выше, вплоть до 1214 г. трапезундцы выступали на стороне тюркских оппонентов сельджуков).

Возможно, что это была одна из первых попыток Великих Комнинов нейтрализовать тюрок другими тюрками, которая в 1211–1214 гг. не принесла грекам существенной пользы. В последующем византийские правители Понта будут пользоваться подобным приемом с большей для себя выгодой¹⁴³. Как бы то ни было, мы можем констатировать, что уже на самом начальном этапе истории обоих поздневизантийских государств проявилась их явственная ориентация на союзы с тюрками.

Нам не известно, что мог бы сулить Алексей I своим тюркским союзникам, однако очевидно то, что Феодор I Ласкарис заплатил иконийскому султану за услугу *византийским* (отвлечемся от «партийных» делений в среде греков) Синопом. Это последнее обстоятельство и предопределило поистине катастрофические последствия для будущей судьбы анатолийского эллинизма, к обсуждению которых мы и обратимся.

8.3. РАСКОЛОТАЯ АНАТОЛИЯ

В ходе войны 1214 г. не состоялось ни одного сколько-нибудь значительного сражения, не было ни яростных штурмов, ни сотен павших в

¹⁴³ *Shukurov R. Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. Vol. 9/1. P. 54–62, 69–72; Idem. The Campaign of shaykh Djunayd Safawi against Trebizond (1456 AD/860 H) // BMGS. 1993. Vol. 17. P. 139–140.*

бою. Однако мы не побоимся поставить ее по значимости для последующей истории византинизма рядом с переломной катастрофой при Манцикерте (1071 г.). К этому подталкивают нас следующие очевидные последствия войны 1214 г.

Первое. Для уяснения действительного исторического значения этого события следует отвлечься от «узкопартийных» интересов трапезундцев и никейцев и взглянуть на проблему шире. Потеря Великими Комнинами Пафлагонии и Синопа означала фактическую потерю для анатолийского византинизма важнейшего стратегического оплота в борьбе с распространением тюрков. В XI–XII вв. Комнины прекрасно осознавали стратегическую важность Пафлагонии и сопредельных черноморских территорий. Эти области не только отрезали тюрков от прямого выхода к прибыльной черноморской торговле. Они, что важно, являлись единственной смычкой между западными и северо-восточными анатолийскими владениями Византии. Пафлагония, кроме того, играла определенную роль в стратегической обороне магистрального пути к Константинополю и вообще в европейскую часть империи через Вифинию¹⁴⁴. В конце XI и в XII в. эти земли явились ареной важнейших военных акций византийцев против армий сельджукских султанов и полунезависимых кочевых тюрков. На протяжении почти всего XII столетия на византийско-тюркской анатолийской границе сохранялся неизменный баланс сил, в котором Византия представляла собою далеко не слабейшую сторону¹⁴⁵. Даже в период стремительного упадка византийской мощи, последовавшего после битвы при Мириокефале (1176) и смерти Мануила I (1180), на северо-анатолийском театре тюрки смогли овладеть лишь стратегически второстепенным и не самым удобным для торговли портом Амис/Самсун (ок. 1194 г.), из которого через десятилетие были изгнаны Великими Комнинами¹⁴⁶.

В последующую эпоху все прежние преимущества «пафлагонской смычки» обратились с точки зрения локальных интересов Никей в опасные недостатки. Пафлагония, став базой для реставраторских походов Великих Комнинов на Запад, теперь таила в себе существенную угрозу для самого существования Никейского государства. Это и предопределило столь легкий отказ Феодора I Ласкариса в пользу тюрков от Синопа, одного из ключевых стратегических пунктов региона. Обладание Синопом, в свою очередь, обусловило постепенный переход в последующие десятилетия в руки тюрков большей части Пафлагонии: регион не представлял стратегического интереса ни для Никей, ни тем более для восстановленной в 1261 г. Палеологовской Византии.

¹⁴⁴ Подробнее см. об этом: *Bryer A. David Komnenos.*

¹⁴⁵ *Little R.-J. Twelfth-century Byzantine and Turkish States // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks 1071–1571 / Ed. A. Bryer, M. Ursinus (BF. 1991. Bd. XVI). P. 35–51 and especially p. 37–41.*

¹⁴⁶ *Bryer A. David Komnenos. P. 177.* Э. Брайер полагает, что тюркам принадлежали, кроме Самсуна, еще Павры (Бафра) и Йней (Унье).

В результате потери Синопа впервые сфера господства византийской власти в Анатолии оказалась расколотой надвое — на два изолированных друг от друга крупнейших анклава — западно-анатолийский и понтийский. Забегая вперед, отметим, что оба анклава в последующие после 1214 г. десятилетия были прочно блокированы туркменскими кочевыми уджами. К началу XIV в. западно-анатолийский оплот византинизма фактически перестал существовать, поделенный между тюркскими князьками; судьба оставшихся в руках византийцев нескольких городских центров была, по существу, предreshена. Восточно-анатолийский анклав к XIV в. сократился более чем вдвое до узкой береговой линии примерно от Лимний до Лазики со скромным хинтерландом¹⁴⁷. Таким образом, война 1214 г. в известной мере предопределила полную потерю византийцами территорий на западе Анатолии и значительную редукцию греческих земель на востоке Малой Азии.

Второе. До войны 1214 г. тюрко-мусульманский элемент был прочно блокирован во внутренних районах Анатолии, зажатый с севера, запада и юга единым монолитом византийских владений, с юго-востока — армянско-килийскими землями, а с северо-востока — Грузинским царством. В XI–XII вв. тюркский элемент, при всей его влиятельности, ни в коей мере не являлся *господствующим* в Анатолии, и на рубеже XII и XIII вв. у византийцев еще сохранялась теоретическая возможность не только успешного продолжения блокады тюрков во внутренних областях полуострова, но, при благоприятных условиях, и вытеснения их из стратегически важных пунктов во внутренней Пафлагонии, на Меандре, в Понтийской области.

Отсутствие свободных выходов к морям и, в особенности, к Черному морю весьма заботило сельджуков¹⁴⁸. Блокирование торговых путей, ведущих к Черному и Средиземному морям, и нарушение обычного хода торговли всегда вызывало со стороны сельджукских султанов болезненную реакцию. В 1197 г. подобная причина рассорила Алексея III Ангела с Гийас ал-Дином Кай-Хусравом. Несколькими годами позже (около 1200 г.) санкционированное Алексеем III пиратство на Черном море привело к новому византийско-сельджукскому конфликту. В 1205/1206 г. султан Гийас ал-Дин осаждал Трапезунд, когда Алексей I Великий Комнин перекрыл торговый путь из Анатолии на север (см. выше). Наконец, в 1207 г.

¹⁴⁷ О роли тюркского кочевого элемента в Анатолии см.: *Vryonis Sp.* Noma-dization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71; *Bryer A.* Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149. Ср. с картой греческих поселений на Понте (XIV–XX вв.) Э. Брайера: *Idem.* The *Tourkokratia* in the Pontos. Some Problems and Preliminary Conclusions // Neo-Hellenika. 1970. Vol. 1 (*Idem.* The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. L., 1980. № XI). P. 30; *Hopwood K.* Nomads or Bandits? The pastoralist/sedentary interface in Anatolia // *Manzikert to Lepanto*. P. 179–194. См. также ниже гл. III в настоящей книге.

¹⁴⁸ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 121–123, 167.

Гийас ал-Дин вынул жалобам обиженных купцов и отдал приказ штурмовать Анталию¹⁴⁹. Это прорыв к средиземноморскому побережью был закреплён захватом в 1221 г. Колонороса на восточном берегу залива Анталы; между 1221 и 1225 гг. сельджуки развили успех, заняв побережье вплоть до Селевкии¹⁵⁰.

Сельджуки, покорив Анталию, прорвались к Средиземному морю и окончательно разрушили тем самым смычку между греками и армянами на юге. Однако поистине переломным оказался 1214 г., когда турки разрезали византийский фронт на севере и прочно укрепились на Черном море¹⁵¹. Подчеркнем особо, что именно тогда впервые в истории византийско-тюркских отношений начала вырисовываться потенциальная угроза тюрков самому Константинополю (по главной сухопутной магистрали Никомида — Скутарий), которая окончательно кристаллизуется несколько позже, со сложением Османского эмирата.

Тогда же обозначилось и другое направление в экспансии анатолийских тюрков — Крым и южнорусские степи. В 20-х гг. XIII в. сельджукский наместник в Кастамоне и *беглербег* Хусам ал-Дин Чупан (другой вариант транскрипции — Чобан) предпринял беспрецедентную для переднеазиатских тюрков экспедицию в Крым. Сельджукский флот, отплыв из недавно покоренного Синопа, высадился в Крыму и захватил Судак. Сельджуки, возможно, контролировали Судак вплоть до монгольского завоевания Северного Причерноморья в 1239 г.¹⁵² «Крымское» направление тюрк-

¹⁴⁹ Nic. Chon. Vol. 1. P. 528–529; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 33; *Ibn al-Athir*. T. 12. P. 160; *Brand C. M.* Byzantium Confronts the West. P. 137–138; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 116–117, 119–120, 164–165; *Kürşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 111.

¹⁵⁰ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 124.

¹⁵¹ Ср. с замечаниями о важности для последующей истории тюрков-сельджуков завоевания выходов к Черному и Средиземному морям: *Cahen Cl.* Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle. P. 91–101; *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 132–133.

¹⁵² *Ibn Bibi* (Ankara). P. 300–333; *Duda H.* Die Seltschukengeschichte. S. 130–139. Кл. Каэн датирует поход Чобана 1225 г.: *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 125–126; 166–167 (об эмире Чупане см. также: P. 229, 243–244). Обоснование другой датировки — 1221 или 1222 гг., см. в: *Куник А.* О связи трапезундско-сельджукской войны с первым нашествием татар на Северное Причерноморье // УЗИАИ. 1854. Т. II. С. 734–746; *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. Т. 25. С. 53–77 (А. Ю. Якубовский считает, что сельджуки использовали для переправы трапезундский флот); *Богданова Н. М.* К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. С. 44–46; *Она же.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1. / Под ред. С. П. Карпова. С. 95.

Несмотря на то, что поход Чупана может представиться частной, не имевшей продолжения военной акцией, культурное влияние сельджукской Анатолии в Крыму в последующие десятилетия росло. Хорошо известно о чрезвычайной рас-

ской экспансии в полной мере вызреет много позже, после утверждения османской власти в Константинополе и Южном Причерноморье.

Ну а пока, в 1214 г., тюркский элемент превратился в *лидирующую силу* на Малоазийском полуострове, которая обладала собственными хорошо защищенными выходами к обоим морям и активно оттесняла менее удачливых автохтонов в периферийные зоны Малой Азии. Так открылся принципиально *новый этап тюркизации* Анатолии, суть которого сводилась к *локализации и редукции* разобщенных государственных образований анатолийских автохтонов (в первую очередь, греческих и армянских).

Бесспорно, прав Р.-Й. Лили, писавший: «Первыми завоевателями Константинополя были отнюдь не турки, но венецианцы и рыцари IV Крестового похода, которые захватили византийскую столицу и поделили империю в 1203/1204 г. И кто знает, произошел бы разгром 1453 г., не будь IV Крестового похода?»¹⁵³ Не будь Четвертого похода, была бы невозможной и та трагическая ситуация, в которой в 1214 г. столкнулись два одинаково легитимных (или одинаково нелегитимных) византийских вассалов. Однако, осознавая всю противоестественность и драматичность этой ситуации, мы должны отдавать себе отчет в том, что именно личный выбор Ласкариса, который, по всей видимости, *осознанно* приносил в жертву Синоп ради локальных интересов Никеи, вывел из хрупкого равновесия греко-тюркский военно-политический баланс в Анатолии. В далекой исторической перспективе это оказалось губительным для стратегии выживания византийской цивилизации в целом.

Общая победа никейских греков и сельджуков над Великими Комнинами имела не одинаковую значимость для каждого из союзников. Для тюрков победа в 1214 г. оказалась стратегическим триумфом с далеко идущими благоприятными последствиями для судеб тюрко-мусульманства в Малой Азии. Эта же победа, будучи для Никейской империи избавлением от смертельной угрозы со стороны Великих Комнинов, для будущих судеб византизма оказалась еще одним значительным шагом к окончательной гибели — воистину, «новым Манцикертом».

В заключение этого пассажа, посвященного Пафлагонскому конфликту 1214 г., позволю себе сделать следующее замечание, касающееся Феодора Ласкаря. Современные исследователи проявляют редкое единодушие в позитивной оценке деятельности Феодора I Ласкариса (1205–1222), основателя Никейской империи. Согласно общепринятым ныне оценкам, именно его административные и воинские таланты, его неутомимое упор-

пространности так называемого «сельджукского стиля» в искусстве и ремесле Крыма. Поскольку помимо похода Чупана не известны иные примеры интенсивного соприкосновения сельджукского анатолийского и тюркского крымского миров, то пути проникновения столь явного сельджукского влияния в Крым до сих пор являются предметом дискуссий между историками Крыма.

¹⁵³ Lilie R.-J. Twelfth-century Byzantine and Turkish States. P. 36.

ство сыграли решающую роль в предотвращении окончательного разгрома и оккупации Византии крестоносным воинством. Созданием «Византии в изгнании» со столицей в Никее Феодор I положил начало оформлению мощного «эллино-ромейского» оплота, который явился не только базой для восстановления империи в 1261 г., но, вероятно, и исходным пунктом для новейшего этапа в истории эллинизма. Вместе с тем, следует помнить, что приоритет в оценке Феодора Ласкариса как спасителя и хранителя византийской государственности принадлежит отнюдь не современным историографам, но поздневизантийской исторической традиции, а точнее ее никейской ветви¹⁵⁴. Однако никейская историографическая концепция, при всей ее влиятельности, являлась лишь одной из нескольких точек зрения, существовавших в политически дезинтегрированном византийском мире XIII в.: сегодня вряд ли кто-либо всерьез решится отождествить судьбу империи Ласкарей и Палеологов с судьбой всей поздневизантийской ойкумены в целом. Никейская и Палеологовская Византия — это лишь часть обширного поздневизантийского мира, который включал в себя как суверенные греческие государства на Понте, Балканах и в Крыму, так и греческие анклавы под чужеземным владычеством на Балканах, в Анатолии, Средиземноморье. Нет сомнений, что в контексте никейской и палеологовской имперских традиций позитивный аспект деятельности Феодора I Ласкариса неоспорим, однако можно задать вопрос — не лишаются ли некоторые из его деяний своей позитивной однозначности с точки зрения последующей судьбы *всего поздневизантийского мира*, всей византийской цивилизации¹⁵⁵?

Обсужденная выше одна из самых блестящих побед Феодора I Ласкариса при ближайшем рассмотрении оказывается далеко не столь однозначной, как это принято думать, а ее воздействие на последующие судьбы византизма в свете моей интерпретации представляется скорее отрицательным.

9. ОПЫТ ПОРТРЕТА АЛЕКСЕЯ I ВЕЛИКОГО КОМНИНА

Изохрененная в искусстве словесного портрета византийская историография не донесла почти никакой позитивной информации о личности Алексея I.

¹⁵⁴ См., например: *Angold M. A Byzantine Government in Exile. Oxford, 1975. Part I (p. 9–33); Idem. Byzantine «Nationalism» and the Nicaean Empire // BMGS. 1975. Vol. 1. P. 49–70.*

¹⁵⁵ Ср. с концепцией Дж. Лэнгдона: *Langdon J. S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N. Y., 1992.*

Никита Хониат в своей «Истории» язвительно сравнивал Алексея, пребывавшего в далеком Трапезунде, с легендарным аргонавтом Гиласом, оруженосцем Геракла, «имя чье возглашается, но которого никто не видел»¹⁵⁶. Надо отдать должное профессиональному остроумию Хониата, который вспомнил в связи с Алексеем этот полузабытый персонаж античного предания.

Когда аргонавты пристали к острову Кеосу, что у берегов Мизии¹⁵⁷, Гилас отправился на поиски воды и был похищен местными нимфами, очарованными его красотой. Долго Геракл искал и звал пропавшего соратника. Некогда у жителей Кеоса существовал культ Гиласа и в праздники, посвященные герою, они возглашали его имя, как бы вторя горестным призывам Геракла.

Это насмешливое сравнение Хониата может указывать на то, что Алексей I вплоть до времени написания «Истории» Никиты Хониата безвыездно находился в своем восточном «уделе» (см. выше «Загадка Давида»), однако ни из него, ни из оскорбительных эпитетов Месарита, с жаром поносившего потомков Андроника I и, в особенности, Алексея I, — не создать сколько-нибудь определенного портрета. То же, конечно, касается и образа Давида Великого Комнина, как он запечатлен в писаниях его никейских современников¹⁵⁸. Хониат и Месарит видели свою цель не в том, чтобы увековечить обоих царевичей, но, напротив, обречь их в ромейском сознании на вечное небытие.

Как это ни парадоксально, однако единственная позитивная характеристика Алексея I принадлежит перу не византийца и сохранилась в персидской литературе. Сельджукский историк, перс по происхождению, Ибн Биби отмечает природную храбрость Алексея I в повествовании о событиях 1214 г.: «кир Аликс в начале стычки по присущему ему бесстрашию не однажды бросался в атаку»¹⁵⁹, но все же попал в руки тюрок. Аноним, создавший спустя некоторое время сокращенную версию сочинения Ибн Биби, опустил этот комплимент Алексею, вероятно, посчитав его слишком откровенным по отношению к христианину.

Жестокие поношения Великих Комнинов в текстах никейцев — ничто иное как искаженное отображение того почтения и страха, испытанного сторонниками Ласкаря перед своими соперниками. Лаконичная похвала Ибн Биби более честна и великодушна.

Не следует осуждать Алексея I (как это делали некоторые современные историки), который после пленения не только отдал султану Синоп,

¹⁵⁶ *Nic. Chon.* Vol. 1. P. 626.

¹⁵⁷ Э. Жансан почему-то считал, что Кеос Гиласа расположен у Ираклии Понтийской: *Janssens E. Trébizonde en Colchide.* Bruxelles, 1969. P. 68.

¹⁵⁸ *Карнов С. П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе. С. 154–155; *Nic. Chon. Orationes.* P. 139ff; *Heisenberg A. Neue Quellen.* S. 11, 25, 33.

¹⁵⁹ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 149:

[کیر الکس] به حکم دلاری که داشت اول صدمه حمله چند کرد

но даже пешком сопровождал восседавшего на коне тюркского владыку¹⁶⁰. Алексей I казался в глазах тюркских союзников Никеи отнюдь не «римским императором», но неудачником, понапрасну покусившимся на византийский трон. *Ситуативный этикет* предопределил рисунок взаимоотношений между пленником-рабом и господином-победителем¹⁶¹.

Лаоник Халкокондил, писавший во второй половине XV в. и пользовавшийся достоверными источниками трапезундского происхождения, подчеркивал, что Великие Комнины, родом будучи эллины, продолжали пользоваться эллинскими обычаями, равно как и языком¹⁶². Это свидетельство Лаоника, да и сама судьба государства Великих Комнинов, опровергает априорное допущение А. Куника и А. Васильева, полагавших, что Алексей и Давид, наверняка, восприняли при дворе Багратидов грузинский язык и обычаи (см. выше).

Алексей I женился на родовой Феодоре Комнине Аксух, правнучке Алексея — рано умершего старшего сына и наследника Иоанна II Комнина¹⁶³. Судя по возрасту Алексея, брак этот был заключен уже на грузинской земле. Из этого события со всей очевидностью, в частности, следует, что Алексей и в Грузии сохранял приверженность к ромейской комниновской династической традиции, которая являлась наилучшим препятствием всякому иноземному влиянию. Не следует также забывать, что «столичная» эллинская культура, а значит и язык обладали особым статусом при дворе Тамары, а царевичи Алексей и Давид были далеко не единственными эллинами в Багратидском дворце (тем более — после Ангеловской «революции» в Константинополе). Много логичнее предположить, на наш взгляд, что внуков Андроника I сызмальства приучали к мысли об их невероятной родовитости и исключительной предназначенности для ромейского престола. Ведь гипертрофированная, почти болезненная гордость Великих Комнинов своей родовитостью отражена не только в злословии никейских врагов, но и во множестве других источников¹⁶⁴ (см. об этом во «Введении»). У нас нет сомнений в том, что Алексей и Давид, в каком бы возрасте они ни оказались в Грузии, сохранили эллинскую культуру, язык и имперское ромейское самосознание.

¹⁶⁰ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 58.

¹⁶¹ В связи с феноменом ситуативного этикета стоит вспомнить, насколько разительно отличалось отношение византийцев к их грозному сопернику Кылыч-Арслану II (которого Мануил I встретил в Константинополе со святыми иконами и хоругвями), от того небрежения, проявленного теми же ромеями к Кай-Хусраву I (сыну Кылыч-Арслана), неудачливым изгнанником жившему при дворе Ангелов.

¹⁶² Chalcocandylae Laonici historiarum demonstrationes / Ed. E. Darkó. Budapestini, 1927. Vol. 2. P. 219⁴⁻⁶. "Ελληνὰς τε ὄντας τὸ γένος, καὶ τὰ ἥθη τε ὅμα καὶ τὴν φωνὴν προιεμένους Ἑλληνικῇν.

¹⁶³ *Varzos K.* He genealogia ton Komnenon. T. 2. P. 886. I Alexios Komnenos — Eirene he Rossike kai hoi atychoi apogonoi tous // Byzantina. T. 7. 1975. P. 173.

¹⁶⁴ *Shukurov R.* AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi.

Немногие известные факты деятельности Алексея, а также и его брата Давида, рисуют личностей незаурядных. Алексею в начале его политической карьеры в 1204 г. было всего двадцать два года, а Давиду — около двадцати. В уверенных успехах начального этапа военной кампании Алексея и Давида, в очевидной эффективности мер по консолидации власти и организации государственного аппарата — несомненно проглядывают сильные характеры, на которые столь щедро была ветвь потомков севастократора Исаака.

Виссарион Никейский — знаменитый интеллектуал, церковный деятель и гуманист, родившийся в Трапезунде, — писал, что Алексей I, «который именуется великим Комнином, деяниями был велик нисколько не менее, [чем по прозвианию], будучи наследником не столько имени, сколько доблести Комнинов»¹⁶⁵. В исторической памяти трапезундцев Алексей I оставался могучим и прославленным царем, связующим звеном между константинопольской и трапезундской ветвями царского Комниновского рода, средоточием всевозможных добродетелей, идеальным примером и образцом для всех его царственных потомков и преемников. Этот мифологизированный образ совершенного героя и прародителя правящей на Понте династии вполне реализовался в трапезундской официальной панегиристике¹⁶⁶.

10. ТРИ СЫНА АЛЕКСЕЯ I ВЕЛИКОГО КОМНИНА

Как упоминалось выше, в 1214 г. защитники Синопа, по утверждению Ибн Биби, упомянули в своем ответе на ультиматум сельджукского султана «достойных сыновей» василевса Алексея I. Кого под «сыновьями» подразумевали синопцы? В литературе обычно считается, что у Алексея I было всего два сына — Иоанн I Аксук и Мануил¹⁶⁷, а Иоанникий, который был удален от трона в пользу Мануила, приходился сыном Иоанну Аксуку. Однако на самом деле Иоанн Аксук, Иоанникий и Мануил, скорее всего, были братьями, тремя сыновьями Алексея I. Дело в том, что Иоанникий и Мануил названы братьями в тексте Панарета, однако их степень родства по отношению к Иоанну I не определена эксплицитно:

«...καταλείψας τὸ βασίλειον τῷ αὐτοῦ [т. е. Γίδωνος] μὲν γυναίκα δὲ λαφ, υἱὸν δὲ πρωτότοκον Ἀλεξίου τοῦ μεγάλου Κομνηνοῦ, κυρὸν Ἰωάννην

¹⁶⁵ *Lampsides O. Eis Trapezounta logos*. P. 59.

¹⁶⁶ Ibid. P. 59; *Konstantinos Loukites*. Epitaphion // Papadopoulos-Kerameus A. *Analekta Hierosolumitikes stachyologias*. T. 1. P. 425.

¹⁶⁷ См., например: *Ioannides S. Historia kai statistike Trapezountos kai tes peri tauten choras*. Konstantinoupolis, 1870. P. 75; *Chrysanthos*. Op. cit. S. 356; *Bryer A. Family Planning in Trebizond: The AIMA of the Grand Komnenoi // To Hellenikon. Studies in Honour of Speros Vryonis, Jr. Vol. 1: Hellenic Antiquity and Byzantium / Ed. J. S. Langdon*. 1993. P. 87.

Κομνηνῷ τῷ Ἀξούχῳ. Ὁς καὶ βασιλεύσας ἐπὶ 25 ἐκοιμήθη ἐτος ἐξακισχίλια ἑπτακόσια τεσσαράκοντα 25. Λέγεται δὲ ὅτι ἐν τῷ ὑποκατιστήριον παύσαν ἐκρημνίσθη καὶ σπαραχθεὶς ἀπέθανε. Ἀλεκάρη γούρν κατά μοναχοῦς Ἰωαννίκιος καὶ διεδέξατο τὴν βασιλείαν ὁ δὲ δεύτερος ἀδελφὸς αὐτοῦ, κύρ Μανουήλ...»¹⁶⁸.

Во-первых, Панарет утверждает, что Иоанн I был старшим сыном Алексея, следовательно Иоанн имел брата или братьев, что подтверждается уже цитировавшимся текстом Ибн Биби. Во-вторых, Панарет указывает, что Мануил был вторым братом Иоанна, следовательно, у Иоанна было по меньшей мере *два* брата, «первым» из которых был Иоанникий. Если же под выделенным *αὐτοῦ* Панарет подразумевал Иоанникия, общий смысл тем не менее остается прежним: у Иоанникия было *два* брата, *вторым* из которых был Мануил, а первым, следовательно, Иоанн Аксук. В-третьих, если принять правдоподобные хронологические построения С. де Вэже¹⁶⁹, то следующие выкладки показывают, что Иоанникий скорее всего был братом Иоанна Аксуха, но не его сыном:

- * Алексей I, род. 1181–1182 гг. (ибо в апреле 1204 г. ему было 22 года);
- * Дочь Алексея I, жена Андроника I Гида, род. между 1197 и 1210 гг.;
- * Иоанн I, род. между 1208 и 1214 гг. (ибо, как видно, он был еще несовершеннолетним в 1222 г.¹⁷⁰);

- * Иоанникий, род. до 1214 г. (ибо Ибн Биби упоминает «сыновей» Алексея I);

- * Мануил I, род. ок. 1218 г.

Сказанное также показывает, что Иоанн Аксук и Иоанникий не являлись одним и тем же лицом, как утверждает маргинальная пометка в рукописи текста Панарета¹⁷¹: согласно совершенно однозначному указанию Панарета, пострижение Иоанникия было связано с последующим воцарением Мануила, но не со смертью Иоанна. Простейшие хронологические расчеты исключают и всякую возможность того, что братья Иоанникий и Мануил могли быть сыновьями Иоанна Аксуха¹⁷².

Таким образом, защитники Синопа, по всей видимости, подразумевали под «достойными сыновьями» Алексея I Иоанна Аксуха и Иоанникия, оба из которых тогда были еще несовершеннолетними.

Как мы видим, два сына Алексея I имели одно и то же имя — Иоанн. Младший из них получил уменьшительное прозвище Иоанникий, т. е. «маленький» (или «младший») Иоанн, чтобы, вероятно, его не смешивали

¹⁶⁸ Panaretos. P. 61^{11–18}.

¹⁶⁹ Vajay S. de. Essai chronologique à propos de la famille du Grand-Comnène Manuel, 1238–1263 // BF. 1979. Bd. 6. P. 283 note 12, 291.

¹⁷⁰ См.: Bryer A. Family Planning in Trebizond. P. 87.

¹⁷¹ Panaretos. P. 61 примечание **: эта идентификация принята Од. Лампсидом: *Ibid.* P. 122.

¹⁷² Такая возможность, в частности, допускается в: Карпов С. П. Образование Трапезундской империи. С. 23 примеч. 142.

со старшим Иоанном Аксухом. Как представляется, тут мы сталкиваемся с весьма необычной семейной традицией Великих Комнинов.

Дело в том, что в истории понтийских Комнинов известен подобный пример двух братьев Иоаннов. Братья Иоанн и Калоиоанн (т. е. «Добрый Иоанн») были сыновьями императора Василия (1332–1340) и его сожительницы Ирины¹⁷³. Старший Иоанн был переименован в Алексея и царствовал как Алексей III в 1349–1390 гг. В одной из работ мы предположили, что Иоанн был переименован (или даже перекрещен) в Алексея до рождения Калоиоанна, ибо наличие в одной семье двух детей с одинаковым именем было бы нарушением общепринятых правил¹⁷⁴. Однако только что рассмотренный прецедент Иоанна Аксуха и Иоанникия позволяет думать, что имена Иоанна и Калоиоанна могли существовать в семье Василия одновременно. Если это так, то описанные случаи указывают на весьма необычную семейную традицию Великих Комнинов, которая оставалась актуальной на протяжении более чем столетия.

11. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ СОБЫТИЙ 1204–1214 гг.

Итак, подведем основные итоги нашего очерка, посвященного начальному периоду существования Великих Комнинов на Понте.

1. Алексей и Давид Комнины вступили в 1204 г. в византийские пределы, намереваясь повторить победоносный поход их деда Андроника I и вернуть дому Комнинов византийский трон. Этот мятеж являлся кульминацией широкого прокомниновского реставрационного движения, развернувшегося после захвата власти в Константинополе родом Ангелов. Лишь под давлением обстоятельств мятеж Алексея I Великого Комнина, самопровозглашенного василевса и автократора ромеев, обратился в фактическое создание нового государства. Спасло Византию от комниновской реставрации воинство IV крестового похода, которое, захватив Константинополь, невольно инспирировало возникновение мощного антикомниновского центра на северо-западе Анатолии во главе с Феодором I Ласкарисом.

2. В ходе развернувшейся борьбы между Феодором Ласкарисом и Великими Комнинами, возможно, не малую роль сыграл предполагаемый мятеж Давида Великого Комнина. Арест Давида значительно облегчил для никейцев покорение Пафлагонии, а для сельджуков — захват Синопа. Действовавшие в союзе сельджуки и никейцы поделили между собой западную половину владений Великих Комнинов.

3. Если отвлечься от катастрофических последствий Пафлагонской войны 1214 г. для анатолийского византинизма вообще, то следует констатировать, что держава Великих Комнинов, оставшись без западной своей

¹⁷³ Panaretos. P. 65⁸. 14–15, 69^{11–12}.

¹⁷⁴ Shukurov R. AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi. P. 173–174.

половины и, главное, без Синопа — ключевого северо-анатолийского и черноморского стратегического пункта, по существу, была выведена из большой анатолийской игры. Более того, она безвозвратно потеряла непосредственную связь с остальным византийским миром, превратившись в далекий его осколок — Трапезундское царство. Однако, осознание этого пришло к трапезундцам не сразу. Великим Комнинам еще предстояло преодолеть мучительный и долгий путь стратегических неудач в своей внешней политике, прежде чем они смогли признать необратимость этих изменений в структуре анатолийской «большой политики» и в статусе собственной власти.

Глава вторая

СТРЕМЛЕНИЕ К СИНОПУ (1221 — ок. 1313 гг.)

ЧАСТЬ I. ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ И «СИНОПСКИЙ ВОПРОС» В 1214–1230-х гг.

Великие Комнины не смирились с захватом сельджуками Синопа в 1214 г., а также со своей унижительной зависимостью от Икония, и вступили в долгий период соперничества с Румским султанатом. В 1222 г. императором стал Андроник I Гид (1222–1235), зять Алексея I Великого Комнина. По вполне правдоподобному предположению ряда исследователей, этот Андроник Гид был тем самым Андроником, который в качестве никейского полководца разгромил в начале столетия Давида Великого Комнина у Никомидии¹. Не надеясь справиться с Сельджукидами в одиночку, Андроник I обращается к участию в достаточно сложных по своей структуре, но не всегда эффективных политических альянсах кавказского и восточно-анатолийского регионов.

1. МУСУЛЬМАНСКИЙ ПОНТ И СИРО-КАВКАЗСКИЕ АЛЬЯНСЫ

Ситуация в Восточной Анатолии и на прилегающих территориях определялась соперничеством в ней трех наиболее мощных держав — Сель-

¹ *Finlay G. A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. Oxford, 1877. Vol. IV. P. 332; Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 70–71.*

джукского Рума, Грузии и Аййубидского султаната. Аййубиды, происходившие из тюркизированных курдов, пришли к власти в Египте в 1169 г. Самый знаменитый из Аййубидов султан Салах ал-Дин (1169–1193), пожаловал восточные провинции султаната членам своего рода. С тех пор на северо-востоке султаната отдельные Аййубидские династии правили в Дамаске, Алеппо, Майфарикине и Амиде. Несмотря на янтриты и частые ссоры между сирийскими Аййубидами, оспаривавшими друг у друга первенство в Сирии, они в целом сохраняли административную связь с Каиром, а также и политическую ориентацию на метрополию.

Аййубидские *малики* противостояли как грузинской экспансии на юг, так и попыткам Сельджукидов расширить свои владения на восток, активно покровительствуя местным мелким князьям, стремившимся избежать поглощения грузинами или иконийцами. Причем, если в первом десятилетии XIII в. соперничество между Аййубидами и Грузией приводило к частым и кровопролитным войнам, то нарастающее военно-политическое давление со стороны иконийца 'Изз ал-Дина Кай-Кавуса I (1211–1219) заставляет аййубидских эмиров и грузин, утеравших былой завоевательный пыл, пойти на сближение.

В орбиту сельджуко-аййубидо-грузинского соперничества были втянуты, в первую очередь, мелкие припонтийские эмираты тюрков Эрзерума, Эрзинджана и Никсара, граничившие с владениями Великих Комнинов.

Эрзерумские тюрки в XII в. тяготели в большей степени к сельджукидам Ирана и к христианской Грузии. С начала XII в. в Эрзеруме правила туркменская династия Сальдукидов, основатель которой эмир 'Али захватил город ок. 1103 г. Его сын Сальдук (после 1123 — май 1168) старался дистанцироваться от сельджуков Рума и признал сюзеренитет иракской ветви династии. Сын и преемник Сальдука Мухаммад знаменит тем, что пытался установить контакты с Грузией. Он пытался поженить своего сына Музаффера Малик-шаха на молодой царице Тамаре. Хотя царевич-Сальдукид и был отвергнут царицей, за него выдали в качестве возмещения другую грузинскую принцессу, правда, незаконнорожденную. Эти дружественные контакты с Грузией, однако, не уберегли Эрзерум от кратковременного захвата грузинами во главе с Давидом, мужем Тамары².

В начале XIII в. сельджукам Рума удалось установить контроль над Эрзерумом. Город отошел под власть малик Абу Хариса Мугис ал-Дина Тугрул-шаха (1201/1203–1225), сына сельджукского султана Кылыч Арслана II (1156–1192), к которому ранее перешел Албистан в результате известного раздела султаната (предположительно, в 1186 г.), произведенного его отцом Кылыч-Арсланом II. Мугис ал-Дин Тугрул-шах получил Эрзерум взамен Албистана от своего брата, султана Рукн ал-Дина Сулаймана (1196–1204), после того как около 1201 г. (597 г. Х.) этот город был отнят у Сальдукидов объединенным воинством сельджукского султана,

² Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey, L., 1968. P. 90, 106–107.

эрзинджанцев Бахрам-шаха, албистанцев во главе с Мугис ал-Дином и, возможно, Артукидов Харпурта³.

Во владения Мугис ал-Дина входил и Байбурт, в котором он около 1213 г., в период несчастливой для него войны с иконийцами (см. ниже), значительно обновил фортификационные сооружения⁴. После смерти Тугрул-шаха в 1225 г. власть перешла к одному из его сыновей — Руку ал-Дину Джахан-шаху.

Как верно подметил Кл. Каэн, несмотря на изгнание Сальдукидов из Эрзерума и утверждение здесь румских сельджуков, традиционная ориентация этой территории на связи с Западным Ираном, а также соседними христианами (грузинами, армянами и, вероятно, понтийскими греками) сохранялась и в XIII в. Судя по данным Киракоса Гандзакеци, какое-то время в первом десятилетии XIII в. султан Карина (т. е. Эрзерума) был данником *ишханов* Закарэ и Иванэ из рода Мхаргрдзели, могущественных армян на грузинской службе⁵. В 1211–1214 гг. Тугрул-шах заодно с киликийскими армянами поддержал мятеж царевича «Ала ал-Дина, будущего сельджукского султана, против его брата «Из ал-Дина Кай-Кавуса I. Весьма вероятно, что этот союз был поддержан трапезундскими греками и кастамонскими туркменами (см. гл. I). По просьбе «Ала ал-Дина, Тугрул-шах выступил в 1211 г. против Кесарии совместно с Киликийским царем Левоном; в 1213 или 1214 г. он понес поражение от сельджуков, а «Ала ал-Дин был пленен своим братом в Анкаре⁶.

Однако, когда в 1219 г. «Ала ал-Дин (1219–1237) взошел на престол, отношения между Эрзерумом и Иконием лишь ухудшились. Как видно, выраженные претензии «Ала ал-Дина на гегемонию в регионе подтолкнули Эрзерум укрепить свою связь с аййубидско-грузинским блоком, который, как упоминалось выше, начал складываться уже в 10-х гг. XIII в.⁷ Сразу после воцарения «Ала ал-Дина эрзерумцы заключили союз с Аййубидом

³ *Ibn al-Athir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. T. Tornberg. Leiden, 1853. Т. 12. Р. 111; *Abu-l-Feda. Annales musulmici. Arabice et latine* / Ed. I. G. C. Adler. Hafniae, 1792. Т. 4. Р. 192; *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi / Texte persan publié... par M. H. Houtsma. Leide, 1902. P. 22; Cahen Cf. Pre-Ottoman Turkey. P. 115, 118, 239.*

⁴ *Хачатрян А. А.* Корпус арабских надписей Армении. VIII–XVI вв. Ереван, 1987 (далее — КАНА). Вып. I. С. 91–95, № 117–124.

⁵ Имеются в виду представители армянского рода Мхаргрдзели-Закарян, находившегося на службе у царей Грузии (*Киракос Гандзакец*. История Армении / Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 118).

⁶ См. выше, предыдущую главу.

⁷ В 1210-х гг. Аййубиды заключили соглашение с родом Мхаргрдзели. Отношения были закреплены матримониальным союзом: Тамта, дочь ишхана Иванэ Закаряна, знаменитого атамана царицы Тамары (1181–1207), вышла замуж за правителя Ахлата Наджм ал-Дина. После смерти Наджм ал-Дина его брат — Малик ал-Ашраф, аййубидский правитель Дийарбакра и Дамаска (1210–1237), — женился на Тамте и наследовал Ахлат (*Киракос Гандзакец*. История Армении.

Маликом ал-Ашрафом⁸, а в 620 г. Х. (4 февраля 1223 – 23 января 1224 г.) Тугрул-шах женил своего сына Давуда на грузинской царице Русудан (1222–1245). Причем, отметим, что Тугрул-шах предварительно окрестил своего сына по требованию невесты — факт, Отметим, беспрецедентный в истории, по меньшей мере, ближневосточного ислама⁹. Как видно, Тугрул-шаху удалось породниться с Багратидами, осуществив, наконец, давнюю мечту свергнутых им Сальдукидов. После смерти Тугрул-шаха в 1225 г. его сын Рукн ал-Дин Джахан-шах однозначно подтвердил свой союз с Аййубидским правителем Маликом ал-Ашрафом, пойдя на окончательный разрыв с «Ала ал-Дином Кай-Кубадом I»¹⁰.

Эрзинджан, а также Дивриги, Кемах и Кугунийя/Кагунийя (позже Кара-Хисар, совр. Шебинкарахисар, виз. Колония) в эту эпоху принадлежали Фахр ал-Дину Бахрам-шаху ибн Давуду (1163–1225), правнику эмира Гази Мангуджака — основателя династии, в нарративных источниках впервые упомянутого в связи с событиями 1118 г.¹¹ Опыт союзов с понтийскими греками Мангуджаки приобрели еще на заре своей власти. В 1119–1120 г. эмир Мангуджак в союзе с Константином Гаврой (правитель Халдии ок. 1119–1140) воевал против Данишмандида Гюмюштегина Гази и артукидского правителя Мелитины Балака. Мангуджак и Гавр потерпели поражение и попали в плен. Причем, эмир был освобожден бесплатно, а за Константина был уплачен выкуп в 30000 динаров¹².

C. 119, 182. О поде Мхаргдзели см.: *Limper B. Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasiens im 13. und beginnenden 14. Jahrhundert / Diss. ... Köln, 1980. Tafel 2. Die Mhargrdzells.*

⁸ *Ibn al-Athir. T. 12. P. 134.*

⁹ *Ibn al-Athir. T. 12. P. 270–271; Abu-l-Feda. T. 4. P. 318–320; Ibn Bibi. El-Evamirü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Onsöz ve fihristi hazırlayan A. S. Erzi. Ankara, 1956. P. 167; Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P., 1980. P. 218; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 127; Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994. P. 71. От этого брака родились Тамара, выданная в 1237 г. замуж за сельджукского султана Кай-Хусрава II, и Давид — будущий царь Давид V Нарин. Вскоре Русудан развелась с Давудом и заточила его в темницу, из которой его освободил Джалал ал-Дин Хорезмшах. Однако Давуд вновь сбежал к грузинам, несмотря на то, что царица вышла замуж за другого (*Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насаби. Сират ас-Суатан Джалал ад-Дин Манкбурны / Изд. критич. текста, пер. с арабского, предисл., коммент., примеч. и указат. З. М. Бунятова. М., 1996. (далее — Насаби). C. 165, 341–342.*)*

¹⁰ *Мухаммад ал-Хамави. Ат-Тарих ал-Мансури (Мансурова хроника) / Изд. текста, предисл. и указатели П. А. Грязневича. М., 1960. л. 1506.*

¹¹ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 108–109, 239; Хачатрян А. А. КАН. С. 108, № 154. Ünal R. H. Monuments salgukides de Kemah (Anatolie Orientale) // REI. 1967. T. 35. P. 159 (недатированная надпись на гробнице Гази Мангуджака).*

¹² *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 93; Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979–c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal. 1970.*

За долгое правление Фахр ал-Дина Бахрам-шаха Эрзинджан превратился в один из заметных культурных центров мусульманского, преимущественно ирано-мусульманского, интеллектуализма. Имя Бахрам-шаха увековечил прославленный иранский поэт Низами Ганджави (1141 — после 1203), посвятивший ему около 1166 г. «Махзан ал-асрар» — первую поэму своей знаменитой «Пятерицы». Бахрам-шах был знаком и с другим великим персидским поэтом — Афзал ал-Дином Хакани (1120–1199). В эмирате Мангуджаков (Акшахр, Эрзинджан) ок. 1221–1223 гг. жил Баха ал-Дин — отец знаменитого иранского мистика Джалал ал-Дина Руми (Балхи), переселившийся с семьей на Запад из Хорасана. Другая знаменитость — Абд ал-Латиф ал-Багдади, прославленный врач и философ, пользовался гостеприимством Мангуджакидов в 20-х гг. XIII в. и вплоть до падения эмирата¹³.

Бахрам-шах хотя и признавал верховную власть сельджуков и состоял с ними в родстве¹⁴, однако после смерти Кылыч-Арслана стремился уберечь от его преемников свою независимость. Поэтому не удивительно, что, по замечанию грузинского хрониста, уже в 1200-х гг., в период сельджукско-грузинских войн, Бахрам-шах присоединился к сельджукским походам против Грузии «помимо своей воли, только из страха»¹⁵. В одном из этих походов (601/1204–05 г.) он попал в плен к грузинам, вследствие чего Эрзинджан на какое-то время оказался данником Грузии¹⁶. После смерти Бахрам-шаха ему наследовал его сын Ала ал-Дин Давуд-шах (1225–1228), продолживший политику отца.

Эрзерум и Эрзинджан связывала давняя дружба. Дочь Фахр ал-Дина Мангуджака — Халисат ал-Дунья ва ал-Дин, еще до 1213 г. была выдана замуж за Тугрул-шаха¹⁷. К эрзерумско-аййубидскому союзу Эрзинджан присоединился до 1227 г. Давуд-шах в стремлении найти защиту от сель-

Vol. XII. P. 177 (= *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos / *Variorum collecti studies series*. L., 1980. № IIIa).

¹³ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 21–22; *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971. P. 382; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 252, 258; *Крымский А. Е.* Низами и его современники. Баку, 1981. С. 142–143.

¹⁴ Бахрам-шах женился на дочери Кылыч-Арслана II, а его дочь Сальджуки-хатун была замужем за Изз ал-Дином Кай-Кавусом I (См.: *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 67–70; *Гордлевский В.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 32.)

¹⁵ *Басили.* Жизнь царицы царей Тамар / Пер. В. Дондуа // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938. С. 62.

¹⁶ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 22; *Басили.* Жизнь. С. 66–67; *Brosset M.* Histoire. P. 463. В «Карлис иховреба» сохранилось сообщение, что весной (год неизвестен; речь, вероятно, идет о периоде 1204–1207 гг.) Тамара взяла *харадж* с Эрзинджана (*Brosset M.* Histoire. P. 466).

¹⁷ *Beygu Ю.* Erzurum tarihi, anitlari, kitabeleri. Istanbul, 1936. С. 1. S. 242; *Хачатрян А. А.* КАН. № 124. С. 183–184.

джуков Коньё попытался привлечь даже *асасинов* Аламута. Всем своим потенциальным союзникам эмир Эрзинджана обещал принадлежавший ему Кемах — первостепенную по своей стратегической значимости крепость, контролировавшую магистральные пути из Великой Армении в глубь Анатолии. Вероятно, этим объяснялось восстание против Давуд-шаха эрзинджанских эмиров около 1227 г., защитил и приютил которых в Коньё Кай-Кубад I. Давуд-шах в ответ предлагает Руки ал-Дину Джахан-шаху и Малику Ашрафу за зиму 1227/1228 г. собрать войска и защитить Эрзинджан от сельджуков. Кай-Кубад I, не медля, весной или летом 1228 г. отнял у Давуд-шаха Эрзинджан и Кемах. Тогда же Кай-Кубад I двинулся к Эрзеруму, но повернул назад, узнав, что в Эрзерум успели войти аййубидские полки из Ахлата¹⁸.

Здесь следует отметить, что в непосредственной близости от владений Великих Комнинов лежал еще один эмират, которому современные исследователи не уделяют должного внимания, — а именно, владения Данишмандиды малика Музаффар ал-Дина Мухаммада, который в 1205 г. помог сельджукскому султану Гийас ал-Дину Кай-Хусраву I овладеть троном и получил в награду земли из старого удела Данишмандов — Никсар и Коюль-Хисар, а также, вероятно, Кугунью/Колонию. В конце 1220-х гг. Музаффар ал-Дин состоял в союзе с Мангуджаками и Руки ал-Дином Джахан-шахом. Кугунья, в которой укрылся Музаффар ал-Дин, была осаждена и отобрана у него Кай-Кубадом I в 1228 г. сразу после захвата Эрзинджана¹⁹.

Итак, как мы видели, в первые десятилетия XIII в. постепенно обретает определенность анти-сельджукская направленность мусульманских государств Северо-Восточной Анатолии. На восточных границах сельджукского Рума сложилось некое подобие политического союза, скрепленного взаимоотношения его участников целой цепью брачных союзов. Во главе этого союза стоял Эрзерум — яблоко раздора между Аййубидами и Сельджуками²⁰. По всей видимости, Великие Комнины, в силу открытой вражды, разделявшей их с Сельджукидами еще со времен первых трапезундско-сельджукских столкновений в 1204–1214 гг.²¹, должны были бы присоединиться к этому союзу. Трудно сказать, был ли формально институализирован этот союз, имел ли он какое-либо конкретное дипло-

¹⁸ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 142–152; *Ibn al-Athir*. Т. 12. P. 312; *ал-Хамави*. Л. 170а, 171а; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 126–127.

¹⁹ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 152; *Гордлевский В.* Государство. С. 29. Э. Брайер считает, что Музаффар ал-Дин получил свой удел уже в 1201–1202 г.: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. 1. P. 146. О судьбе Карахисарского эмирата в XIII–XIV вв. см. *Bryer A., Winfield D.* Op. cit. Vol. 1. P. 146–148; *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // *MHR*. 1994. 9/1. P. 28–32.

²⁰ *Ibn al-Athir*. Т. 12. P. 312–313.

²¹ См. выше главу I настоящей работы.

матическое оформление. Однако, тем не менее, несомненно, что единоподинавленность политических волей Сирии, Грузии и Восточной Анатолии, явно опасавшихся растущей мощи иконийцев, так или иначе объединяла эти территории в единое геополитическое поле.

2. ЦАРЬ БЕЗ ЦАРСТВА

Этот Сиро-Кавказско-Анатолийский альянс столкнулся в 1224 г. с внезапным появлением в Ираке хорезмийцев — новой силы, грозившей целиком изменить политическую карту Ближнего Востока.

После разгрома Хорезмийского государства в 1219–1220 гг. вторгнувшимися в Мавераннахр кочевниками-монголами и трагической смерти на острове в Каспийском море хорезмшаха «Ала ал-Дина Мухаммада (1200–1220), права на хорезмийский престол перешли к его старшему сыну — блестящему полководцу Джалал ал-Дину Манкбурны (1220–1231). В 1220 г. он бежал из Мавераннахра и был затем вытеснен Чингисханом в Индию. Однако вскоре, так и не сумев закрепиться в Северной Индии, он отправляется в Иран.

Хорезмшах, не имея ни крепостей, ни тыловых баз, двигаясь из Индии к Средиземному морю лишь с небольшим обозом, мог рассчитывать только на удачливость своего меча. Вступив в 1224 г. в Ирак и Азербайджан, хорезмшах легко отобрал бывшие западные провинции хорезмийского султана у своего младшего брата. Именно тут хорезмшах начал строительство нового государства, которое, по его мысли, стало бы «щитом» против продвижения монголов в западные части исламского мира. Однако попытки Джалал ал-Дина расширить сферу своего контроля привели к конфликтам с аййубидско-грузинским альянсом, в которых естественным союзником хорезмшаха стали сельджуки.

Уже в 1225 году между Джалал ал-Дином и султаном Рума «Ала ал-Дином Кай-Кубадом I состоялся обмен посольствами, политический союз был скреплен брачным альянсом между Гийас ал-Дином (сыном Кай-Кубада I) и одной из родственниц Джалал ал-Дина²².

Первым делом он вознамерился прибрать к рукам богатую и густонаселенную Грузию. Грузинская царица Русудан отказалась стать женой хорезмшаха, который всерьез предлагал ей выйти за него замуж и объединить их владения в мощную державу. Тогда Джалал ал-Дин атаковал Грузию. В марте 1226 г. хорезмийцы заняли Тифлис, а через 2 года (1228 г.) Джалал ал-Дин нанес решительное поражение грузинскому войску при Болниси и овладел всей Восточной Грузией²³.

²² Насави. С. 332, сноска 3.

²³ Тифлис был взят 9 марта 1226 г. См.: Насави. С. 161–162, 164–166, 338–339; Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P. 220–221.

На стороне грузин воевали и кыпчаки, прибывшие, вероятно, из Кыпчакской Степи, которых призвала на помощь Русудан. См.: Мухаммад Шабанкараи. Макджа' ал-ансаб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 372, Л. 181:

Параллельно с операциями в Грузии, Джалал ал-Дин атаковал и потенциальных союзников царицы Русудан. Возможно, уже в 1226 г. хорезмийцы совершили набег на Кемах и Эрзинджан²⁴. Шараф ал-Мулк, могущественный визир хорезмшаха, направился в Ахлат, северные «ворота» владений Аййубидов, но хорезмийцы потерпели неудачу²⁵. Тогда Джалал ал-Дин вскоре сам осадил город, но также не смог его взять²⁶. Осенью 1228 г. хорезмийцы вновь разграбили окрестности Эрзерума в отместку Руки ал-Дину за помощь Аййубидам и предприняли другие откровенно враждебные акции²⁷.

Хорезмийцы, которых умело подстрекал сельджукский султан 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I, скоро втянулись в частые стычки с Аййубидами Сирии, перемежавшиеся походами хорезмшаха в Ширван и на восток против монголов.

Однако, по мере усиления хорезмийцев, позиция Кай-Кубада I начала меняться. Переговоры о совместных антихорезмийских действиях меж-

و اهل گرج مدد از لشکر قنچاق خواستند و لشکری بزرگ بیاوردند. سلطان پاره نان و پاره نمک پیش ایشان فرستاد و گفت اصل شما ترک است و ما نیز ترک و ضرورتی نیست که مدد گرجیان کنید. ملک قنچاق باز گشت

«Грузины попросили помощь у войска кыпчаков, и [те] привели огромное войско. Султан кусок хлеба и щепоть соли послал к ним со словами: "Вы по происхождению — турки, и мы — турки, и нет необходимости вам помогать грузинам". Царь кыпчаков повернул назад».

По свидетельству Насави, позже на службу к Джалал ал-Дину перешло значительное число кыпчаков (*Насави*. С. 213 и комментарии З. М. Буниятова на с. 338 с соответствующими ссылками на Ибн ал-Асира).

В этой связи становится понятным наличие в понтийской антропонимике производных от этнонима *куман*, фиксируемых для второй половины XIII в. — возможно, что под Κομάνοις скрывались потомки тех самых «северных» тюрков-кыпчаков, которые влились вместе с воинством Джалал ал-Дина в Восточную Анатолию в это время. Сельджукский султан, после поражения и бегства хорезмшаха, расселил перешедшие к нему на службу хорезмийские войска в сопредельных Понту районах: в областях Эрзинджана, Амасии и Ларанды-Нигде (См.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 246; *Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogaios*. 1999. Т. 6. № 20).

В той же связи стоит упомянуть, что ныне в окрестностях Кара-Хисара (Колони) существует местность Котан; время происхождения топонима неизвестно, однако не исключено, что он восходит к XIII в. (*Tekin F. Giresun ağzılatının Anadolu ağzılar içindeki yeri // Giresun kültür sempozyumu. Bildiriler. Istanbul*, 1998. S. 269).

²⁴ Галстян А. Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 24; Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегингов (1097–1231). М., 1986. С. 170; *Kurşanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // REB*. 1988. Т. 46. P. 118.

²⁵ *Ibn al-Athir*. Т. 12. P. 297–298.

²⁶ Осада продолжалась с 5 ноября по 15 декабря 1226 г. См.: *Насави*. С. 341 сноски 4.

²⁷ *Насави*. С. 209, 225: до этого Руки ал-Дин помогал хаджибу 'Али против Шараф ал-Мулка, а также преградил путь купцам к султанскому лагерю и убил некоего ал-Садида — ученика хорезмийского посла, возвращавшегося из Рума.

ду Грузией, Сельджуками, Аййубидами Сирии и Киликийской Арменией начались уже в 1227 г.²⁸ Это сближение давних соперников не могло протекать гладко: в частности, яблоком раздора между сельджуками и Аййубидами оставался Эрзерумский эмират. Аййубиды хотели сохранить независимость Эрзерума, Кай-Кубад I, напротив, настаивал на его воссоединении с Румским султанатом. Однако эти и другие противоречия между участниками альянса перевешивались более существенными соображениями: необходимо было остановить экспансию могущественного хорезмшаха на запад, которая, как начинал понимать 'Ала ал-Дин, рано или поздно приведет хорезмийцев в Анатолию.

Первым значительным результатом этих изменений в политике сельджуков явился конфликт вокруг Ахлата. Когда в августе 1229 г. войска Джалаал ал-Дина осадили город, султан 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I отправил посольство к хорезмшаху, в котором он заступился за Аййубидов и просил его снять осаду, однако не добился никакого успеха. Заинтересованность Кай-Кубада I в том, чтобы Ахлат остался в неприкосновенности — понятна. Эта цитадель на северо-западе оз. Ван, являвшаяся некогда камнем преткновения между Аййубидами и Грузией, теперь превратилась для хорезмийцев в «ключ» к расширению собственного жизненного пространства: от Ахлата открывались магистральные пути как на юго-запад — в Сирию, в сердцевину владений Аййубидов, так и на запад — в Восточную Анатолию (Малатья, Эрзерум и Понтийская область). В апреле 1230 г. Джалаал ал-Дин все же покорил Ахлат, воспользовавшись тем, что основные силы Малика Ашрафа были в это время скованы военными действиями в Сирии против крестоносцев Фридриха II. Несговорчивость хорезмшаха, как видно, только усилила подозрительность 'Ала ал-Дина в отношении дальнейших планов его вчерашнего союзника²⁹.

Можно догадываться, что в большом политическом торге эмираты Северо-Восточной Анатолии обратились в разменную монету, которую сирийцы, может быть вкупе с грузинами, ради укрепления антихорезмийского союза платили за благоволение 'Ала ал-Дина Кай-Кубада I. На это указывает неожиданный шаг Рукн ал-Дина Джахан-шаха, правителя Эрзерума, который, вопреки собственной вражде к хорезмийцам, вдруг пе-

²⁸ *ал-Айни*. Икд ал-джуман. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 350. Л. 190б.; *ал-Хамави*. Л. 158б; The *Tarikh-i-Jahan-Gusha of Ala'u'd-Din 'Ata Malik-i-Juwayni* / Ed. with an introduction, notes and indices... by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wah-hab-i-Qazwini // E. J. W. Gibb Memorial Series. L., 1916. Vol. 16. Pt. 2. P. 170 (далее — *Juwayni* (Qazwini)); *Ata-ad-Din Ata-Malik Juvaini*. The History of the World-Conqueror / Translated by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 2. P. 438 (далее — *Juvaini* (J. Boyle)); *Рашид ал-Дин*. Джаме ат-Таварих. М., 1980. Т. 2. Ч. 1. С. 83–84; *Он же*. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 27. См. также: *Насаи*. С. 359–360 сн. 23, где даны дополнительные ссылки на источники и литературу.

²⁹ *Juvaini* (J. Boyle). Vol. 2. P. 445–449; *Насаи*. С. 223, 238–239, 240–243 и комментарии З. Буниятова на с. 359–360; *Cahen Cl*. Pre-Ottoman Turkey. P. 129.

решил на их сторону. По всей видимости, Руки ал-Дин, будучи свидетелем сельджукско-аййубидского сближения и понимая, что ему, как суверенному государю, не найдется места в этом альянсе, в 1229 г. отправил послов к Джалал ал-Дину с изъявлением покорности, а в начале 1230 г., после падения Ахлата, и сам явился в ставку победителя³⁰. Вынужденная акция правителя Эрзерума, которая по понятным причинам была благожелательно воспринята хорезмшахом, окончательно разрушила хрупкий мир между Джалал ал-Дином и сельджуками Рума

Послов Икония, потребовавших выдать Руки ал-Дина, хорезмшах принял с непозволительным высокомерием. В ответ султан Ала ал-Дин форсировал оформление военного союза, объединившего сельджуков, Аййубидов и франко-армянские отряды из Киликийской Армении, равно как и ряд мелких сирийских и анатолийских князьков и туркменских кочевых предводителей³¹.

6–9 августа 1230 г. (25–28 рамазана 627 г. Х.) союзники встретились с хорезмийцами в долине Йасы-Чаман. В сражении на стороне хорезмийцев участвовал со своим войском Руки ал-Дин Джахан-шах, который сыграл важную роль в подготовке этого одного из последних походов хорезмшаха. Он не только снабжал его информацией о планах и передвижениях противника, но и определил маршрут движения хорезмийцев по Анатолии и сам выбирал для генерального сражения поле Йасы-Чаман³². Недавние союзники Руки ал-Дина — эрзинджанцы, сражались в авангарде сельджуков и были рассеяны хорезмийцами в самом начале битвы. Однако, в конце концов, Джалал ал-Дин проиграл и бежал из Анатолии. Впервые хорезмшах уступил в бою мусульманам, до этого только монголам удавалось нанести ему поражение. В ходе сражения сельджуки пленили отчаянно дравшегося Руки ал-Дина и его брата. Эрзерумского правителя возили на муле закованным в цепи³³. Через год Джалал ал-Дин, в одиночестве убежавший от охотившихся за ним монголов, бесследно исчез в Курдистане³⁴.

³⁰ *Насаби*. С. 225–226; *Juvaini* (J. Boyle). Vol. 2. P. 450; *Juwayni* (Qazwini). Vol. 2. P. 181

³¹ *ал-Хамави*. 197а4–6; *Abu-l-Feda*. Т. 4. P. 366; *Киракос Гандзакец*. История Армении. С. 151; *Галстян А.* Армянские источники о монголах. С. 24; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 129.

³² *Насаби*. С. 246–247; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 167; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 130. Кл. Каэн дает иную датировку сражения: 25 рамазана 628 г. (27 июля 1231), встречающуюся в источниках. В данном тексте мы опираемся на датировки Г. Готшалка и З. Бунятова: *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi über die Schlacht von Jasyçimen (25–28. Ramadan 627/7–10. August 1230). // *WZKM*. 1960. Bd. 56.; *Насаби*. С. 363, прим. 7 к гл. 89 (там же см. отсылки на источники).

³³ *Насаби*. С. 248–249; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 175; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 130.

³⁴ *Бунятов З. М.* Государство... С. 179–185.

Так «Ала ал-Дин Кай-Кубад I овладел Эрзерумом, уничтожив, таким образом, последний очаг неоязычества на мусульманском Понте.

Каково было место Великих Комнинов в этих коллизиях между Сельджукидским Румом, Аййубидами, Грузией и малыми тюркскими государствами Понта — известно не много. Недостаток сведений усугубляется и определенными трудностями текстологического характера в прочтении «Синописа чудес св. Евгения» — важнейшего понтийского источника, повествующего о событиях того времени.

3. ЗАГАДКА ТЕКСТА ЛАЗАРОПУЛА

В ряде понтийских источников XIV–XV вв. (тексты Константина Лукита, Иоанна Лазаропула, Панарета, Виссариона) содержится рассказ о некоем походе сельджуков на Трапезунд в правление василевса Андроника I Гида, окончившегося полным разгромом тюркского воинства³⁵. Две самые ранние версии этого рассказа представлены «Энкомием св. Евгения» Константина Лукита, писавшего, вероятно, в правление Алексея II Великого Комнина (1298–1330), и в «Синописе чудес св. Евгения», составленным Иоанном Лазаропулом, по-видимому, до того, как он стал в 1364 г. трапезундским митрополитом под именем Иосиф (1364–1367)³⁶. Наиболее подробен этот рассказ у Иоанна Лазаропула.

³⁵ Новое комментированное издание текстов Лукита и Лазаропула с параллельным английским переводом: *Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes.* Uppsala, 1996. (Lk) P. 164–165; (LzS) P. 308–335; в «Похвальном слове св. Евгению», принадлежащем перу Лазаропула, содержится краткое и малоинформативное упоминание сельджукской атаки: (LzL) P. 244. См. также: *Пападопуло-Керамевс А.* Сборник источников по истории Трапезундской империи, I // Записки историческо-филологического факультета Имп. С.-Петербургского Университета. СПб., 1897. Т. 44 (текст Константина Лукита: с. 30–31; тексты Иоанна Лазаропула: с. 76; с. 116–136). Дальнейшие ссылки на тексты Лукита и Лазаропула будут даваться по изданию Й. Розенквиста. Подробные библиографические отсылки к истории изучения текста Лазаропула см. в комментариях Й. Розенквиста (*Ibid.* P. 434–457).

См. также: *Bessarion. Enkomion eis Trapezounta* / Ed. Od. Lampsides // AP. 1984. Т. 39. P. 67–69; *Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon* / Ed. Od. Lampsides. Athena, 1958. P. 61^{8–10}.

Перечисленные отрывки были собраны, переведены на английский язык и отчасти прокомментированы А. Саввидесом: *Savvides A. G. The Trapezuntine Sources of the Seljuq Attack on Trebizond in A. D. 1222–1223. English Translation and Commentary* // AP. 1991. Т. 43. P. 102–129. Вызывает сомнение идентификация А. Саввидесом одного отрывка из «Похвального слова» Лазаропула и двух отрывков из текста Виссариона, которые исследователь связывает с интересующими нас событиями, но которые вряд ли имеют к ним отношение. (*Savvides A. G. Op. cit.* P. 120, § 1; P. 120–126, § 1–2).

³⁶ О времени составления упомянутых текстов см.: *Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier.* P. 25, 41.

Иоанн Лазаропул сообщает, что «во второй год правления» василевса Андроника I Гида в году 6731 от Сотворения Мира (1222/1223) «султан малик», «сын великого султана Алатина (т. е. «Ала ал-Дина I Кай-Кубада. — Р. Ш.) Саапатина», подписал договор с понтийскими греками, оба государя обменялись клятвами, что не будут нападать друг на друга и заключают мир друг с другом. По всей видимости, речь идет о возобновлении известного трапезундско-сельджукского договора 1214 г., униженного для Великих Комнинов, по которому Трапезунд обязывался поставлять сельджукам дань и войско³⁷ и о котором говорилось в гл. I нашей работы.

Однако один из синопских военачальников (Ἐτοῦβης ὁ Ραῖσιος³⁸), в нарушение договора захватил и разграбил шедшее из Херсона в Трапезунд судно, которое везло в метрополию государственный налог с заморских провинций Великих Комнинов. Находившиеся на борту греки во главе с неким Алексеем Пактиаром, высокопоставленным чиновником³⁹, также попали в плен.

Эта дерзкая акция синопцев привела к полномасштабной греко-сельджукской войне. Трапезундцы высадились в Карусе (современный Gerze) в 48,5 км от Синопа⁴⁰ и, вероятно, оттуда атаковали сам Синоп. Нападение греков было удачным, они вернули корабль, деньги и пленников.

Как утверждает Лазаропул, на этом греко-сельджукский кризис не закончился. В ответ на нападение греков на Синоп «султан малик», мусульманский правитель, вторгся в пределы империи. Только благодаря заступничеству и чуду св. Евгения грекам удалось не только разбить мусульманское войско, но и пленить самого «султана малика». Греки отпустили знатного мусульманина восвояси, в обмен на выгодный для них

³⁷ Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 112.

³⁸ В исследовательской литературе обычно считается, что Эту́м (Хетум) — имя армянское (Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 230 note 512; см. также в: Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 435). Однако более предпочтительным представляется сугубо мусульманское (арабское в тюркской и персидской передаче) прочтение имени: Ἐτοῦβης < тюрк. hadim; ср.: ὁ ἡτοῦβης < осм. hadim (Papadopoulos A. Historikon lexikon tes Pontikes dialektou. T. 1–2. Athenai, 1960–61. T. 2. P. 504) < а. خادم «слуга, прислужник»; ραῖσιος < а. رئیس «глава, начальник». Следовательно, греч. именование Ἐτοῦβης ὁ Ραῖσιος, нужно понимать как искаженное khādim-/il' ra'is [al-bahr] — «слуга ra'us (ал-бахра) (начальника моря)», т. е. сельджукского коменданта Синопа, который традиционно носил титул «ra'us ал-бахр (начальник моря)». См. о титуле ниже, с. 164.

³⁹ Алексей Пактиар, возможно, был по происхождению персом. По нашей интерпретации, это имя происходит от персидского «بختیار», «счастливый» (Шухуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2. 1995. С. 79, 96). Иное толкование имени см.: Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 436 (от лат.-греч. παῖχτον «соглашение, дань, подать»); критика этого толкования: Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontus. № 27.

⁴⁰ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... Vol. 1. P. 89; Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 115 note 24.

мир. Отныне с Великих Комнинов были сняты обязательства посылать военную помощь султану, как трапезундцы делали прежде, выплачивать деньги и доставлять дары⁴¹.

Вопрос о первоисточниках этого рассказа о походе сельджуков чрезвычайно непрост. Сложность проблемы в полной мере продемонстрирована Й. Розенквистом, не так давно вновь издавшим и прокомментировавшим корпус текстов, относящиеся к св. Евгению, покровителю Трапезунда. Анализируя повествование Лазаропула о Мелике, Й. Розенквист предполагает, что в нем, во-первых, использован некий агиографический текст, где сообщалось собственно о чуде св. Евгения, а во-вторых, какие-то другие, более пространные тексты не-агиографического жанра, содержащие историческую информацию⁴². Таким образом, исследователь выделяет, по меньшей мере, два источника повествования, один из которых агиографический.

В том, что среди источников, использованных Лазаропулом, присутствовал некий агиографический текст — у нас нет сомнений. Этому есть достаточно простое подтверждение, на которое почему-то не обратил внимание Й. Розенквист. Победу греков над Меликом связывал с чудесами св. Евгения не только Лазаропул, но и Константин Лукит за несколько десятилетий до него. Связь между обоими повествованиями не подлежит сомнению. Константин Лукит передал суть рассказа в коротком пассаже, в котором он зафиксировал три ключевых сюжетных момента, развиваемых у Лазаропула: время событий (правление Андроника Гида), два главных героя конфликта («персарх», т. е. «предводитель сельджуков», — Мелик и Андроник Гид) и развязку (разгром и пленение Мелика благодаря вмешательству св. Евгения)⁴³. При этом, Лукит не сообщил никаких других деталей, каких не было бы у Лазаропула. Можно думать, что их общий первоисточник также принадлежал к агиографическому жанру⁴⁴.

⁴¹ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. (LzS) P. 308–335. Условия нового мирного договора подтверждают достоверность текста сельджукско-трапезундского соглашения 1214 г., содержащегося у Ибн Биби (см. гл. I).

⁴² Ibid. P. 53–56.

⁴³ Ibid. (Lk) P. 164 848–849, 854–857. τὴν σπάθην ἐπέγνω τοῦτων καὶ τὰ τροπῶματα καὶ ὁ Περσάρχης Μελίκ ἐκεῖνος ὁ βάρβαρος <...> Οὗτος δὲ πρὸς τῇ συντριβῇ τῶν δυνάμεων καὶ ἀποβολῇ τῶν οἰκείων καὶ αὐτὸς ἐκεῖνος κατασχεθεὶς τῷ τινικατῷ βασιλεῖ — Γίδος δ' ἦν ὁ ἀοίδιμος — ὡς δοῦλος ἤχθη χειραγωγούμενος, ὁ πρὶν μέγала σφαιρευόμενος.

Причем, даже в этом кратком отрывке отметим возможную фразеологическую параллель к тексту Лазаропула, которая, быть может, перекочевала в оба повествования из гипотетического общего источника: у Лукита — ὡς δοῦλος ἤχθη, у Лазаропула (Ibid. (LzS) P. 332 1566–1567) — καὶ εἰς δοῦλους ὑπῆχθησαν.

⁴⁴ Й. Розенквист приводит даже доводы в пользу того, что Лазаропул, возможно, соединил в своем повествовании две различные версии одного текста: на это будто бы указывает несколько пар лексически и сюжетно сходных отрывков, которые можно было бы принять за разные варианты описания одного и того же события (Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 56–57, 442). Однако эта

Что касается не-агиографического текста, послужившего источником для большей части повествования, то Й. Розенквист предполагает, что это был некий *устный*, причем, поэтический эпический текст, вроде акритских песен, имевших хождение на Понте⁴⁵.

Если идея существования поэтического первоисточника, возможно, заслуживает внимания, то другое предположение исследователя, считающего, что повествование Лазаропула зафиксировало *устную* эпическую традицию, вряд ли правомерно. Как мы надеемся показать ниже, Й. Розенквист совершенно напрасно сомневается в существовании именно *письменного* первоисточника, причем *исторического* характера, созданного по горячим следам описываемых событий: в повествовании Иоанна Лазаропула отсутствует слишком много достоверных и вполне идентифицируемых деталей (имен, географических и событийных подробностей), что совершенно не типично для эпоса и что не могло бы в неприкосновенности сохраниться в устной традиции.

Итак, приступим к анализу рассказа с точки зрения его *историко-событийного* содержания. События, описанные у Лазаропула, традиционно датируются 1223 г., т. е. датой, упомянутой в самом начале отрывка⁴⁶. Однако само повествование содержит в себе ряд неразрешимых сюжетных и хронологических противоречий, которые заставляют сомневаться в безоговорочной достоверности этой датировки.

В первую очередь, обратимся к загадочному имени мусульманского военачальника. Полное имя сельджукского военачальника дается как $\mu\epsilon\lambda\acute{\iota}\kappa\ \delta\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma\ ,\ \delta\ \nu\iota\delta\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \mu\epsilon\upsilon\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon\ '\Lambda\lambda\alpha\tau\iota\eta\ \tau\omicron\upsilon\ \Sigma\alpha\lambda\alpha\tau\iota\eta\]$ ⁴⁷. Имя давно превратилось в настоящий камень преткновения для исследователей, писавших на эту тему⁴⁸. Й. Фальмерайер растолковывал имя $\mu\epsilon\lambda\acute{\iota}\kappa\ \delta\ \sigma\omicron\upsilon\lambda\tau\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ как прозвище «Великий государь» и считал, что под ним

гипотеза пока вряд ли имеет какую-либо практическую, исследовательскую значимость, ибо, как заключает свои довольно пространные рассуждения Й. Розенквист, «невозможно доказать, что различные степени параллелизма, которые могут быть обнаружены в описаниях этих событий, следует признать результатом использования автором двух источников, сходного, но не совпадающего содержания, и что в каждом из этих случаев он действительно описывает одно и то же событие дважды» (Ibid. P. 57).

⁴⁵ Исследователь приводит ряд фразеологизмов и отдельных лексических элементов, более употребительных в поэтических текстах, нежели в прозе, а также 7 кратких фрагментов, которые, может быть, содержат признаки метрического порядка. Между тем, сам Й. Розенквист признает, что приводимые им примеры отнюдь не достаточны для доказательства его гипотезы, ибо вполне вероятно, что любой другой прозаический текст будет содержать не меньшее число подобных гипотетических фрагментов поэтической речи (Ibid. P. 59–63).

⁴⁶ Ibid. P. 310¹¹⁵³.

⁴⁷ Ibid. P. 310^{1154–1156}.

⁴⁸ Свод основных мнений об этом имени см.: *Rosenquist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 434–435.*

подразумевался султан 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I⁴⁹. Сходное объяснение давал А. Куник, который предложил понимать «малик», как традиционное прозвание сельджуков государей, а «султан» — как титул⁵⁰. Однако сочетание «малик-султан» никак не может означать ни «Великого государя», ни «царя-султана», что представляется совершенно неприемлемым с языковой точки зрения. К. Казн, как востоковед, несомненно, понимавший это несоответствие, предположил, что под *melik o sultānos* подразумевался Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах, правивший в Эрзеруме⁵¹. К. Казн подробно не аргументировал своей идентификации, однако, по всей видимости, исходил, во-первых, из того, что все сельджукские цари носили титул малик (ملك), и, во-вторых, сам Тугрул-шах стал с некоторых пор именовать себя султаном: в ранних надписях он титуловал себя ... الملك العالم العادل (*al-malik al-'ālim al-'ādil* и проч.), а позже, видимо, в связи с охлаждением его отношений с Иконием, — السلطان المعظم (*al-sultān al-mu'azzam*)⁵². Поэтому и могло появиться странное сочетание двух титулов малик-султан. Оба исследователя исходят из допущения, что Лазаропул допустил ошибку, не разобравшись в тонкостях употребляемых им арабских титулов.

Однако это предположение К. Казна, получившее широкое распространение среди исследователей, сталкивается с множеством противоречий в тексте Лазаропула. Хотя в тексте он именуется и меликом и султаном, однако, очевидно, что сам Лазаропул видел в *melik* имя собственное, а в *sultānos* — титул. Это прослеживается особенно явственно при передаче автором диалога между Андроником I и уже пленным султаном, где собеседники обращаются друг к другу по титулу: например, «Οἶδας, ὁ σουλτάν», и ответ — «Ναί, ἀληθῶς εἶρηκας, ὁ κράτιστε βασιλεὺς»⁵³.

Следует отметить, что в другой ранней версии — у Константина Лукита, — сельджукский предводитель именуется только Меликом. Лукит в своем коротком рассказе вообще не употреблял именования «султан». Иоанн Лазаропул присовокупил титул «султан» к «мелику», вероят-

⁴⁹ Fallmerayer J. Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt // ABAW. 1843. Bd. 1. S. 107–109; Sauvages A. Op. cit. P. 102. Cf.: Janssens E. Trébizonde. P. 72 et note 2.

⁵⁰ Куник А. О связи трапезундско-сельджукской войны с первым нашествием татар на Северное Причерноморье // УЗИАИ. 1854. Т. II. С. 736.

⁵¹ Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 125; Bryer A. Greeks and Turks: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29 (=Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. L., 1980. № V). P. 123; Bryer A., Winfield D. Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 182.

⁵² Хачатрян А. А. КАНА. № 117–123. О титулатуре сельджуков см.: Mun-tajab al-Din Bader Atabek al-Juwayni. Kitab 'atabat al-kataba. Murāsīlāt-i dīwān-i sultān Sanjar / Ed. M. Qazwīnī. Tihiran, 1329; Horst H. Die Staatsverwaltung der Grosseljuken und Horazmsahs (1038–1231). Wiesbaden, 1964.

⁵³ Rosenquist J. O. The Haglographic Dossier. P. 330^{1514–1516}, и далее: p. 330¹⁵¹⁷.

но, основываясь на своем гипотетическом письменном первоисточнике, которого Константин Лукит, вероятно, не использовал.

Другое дело — Михаил Панарет, который знал оба именованья, но в отличие от Лазаропула, вероятно, не усмотрел в *σουλτάν* титул, а в *μελίκ* — собственное имя: *ἦλθεν ὁ μελίκ σουλτάν*⁵⁴ — писал хронист, синтаксически не выделяя имя и титул, предоставляя самому читателю гадать о функциях и соотношении этих именованний. Отмеченная особенность указывает, среди прочего, и на то, что краткое сообщение Панарета о нашествии *ὁ μελίκ σουλτάν* на Трапезунд целиком основано на тексте Лазаропула, а отнюдь не на тексте Константина Лукита или на гипотетическом первоисточнике Лазаропула. Панарет повторил и способ датировки события (*Ἐν δὲ τῷ .σψλα΄ ἔτει, τῷ δευτέρῳ χρόνῳ τῆς τοῦ Γίδωνος βασιλείας*), значительно упрощая Лазаропула (*ἐπὶ τῷ δευτέρῳ ἔτει τῆς ἀρχῆς τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ λήξει αἰοδίδιμου βασιλέως Ἀνδρόνικου τοῦ Γίδου, ἐν τῷ .σψλα΄ ἔτει τῷ ἀπὸ κτίσεως κόσμου*⁵⁵). Если бы Панарет располагал первоисточником Лазаропула, он не допустил бы двусмысленности в прочтении титула *μελίκ σουλτάν*. Следовательно, Панарет, при составлении своей хроники, основывался именно на тексте Лазаропула⁵⁶.

К обсуждению имени «мелик-султан» у нас еще будет повод вернуться позже, а сейчас же подчеркнем, что сам Иоанн Лазаропул считал, что собственное имя сельджукского полководца было *μελίκ*. Однако такого имени не носил ни один из современных представителей сельджукской династии.

Помимо того, Лазаропул утверждает, что Мелик был сыном «*τοῦ μεγάλου σουλτάνου Ἀλατίνου τοῦ Σααπατίνου*». Несомненно, что под *Ἀλατίνу* подразумевается сельджукский султан «Ала ал-Дин Кай-Кубад I. Вместе с тем, все сообщенные в тексте косвенные данные относительно напавшего на Трапезунд владетеля, указывают на то, что он был именно сельджукским иконийским властителем, а не эзерумским, ибо, как отмечалось исследователями, к его владениям причислены Иконий/Конья, Мелитина/Малатья, Гермия — иконные земли Иконийских сельджуков⁵⁷. К. Кан, допуская, что во главе войска стоял Тугрул-шах, никогда не владевший этими землями, разрешает одно из противоречий текста Лазаропула, порождая новые, не менее серьезные.

⁵⁴ *Panaretos*. P. 61⁹.

⁵⁵ *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 310¹¹⁵²⁻¹¹⁵⁴.

⁵⁶ Ср. с мнением Й. Розенквиста, который допускает, что Панарет использовал некий независимый источник из имперской канцелярии (*Ibid.* P. 51). В силу обсужденных выше причин, это допущение вряд ли оправданно — текст Панарета, по всей видимости, находился в зависимости от текста Лазаропула.

⁵⁷ *Ibid.* P. 312^{1183, 1185}, 332¹⁵⁷⁵; *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks (1352–1402) // *AP*. 1979. 35. P. 333 notes 2 and 3; *Savvides A.* *Gia ten tautoteta tou «Melik» sten seltzoukike ekstrateia tou 1222–1223 kata tes Trapezountas* // 14-Panellenio-Istoriko Synedrio Praktika. Thessalonika, 1994. P. 79–98.

Иоанн Лазаропул датирует начало событий 6731/1223 годом. Однако в противоречие с этой датой входит *относительная самодатировка* значительной части последующего текста, формируемая комплексом косвенных деталей, касающихся иконийских сельджуков. Эта совокупность сведений достаточно подробна, целостна и лишена каких-либо внутренних противоречий. Необычайная убедительность и подробность этих деталей, касающихся состава сельджукского войска, их злоключений на территории империи, находит объяснение в самом тексте Лазаропула — может быть, они были сообщены самим плененным Меликом в монастыре св. Евгения. Характер текста не оставляет никаких сомнений в том, что обстоятельства поражения и пленения Мелика были по горячим следам записаны кем-то из греков⁵⁸.

Если на время забыть о дате, предложенной Иоанном Лазаропулом, то, исходя из этой *относительной самодатировки* текста, события можно было бы датировать последними годами правления сельджукского султана 'Ала ал-Дина Кай-Кубада I. К этому выводу приводят следующие «проговорки» Лазаропулова текста. Предводитель сельджуков набирал свое войско, в частности, в Феодосииполе/Эрзеруме, во время столкновений с греками пали знатные люди из Кельтцины/Эрзинджана и Севастии/Сиваса⁵⁹. Следовательно, речь идет о Сельджукском султанате в тех границах, которые сложились лишь после завоеваний 'Ала ал-Дином I в 1228 г. Эрзинджана и в 1230 г. Эрзерума. Так, турецкий исследователь Осман Туран, исходя, верно, из этих соображений, датировал рассказ Лазаропула 1228 г.⁶⁰ Кроме того, означенное обстоятельство дало основание для другого предположения, формулировавшегося рядом исследователей, согласно которому под предводителем сельджуков подразумевался никто иной, как сам 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I или его сын Гийас ал-Дин Кай-Хусрав, который в 1228 г. получил в удел Эрзинджан, отобранный у Мангуджаков⁶¹.

⁵⁸ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 332^{1561–1564}. Хотя Й. Розенквист считает, что пересказ Меликом собственных злоключений — не больше, чем расхожий жанровый элемент агиографии (Ibid. P. 54). Принимая во внимание это замечание, не будем забывать, что сам рассказ о Мелике выходит далеко за жанровые рамки агиографии, на что указывал выше сам шведский исследователь.

⁵⁹ Ibid. P. 312¹¹⁸⁵, 318^{1307–1308}.

⁶⁰ Turan O. Anatolia in the Period of the Seljuks and the Beyliks // Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol. 1. P. 247.

⁶¹ Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 152. Cp. также: Savvides A. G. The Trapezuntine Sources. P. 103 note 3, 116 note 2, 119 note 1. Эти отрывки используются греческим исследователем для доказательства того, что во главе атаковавшего Трапезунд войска стоял сам 'Ала ал-Дин Кай-Кубад (см. об этом также ниже). Э. Жансан полагает, что речь идет именно о Гийас ал-Дине, которого отец отправил на завоевание Трапезунда (Janssens E. Trébizonde. P. 72 et note 2); к последнему мнению примыкает и Й. Розенквист (Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 435).

Если под Меликом действительно подразумевался царевич Гийас ал-Дин, то именование *μελίκ σουλτάν* могло бы возникнуть из двух его титулов (прежнего и настоящего), ибо в царствование отца он наместничал в Эрзинджане и, очевидно, был известен грекам сначала как *малик* Гийас ал-Дин, сын 'Ала ал-Дина, а потом как *султан* Кай-Хусрав II (1237—1245/46)⁶².

Итак, нам, как кажется, удалось нащупать базовое противоречие в повествовании — между датировкой событий, содержащейся в тексте, и его относительной самодатировкой, создаваемой вполне *историческими* и идентифицируемыми деталями. Отмеченное базовое противоречие, не всегда четко осознаваемые самими исследователями, и является главным препятствием для непротиворечивой интерпретации рассказа. Само собою разумеется, что в данном случае нельзя относиться к сведениям, сообщаемым житийным текстом, как к хронистической или исторической фактографии. Даже Панарет, отчетливо чувствовавший это различие, хоть и зафиксировал найденные Лазаропулом сведения, но воздержался от сколько-нибудь подробного их пересказа, ограничившись слишком обтекаемым, а потому, по его мнению, бесприоритетным и наверняка истинным: *ἦλθεν ὁ μελίκ σουλτάν κατὰ τῆς Τραπεζούντος καὶ ἐχάωθησαν ὅσοι ἦσαν ἄπαντες* («пришел *малик султан* против Трапезунда, но все они, сколько их было, погибли»⁶³). Как видно, и Панарета, профессионального хрониста, в целом не отрицавшего историческую значимость рассказа, что-то все-таки заставило усомниться в «историчности» всей этой истории.

Загадочность текста Лазаропула, как представляется, состоит в том, что масса вполне добротной, исторически значимой и в большинстве случаев проверяемой информации таким образом переработана и преосуществлена в рамках иного, не-исторического жанра, что перестает поддаваться чтению. Однако именно «читаемые» детали и свидетельствуют в пользу того, что в руках Лазаропула был некий письменный текст исторического характера, на котором он и основывал свое повествование. Следовательно, можно предположить, что разгадку следует искать в *восстановлении* изначальной сюжетно-событийной логики излагаемой Лазаропулом исторической информации.

⁶² Имя царевича Гийас ал-Дина, возможно, присутствовало в первоисточнике Лазаропула, но было видоизменено при его переработке: если сделать небольшую поправку в отрывке, повествующем о гибели тюркской знати в битве у церкви св. Прокопия под Трапезундом: во фразе «ἐκ δὲ τῶν ἐχθίστων ἐπιστομότεροι πλεονοσιν ἄνδρες καὶ οὐχ ἥκιστα μάχιμοι, *ῥατατίνης ἐκεῖνος*, ὁ τοῦ σουλτάνου πρωτεύαδελφος» (Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 318¹³⁰³⁻¹³⁰⁵) изменить Nominativus выделенных слов на Genetivus: *ῥατατίνης ἐκεῖνου*, ὁ τοῦ σουλτάνου πρωτεύαδελφος, т. е. [пал] самого султана Гийас ал-Дина двоюродный брат» (на соответствие между *ῥατατίνης* и Гийас ал-Дин указывал еще Д. Моравчик (Moravcsik G. Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 2. S. 146; cf.: S. 261).

⁶³ Panaretos. P. 613¹⁰.

Предыдущие рассуждения наталкивают на мысль, что текст гипотетического исторического источника Лазаропула в действительности не являл собою сюжетного единства, но состоял из нескольких последовательно соединенных самостоятельных сюжетов, повествовавших о разных событиях. С точки зрения историко-событийной содержательности, рассказ Иоанна Лазаропула распадается, по меньшей мере, на три законченных, хронологически и сюжетно отличимых друг от друга сообщения:

— сюжет *А* сообщает о возобновлении мирного договора между Андроником I Гидом и сельджукским султаном (событие датировано 1223 г.)⁶⁴;

— сюжет *В* повествует о вероломном нападении сельджукского наместника в Синопе на греческое судно и о последующем трапезундско-сельджукском конфликте вокруг Синопа (отрывок не датирован)⁶⁵; следует особо отметить, что сюжет *В* распадается на два смысловых отрывка: во-первых, захват трапезундского судна (*В'*), во-вторых, ответная военная акция трапезундцев против Синопа и последующее заключение договора с мусульманами по поводу освобождения захваченного корабля (*В''*);

— сюжет *С*, наконец, самый обширный и подробный раздел всего повествования, целиком посвящен походу «мелика» на Трапезунд (отрывок не датирован)⁶⁶.

Причем, очевидно, что перечисленные три события совсем не обязательно должны были произойти в один год. Скорее всего, они происходили с некоторыми временными интервалами, которые Лазаропул сознательно не учитывал в агиографическом, принципиально а-историческом и нелинейном времени.

Не исключено, что протографом текста об этих событиях было несколько исторических сообщений — либо два (первый из которых мог объединять сюжеты *А* и *В*), либо даже три, по числу сюжетно-хронологических отрывков.

Итак, сюжет *А*, несомненно, повествует о событиях 1223 г. Можно предположить, что сюжет *С* относится ко времени после известных событий 1230 г., когда Эрзерум был присоединен к Румскому султанату (см. выше). Серединный сюжет *В* о конфликте вокруг Синопа, следовательно, логично было бы привязать к периоду между 1223 и 1230 гг., однако датировать его будет сложнее всего.

Следующая реконструкция событий 1220-х гг., в которых главным действующим лицом была империя Великих Комнинов, основана на «презумпции истинности» текста Иоанна Лазаропула с учетом изложенных выше замечаний о временных скачках, разделяющих три части повествования. Отметим, что сам Лазаропул отнюдь не утверждает, что все

⁶⁴ Rosenqvist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 310¹¹⁵²⁻¹¹⁵⁷; от «ἐπὶ τῷ δευτέρῳ ἔτει» до «ἔσιν ἀτάραχοι».

⁶⁵ Ibid. P. 310¹¹⁵⁷–312¹¹⁶²; начинается со слов: «ἀλλ' ἐλάβησαν αἱ σπονδαὶ αὐταί».

⁶⁶ Ibid. P. 312¹¹⁶²–334; со слов: «τὸ δὲ Ἰκόνιον ὁ σουλτάνος Μελικ...».

описанные им события произошли в 1223 г. Он однозначно указывает лишь, что они *начались* в этот год.

4. ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРЕКОВ В СИНОП (1225–1228 г.)

Ключевым текстом, который поможет нам разгадать загадку Лазаро-пула (или хотя бы приблизиться к ее разрешению), является хорошо известный, но так и не заслуживший достойного комментария современных исследователей отрывок из «Истории» арабского хрониста Ибн ал-Асира. Рассказав о событиях 1228 г., связанных с захватом сельджуками Эрзинджана и их неудачной попыткой осадить Эрзерум, хронист далее сообщает:

И пришло ему [то есть султану 'Ала ал-Дину Кай-Кубаду I. — *Р. Ш.*] известие, что неверные румы (الروم الكفار), граничащие с его страной, захватили у него крепость, называемую Синуб, из неприступнейших крепостей, господствующую на море ал-Хазар. Когда прибыл в свою страну, отправил войско к ней и осадил с суши и моря, возвратил ее от румов и отправился в Антакию, чтобы зимовать в ней по своему обыкновению⁶⁷.

Известие Ибн ал-Асира, вызывавшее недоверие у многих исследователей, подтверждается данными Шихаб ал-Дина Насави (ум. 1249), лично-го секретаря и историографа хорезмшаха Джалал ал-Дина. Приведем полностью этот отрывок, важный для понимания смысла разворачивавшихся событий:

В дни пребывания султана [Джалал ал-Дина хорезмшаха. — *Р. Ш.*] в Туттабе [осенью или зимой в конце 1228 г., т. е. в конце 625 — начале 626 г. Х. — *Р. Ш.*] прибыло письмо от правителя ар-Рума — 'Ала ал-Дина [Кай-Кубада], в котором он подстрекал [султана] к вражде с Аййубидами, обещая ему помощь против них. Он говорил, что был занят в том году [то есть в 1228 г. — *Р. Ш.*] [борьбой] против соседей с ним безбожных, что завоевал несколько их крепостей [курсив наш. — *Р. Ш.*], так же, как и султан, который был занят татарами и отбросил их назад. А теперь осталось только направить свои силы против этой группы тиранов и клики деспотов. Он даже впал в преувеличение, заявляя, что «мы обратились от малого джихада к джихаду великому»⁶⁸.

Чуть выше, примерно под 624 г. (1227 г.), Насави упоминает еще об одном письме сельджукского султана к Джалал ал-Дину, в котором упоминались какие-то столкновения с неверными:

⁶⁷ *Ibn al-Athir*. Т. 12. Р. 312–313. См. также: *Kursanskis M.* L'empire de Trébizonde. Р. 119.

⁶⁸ Перевод З. М. Буниятова (*Насави*. С. 209).

Если султан [Джалал ал-Дин. — *Р. Ш.*] оказал предпочтение набегу, то его друг [т. е. сельджукский султан. — *Р. Ш.*] также направил [свой] набег на запад и захватил в этом году несколько крепостей, принадлежавших главарю безбожных⁶⁹.

Это сообщение весьма похоже на предыдущее, и не исключено, что сельджукский султан и тут подразумевает какие-то столкновения с трапезундцами вокруг Синопа, начавшиеся уже в 1227 г.

Таким образом, тексты Ибн ал-Асира и Насави подтверждают сообщение Лазаропула о трапезундско-сельджукской борьбе за Синоп в правление Андроника I Гиды, фиксируя для нее верхнюю хронологическую границу: борьба завершилась окончательной победой сельджуков в самом конце 1228 г.

Следовательно, датировка сюжетов *B*¹ и *B*² Лазаропула сужается к периоду между 1223 и 1228 гг.

Именно к этому периоду времени относится интереснейшее, но несколько смутное сообщение другого арабского автора — Мухаммада ал-Хамави, сирийского чиновника, сочинение которого «ал-Тарих ал-Мансури» содержит ряд уникальных сведений по истории Сиро-Анатолийского региона в 20–30-х гг. XIII в.:

В этот год [622 г. Х. или 12 января 1225 г. — 1 января 1226 г. — *Р. Ш.*] султан «Ала ал-Дин разбил султана Рума ал-Ашкари и захватил несколько его крепостей, и [разбил] *малика* Кира (?) Аликса, тоже ромея, и пленил его⁷⁰.

⁶⁹ Насави. С. 196.

⁷⁰ ал-Хамави. Л. 150b–151a. Нижеследующее прочтение текста ал-Хамави и его филологический комментарий явились плодом совместных усилий автора и Д. А. Коробейникова (см.: Шукуров Р., Коробейников Д. А. Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223–1230 гг. (Загадка текста Иоанна Лазаропула // Причерноморье в средние века. Вып. 3. Под ред. С. П. Карпова М. 1998. С. 192–193 см. 68): وفيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم الاشكري و اخذ من قلاعه و الملك كير <؟> الكس ايضا الرومي و مسكه

Под ал-Ашкари (от имени Ласкарис) подразумеваются никейские вассалы, в данном случае Иоанн III Дука Ватац (1222–1254). Возможно, что определение «султан Рума» следует отнести не к ал-Ашкари, но к «Ала ал-Дину» («султан «Ала ал-Дин, султан Рума, разбил...»).

Цитируемый отрывок в силу ряда палеографических сложностей имеет и другие варианты прочтения.

Во-первых:

وفيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم للاشكري و اخذ من قلاعه و للملك كير <؟> الكس ايضا الرومي و مسكه

Перевод и в этом варианте прочтения изменится мало: «В этот год султан «Ала ал-Дин, султана Рума, разбил ал-Ашкари и захватил несколько его крепостей, и [разбил] *малика* Кира (?) Аликса, тоже ромея, и пленил его»

Во-вторых:

وفيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم الاشكري و اخذ من قلاعه و الملك اسمه <؟> الكس ايضا الرومي و مسكه

Следует разъяснить, почему мы назвали этот отрывок «смутным». Дело заключается в том, что ал-Хамави, упоминая византийца («ромея») Алексея и говоря о его пленении сельджуками, заставляет нас вспомнить события 1214 г. Действительно, во второй половине 1214 г. трапезундский император Алексей I Великий Комнин был пленен султаном 'Изз ал-Дином Кай-Кавусом I. Это сообщение ал-Хамави, возможно, перекликается (если не словесным выражением, то по сути) с известным пассажем из хроники Абу ал-Фиды о событиях 1214 г.⁷¹ Не смешил ли арабский автор какие-то события 1225 г. с более давним и громко прозвучавшим на Востоке поражением трапезундцев?

Учитывая эти сомнения, все же можно предположить, что ал-Хамави, который зарекомендовал себя как весьма информированный и заслуживающий доверия хронист⁷², в действительности подразумевал как раз те

«В этот год султан 'Ала ал-Дин разбил султана Рума ал-Ашкари и захватил несколько его крепостей, и [разбил] *малика*, имя его (?) Аликс, тоже ромея, и пленил его».

Нужно признать, что во всех трех предложенных вариантах фраза с точки зрения арабской грамматики представляется несколько корявой. Наибольшие трудности в прочтении представляет слово, которое мы предлагаем читать либо как искаженное *كير* (*кир* — от греч. *κῆρ*; встречающаяся в восточных источниках прибавка к имени трапезундского василевса Алексея I), либо как *اسمه* (*исму-ху* — «имя его»).

Первым обратил внимание на этот отрывок Кл. Казн (*Cahen Cl. Questions d'histoire de la province de Kastamonu au XIIIe siècle // Turcobyzantina et Oriens Christianus. L., 1974. № X. P. 147*). Кл. Казн так же не нашел бесспорного варианта чтения и, опустив предположительное «*كير*» и совершенно бесспорное «*ايضا الرومي و*», перевел отрывок приблизительно:

«Année 622/1225. Le Sultan Ala'ad-din Kaiqubadh de Rum battit al-Ashkari/Lascarid et lui prit des fortresses; il fit de même d'Aliks/Alexis, et le fit prisonnier».

Судя по переводу, исследователь видел текст следующим образом:

و فيها كسر السلطان // علا الدين سلطان الروم الاشكري واخذ من
قلاع و كذلك <...؟...> الكس <...؟...> مسكه

То, что в рукописи почти однозначно читается как *الملك* или *الملِك* («малик»), Кл. Казн, с большой натяжкой понимает как *كذلك* («так же», отсюда и его [il fit de] *même*), хотя это допущение не исправляет стилистических недостатков фразы. Этим и объясняется различие в переводах, предложенных Кл. Казном и нами, которое, впрочем, не так значимо в контексте этого лаконичного известия.

⁷¹ «В этом [611 г., т. е. 1214/15 г. — *Р. Ш.*] туркмены пленили малика ал-Ашкари (убившего Гийас ал-Дина Кай-Хусрава) и передали сыну его Кай-Кавусу ибн Кай-Хусраву, и пожелал тот убить его, но малик выкупил себя за многие богатства и сдал Кай-Кавусу несколько крепостей и земель, которыми прежде мусульмане не владели...» (*Abu-l-Feda. T. 4. P. 252–254*).

⁷² Подробный анализ сообщений ал-Хамави о никейско-сельджукских взаимоотношениях в этот период см.: *Langdon J. S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N. Y., 1992*. См. у Дж. Лэнгдона ссылки на Ибн Нати́фа (правильнее «Назиф»), под которым под-

события, о которых более ясно сказано у Иоанна Лазаропула, Ибн ал-Асира и Насави. Возможно, именно сообщение ал-Хамави о 1225 г. содержит истинную датировку Лазаропулова сюжета В', о начале коллизий вокруг Синопа, удачное для сельджуков завершение которых под 1228 г. зафиксировал Ибн ал-Асир.

Может быть, не стоит обвинять ал-Хамави в слепом подражании Абу ал-Фиде. Может быть, под *маликом киром Алексеем*, который был захвачен сельджуками, следует подразумевать отнюдь не василевса Алексея I, почившего в 1222 г., но другого Алексея — Алексея Пактиара, чиновника налогового ведомства (δραστήριος ἄρχων), который, по рассказу Лазаропула, вез подати из Херсона, был захвачен сельджуками вместе с кораблем и потом выменан трапезундцами⁷³? Возможно, зная о высоком положении Алексея, ал-Хамави (или же его информатор) не разобрался в титулатуре Пактиара и по ошибке назвал его *маликом* (князь, царь); может быть, этим объясняется его несколько недоуменное пояснение, касающееся Алексея: «тоже ромей».

Итак, мы предполагаем, что сообщение ал-Хамави может относиться к захвату трапезундского корабля сельджуками, т. е. датирует сюжет В в рассказе Лазаропула 1225 г. Затем, между 1225 и 1228 гг., вероятно, последовала атака трапезундцев на Синоп, прямо не отраженная ни в одном из известных нам источников, кроме сюжета В² у Лазаропула. Таким образом, сообщение Ибн ал-Асира об отвоевании Синопа сельджуками в 1228 г. (вероятнее всего — осенью этого года) следует за лазаропуловским сюжетом В², и предшествует сюжету С, повествующему о событиях около 1230 г.

Итак, если поместить известия ал-Хамави, Ибн ал-Асира и Насави между Лазаропуловыми сюжетами, то сложится некая хронологическая сетка, в которую мы попробуем поместить обсужденные выше события.

5. БОРЬБА КОАЛИЦИЙ

В 1223 г. был возобновлен неравноправный договор между трапезундцами и сельджуками. Особо отметим, что в том же 1223 г. малик Эрзрума Мугис ал-Дин Тугрул-шах заключил союз с грузинскими Багратидами, давними союзниками Великих Комнинов. Тугрул-шах, возможно, находился в дружественных отношениях с Великими Комнинами и между этими двумя событиями могла существовать некая связь. Андроник I Гид,

разумеется Мухаммад ал-Хамави, далеким предком которого действительно был некий Назиф. Исследователь обратил внимание на цитируемый нами отрывок, однако традиционно датируя поход Малика 1223 г., он относит события, зафиксированные ал-Хамави, ко времени *после похода Малика на Трапезунд*. Наши предыдущие рассуждения, как представляется, показывают ошибочность такой трактовки.

⁷³ Rosenquist J. O. The Hagiographic Dossier. P. 310¹¹⁶¹–312¹¹⁸². См. также сн. 39.

недовольный только что подтвержденной зависимостью от сельджуков, обращает свой взор на оппонентов Икония — на севере Анатолии и в Закавказье. В складывающуюся антисельджукскую коалицию, если вспомнить о матримониальном союзе между Мангуджаками и Тугрул-шахом, вошел и Эрзинджанский эмират, а также Данишмандидское княжество Кугунии, Никсара и Коюль-Хисара.

В 1225 г., как писал ал-Хамави, произошло разграбление трапезундского судна, везшего подати из Крыма. Причиной нападения сельджуков на греческий корабль могла быть месть иконийцев за сближение греков с их восточно-анатолийскими оппонентами. Не исключена и другая возможность: не случайно, что объектом атаки стало именно транспортное судно, везшее с собою херсонские подати — уж не возмещали ли таким образом иконийцы не отданную греками дань? Между 1225 и 1228 гг. греки выступили против синопского наместника сельджуков, заняли Карусу и атаковали Синоп. Вероятно, грекам удалось занять и сам Синоп, что нашло косвенное отражение только в тексте Ибн ал-Асира.

Именно в период греко-сельджукских столкновений (предположительно, между 1225–1228 гг.), понтийские мусульмане, а с ними, возможно, и христиане, укрепляют взаимоотношения с Аййубидскими маликами Сирии.

Появление хорезмийцев на Ближнем Востоке кардинально изменило складывавшуюся тут структуру политических ориентаций. Хорезмийцы дошли до прилегающих к владениям Великих Комнинов областей Тао и Самхсе со стороны Грузии, в сентябре 1226 г. они, возможно, атаковали Кемах и Эрзинджан, то есть владения союзных Аййубидам Мангуджаков, а осенью 1228 г. хорезмийцы вновь разграбили окрестности Эрзерума. Поэтому не удивительно, что в период хорезмийско-грузинской войны в составе грузинского войска, по всей видимости, находились отряды, присланные Великими Комнинами или, может быть, зависимыми от них припонтийскими картвельскими и армянскими князьями (о которых для этого периода из других источников ничего не известно): источники упоминают среди грузинского воинства в 1228 г. отряды *лаз-заванит* (لکزانیت — «*lāknīt*») и чанов (لکریان — «*lākrīyān*»), которые, как известно, жили в восточной комниновской *феме* Великая Лазия.

Та политическая конструкция, элементом которой, возможно, был и Трапезунд, явно не выдерживала избыточного на нее давления двух мощнейших противников — сельджуков и хорезмийцев. Катастрофическое поражение Грузин, понесенное от войск хорезмшаха, упорная осада Ахлата, в конце концов, расшатала единогласие между Аййубидами и Грузией с одной стороны и мусульмано-христианским Понтом с другой. Возможно, Аййубиды, уже в 1227 г. налаживавшие контакты с сельджуками, отступились от своих понтийских союзников. В этот момент (параллельно с завершающей кампанией хорезмийцев против Грузии и ключевой

⁷⁴ Насаи. С. 224; Рашид ал-Дин. Джаме ат-Таварих. С. 83–84; Juwayni (Qazwini). P. 170–171; Juwayni (Boyle). P. 438–439 and note 7 on p. 439.

аййубидской твердыни Ахлат) «Ала ал-Дину Кай-Кубаду удалось пробить в едином фронте своих понтийских противников первую значительную брешь — он аннексирует Эрзинджан, Кемах и Кугунью, выйдя на границу с Трапезундской империей в Халдин. След за этим, в том же 1228 г., сельджукские войска, наращивая успех, отбили у греков занятые ими земли в Синопском регионе.

После развала антисельджукской коалиции, уничтожения Мангуджакского и Данишмандидского эмиратов ничто не могло спасти оставшихся участников понтийского антисельджукского альянса от мести Кай-Кубада I или, что, наверно, представлялось равноценным, — хорезмийского вторжения. Именно поэтому переход Руки ал-Дина Джахан-шаха под крыло хорезмийцев, примеру которого, как мы полагаем, последовали и Великие Комнины, был столь болезненно воспринят Кай-Кубадом I. Ему угрожала перспектива столкнуться с обновленной коалицией эрзерумцев и греков, даже еще более усилившейся за счет хорезмийского воинства.

Итак, в 1229 или 1230 г. Великие Комнины, как мы полагаем, вслед за Руки ал-Дином Джахан-шахом, пошли на сближение с хорезмийцами и подтверждение этому донесли до нас ал-Хамави и сириец Абу ал-Фарадж.

По сведениям ал-Хамави, после разгрома при Йасы-Чаман «хорезмийцы рассеялись в горах, долинах, горных проходах, и достигли Дурабизун [т. е. Трапезунда. — Р. Ш.], а в этой долине — пропасть, попадало в нее почти тысяча пятьсот мужей и мулы с их грузом и верблюды. Люди стали подбирать верблюдов и мулов с их грузом, в котором были жемчуга, одеяния, золото, атлас и другое...»⁷⁵. Кроме того, беглецы везли большую часть сокровищницы хорезмшаха и боевые машины⁷⁶. Абу ал-Фарадж почти дословно повторяет это сообщение ал-Хамави в обоих (арабском и сирийском) вариантах своей хроники. В арабском тексте историк пишет: «В своем бегстве достигли они гор Трапезунда, и из них тысяча пятьсот мужей попадало в тамошнюю пропасть»⁷⁷. Более полный сирийский вариант хроники Абу ал-Фараджа добавляет, что множество хорезмийцев «бежало в Трапезунд и страну *ивиров*», а падали в пропасть они ночью. Это сообщение подтверждает и Ибн Биби, сообщивший, что при приближении «Ала ал-Дина Кай-Кубада и Аййубидов к Эрзеруму пришла весть о том, что множество хорезмийских воинов погибло в некоем гор-

⁷⁵ ал-Хамави. Л. 198а⁷⁻⁹.

تفرّق الخوارزميون في الجبال والادوية والشعاب وبلغوا الى درابيزون وفي ذلك الوادي شقيف وقع فيه ما يناهز الف وخمسمائة رجل وابطال باحمالها وجمال و صار الناس يطلعون منه الاجمال و الابغال باحمالها وفيها الجواهر والكساي و الذهب و الاطلس وغيره

⁷⁶ Там же. Л. 198б; Gottschalk H. L. Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi. S. 64–65.

⁷⁷ Abu al-Faraj. Mukhtasar tarikh al-Dawal. Beyrut, 1890. P. 429–430:

و بلغ هزيمتهم الى جبال طرابيزون فوقع منهم في شقيف هناك الف وخمسمائة رجل Сирийская версия: «And very many of them fell to Trapizun and to the country of the Iberians, and about fifteen hundred horsemen fell from a high rock during the night and died» (Gregorius Abu al-Faraj. The Chronography. P. 395).

ном ущелье⁷⁸. Очевидная текстуальная близость текстов ал-Хамави и Абу ал-Фараджа позволяет думать, что либо оба автора пользовались единым источником, либо, что вероятнее, Абу ал-Фарадж, писавший примерно через четыре десятилетия после ал-Хамави, был знаком с книгой последнего, и скорее всего с полной версией этого его сочинения, так называемой «Большой хроники», не дошедшей до нас⁷⁹. Таким образом, мы возвращаемся к точке зрения Я. Фальмерайера, который первым указывал на существование союзных отношений между Трапезундом и хорезмийцами⁸⁰.

Йасы-Чаман — поле примерно в 10–20 км южнее Трапезундской Херианы и примерно в 30 км севернее Эрзинджана⁸¹. На нем, кроме решительного разгрома хорезмийцев, в будущем произойдет еще несколько исторических сражений, так или иначе повлиявших на судьбу Комнинов Трапезунда. Под упомянутыми у арабского и сирийского авторов горами и долинами около Трапезунда, в которых укрылись хорезмийцы, несомненно, подразумеваются гористые территории комниновской Халдии. Оба сообщения, восходящие к единому источнику, мы склонны признать вполне надежным свидетельством связи Великих Комнинов с хорезмийцами⁸².

Отметим также, что упоминание Абу ал-Фараджем «страны ивилов» как одного из убежищ разбитых хорезмийцев указывает еще на одного союзника Джалал ал-Дина. Есть основания полагать, что кроме Эрзерума и Трапезундской империи еще одно княжество, граничащее с Понтийским регионом, поддержало хорезмшаха, а именно армяно-грузинские территории Олти и Панаскерта.

По сообщению Ибн Биби и ал-Хамави, правитель Олти участвовал в битве при Йасы-Чаман на стороне Джалал ал-Дина. Олти и Панаскерт были центрами старинной армянской области Тао. Согласно ал-Хамави, Кай-Кубад I после покорения Эрзерума пожаловал Малику ал-Ашрафу несколько крепостей, принадлежавших ранее грузинам из Ахлата. Ал-Ашраф сохранил за собою только крепость Олти. Под грузинами из Ахлата скорее всего подразумевалась Тамта, дочь Иване Мхаргдрзели и бывшая жена Малика ал-Ашрафа, ибо именно в Ахлате располагалась ее резиденция. Она была армянкой халкидонитского вероисповедания. После падения Ахлата Тамта попала в плен и стала женой Джалал ал-Дина.

⁷⁸ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 176.

⁷⁹ Об исторических сочинениях Мухаммада ал-Хамави см. статью П. А. Грязневича: *ал-Хамави*. С. 10–20 (Предисловие).

⁸⁰ *Fallmerayer J.* Geschichte. S. 107. Точка зрения Я. Фальмерайера поддержана у Э. Жансана и М. Куршанскиса (*Janssens E. Trébizonde*. P. 76–77; *Kürşanshis M. L'empire de Trébizonde et les turcs*. P. 120).

⁸¹ Относительно локализации Йасы-Чаман см.: *Abu Bakr Tihriani-Isfahani. Kitabi Diyuarbakriyya* / Ed. N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1962. Т. 1. P. 94 note 1 (нынешнее Mecidiye). Ср.: *Bryer A., Winfield D.* Op. cit. Vol. 1. P. 61–63.

⁸² *Fallmerayer J.* Original Fragmente. S. 107; *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 61.

Таким образом, хорезмшах стал родственником Иванэ Мхаргрдзели, и имел с ним дружественные отношения. Важно подчеркнуть, что крепость Олти была, скорее всего, частью владений Закарянов-Мхаргрдзели, располагавшихся на юго-западной границе Грузии⁸³.

Вероятно, именно во владения Мхаргрдзели бежали разгромленные хорезмийцы. Преследуя их, войска сельджукского султана и Малика ал-Ашрафа, по-видимому, достигли и взяли Олти. Интересно, что после катастрофы при Йасы-Чамане хорезмийцы сочли наиболее безопасным для себя убежищем именно христианские территории: империю Великих Комнинов и княжество Олти⁸⁴.

6. СИРИЙСКИЕ СУЛТАНЫ-МАЛИКИ В 1230 г.

После разгрома сельджуками хорезмийцев и аннексии Эрзерума и Байбурта летом 1230 г. настала очередь Трапезунда, последнего участника антисельджукского альянса.

‘Ала ал-Дин Кай-Кубад I, по-видимому, не стал откладывать свою месть и вторгся во владения Великих Комнинов именно тогда — в 1230 г.

Во-первых, в самом тексте Лазаропула содержится указание, которое в контексте обсуждаемых событий косвенно датирует поход «Мелика» именно 1230 г. Маршрут сельджукского султана, перед атакой на Трапезунд, как он описан Лазаропулом, чрезвычайно напоминает передвижения сельджукского войска перед битвой с хорезмийцами в описании ал-Хамави. В «Синописе» говорится, что султан сначала пошел в Мелитину/Малатью, затем — в Эрзерум, после этого — в Келтцину/Эрзинджан, далее султан располагается в Катукии, между Пайпертом/Байбуртом и Заилусой⁸⁵. Согласно ал-Хамави, султан собрал войска в Эрзинджане и в Малатье и двинулся далее через Кыр-шехир — Кайсери — Сивас — Эрзинджан — Йасы-Чаман⁸⁶. Движение султана к Малатье, казалось бы, совершенно нелогичное в контексте Лазаропулова повествования (за чем, имея целью атаковать Трапезунд, идти на далекий юг сельджукских владений), находит теперь объяснение: в 1230 г. султан действительно набирал войско в Малатье, готовясь к битве с хорезмшахом⁸⁷.

⁸³ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 177–178; *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi. S. 64, 67; О Тамте см.: *Киракос Гандзакец*. История Армении. С. 119–120, 149, 182; *Тер-Мкртчян Л. Х.* Армянские источники о Средней Азии (VIII–XVIII вв.). М., 1985. С. 67–69.

⁸⁴ Эти интересные наблюдения относительно роли княжества Олти в политических событиях тех лет принадлежат Д. А. Коробейникову (подробнее см.: *Шукуров Р., Коробейников Д. А.* Великие Комнины. С. 196–197).

⁸⁵ *Rosenquist J. O.* The Hagiographic Dossier. P. 312.

⁸⁶ *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi. S. 57–62.

⁸⁷ Этим наблюдением о маршруте сельджукского султана я обязан Д. А. Коробейникову (см.: *Шукуров Р., Коробейников Д. А.* Великие Комнины. С. 198).

Во-вторых, на время событий, излагаемых в сюжете С, возможно, указывает и загадочное имя Σααλατίνης, «приставленное» к имени 'Ала ал-Дин в тексте Лазаропула. «'Ала ал-Дин Сапатин» представляет собою явную несусразицу, появившуюся в результате какого-то недоразумения — либо ошибочного чтения Лазаропулом своего источника, либо простой описки. Нам известны два варианта толкования этого имени.

Прежде всего, необходимо отметить, что начальное Σααλ могло бы соответствовать старому армянскому šahar «правитель города, предводитель, правитель», зафиксированному уже в армянском переводе Библии и других раннеармянских текстах, и, вероятно, восходящему к древнеперсидскому šahgara «правитель провинции». Как термин, это слово имело хождение в армянском мире вплоть до XII в. Как собственное имя šahar фиксируется для IX–X и XIV–XVI вв. В греческой передаче šahar выглядело именно как Σααλ: у Агафангела оним Шахаливан передан как Σααλιανών⁸⁸. Несмотря на притягательность такого толкования, от него, вероятно, следует отказаться, ибо вторая часть имени Σααλατίνης не находит убедительных параллелей в армянском.

Второй и более предпочтительный вариант сводится к толкованию Σααλατίνης как греческой передачи арабо-мусульманского антропонима Шихаб ал-Дин (شهاب الدين)⁸⁹; в арабо-персидской и тюркской среде произносится оно как *шихабуддин*, начальная Σ в греческом варианте имени обозначила звук «ш» в полном согласии с обычными правилами транслитерации, распространенными в византийской письменности той эпохи. Имя Шихаб ал-Дин не имеет никакого отношения к имени сельджукского султана.

Вместе с тем, Ибн Биби, не вдаваясь в подробности, отметил, что после разгрома хорезмийцев султан «вместе с маликом Ашрафом и братьями последнего направился в Эрзерум»⁹⁰, и некоторое время находился там. Пребывание в Эрзеруме 'Ала ал-Дина и аййубидских царевичей удостоверено также и в тексте ал-Хамави⁹¹. Одним из этих братьев ал-Ашрафа, участвовавших в битве с хорезмийцами, был правитель Майафа-рикина Шихаб ал-Дин Гази⁹².

Это — единственный заметный персонаж политической сцены Сиро-Анатолийского региона того времени, который носил бы имя *Шихаб ал-Дин* и который бы в «нужное время» оказался бы в непосредственной близости от трапезундской границы. Не он ли упоминался в гипотетическом первоисточнике Иоанна Лазаропула? На некую связь между по-

⁸⁸ Костанян С.-А. Ст. Термин *shahan* в раннесредневековых армянских источниках // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. Т. 1. С. 120–131 и особенно 127–128; *Agathangelus* / Ed. Paul de Lagarde. Göttingen, 1887. P. 83.

⁸⁹ Прочтением греческого имени как «шихабуддин» автор обязан петербургскому востоковеду К. А. Жукову.

⁹⁰ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 176.

⁹¹ *ал-Хамави*. Л. 199а–199б.

⁹² *Насави*. С. 248 и сн. 6; *ал-Хамави*. Л. 197б.

ходом сельджуков на Трапезунд, описанным у Иоанна Лазаропула, и аййубидскими правителями Сирии скорее всего указывает и лазаропуловское именование «малик султан», которое находит неожиданную, пожалуй, единственную параллель в официальной титулатуре именно сирийских Аййубидов. Так, например, у Мухаммада ал-Хамави ал-Ашраф часто именуется как «султан малик ал-Ашраф». Но что самое знаменательное — в «Картлис Цховреба» le grand sultan Mélik именуется либо ал-Ашраф, либо сам Шихаб ал-Дин Гази⁹³. Это именование полностью идентично содержащемуся в повествовании Иоанна Лазаропула. Именно грузинский источник дает нам ключ — по всей видимости, аййубидские правители так и именовались «султанами-меликами» не только в христианской картвельской среде, но и в греческой понтийской.

Причем, отметим немаловажную деталь: уже после разгрома хорезмийцев, аййубидские союзники сельджуков участвовали в карательных акциях «Ала ал-Дина Кай-Кубада I. Вместе с сельджукским султаном они вступили в непокорный Эрзерум, а отряды ал-Ашрафа преследовали хорезмийцев, по крайней мере, до Олти. Может быть, пока войска ал-Ашрафа двигались на северо-восток к Грузии, отряды Шихаб ал-Дина Гази совершили вылазку в северо-западном направлении — к Трапезунду?

Именно эта параллель может оказаться истинным объяснением именования «султан мелик» в сюжете С Иоанна Лазаропула.

Как мы показали выше, все реалии сюжета С, касающиеся сельджуков, указывают на *terminus post quem* описанных Лазаропулом событий, т. е. на то, что происходили они вскоре после захвата «Ала ал-Дином Эрзерума летом 1230 г. Два других элемента Лазаропулова текста — имя Σαλατίνης и именование «султан мелик», если верна наша интерпретация, устанавливают для них *terminus ante quem*. Только тогда, после Йасычманского сражения 9 августа 1230 г., султаны-малики Аййубиды могли собственной персоной оказаться в Понтийских горах, чтобы попасть на страницы анонимного источника Лазаропула. Атака сельджуков на Трапезунд происходила до того, как аййубидские султаны-малики покинули Понт.

Следовательно, именно ко второй половине августа 1230 г. и подводит нас относительная самодатировка Лазаропулова сюжета С. Можно предположить, что мусульманская атака на Трапезунд имела место во второй половине августа 1230 г. Возможно, что мусульмане вторглись в пределы Великих Комнинов, преследуя бежавших туда многочислен-

⁹³ Brosset M. Histoire. P. 495. Это наблюдение принадлежит Д. А. Коробейникову, который дает следующее пояснение: в «Картлис Цховреба» говорится о том, что царь Грузии Георгий IV Лаша (1213–1222) планировал отдать свою сестру за великого султана Малика, владьку Персии, от Египта до Ахлата. Это произошло незадолго до смерти Георгия Лаши в 1222 г. (Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P., 1980. P. 436). Скорее всего грузинский хронист имел в виду Малика ал-Ашрафа, хотя не исключено, что и самого Шихаб ал-Дина Гази, владевшего Ахлатом с 1221 по 1224 г. (Ibn al-Athir. T. 12. P. 260, 273–274). Подробнее см.: Шукуров Р., Коробейников Д. А. Великие Комнины. С. 199.

ных хорезмийских воинов. Скорее всего, это был экспедиционный корпус во главе с сельджукским царевичем-маликом Гийас ал-Дином, который, вероятно, и попал в плен к трапезундцам. Вероятно, что аййубидский султан Малик Шихаб ал-Дин Гази участвовал в этой кампании сельджуков, хотя, конечно, пока трудно сказать, с какой целью и в каком контексте в действительности мог упоминать аййубидского *малика* гипотетический источник Иоанна Лазаропула.

7. ИТОГ

Учитывая известную сложность предыдущих построений, мы считаем не лишним в тезисной форме еще раз изложить основные итоги нашего анализа Лазаропулова текста.

1. Иоанн Лазаропул при составлении «Синописа», несомненно, пользовался некими *письменными* источниками *исторического* характера (историографические тексты, официальные записи дворцовой канцелярии?).

2. Эти гипотетические источники содержали сообщения о трех *разновременных* событиях, имевших место в период с 1223 по 1230 гг. В тексте Лазаропула им соответствует три сюжета, условно обозначенные нами как А, В (В' и В²), С. Причем,

сюжет А (возобновление мирного трапезундско-сельджукского договора 1214 г.) датирован самим Лазаропулом 1223 г.;

сюжет В' (сельджукская атака на трапезундский транспорт) датируется при помощи сообщения ал-Хамави 1225 г.;

сюжет В² (ответная атака трапезундцев на Синоп), благодаря сообщению Ибн ал Асира, имеет своим *terminus ante quem* конец 1228 г.;

сюжет С (атака сельджуков на Трапезунд, их разгром, пленение Мелика, установление нового трапезундско-сельджукского договора) привязывается *косвенной самодатировкой* текста Лазаропула и известными фактами восточно-анатолийской политики к концу лета-осени 1230 г.

Подчеркнем, что наша интерпретация не противоречит ни единому слову текста Лазаропула, заслуживающего, в целом, доверия: предостерога конфликтов, действительно, отнесены к 1223 г., но где у Лазаропула сказано, что их завершение пришлось на тот же самый год?

Кроме того, удалось обнаружить единственно подходящие для данного исторического момента параллели странным именованиям «султан мелик» и «Саапатин». Оба эти именования совершенно однозначно следует связывать с аййубидскими реалиями, и даже еще точнее — с султаном Маликом Шихаб ал-Дином Гази. Шихаб ал-Дин, скорее всего, участвовал в сельджукском походе на Трапезунд, однако попал в плен к грекам именно сельджукидский правитель, но не аййубидский, и договор трапезундцы заключили именно с Сельджукидами, но не с Аййубидами.

Нет сомнений в том, что Лазаропул имел в своем распоряжении *подробный и доброкачественный письменный источник* о событиях 1230 г., в котором упоминались и сельджуки, и малик Шихаб ал-Дин Гази. Одна-

ко при переработке этого исторического материала в агиографический текст произошло смешение отдельных элементов источника, их наложение друг на друга.

8. «ОПОСРЕДОВАННАЯ» ДИПЛОМАТИЯ

Описанный выше исторический прецедент, как нам представляется, позволяет сформулировать вопрос относительно некоторых общих принципов взаимодействия Великих Комнинов со своими мусульманскими соседями, некоторых базовых механизмов дипломатического *действования* понтийских греков в восточно-анатолийском регионе.

Для нас очевидна согласованность действий между трапезундским и эрзерумским дворами для этого и даже более раннего периода, которая предполагала наличие прямой дипломатической связи и достаточно интенсивного информационного обмена между ними. Мы думаем, что Трапезунд так же напрямую был связан и с правителями Эрзинджана и Кугунии. Корни этих связей, быть может, уходили в далекое прошлое, ко времени Андроника Комнина, прародителя Великих Комнинов, в те времена, когда он получил от Сальдукидов некую крепость у Колонии (Кугунии) на границе с византийской Халдией (см. выше гл. I).

Однако более того, как мы пытались показать, в 30-е гг. XIII в. дипломатическая активность великокомниновского двора, судя по косвенным данным, охватывала много более широкий географический ареал. Сначала, в 1225–1229 гг., Трапезунд, верный своей принципиально антисельджукской позиции, оказался в стане аййубидских союзников, затем в 1229–1230 гг. Великие Комнины блокируются с хорезмшахом Джалал ал-Дином и остаются верными своему союзническому долгу даже после битвы при Йасы-Чаман, дав убежище разгромленным хорезмийцам и с успехом отразив карательную атаку сельджуков.

Эти объединения восточных соседей Иконийского султаната в первых десятилетиях XIII в., в которых участвовали Великие Комнины, представляет собою образец одной из ранних восточно-анатолийских «квази-коалиций», которые и позже будут спорадически возникать в этом регионе, когда устоявшемуся геополитическому равновесию в Восточной Анатолии и сопредельных землях будет угрожать сторонняя сила. С точки зрения формально-дипломатической, как правило, эти коалиции складывались как результат обмена посольствами, письмами и дарами между субъектами альянса.

Вместе с тем, бросается в глаза удивительная особенность. Вполне понятно, почему не дошла до нас документация дипломатических сношений между Трапезундом и Эрзерумом, Эрзинджаном и Кугунией: об этих малозначительных и недолговечных эмиратах мы знаем только из вторых рук, от продукции их канцелярий сохранилось лишь та малая часть, что оказалась включенной в том или ином виде в труды историогра-

фов Сирии, Ирака, Анатолии. Совершенно иная судьба у канцелярий Аййубидов, Сельджукидов Рума, Хорезмшахов, их документация щедро увековечивалась историографами. Современные событиям мусульманские хроники составлялись той и последующей эпохи нередко в своем повествовании канцелярий Сирии, Египта, Ирака и потому весьма подробно описали перипетии современной им дипломатии, бесконечные обмены посольствами и письмами между основными персонажами политической игры. Арабские хронисты той и последующей эпохи нередко в своем повествовании сбиваются на лаконичную и сухую фиксацию прибывавших за тот или иной год посольств. В их сочинениях нашлось место для упоминания прибывавших в Египет и Сирию посольств армян, грузин, крестоносцев, венецианцев и генуэзцев, приводятся письма императоров Священной Римской империи, никейских и палеологовских василевсов и т. д. Но в тех же хрониках нет и намек на дипломатическую активность Великих Комнинов на Востоке⁹⁴. Их молчание о внешнеполитической деятельности Великих Комнинов вызывает недоумение. Вряд ли стоит видеть в нем и некое «идеологическое умолчание» — не было для него видимых причин.

Это молчание явственно контрастирует с данными источников для более поздних периодов. К примеру, если говорить только о связях Великих Комнинов с мусульманским миром, надежно документированы дипломатические связи Великих Комнинов с империей Ильханов на рубеже XIII–XIV вв., с государством Тимура и Тимуридов на рубеже XIV–XV вв., с султанатом Ак-Куйунлу (см. ниже гл. III–V), наконец, в середине XV в. еще более широко и подробно документированы дипломатические взаимоотношения Трапезунда с Палеологовской Византией, итальянскими морскими республиками, папством, другими европейскими державами⁹⁵. Так в чем же дело, почему молчат источники о контактах Трапезунда с державами Аййубидов и хорезмшаха для начала XIII в.?

Словом, существует некое противоречие между действительной дипломатической активностью Великих Комнинов на Востоке в первой половине XIII в., удостоверяемой многочисленными косвенными свидетельствами, и полным отсутствием ее следов в ближневосточной хронистике, которая в значительной мере представляла собою некий «каталог» или «регесты» дипломатической документации султанских канцеля-

⁹⁴ Для более позднего периода — для второй половины XIII в. известно лишь одно письмо, отправленное к Великим Комнинам из кайсирской султанской канцелярии, возможно, в ответ на послание трапезундских правителей (см.: Shukurov R. *Between Peace and Hostility*. P. 21–22 и ниже в этой главе).

⁹⁵ Литература о дипломатических взаимоотношениях Великих Комнинов с европейскими государствами безбрежна, в первую очередь, см.: Карлов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981; Он же. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164; Он же. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.

рий. Мы предполагаем, что означенное противоречие не сводится лишь к проблеме сохранности ближневосточных архивов и меры скрупулезности мусульманских хронистов. В качестве гипотезы мы хотим выдвинуть следующее объяснение этому противоречию.

Могли ли трапезундские правители в действительности не входить в непосредственный контакт с Аййубидами и хорезмшахом, связываясь с ними через посредство других своих партнеров — в первую очередь, государя Эрзерума? Иными словами, мы предполагаем, что *Великие Комнины в определенных случаях делегировали своему ближайшему мусульманскому союзнику посредническую миссию в установлении дальнейших связей с мусульманскими правителями как бы по дипломатической цепочке*. Для периода, исследуемого в настоящей работе, такой посреднической фигурой мог быть Руки ал-Дин, правитель Эрзерума. Такой метод дипломатической связи, какой мог сложиться между Великими Комнинами с одной стороны и Аййубидами и хорезмшахом — с другой, мы назвали бы «опосредованной» или «непрямой» дипломатической связью.

Если наше предположение действительно отражает реальную практику комниновской дипломатии в исследуемый период, то еще более сложной проблемой становится поиск ответа на вопрос, каковы были причины обращения к такой «опосредованной» дипломатической связи. Можно выдвинуть по крайней мере три объяснения такого рода феномену. Первое из них лежит в области базовых политико-идеологических ориентаций Великих Комнинов, волею истории оказавшихся в сложной и противоречивой ситуации анатолийского мусульманско-христианского симбиоза.

Тесное и долговременное сосуществование христианских и мусульманских общин в Восточной Анатолии действительно, как уже указывали многие исследователи, вылилось в сложение специфического мусульманско-христианского культурного поля, обладавшего той или иной долей гомогенности⁹⁶. Тем не менее, для нас является столь же очевидным, что существовало некое несовпадение направлений базовых стратегических и политико-идеологических устремлений обеих общин, присутствовала некая отчужденность между ними. Эта разделенность, часто трудноуловимая и не всегда поддающаяся строгому анализу, не может не ощущаться исследователем пост-византийской Анатолии. Вектор политико-идеологических установок восточно-анатолийских христиан и, в

⁹⁶ Balivet M. *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque*. Istanbul, 1994. См. также обсуждение поставленных М. Баливэ проблем в: Шукуров Р. М. Зона контакта: проблемы междивизантийских отношений в современной византийстике (реп. на: Арутюнова-Фидания В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Balivet M. *Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque*, Istanbul, 1994) // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 258–268.

особенности, тех из них, что сохранили свою государственность и меру суверенности, был направлен преимущественно на *Запад*, ибо грек, грузин, армянин, естественно, идентифицировал себя, свою «духовную родину» с христианским пространством, центр тяжести которого к XIII в. уже переместился на географический Запад. Напротив, для анатолийского мусульманского сознания центром притяжения являлся *Восток* — Месопотамия, Иран, Аравия, оттуда приходила важнейшая для них идеологическая и социальная информация. Восточная Анатолия, таким образом, может быть представлена как *место наложения двух* — христианской и мусульманской, — *периферий*, в культурном, конфессиональном и политико-идеологическом отношении централизованных в направлениях противоположных друг другу, как в отношении реально географическом, так и воображаемом семантическом.

Сказанное, пожалуй, в наибольшей степени применимо к позиции в Анатолии Великих Комнинов — сугубо столичной, прославленной царской династии, всерьез претендовавшей на константинопольский престол. Великие Комнины, лишь волею судеб оказавшиеся в своей «понтийской ловушке», в 1220–1230 гг. вряд ли собирались надолго оставаться в Трапезунде. Это, конечно, не освобождало трапезундских василевсов (правивший тогда Андроник I Гид, разумеется, не был Комнином по крови, но действовал, как видно, в полном соответствии с чаяниями правившего дома) от обязанности взаимодействовать с мусульманскими соседями. Вместе с тем, эта отчетливая устремленность государства Великих Комнинов на Запад, принципиальная *маргинальность* для них восточной дипломатии, возможно, и удерживала их от «нормальной», «прямой» связи с мусульманскими правителями.

Второе объяснение также связано с особенностями великокомниновской идеологии, но относится уже к сугубо дипломатической сфере. Есть основания полагать, что в течение XIII в. Великие Комнины сталкивались с проблемой международного признания их прав на византийский престол. По всей видимости, мусульманские государи, выбирая между Ласкарями и Великими Комнинами, признавали за истинных наследников Византии все же Ласкарей, а не Великих Комнинов⁹⁷. Этой проблемы мы касались подробнее во «Введении» («Терминологический экскурс»), она будет обсуждаться и чуть ниже, сейчас же отметим, что такого рода непризнание за Великими Комнинами преимущественных прав на византийское наследство скорее всего выражалось в применении к ним тех пунктов дипломатического протокола и тех формулировок в официальной переписке, которые казались оскорбительными и неприемлемыми для претенциозных правителей Трапезунда. Очевидно, что сирийские канцелярии Аййубидов, скорее всего, следовали в отношении Великих Комнинов такой линии поведения, и это могло удержать Великих Комнинов от

⁹⁷ См.: Shukurov R. Between Peace and Hostility. P. 21–22. См. также ниже часть II этой главы и «Введение».

прямых сношений с мусульманскими государями и, в частности, Аййубидами Сирии, не признававшими их за константинопольских василевсов.

А может быть, дело обстояло еще проще. Просто в канцелярии Великих Комнинов в эти годы не было квалифицированных переводчиков и дипломатов, специалистов по азиатским языкам и нравам, которые могли бы достойно представить своего владыку при ближневосточных дворах, утонченно богатых, высокомерных и столь изощренных в тонкой дипломатической интриге.

Не исключено, что все три отмеченных фактора действовали одновременно, подтолкнув Великих Комнинов обратиться к особому и, может быть, уникальному для этого региона и этой эпохи механизму «опосредованного» дипломатического действия.

9. МЛАДШИЙ ПАРТНЕР

Таким образом, в эпоху, последовавшую за захватом Синопа сельджуками в 1214 г., Сельджукский султанат превращается в главного политического соперника Великих Комнинов и главную для них военную угрозу. Великие Комнины переходят к политике военно-дипломатических союзов с окрестными мусульманскими правителями в надежде найти противовес сельджукам. Основой этих межгосударственных военно-политических образований являлась анти-сельджукская направленность их участников, пытавшихся сообща противостоять имперским амбициям сельджуков. Итог почти десятилетней борьбы в 1221–1230 гг. был для Великих Комнинов двойственным — они потерпели неудачу в своей попытке вернуться в Синоп, но на заключительной фазе трапезундско-сельджукского противостояния ок. 1230 г. они нанесли Иконию чувствительное поражение и аннулировали унизительные для Великих Комнинов статьи договора 1214 г., касавшиеся выплаты дани и поставки военных контингентов сельджукам.

После событий 1230 г. сельджукско-трапезундские отношения, по всей видимости, нормализовались, на южной границе империи установился продолжительный мир. Возможно, именно в этом ключе следует толковать весьма смутное сообщение из Синаксаря св. Афанасия, согласно которому в правление императора Мануила I (?) (1238–1263) жена сивасского эмира искала спасения от охвативших ее демонов в монастыре св. Фоки у Трапезунда⁸⁶. Трапезундско-сельджукская граница, как видно, была открыта для сельджукских визитеров, включая, можно предположить, и торговцев.

Для 30-х гг. Симон де Сен-Кантен утверждал, что трапезундцы были обязаны поставлять в сельджукское войско «200 копий» (т. е. отряд

⁸⁶ Hasluck F. W. *Christianity and Islam under the Sultans*. Oxford, 1929. Vol. I. P. 66; Fallmerayer J. *Fragmente aus dem Orient*. Stuttgart, 1877. S. 121; *Vryonis Sp. Decline*. P. 489; Bryer A. *Greeks and Turkmens*. P. 124 note 32.

примерно в 1000 человек)⁹⁹. Если это и было так, то вряд ли из этого можно делать вывод, что трапезундцы находились в униженной зависимости от сельджуков султанов. Вместе с тем, из этого сообщения однозначно следует, что отношения между Сельджукидами и Великими Комнинами не строились на равных основаниях. Эти «200 копий» скорее всего были данью уважения со стороны Великих Комнинов к высокому султанскому статусу и дружественным жестом младшего партнера по отношению к более могущественным государям.

Можно предположить, что такая парадигма трапезундско-сельджукских взаимоотношений сохранялась вплоть до монгольского нашествия в Анатолию, о котором речь пойдет ниже.

ЧАСТЬ II: СИНОПСКИЙ ВОПРОС В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ (ДО 1313 Г.)

После победы над Хорезмшахом и неудачи на византийском Понте сельджуки полностью сконцентрировались на укреплении своих позиций на востоке Анатолии и на Кавказе. Сельджуки вторглись в Грузию и принудили царицу Русудан вступить с ними в союз, который был закреплён браком между сыном султана Гийас ал-Дином Кай-Хусравом и дочерью Русудан от ее сельджукского мужа, сына Мугис ал-Дина Тугрулшаха. Затем сельджуки аннексировали Ахлат и Сурмари, выдвинувшись тем самым на подступы к Сирии и Ираку¹⁰⁰. Далее «Ала ал-Дин попытался оккупировать область Дийарбакра, где столкнулся с Аййубидами и вел с ними не совсем удачную для себя войну. После смерти «Ала ал-Дина его сын Гийас ал-Дин смог все-таки укрепиться в Дийарбабре, покорив Амид и продвинувшись к Майафарикину в Сирии¹⁰¹. Именно на этот момент приходится начало завоевания Анатолии монголами.

Нельзя сказать, что сельджуки игнорировали монгольскую опасность. Еще в 1231/630 г., после неожиданного рейда монголов к Сивасу, «Ала ал-Дин Кай-Кубад сделал попытку обезопасить себя от монгольской угрозы, послав к великому хану посольство с признанием главенства монголов. Однако приглашение великого хана, отправленное к «Ала ал-Дин Кай-Кубаду, лично явиться в его ставку осталось без ответа¹⁰². Последовавшее через десятилетие монгольское вторжение в Анатолию привело

⁹⁹ *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Ed. J. Richard. P., 1965. P. 70; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 135.*

¹⁰⁰ *Abu al-Faraj. P. 435.*

¹⁰¹ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 131–138.*

¹⁰² *Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 203–204; Abu al-Faraj. P. 435; Spuler B. Die Mongolen. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit (1220–1350) / 3. Auflage. Berlin, 1968. S. 43.*

к резкому упадку власти Сельджукидов. Как заметил в этой связи Кл. Каэн: «Сельджукское государство расширилось на Восток перед лицом монгольской угрозы, точно так же как Византийская империя прежде расширилась [на Восток] в преддверии тюркской угрозы — и, как показало будущее, с тем же несчастливом для себя исходом»¹⁰³.

Катастрофа разразилась в 40-х гг. В 1241/639 г. монгольский полководец Чурмагун (Чормагун) совершил разведывательный рейд к Эрзеруму; город был взят монголами, чувствительные потери понесла верхушка сельджукской армии¹⁰⁴. Вскоре после этого, 26–27 июня 1243 г. (6–7 мухаррама 641 г. Х.) армия Сельджукского султаната, наиболее могущественной державы в Анатолии того времени, встретила с монголами в долине Кёседаг. Тюрки потерпели сокрушительное поражение, сельджукский султан Гийас ал-Дин Кай-Хусрав II (1237–1245/46) сразу после битвы запросил у монголов мира и согласился выплачивать дань. Путь в Анатолию для монголов был свободен¹⁰⁵. Как будет показано ниже, Великие Комнины получили новый шанс на изменение военно-политического равновесия в свою пользу.

Эта битва открыла новую страницу в истории Анатолии. С одной стороны она навсегда подорвала могущество Сельджукского султаната, вступившего с этих пор в эпоху упадка, которая затянется вплоть до начала XIV в. и завершилась исчезновением государства анатолийских сельджуков. Однако этот кризис наиболее могущественного тюркского государства в Переднеазиатском регионе отнюдь не означал, что анатолийские и кавказские соперники тюрков — греки, армяне, грузины, сумели переломить ход соперничества с тюрками за преобладание в Анатолии в свою пользу. Монгольское завоевание Средней и Передней Азии положило начало новому витку тюркизации анатолийского региона, а в перспективе, в XV–XVII вв. — окончательному вытеснению греческих и армянских автохтонов с большей части полуострова¹⁰⁶.

В результате монгольского завоевания, в Анатолии и в прилегающих к ней кавказских и сирийских землях складываются новые политические отношения, хотя, в конечном счете, и центрированные на монголов, однако сложные и необычные по структуре, которая еще ждет систематического описания и концептуального осмысления. Ниже предлагается

¹⁰³ Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 130.

¹⁰⁴ Abu al-Faraj. P. 440.

¹⁰⁵ Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 236–241; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 134; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 138; Kurşanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 121; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 61; Boyle J. A. The Successors of Cenghis Khan. N. Y.; L., 1971. P. 304.

¹⁰⁶ Ср. с замечанием Кл. Каэна: «But on the whole the Mongol conquest made the conquered territories Turkish, not Mongol...» (Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 368). Об этом подробнее см. также ниже, гл. III.

первый подход, контурный абрис тех политических структур в Анатолии, которые были порождены монгольским нашествием и которые предопределили судьбы Трапезундской империи в этот период.

1. МОНГОЛЫ ИРАНА И ЗОЛОТАЯ ОРДА

В реальности, Анатолия, а также и сопредельные ей Армения и Грузия, так до конца и не были подчинены монголами. Место этих территорий в империи монголов разительно отличалось от судьбы обширных пространств Передней и Серединной Азии. Так, Среднюю Азию, Иран, Ирак, а севернее Черного моря — южнорусские степи и Крым, монголы прямо инкорпорировали в новые государственные образования (улусы), уничтожив на этих землях старые формы государственности. Напротив, в Анатолии же и Грузии монголы сохранили прежние политические образования, удовлетворившись лишь формальным признанием местными государями верховной власти монголов. Очевидно, что эти государства-сателлиты находились в жесткой зависимости от монголов, которые, взяв на себя роль верховных сюзеренов и арбитров, бесцеремонно вмешивались в их внутреннюю жизнь и в отношения друг с другом, подрывали их экономику грабительской эксплуатацией. Тем не менее, сохранившиеся в анатолийско-кавказском регионе государства продолжали пользоваться некой долей суверенитета, а значит, и возможностью для политического маневра, равно как и воспроизводства собственных традиционных социо-культурных структур.

Одним из определяющих факторов, обусловивших сохранение в Анатолии и на Кавказе прежнего государственного строения, явилось соперничество между враждующими группами внутри самой монгольской элиты. Анатолия и Кавказ оказались спорной территорией, власть над которой оспаривалась Золотой Ордой и великими ханами. По завещанию Чингисхана (1206–1227), земли к западу от Амударьи и Аральского моря, включая Рум (мусульманскую и христианскую Анатолию и Византию), Сирию, Иран, входили в улус Джучи, старшего сына Чингисхана¹⁰⁷. Однако когда после смерти Джучи и Чингисхана в 1227 г. власть над западным улусом перешла к сыну Джучи хану Бату (1227–1255), между ним и великими ханами, преемниками Чингисхана, развернулось соперничество за контроль над юго-западной частью улуса Джучи. Поскольку

¹⁰⁷ *Juvaini* (Qazwini). Pt. 2. P. 222–223; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из арабских сочинений. СПб., 1884. С. 188 (ал-Муфаддал; *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 232. Ср.: *Коробейников Д. А.* Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // *Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики* / Под ред. Г. Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 442.

хан Бату и его преемники не могли серьезно претендовать на овладение иранскими землями из-за их удаленности и обширности, в реальности они стремились распространить свое влияние лишь в Азербайджане, кавказском и азиатском регионах. Претензии золотоордынцев на «южные» территории, на которые они якобы имели наследственные права, время от времени звучали — вплоть до первой половины XIV в. Так, иранский историк Мухаммад Шабанкаран с насмешкой отмечал для 1335 г., что золотоордынцы до сих пор считают «своей» землей Арран и Азербайджан¹⁰⁸.

Еще в начальный период монгольского завоевания Анатолия и Кавказ оказываются в центре распри между основателем Золотоордынского улуса ханом Бату и Байджу-нойоном, наместником великого хана в Иране¹⁰⁹. Анатолийские и Кавказские государства — в первую очередь, Иконийский султанат, Киликийская Армения, Трапезундская империя, Грузинское царство, — продолжая следовать прежним моделям своих внешнеполитических приоритетов, стремились использовать эти противоречия для ослабления своих традиционных противников. Вместе с тем, соперничество между самими монголами не только отчасти нивелировало их влияние на подвластные территории, — оно проявило себя как мощное орудие во внутренней жизни этих государств и практически повсеместно породило ту внутривластную борьбу, в которой враждующие партии делали ставку либо на золотоордынский, либо на иранский центр власти¹¹⁰.

2. СЕЛЬДЖУКИ И ГРУЗИЯ

Сразу после поражения при Кёседаг сельджукский визир Мухаззаб ал-Дин отправился в Муганскую степь, где заключил мирный договор с непосредственным начальником Байджу-нойона Чурмагуном, наместником великого хана в Иране. Однако вскоре сельджуки Икония апеллируют

¹⁰⁸ Мухаммад Шабанкаран. Маджма' ал-ансаб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 372. Л. 229:

ازبک خان که خان قفقاق است از فرزندان باتو دعوی در سر دارد که <...> زمین اران و آذربایجان قدیم داخل ممالک باتو بود باید که پادشاه بما اتراتی دارد

«Узбек-хан, который является ханом Кыпчака из потомков Бату, имеет притязание на то, что «земля Аррана и Азербайджана исстари входила в земли Бату, следует, чтобы царь [т. е. Ильхан Абу Са'ид. — Р. Ш.] отдал [их] нам»*.

¹⁰⁹ Ал-Айни (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов. Т. 1. С. 503–505) и ал-Нувайри (Там же. Т. 1. С. 153–154) утверждали, что Байджу «был одним из великих людей их [т. е. монголов. — Р. Ш.]... со стороны Бату-хана». Однако, как видно, вскоре Байджу начинает защищать в Иране и Анатолии интересы великого хана. Источники, насколько мне известно, не сообщают ни когда произошла эта перемена в симпатиях Байджу, ни какие-либо другие детали этого. Ср. также у ал-Нувайри о завоевании Анатолии монголами: «Эта толпа пришла со стороны Бату-хана» (Там же. С. 153 сн. 2; 133 сн. 1).

¹¹⁰ Ср.: Spuler B. Die Mongolen in Iran. S. 37.

ют к хану Бату, стремясь ослабить свою зависимость от иранских монголов. Верховную власть Бату (больше известного в анатолийской историографии под именем Сайн-хан¹¹¹) признает уже сельджукский султан Гийас ал-Дин Кай-Хусрав II, после его смерти в 1246 г. его сын 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II (1246–1259), вероятно, остается под покровительством Золотой Орды¹¹².

Однако брат 'Изз ал-Дина — Руки ал-Дин Кылыч-Арслан IV (1249–1266) попытался овладеть престолом при помощи великого хана Гуюка (1248–1249), врага Бату. В 1249 г. он получил в Каракоруме от хана Гуюка *ярлык*, подтверждавший его преимущественные права на престол и низлагавший 'Изз ал-Дина, и явился в Анатолию с тысячей монгольских всадников¹¹³.

Кризис завершается компромиссом — Руки ал-Дин воцарился вместе с братом. Руки ал-Дин установил свой контроль над Кайсери, Сивасом, Малатией, Эрзинджаном, Эрзерумом и другими «восточными» территориями, в то время как к 'Изз ал-Дину отошли Конья, Аксарай, Анкара, Анталья и сельджукские территории на западе Анатолии. Однако когда Руки ал-Дин решился на убийство Сахиба Шамс ал-Дина, представлявшего Бату в Руме, разгневанный Бату присылает посольство для расследования дела. После 1250 г. послы сельджуков вновь подтверждают свою покорность золотоордынскому хану, а непосредственных исполнителей казни Шамс ал-Дина отправляют к Бату на суд. Около 1253 г. посольство возвращается с *ярлыками* на новые должности для сельджукских вельмож¹¹⁴.

В 1254 г., в результате неких враждебных действий Байджу-нояна и по настоятельным требованиям хана Бату, 'Изз ал-Дин и Руки ал-Дин отправляются вместе со своим младшим братом 'Ала ал-Дином к хану

¹¹¹ Т. е. «добрый хан». Об этом имени см.: *Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen*. Wiesbaden, 1963. Bd. 1. S. 371 (№ 248); *Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // Proceedings of the 9th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference*. Naples, 1970. P. 67–70 (= *Idem*. The Mongol World Empire. 1206–1370. L., 1977. N. XVIII).

¹¹² *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 247–249, 264; *Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié par F. N. Uzluk*. Ankara, 1952. P. 49–50; *Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali*. Tehran, 1999. P. 93; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 269–270. Сводку сведений о монгольских завоеваниях в Анатолии см. также в: *Altunian G. Die Mongolen und ihre Eroberungen in Kaukasischen und Kleinasiatischen Ländern im XIII Jahrhundert*. Berlin, 1911.

¹¹³ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 264; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. М.: Л., 1960. Т. 2. С. 118, 120, 124; *Abu al-Faraj*. P. 449–450. Подробнее см. также: *Linder R. P. The Challenge of Qilich Arslan IV // Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honour of George C. Miles / Ed. D. K. Kouymjian*. Beirut, 1974. P. 411–417.

¹¹⁴ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 270–272; *Duda H. W. Die Seldschukengeschichte des Ibn Bibi*. Kopenhagen, 1959. S. 253–258, Anm. 298; *Abu al-Faraj*. P. 451; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 272–273.

Бату в поисках защиты от иранских монголов, однако, испугавшись, что Бату предпочтет им 'Ала ал-Дина, в пути убивают его¹¹⁵.

Вскоре и старшие братья рассорились между собой: 'Изз ал-Дин нападает на Рукн ал-Дина, наносит ему поражение и заключает в крепости Буруглу¹¹⁶. После этого 'Изз ал-Дин отправляет новое посольство к хану Бату с жалобой на иранских монголов: «послы Байджу-нойона и других нойонов слишком часто являлись в Рум, и каждый год бесчисленные средства уходили на их нужды». Посольство, обласканное ханом Бату, возвращалось через ставку Байджу, который, в частности, рек послам 'Изз ал-Дина: «Несомненно, мой убыток принесет вам злополучие»¹¹⁷.

Байджу осуществил свою угрозу. В октябре 1256 г. иранские монголы вступили в Эрзинджан. 'Изз ал-Дин дал им сражение, но был разбит и бежал к никейцам. Власть в султанате перешла к Рукн ал-Дину, ставленнику Байджу¹¹⁸. Эта акция Байджу была, вероятно, связана со смертью Бату в 1255 г. и резким ослаблением роли Золотой Орды в Анатолии.

Отныне влияние Золотой Орды идет на убыль. Этому способствовало и водворение в Иране в 1258 г. хана Хулагу (1256–1265), основателя династии иранских Ильханов, включившегося в ставшую уже традиционной вражду с Золотой Ордой. Поэтому не удивительно, что султан 'Изз ал-Дин, давний союзник золотордынцев, вернувшийся из Никей в 1257 г. с греческим воинским контингентом и вновь пытавшийся утвердиться в Румском султанате, во второй раз был изгнан из Анатолии и бежал в Никею (1261 г.)¹¹⁹. Сельджукский султанат окончательно переходит под контроль иранских монголов.

Итак, как видно, сельджуки пытались сыграть на противоречиях между Бату-ханом и Байджу, оспаривавших друг у друга верховный сюзер-

¹¹⁵ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 275 и след.; *Duda H.* Op. cit. S. 262; *Kerimuddin Mahmud Aksarayi*. Musameret ul-ahbar. Mōgollar zamanında Türkiye selçuklular tarihî. Ankara, 1944. P. 38–39; *Işiltan F.* Die Seldschukengeschichte des Aksarayi. Breslau, 1943. S. 251.

¹¹⁶ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 277–283; *Aksarayi*. P. 40; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 274–275.

¹¹⁷ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 283–284.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 287, 292–293; *Duda H.* Op. cit. S. 273; *Abu al-Faraj*. P. 461–462; *Aksarayi*. P. 40; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 275–276. У отца 'Изз ал-Дина — Гийас ал-Дина Кай-Хусрава II, — мать была гречанкой, некая *Kh'ānd Khālūn* ('*Āzīz ibn Ardaşīr Astarābādī*. *Bazm-u razm* / M. F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. İstanbul, 1928. P. 45). Мать 'Изз ал-Дина также была знатной гречанкой: некая Бардулия/Парабоулия? (*Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 213). Так что, по крови 'Изз ал-Дин был тюрком лишь на четверть. Мать его брата Рукн ал-Дина также была гречанкой (*Abu al-Faraj*. P. 447). О никейско-сельджукских отношениях в этот период см.: *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 274–275; *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток // *ВВ*. 1978. Т. 39. С. 93–101.

¹¹⁹ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 296–297; *Duda H.* Op. cit. S. 283; *Aksarayi*. P. 48–50; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 277–279.

нитет над Анатолией. Золотая Орда постоянно вмешивалась в анатолийские дела, а Байджу, не имея возможности открыто противопоставить себя Бату (ведь первый был лишь нойоном, а второй — ханом из дома Чингисидов), интриговал против него, мстил его ставленникам.

Сходная ситуация сложилась и в Грузии в 1242–1245 гг. Байджу делал ставку на уничтожение суверенитета Грузии и интеграцию грузинских земель в монгольскую империю. Царица Русудан апеллировала к Бату и при его поддержке смогла в 1242–1243 гг. вернуться из Имерети в Тифлис вместе со своим сыном и соправителем Давидом Нарином (1245–1292). Байджу в противовес золотоордынцам объявляет новым царем Грузии своего ставленника Давида Улу (1245–1269). Грузия в результате этого распадается на два царства¹²⁰.

3. МАЛАЯ И ВЕЛИКАЯ АРМЕНИИ

Иначе складывалась судьба Киликийской Армении, которой удалось избежать этой неустойчивости и распрей потому, что с самого начала царь Хетум (1224–1270) и его брат Смбат покорились Байджу-нойону, заключив с ним мир в Кайсери/Кесарии уже в 1243 г. Более того, в подтверждение верности договору царь Хетум пошел на крайнюю меру, недопустимую, потому и редкую в дипломатической практике того времени — по требованию Байджу он выдал монголам мать, жену и дочь сельджуцкого султана, который, после поражения в 1243 г., прислал их под покровительство и защиту киликийских армян. К слову, именно эта акция царя Хетума посеяла непримиримую вражду между киликийскими армянами и сельджуками. Как писал Киракос Гандзакец, сельджуки «издавна таили против него [т. е. царя Хетума. — Р. Ш.] злобу за то, что он протянул руку татарам»¹²¹. Ибн Биби дает сходное объяснение вражде между тюрками и армянами: последние «во время поражения [тюрко-го] войска при Кёседаге проявили себя так подло, как только может быть [*har akhlāq-i bad ki bāshad*]»¹²². Эта акция предопределила и дальнейшую политику царя Хетума, крепко привязав его к монголам. Он дважды получал ярлыки, удостоверявшие его права на царство от самих великих ханов в Каракоруме: сначала у Гуюка в 1247 г., а затем у Менгу (1251–1260) в 1253 г.¹²³

¹²⁰ Allen W. A History of the Georgian People. L., 1932 (repr.: N. Y., 1971). P. 114; Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P., 1980. P. 224–228; *Kürşanskis M.* L'empire de Trébizonde et la Géorgie // REB, 1977. T. 35. P. 248.

¹²¹ Киракос Гандзакец. С. 222. См. также: Смбат Спарамет. Летопись / Пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. 129–131.

¹²² Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 250; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 271.

¹²³ Смбат Спарамет. С. 134, 138, 144–145; Киракос Гандзакец. История Армении / Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 178, 196; Boyle J. A. The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Grand Khan Möngke // Central

Отношения киликийских армян с Байджу, наместником великих ханов в Иране, были весьма тесными и доверительными. В 1246 г. Байджу предложил армянам военную помощь при осаде города Тарса данником Бату Гийас ал-Дином Кай-Хусравом II. Позже, в 50–70-х гг. на территории Киликийской Армении находились достаточно многочисленные монгольские отряды (до 20 тыс. воинов) для защиты страны. Армянские киликийские контингенты в монгольских армиях постоянно упоминаются в связи с военно-политической историей Сирийского региона в этот период¹²⁴. Армяне использовали покровительство иранских монголов в полной мере, отвоевав у сельджуков значительные территории¹²⁵.

Нет сомнений, что эти территориальные приобретения за счет иконийских сельджуков делались с санкции монголов. В 1253 г. царь Хетум, посетив великого хана Менгу-хану, просил вернуть ему «все зависимые от Армянского царства страны — [и те], которые были захвачены сарацинами, и [те], которые подпали под власть татар»; хан ответил согласием¹²⁶. Сельджукский султанат, ориентировавшийся по преимуществу на хана Бату и охваченный внутренней распрей, был бессилен противостоять киликийцам.

Следует также отметить, что и мелкие полунезависимые армянские и грузинские князья пошли на безоговорочную капитуляцию и последующий союз с монголами — Хасан Джалал (князь Хачена и племянник Иванэ и Закарэ Закарян), князь Ани Саргис (Шахиншах), сын Закарэ,

Asiatic Journal. 1964. Vol. IX. P. 175–189 (=Idem. The Mongol World Empire. 1206–1370. L., 1977. № X) — английский перевод отрывка из сочинения Киракса Гандзакеши с исчерпывающим комментарием; Галстян А. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеармянского. М., 1962. С. 9, 104 (о выдаче монголам матери, жены и дочери Гийас ал-Дина); Abu al-Faraj. P. 459–460 (подробный рассказ о посольстве Хетума к хану Менгу и тайном его путешествии через Кайсери, Сивас и Эрзинджан, где он был узан на базаре); Ibn Bibi (Mukhtasar). P. 241; Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 302–308. О содержании интереснейшего договора между Хетумом и Менгу, сохранившегося в известном труде Хетума (Гайтона) Патмича, см.: d'Ohsson C. Histoire des Mongols depuis Tch'ingiz-Khan jusqu'à Timour Beg ou Tamerlan. La Haye et Amsterdam, 1834. Vol. 3. P. 313; Мирный С. М. «La flor des estoires de terres d'Orient» Гайтона, как историко-географический источник по истории монголов // Советское востоковедение. 1956. № 5. Наиболее авторитетный русский перевод текста договора см.: Галстян А. Армянские источники о монголах. С. 67–70. Об армянско-монгольских отношениях см. также: Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов.

¹²⁴ Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 326.

¹²⁵ Смбат Спарамет. С. 129–130; Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. С. 302; Галстян А. Армянские источники о монголах. С. 48, 64.

¹²⁶ Галстян А. Армянские источники о монголах. С. 68; Тер-Мкртчян Л. Х. Армянские источники. С. 74.

Закаряна, атабек Аваг, сын Иванэ Закаряна, князь Шамхора *ишхан* Ваграм с сыновьями Акбукой и Хасаном, которым, по словам Киракоса, были возвращены их владения, захваченные мусульманами¹²⁷. Иванэ Закарян отложился от царицы Русудан и признал монголов еще в 1235 г.¹²⁸

Вообще, следует отметить, что монголы на начальном этапе завоевания много мягче относились к христианам, чем к мусульманам. Армянские источники много писали об относительно мягком обращении монголов с христианами¹²⁹. Сирийский христианин Абу ал-Фарадж подчеркивал высокий авторитет христианских вельмож при дворе хана Гуюка, в правление которого возвысились народы, исповедующие христианство — «франки, русские, <...>, армяне»¹³⁰. Велика была роль христианства и при дворах иранских монголов вплоть до эпохи хана Газана (1295–1304). Так, к примеру, широко известны монеты ханов Абака (1265–1282) и Аргуна (1284–1291) с христианской формулой «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» (بسم الاب و الابن و الروح القدس) и изображением креста¹³¹. Абу ал-Фарадж отмечал благосклонность к христианам и ханов Абака и Ахмада Такудара (1282–1284)¹³².

Итак, мы имеем два типа отношений с монголами государств Передней Азии: сельджукский и грузинский с одной стороны, и армянский — с другой. Рум и Грузия поначалу сопротивлялись монголам, но потерпев поражение, искали защиту от мести Байджу у хана Бату. Однако это не оправдало их надежд, ввергло в гражданскую войну, смуту и двоецарствие. Киликийская Армения и армянские князья Великой Армении, напротив, признав Байджу сразу, не только убереглись от опустошительного нашествия, но и смогли отвоевать у сельджуков некоторые свои земли.

4. ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРЕКОВ В СИНОП

О взаимоотношениях Трапезундской империи с монголами в этот период источники сохранили лишь отрывочные свидетельства¹³³. В отли-

¹²⁷ Галстян А. Армянские источники о монголах. С. 15–16; Киракос Гандзакец. С. 164–165, 168; Limper B. Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus.

¹²⁸ Allen W. A History of the Georgian People. P. 113.

¹²⁹ Киракос Гандзакец. С. 174–175; Смбат Спарамет. С. 134, 144–145; Тер-Мкртчян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии. С. 74

¹³⁰ Abu al-Faraj. P. 450 (этноним в скобках не поддается прочтению).

¹³¹ Drouin M. E. Notice sur les monnaies mongoles // JA. 1896. T. VII. P. 514 (монеты хана Абака); Siouffi M. Notice sur le cachet du Sultan Mongol Oldjaitou Khodabendeh // JA. 1896. T. VIII. P. 334 (монеты хана Аргуна).

¹³² Abu al-Faraj. P. 505–506. О «христианских симпатиях» монголов см. также: Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов. С. 430–436 и далее.

¹³³ Сводку основных сведений о трапезундско-монгольских отношениях см.: Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 24ff; Janssens E. Trébizonde

em Ayo Sofre - Dula

Вероятно, что под этими «франками» и «ромеями/греками» могли подразумеваться как отряды Мануила I Великого Комнина, так и Иоанна III Ватаца, которые последний посылал сельджукам взамен богатых даров¹³⁸, ибо Ибн Биби в другом месте обобщенно называл их «ромейским вой-

¹³⁴ *Ibn Bibi (Mukhtasar)*. P. 238.

و ہم خبر آمد کہ تکور با سہ ہزار فرنگ می رسید

¹³⁵ См. также ниже.

¹⁸⁷ *Abu al-Faraj*. P. 440.

¹²⁸ Langdon J. S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. 65-66 note 103. По сообщению Мухаммада Хамави, никейско-сельджукский союз был заключен еще в 1231 г. в связи с первым появлением монголов в Анатолии (al-Hamawi. II, 213a-b).

ском» (لشكر روم)¹³⁹. Не исключено, что среди упоминаемых 3000 ромеев/франков были и латинские наемники на службе у сельджуков.

Таким образом, известно, что трапезундцы наряду с сельджуками (и в отличие от армян) попытались в 1243 г. остановить монголов силой оружия, но, как и их союзники, вкусили горечь поражения.

Как скоро трапезундцы подчинились монголам? Первое прямое указание на зависимость Великих Комнинов от монголов относится только к 1253 г.: Рубрук подтверждает, что трапезундский правитель признавал главенство монголов¹⁴⁰.

Другой намек (хотя и косвенный) на связь Великих Комнинов с монголами Ирана — известная попытка Мануила I заключить союз с королем Франции Людовиком IX Святым в преддверии трапезундской атаки на Синоп в 1253 г. Посол Мануила I к Людовику Святому привез богатые дары и просил руки какой-нибудь девушки из французского королевского дома для своего господина. Король, не выказав особого интереса к предложенному матримониальному союзу, посоветовал послу обратиться к латинскому императору Константинополя¹⁴¹.

Что могло натолкнуть Великого Комнина на столь неожиданную мысль о том, чтобы искать союзника так далеко от собственных владений? Вполне вероятно, что и трапезундцы были подвержены воздействию той же иллюзии в отношении монголов, которая охватила тогда лучшие умы христианского мира. С появлением монголов на Ближнем Востоке их выраженная антимусульманская политика, равно как и их христианские симпатии, породила в среде христиан (включая монофиситов-армян, православных и яковитов Сирии и Ближнего Востока) надежды на исторический реванш, на полное искоренение мусульманства. Не исключено, что и понтийские греки испытали те же надежды, зная о монголах и их симпатиях из первых рук.

Вероятно, в контексте именно этих надежд, разбуженных монголами, Мануила I могла заинтересовать фигура Людовика Святого, неустанного борца с мусульманством¹⁴². Не исключено, что Мануилом I владела та же

¹³⁹ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 239. О никейско-сельджукских отношениях в этот период и участии в битве отрядов, присланных никейцами, см.: *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток. С. 93–101; *Langdon J. S.* Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. P. 17–21.

¹⁴⁰ Русский перевод текста Гильома де Рубрука см.: Путешествия в восточные страны: *Джованни дель Плано Карпини.* «История Монголов»; *Гильом де Рубрук.* «Путешествие в восточные страны»; «Книга Марко Поло» / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М., 1997. С. 89.

¹⁴¹ *Joinville.* Histoire de Saint Louis. P., 1882. P. 249–250, 591–592; *Janssens E.* Trébizonde. P. 81.

¹⁴² О контактах самого Людовика Святого с монголами см., например: *Вернадский Г.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // SK. 1927. Т. 1. С. 74.

идея создания интернационального антимусульманского и антисельджукского фронта, объединяющего монголов и франков, которая, как будет показано в последующих главах, нередко посещала в конце XIV–XV вв. его потомков, трапезундских василевсов, пытавшихся найти интернациональный и интерконфессиональный противовес османской угрозе. Если это так, то ко времени отправки посольства Мануил I уже находился под покровительством монголов.

Во всяком случае, по предположению Э. Брайера, трапезундцы признали сюзеренитет монголов задолго до 1253 г., а именно сразу после битвы при Кёседаг, вероятно, уже к 1246 г., когда трапезундский император лично посетил ставку великого хана Гуюка¹⁴³. Это предположение выглядит весьма правдоподобным в связи с некоторыми общими соображениями.

Монголы были в высшей степени методичны и последовательны в своих завоеваниях. Они не прощали сопротивления даже малозначительному противнику, будучи готовы месяцами осаждать самые труднодоступные (пусть даже не очень важные со стратегической точки зрения) твердыни, громить непокорных несмотря на свои собственные потери. Эту особенность монгольского завоевания объясняют особой бескомпромиссностью их власти, ярко проявлявшейся на ранних этапах нашествия. Они стремились властвовать, не смешиваясь с покоренными, оставаясь над социумом. Покоренные народы за малым исключением продолжали рассматриваться ими как потенциальные враги, которые принуждены к повиновению. А потому монголы, мало заботясь о воспроизводстве традиционных форм жизни автохтонов, утверждали свою власть безусловным, бескомпромиссным их подавлением¹⁴⁴.

¹⁴³ Bryer A. The Fate of George Komnenos. P. 346; *Idem*. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // *Res Orientales*. T. VI [Itinéraires d'Orient. Hommages à Claude Cahen]. 1994. P. 257–261. Ср. со сходными рассуждениями М. Куршанскиса: *Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs*. P. 121 note 42.

Как показал М. Куршанскис, Мануил I Великий Комнин начал чеканку собственной серебряной монеты, по-видимому, преимущественно ради того, чтобы выплачивать дань монголам (*Kuršanskis M. The Coinage of the Grand Komnenos Manuel I* // *AP*. 1979. Vol. 35. P. 24–25).

Вообще, личное посещение вассальным государем ханской ставки рассматривалось монголами (в особенности на ранних этапах) как неотъемлемый элемент церемонии вхождения того или иного государя под их покровительство (*Allsen Th. Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkley, 1987. P. 70).

¹⁴⁴ См., например: *Allsen Th. Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands*. P. 45–76 (Chapter 3: Politics of Centralization), 77–115 (Chapter 4: The Tools of Centralization); *Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. Vol. 19. P. 304–389.

Кроме того, следует вспомнить и о географическом положении Трапезунда — столица Великих Комнинов лежал в трех-четыре днях пути верхом от Эрзинджана (или около 150 км напрямую)¹⁴⁵, покоренного Байджу незадолго до битвы при Кёседаге¹⁴⁶ и превращенного монголами в главные ворота Анатолии. Именно через Эрзинджан шли из ставки в Анатолию ханские распоряжения, карательные отряды и сборщики налогов. Верно, что Эрзинджан отделен от Трапезунда горами и труднодоступными перевалами, однако, как показывали события, для монголов горы никогда не были препятствием. Географическую близость Трапезунда к стратегическому для монголов региону следует иметь в виду при решении вопроса, как скоро Трапезунд был вовлечен в сферу монгольского влияния.

Очевидно, что император Мануил I не остался бы безнаказанным в случае отказа признать главенство монголов. Враждебность Трапезунда, кроме прочих обстоятельств, поставила бы под угрозу монгольские коммуникации в Анатолии, что было для них совершенно неприемлемым.

Таким образом, мы склонны поддержать гипотезу Э. Брайера — Мануил I признал власть монголов очень скоро после битвы при Кёседаге, вероятно, к 1246 г.

Однако, какую модель взаимоотношений с монголами избрал Мануил I Великий Комнин — «сельджукскую/грузинскую» или «армянскую»? На этот вопрос источники не дают прямого ответа, хотя по целому ряду отрывочных данных можно заключить, что понтийские греки пошли по пути киликийских армян.

Для последующих поколений понтийцев эпоха Мануила I представлялась чуть ли не золотым веком в истории Великих Комнинов: в конце XIV в. Панарет писал, что Мануил был «воинственнейший и удачливейший», «царствовал добро и богоугодно»¹⁴⁷. Исходя из приведенных слов

¹⁴⁵ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 284, 292, 313; *Aksarayi*. P. 68, 259. Клавихо в начале XV в. затратил семь дней, чтобы добраться из Трапезунда до Эрзинджана, однако он двигался осторожно, не торопясь; для конного войска этот путь мог бы занять вдвое меньше времени (*Клавихо Рюи Гонзалес. Дневник путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 / Текст, перев. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 123–131*).

¹⁴⁶ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 237.

¹⁴⁷ *Panaretos*. P. 61¹⁸–62¹. Однако довольно странным представляется то обстоятельство, что Михаил Панарет в той части своего труда, которая была посвящена эпохе монгольских завоеваний, так ни разу и не упомянул монголов/татар. Возможно, для ретроспективного взгляда Панарета, писавшего более чем через столетие после событий, явная зависимость понтийских Комнинов от монголов показалась слишком однозной, поэтому он предпочел вообще их не упоминать в связи с событиями тех лет.

Общую оценку царствования Мануила I см.: *Janssens E. Trébizonde*. P. 80; *Varzos K. Hoi treis gamoi kai ta tekna tou Manouel (I) Megalou Komnenou (1238–1263) autokratora tes Trapezountas // Byzantina. 1982. T. 11. P. 57–74.*

Панарета, можно предположить, что Мануилу I удалось избежать монгольского вторжения. Вместе с тем, столь оптимистическая оценка эпохи, в которую большая часть Азии и Восточной Европы была опустошена неисчислимыми жертвами и катастрофическими потрясениями, выглядит на первый взгляд парадоксальной. Однако это — только на первый взгляд. Сходную оценку этой эпохе в переднеазиатском регионе дают также и армянские источники, по преимуществу те, что происходили с территории Киликийской Армении, испытавшей даже определенный расцвет под владычеством монголов.

Существует еще одна параллель, сближающая судьбы понтийских греков и армян. Трапезунд, как и Киликийская Армения, не только не подвергся нашествию, но, более того, вернул себе некоторые территории, прежде захваченные сельджуками (вспомним об армяно-монгольском договоре, предполагавшем возвращение тех земель, «которые были захвачены сарацинами, и [те], которые подпали под власть татар»). 24 июня 1254 г., судя по лаконичной приписке в Суроожском синаксаре¹⁴⁸, Мануил I отвоевывает у сельджуков Синоп, потерянный греками в 1228 г. (см. выше). Действительно, несмотря на недостаток сведений в источниках, очевидно, что Мануил I представлял собою крупную фигуру, знаменитую своими постройками в Трапезунде (т. е. благоустройством империи), а также этой одной из самых замечательных побед греческого оружия на Понте в эпоху Великих Комнинов.

Как справедливо отмечала Э. Захариаду, политическую подоплеку захвата Синопа понтийскими греками следует искать не в трапезундско-сельджукских отношениях, а скорее в трапезундско-монгольских¹⁴⁹. Анатолия уже давно находилась в сфере влияния монголов (как золотоордынских, так и иранских). Монголы же ревностно следили за тем, чтобы любые кардинальные изменения в местной жизни (даже назначения на ключевые государственные должности) происходили только с их санкции, как правило, оформлявшейся в виде *ярлыка* — жалованной грамоты, письменного указа¹⁵⁰.

Синоп в это время находился под управлением командующего сельджукскими морскими силами [*ра'ис ал-бахр*] Шуджа' ал-Дина 'Абд ал-Рахмана: приняв участие в 1253 г. в уже упоминавшемся сельджук-

¹⁴⁸ Nystazopoulou M. G. He en te Taurike Chersoneso polis Sougdaia. Athena, 1965. P. 120; Nystazopoulou M. G. La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254–1265) // REB. 1964. T. XXII. P. 241–249; Kurşanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 121–122.

¹⁴⁹ Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352–1402) // AP. 1979. T. 35. P. 334 note 3 (Eadem. Romania and the Turks (c. 1300–c. 1500). Variorum Reprints. L., 1985. № III).

¹⁵⁰ Allsen Th. Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands. P. 70; Taeschner F. The Turks and the Byzantine Empire to the End of the 13th Century // Cambridge Medieval History. Cambridge, 1966. T. IV. P. 749.

ском посольстве, он получил от хана Бату *ярлык*, который санкционировал назначение его также и «наместником», *на'ибом* Румского султана. По сообщению Ибн Биби, возвратившись от хана Бату, он отправился в свою вотчину — в Синоп¹⁵¹. Таким образом, можно заключить, что порт находился под покровительством золотоордынцев.

Судя по тому, что Трапезундская империя расширила свои владения, Великие Комнины избрали ту же стратегическую линию, что и киликийские армяне. И это вполне объяснимо — если сельджуки, соперники Трапезунда, нашли покровительство у хана Бату, то Великим Комнинам ничего не оставалось как опереться на иранских монголов и великого хана.

По-видимому, Мануил I в 1254 г. воспользовался попытками Байджу нивелировать роль хана Бату в Сельджукском султанате. Захват Синопа греками, скорее всего, был поддержан иранскими монголами, будучи, таким образом, очередным актом в соперничестве между двумя монгольскими центрами власти. Отметим, что именно к этому времени относится отправление трех царственных братьев 'Изз ал-Дина, Руки ал-Дина и 'Ала ал-Дина к хану Бату, которое, по словам Аксарайи, в частности, было связано с некими «интригами [*mufāsīd*] Байджу»¹⁵². Глухой намек Аксарайи (отметим — единственный во всей сельджукской историографии, который можно было бы привязать к событиям 1254 г.), вероятно, и подразумевал покровительство Байджу, которое он в той или иной форме проявил по отношению к акции Мануила I.

Итак, мы полагаем, что именно «проиранская» ориентация Мануила I позволила ему вернуть потерянный Синоп.

В последующее после отвоевания Синопа десятилетие произошли некие, но совсем ясные изменения в трапезундско-монгольских отношениях, ввергнувшие государство понтийских Комнинов в долгий период внутренней смуты и внешнеполитических (как военных, так и дипломатических) неудач. Несчастья для понтийцев начались в царствование Андроника II (1263–1266), старшего сына Мануила I, с потери Синопа в конце 1265 или в начале 1266 г.

Му'ин ал-Дин Сулайман Парвана, всевластный *визир* и фактический правитель Румского султаната отнял город у трапезундского наместника (*архонта*?) в Синопе, о котором мы знаем только то, что он происходил из некогда знаменитого рода понтийских Гавров и погиб после взятия города тюрками¹⁵³. О походе Му'ин ал-Дина Парвана сообщает три сельджукских персоязычных сочинения — Ибн Биби, Аксарайи и анонимный

¹⁵¹ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 271–272. О Шуджа' ал-Дине 'Абд ал-Рахмане см.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 342. Об институте *на'ибов* см.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 221.

¹⁵² *Aksarayi*. P. 38. См. также выше.

¹⁵³ Об этом Гавре, *архонте* в Синопе, см.: *Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979–c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal*. Vol. 12. 1970. P. 181 note 15 (= *idem*. *The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series*. L., 1980. № IIIa).

автор «Тарих-и Ал-и Салджук», а также арабо-язычный сирийский автор Ибн Шаддад¹⁵⁴. Современником событий являлся только Ибн Биби, остальные авторы писали свои сочинения уже в XIV столетии. Отрывок из сочинения Ибн Шаддада был издан Кл. Каэном и лег в основу базовой статьи М. Нистазопулу о судьбе Синопа в 1254–1265 гг.

По сообщению Ибн Шаддада, сельджуки во главе с Му'ин ал-Дином Парвана отняли город у Гавра (*Ghadrās*) после сухопутного сражения. По данным Аксарайи, сухопутную осаду вело конное войско, набранное в области Данишмандийа, а на помощь синопцам император Мануил I (малик Джанита) прислал большой отряд «франков». Аксарайи в общих чертах подтверждает сообщение Ибн Шаддада, добавляя, что победа над греками стала возможной только после того, как турки сожгли корабли в порту Синопа и замкнули таким образом кольцо осады; греческого наместника в Синопе, павшего в бою, он называет Гидоном (غيدان, от греч. Γίδων)¹⁵⁵. Если анонимный «Тарих» не добавляет ничего нового, то в рассказе Ибн Биби содержится несколько интересных деталей. Он пишет:

«Му'ин ал-Дин Паравана» отправился к Его Величеству (т. е. к иранскому Ильхану. — Р. Ш.) и получил царственный ярлык на владение из рук Трапезундца и захват синопской земли (*mulk-i Sīnāb*), которая попала обманом к нему во время междоусобицы в [Румском] государстве и султанате. Повел [он] войска и в течение двух лет был занят осадой [города]. Когда он овладел синопской землей, то просил ее у Султанского Величества в свое владение. Поскольку ни при каких обстоятельствах, кроме как при возглашении «шахады», из уст султана Рукн ал-Дина не исходило слово «нет», сразу [желание его] исполнилось»¹⁵⁶.

Прежде всего, из приведенного отрывка следует, что Му'ин ал-Дин Парвана получил ярлык от Ильханов именно на отвоевание Синопа у

¹⁵⁴ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 299; *Duda H.* Op. cit. S. 285–286; *Ibn Bibi*. El-Evamirü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / *Onsöz ve fihristi hazırlıyan A. S. Erz.* Ankara, 1956 (далее — *Ibn Bibi* (Ankara)). P. 643; *Histoire des Seldjoukides* (Ankara, 1952). P. 55; *Tarix-e ale Saljuq*. P. 99–100; *Aksarayi*. P. 83. *İşiltan F.* Op. cit. S. 60–62; *Cahen Cl.* Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // *Byzantion*. 1939. T. 14. P. 138; *Idem*. *Pre-Ottoman Turkey*. P. 284; *Kursanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs... P. 121–122; *Nystazopoulou M. G.* La dernière reconquête de Sinope.

¹⁵⁵ *Aksarayi*. P. 83. Возможно, ошибка Аксарайи связана с тем, что имя «Гидон», по всей видимости, устойчиво ассоциировалось с понтийскими греками, превратившись в нарицательное именование трапезундских василевсов — так, «Гидоном» именуется император Мануил I Рубрук (*Janssens E.* Trébizonde... P. 71).

¹⁵⁶ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 643; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 299; *Duda H.* Op. cit. S. 285–286. *Шахада* — широко известный мусульманский символ веры «Нет [иного] бога, кроме [единого] Бога, Мухаммад — пророк Его», который начинается с «Нет» (*la*), что автор и обыграл в данном пассаже.

греков, но не владение им. Также и Ибн Шаддад упоминал, что Му'ин ал-Дин Парвана, прежде чем начать осаду, предъявил Гавру ханский *ярлык* и потребовал сдать город¹⁵⁷. Можно поэтому думать, что, скорее всего, также и трапезундцы захватили Синоп в 1254 г. и владели им более чем десятилетие на основании санкции монголов, а именно их *ярлыка*¹⁵⁸. Однако на этот раз греки игнорировали повеление, исходящее от владыки иранских монголов.

М. Нистазопулу, следуя рассказу арабского историка Ибн Шаддада (XIV в.), считает, что этот *ярлык* был выдан ханом Абака (1265–1282), восшедшим на престол в июне 1265 г.¹⁵⁹, а сама осада, следовательно, продолжалась не долго — несколько недель. Однако, как нам представляется, *ярлык* был выдан Му'ин ал-Дину Парвана ранее.

Так заставляют думать два обстоятельства. Во-первых, по словам Ибн Биби (единственного историка, являвшегося современником событий), осада Синопа сельджуками длилась целых два года. Это подтверждает и Аксарайи, утверждая, что Гавр «долгое время сопротивлялся»¹⁶⁰.

Во-вторых, судя по тексту Рашид ал-Дина, основного источника по царствованию Хулагу и Абака, какие-то пожалования были сделаны Парвана осенью 1264 г. еще ханом Хулагу, для 1265 же года о присутствии Парвана в ставке Абака не упоминается, но говорится, что Абака подтвердил распоряжения Хулагу¹⁶¹. По-видимому, Парвана получил *ярлык* на взятие Синопа еще от Хулагу и начал в конце 1264 г. осаду Синопа. Возможно, Парвана подтверждал свои права на Синоп в ставке Абака летом 1265 г., как об этом сообщил Ибн Шаддад. Тогда становится ясным и утверждение Ибн Биби о двухлетней осаде Синопа: в конце 662 г. (осень 1264 г.) она была начата, в начале 664 г. (зима 1265/66 г.) Синоп был взят.

Что касается датировки М. Нистазопулу — осень 1265 г., то как видно, такая точность в данном случае вряд ли оправдана. Источники датируют событие временем «перед смертью султана Рукн ал-Дина», т. е. *terminus ante quem* для этого события — февраль 1266 г. Поэтому, мы предпочли бы иную датировку, хотя и более расплывчатую, но в большей степени отвечающую данным источников — конец 1265 — февраль 1266 гг.

Как бы то ни было, задача тюркам санкции на захват Синопа свидетельствовала о глубоком кризисе во взаимоотношениях между Ильханами и Великими Комнинами. К середине 1260-х гг. трапезундцы лишились покровительства иранских монголов, своих давних патронов.

¹⁵⁷ Cahen Cl. Quelques textes négligés. P. 138.

¹⁵⁸ Так склонен думать и М. Куршанскис: *Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs*. P. 121.

¹⁵⁹ Nystazopoulou M. G. La dernière reconquête de Sinope. P. 248–249.

¹⁶⁰ Aksarayi. P. 83.

¹⁶¹ Ibn Bibi. Ibid.; Рашид ад-Дин. Джаме' ат-таварих. Т. III / Критический текст А. А. Ализаде, перев. А. К. Арендса. Баку, 1957. С. 91 (62), 102 (67), 199 (155) (далее — Рашид ад-Дин (Баку)); Spuler B. Op. cit. S. 66–67.

5. МОНГОЛЫ И МАМЛЮКИ

Когда же наступил кризис между монголами и Великими Комнинами, приведший к падению Синопа? Современная историография на этот вопрос ответа не дает. Вместе с тем, очевидно, что это произошло после смерти Мануила I и резкого изменения во внешнеполитическом курсе империи. Так, для более позднего времени — эпохи правления Георгия (1266–1280), младшего брата Андроника II, — напряженность в трапезундско-монгольских отношениях не вызывает сомнений. Как показали исследования Э. Брайера и М. Куршанскиса, в эпоху Георгия с 1266 и в 70-е гг. XIII в. трапезундцы оказались в оппозиции обширному и могущественному альянсу между папством, Палеологовской Византией, монгольским Ираном и западно-грузинским царством в Имерети. Базой этого альянса являлась антимамлюкская направленность политики главных ее участников — Ильханов и папства¹⁶². К этой схеме следует добавить, что и Сельджукский султанат оказался на стороне антимамлюкского альянса.

Иранские монголы враждовали с мамлюками Египта со времени знаменитой битвы при 'Айн Джалут в Палестине в 1260 г., когда малочисленный корпус мамлюков разгромил огромную армию хана Хулагу¹⁶³. Разгром при 'Айн Джалут — это первое столь масштабное поражение, которое монголы потерпели в Передней Азии, развеявшее глубоко укоренившиеся среди автохтонов представления о непобедимости монголов¹⁶⁴. Начиная с 1260 г., Сирия, а затем и Анатолия превращаются в арену яростной борьбы между монголами и мамлюками. В то же время, антимамлюкский союз между каракорумскими и иранскими монголами и папством, намечавшийся еще в 1240–1250-х гг., после водворения в Иране Ильханов и их поражения от мамлюков, обрел вполне реальные черты. Остальные участники альянса, как-то Палеологовская Византия, Имерети, а также не упомянутый Э. Брайером Румский султанат поддержали иранских монголов и папство в силу политической конъюнктуры и преследуя собственные менее масштабные задачи¹⁶⁴.

¹⁶² Bryer A. The Fate of George Komnenos. P. 332–350 and esp. 342–343; Kuršanskis M. The Coinage of the Grand Komnenos Manuel I. P. 22–35; *Idem*. L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 123. См. также: Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов.

¹⁶³ Об этом сражении см.: Smith J. M. 'Ayn Jalūt: Mamluk success or Mongol Failure? // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1984. Т. 44/2. P. 307–346; Morgan D. O. The Mongols and the Eastern Mediterranean // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1202 / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. L., 1989. P. 202–203; Schütz E. The Decisive Motives of Tatar Failure in the Ilkhanid-Mamluk Fights in the Holy Land // AO. 1991. Т. XLV/1. P. 3–22.

¹⁶⁴ Подробнее см.: Вернадский Г. Золотая Орда, Египет и Византия. С. 61–88; Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках //

Охлаждение отношений между Ильханами и Великими Комнинами выглядит вполне логичным в силу глубоких противоречий между трапезундцами с одной стороны и Сельджукидами, Палеологами и папством — с другой. После того, как иранские монголы установили полный контроль над Румским султанатом (конец 1250-х гг.) и заключили союз с Византией¹⁶⁵, Великие Комнины, обладавшие много меньшим потенциалом, нежели их туркские и константинопольские соперники, оказались в роли «разменной монеты» в крупной дипломатической игре Ильханов.

Еще Я. Фальмерайер предположил, что после 1265 г. главенство Ильханов над Трапезундом прекратилось¹⁶⁶. Конечно, вряд ли Трапезунд в одностороннем порядке решил бы прекратить свои отношения с Ильханами, однако разлад между обоими субъектами политической игры — очевиден.

Перед лицом столь могущественной коалиции мамлюки, в свою очередь, развивают бурную дипломатическую деятельность, пытаясь скоординировать действия с основным соперником иранских монголов на севере — Золотой Ордой¹⁶⁷. С 1261/1262 г. хан Берке (1257–1267), младший брат Бату, находился в состоянии войны с Ильханами. В 1277 г. мамлюки перенесли военные действия на территорию Анатолии. Одновременно, они пытались заручиться поддержкой анатолийских и сирийских правителей, зависящих от Ильханов и готовых воспользоваться первой возможностью, чтобы ослабить на себе узду монголов. Му'ин ал-Дин Парвана, завоеватель Синопа, еще в 1275 г. вступил с мамлюками в

ВВ. 1926. Т. 24. С. 1–16; *Лебедев Н.* Византия и монголы в XIII в. (По известиям Георгия Пахимера) // ИЖ. 1944. Кн. 1. С. 91–94; *Pelliot P.* Les mongols et la papauté. P., 1923; *Rachewiltz J. de.* Papal Envoys to the Great Khans. L., 1971; *Morgan D. O.* The Mongols and the Eastern Mediterranean. P. 204–205; *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255 // Byzantion. 1940–41. Т. 15. P. 378–413; *Savvides A. G. C.* Byzantium's Oriental Front in the First Part of the 13th Century // Diptycha. 1982–83. Т. 3. P. 160–175. *Geanakoplos D. J.* Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282. Cambridge, 1959. P. 288–289. Новейший обобщающий очерк связей между монголами и Западной Европой, снабженный обширной библиографией, см.: *Schmieder F.* Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abenlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994. S. 73–197 (III. Abendländische Mongolenpolitik vom 13. bis ins 15. Jahrhundert), особенно S. 90–117.

¹⁶⁵ *Bryer A.* The Fate of George Komnenos. P. 341–342.

¹⁶⁶ *Fallmerayer J.* Geschichte. S. 121–124, 153. Cf.: *Bryer A.* The Fate of George Komnenos. P. 346.

¹⁶⁷ *Morgan D. O.* The Mongols and the Eastern Mediterranean. P. 203–204; *Вернадский Г.* Золотая Орда, Египет и Византия. С. 77–79; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 34–97. См. также: *Sivan E.* L'Islam et la croisade: idéologie et propagande dans les réactions musulmanes aux croisades. P., 1968. P. 164–189.

тайную переписку, а в 1277 г. Ильханы его разоблачили и казнили за сношения с Египтом¹⁶⁸.

Какую позицию в соперничестве между иранскими монголами и мамлюками заняли трапезундцы, отвергнутые Ильханами, своими прежними патронами? Ответить на этот вопрос поможет чрезвычайно интересный источник, в силу своей сложности до сих пор не находивший адекватного толкования в современной историографии, к рассмотрению которого мы и перейдем.

6. ПИСЬМО МАМЛЮКСКОГО СУЛТАНА К «ЦАРЮ СИНОПА»

В труде мамлюкского писца Абу ал-^аАббаса Ахмада Калкашанди (ум. в 1418 г.) «Субх ал-^аша' фи катабат ал-инша'»¹⁶⁹ («Рассвет в ночи при составлении писем»), посвященном искусству составления официальных посланий каирского двора, содержится обширный раздел правил переписки султанской канцелярии с христианскими государями, включающий в себя как формуляры писем, так и ряд оригинальных образчиков переписки. Причем, что важно, ал-Калкашанди учитывал данные своих предшественников XIII–XIV вв., что значительно расширяет временные рамки его труда как исторического источника, содержащего зачастую уникальные сведения по предыдущим эпохам.

Сведения каирского писца о дипломатических отношениях между мамлюками Египта и христианским миром неоднократно привлекали внимание исследователей. Для исследователей христианско-мусульманских отношений труд ал-Калкашанди был открыт работой известного исламоведа Г. Ламменса, опубликовавшего французский перевод упомянутого раздела еще в 1904 г. Однако перевод Г. Ламменса не всегда точен, а в ряде случаев наиболее трудные для понимания места (отдельные слова, а зачастую и целые фразы) переводчиком были просто опущены¹⁷⁰.

В центре внимания настоящего исследования стоит один из приведенных у ал-Калкашанди формуляров, который, как я постараюсь показать, является уникальным источником по истории Великих Комнинов во

¹⁶⁸ Наиболее подробный и достоверный отчет о связях Парвана с Египтом см.: *Ibn Furat. The History of Ibn Furat* / Ed. by C. K. Zurayk. Beirut, 1939. Т. 8. Р. 42–43, 67–68, 99–100. См. также: *Рашид ад-Дин* (Баку). С. 89; *Kursanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs*. P. 123.

¹⁶⁹ *Shaykh Abū al-^аAbbās Ahmad al-Qalqashandī. Kitāb siubh al-^аsha' fi katabat al-inshā'. al-Qāhira, 1915. Т. VIII. P. 25ff (далее — *Abu al-^аAbbās Ahmad al-Qalqashandi. Kitab*). Подробное исследование этого труда см.: *Björkman N. Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im Islamischen Ägypten. Hamburg, 1928. S. 73–86.**

¹⁷⁰ *Lammens H. Correspondances diplomatiques entre les Sultans Mamlouks d'Égypte et les puissances chrétiennes // ROC. 1904. Vol. 9/2. P. 151–187.*

второй половине XIII в. — весьма сложный для их внешней политики момент, к тому же чрезвычайно скупо освещенный дошедшими до нас источниками. Я имею в виду отрывок, посвященный некоему «господину [ṣāḥib] Синопа, что на побережье страны Рум»¹⁷¹, который состоит из формуляра писем и кратких к нему комментариев.

В качестве своего источника ал-Калкашанди называет письмовник «ал-Ṭaʿrif bi al-mustalah al-sharīf» («Наставление в благородном словоупотреблении»), составленный в 1340 г. известным мамалюкским писцом и географом Ибн Фадл-Аллахом ал-ʿУмари (1301–1348). Это сочинение ал-ʿУмари опубликовано в издании конца прошлого века, которое малодоступно и потому малоизвестно исследователям¹⁷². Однако текст ал-ʿУмари, как читатель увидит ниже, в некоторых случаях является более подробным, поэтому он с необходимостью должен учитываться при обращении к письмовнику ал-Калкашанди.

Отрывок о «господине Синопа» в редакции ал-Калкашанди был переведен в упоминавшейся работе Г. Ламменса, однако, в силу возникающих сложностей при его переводе и комментировании, с тех пор он так и не становился предметом должного анализа. Лишь в 1975 г. Н. Икономидис, не углубляясь в анализ формуляра и его датировку, отождествил упомянутого в отрывке из сочинения ал-Калкашанди «господин Синопа» с кем-либо из понтийских Великих Комнинов¹⁷³. В одной из наших работ формуляр был датирован временами между 1254 и 1265/66 г., а также был сделан ряд других предварительных замечаний¹⁷⁴.

Тем не менее, давно назрел более обстоятельный анализ отрывка. В первую очередь следует ввести в научный оборот его первоисточник — упомянутую версию ал-ʿУмари, содержащую более полный вариант формуляра, на который, как мы покажем, и следует опираться в будущем.

¹⁷¹ *Abu al-ʿAbbas Ahmad al-Qalqashandi*. Kitab T. VIII. P. 48–49; *Lammens H.* Correspondances diplomatiques. P. 179–180.

¹⁷² *Ibn Faḍl-Allāh al-ʿUmarī*. Al-Ṭaʿrīf bi al-mustalah al-sharīf. Qāhira, 1312 (1894/5) (далее — *Ibn Faḍl-Allāh al-ʿUmarī*. Al-Ṭaʿrīf). Ал-ʿУмари — автор известного географического труда «Масāлик ал-абсар» (*Al-Umaris Bericht über Anatolien in seinem Werke «Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar»* / Zum ersten Male herausg. von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929; далее — *Masalik al-Ab-sar fi Mamalik al-Amsar*). Об этом авторе и его трудах см.: *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Literatur. Weimar, 1898. Bd. 2. S. 141; Suppl. Bd. 2 (Leiden, 1938) S. 175–176; *Lammens H.* Op. cit. P. 154; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов. Т. 1. С. 207ff.

¹⁷³ *Oikonomides N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // *AP*. 1979. T. 35. P. 322 note 2; P. 326.

¹⁷⁴ *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // *MHR*. 1994. 9/1. P. 20–22 (см. также первоначальный русский вариант работы: *Шукуров Р.* Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. // *Причерноморье в середине века*. Вып. 1 / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991. С. 217–218.)

Вместе с тем, необходимо сделать существенные поправки в переводе Г. Ламменса, который, в частности, опустил значимую для понимания и интерпретации часть формуляра. Наконец, ниже будет предпринята попытка ввести уникальные, — хотя, как мы увидим, и достаточно сложные для интерпретации, — данные ал-Умари в контекст понтийской истории второй половины XIII в. Однако, прежде всего, следует начать со сличения и перевода текстов обоих мамлюкских авторов.

7. РЕДАКЦИИ АЛ-УМАРИ И АЛ-КАЛКАШАНДИ

Итак, начнем с более ранней версии ал-Умари. Здесь и ниже в цитатах из версии ал-Умари надстрочными ^[4] выделены отсутствующие у ал-Калкашанди элементы.

sup>

Царь Синопа, "произносится через «син» и «сад», а это" город на побережье Константинопольского пролива, и государь его — ромей из древнего царского дома, "родственный" властителю Константинополя, и говорят, что отец его по происхождению властитель отцов своих, его царство велико, количество [подданных] многочисленно, а между ним и эмирами турков — войны, в большинстве из них [он] терпит поражение.

Формуляр корреспонденции к нему такой же, как к владельцу Сиса. "Молитвы", приличествующие ему:

«Да избавит [Бог] от зла приходящего, да успокоит его душу на севере благоухающим ветром, дующим с юга, да убережет его от недоброго дела, которое повлечет за собою раскаяние, и разъяснит то, что принесет несчастье Синопу. "Да будет [Бог] милостив к нему во владении богатством, и наставит его в отвращении ущерба надеждам, и сделает ему покорной группу южан, если назначит предопределение, чтобы стала [она], как северяне»¹⁷⁵.

¹⁷⁵ *Ibn Fadl-Allah al-Umari. Al-Ta'rif. P. 58.* В арабском тексте сохранена пунктуация каирского издания, очевидные описки или ошибочные прочтения издателя (последние даны в круглых скобках с пометой «U») исправлены по изданию ал-Калкашанди:

ملك سنوب
و يقال بالسين و الصاد و هي بلد على ضفة الخليج القسطنطيني و ملكها رومي من بيت الملك القديم "يقرب الي" صاحب القسطنطينيه و يقال ان اباه (اياه U) اعرق من اياهه في السلطان و ليس ملكه بكبير و لا عدده بكثير و بينه و بين امراء الاتراك حروب يكون في اكثرها المغلوب و رسم المكاتبه اليه مثل ممتلك سيس
"دعية" تليق به
و كناه شر ماينوب و روح خاطره في الشمال برياً مايبه من الجنوب و وقاه سو. فعل
يوث الندم و اول مايقرع السن سنوب (شنوب U). "و احسن له في الولا. المال و حقق
له في دفع البلاد الامال و جعله بالطاعة من حزب اهل اليمن اذا قضت الاقدار ان يكون
من اهل الشمال"

В нижеследующем отрывке из труда ал-Калкашанди надстрочными [9] выделены места, отсутствующие в версии ал-Умари или отличающиеся от нее словесным выражением.

«Письма к господину Синопа, [находящегося] на побережье страны Рум, [написанные] до того как был он покорён и захвачен туркменами. Говорится в Та'риф⁹: это [город] на побережье Константинопольского пролива, и царь его — ромей из древнего царского дома, родственник⁹ властителя Константинополя. Говорится [также]⁹ и говорят, что отец его по происхождению властитель отцов своих. Говорится [также]: однако⁹ его царство невелико, количество [подданных] немногочисленно, а между ним и эмирами тюрок происходят⁹ войны, в большинстве из них [он] терпит поражение, и упоминается также, что⁹ формуляр корреспонденции к нему такой же, как к владельцу Сиса, а он [таков], как было сказано о письмах к властителю Сиса⁹:

«Изошло это письмо к его величеству царю, великому, храброму, отважному, доблестному, витязю, льву, богатырю — имярек, — славе христианской веры, спасению христианского народа, столпу людей крещеных, другу царей и султанов⁹. //

«Эта молитва⁹ приличествует ему, упоминается она в Та'риф⁹»:

«Да избавит [Бог] от зла приходящего, да успокоит его душу на севере благоухающим ветром, дующим с юга, да уберет его от недоброго дела, которое повлечет за собою раскаяние, и разъяснит то, что принесет несчастье Синопу⁹»¹⁷⁶.

Как хорошо видно, варианты текста отличаются: 1) добавлением в версии ал-Калкашанди сведений о некоем покорении Синопа туркменами, 2) несущественными редакторскими добавками ал-Калкашанди (как то, «говорится», «упоминается в Та'риф⁹» [*qāla, dhakara-hu fī al-ta'rif*] и т. д.), 3) отсутствием у ал-Умари фразы «Изошло это письмо [*šadarat hadhihi al-mukātibat*]...» и далее, и, наконец, 4) отсутствием у ал-Калкашанди значимой заключительной фразы «Да будет милостив к нему [*wa aḥsana lahu*]...» и далее.

¹⁷⁶ Abu al-*Abbas Ahmad al-Qalqashandi*. Kitab. T. VIII. P. 48–49. Пунктуация издателя текста сохранена.

⁹المكاتبة إلى صاحب سنوب، من سواحل بلاد الروم، قبل أن تفتح و يستولى عليها التركمان. قال في «التعريف»⁹ و هي على ضفة الخليج القسطنطيني و ملكها رومي من بيت الملك القديم، من اقارب⁹ صاحب القسطنطينية. قال⁹ و يقال ان اباه اعرق من ابائه في السلطان. قال⁹ ولكن ليس ملكه كبير و لا عدده بكثير، و يكون بينه و بين امراء الاتراك حروب، يكون في اكثرها المغلوب و يذكر ان⁹ رسم المكاتبه اليه مثل متملك سيس⁹ فتكون على ما ذكره في مكاتبه متملك سيس⁹;

صدرت هذه المكاتبه الى حضرة الملك، الجليل، البطل، الباسل، الهمام، السميع، الخضرغام، الفخنفتر، فلان، فخر العملة المسيحية، نذر الامة النصرانية، عماد بني المعمودية، صديق الملوك و السلاطين⁹ //

و هنا دعاء⁹ يليق به، ذكره في «التعريف»⁹ :

و كفاه شر مايتوب، وروح خاطره في الشمال برها مايبه من الجنوب، ورفاه سو، فعل يورث الندم و اول مايقترع السن سنوب.

Относительно первого отличия есть основания полагать, что эти сведения ал-Калкашанди так же заимствовал у ал-Умари, однако из более полной, не дошедшей до нас версии письмовника, ибо в другом разделе труда ал-Калкашанди, где он повторяет ту же информацию, обнаруживается прямая ссылка на ал-Умари: «Синоп — [взято] из *Ta'rif*: упоминается его властитель в числе царей неверных, и как будто это было до того, как завоевали его»¹⁷⁷. Не исключено, что ал-Калкашанди в первой фразе отрывка донес до нас более полную версию текста ал-Умари, нежели мы сейчас имеем в своем распоряжении.

Добавка в тексте ал-Калкашанди клаузулы «Изошло это письмо...» не столь существенна: версия ал-Умари в данном случае более «экономична» — она просто отсылает выше, к разделу, посвященному переписке с армянскими царями (*taḥfūr*), где эта клаузула уже воспроизводилась.¹⁷⁸

Таким образом, последнее отличие — отсутствие у ал-Калкашанди заключительного «Да будет милостив к нему...», — представляется наиболее значительным. Ал-Калкашанди, по-видимому, не внося существенной дополнительной информации, посчитал нужным сократить текст ал-Умари, отбросив заключительную его клаузулу.

В тексте можно выделить два главных элемента: сам формуляр писем к «Господину Синопа», а также предшествующий ему исторический комментарий. Исторический комментарий будет обсужден позже, сейчас же обратимся к более подробному рассмотрению формуляра.

8. ФОРМУЛЯР

Формуляр писем мамлюкской канцелярии, наряду со стандартными клаузулами, как то *басмалла* (или *бисмилла* = *invocatio*), основным текстом (= *narratio*), датой (*ta'riḥ* = *datum*), содержал в себе и ряд специфических формул, вид которых зависел от ранга адресата в дипломатическом протоколе каирского двора. В соответствии с достоинством адресата избирались строго определенные формы фиксации имени султана-отправителя (*al-ʿalāmat al-sharīf* или *al-khaṭṭ al-sharīf* = *intitulatio*), формула обращения к адресату (*rasm al-mukātaba*, букв. «порядок переписки», или же в данном контексте, скорее, «порядок письменного обращения», = *inscriptio*), а после основного текста — те или иные клаузулы этикетных молитв за адресата и благопожеланий ему (*duʿā*).

Как подчеркивалось в письмовниках, в корреспонденции к христианским государям ни в коем случае не должна присутствовать собствен-

¹⁷⁷ Abu al-ʿAbbas Ahmad al-Qalqashandi. Kitab. T. V. P. 349:

في ذكر صاحبها في جملة ملوك الكفر. و كان ذلك كان قبل أن تفتح
¹⁷⁸ Ibn Fadl-Allah al-ʿUmari. Al-Taʿrif. P. 57:
 صدرت هذه المكاتبة الى حضرة الملك الجليل البطل الباسل الهمام السعيد الضرماع
 الفخشنفر (ليغون U) بن اوشين (فلان) فخر الملل (الملك) (вместо
 المسيحية ذكر الامة النصرانية عماد بنى المعمودية صديق الملوك و السلاطين

норучная султанская роспись. По дворцовому этикету, собственноручная султанская роспись могла присутствовать только в письмах к мусульманским правителям. В переписке с христианами «царский знак» или «роспись» заменялись формулой «От величайшего султана *имярек*, мудрого, справедливого, подвижника, охранителя...» и т. д., начертанной писцом над *басмаллой*¹⁷⁹.

Вариации в формулярах отразили существовавшую в каирском дворцовом протоколе иерархию христианских светских государей и высших церковных владык (римских пап, православных, монофизитских, несторианских и иных патриархов). Следует отметить, что именно формула обращения (=inscriptio) несла на себе значительную часть знаковой нагрузки, будучи своего рода опознавательной меткой статуса адресата. Причем, от ранга адресата зависела пышность и число эпитетов, к нему обращенных.

Судя по письмовникам ал-Умари и ал-Калкашанди, ранг константинопольского василевса (в мамлюкской терминологии — «царь» *malik*, прямое соответствие виз. βασιλεὺς) был наивысшим — он именован 31 эпитетом, больше половины из которых были сложными определениями, состоявшие из двух и более слов¹⁸⁰. Следующими по рангу следовали цари Грузии (12 эпитетов, из которых 5 сложные) и киликийские армянские цари (11 эпитетов, из которых 4 сложных).

Как видно, константинопольские василевсы совершенно недвусмысленно «вознесены» по своему месту в протоколе над грузинским и армянским государями. Однако признавалось ли наличие такого же иерархического соотношения между грузинским и армянским царями — сказать трудно. Если такая разница и существовала, то она вряд ли была существенной. Хотя *inscriptio* в письмах к грузинам на один эпитет длиннее, однако именно формулы обращения к армянскому царю превратились в некую стандартную модель для формуляров к другим христианским государям.

С формуляром письма тесно был связан размер бумаги, на котором оно писалось. Так, к государям Грузии и Армении следовало писать на бумаге форматом в половину стандартного «багдадского» листа. Относительно бумаги для писем к константинопольским василевсам ал-Умари не пишет ничего, а ал-Калкашанди скрупулезно фиксирует это умолчание: «в [ал-Та'рийф] не упоминается размер листа [*qat' al-waraq*], на котором ему [следует] писать»¹⁸¹. Поэтому не исключено, что в Константинополь могли писать и на «целом багдадском» листе бумаги¹⁸².

Теперь о том, что касается рассматриваемого формуляра писем к «господину Синопа». Он фиксировал принадлежность *царя/сахиба* Синопа к

¹⁷⁹ *Abu al-Abbās Ahmad al-Qalqashandī*. Kitāb. T. VIII. P. 25.

¹⁸⁰ *Ibid.* P. 44.

¹⁸¹ *Ibid.*

¹⁸² О мамлюкской канцелярии см.: *Björkman N.* Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im Islamischen Ägypten...; *Закуров С.* Дипломатические отношения, С. 98–143 и в особенности с. 120–136.

третьему (второму? см. выше) разряду христианских государей, следовательно письмо на его основе должно было писаться на половинном формате листа. Если приведенный у ал-Умари и ал-Калкашанди формуляр распределить по клаузулам, то он предстанет в следующем виде:

Субститут <i>al-khaṣṣ al-sharīf</i> (intitulatio)	<опущено имя султана>
басмалла (invocatio)	<опущено>
Обращение (inscriptio)	Изошло это письмо к его величеству царю, великому, храброму, отважному, доблестному, витязю, льву, богатырю — имярек <опущенное имя адресата>, — славе христианской веры, спасению христианского народа, столпу людей крещеных, другу царей и султанов.
Narratio <i>ḍuʿā</i>	<опущено> Да избавит от зла приходящего, да успокоит его душу на севере благоухающим ветром, дующим с юга, да убережет его от недоброго дела, которое повлечет за собою раскаяние, и разъяснит то, что принесет несчастье Синопу. "Да будет милостив к нему во владении богатством, и наставит его в отвращении ущерба надеждам, и сделает ему покорной группу южан, если назначит предопределение, чтобы стала [она], как северяне".
<i>ta'rikh</i> (datum)	<опущено>

Причем, следует вновь обратить внимание на редактуру ал-Калкашанди, точно повторившего формуляр ал-Умари за исключением последней фразы из *ḍuʿā* (в таблице выделена надстрочными [4]). В этом был свой резон: ал-Калкашанди, редактируя текст, вероятно, обратил внимание на сугубую ситуативную конкретность и «нетипизируемость» заключительной фразы. Совершенно справедливо посчитав эту фразу типологически относящейся скорее к *narratio*, ал-Калкашанди с чистым сердцем освободил текст от остатков ситуативности, приведя его теперь уже в полное соответствие с жанром формуляра.

Это разнотечение, в частности, наталкивает на мысль, что формуляр, как он сохранен у ал-Умари и ал-Калкашанди, не был продуктом чистой канцелярской «теории», но был выделен из конкретного письма. От гипотетического первотекста составитель письмовника (сам ал-Умари или его предшественник) оставлял только те клаузулы, которые, по его представлению, имели универсальную значимость, вычеркивая при этом все конкретное, «случайное» и «нетипизируемое» содержание письма, что включало в себя дату, имена автора и адресата, а также основную его часть (=narratio). Ал-Калкашанди лишь довершил эту редакторскую работу.

В последующем комментарии будет, в частности, сделана попытка восстановить текст первоисточника — того самого письма, на основе которого и создавался формуляр, — дополнив, где это возможно, опущенные в письмовниках конкретные сведения. Другими словами, одна из задач состоит в том, чтобы реконструировать имена отправителя и адресата, а также дату составления письма. Очевидно, что сложнее всего будет вынести какие-либо суждения об утраченном *narratio*, однако, не забудем, что до нас все же дошел отголосок *narratio* в виде концовки *du'a*, сохраненной в варианте ал-Умари и отброшенной у ал-Калкашанди.

9. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Главным и чуть ли не единственным ключом к разрешению поставленных вопросов является исторический комментарий, сопровождающий формуляр. Итак, обратимся к тому, в какой исторический контекст вводят наши авторы формуляр.

Исторический комментарий сообщает следующие сведения: 1) о царственном адресате: это — «господин Синопа», «ромей из древнего царского дома», чей отец «по происхождению властитель от отцов своих»; 2) о его владениях: они включают в себя Синоп на южном берегу Черного моря и невелики по размерам; 3) в двух словах описывается внутреннее и внешнее состояние страны: «количество [подданных] немногочисленно», царь борется с «туркменами» и «эмирами тюрок», причем, в большинстве этих войн он терпит поражения; 4) и последняя, чрезвычайно важная информация, касающаяся времени написания гипотетического письма: письма такого типа писались «до того как» Синоп «был покорён и захвачен туркменами».

Первое, что следует отметить — это указание на опущенное в формуляре *inscriptio*: несомненно, что речь идет о византийском анатолийском правителе, а именно об одном из трапезундских Великих Комнинов. Из представителя «древнего» византийского «царского дома», господствовавших над Синопом и утеравших его в мамлюкскую эпоху (т. е. после 1250 г., а именно в 1254–1265/66 гг.), и чьи владения относительно малы, — были только трапезундские Комнины.

Следовательно, рассматриваемый формуляр — единственный сохранившийся образец официальных посланий к Великим Комнинам от мусульманских государей.

Если же речь идет о Великих Комнинах, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что исторический комментарий к формуляру содержит в себе ряд уникальных для мамлюкской историографии Египта сведений. Ни один из известных нам мамлюкских историков ничего не сообщал ни о «царе/господине Синопа», ни об участии в захвате Синопа «туркмен», ни о постоянных поражениях ромейского «господина Синопа» от тюрок. Напротив, некоторые эти сведения входят в прямое противоречие с тем, что нам известно из мамлюкской историографии.

К примеру, тот же ал-‘Умари, приводящий эту информацию в своем письмовнике, в другом произведении, в широко известной географической энциклопедии «Масалик ал-абсар», составленной несколькими годами позже «Та‘риф», в части, посвященной империи Великих Комнинов подчеркивает могущество их державы, отмечает, «что народ Трапезунда храбр и неустрашим», воины трапезундского царя «немногочисленны... но поистине равны героям и сильнее из львов»¹⁸³. Следовательно, можно предположить, что исторический комментарий находился в тесной связи с письмом и конкретные сведения исторического комментария к нему были по преимуществу извлечены составителем формуляра из самого письма, а именно из *narratio* или, может быть, каких-то других, сопровождавших это письмо сведений. Очевидно, что данные формуляра и исторического комментария должны рассматриваться в тесной связи друг с другом.

Ниже будут приведены и другие примеры содержательного родства исторического комментария и формуляра. Однако рассмотрим эти уникальные сведения по порядку, начиная с именовании Великих Комнинов в рассматриваемых текстах ал-‘Умари и ал-Калкашанди.

10. МАЛИК И САХИБ СИНОПА

При всем многообразии именовании в мусульманской историографии Великие Комнины воспринимались как государи Трапезунда и/или Джанита/Джаника¹⁸⁴. Поэтому относительно правомерности именовании *malik Sinūb* в «Та‘риф» и *ṣāhib Şinūb* у ал-Калкашанди, возникают определенные сомнения. Если первая часть в именовании *malik Sinūb* и *ṣāhib Şinūb* вполне традиционны в применении к Великим Комнинам, то присутствие Синопа, как топонимического определителя владений трапезундского государя, явно выпадает из общего ряда. Следует отметить также, что ал-‘Умари в «Масалик ал-абсар» именует трапезундского императора царем (*malik*) именно Трапезунда (*Trābzūn*)¹⁸⁵.

Какова была природа этой ошибки? Ниже мы покажем, что на появление ошибочного именовании «малик/сахиб Синопа» скорее всего повлияло не дошедшее до нас *narratio* письма-оригинала. Сейчас же выскажем предположение, почему такая ошибка вообще оказалась возможной.

Хорошо известно, что только в 80-е гг. XIII в. трапезундские императоры под давлением Константинополя отказываются от претензий на обладание традиционным византийским царским титулом «василевса и императора-ромеев» (*βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ ῥωμαίων* или его укороченный вариант — *βασιλεὺς ῥωμαίων*), удовлетворившись более скромным титулом «василевсов и императоров всего Востока, ивиров и За-

¹⁸³ Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar. P. 53.

¹⁸⁴ Подробнее см. Введение к настоящей работе.

¹⁸⁵ Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar. P. 53.

морья» (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ πάσης Ἀνατολῆς, Ἰβήρων καὶ Περαιτείας)¹⁸⁶. Возможно, что отголоском этих претензий понтийских Комнинов явились те два случая именования трапезундского государя в первой половине XIII в. *maliki al-Rūm* (эквивалентно «василевсу Романии») и *al-malik al-Rūmī* (тождественно титулу «ромейский василевс»), которые мы упоминали во «Введении» к настоящей книге.

Появление «царя Синопа» не покажется удивительным, если предположить, что в XIII в. кайрыцы знали о претензиях трапезундских императоров на титул «василевса и императора ромеев». Для кайрской канцелярии наличие двух «василевсов ромеев» — палеологовского в Константинополе (с которым они состояли в оживленной переписке)¹⁸⁷ и комниновского в Трапезунде, — могло показаться явной несусразицей. Причем, претензии трапезундских государей никак не подкреплялись традициями самой кайрской канцелярии, для которой цари ромеев находились в Константинополе или, по крайней мере, в Никее. Могло сыграть свою роль и болезненное отношение Палеологов к «узурпации» Великими Комнинами ромейского императорского титула, а дружбой с Константинополем мамлюки весьма дорожили, ибо зависели от поставок рабов из Золотой Орды через константинопольские проливы¹⁸⁸.

Повидимому, единственный выход из этой двусмысленной и щекотливой ситуации кайрская канцелярия увидела в том, чтобы избежать однозначности при обращении к Великому Комнину. Не желая оскорбить его, кайрыцы обратились к нему так же, как и к константинопольскому василевсу — *ḥaḍrat al-malik* (Его Величество Царь), однако не специфицировали ни в *inscriptio*, ни в *duʿā* каким *маликом*, *маликом* чего именно он является. Поэтому в заключительном *duʿā*, в положенной по церемониалу молитве за владения царственного адресата, и появился Синоп,

¹⁸⁶ Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 157–158; *Oikonomides N. Op. cit.* P. 321–325.

¹⁸⁷ Об обменах посольствами между Каиром и Константинополем см.: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов. Т. I. С. 56/47 (1262 г. — византийское посольство в Каир); С. 56–58/47–48 (XII. 1262 — византийское посольство в Каир); С. 58–62/49–52 (VII. 1263 — византийское посольство в Каир); С. 64/55 (X. 1264 — возвращение египетских послов из Константинополя); С. 127/125 (1268–69 — византийское посольство в Каир); С. 361/354, 434/422 (III. 1273 — отправка византийских послов из Каира в Константинополь) и т. д. См. также: *Dölger Fr. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453.* T. 5. München, 1965.

Само собой разумеется, что посольства осуществляли обмен корреспонденцией между обоими дворами.

¹⁸⁸ Мамлюки, в силу своей зависимости от поставок рабов из Золотой Орды, не прерывали весьма оживленных контактов с Константинополем даже после установления между Михаилом VIII и Хулагу дружественных связей (*Irfan R. The Middle East in the Middle Ages: the Early Mamluk Sultanate, 1250–1382.* L., 1986. P. 52).

одно из владений трапезундского императора, речь о котором, по всей видимости, шла в *narratio*.

В этом, вероятно, не разобрался составитель исторического комментария, который из-за описанного дипломатического маневра писца затруднился найти топонимическую спецификацию для титула адресата и назвал его «царем/господином Синопа».

11. *NARRATIO, DATUM, INSCRIPTIO, INTITULATIO*

Однако стоит задаться вопросом, почему «царем» именно Синопа был назван Великий Комнин — адресат мамлюков, и почему вдруг Синоп упоминается в *duʿā*? Как представляется, основанием как для ошибки комментатора, так и для этих формул *duʿā* являлось само *narratio* исходного письма.

Формулы *duʿā* (с учетом сохранившейся у ал-ʿУмари заключительной фразы) указывают на следующие элементы *narratio*:

1) Центральная тема *narratio* — судьба Синопа, причем городу угрожает некая опасность («Да ... разъяснит [Бог] то, что принесет несчастье Синопу»);

2) У Великих Комнинов есть давний враг — «северяне»;

3) Во внешнем окружении Трапезундской империи могут произойти некие весьма неблагоприятные изменения: «южане» могут оказаться столь же враждебными, что и «северяне» («и наставит его [Бог] в отвращении ущерба надеждам, и сделает ему покорной группу южан, если назначит предопределение, чтобы стала [она], как северяне»)

Если эти три пункта ввести в тот исторический контекст, в котором рассматриваемое письмо создавалось и который мы попытались обрисовать выше, то появляется возможность растолковать эти гипотетически реконструированные нами элементы *narratio*. Как уже нами отмечалось, письмо несомненно относилось к периоду между 1254 и 1265/66 гг. (это подтверждает и Комментарий, в котором указано, что этот формуляр применялся до того как Синоп был «покорён и захвачен туркменами»). Совершенно явственно звучащая в письме озабоченность судьбой Синопа позволяет предположить, что оно составлялось в период охлаждения взаимоотношений между понтийскими греками и иранскими монголами, когда над Синопом нависла угроза захвата.

Вероятно, именно в этом ключе следует толковать загадочные именованья «северяне» и «южане», упомянутые в письме. «Северяне» — вероятно, золотоордынские монголы, хан Бату и его преемники, которые традиционно покровительствовали «антииранской партии» в Иконийском султанате во главе с ʿИзз ал-Дином. Причем, такое словоупотребление для Восточного Средиземноморья было вполне расхожим: Северное Причерноморье и южнорусские степи именовались «северными землями», а их население «северянами»¹⁸⁹.

¹⁸⁹ См., например, у Пахимера: Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologo libri XIII / Rec. I. Bekker. (CSHB) Bonnae, 1835. Vol. 1–2. (новое издание:

Как мы показали выше, захват Синопа в 1254 г. Мануилом I, ориентировавшимся на иранских монголов, несомненно, вызвал неудовольствие у хана Бату, за год до того санкционировавшего водворение там в качестве наместника сельджукского адмирала Шуджа^а ал-Дина Абд ал-Рахмана. Причем, захват Синопа вызвал громкий резонанс в Крыму — напомним, именно из крымского по происхождению источника мы знаем об этом событии. Судя по анализируемому письму, вероятно, что отношения между Великими Комнинами и Золотой Ордой и после 1254 г. продолжали оставаться враждебными. Если наша интерпретация верна, то следует подчеркнуть, что рассматриваемая формула *du'a* является уникальным свидетельством о характере взаимоотношений Трапезундской империи и Золотой Орды в этот период.

По аналогии с толкованием «северян», мы склонны видеть в «южанах» иранских монголов, отношения с которыми у Великих Комнинов начали портиться, вероятно, в период написания рассматриваемого письма.

Таким образом, наша реконструкция позволяет предположить, что в *narratio* письма, положенного в основу формуляра, речь шла о внешней угрозе греческому Синопу, о противоречиях между Трапезундом и Золотой Ордой, а также о кризисе во взаимоотношениях Великих Комнинов с Ильханами.

Из предыдущих рассуждений следует, что *terminus ante quem* для составления письма является либо осень 1264, либо июнь 1265 г., т. е. момент выдачи *ярлыка* сельджукам на покорение Синопа. Однако материал мамлюкской историографии дает возможность выдвинуть гипотезу о чуть более ранней дате.

Мамлюкский историк Ибн Абд ал-Захир (ум. 1293) в повествовании о кайрском посольстве в Константинополь и Золотую Орду, которое покинуло Каир в рамазане 662 г. (27/06–25/07/1264), сообщает о довольно странном маршруте мамлюкских послов из Константинополя в Крым¹⁹⁰:

Georges Pchymères. Relations Historiques / Ed. A. Failler. P., 1984. Vol. 1): CSHB, I, 175–176; Failler, 235ff (о различиях в характерах «северных» и «южных» народах, причём с «северными» народами ассоциируется, в частности, население Северного Причерноморья), CSHB, I, 344¹⁸ (Βορεία ἔθνη — о золотоордынских монголах); CSHB, 2, 262 (Βόρειοι — о монголах Ногай). О причерноморских сюжетах Пахимера см. подробнее: *Laïou A. E. The Black Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D. M. Nicol. L., 1993. P. 94–121. У Никифора Григоры о золотоордынах, например: «Ἐθνος ἐστὶ κολυανθρωπότατον, βορειοτέρων πολλῶ τὴν οἰκιστὴν ἔχον ἢ κατὰ πᾶσαν τὴν καθ' ἡμᾶς οἰκουμένην» (Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Bonn, 1829. T. 1. P. 30²⁴–31²). В Трапезундском гороскопе 1336 г.: τὰ ἀρκτικά μέρη οὐ Северном Причерноморье (Τραπεζουντιακὸν horoskopion tou etous 1336 / Ed. Sp. Lampros // NE. 1916. T. 13. P. 43²⁰). Это словопотребление было стандартным для византийской историко-географической литературы, список подобных примеров можно было бы продолжить.*

¹⁹⁰ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов. Т. I. С. 54/63 (см. также извлечение из сочинения ал-Муфаддала: Там же. С. 180/192):

«[послы] путешествовали в Константинополь в течение 20 дней, а оттуда [отправились] в Истанбул, а оттуда — в Дафнусию (а она [располагается] на берегу [напротив] Судака со стороны [земель] Ласкариса), затем переплыли по морю на другой берег (а это занимает от 10 до 2 дней), затем поднялись на гору, известную как Судак...»

Отметим, что, как правило, мамлюкские источники не сообщали ничего о маршрутах своих посольств в Золотую Орду, за исключением тех случаев, когда маршрут отклонялся от обычного. Так, хронисты обычно отмечали те случаи, когда послы добирались из Крыма в Каир не через Проливы, но через Анатолию сухим путем¹⁹¹.

В приведенном маршруте обращает на себя внимание странное передвижение из Константинополя в «Истанбул». Можно предположить, что под «Истанбулом» в действительности подразумевался Трапезунд, в восточном пригороде которого и в самом деле располагался порт Дафна/Дафнусия¹⁹². Другая известная Дафнусия, лежавшая на острове в Черном море в 52 милях от Босфорского пролива¹⁹³, вряд ли могла здесь подразумеваться — она находилась напротив западного берега Крыма, но никак не Судака. В то же время, о понтийской Дафнусии, действительно, можно сказать как о лежащей «напротив» восточного берега Крыма и Судака.

Такой маршрут из Константинополя в Крым, в общем, представляется вполне правдоподобным, ибо он был обусловлен как течениями, направленными с северо-запада на восток по дуге вдоль южного берега моря, так и господствующими в Черном море ветрами; чтобы попасть в Крым, корабли из Константинополя двигались вдоль южного берега до Синопа, а затем поворачивали на север к Крыму. Прямой морской путь из Константинополя в Крым не был возможен — корабли не ходили наперекор сильному черноморскому течению¹⁹⁴.

Однако очевидно, что мамлюкские послы совершили огромный крюк, зайдя в Трапезунд и Дафнусию. Такой крюк был бы оправдан только в том случае, если они везли некое известие Великим Комнинам. Если наше толкование правильно, то это — единственное сохранившееся свидетельство о посещении мамлюжским посольством Трапезунда. Можно предположить, что во время именно этого, уникального посещения

رحلوا الى القسطنطينية في عشرين يوما و منها الى اسطنبول و منها الى دقنسيا و هي ساحل سوادق من جهة الاشكرى ثم ركبوا في البحر الى البر الاخر و سبوتو ما بين العشرة ايام الى يومين ثم طلعوا الى جبل يعرف بسوداق

¹⁹¹ См., например: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов. Т. I. С. 258/267.

¹⁹² *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. Vol. 1. Index.

¹⁹³ См., например: *Majeska G. P.* Russian Travelers to Constantinople in the 14th and 15th Centuries. Washington, 1984. P. 99 note 135.

¹⁹⁴ За эти сведения о влиянии морских течений и ветров на навигацию в Черном море автор приносит благодарность С. П. Карпову. См. также: *Карпов С. П.* Путями средневековых мореходов. М., 1994. С. 31–33. См. также карты с обозначением течений и господствующих ветров в: *Bryer A.* Symposium «The Byzantine Black Sea» // *AP.* 1978. Т. 35. P. 12–13.

Трапезунда мамлюкские послы могли доставить рассматриваемое нами письмо.

Если это так, то составлено оно было незадолго до июня 1264 г. Следовательно, можно предположить, что исходило оно от мамлюкского султана Байбарса I (1260—1277), а адресовано было Андронику II.

Интересно отметить, что именно на это время — 1264 г. — приходится разрыв отношений между грузинским царем Давидом Нарином (1245—1292) и иранскими монголами. Давид Нарин заручается покровительством Золотой Орды. Именно в 1264—1265, а также и в 1268 гг., между Давидом Нарином и мамлюкским Каиром происходит обмен посольствами¹⁹⁵. Хронологический и смысловой параллелизм во внешнеполитических шагах Грузии и Трапезунда в 1264—1265 гг. представляется неоспоримым. Не исключено, что в этот период Великие Комнины и Багратиды совместно разрабатывали внешнеполитическую стратегию своих царств¹⁹⁶. Как мы увидим, позже, когда преемники Андроника II вновь перейдут под эгиду Ильханов, Давид Нарин попытается насильно вернуть Трапезунд в сферу золотордынского и мамлюкского влияния.

Таким образом, само наличие переписки между Каиром и Трапезундом, равно как и тональность реконструированного *parratio*, указывает на явственный поворот в дипломатической стратегии Великих Комнинов, вызванной вновь возросшей угрозой Синопу. В результате сближения Ильханов с Иконием и Константинополем Трапезунд устанавливает контакты с главными противниками Ильханов — мамлюками. Не исключено также, что Великие Комнины искали посредничество мамлюков в урегулировании своих взаимоотношений с Золотой Ордой.

12. ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

Итак, как показали Э. Брайер и М. Куршанскис (см. выше), кризис между Трапезундом и Тебризом получил новое развитие в царствование преемника Андроника II — Георгия. Отметим, однако, что сам факт

¹⁹⁵ *Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P. 234–235; Allen W. A History of the Georgian People. P. 116–117.* Соперник и соправитель Давида Нарина — Давид Улу, — так же не был до конца верен Ильханам и был замечен в сношениях с Золотой Ордой и мамлюками.

¹⁹⁶ Возможно, одним из косвенных признаков этого сближения был выпуск при Давиде Нарине монет *кирманеули* (от имени Мануила I Великого Комнина) — подражений знаменитым трапезундским *аспрам*. С этой эпохи и вплоть до конца XIV в. *кирманеули* были популярны в Грузии, знаменуя собою как идеографическое, так и экономическое влияние Великих Комнинов (*Капанадзе Д. Г. Так называемые грузинские подражания трапезундским аспрам // ВВ. 1950. Т. 3. С. 201–210; Он же. Грузинская нумизматика. М., 1985. С. 94–95. табл. IX, № 114–118; Bryer A. The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and Mummy of Cheriana // AS. 1982. Vol. 32 (=Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. № XI. P. 142).*

наличия трапезундско-египетских контактов (однозначно удостоверенный только реконструированным нами письмом) может свидетельствовать не столько о сложении полномасштабного союза между Трапезундом и Каиrom, сколько о дистанцировании Трапезунда от Ильханов.

О согласованности действий, а значит о союзе между мамлюками и Трапезундом говорит другой весьма красноречивый факт. В 1277 г. наступила кульминация в противостоянии мамлюков и иранских монголов. Весной 1277 г. мамлюкский султан Байбарс вторгся в пределы Анатолии и 15–16 апреля нанес сокрушительное поражение монголам в Албистане, между Кайсерии и Малатией. В мае того же года он вступил в Кесарию и короновался как сельджукский султан. Парвана, давно находившийся в переписке с мамлюками и прежде подстрекавший их к вступлению в Анатолию, не решился присоединиться к Байбарсу I, незадолго до сражения бежав в Эрзинджан под покровительство монголов¹⁹⁷.

Султан Байбарс, не получив существенной поддержки от своих тайных сторонников в стане сельджуков, вскоре покинул Анатолию — в июне 1277 г. он уже был в Дамаске, а 20 июня скорострительно скончался¹⁹⁸.

В 20-х числах июня 1277 г. (мухаррам 676 г.) к сельджукскому султану Гийас ал-Дину Кай-Хусраву III (1266–1282) прибыл сельджукский наместник в Синопе Тайбуга [tāybūghā] и

«принес весть о том, что Джанитец на [военных] судах [kadargha-hā]¹⁹⁹ атаковал Синоп. Тюрки чепни дали отпор, посреди воды в душе его [т. е. Джанитца. — Р. Ш.] возожгли огонь, и он, разочаровавшись и понеся потери, вернулся восвояси»²⁰⁰.

¹⁹⁷ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 317; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 287–289; *Amitai R.* Mongol Raids into Palestine (A. D. 1260 and 1300) // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1987. P. 236ff; *Ilisch L.* Geschichte der Artuqidenherrschaft von Mardin zwischen Mamluken und Mongolen. 1260–1410 AD / Inagural-Dissertation... Münster, 1984. S. 55.

За несколько лет до этого султан Байбарс установил связь с изгнанным сельджукским султаном 'Изз ал-Дином Кай-Кавусом, и, доверяя уговорам противников Ильханов в Анатолии, надеялся с помощью 'Изз ал-Дина очистить Румский султанат от иранских монголов (*Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 289; *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: the early Mamluk Sultanate. P. 57).

¹⁹⁸ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 291; *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: the early Mamluk Sultanate. P. 57–58. Подробную биографию Байбарса I см. также в: *Thorau P.* Sultan Baibars I von Ägypten. Ein Beitrag zur Geschichte des Vorderen Orients im 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 1987.

¹⁹⁹ Г. Дуда переводит слово как «Galeeren» (*Duda H.* Op. cit. S. 321). Слово происходит от названия крупного военного корабля во флоте трапезундцев — *κότεργον* (*катергон, катерга*) (*Bryer A.* Shipping in the Empire of Trebizond // *Mariner's Mirror*. 1966. Vol. 52. (= *Idem.* The Empire of Trebizond. № VIII). P. 6–8.

²⁰⁰ *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 332–333; *Duda H.* Op. cit. S. 319–321; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 292.

Под «Джанитцем», вероятно, подразумевался василевс Георгий Трапезундский морской десант атаковал Синоп, но *чепни* отбили атаку. Это была последняя в истории Трапезундской империи попытка отвоевать Синоп.

Попутно отметим, что этот отрывок считался до сих пор самым ранним упоминанием туркмен *чепни* в письменных источниках, свидетельствующем об их расселении в это время в окрестностях Синопа²⁰¹. Однако вспомним Комментарий к формуляру — в нем утверждается, что именно *туркмены* отобрали Синоп у Великих Комнинов. Скорее всего, это так же были туркмены *чепни*. Следовательно, можно констатировать присутствие *чепни* в Восточной Пафлагонии уже для 1265/66 г.

Итак, событие произошло до 20-х чисел июня 1277 г. Очевидно, что Георгий воспользовался весенними победами Байбарса I в Анатолии, а также предательством Парвана, отказавшимся в последний момент присоединиться к мамлюкам и оставшимся верным Ильханам. Вряд ли тут могут быть какие-либо сомнения в том, что в сложившейся в 1277 г. ситуации акция Георгия носила выраженный антимонольский и промало-люкский характер.

Георгий поплатился за неповиновение только через три года. В июне 1280 г. Георгий был арестован ханом Абака в «горах Тебриза»²⁰². По словам Панарета, Георгий был «предательски» выдан архонтами; грузинский источник добавляет, что в его выдаче Абаке участвовали его мать и сестры²⁰³. Ситуация в контексте описываемых событий выглядит вполне прозрачной. Георгий избрал путь открытой конфронтации с Ильханами, однако трапезундская знать, включая ближайших его родственников, оказалась поддержать его и выдала его монголам.

Однако, что делал Георгий в стане монголов? По-видимому, речь идет о весьма распространенном у монголов институте — суде, вершившемся по канонам обычного права монголов. Этот суд именовался *йаргу*, суди-

²⁰¹ *Inan K. Giresun ve havalisinde türkmenler // Giresun tarihi sempozyumu* 24–25 Mayıs 1996. Bildiriler. Istanbul, 1997. S. 59–60, 63–64; *Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları*. Istanbul, 1992. S. 242; *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 132ff. Правда, оба последних автора, в отличие от К. Инана, допустили неточности в передаче этих сведений из сочинения Ибн Биби: Фарук Сюмер ошибочно считает, что упоминание *чепни* относится к 1279 г., а Э. Брайер ошибочно связывает описанные у Ибн Биби события с Самсуном, а не Синопом. К. Казн ошибочно датирует это событие временем «ок. 1280 г.» (*Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 311).

²⁰² *Panaretos*. P. 62'; *Bryer A. The Fate of George Komnenos*.

²⁰³ *Panaretos*. Ibid.: *παρεδόθη παρά τῶν ἀρχόντων ἐκβούλος; Каухчишвили С. Г. Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. 1. С. 29. Другие, менее значительные сообщения армянских и грузинских источников собраны и прокомментированы у Э. Брайера (*Bryer A. The Fate of George Komnenos*).*

ли по нормам Ясы Чингисхана, а также по нормам, письменно незафиксированным. Судьями были сами ханы и особые судьи — *йаргучи*. Именно через *йаргу* проводились дела по государственному изменам. В 1271/72 г. в *йаргу* был осужден сельджукский визир Фахр ал-Дин 'Али, но сумел оправдаться и отделался только лишением государственных должностей. Летом 1277 г. в *йаргу* судили и Мугин ал-Дина Парвана, однако ему не удалось оправдаться, ибо от мамлюков доставили подлинные письма Парвана к султану Байбарсу; 2 августа Парвана был казнен²⁰⁴.

Скорее всего, и Георгий прошел через такой суд-*йаргу*. Вероятно, ему инкриминировали, как предположил Э. Брайер, связь с мамлюками. Однако Георгий не был казнен и в 1280 г. вновь возвратился в Трапезунд²⁰⁵. Сам этот факт говорит о том, что у него, как некогда у визира Фахр ал-Дина, были какие-то оправдания.

13. СТРЕМЛЕНИЕ К СИНОПУ

Таким образом, почти весь XIII в. прошел для истории Комнинов Понта под знаком борьбы за Синоп: с 1204 по 1277 гг. они, по крайней мере, трижды занимали порт и трижды теряли его (1204–1214; ок. 1225–1228; 1254–1265/66), а четвертая и последняя их попытка овладеть Синопом провалилась.

Причин для столь упорной борьбы Великих Комнинов за Синоп было несколько. Во-первых, стратегическое его значение, которое трудно переоценить — это был один из самых укрепленных и надежных военных портов на южном берегу Черного моря²⁰⁶. Именно от Синопа начинался самый короткий морской путь из Анатолии в Крым, и, по всей видимости, в свое время именно этот порт являлся связующим звеном между анатолийскими и крымскими владениями Великих Комнинов. Видимо, не случайно, что мы знаем о завоевании Синопа Мануилом I Великим Комнином именно из крымского источника (из приписки в Сурожском синтаксаре): это событие для крымских греков, связанных с Трапезундом, представлялось первостепенным по значению.

Существовала и другая, вероятно, еще более важная, стратегическая причина для устремленности понтийских греков к Синопу. Только обретение Синопа могло дать Великим Комнинам шанс на возвращение из

²⁰⁴ Aksarayi. P. 93–94; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 320; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 291 (о судьях-*йаргучи* в Анатолии см. также p. 346). Об институте *йаргу* см.: *Minovi M., Minorsky V.* Nāṣir al-dīn Tust on Finance // BSOAS. 1940. Vol. 10/3. P. 789; *Allsen Th.* Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands. P. 94–95; *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 457, 559.

²⁰⁵ *Panaretos*. P. 62.

²⁰⁶ *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 69–88; *Капов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 77–79.

понтийского заточения. Только находясь в Синопе они могли надеяться, как в 1204–1208 гг., на то, чтобы пробиться в Вифинию, а затем к Константинополю, и восстановить Комниновскую Византию. Для осознания того, что эта некогда вполне реальная идея превратилась после поражения в 1214 г. в чистую утопию, Великим Комнинам понадобилось более половины столетия и семь (!) войн за Синоп.

14. ПОД ВЛАСТЬЮ ИЛЬХАНОВ

После ареста Георгия воцаряется его брат Иоанн II (1280–1297), резко изменивший политику империи. Он налаживает отношения с Византией, допускает итальянских купцов в Трапезунд, вступает в переговоры с папством и, несомненно, нормализует отношения с Ильханами²⁰⁷. Его правление, будучи ознаменованным резкой переориентацией трапезундской политики на Ильханы, в то же время показало, насколько в Трапезунде были сильны антиильхановские и антипалеологовские настроения, под знаком которых прошли царствования Андроника II и Георгия.

В правление Иоанна II имели место, по меньшей мере, четыре попытки государственного переворота: в 1281 г. восстал Пападопул, и Иоанн II был вынужден уехать в Константинополь, где он оставался около двух лет, вплоть до апреля 1283 г., когда он вернулся в Трапезунд с молодой женой Евдокией, дочерью Михаила VIII Палеолога²⁰⁸. Во время отсутствия Иоанна II, в апреле 1282 г., Трапезунд попытался взять Давид Нарин, царь Имерети, враг монголов Ирана и союзник золотоордынцев²⁰⁹. В 1284 г. Трапезунд был атакован бывшим императором Георгием, который, однако, потерпел неудачу и был схвачен²¹⁰. И, наконец, в том же 1284 г. престол захватывает Феодора, дочь императора Мануила I от грузинской царевны Русудан, настроенная, как показал М. Куршанскис, враждебно к Ильханам Ирана и, скорее всего, благосклонно к Имерети, Золотой Орде и мамлюкам²¹¹. Можно предположить, что и упомянутые заговоры Пападопула и Георгия I имели антииранскую и прозолотоордынскую окраску.

По предположению М. Куршанскиса²¹², время правления Феодоры I захватило и часть 1285 г., в связи с чем хотелось бы отметить любопытное совпадение: в 684 г. и до начала 685 г. X. (9. III. 1285 – 25. II. 1286)

²⁰⁷ Подробнее см.: *Bryer A. The Fate of George Komnenos. P. 343, 348; Kuršanskis M. L'usurpation de Théodora Grand Comnène // REB. 1975. T. 33. P. 187–190; Janssens E. Op. cit. P. 90–91.*

²⁰⁸ *Panaretos. P. 62¹¹, 62^{22–25}.*

²⁰⁹ *Panaretos. P. 187–190; Kuršanskis M. L'usurpation de Théodora Grande Comnène. P. 187–190; Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P. 235–236; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. I. P. 335.*

²¹⁰ *Panaretos. P. 62^{26–27}.*

²¹¹ *Kuršanskis M. L'usurpation de Théodora Grande Comnène. P. 190, 203–204.*

²¹² *Ibid.*

в Эрзинджане почти год, беспрецедентно долго и без объясненных в источниках причин стояло монгольское войско во главе с двумя царевичами — Кайхату и Хуладжу²¹³. Примерно на это же время падает и свержение Феодора I, так что, весьма вероятно, что на этот раз монголы могли вмешаться в ход событий. Не исключено, что Феодора I была свергнута с их помощью. Целый год это войско могло стоять у границ империи как для устрашения, так и в ожидании полной стабилизации положения в империи. Панарет не сообщает, где находился император Иоанн II во время правления Феодора. Может быть, он находился в это время у Ильханов?

Начиная с правления Иоанна II, восстановившегося на престоле в 1285 г. и процарствовавшего еще около 12 лет²¹⁴, внешняя политика Великих Комнинов стремительно маргинализируется и регионализируется. Отказавшись от прав на византийский престол и от своей бескомпромиссной позиции в вопросе унии с папством, Великие Комнины все больше теряли интерес к Синопу как воротам из Понта в Константинополь.

Последнюю точку в отказе Великих Комнинов от претензий на Синоп поставил преемник Иоанна II — император Алексей II (1297–1330). Алексей II, в своей внешней политике будучи выраженным прагматиком, около 1313 г. заключил антигенуэзский союз с правителем Синопа Гази Челеби, показывая этим, что Трапезунд окончательно отказался от претензий на этот порт²¹⁵.

15. АТАКА «ФРАНКОВ» НА СИНОП В 1299 г.

Хотя, не исключено, что греки сделали еще одну, на этот раз последнюю попытку овладеть Синопом, прежде чем навсегда отказаться от него. Возможно, что трапезундским войскам (или понтийским грекам-наемникам) удалось еще раз на короткое время занять Синоп в 1299 г. Аксарайи сообщает, что один из сельджукских вельмож Рукн ал-Дин Рахат Сиваси, наместник в Самсуне, был изгнан из города внуком Парвана Мас'уд-беком, правившим в Синопе ок. 1296/97–1300/01, и бежал в «Джанин» (т. е. либо на территорию самой Трапезундской империи, либо в мусульманские земли восточнее Самсуна до западных границ империи).

В 1299 г. Муджир ал-Дин Амир-шах, представитель монгольского финансового ведомства, и Рукн ал-Дин Рахат вместе с отрядом в 1000 «закованных в латы франков», которые под видом торговцев зерном проникли в город, пленили правителя города Мас'уд-бека. Позже Мас'уд-бек был освобожден за громадный выкуп в 900 000 динаров. Как следует

²¹³ Aksarayi. P. 145–146.

²¹⁴ Panaretos. P. 63^{ab}. Общую оценку правления Иоанна II см. в: Janssens E. Trébizonde. P. 90–91.

²¹⁵ Подробнее см. в гл. III.

из текста Аксарайи, целью Муджир ал-Дина Амир-шаха и Руки ал-Дина было не столько захватить Синоп, сколько принудить Мас'уд-бека к союзу с Амир-шахом. После набега «франков» на Синоп желание Амир-шаха исполнилось: Мас'уд-бек женился на его дочери²¹⁶. Судя по тексту Аксарайи, после этого инцидента с набегом «франков» Синоп продолжал оставаться под властью мусульман.

Как справедливо отмечал Сп. Врионис, Аксарайи почти повсюду в своей хронике называл греков «франками», поэтому и в этом случае он мог подразумевать греков из Понта/Джаника²¹⁷. Напротив, С. П. Карпов считает, что «и характер действия, и торговля хлебом, которую вели эти франки, и тяжелое их вооружение скорее говорят о западноевропейцах». Как предполагает исследователь, «франками» могли быть генуэзцы²¹⁸. Сходную интерпретацию, — правда, без развернутой аргументации, — давал до этого и К. Казн, который считал, что под «франками» подразумевались генуэзцы; однако французский исследователь ошибочно датировал событие 1298 г.²¹⁹

Следует иметь в виду, что красочное определение «закованные в латы» было вполне стандартным как для персидского эпоса («Шах-намэ» и т. д.), так и историографии. В историографии оно применялось как к европейским (включая греческих), так и восточным воителям без различий. Вместе с тем, греки вполне могли себя представить хлебными торговцами, поскольку такая роль, вероятно, была вполне привычна для трапезундских купцов, подданных Великих Комнинов, снабжавших империю привозным хлебом (см. «Введение»).

Хотя оба аргумента, выдвинутые С. П. Карповым, не кажутся убедительными, тем не менее мы не осмеливаемся однозначно утверждать, что эти «франки» были в действительности не генуэзцами, а греками (либо подданными Великих Комнинов, либо наемниками). Это сообщение Аксарайи пока не укладывается в полной мере в контекст того небольшого, что нам известно об этом времени, а потому и не поддается однозначной интерпретации.

Как бы то ни было в действительности, окончательный отказ греков от Синопа совпал и с другим важным изменением в анатолийской политике Великих Комнинов — их отношения с Сельджукидами, чья власть в 70–80-е гг. XIII в. приходит в полный упадок²²⁰, отдаляются на второй

²¹⁶ *Aksarayi*. P. 256–257; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 296, 332–333 (о Муджир ал-Дине Амир-шахе) и p. 312 (о Мас'уд-беке, внуке Парвана и отце знаменитого правителя Синопа в первой трети XIV в. Гази Челеби); *Sinub // EI¹*.

²¹⁷ *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 234 note 550.

²¹⁸ *Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье*. С. 79–80.

²¹⁹ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 323.

²²⁰ *Ibid.* P. 293ff.

план и теряют статус приоритетных. Сельджуки навсегда уходят из истории Трапезундской империи. Вместе с тем, отмеченные перемены в политической ориентации империи значительно умерили ее участие в «большой» политике. Великие Комнины отныне и до самого конца XIV в. отходят от глобальных дипломатических интриг, будучи полностью поглощены рутинной пограничной борьбой с тюркской кочевой миграцией, захлестнувшей Понт в XIV в.

Глава третья

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И ТЮРКИ В XIV в.

Взаимоотношения Трапезундской империи с тюрками в конце XIII–XIV вв. стали темой ряда основательных работ, принадлежащих перу двух исследователей — Э. Брайера и Э. Захариаду¹. Эти исследования создали прекрасную базу для любых дальнейших разработок проблемы, собрав почти весь доступный материал европейских источников и ряда восточных в переводах и пересказах. Однако, как мы пытались показать в наших недавних публикациях², источники, как греческие, так и восточные, содержат еще немалые резервы для углубления нашего знания о трапезундско-тюркских отношениях в эту эпоху. Резервуаром важнейшей информации остаются персидские анатолийские источники, исследованные на языке оригинала.

¹ Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29 (=idem. The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. L., 1980. № V). P. 113–149; Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352–1402) // AP. 1979. Vol. 35 (Eadem. Romania and the Turks (c. 1300–c. 1500) / Variorum Reprints. L., 1985. № III). P. 333–358. Дальнейшую разработку идей Э. Брайера см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. Vol. 1.

² Шукуров Р. Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. // Причерноморье в средние века. Вып. 1. Под ред. С. П. Карлова. М., 1991. С. 217–254; Shukurov R. Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. Vol. 9/1. P. 20–72.

ЧАСТЬ I. КОЧЕВАЯ МИГРАЦИЯ

В царствование Иоанна II (1280–1297), помимо крутого поворота во внешней политике империи, произошло еще одно важное событие: туркмены отторгли у империи Халивию — материковую территорию севернее и восточнее Неокесарии/Никсара. Панарет сообщает об этом событии в следующих словах:

«В его же царствование захватили турки Халивию, и совершенно было ими великое нашествие, так что обезлюдела вся область (Ἐν γὰρ τῇ βασιλείᾳ αὐτοῦ παρέλαβον οἱ Τοῦρκοι τὴν Χαλιβίαν καὶ γέγονε παρ' αὐτῶν μεγάλη ἐπίδρομή, ὥστε ἀοίκους γενέσθαι τὰς χώρας ὅλας)³.

Это один из хрестоматийных по своему содержанию текстов, которые весьма часто встречаются в греко- и латиноязычных источниках по истории Анатолии в XI–XIV вв., и которые получили исчерпывающую интерпретацию в историографии. Наиболее детальный и систематический анализ данных содержат исследования греко-американского исследователя Сп. Вриониса, и особенно его классическая статья «Номадизация и исламизация в Малой Азии»⁴. Сп. Врионис, придав теме известный концептуальный заряд, подробно реконструирует ход и последствия турецких миграций, воссоздавая множество конкретных ее прецедентов⁵.

Не останавливаясь на частных примерах, собранных Сп. Врионисом, вкратце повторим ядро его концепции (с некоторыми важными добавлениями из работ других авторов), которая чрезвычайно значима для понимания внешней истории Понта в конце XIII–XIV вв. Как продемонстрировал Сп. Врионис, турецкое нашествие на Анатолию в XI–XII вв. не имело ничего общего с привычной парадигмой «завоевания», известной из эпохи византийско-персидских и византийско-арабских войн. В лице тюрок-сельджуков Византия столкнулась с классическим примером кочевой миграции.

³ Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon / Ed. Od. Lampsides. Athena, 1958. P. 63^a–^b; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 143 (англ. перевод отрывка).

⁴ Vryonis Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP. 1975. Vol. 29. P. 43–71 (=idem. Byzantina kai Metabyzantina. Studies on Byzantium, Seljuks and Ottomans. Malibu, 1981. Vol. 2. № 4). См. также: Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkley, 1971. P. 169–194; 244–285.

⁵ Среди основных работ, затрагивавших с той или иной точки зрения проблему кочевой миграции в Анатолии, следует упомянуть знаменитую монографию французского исламоведа Кл. Каэна «Доосманская Турция», в которой он уделил некоторое внимание туркменской кочевой иммиграции в Анатолию, обозначив основные ее этапы (Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. L., 1968). Известное исследование Ф. Сюмера — Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları. İstanbul, 1992 — в большей степени основывается на источниках XV в. и последующих столетий и важно для локализации отдельных туркменских племен.

Численность мигрантов, переселившихся в XI–XII вв. в византийскую Анатолию в результате сельджукского вторжения, достигала нескольких десятков тысяч, самое большее двух или трех сотен тысяч человек⁶. Малая часть чужаков — иранцев, арабов, тюрков из давних переселенцев в мусульманский мир, — были оседлыми, большинство же принадлежало к тюркам, ведущим кочевой и полукочевой образ жизни. Исследователи оценивают численное соотношение между пришлым населением и автохтонами (в первую очередь, греками и армянами) как один к десяти⁷. Власть оседлых мусульман, утвердившаяся в древних городских центрах срединной Анатолии (султанов Икония, данишмандидских маликов, артукидских эмиров), из соображений самосохранения и стабилизации оседлой жизни (земледелия, торговли и ремесла) активно вытесняла кочевые племена на северные, западные и южные окраины высокогорного периметра Анатолийского плато, создавая там так называемые кочевые *уджи* — пограничные марки. Вытесненные в предгорья кочевники, чтобы выжить и найти пропитание для своих стад, ринулись в долины рек запада, северо-запада и юга Малой Азии, в районы высокоразвитого земледелия, находившиеся под контролем Византии и Киликийской Армении⁸.

Начиналась кочевая миграция с периодических набегов кочевников на сельскохозяйственные районы с весны по осень; зимой кочевники уходили, ибо выпавший снег делал жизнь в сельскохозяйственных долинах невозможной для кочевых туркмен и их стад. За время пребывания в долинах с весны по осень, стада кочевников подчистую уничтожали урожай — главное средство существования местного крестьянства. Рейды туркмен возобновлялись каждый год, пока сельскохозяйственные районы не опустошались полностью: оседлое население либо уничтожалось, либо уходило в плен, либо искало спасения в бегстве. Очень скоро, после двух-трех лет кочевых набегов, земледелие в таких районах прекращалось либо из-за полной депопуляции района, либо хотя бы из-за того, что у рискнувших остаться там крестьян не хватало зерна для нового сева. Тогда наставала очередь городов, которые, лишенные доставлявшегося ранее из сельскохозяйственной округи продовольствия, становились легкой добычей кочевников⁹.

Таким образом, кочевая миграция с невероятной стремительностью приводила к депопуляции, а затем иномадизации обширных областей в Анатолии, на Кавказе, Сирии. И это, повторим, при том, что завоеватели составляли не более 10% от общей численности населения. Конечно,

⁶ Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 143.

⁷ Ibid. P. 154. Интересно, что процент тюрков в анатолийском населении (10%) сравним с соотношением, которое исследователи дают для римского Запада в эпоху германских завоеваний в V в.: завоеватели-варвары составляли около 5% всего населения (см., например: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 33).

⁸ Vryonis Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 43.

⁹ Ibid. P. 51–55. Тут же многочисленны иллюстрации описанной схемы в византийских, латинских и грузинских источниках XI–XIII вв.

дело было не в численности тюрок, но в том, что им, как бы их мало ни было, удавалось разрушить жизненно важные связи в обществе и, тем самым, добиться его скорой и полной дезорганизации.

Примеч, центральная византийская власть, на первых этапах кочевой миграции, не могла найти способа стабилизировать ситуацию, ибо постоянные «прорывы» туркмен мелкими, но весьма боеспособными группами происходили по всей линии византийско-сельджукской границы. Византийцы, привыкшие воевать большими силами против многочисленных армий вторжения, не сразу догадались перейти к единственно эффективной в данном случае тактике сдерживания кочевников цепью мелких «фортов». К тому же, как показал византийский опыт, отвоение территорий, уже освоенных кочевниками, превращалось в почти неразрешимую задачу, ибо для продвижения византийских войск в таких областях уже не было соответствующей инфраструктуры (создаваемой ремесленниками и земледельцами), фуража, ночлега, укрепленных баз. Еще недавно густонаселенные районы превратились в голую степь¹⁰.

К XIII в. разрушительная роль кочевой волиницы начала постепенно сходиться на убыль — многие из кочевников перешли к оседлой жизни, другие понесли фатальный ущерб в борьбе с оседлыми (византийцами, армянами, грузинами, равно как и сельджукскими мусульманами из оседлых районов). Однако новый виток кочевой миграции в пределы Анатолии, начиная с 40–50-х гг. XIII в., был открыт монгольскими завоеваниями. Вытесненные монголами из Восточного Туркестана, Средней Азии и Ирана многочисленные туркменские и иные тюркские племена вновь наводнили Малую Азию¹¹.

Приведенный выше отрывок из «Хроники» Панарета о вторжении кочевых тюрок в Халивию и последовавшую за этим депопуляцию региона по своему содержанию стоит в ряду множества подобных ему (иногда более подробных и красноречивых) сообщений о тюркской этнической миграции в эту и предыдущие эпохи. Однако, эта цитата из Панарета в высшей степени знаменательна в другом смысле. Она является одним из главных аргументов в пользу того, что византийский Понт, и в особенности те его прибрежные регионы, которые составили ядро государства Великих Комнинов после потери ими Синопа и Пафлагонии, по-настоящему столкнулись с миграцией кочевников лишь ближе к концу XIII в.

Присутствие кочевых туркмен в областях, непосредственно прилегавших к Понту, фиксировалось источниками и ранее в XIII в. По нашим сведениям, туркмены на Понте впервые упоминаются в связи с восстанием Баба Исхака в 1240 г. Тогда в области Амасьи и Токата «местные туркмены» (*turkmānān-i wilāyat*) присоединились к восставшим мусульманам-еретикам¹². Однако, в силу уникальности этого сообщения, мало-

¹⁰ *Vryonis Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor*. P. 53–54, 44–47.

¹¹ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 314–317.

¹² *Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn Bibi / Texte persan publié... par M. Th. Houtsma. Leide, 1902*. P. 229 (далее —

вероятно, чтобы кочевники могли представлять серьезную опасность для Великих Комнинов в столь раннюю эпоху. Ситуация в корне изменилась после монгольского нашествия на Анатолию, да и то далеко не сразу.

Судя по восточным источникам, в Пафлагонии — западной части Южного Причерноморья, — рост влияния тюркского кочевого элемента фиксируется начиная с 1260-х гг.¹³ Напомним, что в следующем десятилетии, в 1277 г., кочевые тюрки *челпи* уже обладали в районе Синопа достаточной мощью (в противовес слабости сельджукской центральной власти), чтобы отбить нападение трапезундцев¹⁴. В последующие годы туркмены играли все более заметную роль в Южном Причерноморье: Карим ал-Дин Аксарайи писал, что «после смерти [Парвана] (т. е. после 1277 г. — Р. Ш.) сатанинские нравом тюрки вырвались наружу из бутыли сдерживания, и от нападений еретиков *уджа* возгорелся огонь смуты»¹⁵.

Пик давления кочевников-тюрков на оседлые районы Центрального и Восточного Понта приходится на 1290-е гг. Начало массовым кочевым набегам положило восстание против сельджукской власти кочевников под началом эмиров Тагачара, опустошивших район Токата и Сиваса (около 1290 г.)¹⁶. Для середины 1290-х гг. сохранилось свидетельство о чрезвычайной силе понтийских разбойников (вероятно, кочевых туркмен), напавших на визира Камал ал-Дина Тифлиси под Турхалом: он с трудом бежал от них, разбойники гнались за ним, однако, не сумев настичь его, разграбили попавшийся по дороге караван¹⁷. В 1298 г. туркмены опустошили Испир и Байбурт, во главе их был некий Азат Муса¹⁸.

Последствия туркменских кочевых вторжений в Понтийском регионе в это же время подробно описаны и в одном из писем Му'ин ал-Дина Парвана Второго (ум. 1299), отправленном им Фазл-Аллаху Рашид ал-Дину, великому иранскому историку и всевластному визирю Ильханов в 1298–1317 гг.¹⁹ Му'ин ал-Дин Парвана писал письмо в Эрзинджа-

Ibn Bibi (Mukhtasar)); *Abu al-Faraj*. Mukhtasar tarikh al-duwal. Beirut, 1890. P. 438.

¹³ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 280. Ср. также со сведениями греческих и других источников об активизации кочевников в районах Кастанона и Пафлагонии во второй половине XIII в.: *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 247, 249–250, 252–253.

¹⁴ Подробнее см. Главу II настоящей работы.

¹⁵ *Kerimuddin Mahmud Aksarayi*. Musameret ul-ahbar. Moğollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi / Mukaddime ve haşiyelerle tashih ve neşreden O. Turan. Ankara, 1944. P. 118.

¹⁶ *Ibid.* P. 190–195, 239–247.

¹⁷ *Ibid.* P. 219–220.

¹⁸ *Каухчишвили С. Г.* Грузинские источники по истории Византии. Т. 1. Тбилиси 1974. С. 162; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 309–310; *Kurdanshis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // REB. 1988. Т. 46. P. 123.

¹⁹ *Рашид ал-Дин*. Переписка / Пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М., 1971. № 46. С. 305–308; *Shafi M.* Letters of Rashid ad-Din Fadl Allah / Pers. text ed. by M. Shafi. Lahore, 1947. P. 275–277.

не, будучи тяжело больным, по всей видимости, незадолго до своей смерти в 1298 или 1299 г.

Содержание письма весьма интересно. В частности, сообщается, что некий эмир по имени Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани (т. е. «туркмен»), который «горы Трапезунда сделал престолом своей власти и подушками [трона] своего величия», разорил обширные области и, особенно, район Эрзинджана. Далее, в письме подчеркивается, что Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмани посещал окрестности Байбурта, которые «являются местом нахождения врагов религии и власти и местом встречи людей заблуждения»²⁰ — иными словами, наводнены кочевыми туркменами, не признающими ни чью-либо верховную власть, ни авторитет мусульманского духовенства. Под «горами Трапезунда», по всей видимости, подразумевались южные предгорья Понтийского Тавра на юго-восточной границе трапезундских областей Хериана и Халдия, от которых кочевники с легкостью могли достичь долины Эрзинджана и Байбурта. Отметим, что приведенные в письме сведения согласуются с упомянутым выше сообщением об обрушившихся на Байбурт и Испир кочевниках во главе с Азатом Мусой и подтверждают его.

Далее, Муин ал-Дин Парвана с благодарностью уведомляет о прибытии монгольского войска во главе с Туки-нойоном в Эрзинджан и о разгроме, учиненном им среди туркмен²¹.

Однако сделаем небольшое отступление в связи с этим письмом, ибо оно содержит намеки на характер взаимоотношений между Великими Комнинами и Ильханами в этот период. Об упомянувшемся Туки-нойоне в письме также говорится: «направился [он] в высокогорные [районы] Рума, дабы уничтожить неверующих, освободить пленников-мусульман и собрать *джизью*». *Джизья* — это, как известно, подать с немусульман. Не к понтийским грекам ли прибыл Туки-нойон за *джизьей* в «высокогорные районы Рума»? Вполне вероятно, что именно к ним. Тогда данные письма косвенно подтверждают выплату Великими Комнинами *джизьи* монголам.

Возможно, что еще один эпизод может быть истолкован как намек на сбор монголами податей на территории Трапезундской империи. В сочинении Аксарайи содержится любопытный отрывок о грабительски проведенном в Анатолии в 1300 г. сборе налогов²². Сельджукский историк сообщает о сборе податей в этот год в Амасье, Сивасе и Эрзинджане. Может быть, та же кампания затронула и территорию Трапезундской империи? В 1300 г. в Эрзинджан вступил некий Низам ал-Дин Йахья, назначенный на сбор налогов Рума визирами Ильханов. Низам ал-Дин

²⁰ *Рашид ал-Дин*. Переписка. С. 306–307; *Shafi M. Letters of Rashid ad-Din*. P. 275–276.

²¹ *Рашид ал-Дин*. Переписка. С. 306–307; *Shafi M. Letters of Rashid ad-Din*. P. 277.

²² *Aksarayi*. P. 257–259ff.

оказался человеком жадным и несправедливым и под предлогом сбора налогов начал грабить людей и вымогать у них деньги — «за каждую пару рабочей скотины, за которую был назначен один динар, не соглашался принять и десять динаров, так что от области, не входившей во владения правителей Рума (курсив мой. — Р. Ш.), вместо двух или трех тысяч законно полагавшихся ему динаров, было выплачено около пятидесяти тысяч динаров». Хронист упоминает об «области, не входившей во владения правителей Рума» — может быть, под этой областью подразумевается территория Трапезундской империи?

Во всяком случае, как нам приходилось показывать в других работах, империя не была закрыта для монголов, трапезундцы перенимали дворцовые титулы, имена монгольского происхождения встречаются у жителей империи, а в 90-х гг. в Трапезунде достаточно долгое время пребывал *эльчи* (т. е. монгольский посол) Коджаба²³. Эти факты указывают на то, что влияние монголов на империю было значительным. Поэтому логично думать, что империя платила монголам поземельную подать. «Сорок шестое письмо» Рашид ал-Дина, где говорится о сборе *джизы* в горах Трапезунда, свидетельствует о том же.

Итак, если судить по приведенным выше сведениям источников, туркмены превратились в серьезную проблему для оседлого населения Понта лишь в 1290-х гг. Следовательно, вторая волна туркменской миграции, инициированная монгольским нашествием, достигла Западного Понта к 70-м, а Восточного Понта лишь к 90-м гг. XIII в. Можно думать, что Халивия была потеряна империей как раз в это время, к концу царствования Иоанна II, а именно в 1290–1297 гг. (до года смерти Иоанна II) и незадолго до появления Азата Мусы в Байбурте и Испире и бесчинств Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмени в области Эрзинджана и Байбурта.

Можно предположить также, что переход Великих Комнинов в правление Иоанна II к ориентации на монгольский Иран был, среди прочего, связан и с беспомощностью греческой центральной власти перед лицом тюркской кочевой миграции, остановить которую Великие Комнины надеялись с помощью монголов²⁴. Как видно из сообщений Му'ин ал-Дина Парвана Второго о карательной акции против кочевников, осуществленной Туки-ноёном, Ильханы реально пытались защитить земледельче-

²³ Шукуров Р. Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. С. 91–92; *Shukurov R. Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Sevčenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 78.*

²⁴ Ср. с интересным замечанием Д. А. Коробейникова, который предположил, что Палеологи пошли на сближение с Ильханами в 1260–1270 гг. в надежде защитить свои восточные границы от туркмен (*Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г. Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 445–448, 464.*

ские районы Восточной Анатолии от кочевых набегов²⁵. Не исключено, что Великие Комнины, приняв на себя обязательства по выплате *бджи* Ильханам, тем самым оказались под верховной юрисдикцией монгольского Ирана, а значит и под его военной защитой, в частности, от понтийских туркмен.

Правление преемника Иоанна II — императора Алексея II (1297–1330) было одним из самых счастливых за всю историю Трапезундской империи. В его царствование много строили, расцветала торговля — Трапезунд становится основным портом Южного Причерноморья. Отношения Алексея II с Ильханами, по всей видимости, были дружественными. На это косвенно указывает расцвет торговли с Тебризом понтийских греков и базировавшихся в Трапезунде итальянцев²⁶. Именно в эпоху Алексея II достигли высшей точки контакты понтийских и константинопольских интеллектуалов с тебризскими научными школами²⁷. Еще в предыдущую эпоху Трапезунд исполнял роль своего рода «моста», через который курсировали дипломатические миссии между христианским миром и империей Ильханов (так, в 1287 г. через Трапезунд проследовал несторианин Раббан Бар-Саума во главе посольства Ильхана Абака в Европу; в 1292 г. на пути в Тебриз и обратно остановилось в Трапезунде посольство английского короля Эдуарда I во главе с сэром Джефри Лэнгли; ок. 1294 г. через Трапезунд из Ирана в Европу прошли Николай, Матфей и Марко Поло, имея, возможно, какие-то поручения от хана к папе и западноевропейским государям)²⁸.

Эти короткие связи с Тебризом, можно думать, могли существенно облегчить для Великих Комнинов тяжесть борьбы с кочевниками.

Одно письмо Рашид ал-Дина, предположительно датированное М. Шафи 1299–1300 гг., сообщает об «отрядах бунтовщиков, которые засели на вершинах гор и склонах холмов Самсуна, Абхазии и Трапезунда», и о уже начавшейся экспедиции монгольской армии в Грузию, дабы «наказать непокорных, расправиться» с ними, и «на всех них надеть пояс повинове-

²⁵ Монголы поддерживали сельджуков в их попытках справиться с кочевниками и в других анатолийских регионах: *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 245; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 295–299; *Idem. Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIIIe siècle* // JA. 1951. T. 239. P. 335–354.

²⁶ Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 291–296; *Он же*. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 47–51, 91–100, 128–132.

²⁷ См., например: *Vogel K. Byzantine Science* // *Cambridge Medieval History*. Cambridge, 1967. Vol. 4/2. P. 277–278.

²⁸ *History of Yaballaha III* / Transl. J. A. Montgomery. N. Y., 1927. P. 52; *Larner J. Marco Polo and the Discovery of the World*. New Haven; L., 1999. P. 39; *Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства*. С. 153–154; *Bryer A. Edward I and the Mongols* // *History Today*. 1964. Vol. 14. P. 696–704.

ния и преданности»²⁹. Грузинские источники подтверждают это сообщение Рашид ал-Дина (а заодно и его предположительную датировку) — действительно, весной 1301 г. в Грузию вторглись монгольские войска³⁰. Нет сомнений, что и в этом случае Рашид ал-Дин подразумевал «бунтовщиков» туркмен, опустошавших обширную территорию от Самсуна до Западной Грузии, что вполне согласуется с приведенными выше данными.

Это сообщение Рашид ал-Дина, вероятно, следует рассматривать в связи с известием Панарета о несомненной удаче Великих Комнинов в борьбе с туркменами в окрестностях Керасунта, приходящейся как раз на 1301 г.:

«Повел войска василевс кир Алексей против турков, и в Керасунте захватил Κοουστούβηνην в году 6810 в месяце сентябре, когда было побито и много турков»³¹.

Э. Захариаду предлагала читать имя Κοουστούβηνης как Kuçdoğan. Воздерживаясь от неоправданной перемены «tu» Панарета на «do» (ведь греческий хронист передавал имена так, как их слышали греки от самих турок), для первой части имени мы следуем более правдоподобному прочтению, предложенному Ф. Эмедженом — Kuş. Следовательно, имя, вероятнее всего, звучало как «Kuş-Tughān»³².

Э. Брайер видит в Куш-Тугане эмира туркмен из племени *ак-куйун-лу*. Э. Захариаду предположила о принадлежности его к тюркам Халиви³³. Мнение Э. Захариады представляется более правдоподобным, не исключено, что Куш-Туган был предком (отцом?) Байрам-бека и дедом Хаджи Амира (см. ниже). О племенной принадлежности Куш-Тугана и его отношении к поздним эмирам Халиви, конечно, можно строить лишь догадки. На наш взгляд, важно другое: разгром и пленение Куш-Тугана, как видно из письма Рашид ал-Дина, совпадало по времени с подобной акцией монголов в соседних районах Западной Грузии. Скорее всего, действия Алексея II и монгольской центральной власти были согласованы и являлись частями одной крупномасштабной военной операции, направленной на сдерживание туркменской кочевой экспансии.

Весьма примечательно, что греки придали весьма большое значение своей победе над Куш-Туганом под Керасунтом — кроме Панарета, она отражена у Сгуропула (XIV в.), Хиониада (XIII — нач. XIV в.), и Виссари-

²⁹ Рашид ал-Дин. Переписка. С. 297–298; Shafi M. Letters of Rashid ad-Din. P. 263. Это сообщение Рашид ал-Дина упоминает и Э. Брайер: Bryer A. The Fate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 347 and note 73.

³⁰ Salia K. Histoire de la nation géorgienne. P., 1980. P. 241.

³¹ Panaretos. P. 63^{15–17}.

³² Emecen F. M. Giresun tarihiniin bâzı meseleleri // Giresun tarihi sempozyumu 24–25 Mayıs 1996. Bildiriler. Istanbul, 1997. S. 22.

³³ Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 133; Zachariadou E. Trebizond and the Turks. P. 342–343.

она (XV в.)³⁴. Хотя греческие источники не объясняют, чем, кроме гибели «множества тюрок», знаменательна была эта победа, однако, можно догадываться, что она могла иметь некое этапное значение в динамике борьбы Великих Комнинов с кочевой миграцией в долинных районах, прилегавших к Кerasунту³⁵. Может быть, именно эта победа спасла район Кerasунта и сам город от казавшейся неминуемой туркменской оккупации и остановила продвижение туркмен далее на восток.

Как бы то ни было, добрые отношения с монголами Ирана несомненно давали определенные гарантии безопасности для империи Великих Комнинов. Более того, в 30-х гг. XIV в. трапезундский *протоветстиарий* был в силах заступиться в Тебризе за ограбленных венецианских купцов³⁶ — слово трапезундского официала имело вес и в Тебризе. Однако эти, как кажется, вполне наладившиеся отношения с мусульманскими соседями неожиданно рухнули одновременно с падением власти Ильханов в Анатолии в 1335 г., и усилившейся в связи с этим экспансией как оседлых, так и кочевых тюрок на византийском Понте. Кл. Каэн писал в связи с усилившейся в конце XIII в. туркменской вольницей: «К несчастью для Малой Азии, ужесточение монгольского контроля пришлось на то время, когда монгольское государство дало трещину...»³⁷. Это замечание справедливо и для судьбы Трапезундской империи: исчезновение державы Ильханов, с которой Великие Комнины установили стабильные отношения, оставило понтийских греков один на один с туркменской опасностью.

³⁴ Пападопуло-Керамевс А. Сборник источников по истории Трапезундской империи. Т. I // Записки историческо-филологического факультета Имп. С.-Петербургского Университета. СПб., 1897. Т. 44. С. 61–62; *Stephanos Sgouropoulos*. Pros ton basilea kyron Alexion ton Komnenon stichoi egkomiastikon // *Analekta Hierosolymitikes stachyologias*. СПб., 1891. Т. 1. Р. 431–434; *Oikonomides N.* Symeion peri ton epistolon Gregoriou tou Chioniadou // *AP*. 1955. Т. 20. Р. 40–41; *Lampsides O.* Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt // *BZ*. 1935. Bd. 35. S. 17.

³⁵ Некоторые турецкие исследователи рассматривают эти сообщения греческих источников о событиях в Кerasунте как указания на первую оккупацию города тюряками (см., например, упоминавшуюся работу Ф. Эмеджен: *Etemen F. M.* Giresun tarihinin bazı meseleleri. S. 21–22). Однако, их утверждения ошибочны — известные источники не содержат ничего, что могло бы быть истолковано как намерение захват Кerasунта кочевниками на рубеже XIII и XIV вв.

³⁶ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 51.

³⁷ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 299.

ЧАСТЬ II. ОСЕДЛЫЕ ТЮРКИ ВОСТОЧНОЙ АНАТОЛИИ

Падение централизованной державы Ильханов было скорым и неожиданным. Уже в правление последнего великого государя этой династии — хана Абу Са'ида (1317–1335) в государстве проявляются центробежные тенденции. Особенно они были сильны в провинции Рум с центром в Сивасе, где в качестве наместника монголов утверждается в 1321–1328 гг. Тимурташ, сын всевластного ханского *на'иба* эмира Чобана.

После смерти хана Абу Са'ида в 1335 г. за табризский престол борются два знатных рода — Чобаниды (потомки эмира Чобана) и Джалаириды (эмир Шейх Хасан Бузург и его род). Власть Ильханов в Тебризе становится номинальной³⁸.

Ниже мы обратимся к ближайшим оседлым тюркским соседям Трапезундской империи в их отношениях между собою и греческим государством. Причем, как мы покажем, в эпоху последней волны туркменской миграции XIII–XIV вв. важную роль играли государства уже оседлых тюрко-мусульманских правителей — Джаника (Таджиддин-огуллары), Хаджимир-огуллары в Халивии, эмиров Эрзинджана и Байбурта, Кара-Хисара и, наконец, Сиваса, государи которого на протяжении всего XIV в. определяли политический климат в сопредельных землях.

1. ПРАВИТЕЛИ СИВАСА

После смерти Ильхана Абу Са'ида Иран переходит вскоре под власть Чобанидов³⁹.

В последние годы царствования Абу Са'ида наместником в Руме с 733/1333 или 1334 г. был Шейх Хасан Бузург (ум. 1356 г.), бывший правитель Кемаха⁴⁰. После смерти Абу Са'ида Хасан Бузург ушел из Сиваса в Тебриз, оставив в 736/1335 г. вместо себя наместником эмира 'Ала ал-Дина ибн Джафара Аратну, одного из приближенных Тимурташа. Аратна был наместником в Руме еще в 1328–1333 гг.⁴¹

³⁸ Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit (1220–1350). Berlin, 1968. S. 127–137; Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 139.

³⁹ Spuler B. Die Mongolen in Iran. S. 127–137; Boyle J. A. Dynastic and Political History of the Il-Khans // Cambridge History of Iran. Cambridge, 1968. Vol. V. P. 406–417.

⁴⁰ 'Abd al-Razzaq Samarqandi. Matla' al-sa'adayn. T. 1. Rieu, Add. 17, 928. Fol. 31b; Turan O. Istanbulun fethinden once yazilmis tarihi takvimler. Ankara, 1954 (далее — Tarikh-i taqwim). P. 70; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 301–302.

⁴¹ Абу Бакр ал-Кумби ал-Ахари. Тарих-и Шейх Уейс / Введ. и пер. М. Канимова, В. Пириева. Баку, 1984. С. 114–115; 'Abd al-Razzaq Samarqandi. Matla'

В 1338 г. Аратна присягает Чобаниду Шейху Хасану Кучуку ибн Тимурташу — новому государю Тебриза⁴². Но в том же 1338 г. Аратна отложился от Хасана Кучука и признал сюзеренитет египетского султана ал-Насира⁴³, а около 1341 г. он провозглашает себя независимым. Во второй половине 1343 г., разгромив войска Хасана Кучука под Сивасом, Аратна окончательно утверждает свою независимость от Тебриза⁴⁴.

Как следует из сочинения Ибн Баттуты, в начале 30-х гг. XIV в. Сивас, Амасья, Сонуса и Эрзинджан подчинились Аратне⁴⁵. Однако после ухода из Рума Хасана Кучука ибн Тимурташа Аратна вновь начинает завоевание северо-восточных областей Анатолии. В начале 1339 г. он овладевает Сивасом⁴⁶, после 1341 г. к нему переходит Амасья⁴⁷, Кемах подчиняется Аратне после 1347 г.⁴⁸ Вероятно, между 1341 и 1346 гг. он покоряет Байбурт⁴⁹. Аратне подчинились также Токат, понтийский Кара-Хисар⁵⁰ и Никсар⁵¹. Монеты 50–60-х гг. показывают, что в это время власть потомков Аратны признавалась в Эрзинджане и в Байбурте⁵².

al-sa'adain. Fol. 43b; *Spuler B. Die Mongolen*. S. 355; *Cahen Cl. Eretna* // *Et.* Vol. 2. P. 705–707; *Uzunçarşılı I. H. Sivas-Kayseri ve dolaylarında Eretna devleti* // *Belleten*. 1968. T. 32. S. 163–165.

⁴² *Ibn Khaldun. Kitab al-'ibar wa diwan al-mubtada wa al-khabar fi ayyam al-'arab wa al-ajam wa al-barbar*. al-Qahira, 1856. T. 5. P. 560.

⁴³ Al-Umaris Bericht über Anatolien in seinem Werke «Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar» / Zum ersten Male herausgegeben von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929. S. 28 (далее — *Umar*); *Ibn Taghri Birdi's Chronicle of Egypt* / Arabic Text ed. by W. Popper. Berkley, Los Angeles, 1957. Vol. 5. P. 137.

⁴⁴ *Абу Бакр Кутби*. С. 120; *Ibn Khaldun*. P. 560–561; *Хамдаллах Казвини*. *Зайли Тарих-и гузида* / Пер. и примеч. В. Пирнева. Баку, 1986. С. 129; *Sanjian A. K. Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History* / Selec., transl., annot. by A. K. Sanjian. Cambridge, 1969. 1343:1.

⁴⁵ *Ibn Battuta. The Travels of Ibn Battuta, AD 1325–1354* / Transl. H. A. R. Gibb. Cambridge, 1962. Vol. 2. P. 435–437.

⁴⁶ *Tarikh-i taqvim*. P. 70.

⁴⁷ *Taeschner Fr. Amasya* // *Et.* Vol. I. P. 431–432.

⁴⁸ *Хачатрян А.* Корпус арабских надписей Армении. Вып. I. Ереван, 1987. № 161, 160 (Коммент. с. 189–190).

⁴⁹ Один из армянских колофонов сообщает, что в 1341 г. из Байбурта уходят все жители из-за междоусобицы. В колофоне за 1346 г. говорится, что рукопись завершена в Байбурте во время правления Аратны в Руме. Поскольку надпись носит панегирический характер, можно думать, что Аратна владел в это время городом (*Sanjian A. K. Op. cit.* 1341:1, 1346:1).

⁵⁰ *Cahen Cl. Eretna* // *Et.*; *Idem. Pre-Ottoman Turkey*. P. 302, 362; *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri Eretna devleti*. S. 176, 188.

⁵¹ *Oğuz M. Taceddin oğulları* // *Ankara dil ve tarih coğrafiya fakültesi dergesi*. 1948. T. 6. S. 473.

⁵² *Tewhid A. Müze-i Humâyûn'un meskûkât-ı kadime-i islâmîye katalogu. Qustantiniyya*, 1321. T. 4. S. 430, 432, 437–439. № 869, 876, 896–899, 901; *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri Eretna devleti*. S. 181, 184, 187–188.

Царствование Аратны, скончавшегося в начале 1352 г., было довольно устойчивым. Он прославился как покровитель мусульманской духовно-интеллектуальной элиты (*шайхов, улемов*) и ревнитель шариа, справедливый правитель. Подвластный народ именовал его «безбородым пророком» (*kāsa rayghambar*)⁵³, вероятно, с намеком на его длинную редкую бороду, свойственную туркам.

Сразу после смерти Аратны в султанате начинается междоусобная борьба, не прекращавшаяся вплоть до падения династии. Аратну сменяет на престоле его сын Мир Мухаммад (1353–1365)⁵⁴. После его смерти власть переходит к сыну Мир Мухаммада — султану ‘Ала ал-Дунья ва ал-Дин ‘Али (1365–1380). В раджабе 782 г. (1–30 октября 1380 г.) он умер от чумы, оставив после себя наследником семилетнего сына Мухаммада⁵⁵. Опекуном малолетнего султана становится эмир Кара-Хисара Кылыч-Арслан, потомок Сельджукидов Рума⁵⁶. Зимой 1380/81 г. Кылыч-Арслан был зарублен Бурхан ал-Дином, одним из влиятельных вельмож ‘Ала ал-Дина ‘Али. 9 февраля 1381 г. Бурхан ал-Дин объявляет себя султаном Сивасского государства⁵⁷.

Ахмад ибн Мухаммад Бурхан ал-Дин (1345–1398), бывший кесарийский казий (*qāḍī*), с июля 1378 г. был визиром султана ‘Али. В период кратковременного регентства Кылыч-Арслана был вторым после опекуна лицом в государстве и основным его соперником⁵⁸.

После утверждения у власти Бурхан ал-Дин пытается объединить бывшие земли державы Аратны, но наталкивается на упорное сопротивление эмиров Амасыи, Никсара, Кара-Хисара, Кайсери, Эрзинджана, сепаратистские устремления которых обнаруживались еще со времен правления Мир Мухаммада ибн Аратны.

⁵³ Мухаммад Шабанкараи. Маджма’ ал-ансаб. ПФ ИВ РАН. С 372. Л. 238об.

⁵⁴ О царствовании Мир Мухаммада см.: Tarikh-i taqwim. P. 72; *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri Eretna devleti*. S. 177–181; *Inalcik H. The Conquest of Edirne (1361) // AÖt. 1971. Vol. III. P. 206, 207 note 75.*

⁵⁵ *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi. Bazm-u razm / [Hazarlıyan Kilitli Muallim Rif’at], F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. İstanbul, 1928 (далее — Bazm-u razm).* P. 180, 182; *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri Eretna devleti*. S. 185–186; *Oral M. Duruğan ve Bafrada iki türbe // Belleten. 1956. T. XX. S. 410.*

⁵⁶ *Abu al-‘Abbas Qalqashandi. Kitab subh al-a’sha’ fi katabat al-insha’.* Al-Qahira, 1915. T. V. С. 363; *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri Eretna devleti*. S. 185, haş. 81.

⁵⁷ *Bazm-u razm.* P. 214–216, 217–218, 222. Враги Бурхан ал-Дина неоднократно требовали восстановления на престоле наследника ‘Али-бека (Там же. С. 222–223, 235, 243, 326, 353–354). Однако Бурхан ал-Дин отвечал на подобные требования, что его держава не имеет отношения к государству Аратны и его потомков (С. 247) (см. также: *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri Eretna devleti*. S. 186).

⁵⁸ *Uzunçarşılı I. Sivas ve Kayseri Hükümdarı kadı Burhaneddin Ahmed // Belleten. 1968. T. XXXII. № 126. S. 191–232; Bala M. Kadı Burhaneddin // İA; Yücel Y. Kadı Burhaneddin. Ankara, 1987. S. 2–9.* Э. Захариаду совершенно упускает из вида статус Бурхан ал-Дина до 1378 г., а также факт регентства Кылыч-Арслана (*Zachariadou E. Trebizond and the Turks*).

В 1382–1383 гг. и в начале 90-х гг. против Сиваса выступают в союзе эмир Кастамона и Синопа, владетель Амасьи и эмиры Бафры⁵⁹. В 1383/84 г. османский султан Мурад I вмешивается во внутренние дела эмирата Кастамона и Синопа. Это породило напряженность между сивасцами и османами, которая разрешается в открытом столкновении Бурхан ал-Дина и Байазиды Йылдырыма за восточные владения эмирата Кастамона и Синопа в 1391 г. Отношения с Байазидом I были урегулированы при посредничестве Каира в 1393 г.⁶⁰

14 июля 1398 г. Бурхан ал-Дин был убит эмиром *ак-куйунлу* Кара-Йулуком 'Усманом, заручившимся прежде поддержкой у османов в Амасье и у Мутаххартана в Эрзинджане. В Сивасе на короткое время воцаряется 'Ала ал-Дин, сын Бурхан ал-Дина. По просьбе самих сивасцев, осажденных эмиром Кара-Йулуком 'Усманом, османские войска в 1398 г. заняли город⁶¹.

С гибелью султана Бурхан ал-Дина основными соперниками в Северо-Восточной Анатолии становятся османский султан Байазид и среднеазиатский завоеватель Тимур (1370–1405)⁶². 7 сентября 1400 г. эмир Тимур временно захватывает Сивас и разрушает его, весной 1402 г. он вторично занимает город⁶³. Сивас, однако, остается во владении османов и после походов Тимура, хотя и теряет свою роль ведущего политического центра в Северо-Восточной Анатолии.

⁵⁹ Bazm-u razm. P. 266–267, 296–302, 398, 399; *Oral M. Duruğan*. S. 408–409.

⁶⁰ Bazm-u razm. P. 302–303, 317–319, 387, 394, 402–408, 420–429; *Ibn Furat*. The History of Ibn Furat / Ed. by C. K. Zurayk. Beirut, 1936. T. IX. C. 339; *Zachariadou E. Manuel II Palaeologos on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad* // BSOAS. 1980. Vol. 18. P. 471–481; *Charanis P.* Strife among Palaeologi and Ottoman Turks (1370–1402) // Byzantion. 1944. T. XVI. P. 309–312; *Uzunçarşılı İ. Sivas... Hükümdarı*. S. 209–216; *Yücel Y. Kadı Burhaneddin*. S. 27–28, 19; *Yücel Y.* Kastamonunun ilk fethine kadar Osmanlı-Candâr münasebetleri (1361–1392) // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1963. T. 1/1. S. 133–144.

⁶¹ Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. / Пер. с нем. Ф. Бруна // ЗНУ. Одесса, 1867. Т. 1. Вып. 1–2. С. 14–16; *Taqi al-Din Ahmad Maqrizi*. Kitāb al-Suluk li-ma'rifat duwal al-muluk / Ed. M. Ziyad. al-Qahira, 1956. T. III. P. 906, 979; *Maulana Sharafuddin Ali Yazdi*. Zafarnamah. Calcutta, 1885–1888. T. 2. P. 256; *Kreutel R. F.* Vom Hirtentum zur Hohen Pforte Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufe des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 107. 'Ала ал-Дин 'Али Челеби дважды упоминает в Базм-у разм как наследник (с. 482, 536); *Uzunçarşılı İ. Sivas... Hükümdarı*. S. 221, has. 65 (И. Узунчарышылы ошибочно перевел эту дату с календаря хиджры на современный 28 шаввала 800 г., т. е. 14 июля, но не 9 июля 1398 г.)

⁶² *Yücel Y.* XIV–XV Yüzyıllar Türkiye tarihi hakkında araştırmalar, II // Belleten. 1973. T. XXXVII. S. 170–174.

⁶³ *Fischel W.* Ibn Haldun and Tamerlan. Berkley; Los-Angeles, 1952. P. 51.

2. КАРАХИСАРСКИЙ ЭМИРАТ

Карахисарский эмират был одним из понтийских государств, довольно рано вошедшим в соприкосновение с Трапезундской империей. По нашим сведениям, история его как государственного образования в литературе до сих пор не освещалась.

Кара-Хисар (Кугуния, Катуния, виз. Колония) был важным центром добычи квасцов⁶⁴. Эмират с центром в Кара-Хисаре, возникнув в 1330-х гг., сохранял значительную долю независимости вплоть до первой четверти XV в. Как отдельная политическая единица эмират выделился в эпоху правления в нем Чобанида Хасана Кучука (1338–1343).

Согласно «Тарих-и таквим», Хасан Кучук прибыл в Рум в царствование Абу Сайда в 731 г. Х. (1330/31)⁶⁵. Тогда же или чуть позже он обосновывается в Кара-Хисаре. Как сообщает Абу Бакр Кутби, еще в начале 1338 г. Хасан Кучук с братьями пребывал в Кара-Хисаре⁶⁶.

5 июля 1336 г. Хасан Кучук совершает поход против Трапезундской империи. Он был остановлен около самого Трапезунда у горы Митры⁶⁷. По сообщению Панарета, в сражении пал некий 'Абд ал-Рахим, сын Рустама. Возможно, это был один из курдских сподвижников Хасана Кучука⁶⁸. О причинах этого нападения на империю, да и вообще об отношениях Хасана Кучука с империей, не известно ничего.

Упомянутый Панаретом поход Хасана Кучука на Трапезунд позволяет предполагать, что он обосновался в Кара-Хисаре уже к 1336 г. Именно из Кара-Хисара в 1338 г. он выступает против Хасана Бузурга, утвердив-

⁶⁴ Кара-Хисар, по мнению Э. Брайера, не представлял значительного интереса в стратегическом отношении, с чем, как мы увидим, вряд ли можно согласиться. См.: *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 145–146; Bryer A. The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and the Mummy of Chieriana // AS. 1982. Vol. XXXII. (=Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / Variorum collected studies series. L., 1988. № XI). P. 146–149.*

⁶⁵ *Tarikh-i taqwim. P. 70.*

⁶⁶ *Абу Бакр Кутби. С. 116.*

⁶⁷ *Panaretos. P. 64³⁰–65²; см. также: Bryer A. Epithalamies and Eclipses in Fourteen-century Trebizond // Byzantium. Tribute to Andreas N. Stratos Athens. 1986. Vol. 2. P. 348; Spuler B. Die Mongolen. S. 131.*

⁶⁸ Один из армянских колофонов, сообща об осаде Эрзнджана, упоминает среди воинства Шейх Хасана курдов (k'urt) (*Sanjian A. Op. cit. 1338:1*). Имя Рустам было совершенно неупотребительным в среде тюрков Северо-Восточной Анатолии в это время, курды же считали известного эпического героя Рустама курдом по происхождению и охотно пользовались этим именем (*Шараф-хан Бидлиси. Шараф-намэ / Пер., предисл., примеч. и приложения Е. И. Васильевой. М., 1976. Т. I. С. 84. Индекс*). Возможно, упомянутый 'Абд ал-Рахим происходил из курдов и явился к Понту вместе с Шейх Хасаном Кучуком. Интересно, что курды, в силу их высоких боевых качеств, набирались даже в египетскую мамлюкскую армию того времени (*Ayalon D. The Auxiliary Forces of the Mamluk Sultanate // DI. 1988. T. 65/1. P. 21–23*).

шегося в Тебризе. В июле 1338 г. он разбил Хасана Бузурга, овладевает Тебризом и основывает государство Чобанидов под эгидой номинальных хулагуидских ханов⁶⁹.

Знаменательно, что Хасан Кучук не утрачивает связи с Кара-Хисаром вплоть до своей смерти 16 декабря 1343 г. — именно там хранилась его казна и там же он держал под арестом своего дядю эмира Сургана ибн Чобана. Наместником в Кара-Хисаре был тогда некий Сарват Хусайн⁷⁰. Возможно, что в окружении Хасана Кучука было много греков, привезенных им в Иран из Анатолии. «Иззат-Малак, жена Хасана Кучука, была ромейкой (*rumi*)⁷¹. Она и задушила своего мужа в гареме, за что была казнена. Ее тело было расчленено, наколото на ножи и съедено приверженцами Хасана Кучука⁷². Из румийцев состояла и гвардия Хасана Кучука⁷³.

Сменивший на тебризском престоле Хасана Кучука его брат, Малик Ашраф (1343–1357), по всей видимости, также не порывает с областью Понта. В его державе немаловажную роль играют выходцы из Рума и ромейские (румийские) рабы⁷⁴. Утверждаясь у власти, Малик Ашраф казнил нескольких важных эмиров, а «их места он передавал гулямам Джаника и возвышал их»⁷⁵.

Итак, Кара-Хисар принадлежал Чобанидам, по крайней мере, до декабря 1343 г. Принадлежали ли Чобанидам в области Понта еще какие-либо земли — ответить трудно. В припонтийском регионе Чобаниды контролировали Эрзерум. В 1340–1343 гг. Чобаниды несколько раз пы-

⁶⁹ Spuler B. Die Mongolen in Iran. S. 130–132; Хамдаллах Казвини. С. 104; Али-заде А. Социальная, экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XV вв. Баку, 1956. С. 289, 330–336.

⁷⁰ Казвини. С. 126, 130, 132; Шараф-хан Бидлиси. Т. 2. С. 72; Hafiz-i Abru. Zayl-i Jami' al-Tawarikh-i Rashidi. Tehran, 1938. Т. I. P. 174–175.

⁷¹ 'Abd al-Razzaq Samarqandi. Matla' al-sa'adayn. Т. 1. Fol. 68:

خاتون شيخ حسن عزت ملك رومی بود

⁷² Казвини. Ук. соч. С. 130.

⁷³ Абу Бакр Кутби. Ук. соч. С. 120–121.

⁷⁴ У Абу Бакра Кутби — Мухаммад Руми, гулям (с. 123); приближенный молодой румиец, эмир Ахмад Даджи (с. 124); Бекджуказ ибн Хаджи «пронсходил из туркмен Рума» (с. 125).

Надо отметить, что в Сивасе располагался один из главных для Малой Азии XIII–XIV вв. центров торговли рабами (Sadeque S. F. Baybars the First of Egypt. Oxford, 1956. P. 29–30). Можно думать, что в работоторговле региона циркулировали и греческие рабы. Детальную сводку сведений о рабах-греках в тюркской анатолийской среде см.: Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 240–244.

⁷⁵ Loon J. B. van. Ta'rikhi Shaikh Uwais. An Important Source for the History of Adharbayjan in the 14th Century. Hague, 1954. P. 172

(روای ایشان بخلامان جانیک می نادر), ср.: Абу Бакр Кутби. С. 123. Перевод отрывка в бакинском издании не считаем удачным. Приводим свой перевод по факсимильному изданию текста Ван Лоона.

тались захватить Эрзинджан, но потерпели неудачу⁷⁶. Возможно, как знак пребывания Чобанидов на Понте сохранился топоним Чобанлы в 30 км южнее Кара-Хисара и топоним Чобан-кале, отмеченный западнее р. Харшит (Филавонит) на английской военной карте 1901 г.⁷⁷ О присутствии Чобанидов в области Трапезунда сообщает Эвлия Челеби. Он упоминает крепость на реке Хошоглан в двух переходах к югу от Трапезунда, возведенную неким «Хошогланом из рода Чобана». Судя по всему, Эвлия имеет в виду истоки реки Пританис или Лараханис в Палеомацуке. Кроме того, Эвлия сообщает о погребении некоего Чобана Кордуманшаха, Чобанида, в местечке Бару, расположенном в 4 часах пути от Кара-Йакуба в сторону Эрзинджана⁷⁸. Сохранение в памяти населения воспоминаний о пребывании на Понте Чобанидов вплоть до XVII в. представляется весьма знаменательным.

По всей видимости, в период между 1343 и 1357 гг. (т. е. годом падения власти Чобанидов) Кара-Хисар вновь переходит под власть Сиваса. В 1362 г. крепостью владел эмир Пир-Хусайн, отправившийся оттуда в Эрзинджан летом этого года⁷⁹.

Позже область Кара-Хисара мы находим под властью Кылыч-Арслана, владевшего также Коюль-Хисаром. Как говорилось, он был вассалом «Ала ал-Дина «Али»⁸⁰. В 1368 г. Кылыч-Арслан атакует трапезундскую Халдию. По предположению Э. Захариаду, тюркские вторжения в Халдию и Хериану в 1369, 1373, 1374 гг. следует также отнести к деятельности этого эмира⁸¹. В 1379 г. Кылыч-Арслан, желая помешать заключению союза между Тадж ал-Дином и трапезундцами, готовится напасть на Трапезунд. Император, предвосхищая его атаку, подготовил Трапезунд и окрестности к отпору⁸².

Владения Кылыч-Арслана, возможно, включали в себя крепости Куманот (рядом с Токатом) и Харсанус (юго-восточнее Никсара) — в 1380 г. их просит для себя у Кылыч-Арслана Бурхан ал-Дин Ахмад⁸³.

⁷⁶ Brosset M. Collection d'historiens arméniens du Xe au XIXe siècle. St.-Petersburg, 1874. Vol. I. P. 481, 483.

⁷⁷ Uzunçarşılı İ. Sivas... Eretna devleti. S. 166, 169; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 141. Map 1.

⁷⁸ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 141. Map 1; Эвлия Челеби. Книга путешествий / Пер. и комм. М., 1983. Вып. 3. С. 43, 81, 103, 246. Достоверность последнего сообщения Эвлии отчасти подтверждается тем, что построенный Кордуманшахом мост Чобан Кёprü упоминается уже в XIV в. в хронике «Азиза Астарабади (р. 462). О Хошоглане см.: Bryer A., Winfield D. Op. cit. Vol. 1. P. 207.

⁷⁹ Tarih-i taqwim. P. 80.

⁸⁰ Tewhid Ahmed. Op. cit. S. 439. № 901: это монета, происходящая из Karynin, т. е. понтийского Кара-Хисара, с именем султана «Али 768 (1366/67) г.

⁸¹ Zachariadou E. Trebizond. P. 347; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 173; Panaretos. P. 76–77, 77²–³, 77²–³, 78²–¹⁰.

⁸² Panaretos. P. 78–79.

⁸³ Bazm-ı razm. P. 189, 198–200.

После смерти Кылыч-Арслана (зимой 1380/81 г.) в Кара-Хисаре правит эмир Малик Ахмад. Этот эмир с самого начала своего правления и до конца 90-х годов XIV в. сохранял дружественные отношения с эмиром Эрзинджана Мутаххартаном и был его вассалом⁸⁴. Так, зимой 1387 г. Мутаххартан в страхе перед приближением эмира Тимура даже отправляет в Кара-Хисар свою семью⁸⁵. В начале 1395 г. Бурхан ал-Дин совершил рейд к Байбурту, а на обратном пути в Сивас подошел к Кара-Хисару, и тогда Малик Ахмад был вынужден признать власть Бурхан ал-Дина. Но уже в конце 1395 г., когда Бурхан ал-Дин был разбит Мутаххартаном под Пулуром, Малик Ахмад избивает и грабит беглецов из сивасского войска, проходивших через его владения. Вплоть до своей смерти Бурхан ал-Дин не смог, несмотря на все свои усилия, подчинить себе Кара-Хисар⁸⁶. Об отношениях Малика Ахмада с Трапезундской империей не известно ничего, но, очевидно, они были дружественными, ибо сюзерен Малика Ахмада — Мутаххартан был союзником империи.

О дальнейшей судьбе Карахисарского эмирата сохранились следующие отрывочные данные. Вскоре после 1410 г. один из эмиров *каракуйунлу* Пир-Умар-бек осаждает Кара-Хисар. Его правитель Хасан-бек ибн Малик Ахмад обращается за помощью к османам. Несмотря на это, Пир-Умар-беку, возможно, удалось покорить крепость⁸⁷. Около 1422 г. Кара-Хисар упоминается уже в составе эмирата Ак-Куйунлу как удел эмира Йакуба ибн Усмана⁸⁸. Крепость находилась в руках туркмен *ак-куйунлу* вплоть до 1457 г., когда наместник Кара-Хисара при поддержке османов восстал против Узун-Хасана (1452–1478). Однако уже весной 1458 г. мятеж был подавлен⁸⁹.

⁸⁴ Bazm-u razm. P. 233, 265, 332; *Abu Bakr Tihrani-Isfahani*. Kitab-i Diyarbakiriyya / Hazırliyanlar N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1962–1964. T. 1–2. T. 1. P. 35; *Шукуров Р. М.* Кытаби Дийарбакрийа Абу Бахра Тихрани о взаимоотношениях Трапезундской империи с тюркскими государствами Малой Азии в XIV–XV вв. // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 2. С. 346.

⁸⁵ Bazm-u razm. P. 332.

⁸⁶ Ibid. P. 477, 483, 494, 534.

⁸⁷ *Neşri Mehmed*. Kitab-i cihân-nüma / Hazırliyanlar F. R. Unat ve M. A. Köymen. Ankara, 1949–1957. T. 1–2. T. 2. S. 538; *Seif Th.* Der Abschnitt über die Osmanen in Sükrüllahs persischer Universalgeschichte // Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte. Wien–Hannover, 1926. Bd. 2 (далее — Шукруллах). S. 110–111; *Идрис Бидлиси*. Хашт бишти. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 387. Л. 209 об; *Abu Bakr Tihrani*. T. 1. P. 31.

⁸⁸ *Abu Bakr Tihrani*. T. 1. P. 90.

⁸⁹ Ibid. P. 378–380.

3. АХИ АЙНА-БЕК И ЭМИРАТ ЭРЗИНДЖАНА И БАЙБУРТА

В 1331 г. Эрзинджан и Байбурт подчинялись Аратне как наместнику монголов. В период кризиса монгольской державы в 30-х годах XIV в. Аратна, по-видимому, теряет власть над городами. К 1348 г., как следует из хроники Панарета (см. ниже), Эрзинджан перешел под власть Ахи Айна-бека.

Известно, что Ахи Айна-бек был настолько состоятельным человеком, что выкупил город у своего предшественника — случай довольно редкий, а для истории Восточной Анатолии, быть может, и уникальный⁹⁰. Первая часть его имени «Ахи» (أخي от араб. «брат мой», здесь «брат», «молодец», «доблестный муж»), по всей видимости, указывает на то, что он принадлежал к эрзинджанскому (?) ремесленному братству *футува* (араб. «организация молодых»). О наличии в Анатолии в XIII–XIV вв. привнесенных из Средней Азии и Ирана *футува* — ремесленных и религиозных братств с выраженным мистическим, суфийским уклоном, хорошо известно. В силу хронической слабости централизованной власти после распада империи Ильханов, деятельность *футува* в Анатолии приобретает выраженную военно-политическую компоненту. Ряд городов Центральной и Восточной Анатолии, в первую очередь, традиционные центры ремесла, подпадают под власть местных *ахи*⁹¹. Как показал Сп. Врнис, братства *футува* включали в себя и христианских ремесленников. Скорее всего и братство *ахи* в Эрзинджане, упомянутое Ибн Баттутой, охватывало также местных армян, составлявших большинство в этом городе⁹². Не исключено, что Эрзинджан, известный центр ремесла в ту эпоху, оказался во власти влиятельного лидера такого братства. Как уже отмечалось, в 60-х гг. Ахи Айна-бек чеканил монеты с именами сивасских государей (монеты 1359–1360 и 1365–1366 гг.)

Первый поход Ахи Айна-бека против Трапезунда имел место в июне 1348 г.⁹³, сообщение о котором у Панарета явилось и первым упоминанием этого правителя в источниках. В связи с этим событием обращает на себя внимание сообщение Абу Бакра Кутби о том, что именно летом 1348 г. Чобанид Малик Ашраф, имевший какие-то связи с Понтом, учинил

⁹⁰ Bazm-u razm. P. 160.

⁹¹ Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 396–402 (тут же см. ссылки на основную литературу по теме); Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 336–341 и особенно p. 340. К ряду примеров, приведенных Сп. Врнисом и Кл. Казном, следует добавить отсутствующий у них яркий прецедент Ахи Айна-бека. Об анатолийских *ахи* см. также: Köprülü M. F. Islam in Anatolia after the Turkish Invasion (Prolegomena) / Transl., ed., and with an Introduc. by G. Lelser. Salt Lake City, 1993. P. 18, 28–31.

⁹² Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 401; Ibn Battuta. Vol. 2. P. 437–438.

⁹³ Panaretos. P. 68^{13–19}.

великое побойще в Азербайджане и сопредельных областях⁹⁴. Была ли между двумя этими событиями какая-либо связь?

Байбуртом к 1348 г. владел некий Махмуд екептарис, (вероятно, Мухаммад Рикабдар), также признававший власть Сиваса⁹⁵. Об отношениях между им и Ахи Айна-беком ничего не известно, кроме того, что в 1348 г. они в союзе выступили против Трапезундской империи. Однако уже в 1360–1361 гг. в Байбурте правит некий Ходжа Латиф. Один из армянских колофонов сообщает под 1355 г., что владетель Эрзинджана Ахи Айна-бек (Yaxiaуana Bek) был атакован неким Хошау Yalij⁹⁶. По всей видимости, армянский писец под Хошау Yalij подразумевал Ходжа Латифа (армянские транскрипции иноязычных имен часто неаккуратны), следовательно, этот эмир закрепился в Байбурте уже к 1355 г. и к тому же был во враждебных отношениях с эрзинджанским эмиром. Косвенно подтверждает последнее тот факт, что два известных похода Ходжа Латифа и поход Ахи Айна-бека против Трапезундской империи не были связаны между собой.

Ходжа Латиф атакует Трапезундскую империю дважды. В апреле 1360 г. он помешал императору Алексею III возвести крепость Кукося⁹⁷. По идентификации Э. Брайера, крепость возводилась на подходах из Байбурта во внутреннюю Халдию⁹⁸, поэтому неудивительно, что Ходжа Латиф пытался препятствовать ее строительству. Последний поход Ходжа Латифа в Мацуку в июле 1361 г. закончился для него трагически — он был разгромлен, взят в плен, обезглавлен, а голова его отведена с триумфом в Трапезунд для всеобщего обозрения⁹⁹. Как утверждает Ливадин, турки были разгромлены «мужами безоружными и легковооруженными из Мацуки»¹⁰⁰.

Вполне вероятно, что Байбурт перешел после смерти Ходжа Латифа под власть Ахи Айна-бека, ибо последний вскоре атаковал территорию Трапезундской империи со стороны Байбурта: в том же 1361 г. Ахи Айна-бек осадил Голаху и крепость Кукося, но не добился успеха. Относительно этого события, чем-то показавшегося особо знаменательным для современников, до нас дошло два дополняющих друг друга сообщения. По «Тарихи и таквим», он отправился против «трапезундского Кукося» (*kūgh-i*

⁹⁴ *Абу Бакр Кутби*. Ук. соч. С. 124.

⁹⁵ *Panaretos*. P. 68. См. толкование В. Менажа в его рецензии на английский и немецкий переводы «Воспоминаний» Константина Михайловича (BSOAS. 1977. Vol. XL. 2. P. 159–160), а также — *Zachariadou E. Trebizond*. P. 399 note 6.

⁹⁶ *Sanjian A.* Op. cit. 1355:1.

⁹⁷ *Panaretos*. P. 73³⁻⁶.

⁹⁸ *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 303, 309.

⁹⁹ *Panaretos*. P. 73²⁴⁻³⁰; *Libadenos*. Andreou Libadenou bios kai erga / Ed. Od. Lampisides. [AP. Parartema, 7]. Athenai, 1975. P. 106⁷²⁻⁸⁹, 111–112; см. также: *Zachariadou E. Trebizond*. P. 349 note 1.

¹⁰⁰ *Libadenos*. P. 112¹⁰⁷.

(*rabzūn*) 15 октября 1361 г., Панарет же сообщает, что осада Голахи длилась 16 дней в октябре этого года с применением осадных орудий¹⁰¹. Упомянутое применение осадных орудий указывает на то, что в воинстве Ахи Айна-бека присутствовали оседлые горожане, знакомые с техникой регулярной осады городов. Это является еще одним аргументом в пользу «ремесленного» происхождения Ахи Айна-бека, войско которого, возможно, было не кочевым туркменским, а состоявшим из армяно-ирано-тюркского оседлого населения региона.

Тот же отрывок из «Тарих-и тақвим» фиксирует и другой факт: поход Ахи Айна-бека к Эрзеруму и в Лакзи, начавшийся 6 августа 1361 г.¹⁰² Лакзи — это, по-видимому, эквивалент греческой Λαζική. В XIII–XV вв. «Лазикой», как правило, именовали восточные территории Трапезундской империи, в частности фему Великая Лазия (Μεγάλη Λαζία)¹⁰³. Восточным писателям этноним и топоним «Лаз» в форме «Лакзи» был хорошо известен, а Абу ал-Фида (начало XIV в.), например, прямо ассоциирует его с Трапезундской империей¹⁰⁴. Учитывая это, а также враждебность Ахи Айна-бека к империи, можно предположить, что поход этот он совершил в пределы трапезундской фемы Великая Лазия. Другое возможное истолкование — поход мог быть направлен на Аракел — полунезависимое или независимое княжество амшенских армян, располагавшихся севернее Испира, вдоль Трапезундской границы¹⁰⁵. Первое истолкование нам представляется более вероятным, поскольку княжество Аракел примыкало к Лазике, но вряд ли отождествлялось с ней. Необходимо отметить также, что из трех посещений Лазики императором Алексеем III лишь в первом из них в 1367 г. императора сопровождали сухопутное войско и флот¹⁰⁶. Хотя в 1367 г. уже пять лет как Ахи Айна-бека не было в живых, в Лазике, вероятно, сохранялась тюркская опасность.

¹⁰¹ *Panaretos*. P. 74³⁻⁸; *Tarikh-i taqvim*. P. 80; ср.: *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 172, 302, 308. «*Tarikh-i taqvim*» сообщает исключительно об осаде Кукоса, а Панарет — только об осаде Голахи (*Bryer A. The Question* P. 144–145 and note 40).

¹⁰² *Tarikh-i taqvim*. P. 80; ср.: *Brosset M. Matériaux pour servir à l'histoire de Géorgie depuis l'an 1201 jusqu'en 1755*. St.-Petersbourg, 1841. P. 16.

¹⁰³ О топониме и этнониме Λαζία/Λαζικα/Λαζοί см.: *Laurent V. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV, Jean IV et David II // AP*. 1953. T. 18. P. 265, 268; *Bryer A. Some Notes on the Laz and Tzan (I) // Bedi Kartlisa*. 1966. Vol. XXI–XXII (50–51). P. 179–181. (*Idem*. *Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / Variorum collected studies series*. L., 1988. № XIVa); *Kurjanskis M. L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // REB*. 1977. T. 35. P. 250–252.

¹⁰⁴ *Géographie d'Aboulféda / Texte arabe publié...* par M. Reinaud. P., 1840. P. 393: «Трапезунд — известный порт. Ибн Сайид говорил — большинство его жителей ал-лакзи. Южнее Трапезунда, на востоке, горы ал-Лакзи...».

¹⁰⁵ *Bryer A. Some Notes on the Laz and Tzan (I)*. P. 193–194; *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 335–337; *Кузнецов И. В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры*. М., 1995. С. 10–25.

¹⁰⁶ *Panaretos*. P. 76¹², 77, 78.

Как бы то ни было, принадлежность Байбурта и Испира Ахи Айна-беку, в свете отмеченных фактов, представляется почти бесспорной. Во время своих атак на Голаху, Кукос и Лазик (и тем более Аракел) Ахи Айна-бек вряд ли мог миновать Байбурт и Испир, контролировавшие подходы в этот регион со стороны Эрзинджана.

Как видно, Южная Халдия и Хериана в 1360–1361 гг. оказались объектом агрессии эмиратов Эрзинджана и Байбурта. Для 1355 г. Панарет фиксирует два столкновения в Хериане с тюрками. В августе Иоанн Кавазит захватывает Хериану (ἐπίσσε τὴν Χερῖαναν καὶ ἡχμαλωτεύσεν αὐτήν) и освобождает (ἐλευθέρωθη) Сорогену, крепость западнее Голахи¹⁰⁷. 27 ноября император терпит жестокое поражение от тюрок под Херианой, а *дука* Иоанн Кавазит оказывается в плену¹⁰⁸.

Ахи Айна-бек скончался 2 или 3 июня 1362 г. Вероятно, он погиб насильственной смертью, ибо в сообщении о его кончине он назван *shahid*, т. е. «мучеником», «погибшим за веру» или «погибшим безвинно»¹⁰⁹.

После него в Эрзинджане утвердился некий Пир-Хусайн, владелец Кара-Хисара, явившийся в Эрзинджан 8 июня 1362 г. 10 июля он «обретает независимость», разгромив каких-то эмиров, бежавших после этого в Байбурт и Терджан. После 32 дней осады, 11 сентября 1362 г., он вступает в Байбурт¹¹⁰. Кто был этот Пир-Хусайн — неизвестно. В «Та-рих-и таквим» он назван *amir-zāda*, т. е. «сын эмира». Поскольку непосредственно перед этим в тексте источника идет речь о смерти эмира Ахи Айна-бека, то, скорее всего, Пир-Хусайн был сыном Ахи Айна-бека.

В связи с переходом Пир-Хусайна из Кара-Хисара в Эрзинджан мы хотим отметить один любопытный факт — именно в июне того же года император Алексей III был в Халдии: «В марте того же 6870 г. отправился василевс и его мать в Месохалдию... Тогда же василевсы пошли из Халдии, не войдя в Трапезунд, в крепость, из-за сильнеешего свирепствования мора, а стоял тогда месяц июнь»¹¹¹. Пир-Хусайн мог проходить мимо трапезундской Халдии в конце мая или в первых числах июня. Хотя Панарет называет другие причины ухода василевса в Месохалдию — пограничную с Байбуртом область, однако это совпадение представляется знаменательным, если помнить, какое значение для Трапезунда имели внутренние дела эрзинджанского и байбуртского эмиратов.

¹⁰⁷ Panaretos. P. 71^{16–19}. О Хериане (крепости и области) и Сорогене см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. P. 165, 171, 308.

¹⁰⁸ Panaretos. P. 71–72. Э. Брайер рассматривает эти столкновения в контексте противостояния экспансии туркмен *чепни*; пересмотр этой точки зрения см. ниже в разделе «Туркмены *чепни*».

¹⁰⁹ Ta'rikh-i taqwim. P. 80.

¹¹⁰ Ibid.; Zachariadou E. Trebizond. P. 349.

¹¹¹ Panaretos. P. 74^{12–18}.

4. ЭМИР МУТАХХАРТАН В ЭРЗИНДЖАНЕ

После смерти Пир-Хусайна, во второй половине 1379 г., к власти в Эрзинджане приходит эмир Мутаххартан. Мутаххартан приходился племянником султану Аратна¹¹². С самого начала отношения Мутаххартана с сивасским султаном были враждебны — уже в 1379 г. султан 'Ала ал-Дин 'Али вместе с Кылыч-Арсланом пытаются взять Эрзинджан. К Мутаххартану без борьбы перешли владения Пир-Хусайна — под 1379 г. владетель Эрзерума назван подданным Мутаххартана, а Байбурт упомянут как его владение под 1381 г.¹¹³

Борьба между Мутаххартаном и Бурхан ал-Дином продолжалась на протяжении всего царствования сивасского султана. Их противостояние сводилось в итоге к борьбе за твердыни, располагавшиеся на линии Эрзинджан — Коюль-Хисар. Здесь Мутаххартану принадлежали крепости Акшахр, Сис, Эзбидер, Буртулуш¹¹⁴. К этой линии с севера примыкали владения Малика Ахмада, вассала Мутаххартана. Весной 1382 г. Мутаххартан попытался взять Коюль-Хисар. Потерпев неудачу, он отправляет в Акшахр одного из своих приближенных, чтобы тот беспрестанно беспокоил защитников Коюль-Хисара, однако это не принесло никаких результатов. 'Азиз Астарабади так комментирует эту неудачу: «Эмир Мутаххартан весьма жаждал эту крепость, но в конце концов та надежда в груди его погасла и цель его не осуществилась»¹¹⁵. В 1383 г. Мутаххартан совершает набеги на окрестности самого Сиваса, но терпит поражение. В 1384 г. Акшахр мы находим уже во владении Бурхан ал-Дина — крепость была атакована Тадж ал-Дином из Никсара (см. ниже), что было воспринято сивассцами как недружественный акт. В 1389 г. по условиям перемирия между Эрзинджаном и Сивасом крепость Буртулуш была скрыта. Однако Мутаххартан берет реванш — весной 1394 г. эмир Сирадж ал-Дин, сивасский наместник в Коюль-Хисаре, переходит к Мутаххартану и вместе с ним отправляется на поклон к эмиру Тимуру. Критический момент для Мутаххартана наступает зимой и весной 1395 г. — сивассцам удалось взять Эзбидер, Сис и вновь отстроенный Буртулуш, а окрестности Коюль-Хисара и Кара-Хисара разорить. Эти победы позволили Бурхан ал-Дину прорваться к Байбурту. Хотя Мутаххартан и наносит ему поражение 27 октября 1395 г. под Пулуром, положение Мутах-

¹¹² Bazm-u razm. P. 151–159, 167; Ashiqpashazada ta'rikhi. Istanbul, 1332. P. 113; Negri. T. I. P. 351; *Uzunçarşılı I. Sivas-Kayseri... Eretna devleti*. P. 189.

¹¹³ Bazm-u razm. P. 167, 246.

¹¹⁴ Ibid. P. 265, 326, 383, 474. Акшахр — крепость, обозначенная как Акшар на карте в изд. Bryer A., Winfield D. *Byzantine Monuments*. (Map 1). Крепости Акшахр, Сис, Эзбидер лежат на прямой между Коюль-Хисаром и Эрзинджаном. Буртулуш — крепость в одном переходе от Сиса к югу (ср.: *Uzunçarşılı I. Sivas... Hükümdarı*. P. 198; *Yücel Y. XIV–XV Yüzyılları*. P. 173, 176; *İdem. Kadı Burhaneddin*. P. 32–33).

¹¹⁵ Bazm-u razm. P. 265, 266.

хартана вплоть до смерти Бурхан ал-Дина оставалось тяжелым. В 1396 г. вновь сивасы заставляют Мутаххартана уйти от Акшахра, а в 1397 г. Бурхан ал-Дин опять разоряет окрестности Байбурта и пленит его владельца, брата Мутаххартана, эмира Пир Мухаммада¹¹⁶.

В своей борьбе с Сивасом Мутаххартан опирался на союз с владельцами Амасьи и Никсара. В 1381 г. между Мутаххартаном и амасийским эмиром Хаджи Шадкельды заключается союз против Сиваса. На рубеже 1381 и 1382 гг. в Амасье по взаимному согласию Тадж ал-Дина никсарского, эмира Эрзинджана, эмира Кайсери и некоторых других в Амасье утверждается сын Шадкельды — эмир Ахмад. В ответ на взятие сивасцами Никсара в 1386 г. Мутаххартан выступает к Сивасу, но посредством переговоров Бурхан ал-Дину удается избежать столкновения. В 1387 г. Мутаххартан вместе с эмиром Ахмадом подстрекает правителя Халеба к войне с Сивасом¹¹⁷. В 1391 г. Амасийский эмират прекращает свое существование — эмир Ахмад передает город Йылдырым Байазиду¹¹⁸. Хотя эмират Таджиддин-огуллары был ослаблен после поражения в 1386 г., его союз с Мутаххартаном, возможно, не нарушился¹¹⁹. В 90-х годах, после капитуляции эмира Ахмада и поражений никсарцев, основная тяжесть борьбы с Сивасом ложится на Мутаххартана.

На стыке между владениями эмирата Тадж ал-Дина и эмирата Эрзинджана находилась крепость Коюль-Хисар. В течение 1382 г. и весны 1385 г. Коюль-Хисар был во владении Тадж ал-Дина. А чуть раньше Тадж ал-Дин в союзе с эмиром Ахмадом осаждал потерянный Мутаххартаном Акшахр¹²⁰. Тадж ал-Дин стремился восполнить неудачи своего союзника Мутаххартана.

Таким образом, по крайней мере с 1379 г. вплоть до конца столетия Эрзинджанский эмират был чуть ли не единственной державой, с которой Трапезундская империя имела общие сухопутные границы. Лишь на северо-западе границы, в долина Филавонита, империя соприкасалась с эмиратом Хаджи Амира и кочевыми *чепни* (о них см. ниже). На юго-западе Халдин и на западе Херианы находились вассальный Мутаххартану Карахисарский эмират, остальная же часть границы вплоть до Лазики примыкала к эрзинджанскому эмирату — Мутаххартан владел Байбуртом и Испиром¹²¹. Трапезундская империя в этот двадцатилетний период была отделена территориями эмирата от остальной Анатолии, где тогда существовало достаточное число крупных владельцев, стремившихся к

¹¹⁶ *Bazm-u razm*. P. 292, 301–303, 308, 383, 448, 474–475, 481–482, 491–492, 535–536; *Ta'rikh-i taqwim*. P. 80.

¹¹⁷ *Bazm-u razm*. P. 225, 240–244, 261, 264–266, 338, 350.

¹¹⁸ *Ibid*. P. 418; *Шильтбергер*. С. 12; *Ashiqpashazada*. P. 107.

¹¹⁹ *Bazm-u razm*. P. 535, 537.

¹²⁰ *Ibid*. P. 308, 314. Весной 1385 г. крепость была отнята у него Бурхан ал-Дином.

¹²¹ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. P. 35.

новым завоеваниям. Поэтому союз, существовавший между империей и эрзинджанским эмиратом и закрепленный женитьбой Мутаххартана на трапезундской принцессе¹²², был жизненно важен для Великих Комнинов.

В связи со сказанным есть основания по новому взглянуть и на сообщение Абу Бакра Тихрани о том, что Мутаххартан брал *харадж* с Трапезундской империи:

«Упомянутый [т. е. Мутаххартан. — Р. Ш.] был в то время весьма великим эмиром, в его государство входили Эрзинджан, Байбурт, Кемах, Испир, Эрзерум, Терджан; Чимиш-Гезек и Кара-Хисар также подчинялись ему; он брал также *харадж* с Трапезунда»¹²³.

Империя должна была во многом зависеть от Мутаххартана — как в отношении безопасности территории, так и в вопросах торговых и иных связей с внутренними районами Анатолии и Азербайджаном. Отметим, что для 80–90-х гг. хроника Панарета не фиксирует ни одного столкновения с турками, кроме экспедиции Алексея III против *чепни* в 1380 г. Вероятно, в пределах материковых границ империи таких столкновений просто не было. Транзитная же торговля через Трапезунд не прекращалась и в этот период¹²⁴. Поэтому, как нам представляется, в сложившейся ситуации выплаты в том или ином виде со стороны трапезундцев Мутаххартану были неизбежны. Выдача замуж за эмира *деспины* вряд ли могла покрыть все услуги, оказываемые Мутаххартаном. Совершенно не обязательно, вместе с тем, что эти выплаты были свидетельством юридической зависимости империи от Эрзинджана. Абу Бакр Тихрани называет их *хараджем*, но не *джизьей* (податью немусульман их мусульманскому государю)¹²⁵. Термин *харадж* означал поземельную, подушную по-

¹²² Клавихо, Рюи Гонзалес, де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. / Подлинный текст, перев. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. СПб., 1881. Т. 28. С. 134–135. Брак, вероятно, состоялся до смерти Кутлу-бека (Woods J. E. The Akkoyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/16th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis and Chicago, 1976. P. 46, 49–50; Шукуров Р. М. «Китаби Дийарбакрийа». С. 346; ср.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 173: женитьба датирована временем до 1390 г.).

¹²³ Abu Bakr Tihrani. Т. 1. P. 35:

و مشارالیه در آن زمان امیری بزرگ بود و ارزنجان و بایبرت و کماخ و اسپیر و ایزن الروم و ترجان مملکت او بود و چمشگزک و قراحصار نیز تابع او بودند و از طرابزون نیز خراج می گرفت

¹²⁴ В это время международная торговля в регионе испытывала некоторый спад, но не по вине каких-либо политических осложнений на Понте (Карлов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 85, 104–105)

¹²⁵ Тот же Абу Бакр Тихрани сообщает, что Узун-Хасан, желая предотвратить нападение османов на Трапезунд, в 1460 г. уведомил Мехмеда II, что Трапезунд принял на себя *джизью*, т. е. вошел в состав государства Ак-Куйунду (см. ниже гл. V).

дать или же просто «дань», в этом последнем смысле и следует понимать текст Абу Бакра Тихрани. Возможно, именно эту дань и имел в виду Клавихо, сообщавший, что император Трапезунда платил дань соседним тюркам¹²⁶.

После перехода Сиваса под власть османов в 1398 г. Байазид приближается к Эрзинджану и требует от Мутаххартана признать его сюзеренитет. Мутаххартан бежит за помощью к эмиру Тимуру, чью верховную власть он признал еще в 1394 г. Это не спасает его от потери Эрзинджана — в конце сентября 1400 г. османы подходят к Сивасу, а затем захватывают Эрзинджан и пленяют Мутаххартана, но вскоре Байазид вновь возвращает Эрзинджан Мутаххартану¹²⁷.

В 1402 г. Мутаххартан участвует в анатолийском походе Тимура. Около 1403 г. он умирает. Со смертью Мутаххартана значение Эрзинджана как самостоятельного центра резко падает. Хотя в 1403–1410 и 1420–1425 гг. в Эрзинджане правит внук Мутаххартана — Йар-Али, город становится объектом соперничества более мощных сил — эмирата Ак-Куйунлу и султаната Кара-Куйунлу. В 1410–1420 гг. город принадлежал эмиру *кара-куйунлу* Пир-Умару, с 1425 и до 1450 г. — эмирам *ак-куйунлу*, в конце 50-х гг. султан Ак-Куйунлу Узун-Хасан отнимает его у Джахан-шаха Кара-Куйунлу¹²⁸.

5. ДЖАНИКСКИЙ ЭМИРАТ

Эмираты Таджиддин-огуллары и Хаджимир-огуллары весьма подробно описаны в работах М. Огуза, Э. Брайера, Э. Захариаду, М. Билгина¹²⁹. Вкратце суммируя результаты этих исследований, добавим те немногие факты, что оказались вне поля зрения упомянутых исследователей.

Эмират Таджиддин-огуллары, или эмират Джаник, как он именуется в хронике «Азиза Астарабади и османских источниках, выделился из Сивасской державы в конце 60–70-х гг. XIV в., когда во главе его стоял эмир Тадж ал-Дин. Этот эмир упоминается у Панарета с 1362 г. Он владел Никсаром, долиной Фанария, Сонусой, Искефсером. К побережью его владения выходили в области Лимнии и Инея¹³⁰. Захват Инея тюрками в 1347 г. следует, по-видимому, отнести к деятельности Тадж ал-Дина¹³¹. Как показал Э. Брайер, частые посещения Лимнии императором Алексе-

¹²⁶ Клавихо. С. 117.

¹²⁷ Подробнее об этом см. в следующей главе нашей работы.

¹²⁸ Подробнее см. об этом в следующей главе.

¹²⁹ Bryer A. *Greeks and Turks*. P. 129–132; Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 98–99, 102; Zachariadou E. *Trebizond*. P. 346–348, 351; Bilgin M. *Türkmen beylikleri ve iskân hareketleri // Giresun tarih sempozyumu*. 24–25 Mayıs 1996. Bildiriler. İstanbul, 1997. S. 83–100.

¹³⁰ Zachariadou E. *Trebizond*. P. 347 note 1; P. 344 note 2.

¹³¹ Panaretos. P. 68^{6–7}.

ем III в период с 1351 по 1369 г. были связаны с попытками трапезундцев оттеснить от города тюрок Тадж ал-Дина, спускавшихся с гор в дельту Ириса на зимовки¹³². В 1379 г. Лимния перешла к трапезундцам благодаря браку Тадж ал-Дина с трапезундской принцессой. Но между 1380 и 1387 гг. Лимния окончательно оказывается под властью тюрок Джаника¹³³.

В 1362 г. Тадж ал-Дин сватался к принцессе из рода Великих Комнинов, что было связано, как отметила Э. Захариаду, с ухудшением его отношений с Сивасом. Однако тогда ему было отказано, ибо, во-первых, трапезундцы не хотели портить отношений с другим своим союзником — Хаджи Амиром и, во-вторых, тогда Тадж ал-Дин не представлял скольконибудь серьезной угрозы для Трапезунда¹³⁴. Но в 1379 г. из-за возросшей угрозы со стороны Кылыч-Арслана Алексей III идет на matrimonialный союз с Тадж ал-Дином, выдав за него свою дочь Евдокию¹³⁵.

Э. Захариаду справедливо отмечает тесную связь Тадж ал-Дина с эмиром Амасьи, однако исследовательница упускает другой важный момент — Тадж ал-Дин был ближайшим союзником и эмира Мутаххартана (см. выше). Таким образом, Алексей III завершил создание вокруг южных пределов империи турецкого союзнического буфера. Однако, в октябре 1386 г., в результате войны с Сулайман-беком ибн Хаджи Амиром, Тадж ал-Дин погиб. Эмират Джаник, поделенный между потомками Тадж ал-Дина, пришел в полный упадок¹³⁶.

Евдокия, дочь Алексея III и вдова Тадж ал-Дина, отличавшаяся редкой красотой, вскоре вернулась в Трапезунд и, по всей видимости, была выдана за Иоанна V Палеолога. Первоначально Евдокия предназначалась в жены Мануилу II, но его отец Иоанн V, потерявший голову от красоты принцессы, забрал ее себе. В 1395 г., через четыре года после смерти Иоанна V, она вернулась в Трапезунд и о дальнейшей ее судьбе ничего не известно¹³⁷.

¹³² Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 129–130.

¹³³ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 102.

¹³⁴ Zachariadou E. Trebizond. P. 346–347.

¹³⁵ Об этом браке и Трапезундской принцессе Евдокии см.: Panaretos. P. 78³⁴–79¹¹.

¹³⁶ Bazm-и razm. P. 335 (событие датировано рамазаном 788 г. /26. 09–24. 10. 1386); Panaretos. P. 80^{13–19} (событие датировано 24. 10. 6895/1386). Азия Асарабади сообщает, что Тадж ал-Дин был зажат в ущелье и погиб вместе с 500 всадниками. Панарет же утверждает, что с эмиром погибло 3000 человек.

¹³⁷ О браке между Евдокией и Иоанном V сообщают Халкокондил и Сфрандзи: Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes / Rec. E. Darkó. T. 1–2. Budapestini, 1922–1927. T. 1. P. 75–76; Sphrantzes. Memorii 1411–1477. In anexa Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. București, 1966. P. 80. Делались попытки поставить под сомнение указания Халкокондила и Сфрандзи (Laurent V. La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue // REB. 1955. T. XIII. P. 135–138; Idem. La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue // REB. 1956. T. XIV. P. 200–201) и до-

Столкновением между Тадж ал-Дином и Сулайман-беком воспользовался Бурхан ал-Дин, принявший сторону Сулаймана. Сивасцы отторгли у нового эмира Джаника Махмуда Челеби, сына Тадж ал-Дина, города Никсар и Искефсер¹³⁸. «Азиз Астарабади сообщает, что Бурхан ал-Дин, чтобы защитить Никсар от «воров и разбойников Джанита», построил у моста через реку Баг две крепости¹³⁹. Хронист в первую очередь, очевидно, подразумевал под «ворами и разбойниками» потомков Тадж ал-Дина. Хотя не исключено, что ими могли быть и греки — через реку Баг к Никсару вела единственная дорога от Инея, который, вероятно, принадлежал тогда грекам. По крайней мере, в 1404 г. там властвовал некий грек «Меласено»/Мелисин, крестное имя которого, возможно, было Георгий¹⁴⁰.

В последующие годы власть в эмирате разделяют сыновья Тадж ал-Дина Махмуд Челеби и Алп-Арслан и другие его потомки. В 1390–1392 гг. потомки Тадж ал-Дина входят в различные антисивасские коалиции, в которые в разное время входили эмир Кастамона Сулайман-бек II, турки *ташан*, владетель Бафры, *османы*. Бурхан ал-Дин в ответ на это аннексирует у Таджиддин-огуллары долину Фанарию и отбрасывает их в горы восточнее р. Ешиль-Ирмак, севернее Никсара (1392–1393 гг.). В 1394 г. он совершает поход в горные области Джаника северо-восточнее Никсара, однако закрепиться там не может. В ходе этой кампании им был казнен Алп-Арслан; вскоре он наносит поражение и Махмуду Челеби¹⁴¹.

Однако следует сказать, что хотя Бурхан ал-Дин и сократил вполонину владения Джаникского эмирата, он все же не смог окончательно подчинить его и выйти к Черному морю.

Дальнейшая судьба эмирата отражена в источниках весьма фрагментарно. Для 10-х гг. XV в. сообщается, что эмир Хасан ибн Алп-Арслан, внук Тадж ал-Дина, убил эмира Джунайда Кубад-огуллары и захватил Джаник¹⁴². Эмират Джаник прекратил свое существование в 831 г. X. (10. 1427–10. 1428). В этом году Алп-Арслан-огул (по-видимому, имеется в виду эмир Хасан б. Алп-Арслан) сдался османскому военачальнику

казать, что Евдокия на самом деле вышла замуж за серба Константина Драгаша (Loenertz R. Une erreur singulière de Laonic Chalcocondyle: le prétendu second mariage de Jean V Paléologue // REB. T. XV. 1957. P. 176–184; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 148 note 141). Однако, как показал С. П. Карпов, аргументация В. Лорана и Р. Ленерца имеет много слабых мест и далеко не бесспорна (Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь. С. 91–94).

¹³⁸ Bazm-u razm. P. 148; Zachariadou E. Trebizond. P. 348.

¹³⁹ Bazm-u razm. P. 445.

¹⁴⁰ См. гл. IV; Клаудио. С. 113; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 131 note 66; Laurent V. Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV-Jean IV et David II // AP. 1953. T. 18. 103–105.

¹⁴¹ Zachariadou E. Trebizond. P. 346; Bazm-u razm. P. 397, 400, 415, 417–421, 432–440, 445.

¹⁴² Negri. T. 2. P. 538.

Йаргуч-паше и был заключен в тюрьму в Брусе. Хасан-бек бежал из заключения, но через два года добровольно явился к османскому султану Мураду (1421–1451) и получил земли в Румелии¹⁴³.

6. ЭМИРАТ ХАДЖИМИР-ОГУЛЛАРЫ

Восточнее эмирата Джаник располагались владения Хаджи Амира, эмира Халивии. В отличие от эмиратов Джаника, Амасыи, Кара-Хисара и Эрзинджана, ни в одном из источников не упоминалась зависимость этого эмирата от Сиваса вплоть до 1386 г. Возможно, именно деда Хаджи Амира, Куш-Тугана, трапезундцы казнили в Керасунте в 1301 г. Отец Хаджи Амира, Байрам-бек, дважды вторгся в Трапезундскую империю. В 1313 г. Байрам захватывает *церги*, т. е. крытые шерстяной тканью палатки, по-видимому, в окрестностях Трапезунда или в Мацуке. В 1332 г. турки Байрама дошли до Асомата в Мацуке¹⁴⁴. В январе 1357 г. Алексей III убил 14 тюрок на мысе Ясон, вероятно, из подданных Хаджи Амира¹⁴⁵. В ноябре 1357 г. Хаджи Амир вторгается в пределы империи и доходит вплоть до Дикесима. В августе 1358 г. император выдает за Хаджи Амира свою сестру Феодору, а в декабре 1361 г. лично посещает замок-резиденцию (*бспитόκαστρον*) Хаджи Амира¹⁴⁶.

В эмирате начались неурядицы около 1386 г., когда Хаджи Амир, заболев и почувствовав приближение смерти, передал власть наиболее достойному из своих сыновей — Сулайман-беку. Эмир поклялся, что если даже поправится, никогда больше не вернется к власти, а предаст себя служению Богу. Однако вскоре Хаджи Амир, почувствовав себя лучше, переменял свое прежнее решение и попытался отстранить сына от власти. Тогда Сулайман-бек восстал против отца, в эмирате началась война¹⁴⁷.

¹⁴³ *Ashiqpashazada*. P. 159–160; Die Frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch / Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmal herausgegeben und eingeleitet von Fr. Babinger. Hannover, 1925. S. 114. Подробнее см. гл. V.

¹⁴⁴ *Panaretos*. P. 63^{24–25}, 64^{12–15}; *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 143–144; *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 163 note 38; P. 263; *Lampsides O. Tzerga // Pontika Phylla*. Dec. 1936. T. 1. Teuch. 10. P. 5; *Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1963. Bd 1. № 161. S. 291.

¹⁴⁵ *Panaretos*. P. 72^{5–6}; *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 130. Э. Захарнаду, со ссылкой на Ливадина, утверждает, что до 1341 г. эти турки временно захватывали Керасунт (*Trebizond*. P. 343 note 5). Однако в тексте Ливадина таких сведений не содержится. Ливадин в одном месте говорит лишь о «саже и запустении» в городе, а не об атаке тюрок, причем для времени до 1354 г., но не 1341. Ошибочна и ссылка Э. Захарнаду на текст Ливадина — не с. 79, но 73^{32–33}. «Сажа и запустение» скорее всего были результатом захвата и поджога города генуэзцами в 1348 г., о чем сообщается в: *Panaretos*. P. 68^{11–12}.

¹⁴⁶ *Panaretos*. P. 72^{19–23, 29–33}, 73–74.

¹⁴⁷ *Bazm-u razm*. P. 332–334.

Как уже говорилось, эмир Тадж ал-Дин воспользовался междоусобицей и дважды вторгнулся в пределы эмирата. Сулайман-бек обратился к Бурхан ал-Дину в Сивас за помощью. Бурхан ал-Дин прислал своего представителя шейха Йар-Али к Тадж ал-Дину с требованием не вмешиваться¹⁴⁸. Хаджи Амир, по всей видимости, умер в ходе этих событий — его имя больше не встречается на страницах хроник. Однако помощь сивасцев Сулайман-беку не потребовалась — Тадж ал-Дин, в третий раз вторгшись в эмират, пал в бою.

В результате вторжений эмира Тадж ал-Дина в 1386 г. эмират потерял свою независимость от Сиваса, но приобрел взамен новые территории: Бурхан ал-Дин передает Сулайман-беку на условиях *союргала* крепость Искефсер, прежде принадлежавшую Джаникскому эмирату.

Как справедливо отмечает Э. Захариаду, отношения между Тадж ал-Дином и Хаджи Амиром были враждебны задолго до 1386 г.¹⁴⁹ Война началась по вине Тадж ал-Дина. Интересно было бы установить, какое влияние на отношения между Трапезундской империей и Хаджи Амиром имел брак Тадж ал-Дина с *дестиной* из дома Великих Комнинов? Ведь дидактик XIII в., шейх Са'ади Ширази, широко известный и в Анатолии, учил: «Кто заключает мир с врагами, тот обижает друзей» и подкреплял эту сентенцию стихами:

Отступись, о благоразумный человек, от того друга,
Который водится с твоими врагами¹⁵⁰.

Действовал ли по этой норме Хаджи Амир? Как видно, реакция на этот брак с его стороны должна была быть отрицательной. Поэтому мы полностью поддерживаем мнение Э. Захариаду, что одной из причин неудачного сватовства Тадж ал-Дина 1362 г. было опасение Алексея III разрушить союзные связи с Хаджи Амиром. Проявилось ли какое-либо недовольство по отношению к империи со стороны Хаджи Амира — не известно. Можно было бы предположить, что война Алексея III с *чепли* в 1380 г. была вызвана именно этим, но об отношениях Хаджи Амира с *чепли* не известно также ничего.

После 1386 г. отношения Сулайман-бека с империей были, скорее всего, враждебными — в течение 1396 г. и до мая 1397 г. он отвоевал Керасунт и с торжеством уведомил об этом Бурхан ал-Дина¹⁵¹.

¹⁴⁸ *Bazm-u gazm*. P. 334–335.

¹⁴⁹ *Zachariadou E. Trebizond*. P. 343, 347. Об этом прямо пишет и 'Азиз Астарабади (*Bazm-u gazm*. P. 334).

¹⁵⁰ *Саади*. Гулистан / Критич. текст, перев., предисл., примеч. Р. М. Алиева. М., 1959. С. 193 (с. 429, персидский текст).

¹⁵¹ *Bazm-u gazm*. P. 529. Ниже на с. 531 под 3 мая 1397 г. упоминается о завершении Бурхан ал-Дином некоего теологического трактата. 'Азиз Астарабади, за немногим исключением, соблюдает хронологическую последовательность событий в своем изложении, поэтому с некоторой долей вероятности можно считать 3 мая 1397 г. *terminus ante quem* для этого события.

Сулайман-бек признавал сюзеренитет Бурхан ал-Дина в это время. На это указывает одно сообщение Абу Бакра Тихрани. Этот автор, описывая границы державы Бурхан ал-Дина, упоминает некий пункт на побережье Черного моря — *Гёкхесак* (گۆکحساک), принадлежавший Бурхан ал-Дину¹⁵². Поскольку в списке пограничных городов упомянуты также Никсар, Акшахр и Кара-Хисар, то можно думать, что Абу Бакром дано описание сивасской державы в самые последние годы ее существования. Может быть, что *Гёкхесак* — крайне искаженная форма топонима Керасунт (كراسون), ибо других выходов у Бурхан ал-Дина к морю быть не могло.

В период с 1398 по 1402 гг., вероятно в 1400 г., Керасунт вновь становится трапезундским, может быть, не без помощи султана Байазиды, вторгавшегося в это время в Понт. В эпоху завоеваний Тимура в Анатолии потомки Хаджи Амира признавали верховную власть эмира Тимура. Об этом говорит и Клавихо, сообщивший также, что в 1404 г. потомки Хаджи Амира владели прибрежными крепостями Леона (Вона) и Стома (Пазар), западнее Керасунта (см. также ниже в главе IV)¹⁵³.

7. ГРАНИЦЫ ЭМИРАТОВ ХАДЖИ АМИРА И ДЖАНИК

В вопросе о расположении владений Хаджи Амира мы поддерживаем точку зрения Э. Захариаду, считающую, что эмират находился несколько восточнее, чем это отмечено у Э. Брайера, который привязал его локализацию к району Инея и, видимо, южнее в материк¹⁵⁴. На самом деле, эти земли, скорее всего, принадлежали эмирам Джаника. Ведь походы Бурхан ал-Дина против сыновей Тадж ал-Дина в 1393–1394 гг. были направлены в горные области северо-восточнее Никсара, севернее реки Келькит/Ликос, восточнее реки Ешиль-Ирмак/Ирис (см. выше) — т. е. как раз в область Джаник, где Э. Брайер располагал эмират Хаджи Амира.

Панарет сообщает, что зимой 1361 г. василевс Алексей III посетил остров Хаджи Амира. Панарет не дает более точных указаний на месторасположение замка, сообщив только, что он располагается в Халивни, и василевс отправился туда из Керасунта¹⁵⁵. Альтернативная идентификация Э. Брайером этого острова с Гелкеем, поддержанная Э. Захариаду¹⁵⁶, нам представляется не совсем логичной. Гелькей слиш-

¹⁵² *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. 41.

¹⁵³ *Клавихо*. С. 114; *Zachariadou E. Trebizond*. Р. 344.

¹⁵⁴ *Zachariadou E. Trebizond*. Р. 344; cf.: *Bryer A. Greeks and Turkmens*. Р. 132 and Map; *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments*. Vol. 1. Р. 101, 102.

¹⁵⁵ *Panaretos*. Р. 73^{31–34}.

¹⁵⁶ *Bryer A. Greeks and Turkmens; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments*. Vol. 1. Р. 101; *Zachariadou E. Trebizond*. Р. 344.

ком далек, чтобы турки Хаджи Амира могли эффективно угрожать сухопутным границам империи и Керасунту: до первой — более 100 км по прямой, до второго — также около 100 км по прямой, причем западные рубежи Халдии могли быть достигнуты из Гелькёй лишь по обходным путям через Кара-Хисар или по побережью через трапезундские Керасунт и Триполи. В 861/862/863 Хаджи Амира император отправился в середине декабря. Вряд ли бы он мог среди зимы добраться из Керасунта до Гелькёй через горные перевалы.

География походов Байрам-бека, Хаджи Амира и Сулайман-бека против империи показывает, что основную угрозу они составляли именно северо-западной границе Трапезундской империи — Керасунту, мысу Ясон, Мацуке и Палеомацуке. Поэтому логичнее было бы искать 861/862/863 ближе к материковым границам империи, где-нибудь между Керасунтом и Кара-Хисаром. Примерно в этом районе помещает территории эмирата и турецкий исследователь И. Данишменд — между Орду и Гиресунум¹⁵⁷.

Этому есть и другое подтверждение. В 1457/58 г. Трапезундская империя заключает союз с Узун-Хасаном, султаном Ак-Куйунлу. В рамках этого союза султанат Ак-Куйунлу включается в борьбу с Мехмедом II, и осенью 1459 г., желая оттеснить турок от границ Трапезундской империи, Узун-Хасан захватывает османский Коюль-Хисар и осаждает Мелет¹⁵⁸. Действия войск Ак-Куйунлу, направленные против пограничных крепостей турок, указывают, где тогда проходила османско-трапезундская граница в Джанике: Коюль-Хисар — Мелет (совр. Месудие, в 20 км севернее Коюль-Хисара) и, очевидно, далее на север по р. Мелет. Видимо, это и была бывшая восточная граница эмирата Джаник (и западная граница эмирата Хаджи Амира), на которую вышли османы в 1427/28 г. В османском кадастре 1486 г. перечисляются местности, из которых были переселены мусульмане в Трапезунд после покорения империи турками. Это — Никсар, Сонуса, Ладик, Амасья, Бафра, Османджик, Искилип, Чорумлу, Гюйюш, Мерзифон, Токат, Самсун и *нахие* Самсуна, Турхал, Зиле, Гедегара (совр. Мерзифона), Кагала (Гедикалан? — совр. Чорума), Гелькёй, Сатылмыш-Джаник¹⁵⁹. Все перечисленные города, кроме двух последних, — это те, которые были покорены османами еще задолго до 1427 г. Байазидом I и Мехмедом I. В этом, по-видимому, была своя логика — заселять вновь завоеванный город людьми из уже освоенных турками местностей. Две же последние местности, Гелькёй и Сатылмыш-Джаник, находятся западнее линии Коюль-Хисар — р. Мелет. Эти два города, скорее всего, и

¹⁵⁷ *Danışmend İ. İzahlı Osmanlı Tarihi Kronolojisi*. İstanbul, 1947. Т. 1. Р. 115.

¹⁵⁸ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 382; см. также ниже гл. V настоящей книги.

¹⁵⁹ *Lowry H. W. The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trebizond (ca 1486–1583) / A diss. ... University of California. Los Angeles, 1977. Р. 34–35; Beldicianu N. Trébizonde: islamization et turquisation // Byzantion. 1983. Т. 49. Р. 387.*

перешли к туркам в 1427/28 г. Поэтому можно думать, что Гелькей был во владении Тадж ал-Дина, но не Хаджи Амира.

Следовательно, ~~близко~~ Хаджи Амира следует искать где-то восточнее р. Мелет, на юго-запад от Кerasунта.

8. ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАЛИВИЮ?

Из приведенного сообщения о действиях войск Узун-Хасана в 1457/1458 гг. можно сделать еще один чрезвычайно важный вывод. Как уже говорилось, последнее упоминание эмирата потомков Хаджи Амира содержится у Клавихо и относится к 1404 г. С этих пор какие-либо упоминания эмирата исчезают из источников, которые, при всей своей лаконичности, вполне удовлетворительно освещали основных действующих лиц понтийской политики в период с 1404 по 1450-е гг. Как показано выше, в 1450-х гг. трапезундская граница, скорее всего, совпадала с бывшей западной границей эмирата Хаджи Амира. Знаменательно, что при покорении османами Джаникского эмирата в 1427/28 г., турки остановились на р. Мелет и не пошли далее на восток. Следовательно, земли восточнее р. Мелет не принадлежали эмирату Джаник. Остается только предположить, что уже к этому времени западная трапезундская граница проходила по р. Мелет, а эмират Хаджи Амира был занят понтийскими греками между 1404 и 1427/28 гг. Возможно, это было последним территориальным приобретением Великих Комнинов.

9. СИНОП И КАСТАМОН

О взаимоотношениях Великих Комнинов с мусульманскими правителями Синопа известно слишком мало и общую их логику можно попытаться выстроить лишь предположительно. Недостаток сведений о синопско-трапезундских отношениях в XIV в. не может не удивлять: эмират Синопа и Кастамона продолжал оставаться одним из самых влиятельных субъектов политической игры как на Черном море (наряду с Трапезундом, Генуей и Венецией), так и на материке, в западно-понтийском регионе, о чем уже упоминалось выше.

В Синопе на рубеже XIII–XIV вв. продолжали править потомки некогда могущественного рода Парвана. Гази Челеби (ок. 1300 – ок. 1324), который, по всей видимости, приходился сыном Мас'уд-беку б. Му'ин ал-Дину Парвана¹⁶⁰, имел неоднозначные отношения с трапезундцами. Гази Челеби оставил о себе память как о могущественном пирате и грозном враге генуэзцев. Он прославился тем, что применял необычную тактику в борьбе с вражескими судами. Его люди, подобравшись под водой к

¹⁶⁰ Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 312–313. О Мас'уд-беке см.: Aksarayi. P. 256–257 и выше гл. II.

вражескому судну, дырявили днище. Однажды (1323 или 1324 г.) он овладел целым генуэзским флотом из 7 кораблей¹⁶¹. В мае 1313 г. он в союзе с трапезундцами (которых поддерживали греки, армяне и татары Солхата) атаковал генуэзскую Каффу¹⁶². Однако уже в 1315 г. (до июля-сентября) Газн Челеби изгнал из Синопа православного епископа, что, скорее всего, свидетельствовало о начале каких-то гонений на местных греков¹⁶³. Еще через три или четыре года, в 1318/19 (6827) г., синопский флот (καρὰ τῶν Σινωπιτῶν) атаковал сам Трапезунд и поджег город, так что огонь уничтожил «все красоты города как снаружи, так и внутри» его¹⁶⁴. Возможно, что это было ответом Газн Челеби на трапезундско-генуэзское сближение, выразившееся в подписании мирных договоров в 1314 и 1316 гг.¹⁶⁵ С этих пор, по всей видимости, отношения между Великими Комнинами и мусульманскими правителями в Синопе надолго портились.

Около 1324 г. Синоп перешел под контроль эмира Кастамона Сулайман-паши (ок. 1324–1345) из династии Джандаров (или, по поздней традиции, Исфандийаров)¹⁶⁶. Однако это не привело к улучшению отношений: в 1340 г. синопцы вновь намеревались атаковать Трапезунд¹⁶⁷.

Трапезундско-синопское сближение произошло, по всей видимости, в 40-е XIV в. Под 1357 г. (ноябрь 6866 г.) Панарет упоминает о прибытии в Трапезунд дочери василевса Алексея II Евдокии, которую хронист именует синопской царевной (ἡ δεσποίνα τῆς Σινώπης, ἡ κυρὰ Εὐδοκία)¹⁶⁸. Широко распространено ошибочное мнение, что Евдокия была женой Газн Челеби, а вернувшись в Трапезунд в 1357 г., приняла постриг под именем Евфимии. Как показал Э. Брайер, Евдокия не могла быть женой Газн Челеби и не имела ничего общего с монахиней Евфимией, имя которой

¹⁶¹ *Ibn Battuta*. Vol. 2. P. 467; *Géographie d'Aboulféda*. P. 393; *Abu al-Abbas al-Qalqashandi*. T. V. P. 341; *Jacobus de Varagine*. Iacop de Varagine anonimi Giorgio Stella Annali Genovesi. Genova, 1941. T. I. P. 174–176; *Карпов С. П.* Итальянские морские республики. С. 80; *Bryer A.* Greeks and Turks. P. 128.

¹⁶² *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 95–96; *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 94–95.

¹⁶³ *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor. P. 327; *Коробейников Д. А.* Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 158.

¹⁶⁴ *Panaretos*. P. 63²⁶–64².

¹⁶⁵ *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 98–100.

¹⁶⁶ *Ibn Battuta*. Vol. 2. P. 467; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 313. Об этом Сулаймане, упомянутом у Пахимера (Сулайман-бек), см.: *Zachariadou E.* Observations on Some Turcica of Pachymeres // REB. 1978. Т. 36. P. 266–267 (= *Eadem.* Romania and the Turks (c. 1300–c. 1500) / Variorum Reprints. L., 1985. № 1).

¹⁶⁷ *Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 101.

¹⁶⁸ *Panaretos*. P. 72¹⁵–17.

упоминается в одной несохранившейся трапезундской надписи; следовательно, Евдокия была женой одного из Джандаров, скорее всего, 'Адил-бека, сына Сулайман-паши'¹⁶⁹.

Таким образом, свадьба 'Адил-бека б. Сулаймана (1345–1361) и Евдокии, дочери Алексея III, произошла между 1345 г. и до ноября 1357 г. Можно предположить, что это событие имело место в правление дяди Евдокии Михаила I (1344–1349 г.), в период попыток генуэзцев (1344–1345 гг.), в то время дружественных Трапезунду, урегулировать свои отношения с 'Адил-беком'¹⁷⁰.

Однако, как видно, попытки генуэзцев сблизиться с Джандарами в те годы провалились. Вполне вероятно, что это отрицательно сказалось и на отношениях между 'Адил-беком и Михаилом I, придерживавшимся своей прогенуэзской политики. На это, возможно, указывает то обстоятельство, что в 1349 г. синопцы оказались косвенно причастными к свержению Михаила I группой трапезундской знати во главе с малолетним императором Алексеем III. Будущий император Алексей III был вывезен из Трапезунда в Константинополь своей матерью Ириной, второй женой Василия I (1332–1340), в период гражданской войны в империи, разразившейся после смерти его отца. В 1349 г. императрица Ирина с сыном вернулась в Трапезунд, Михаил I был низложен, а Алексей III воцарился как новый император¹⁷¹.

Как следует из «Периигисиса» Ливадина, по дороге из Константинополя в Трапезунд Ирина, возможно, останавливалась в Синопе¹⁷². По замечанию С. П. Карпова, одну из причин отправки императрицы Ирины с сыном в Трапезунд следует искать в стремлении византийского императора Иоанна VI Кантакузина найти в лице Великих Комнинов союзника в его неудачной войне против Генуи¹⁷³. Не исключено, что именно антигенуэзская направленность этой акции открыла и порт Синопа для Ирины и ее сына.

Приезд Евдокии в Трапезунд в 1357 г. скорее всего указывает на дружественные отношения между Алексеем III и 'Адил-беком в этот период. Это посещение Евдокией Трапезунда вовсе не означает, что *деци*лина не вернулась назад в Синоп. О кратковременных приездах Марии (сестры Алексея III, выданной за мусульманина Кутлу-бека *ак-куйунлу*)

¹⁶⁹ Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 128, 145 note 133; *Idem*. Who was Eudokia/Euphemia? // AP. 1975–76. T. 33. P. 17–23; *Kurşanskis M.* Note sur Eudocie/Euphémie // AP. 1977–78. T. 34. P. 155–158. Подробное обсуждение вопроса см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1.

¹⁷⁰ О генуэзско-синопских и генуэзско-трапезундских отношениях в это время см.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 101–102; *Он же*. Итальянские морские республики. С. 80.

¹⁷¹ Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь. С. 89–90.

¹⁷² Libadenos. P. 71^{32–34}; Panaretos. P. 69^{8–14}.

¹⁷³ Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 103.

в гости к брату-василевсу известно из хроники Панарета: в 1358 г. она посетила Трапезунд без мужа, а в 1365 г. — вместе с ним¹⁷⁴. Поэтому, скорее всего, Евдокия, навестив Алексея III, который приходился ей племянником, вернулась к мужу и продолжала после 1357 г. оставаться *деспиной* Синопа. Ведь именно так ее именует Панарет.

Можно предположить, что трапезундско-синопские отношения претерпели новый кризис в 1360-х гг., уже после смерти «Адил-бека», в правление его сына Кётюрюма Байазиды (1361–1385). Так могут быть истолкованы два следующих факта. В конце 1361 или начале 1362 г. именно в Синоп прибыл давно свергнутый трапезундский василевс Иоанн III (1342–1344), сын Михаила I и кузен Евдокии, который бежал из взятого турками Адрианополя (1361 г.). Очевидно, что Иоанн III имел шансы овладеть троном, ибо весть о его приезде в Синоп вызвала в Трапезунде панику. В марте 1362 г. Алексей III вместе с матерью и женой бежал в Месохалдию (на далекую южную границу империи), по словам хрониста, «как из-за эпидемии чумы (αἰφνίδιον θάνατον), так и из-за бегства Комнина Иоанна из Адрианополя и прибытия его в Синоп». Ниже Панарет говорит, что в том же году «некоторые почти восстали против императора». Однако тревога была ложной — там же в Синопе Иоанн III вскоре умер¹⁷⁵. В связи с этим событием возникает вопрос: не на покровительство ли Евдокии, своей кузины, рассчитывал Иоанн III и не участвовала ли Евдокия в каких-то интригах, направленных против Алексея III? Однако ответа на эти вопросы как всегда лаконичный Панарет не дает.

Через шесть лет, весной или летом 1368 г. (до 19 июля), лодочный флот неких *азанов* (ἄζαλκα παρασκάλμια), т. е. тюркских корсаров, атаковал трапезундский островок Араниоты у Керасунта. «Параскалмий» — распространенная на Понте ладья, нечто вроде *ялика*, с загнутыми вверх носом и кормой. Как показал Э. Брайер, скорее всего это были лодки синопских пиратов¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Panaretos. P. 72²⁶, 76¹.

¹⁷⁵ Panaretos. P. 74^{12–23}. Дата взятия Адрианополя османами: Inalcik H. The Conquest of Edirne (1361).

¹⁷⁶ Panaretos. P. 76^{24–25}. Bryer A. Shipping in the Empire of Trebizond // *Mariner's Mirror*. 1966. Vol. 52. (= *Idem*. The Empire of Trebizond. № VIII). P. 12; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 146 note 137. Ошибочные толкования этого сообщения Панарета обсуждены там же: Grégoire H. Notes épigraphiques. X, Michel Comnène, émir d'Arane // *Revue de l'instruction publique en Belgique*. 1909. T. 52. P. 12–17 (А. Грегуар доказывал существование некоего греко-тюркского эмираата на Араниотах).

У. Миллер (Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 66) считал, что *азалы* были на самом деле османскими пиратами, что совсем невероятно: османский флот вряд ли мог так далеко заплывать в Черном море в столь раннюю эпоху. Как сейчас считается, корпуса *азанов* (*азал*, *азеб*, *азаб*) в османской армии начали создаваться в эпоху османского султана Мурада I (1361–1389) и представляли собою иррегулярное *пехотное* войско, но не флот (*Kâldy-*

Почему синопцы предпринимали враждебные шаги по отношению к Алексею III в 1362 и 1368 гг. — неизвестно.

В целом, можно предположить, что отмеченные заезды в Синоп различных представителей рода Великих Комнинов стали возможны благодаря синопской деспине Евдокии, исполнявшей роль связующего звена между Великими Комнинами и Джандарами и принявшей некое, не совсем понятное, участие во внутренней династической борьбе между различными ветвями комниновского рода.

В последней трети XIV в., как представляется, отношения Великих Комнинов с синопскими эмирами нормализуются. Как показано выше, Трапезунд и Синоп-Кастамон оказались в одном антисивасском и антиосманском лагере. Чуть позже, в период активизации османской экспансии в Южном Причерноморье, синопские турки и понтийские греки вновь окажутся союзниками и поддержат эмира Тимура; еще через полвека, в середине XV столетия, эмир Синопа будет упоминаться в числе союзников Великих Комнинов.

ЧАСТЬ III. ТРАПЕЗУНД И КОЧЕВНИКИ ПОНТА В XIV в.

Теперь мы обратимся к другой не менее влиятельной военно-политической силе в Восточной Анатолии — кочевым туркам, населявшим в ту эпоху Понтийский регион. Модели взаимоотношений кочевников с оседлыми греческими подданными Великих Комнинов, как мы покажем, имели выраженную специфику.

1. ТУРКМЕНЫ ЧЕПНИ

О деятельности туркмен *чепни* (в переводе с тюркского — «богатырь») на Понте нам известно едва ли не больше, чем о других понтийских кочевниках. Главная заслуга в описании понтийских *чепни* принадле-

Nagy Gy. The First Centuries of the Ottoman Military Organization // АО. 1977. Т. 31/2. Р. 162–164. Вместе с тем, следует помнить, что уже в 1360-е гг. османы использовали флот в военных операциях в Мраморном море и Западной Анатолии. Самое раннее свидетельство из встретившихся мне в источниках принадлежит Идрису Бидлиси, который упоминает об османском флоте, базировавшемся в Галлиполи и Айдыне, для эпохи между османским захватом Адрианополя (Эдирне) в 1361 г. и 773 г. Х. (1371/1372 г.): *Идрис Бидлиси. Хашт бихишт. СПб. Публ. 6-ка. ПНС 97. Л. 133.*

Тем не менее, именование *азап*, имевшее хождение в черноморском регионе, скорее всего, обозначало некое иное, не связанное с османской военной организацией явление, а именно, флот черноморских пиратов-мусульман.

жит Э. Брайеру¹⁷⁷. Ниже будут приведены ключевые результаты в исследовании Э. Брайера с добавлением некоторых новых данных.

Как удалось установить в предыдущей главе, самым ранним упоминанием туркмен племени *чепни* в Анатолии, вероятно, следует признать сообщение мамлюкских источников об участии неких туркмен в захвате Синопа в 1265/66 гг. силами Му'ин ал-Дина Парвана. Несомненно, мамлюкские авторы подразумевали под этими туркменами племена *чепни*. Напомним, что, по утверждению мамлюкских авторов, между вассалом Трапезунда «и эмирами тюрок — войны, в большинстве из них [он] терпит поражение». Ничего не известно о том, насколько глубоко в материк распространялась власть Великих Комнинов за пределы Синопа в период с 1254 по 1265/66 г. Как было показано выше в этой главе, волна кочевой миграции достигла Восточного Понта много позже — лишь в 1290-х гг. Следовательно, судя по приведенной ремарке, Андронику II (а возможно даже и его отцу Мануилу I) пришлось столкнуться с давлением кочевников *чепни* на синопские владения в период, предшествующий 1265/66 г. В 1277 г. *чепни* вновь оказываются на острие борьбы с греками и отбивают их последнюю атаку на Синоп¹⁷⁸.

Далее туркмены *чепни* начинают медленно двигаться на восток к западным пределам Трапезундской империи в Восточном Понте. Примерно через 70 лет *чепни* вдруг оказываются под Трапезундом, покрыв за истекшие почти три поколения более 400 км. Первое упоминание об их присутствии в этом регионе принадлежит Панарету и относится к событиям 29 июня 1348 г., когда *чепни* в союзе с Ахи Айна-беком из Эрзинджана, Мухаммадом Рикабдаром из Байбурта и туркменами *боз-доган* и *ак-куйунлу* атаковали сам Трапезунд. Панарет именует их *ῥαρνίδες* [*čarnides*, sing. *čarnis*] — точное соответствие тюрк. *čarñi*, в современном турецком произношении *çerñi*. Эта комбинированная атака оседлых и кочевых тюрок, вероятно, была переломным моментом в истории взаимоотношений империи с окружавшими их тюрками. Нет сомнений, что объединенная рать тюрок должна была представлять собою значительную военную силу. Сражение длилось три дня, однако коалиция потерпела полное поражение и отступила, «теряя по пути много тюрок»¹⁷⁹.

Чепни расселились в долине реки Филавонит (Харшит), примерно в 70 км западнее Трапезунда, из которой они полностью вытесняют гре-

¹⁷⁷ Bryer A. *Greeks and Turkmens*. P. 125, 132ff, map; Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 140–141, 156. См. также: Sümer F. Oğuzlar. S. 241–248 и интересный очерк с привлечением позднего материала османских дефтеров: Bilgin M. *Türkmen beylikleri ve iskân hareketleri // Giresun tarihi sempozyumu*. S. 101–109.

¹⁷⁸ *Ibn Fadl-Allah al-Umari*. *Al-Ta'rif bi al-mustalah al-sharif*. Al-Qahira, 1312 (1894/5). P. 58; *Abu al-Abbas Ahmad al-Qalqashandi*. *Kitab subh al-a'sha' fi katabat al-insha'*. Al-Qahira, 1915. T. VIII. P. 48–49; *Ibn Bibi* (Mukhtasar). P. 332–333. Подробнее см. гл. II.

¹⁷⁹ *Panaretos*. P. 68^{13–19}.

ческое население. В последующие годы Великим Комнинам, по всей видимости, удалось (пожертвовав долиной Филавонита), ограничить распространение кочевой экспансии *челпи* на другие сельскохозяйственные регионы. В северном и южном концах долины Филавонита в руках греков сохранились ключевые твердыни — на севере прибрежная крепость Петрома, а на юге твердыня Торул. Причем, Торул защищал аграрное поселение и пастбище Симиклу, также оставшиеся в руках у греков¹⁸⁰.

Ничего не известно о том, как строились обычные отношения между Великими Комнинами и *челпи* — признавали ли туркмены верховную власть василевса, платили ли ему дань. Панарет донес известия только о наиболее острых кризисах во взаимоотношениях. Так, в 21 мая 1370 г. сотня всадников во главе с Алексеем III столкнулась на летних пастбищах в области Мармаре, лежавшей на полпути между Филавонитом и Трапезундом, с пятью сотнями конных и тремя сотнями пеших турков. Несмотря на численное превосходство, турки потерпели сокрушительное поражение, в качестве трофея василевсу достались «агарянские головы и их знамя»¹⁸¹. Хотя Панарет и не упомянул прямо имени *челпи* в своем сообщении, однако, принимая во внимание близость Марамары к долине Филавонита, можно предположить, что греки именно им нанесли поражение.

В феврале и марте 1380 г., по сообщению Панарета, Алексей III принял широкомасштабную попытку расправиться с *челпи* в самой долине Филавонита, задействовав в операции даже флот. Шесть сотен пеших ромеев двинулись из прибрежной Петромы вдоль реки на юг, разоряя кочевья и убивая турков, пока не добрались до Симиклы. Оттуда пеший корпус двинулся вновь к побережью. В ходе этой операции много греческих пленников было освобождено. Сам василевс отправился вдоль побережья к Славопиасту (Συλαβοπίστης), прибрежному городку в нескольких десятках км восточнее Петромы. Концовка похода была несколько омрачена: пеший корпус вышел первым к Славопиасту, однако, вопреки планам операции не нашел там василевса и замешкался, дав себя потеснить и потеряв 42 человека убитыми. Однако, в ответ было уничтожено более сотни туркменских «мужчин, женщин и детей»¹⁸².

Эти два эпизода показывают, что трапезундцы в своих отношениях с *челпи* по большей части ограничивались карательными экспедициями, которые предпринимались в ответ на попытку туркмен расширить пределы контролируемых ими территорий далее на северо-восток к Трапезунду. Масштабный поход 1380 г., возможно, имел целью разом решить

¹⁸⁰ Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 132–133.

¹⁸¹ Panaretos. P. 77^{10–16}; Пападопуло-Керамевс А. Трапезунтика // ВВ. 1898. Т. V. С. 680; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 258; Bryer A. Some Trapezuntine Monastic Obits (1368–1563) // REB. 1976. Vol. 34. P. 136–137, note 25.

¹⁸² Panaretos. P. 79^{12–29}; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 133; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 140–141.

проблему *чепни* и очистить от них долину Филавонита. Однако этого трапезундцам сделать не удалось — по данным османских источников второй половины XV в., *чепни* продолжали контролировать долину¹⁸³.

Что несомненно удалось грекам, так это канализировать экспансию *чепни* в южном направлении. Вероятно, в последней четверти XIV в. *чепни* начинают расселяться в Хериане. Присутствие *чепни* у Аланды зафиксировано у Халкокондила для 1398–1400 гг. и в «Записках» Клавихо для 1404 г.¹⁸⁴ Чуть раньше, для времени около 1395 г. *чепни* впервые упоминаются в восточных источниках: они помещены где-то в районе Акшахра и Коюль-Хисара, т. е. примерно в том же регионе, в котором помещали их Халкокондил и Клавихо¹⁸⁵. Причем, по сообщению Клавихо, *чепни* и тут продолжали сильно досажать местным грекам.

Свое распространение на восток это туркменское племя продолжило и в последующие столетия. В XVIII в. их присутствие фиксируется в Лазистане, в 1915 г. они достигли границ Российской империи в Юго-Восточном Причерноморье¹⁸⁶.

Исходя из общей логики передвижений *чепни* во второй половине XIV в., возможно, следует сделать небольшую поправку в построениях Э. Брайера, который считает, что это туркменское племя действовало в Хериане уже в 1350–1370-х гг. Э. Брайер объединяет в одну группу греко-туркские столкновения в ноябре 1355 (в Хериане) и в январе 1373 г. (у Голахи), и толкует их как попытки греков противостоять экспансии *чепни*. Исследователь подтверждает свою точку зрения следующими аргументами: 1) зимние походы трапезундцев скорее всего были направлены против кочевников, спустившихся в долины на зимовки; 2) северо-западнее Голахи располагались в середине XIV в. *чепни*, перекочевавшие к 1404 г. в Хериану; 3) Клавихо свидетельствует, что *чепни* отбирали крепости и пастбища у греков. Кроме того, Э. Брайер хоть и допускает, что в 1355 г. Хериану мог атаковать Ахи Айна-бек, однако отмечает, что Панарет не называет имени эмира, взявшего Хериану, и, следовательно, это был не эрзинджанский эмир¹⁸⁷.

Можно привести следующие возражения на аргументацию Э. Брайера. 1) Из двух с половиной десятков упоминаний Панаретом туркско-греческих столкновений в девяти из них Панарет не уточняет, какие

¹⁸³ Bryer A. *Greeks and Turkmens*. P. 133; Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 140–141.

¹⁸⁴ Chalkokondyles. T. I. P. 59^{9–11}; Клавихо. С. 129; Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 102, 173. Об этом см. подробнее также ниже в гл. IV.

¹⁸⁵ Abu Bakr Tihrani. T. 1. P. 42:

و از یک طرف مملکت اورکوب و ایوب حصاری و قراحصار و قرامان و از یک طرف
آن شهر و قوینلو و چینی و نیکسار و سونسا و حدی دیگر کوکخسک که کنار
درها قرارندگیز است

¹⁸⁶ Bryer A. *Greeks and Turkmens*. P. 133.

¹⁸⁷ Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 172–173.

именно тюрки имеются в виду. 2) Логично предположить поэтому, что *чепни* начали свое движение в Хериану *после разгрома*, понесенного ими в 1380 г., но не ранее. Эту мысль высказывал сам Э. Брайер¹⁸⁸. Следует подчеркнуть, что присутствие *чепни* в Хериане впервые фиксируется в источниках лишь для времени между 1395–1400 гг. 3) Как показывают хроники Астарабади и Тихрани, оседлые тюрки не прекращали военные действия и поздней осенью, пока не выпадал обильный снег.

Мы склонны все-таки связывать события 1355 г. с эмиром Ахи Айнабеком (см. выше). Несмотря на сообщения Клавиho, покорение крепостей кочевыми тюрками очень мало вероятно, если учесть особенности их кочевой жизни и отсутствие необходимой техники и навыков для взятия твердынь. Ахи Айна-бек, даже применив осадные орудия, не смог покорить Голаху. Его интерес к северным от Эрзинджана областям очевиден, да и путь на Хериану от Эрзинджана открытый. По тем же причинам мы склонны поддержать точку зрения Э. Захариаду, что в 1373 г. Голаха претерпела нападение Кылыч-Арслана, но не *чепни*, как полагает Э. Брайер¹⁸⁹.

Племена *чепни* в течении всей истории своего пребывания на Понте выступают как непримиримые антагонисты понтийских греков. Именно благодаря этому антагонизму, их громким победам и поражениям в борьбе с греками, источники и отразили их историю с такой подробностью, какой не удостоилось ни одно другое туркменское племя, кочевавшее в Северной Анатолии в ту эпоху.

2. ЭПИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ АК-КУЙУНЛУ

Иной пример взаимоотношений между понтийскими греками и туркменами репрезентирует история племени *ак-куйунлу* (в переводе с тюркского «бело-баранный»). В период с 1340 по 1352 гг. туркмены *ак-куйунлу* в союзе с *чепни* и другими кочевыми и оседлыми тюрками, нанесли ряд болезненных ударов по империи. Однако, в конце концов, благодаря matrimonialному альянсу между трапезундской *деспиной* и вождем *ак-куйунлу*, Великие Комнины обрели в лице этих туркмен долговременного союзника, который оставался им верен вплоть до падения империи. В 1461 г., когда огромная армия Мехмеда II приближалась к Трапезунду, только султан Ак-Куйунлу решился силой оружия защитить империю от турок.

Деятельность *ак-куйунлу* на Понте подробно освещалась в упоминавшихся работах Э. Брайера, Брайера-Винфильда, Э. Захариаду и А. Эрзи. Некоторый новый материал для ранней истории туркмен *ак-куйунлу*, не привлекавший до сих пор внимания исследователей, дает содержаща-

¹⁸⁸ Ibid. P. 140–141; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 147 and note 138.

¹⁸⁹ Zachariadou E. Trebizond. P. 347 note 5; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monument. Vol. 1. P. 173.

яся в «Китаб-и Дийарбакрийа» Абу Бахра Тихрани генеалогия вождей и правителей *ак-куйунлу*¹⁹⁰.

Эта генеалогия состоит из 68 имен — от 'Усман-бека ибн Кутлу-до Пародителя Адама. Счет ведется с конца — от 'Усман-бека, который упомянут под номером первым, назад, к его предкам. По меньшей мере семнадцать имен старейших предков (потомков и предков Огуза) упомянуты и в генеалогиях *огузов* Рашид ал-Дина и Абу ал-Гази хана, причем список Абу Бахра более близок к генеалогии, представленной у Рашид ал-Дина¹⁹¹. Каждое упоминание того или иного туркменского вождя сопровождается, за редким исключением, указанием времени и места его жизни, иногда сообщаются какие-либо другие подробности.

Генеалогия во многом имеет фантастический характер, особенно в том, что касается датировок. Перед Абу Бахром Тихрани стояла поистине сложная задача — расставить имена настоящих и мнимых предков *ак-куйунлу* с достаточной достоверностью на протяжении всей истории от Адама до начала XV в. Поэтому неудивительно, что на правление Сасанидов падает время жизни, например, неких Идрис-бека (№ 25) и Мавдуд-Тогана (№ 26), носивших арабские исламские имена (إدريس [idris] — библия. Енох, مودود [mawdūd] — причастие от арабского глагола رَوَّى, а сорок девятым в списке значится Илькан-хан, как отмечают издатели текста, предок Джалаиридов, которые, в действительности, явились в Иран с ханом Хулагу (1256–1265)¹⁹².

Несмотря на то что генеалогия во многом фантастична, не следует преувеличивать степень ее произвольности. Без сомнения, Абу Бахр в первую очередь использовал те имена, которые сохранила коллективная память туркмен *ак-куйунлу* и, возможно, не дошедшие до нас ранние их хроники. Знаменательно то, что генеалогия Абу Бахра упоминает четырех лиц, имена которых содержат в качестве составного элемента имя Тоган: Тоганджук (№ 18), Ак-Тоган (№ 27), Мавдуд-Тоган (№ 26) и Тоган-хан (№ 44). Генеалогии Рашид ал-Дина и Абу ал-Гази ни разу не упоминают этого имени. Отметим также, что этот антропоним достаточно редко встречается в источниках XIII–XIV вв. Из родословной Абу ал-Гази известно, что *онгоном* (тотемом) рода *байандыр* был сокол (*лачин* или *тоган*)¹⁹³. Поэтому распространенность этого имени среди туркмен *ак-куйунлу*, одной из ветвей клана *байандыр*, представляется закономерной.

¹⁹⁰ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. 11–30; *Qadi Ahmad*. Ta'rikh-i jahan-ara. Tehran, 1963. Р. 251. Генеалогия в сочинении Казии Ахмада повторяет список Абу Бахра с многочисленными пропусками. А. С. Эрзи указал на влияние эпоса Деде Коркут на генеалогию, приведенную Абу Бахром Тихрани (*Erzi A. Akkoynlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar // Belleten*. 1954. Т. 18. С. 180, 184–185).

¹⁹¹ *Рашид ад-Дин*. Огуз-наме / Перев., предисл., коммент., примеч. и указатели Р. М. Шукуровой. Баку, 1987. С. 10–13; *Абу-л-Гази-хан*. Родословная туркмен / Пер. и коммент. А. Н. Кононова. М.; JL., 1958. С. 35–78.

¹⁹² *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. 19, 24 note 3.

¹⁹³ *Абу-л-Гази-хан*. С. 53.

Этот факт можно рассматривать как косвенное свидетельство хотя бы относительной достоверности генеалогии Абу Бакра. В нее в первую очередь попали те имена, которые туркмены помнили.

3. ПРОБЛЕМА АМИДА/ОМИДИИ

Наибольшее доверие вызывают сведения относительно четырех первых имен. Усман-бек, эмир Кутлу, эмир Тур 'Али и Пахлаван-бек. Отметим, что посвященный этим четверым правителям отрывок не несет никаких признаков эпического жанра и не имеет сколько-нибудь близких параллелей в «Китаб-и Деде Коркут» или других огузских эпических текстах. Однако и здесь безусловно верно датированы только жизнь эмира Усмана (эпохой эмира Тимура) и факты его жизни, проверяемые другими источниками. В отношении эмира Кутлу-бека верно упомянута его борьба с трапезундским императором, но никак не локализованы время и место его деятельности. О Тур 'Али сказано, что он жил во времена Газан-хана (1295–1304), обрел высокое положение, «так что в Мисрийской земле и Шаме *ак-куйунлу* называют *тур-'али*». Если датировка его жизни допустима — как известно, он умер вскоре после 1348 г.¹⁹⁴, то определение генеалогией места его жизни вызывает сомнения: утверждается, что он «долго был вождем и *сипахсаларом* в Дийарбаке от границ Рума до земли Шам, границ Мисра и Джазиры и Ирака Арабского»¹⁹⁵, хотя известно, что *ак-куйунлу* лишь на рубеже XIV и XV вв. овладели Дийарбаком¹⁹⁶. При этом опускается ныне известный факт, что Тур 'Али между 1340 и 1348 гг. находился в припонтийских областях. Однако посмотрим, что сообщается в генеалогии об отце Тур 'Али — Пахлаван-беке¹⁹⁷:

«Четвертый — Пахлаван-бек, отец Тур 'Али, и он был эмиром в эпоху Муста'сима¹⁹⁸, великим и храбрым, и по крайней храбрости его

¹⁹⁴ Тур 'Али назван у Панарета предводителем *ак-куйунлу* во время знаменитой атаки тюрков на Трапезунд в июне 1348 г. (см. выше). После этой даты его имя больше не встречается в источниках.

¹⁹⁵ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. 14–15.

¹⁹⁶ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. Р. 363–364; *Bryer A. Greeks and Turkmens*. Р. 133.

¹⁹⁷ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. Р. 15:

چهارم پهلوان بیگ پدر طور علی و او در عهد مستعصم امیری بود بزرگ و شجاع و از غایت شجاعت او را پهلوان بیگ می گفتند بقلبه استعمال این اسم اصلی متروک و منسی ماند، قلعه النجق در تصرف او بود و با چرماغون نویان که متقلای ملاکر خان بود محاربه کرد و او را منهزم ساخت و از آنجا بروم توجه نمود و بانفاز ولد عجم شیر در حدود پورسا با لشکر روم حربی عظیم نمود و لشکر کفار را درهم شکست و بسیاری بقتل آورده معاودت نمود و طوی عظیم داد و امارت او بلند گشت و بعد از مدتی در شهر آمد دعوت حق را اجابت نمود و در عصر او از سلجوقیان سلطان رکن الدین و سلطان غیاث الدین پادشاه بودند.

¹⁹⁸ Муста'сим — аббасидский халиф в 1242–1258 гг.

называли Пахлав-бек¹⁹⁹, из-за преобладающего употребления этого [имени] настоящее имя его забылось. Крепость Аланджик была в его владении. Воевал с Чурмагун-нойоном, который был посланцем Хулагу-хана, и обратил его в бегство. Оттуда направился в Рум и вместе с потомком [walad] Аджам Шера²⁰⁰ на границах Брусы вел великую битву с ромеями и разгромил войско неверных и, многих предав смерти, вернулся назад и задал великий пир, и власть его стала великой; через некоторое время в городе Амид [amid] ответил на призыв Истинного Господа. В его время у сельджуков царями были султан Рукн ал-Дин и султан Гийас ал-Дин²⁰¹.

Что обращает на себя внимание в этом отрывке — так это его конкретность, почти полное отсутствие риторики, правдоподобие изложенных в нем событий. Так, например, хорошо известно, что именно монгольское завоевание вызвало новую мощную волну переселений туркменских племен в западные области Анатолии. Эти переселения достигли своего апогея к середине XIII в., когда воины Чурмагуна и Хулагу окончательно подчиняли Азербайджан и пограничные анатолийские области.

Известно также, что в 70-х гг. XIII в. в области Кютахьи некий Карим ал-Дин 'Али-шер основал Гермянский эмират. Он стоял во главе смешанной группы туркско-курдских переселенцев из Восточной Анатолии. Владевшие эмиратом потомки 'Али-шера обозначались в источниках, в частности, как *walad-i 'Alīshir*. После 1289 г. они действительно включились в борьбу против византийцев, в частности, в областях, прилегающих к Брусе²⁰².

Наличие этой информации позволяет предположить, что источником сведений о Пахлаван-беке было не эпическое, но историческое предание,

¹⁹⁹ Пахлав — храбрец, бесстрашный, смелый, богатый, знатный (Гиёс-ул-лугот. Душанбе, 1987. Т. I. С. 170).

²⁰⁰ Как отмечают издатели текста, речь идет о гермянских эмирах — потомках 'Али Шера (*Abu Bakr Tihrani*. Т. I. P. 15, note 1).

²⁰¹ Возможно, имеются в виду Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан IV (1248–1249) и Гийас ал-Дин Кай-Хусрав III (1265–1282).

Сокращенный пересказ этого отрывка о четырех первых правителях *ак-куй-унлу* см.: *Муслих ал-Дин Мухаммад*. Мир'ат ал-Адвар. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 427. Л. 237 об. Муслих ал-Дин служил при дворе последних султанов Ак-Куйунлу. После падения династии он переезжает в Стамбул. Его описание ранней истории государства Ак-Куйунлу повторяет в краткой форме сведения, представленные у Тихрани и, скорее всего, были заимствованы у последнего. Следует отметить, что Муслих ал-Дин и Тихрани дают разные варианты написания топонима «Трапезунд» (у Тихрани — طرابزون, у Муслих ал-Дина — طرابندون) и имени Тур 'Али (у Тихрани — طور علی, у Муслих ал-Дина — دور علی).

²⁰² Histoire des seldjoucides d'Asie Mineure d'après abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi / Texte persan publié... par M. Th. Houtsma. Leide, 1902. P. 332–333; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 290, 306, 355–356; The Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol. I. P. 251–253, 265.

основанное на реальных фактах. Может быть, верно это предание, и туркмены *ак-куйунлу*, как и некоторые другие туркменские племена, были вынуждены под давлением монголов откочевать на запад Анатолии?

Косвенными подтверждениями достоверности предания могут быть следующие факты. Во-первых, самые ранние сведения о пребывании *ак-куйунлу* на востоке Анатолии содержатся у Панарета под 1340 г. По нашим сведениям, впервые *ак-куйунлу* появились во внутренних областях Восточной Анатолии на северных границах государств Кара-Хисара, Сиваса и Эрзинджана лишь к 1379 г.²⁰³ Утверждение А. Эрзи, что в 30-х гг. XIV в. Ибн Баттута подразумевал под воюющими у Эрзерума туркменами племена *ак-куйунлу* и *кара-куйунлу*, — не более чем догадка²⁰⁴. Во-вторых, этноним *байандыр* употреблялся наряду с *ак-куйунлу* как синоним²⁰⁵. На карте Западной Анатолии можно найти целый ряд топонимов Байандыр²⁰⁶ — не знак ли это пребывания там и племени *ак-куйунлу*? Топоним Байандыр сохранился и между Болу и Тосьей в бывшей Пафлагонии²⁰⁷. Не знак ли это того, что *ак-куйунлу* пришли в Понт к 40-м гг. XIV в. по пути с запада на восток через Пафлагонию, так же как и туркмены *чепни*?

В период с 1340 по 1348 гг. *ак-куйунлу* находились в непосредственной близости от самого города Трапезунда. На это указывает и беспрецедентная частота атак *ак-куйунлу* на город — следовательно, они находились недалеко от него, и у греков не было средств остановить их. Кроме того, как отметил Э. Брайер, в июне 1367 г. ставка эмира *ак-куйунлу* Кутлу-бека располагалась у западных границ банды Трикомиа, примерно там же, где земли *чепни*²⁰⁸. Нет никаких оснований думать, что *ак-куйунлу* являлись к Трапезунду время от времени из области Байбурта. Очевидно, что как раз после 1367 г. *ак-куйунлу* перекечевали к Байбурту — Панарет после этой даты их не упоминает.

Сообщение генеалогии о том, что Пахлаван-бек умер в Амиде, согласуется с известным греческим названием *ак-куйунлу* — ἀμιτιδάται, произошедшим, по-видимому, от названия местности, где *ак-куйунлу* находились около 1340 г. или незадолго до этого. Что это был за Амит/Амид? В свете сказанного выше мы склонны вновь возвратиться к предположе-

²⁰³ Bazm-ı gazm. P. 163: 'Азиз Астарабди сообщает, что во время осады султаном 'Али и Кылыч-Арсланом Эрзинджана некий сын Кутлу-бека сразился с отрядами сивасцев.

²⁰⁴ Erzi A. Op. cit. S. 188 note 36; Woods J. Op. cit. P. 46.

²⁰⁵ Roemer A. R. The Türkmen Dynasties // The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1986. Vol. VI. P. 152–153.

²⁰⁶ Еремеев Д. Е. Этногенез тюрков. М., 1971. С. 85–86 и сл.

²⁰⁷ Mostras C. Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. St.-Petersbourg, 1873. P. 45; Эалия Челеби. С. 62.

²⁰⁸ Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 146 note 136; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 258.

нию Э. Брайера, от которого он позже отказался под воздействием критики Э. Захариаду, что *αμιτιοτα* произошло от понтийского топонима Омидия (западнее Керасунта)²⁰⁹, где *ак-куйунлу* могли обосноваться по пути с запада Анатолии и где, может быть, скончался Пахлаван-бек.

Почему же генеалогия так упорно стремится привязать *ак-куйунлу* к области Дийарбакара? Во-первых, сам Абу Бакр Тихрани мог быть введен в заблуждение сходством топонимов Амид (в авторитетном хорасанском произношении персидского, наверняка хорошо известном Абу Бакру, имя города звучит как *[omid]*) и Омидия, а во-вторых, из чисто политических соображений — указать читателю, что *ак-куйунлу* издревле владели Дийарбаком и имеют на него больше прав, чем кто-либо еще.

4. ТОГАНДЖУК — ЭМИР АК-КУЙУНЛУ

Генеалогия дает еще один вариант решения и другой проблемы — кем был упомянутый у арабского географа ‘Умари понтийский владетель Тоганджук. ‘Умари дает имя в форме *طوغان جق*. Антропоним распадается на собственное имя Тоган и турецкий аффикс *джук/джик*, имеющий уменьшительно-ласкательное значение. ‘Умари сообщает, что государство Тоганджука располагалось западнее Трапезунда (*دولتی غربی طرابزون*)²¹⁰. ‘Умари можно понять двояко: его держава располагалась на западе от границ империи или же непосредственно западнее города Трапезунда, что далеко не однозначно, когда известно, что в непосредственной близости от Трапезунда, на западе, в середине века располагались племена *чеппи* и *ак-куйунлу*. Э. Захариаду идентифицировала Тоганджука с *Доган-шахом*, чье имя запечатлено на могильной плите из Никсара, датированной 1346/47 г.²¹¹ Однако ряд фактов, не говоря уже об очевидном отличии имен в их второй части, заставляют отнестись к предположению Э. Захариаду с известной долей осторожности. Имя Тоганджук встречается, помимо сочинения ‘Умари, только в генеалогии, записанной Абу Бакром Тихрани, в форме *Тоганчук طوغان جوق*²¹².

Тоганчук стоит в списке восемнадцатым: «Восемнадцатый — Тоганчук, в его время [халифами] были Саффах и Мансур. Абу Муслим в эти

²⁰⁹ Отмеченный вопрос о происхождении и семантике именованья *αμιτιοτα* в тексте Панарета был впервые развернуто сформулирован Кл. Казном (*Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 363–364*). См. также: *Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 133–134; Zachariadou E. Op. cit. P. 339–341.*

²¹⁰ *Umari. P. 31.*

²¹¹ *Zachariadou E. Trebizond. P. 346.*

²¹² *Abu Bakr Tihrani. T. I. P. 17.* Различие в формах «джук» и «чук» не принципиально. У арабов нет звука «ч». При передаче турецких слов арабами и иранцами закономерность фиксации гласных очень слаба, ибо турецкие языки не знают краткости и долготы гласных звуков. Особенно это касается того времени, когда общие правила передачи турецкой речи арабской графикой еще не были выработаны.

времена восстал, и халиф Мансур убил его»²¹³. Дата его жизни абсолют-но нереальна, и как видно из цитаты, Тоганчук не ассоциируется ни с предыдущими, ни с последующими именами, не указано и место его жизни. Так что положение, избранное для него Абу Бакром Тихрани, выглядит довольно случайным. Выше мы уже говорили о полной произвольности датировок в генеалогии. Но это не означает, что имя Тоганджук/Тоганчук попало в список случайно. Мы полагаем, что Тоганчук Тихрани и Тоганджук 'Умари, возможно, были одним и тем же лицом. Датировка его жизни в генеалогии заведомо ошибочна, а сохранение воспоминаний о нем в исторической памяти *ак-куйунлу* весьма вероятно, ибо Тоганджук 'Умари пребывал на Понте примерно в то же время, что и племя *ак-куйунлу*. Отметим также и другую деталь: 'Умари не сообщает о наличии городов во владениях Тоганджука, своей монеты и т. д.: «Затем идет страна Тоганджука, она западнее Трапезунда и южнее страны Сулайман-паши, это великая держава, обладающая землями и войском»²¹⁴. По этой причине у нас возникают сомнения в правомерности идентификации Тоганджука с Доган-шахом, владельцем цветущего и известного города Никсара, вокруг которого было немало других городов. Может быть, слова 'Умари отражают кочевой характер державы Тоганджука? Она могла бы располагаться ближе к трапезундской границе, где и в самом деле не было значительных городских центров. Упоминание Тоганджука/Тоганчука в генеалогии, утверждая нас в этой мысли, позволяет думать, что существовала некая связь между ним и *ак-куйунлу*, пребывавшими по меньшей мере десятилетие на западных границах империи. В хронике Панарета Тоганджук не упомянут, возможно, потому, что он мог скончаться еще до 1340 г., до первого упоминания *амитиотов* в хронике. Судя по фонетической форме имени, Тоганджук/Тоганчук был, вероятно, *огуз*ом и, скорее всего, принадлежал к племени *ак-куйунлу*.

5. ТУРКМЭНЫ БОЗ-ДОГАН

Что касается упоминавшегося у Панарета *Пообоуауи*, то под этим именем подразумевалось племя, а не только личность. Первое упоминание Боз-Догана (в переводе с тюркского «серый сокол») в источниках относится к 1348 г. (хроника Панарета), в восточных источниках впервые он упоминается в родовом имени эмира Зийа ал-Мулка — Ибн Боз-Доган. Зийа ал-Мулк был убит в Шейзаре в 1392 г.²¹⁵ Его сын, эмир Са'ад ал-Мулк Ибн Боз-Доган, в середине 1395 г. переходит из Сирии на службу к Бурхан ал-Дину. Его брат Зийа ал-Мулк служил у Мутаххарта-

²¹³ Ibid. Халиф Саффах правил в 749–754 гг., халиф Мансур правил в 754–775 гг.

²¹⁴ *Umari*. P. 31.

²¹⁵ *Maqrizi*. Т. 3. P. 442, 782; *Ibn Taghribirdi*. Т. 5. P. 548.

на, а в 1396 г. переходит на сторону Бурхан ал-Дина²¹⁶. Как следует из египетских источников и хроники «Базм-у разм», потомки Боз-Догана были главами племени туркмен (*turkmān, tarākima*)²¹⁷. Еще в 30-х годах XX в. в Восточной Анатолии жили *юрюки*, именовавшиеся этнонимом *боз-доганлы*²¹⁸. Следовательно, нужно думать, что и сам Боз-Доган, упомянутый у Панарета, в 1348 г. был на Понте во главе туркменского племени. Он не мог поэтому быть главою *чепни*, как это предположил Э. Брайер, и не был эмиром *ак-куйунлу*, как это утверждает Э. Захариадзу²¹⁹. Боз-Доган стоял, по всей видимости, во главе особого племени тюрков. На огузско-туркменское происхождение Боз-Догана указывает и чисто огузская западноанатолийская особенность произношения имени, как она зафиксирована у Панарета и в восточных источниках (بورطوغان, بور دوغان). Однако к какой именно ветви *огузов* следует отнести племя *боз-доган*, сказать трудно. Существует еще одна вероятность: *иль* Боз-Догана мог состоять из представителей разных тюркских племен, но получить название по имени своего предводителя, *огуза* Боз-Догана²²⁰. Последнее толкование объяснило бы, почему Панарет упоминал Боз-Догана без ссылки на его родовую принадлежность.

6. АК-КУЙУНЛУ И СХОЛАРИИ

Пик давления туркмен *ак-куйунлу* на Трапезундскую империю совпал с разгаром гражданской войны в державе Великих Комнинов, которая длилась более двадцати лет с 1340 по 1355 гг. Среди участников гражданской войны были все основные знатные роды: Схоларины, Кавазиты, Мизоматы, Дораниты, Камахины и другие. Междоусобная борьба выразилась в мятеже одного из союзов знати против царской власти, которая опиралась на другую из соперничавших групп архонтов. За время войны на престоле сменилось пять императоров. В проимператорских и в мятежных группировках знати в разное время объединялись разные из перечисленных родов, так что нельзя однозначно утверждать, что смыслом этой распри было соперничество между различными группировками знати. Скорее всего, ее надо рассматривать как проявление центробежных устремлений архонтов по отношению к власти василевсов²²¹. Ряд

²¹⁶ *Bazm-u razm*. P. 475, 491–492.

²¹⁷ *Maqrizi*. T. 3. P. 422, 906; *Ibn Taghribirdi*. T. 5. P. 584.

²¹⁸ *Riza Y. Cenupta bozdoganlilar // Ülke*. 1934. T. III. № 17.

²¹⁹ *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 132; *Zachariadou E. Trebizond*. P. 340 note 1.

²²⁰ *Bazm-u razm*. P. 534. Кл. Каэн отмечал подобный прецедент, когда одно из туркменских племен приняло имя своего предводителя Рустама, павшего в битве (1186–1187). См.: *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. P. 110, 113.

²²¹ *Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for Robert Browning / Ed. Ann. Moffat. Canberra, 1984 (=Idem.*

фактов позволяет предполагать, что отмеченное совпадение не было случайным и *амитиоты* использовались трапезундцами в междоусобной войне в империи.

О событиях гражданской войны известно преимущественно по хронике Михаила Панарета. Поскольку Панарет родился около 1320 г., то, скорее всего, он был очевидцем этих событий. Панарет был *протонотарием* Трапезундской империи, и трактовка им событий, по всей видимости, отражала официальную точку зрения²²².

За пятнадцатилетний период войны Панарет фиксирует пять вооруженных столкновений между трапезундцами и *амитиотами*. Исследователи гражданской войны рассматривают эти войны с туркменами как вторжение третьей силы, воспользовавшейся неурядицами в империи и усугублявшей дестабилизацию державы²²³.

Однако представляется, что *амитиоты*, кочевавшие на расстоянии 2–3 дней пути от самого Трапезунда, вполне могли вовлекаться самими враждующими сторонами в борьбу. Это было бы вполне логичным — воспользоваться внешней военной силой, находящейся рядом. Хотя Панарет прямо не говорит об участии *амитиотов* в междоусобице, однако намеки на это в хронике содержатся.

Панарет сообщает о следующих греко-тюркских столкновениях: в августе 1340 г., июле 1341 г., августе 1341 г., июне 1343 г., июне 1348 г., а также о женитьбе летом 1352 г. эмира *амитиотов* Кутлу-бека на сестре василевса Алексея III — Марии Великой Комнины²²⁴. Все эти упоминания *амитиотов* в хронике соседствуют с сообщениями о новых обо-стрениях в междоусобице. Случайны ли эти совпадения? Взглянем на хронику Панарета с внешней, формальной точки зрения.

Хроника представляет собой запись в хронологической последовательности событий, сгруппированных по царствованиям. Внутри этих групп текст распадается на более или менее краткие сообщения-события, почти всегда датированные, но, как правило, логически между собой никак не связанные. В рассматриваемом отрывке Панарет повествует о пяти царствованиях, для каждого царствования он избрал от трех до семи сообщений-событий. Очевидно, что событий было много больше, и далеко не все они получили отражение в хронике. По существу, нам приходится иметь дело не с реальным «космосом» событий, но с «космосом» сообщений

Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / *Variorum collected studies series*. L., 1988. № VII). P. 310–313; *Idem*. Eclipses and epithalamy in fourteenth-century Trebizond // *Byzantium. A tribute to Andreas N. Stratos* / Ed. N. Stratos, II. Athens, 1986. (= *Idem*. Peoples and Settlement. № VI). P. 347–352.

²²² *Panaretos*. Предисловие О. Лампсидиса. P. 9–16, 38–42; *Hunger H.* Die hochsprachliche Profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. I. S. 480.

²²³ См., например: *Успенский Ф. И.* Очерки истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 99–109, *Janssens E.* *Trebizonde en Colchide*. Bruxelles, 1969. P. 106.

²²⁴ *Panaretos*. P. 65^{29–31}, 66^{5–10}, 66^{25–27}, 67^{17–18}, 68^{13–19}.

Панарета. Тогда возникает вопрос, не была ли эта подборка сообщений, включенных в хронику, концептуальной?

Как представляется, основная тема, концепция отрывка о гражданской войне, — это повествование о борьбе за власть одного рода — рода Схоляриев. Схолярии стояли у истоков этих войн: так, они и другие знатные роды выступили против императрицы Ирины Палеолог в 1340 г., Схолярии были и участниками финала междоусобицы — с их поражением в 1355 г. в общем и завершилась смута в империи²²⁵. Именно с именем Схоляриев Панарет прямо связывает наиболее острые кризисы в междоусобице (например, в 1341–1342 гг., 1344 г., 1349–1355 гг.)²²⁶. Схолярии упоминаются Панаретом в рассматриваемом отрывке по меньшей мере 20 раз, наиболее последовательные союзники Схоляриев, род Доранитов, упоминаются 13 раз, в то время как другие роды — лишь от 1 до 10 раз.

Если согласиться с этим нашим наблюдением, то упоминания туркменских набегов в хронике также предстают концептуальными. Сообщения о греко-туркменских столкновениях появляются тогда, когда Схолярии терпят поражение в борьбе с императорской властью. Вот как это отражено в хронике.

Первое столкновение — это нападение трапезундцев на *амитиотов* в августе 1340 г.; о нем сообщается вслед за известием об аресте в июле того же года мятежных архонтов императрицей Ириной; среди мятежников были и Схолярии. Второе столкновение с *ак-куйунду* в июле 1341 г. — о нем говорится вслед за сообщением о казни в Лимнии арестованных архонтов; не известно, были ли среди казненных представители рода Схоляриев, однако нет сомнений, что они продолжали находиться в оппозиции императрице. Третье столкновение 3 августа 1341 г. — говорится о нем сразу после сообщения об аресте в ночь на 31 июля Михаила Великого Комнина, во время неудачной попытки возвести его на престол Схоляриями и Доранитами. Четвертое столкновение в 1343 г. — Схолярии в это время, вероятно всего, были в оппозиции к императору Иоанну, которого они через год свергли; сообщение следует вслед за известием о терроре, учиненном императором Иоанном против знати, и перед известием о свержении Иоанна. Пятое столкновение в июле 1348 г. — Никита Схолярый с ноября 1345 г. был лишен должностей и оказался под арестом; поскольку Никита Схолярый принимал активное участие в дворцовом перевороте 1349 г., то, скорее всего, в момент набега тюрок он был в оппозиции или, быть может, даже находился в заключении. Летом 1352 г. был заключен брак между сестрой Алексея III Марией и эмиром *амитиотов* Кутлу-беком²²⁷. Сделаем небольшое отступление и остановимся на последнем событии подробнее.

Сообщение Панарета о браке Марии и эмира значительно отличается от его же известий о двух других браках трапезундских *деспинов* с мусуль-

²²⁵ Panaretos. P. 65¹⁹, 71^{22–25}.

²²⁶ Ibid. P. 66–67, 67^{19–24}, 69^{8–18}, 69^{30–70}, 70^{24–32}.

²²⁷ Ibid. P. 70^{20–22}.

манами²²⁸ своей недосказанностью и отрывочностью. Это наводит на мысль, что Панарет опустил какие-то подробности, связанные с этой женитьбой. Мы предполагаем, что между 1348 и 1352 гг. имело место еще одно столкновение трапезундцев с племенем *ак-куйунлу*. Свидетельство о нем сохранилось лишь в генеалогии правителей *ак-куйунлу*, к которой мы уже обращались выше:

«И вел он войну (т. е. Кутлу-бек. — Р. Ш.) и джихад с недругами веры, которые живут на краю той области, и постоянно будучи во всеоружии для защиты границ той области от неверных и захвата их земли, стремился возвысить знамя Ислама и умалить врагов веры. В то время, когда войска Трапезунда, чрезвычайно упорные в борьбе с Исламом, убили Йусуфа Духари, а племя его и скотину подвергли грабежу и разбою, и протянули руки плена ко всем его женщинам и детям, то огонь [возмущения] мусульманской общины и ледяной ветер гнева и ярости во рвении за [дела] веры, бродя и волнуясь, извошел от него. // Стихи: <...> Ради победы Ислама и мести несчастному врагу, он вынул меч возмездия и с несметным войском и свирепыми храбрецами выступил против воинства Трапезунда, и всю ту шайку указателем пронзающих грудь стрел, путеводителем наконечников прямоидущих копий и руководством высекающих искры мечей вывел из пустыни бесполезного бытия и вверг в царство небытия и страну несчастья. Он подверг такому разорению этих людей, что ни один из них не сохранил ни головы на плечах, ни крови, ни души в теле. Духарнев (*dühkariyân-râ*) же [он] избежал от потери имущества и отъединения от семей, и, пленив дочь императора (*takfûr*) Трапезунда, по имени Тасбина (*tashbina*), вернулся назад»²²⁹.

Если освободить этот интересный отрывок от риторики то можно выделить в нем следующие ключевые элементы. 1) Эмир Кутлу-бек, весьма

²²⁸ Ibid. P. 72²⁹⁻³³, 78–79.

²²⁹ *Abu Bakr Tihrani*. T. 1. P. 12–13:

و حرب و جهاد با مخالفان دين که بر حواشی آن بلاد است نهاده بود و پیوسته بسد ثغور آن دیار در پیش کفار و فتح ولایت ایشان کمر بسته بر رفع رایت اسلام و کسر دشمنانان دین قیام و اقدام داشت و در زمانی که لشکر طرابزون که بمخالفات اسلام در غایت تصلب اند یوسف دوخاری را بقتل آورده بودند و ایل و احشام اوزا پایمال نهب و غارت ساخته و دست اسر بر زنان و فرزندان ایشان باسرم و اجمعهم کشیده ناپیره جمعیت اسلام و صرصر قهر و غضب در عصبيت دین اند بالتهاب و اضطراب آمد. || نظم <...> از برای نصرت اسلام و انتقام دشمن بیسر انجام تیغ انتقام کشیده با لشکر جرار و دلیران خونخوار بشکر طرابزون روی آورده مجموع آن طایفه را بدالات پیکان سینه گذار و رهنمایی سر نیزه های راست رفتار و پیش نمایی شمشیرهای آشبار از بیابان حیات پی اعتبار رهنمونی کرده بملک عدم و دیار ادبار و اندمار فرستاد چنان غارتی در انقوم انداخت که یک کس را از ایشان سر بر گردن و خون در بدن و جان در تن نماند و دوخاریانرا از زبان مال و مفارقت اهل و عیال بیرون آورد و تسبینه نام دختر تکفور طرابزونا اسیر ساخته مراجعت نمود

Турецкий перевод: *Erzi A. Akkoynlu*. S. 190–191. Сокращенный пересказ этого отрывка см.: *Мухлис ал-Дин Мухаммад*. Мир'ат ал-Адвар. Л. 237 об.

преуспел в борьбе с трапезундцами. 2) Трапезундцы убили некоего Йусуфа из племени *духар*²³⁰ и пленили женщин и детей его племени. Кутлу-бек выступил против Трапезунда в отместку за разгром, учиненный туркменам *духарлу*. 3) Кутлу-бек разбил греков в сражении и пленил *тасбину*, дочь императора Трапезунда.

По мнению Дж. Вудса, единственного исследователя, подробно прокомментировавшего этот отрывок, Тихрани превратил на самом деле мирные отношения между туркменами и греками в газават против христиан, интерполировав в более раннее свидетельство поздние идеи газаватов²³¹. Однако, следует отметить, что авторы XIV в. нисколько не меньше руководствовались в описании мусульманско-христианских контактов идеями джихада, непрерывного и победоносного распространения ислама, чем в XV в. В малоазийских исторических сочинениях фиксировались по большей части сведения о безусловных победах ислама. В связи со сказанным нам представляется маловероятным, чтобы Тихрани пришлось принципиально изменить смысл этого сообщения при переработке своего первоисточника — иного рода сообщение вряд ли бы могло в него проникнуть. Кроме того, это сообщение частично проверяется уже известными фактами. Так, известно, что в конце XIV в. тюркское племя *духар*, входившее в конфедерацию туркмен *кара-куйунлу*, жило примерно там же, где в то время и *ак-куйунлу*, что они были в союзных отношениях с *ак-куйунлу*²³². Известно, что на трапезундской принцессе женился именно Кутлу-бек. Замечание Тихрани о чрезвычайном упорстве трапезундцев в «борьбе с исламом» вполне соответствует действительности, если принять во внимание, что отряды *ак-куйунлу*, по Панарету, четыре раза были разбиты греками.

На наш взгляд, нет оснований не доверять этому сообщению. Однако, похоже, что в приведенном отрывке объединено два ключевых события, предшествовавших заключению матримониального союза между эмиром *ак-куйунлу* и Великим Комнином — начальное и конечное.

Можно согласиться с толкованием Э. Захариаду, которая упоминает (правда, без ссылки на приведенный отрывок), что причиной одного из походов *ак-куйунлу* на Трапезунд явилось убийство греками вождя тюрков *духар*²³³. Однако это замечание требует уточнения: Абу Бакр Тихрани подразумевал именно первое столкновение между *амитиотами* и греками в августе 1340 г., о котором Панарет писал: «*λεπὶ τὸν Ἀβουοστον*

²³⁰ *Духарлу*, как это следует из текста Абу Бакра Тихрани, — одна из ветвей племени *кара-куйунлу* (P. 13 note 2; P. 108, 204, 241, 368).

²³¹ Woods J. Op. cit. P. 48; Erzi A. Akkoyunlu. Другой исследователь, Б. Байкал, не совсем точно пересказывает этот отрывок (*Baykal B.: Die Rivalität zwischen Uzun Hasan und Mehmet II um das Kaiserreich von Trapezunt // Труды XXV международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. II. С. 444*).

²³² Woods J. Op. cit. P. 203; Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). S. 276 (для более позднего времени земли *духарлу* локализованы в области Байбурта-Эрзерума).

²³³ Zachariadou E. Trebizond. P. 341.

μήνα, ἀπῆλθε τὸ φασσάτον ἡμῶν εἰς τὸν Παρχάριν καὶ κουρσεύσαντες τοὺς Ἀμιτιώτας ἐπῆραν κουρσα πολλά, ὅτε ἐσκοτώθησαν καὶ υἱοὶ τοῦ Δολίνου (приблизительно в месяце августе наше войско пошло на летние пастбища и, разграбив *амитиотов*, взяло много добычу, тогда убиты были и сыновья Долина)»²³⁴. Если предположить, что в загадочном τοῦ Δολίνου следует видеть либо искаженное τοῦ *Δοχάρου/Δουχάρου, либо искаженное собственное имя вождя *духар* (тюрк. Tulin/Dolin?)²³⁵, то придется констатировать полное смысловое совпадение и даже текстуальную близость между первой частью сообщения Тихрани и текстом Панарета. Тогда было бы понятным, почему Панарет не опустил упоминания об убийстве этого τοῦ Δολίνου — именно его смерть, как утверждает Тихрани, воспламенила местью Кутлу-бека и привела к затяжной войне с неверными греками.

Во-вторых, как мы полагаем, во второй части генеалогии сохранились следы последнего столкновения между империей и туркменами, не упомянутого у Панарета, которое и явилось причиной выдачи Марии Великой Комнины за Кутлу-бека²³⁶.

Если следовать логике сообщений Панарета, то можно предположить, что это шестое столкновение имело место в 1351 г., когда императорской власти вновь противостоят мятежные роды Схолариев и Доранитов. После заключения союза с *амитиотами* Алексей III в октябре 1355 г. умиряет Никиту Схолария.

Итак, не были ли *амитиоты* союзниками Схолариев и случайно ли помещает Панарет упоминания об *амитиотах* рядом с известиями об угрозе для Схолариев? Не намекает ли Панарет, что походы *амитиотов* отчасти провоцировались мятежными Схолариями? Необходимо отметить

²³⁴ Panaretos. P. 65²⁹⁻³¹.

²³⁵ В любом случае, имя τοῦ Δολίνου, несмотря на вполне «греческий» вид, по происхождению явно не греческое.

²³⁶ О браке между беком *ак-куйунлу* и трапезундской принцессой повествует и «Китаб-и Деде Коркут» в VI сказании — «Сватовство Кан-Турали» (Dede Korkut kitabi / Dr. M. Ergin. Ankara, 1958–1963. T. 1–2: T. 1. P. 184–199; Книга моего деда Коркута / Пер. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962. С. 63–72). Отец Кан-Турали нашел для сына невесту в Трапезунде — дочь местного царя Салыджанхатун. Кан-Турали после целого ряда сложных испытаний получил в жены дочь царя. Соотношение реальных фактов матримониальных связей между *ак-куйунлу* и Великими Комнинами с сюжетом сказания о сватовстве Кан-Турали подробно обсуждалось во многих работах. В общем следует признать, что сказание не может служить историческим источником для восстановления событий 1352 г. (см., например: Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. С. 190–200; Erzi A. Akkoyunlu. S. 191–192; Planhol X., de. La signification géographique du livre de Dede Korkut // JA. 1966. T. 254. P. 225–244; Melikoff I. Les Géorgiens et les Arméniens dans la littérature épique des Turcs d'Anatolie // БК. 1961. T. 11–12. P. 27–35; Idem. Géorgiens, Turcomans et Trébizonde: Motes sur le «Livres de Dede Korkut» // БК. T. 17–18. 1964. P. 18–27; Bryer A. Han Turali rides again // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 193–206).

в этой связи, что другой трапезундский автор, Лазаропул, не упомянул ни об одном туркменском набеге в ходе гражданской войны, а Андрей Ливадин, сторонник Схоляриев, также писавший о междоусобице, упомянул лишь об одном набеге — в июле 1341 г. когда городу Трапезунду был нанесен серьезный ущерб²³⁷. Сам факт включения Панаретом в текст этих сообщений логично объясняется основной концепцией всего отрывка, сводящейся к изложению обстоятельств перманентного мятежа Схоляриев.

Наше предположение о союзе между Схоляриями и туркменами подкрепляется и тем фактом, что, судя по хронике Панарета, столкновения *амитиотов*, по всей видимости, происходили именно с императорскими войсками. Так, в первом столкновении в 1340 г. на *амитиотов* совершили нападение именно императорские отряды царицы Ирины, и по крайней мере, еще в двух случаях (июль 1341 г. и июнь 1348 г.) туркменские набегги были направлены против города Трапезунда, находившегося под контролем императорской власти.

7. ТУРКМЕНЫ-ВИЗАНТИЙЦЫ

Кроме того, что мое предположение находит подтверждение в структуре хроники Панарета, в характере его сообщений, можно представить еще один косвенный, но достаточно веский аргумент, а именно два сообщения Андрея Ливадина в его «Периигисисе», которые никто из исследователей, кроме издателя текста Од. Лампсидиса, так и не прокомментировал.

Первый отрывок касается обстоятельств покорения Алексеем III в 1355 г. крепости Керасунт, находившейся в руках Схолярия. Андрей Ливадин был в числе мятежников и находился тогда в Керасунте²³⁸. Ливадин между прочим сообщает:

«Уже союзные [императору. — Р. III.] наемники-варвары с мощной конницей и пехотой направились из сопредельной материковой области (а это было сделано тайно, по глубокому злоумышлению), что привнесло в город [Керасунт] еще большую робость...»²³⁹.

Издатель текста Од. Лампсидис полагает, что варварами-наемниками были какие-то грузинские отряды²⁴⁰. С этим мнением нельзя согласиться по следующим причинам. Во-первых, Ливадин однозначно указывает, что варвары явились из «сопредельной области», т. е. «сопредельной», оче-

²³⁷ Παπαδοпуλο-Κεραμεως Α. Сборник источников по истории Трапезундской империи. СПб., 1897. Т. I. С. 134; Libadenos. P. 65¹⁰⁻²¹.

²³⁸ Libadenos. Комментарий О. Лампсидиса. P. 197.

²³⁹ Ibid. P. 74²⁶⁻³⁰. «Ἦδη δὲ καὶ ξυμμαχοὶ μισθοφόροι τοῖς κρατοῦσιν ἡκαστὶν ἰαπεῖς ὅσα περὶ τοῦ τῆς γείτονος βαρβαροῦ, λάθρα τοῦτο δὲ ἦν πεπραγμένον τοῖς ὑπὸ βαθέσι τοῖς σκαιωρήμασιν, ὃ καὶ μᾶλλον δειλίαν τινὰ ἐνήκε τῇ πόλει.

²⁴⁰ Ibid. P. 203—204.

видно, Керасунту и вряд ли Лазике, где империя соприкасалась с Грузией. Во-вторых, о каких-либо особенно дружественных отношениях империи с Грузией в этот период ничего не известно. Кроме того, Ливадин в своих сочинениях, имеющих отношение к истории Трапезундской империи, из 12 упоминаний «варваров» в 11 случаях однозначно подразумевал под ними понтийских тюрков²⁴¹. Так что, по всей видимости, и в двенадцатом случае Ливадин имел в виду тюрков.

Но кого именно имел в виду Ливадин из понтийских туркмен? Наиболее вероятный ответ — это были *амитиоты*, туркмены *ак-куйунлу*. Ведь именно с ними тремя годами раньше был заключен союз. Известно также, что союз с *амитиотами* был первым союзом Алексея III с тюрками, другие окрестные мусульманские владетели были ему враждебны.

В тексте Ливадина, таким образом, содержится пока единственное прямое указание на то, что императорская власть в гражданской войне пользовалась услугами туркменских воинов. И вновь мы видим, на примере уже другого источника, что *амитиоты* опять ассоциируются со Схоляриями, но теперь они определенно действуют против Схоляриев. Скорее всего, целью брака, заключенного в 1352 г., было не столько отделить *амитиотов* от других тюркских эмиров, как считает Э. Захариадзу, сколько заставить их разорвать союз со Схоляриями и обратить их оружие против мятежников²⁴².

Ливадин приводит другой пример, свидетельствующий, что союз греческих мятежников с тюрками был вполне возможен. Описывая Кенхри-ну, в тот же период борьбы между Схоляриями и центральной властью, он сообщает:

«Городок [Кенхрина]... временами вступает в союз с варварами, живущими по соседству, [но] редко, и всегда из-за того, что [сам] непокоряем. Если даже и [вступает с ними в союз], то менее всего ожидается, что [город] потерпит от [варваров] ущерб, но поскольку, наоборот, варвары весьма претерпели, то весьма охотно вступают в союз и заключают крепкий мир с ними (т. е. с греками. — Р. Ш.) и друг с другом живут в большой безопасности»²⁴³.

Из этого отрывка следует, что мирные отношения с тюрками могли сложиться у греческого населения империи и помимо государственной власти. Но с кем именно из тюркских племен (*чепни*? *ак-куйунлу*?) — сказать трудно, и не это важно. Ливадин свидетельствует о прецеденте,

²⁴¹ Ibid. P. 65–67, 73, 80, 82, 86, 95, 107, 111, 128.

²⁴² Zachariadou E. Trebizond. P. 340, 342, 348–349.

²⁴³ Libadenos. P. 823–8: «...ἔστι δ' ὅτε καὶ προσεταιρισμένοι τοῖς πλησίον οἰκοῦσι βαρβάροις ἐνίοτε μὲν, ἔστι δ' ὅτε καὶ ἀεὶ διὰ τὸ δυσάλωτον. Εἰ δ' οὖν, ἥκιστ' ἂν ὑπὸ τούτων βλαβήσεσθαι ποτε προσδοκᾶται· ἀλλ' ἐπεὶ τὸν πάντων οἱ βάρβαροι μάλιστα πάσχουσι, σπένδονται μάλα τούτοις προσεταιριζόμενοι καὶ ἀλλήλοις ζυῶσιν ἀκινδυνότερον».

так сказать, «сепаратного» мира имперского города с тюрками — это важный аргумент в пользу высказанного нами предположения.

Итак, если василевс мог использовать *амитиотов* в междоусобной борьбе, а жители Кенхрины могли быть в союзе с местными тюрками, то и Схоларии, вероятно, вполне могли призвать тюрок на помощь в критические для себя моменты.

Поэтому мы полагаем, что Панарет своей намеренно тенденциозной подборкой свидетельств в хронике стремился тем самым указать читателю на то, что Схоларии пользовались в междоусобице услугами туркмен-*амитиотов*. Эти намеки были слишком прозрачными для читателя хроники в конце XIV в., знавшего много больше того, что донес до нас текст Панарета.

Исходя из нашего толкования текста Панарета, мы предлагаем следующую картину развития гражданской войны. Уже к 1340 г. мятежные Схоларии в союзе с другими родами использовали отряды туркмен для борьбы с императорской властью. В августе 1340 г. императрица Ирина, разгромив мятежников, мстит и их туркменским союзникам, императорские войска громят кочевья *амитиотов* и *духар*. В 1341–1351 гг. *амитиоты* продолжают поддерживать Схолариев и совершают пять набегов на территорию империи. В 1352 г. императорской власти удается заключить союз с эмиром *ак-куйунлу* и обратить оружие тюрок против их прежних союзников.

Вполне правомерен вопрос: почему Панарет открыто не сообщил в хронике о существовании союза между Схолариями и туркменами? Прежде всего, чтобы понять это, следует вспомнить, что умолчание было одним из наиболее действенных орудий средневековой историографии, много более действенным, чем искажение факта. Панарет, повествуя о покорении василевсом Керасунта, ни словом не обмолвился о союзниках-тюрьках в числе императорского воинства. Лояльный императорской власти, он умолчал факт военной помощи императору со стороны тюрок, но в то же время косвенно указал на связь мятежников с варварами. В свою очередь Ливадин ничем не выдал хорошие отношения своих покровителей Схолариев с тюрками, но не упустил случая указать на связь с ними императора Алексея III. Отметим, что из этих примеров следует, в частности, что вовлечение варваров в междоусобицу не считалось достойным поступком.

Панарет не говорит прямо о союзе Схолариев с тюрками, по-видимому, потому, что он не мог открыто порочить Схолариев. Ведь они сохранили за собой высокие посты в государстве и после поражения в войне. Так, в 1363 г. Георгий Схоларий упомянут в чине *великого логофета*, а в 1395 г. некий Схоларий был в чине *адмирала* и *великого дуки*²⁴⁴. Почему же тогда Панарет оставил эти намеки на неблагоприятную связь первейшего рода в империи с варварами? Вероятно, потому, что у Схоло-

²⁴⁴ Panaretos. P. 74²⁵⁻²⁶, 81¹⁷.

риев и в момент написания хроники могли быть противоречия с императорской властью. Ведь в 1363 г. Георгий Схоларий вновь восстал против императора, но был прощен²⁴⁵, около 1400–1401 гг., как показал Э. Брайер, Схоларий вновь входили в мятежную группировку знати, а в 1429 г. они участвовали в очередном мятеже и убийстве императора Алексея IV²⁴⁶. Как видно, противоречия между императорской властью и Схолариями имели глубокие корни, не зависящие от отдельных представителей этого рода и императорской династии. Вероятно, эти противоречия и заставили Панарета, выражавшего в хронике точку зрения императорского двора, намекнуть на компрометирующие Схолариев обстоятельства гражданской войны.

8. ТУРКМЕНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ НА ПОНТЕ

Итак, рассмотренные выше источники зафиксировали пребывание четырех туркменских племен на Понте: *чепни*, *ак-куйунлу*, *боз-доган*, *духар*. Судя по тому, что в среду понтийского населения проникали и тюрки кыпчакского (*куманского*) и тюрко-монгольского происхождения, то можно думать, что на Понте в непосредственной близости от трапезундских границ кочевали какие-то кыпчакские и монгольские племена, однако об их взаимоотношениях с понтийскими греками нет никаких более подробных сведений²⁴⁷. Не исключено, что какая-то часть из этих кыпчаков происходила не из материковых районов Понта, но была привезена из Крыма в качестве рабов.

Что касается четырех упомянутых туркменских племен, то они появились в Анатолии лишь в эпоху монгольских нашествий. Как было показано выше, предание *ак-куйунлу* связывает переселение этого племени в Анатолию со временем Чурмагун-нойона (до 1258 г.), а участие его в войнах с никейцами — с эпохой сельджукских султанов Рукн ал-Дина (1249–1266) и Гийас ал-Дина (1266–1282).

В середине XIII в., по всей видимости, переселилось в Анатолию и племя *духар*. *Духар* входило в состав племен *кара-куйунлу*, а о последних сохранившееся предание утверждает, что их предки покинули Среднюю Азию и вошли в Анатолию так же в результате монгольского вторжения. Как сообщает Ибад-Аллах Нишапури, к началу монгольских завоеваний (которое он датирует 599 г. Х. — 1202/03 г.) во главе *кара-*

²⁴⁵ Ibid. P. 75¹¹, 17–19.

²⁴⁶ Bryer A. The Faithless. P. 313, 316–317.

²⁴⁷ Об анатолийских кыпчаках см. главу II настоящей книги, а также: Shukurov R. The Byzantine Turks of the Pontos // *Mésogeios*. 1999. Т. 6. P. 29–32; *Idem*. Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Sevčenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 75–81.

куйунлу находился некий «эмир Тура-бек, ... прадед в шестом [поколении] славного эмира Кара-Йусуфа». По словам Нишапури, *кара-куйунлу*, убегая от монголов, вошли в Мавераннахр, поскольку издавна симпатизировали мусульманам. В Мавераннахр откочевало примерно тридцать тысяч семей. Затем туркмены под водительством Тура-бека были вынуждены под давлением монголов бежать дальше на запад: «славный эмир вместе со скотом, *шлем и улусом*, переправившись через реку Аму и поселившись в степях и пустынях Дийарбакра и Эрзерума, возвел там центр знамен Ислама; в соответствии с излюбленным обычаем своих прославленных прародителей и предков он повел *газават* и *джихад* против неверных татар, грузин, монголов и других...»²⁴⁸. Вероятно, именно тогда в Анатолию попали и туркмены *духар*.

Хотя о времени переселения в Анатолию туркмен *чепни* и *боз-доган* не сохранилось прямых указаний в источниках, однако вряд ли можно сомневаться в том, что они появились в Малой Азии примерно в середине XIII в.

Чрезвычайно интересным представляется то обстоятельство, что эти туркменские племена вошли на территорию Восточного Понта с *запада*, а не с юга из материковой Восточной Анатолии, которая в XII–XV вв. была местом обитания неисчислимых кочевых орд. Это было ярко продемонстрировано Э. Брайером в отношении туркмен *чепни*. То же было показано выше и в отношении племен *ак-куйунлу*. Их привязка к понтий-

²⁴⁸ 'Ibād-Allāh b. 'Abd-Allāh Nishāpūrī. Ta'rīkh-i Turkmanīyya. Ethé 573. Fol. 21a–22a:

القصة چون امر ایالت بعد از آن پادشاه عالیشان بطناً بعد بطناً بامیر توره بیک که از // اولاد [و] احفاد اغرخان و جد ششم امیر نامدار امیر قرا یوسف است منتهی شد در تاریخ سنه تسع تسعین و خمسایه که ابتدا خروج چنگیزخان و فی الحقیقت صورت قهر خدایی بود <...> امیر توره بیک که در آن اوان بحکم ارث و استحقاق پدارایی و فرمان روایی ایل و الوس مشغولی مینمود چون مشاهده نمود که آتش قهر چنگیزخان شعله کشیده اطراف و جوانب را گرفته از غایت صفای ضمیر و اصابت رای و نظر رافت که بر کافه اهل اسلام داشت از اوطان قدیم و مساکن اصلیه خویش جلا نموده با ایل و الوس و اقوام که تمیناً سی هزار خانه دان بودند بصوب ماورالنهر توجه نمود <...> // القصة امیر نامدار با حشم و ایل و الوس از آب آمویه عبور نموده در صحاری و بوانی دیاربکر و ارض اقامت انداخته مرکز اسلام ساخت بموجب غایت پسندیده ابا و اجداد امجاد خویش بغزا و جهاد کفار تاتار و گرج و مغول و غیرهم مشغول گردیده <...>

Правда, эти сведения были зафиксированы лишь в начале XVII в. — вероятно, именно к этому времени относится написание цитируемого труда 'Ибад-Аллаха Нишапури (о сочинении и его авторе см. подробнее: *Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М., 1972. Ч. 2. С. 844*). Однако труд Нишапури насыщен вполне достоверной информацией, и вряд ли нужно ставить под сомнение общий смысл приведенного выше сообщения. О *кара-куйунлу* см. также обобщающую работу: Sümer F. Karakoyunlular. Ankara, 1984.

ской Омидии, очевидная близость их кочевий к Трапезунду в 1340–1367 гг. свидетельствует об их приходе на Понт с запада. Подчеркнем еще раз, что самые ранние упоминания как *чепни*, так и *ак-куйунлу* содержатся именно у Панарета (1348 г. для *чепни*, и 1340 г. для *ак-куйунлу*). Эти ранние упоминания привязывают места их обитания к прибрежному Понту, а их присутствие во внутренних областях материковой Анатолии фиксируется в источниках много позже (только 1395 г. для *чепни* и 1379 г. для *ак-куйунлу*).

То же можно сказать и о *духарлу* — их наиболее раннее упоминание относится к событиям 1340 г. в прибрежном Понте, лишь к концу XIV столетия их присутствие фиксируется в глубинных районах у Байбурта.

Относительно туркмен *боз-доган* также можно найти некоторые намеки на то, что они пришли на Понт с запада. В эмирате Айдын существовал топоним Боз-Доган, топоним Боз-Доган сохранился и в Трикомии (Вотанос)²⁴⁹. Не следы ли это длительных остановок *для* Боз-Догана на пути с запада на восток? Точно так же, самое раннее упоминание *боз-доган* (1348 г.) привязывает их к прибрежному Понту, во внутренней Анатолии они появляются лишь к началу 1390-х гг.

Этим фактам может быть единственное объяснение — после вступления на территорию Малой Азии упомянутые племена довольно быстро, в течение одного поколения, откочевали на запад, на сельджукско-нижескую границу. При этом их движение на запад никак не затронуло Понтийскую область — они, по всей видимости, прошли несколько южнее. Вероятно, в 1270–1280-х гг. они начали обратное движение на восток, как бы описывая петлю, но на этот раз ближе к морскому побережью. К 1290-м гг. они достигли Восточного Понта, территорий, находившихся, в частности, под контролем Великих Комнинов. Именно с этим, как нам представляется, связана отмечавшаяся в начале этой главы беспрецедентная туркменская активность в регионе в 1290-х–1300 гг. Туркмены, пришедшие на Понт в эту *первую волну* миграции, основали эмираты в Джанике (предки Тадж ал-Дина) и в Халивии (предки Хаджи Амира). Об их племенной принадлежности ничего не известно.

Часть племен, в число которых входили *чепни*, *ак-куйунлу*, *духарлу* и *боз-доган*, пошли во второй миграционной волне и избрали самый северный путь, стремясь охватить прибрежные районы Понта. К 1340 г. туркмены вышли к самому Трапезунду. Можно предположить, что эти племена составили целую конфедерация племен, которая распалась позже в результате столкновения с военной силой и дипломатией Великих Комнинов.

Следует отметить, что, возможно, и другое известное туркменское племя *салур* или, по крайней мере, некая часть его, повторила ту же «петлю», что

²⁴⁹ Wittek P. Das Fürstentum Mentesche. Istanbul, 1934. S. 168, 169, 174; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 161.

и понтийские туркмены XIV в. По сообщению 'Азиза Астарабади, предки сивасского султана Бурхан ал-Дина Ахмада принадлежали к племени *салур*, которое некогда кочевало в Хорезме. Значительная часть из туркмен *салур* покинула Среднюю Азию в эпоху сельджукских завоеваний в XI в. и обосновалась в Фарсе, где создала собственное государство²⁵⁰. Мухаммад — предок Бурхан ал-Дина в шестом колене, оказался в Кастамоне и там у него родился сын Джалал ал-Дин Хабиб, от которого пошел род будущего сивасского султана²⁵¹. Мухаммад, принадлежавший к шестому поколению, по всей вероятности, жил в середине XIII в., в эпоху монгольских нашествий, бегства туркмен от Чингисхана в Анатолию. Откуда пришли в Кастамон предки Бурхан ал-Дина — из Ирана или Средней Азии, однозначно утверждать трудно. Хотя в XVI в. и позже анатолийские туркмены *салур* населяли исключительно южные и юго-восточные регионы Анатолии от Коньи и Нигде до границ с Сирией, тем не менее можно предположить, что в XIII в. предок Бурхан ал-Дина оказался в районе Кастамона в составе достаточно многочисленной группы *салур*, расселившейся в регионе. Косвенным подтверждением тому являются топонимические данные, собранные Ф. Сюмером. Он фиксирует наличие в районе Кастамона целого ряда топонимов, указывающих на присутствие там туркмен этого племени (*Salur*, *Salur Beği*). Топонимы, связываемые с *салур*, сохранились и в Джанике — в районах Бафры и Османджика (*Salur*), а особенно их много в районе Сиваса²⁵². Возможно, что топонимика сохранила маршрут миграции весьма многочисленной ветви *салур* с северо-запада Анатолии в Джаник, а затем — на юго-восток, в материковые районы Анатолии.

Пример *салур* подтверждает высказанную выше гипотезу, что в конце XIII и в первой половине XIV в. Северная Анатолия была захвачена широким потоком кочевой миграции, направленной с запада на восток. Это были туркмены, вытесненные в Анатолию за несколько десятилетий до того монгольским нашествием. Причем, первое поколение этих туркмен оказалось на западе Малой Азии, многие из них на границах Никейской империи, и лишь позже они двинулись через Южное Причерноморье на восток.

²⁵⁰ Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler)*. S. 249ff.

²⁵¹ *Bazm-u razm*. P. 42–43; Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler)*. S. 249, 251.

²⁵² Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler)*. S. 251–253, 318–319 (список топонимов).

ЧАСТЬ IV. ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИМПЕРИИ

1. ТРИ ЗОНЫ ОБОРОНЫ

Границу Трапезундской империи, исходя из специфики той борьбы, что велась на ней с тюрками, можно условно разделить на три зоны:

первая зона — приморские границы, т. е. береговые крепости от Лимнии вплоть до Керасунта включительно;

вторая зона — материковые территории, включавшие в себя банды Трикомия, Мацука и область Халдию, вплоть до южной границы империи, проходившей через Хериану, и юго-восточные пределы между владениями Великих Комнинов и землями Байбурта;

третья зона — прибрежные восточные банды Гемора, Сирмена, Ризе и фема Великая Лазика, земли которых очень неглубоко простирались в глубь материка.

Первая зона характеризовалась почти полным отсутствием у береговых твердынь хинтерланда. Это объяснялось географическими причинами — сразу за узкой береговой линией вставали труднодоступные горы, контролировать которые трапезундцы в XIV в. уже не могли. Банда Трикомия была наиболее западной областью, где греческие поселения сохранялись в глуби материка²⁵³. Связанные с Трапезундом лишь морским путем Лимния, Иней, мыс Ясон были неизбежно обречены на захват тюрками. Борьба тут не была столь упорной, но к 1404 г. западные земли, кроме Инея, были потеряны империей.

Третья зона, как нам представляется, была наиболее спокойной в отношении внешней опасности — по крайней мере источники о ней прямо не упоминают.

Во второй же зоне борьба с внешней угрозой была наиболее напряженной и одновременно более успешной — о ней и пойдет речь ниже.

2. БОРЬБА НА МАТЕРИКЕ

Борьба империи с тюрками во второй зоне обороны претерпела три основных этапа. *Первый этап* характеризуется часто повторяющейся угрозой самому Трапезунду и соседней банде Мацуке. Длился он от начала XIV в. и до конца 50-х гг. В этот период хроника Панарета фиксирует следующие столкновения трапезундцев с тюрками в этой области и, вероятно, профилактические обходы ее трапезундским императором:

1313. Эмир Байрам — пригороды Трапезунда (?).

1332. Эмир Байрам — Мацука.

1336. Шейх Хасан — гора Митры.

1340. *Амитиоты* — *пархарин* (летнее кочевье).

1341. *Амитиоты* — Трапезунд.

²⁵³ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... Vol. I. P. 160.

1341. Амителиоты — Трапезунд (?).

1343. Амителиоты — Трапезунд (?).

1348. Ахи Айна-бек и др. — Трапезунд.

1351/52(?). Амителиоты — ?

1357. Обход императора во главе с войском *пархарина*.

1357. Хаджи Амир — Дикесим в Мацуке.

Второй период знаменуется переносом борьбы из банд Трапезунд и Мацука в Халдию и Хериану. Длится он примерно с 50-х гг. по середине 70-х. В этот период зафиксированы следующие столкновения с тюрками и посещения этих областей василевсом:

1355. Тюрки — Хериана и Сорогена.

1355. Тюрки — Хериана.

1360. Ходжа Латиф — Халдия.

1361. Ахи Айна-бек — Голаха.

1362. Посещение василевсом Халдии.

1367. Посещение василевсом Халдии.

1368. Кылыч-Арслан — Халдия.

1369. Тюрки — Голаха.

1373. Тюрки — Хериана.

1374. Тюрки — Голаха.

Переходными событиями между первым и вторым периодами можно считать прорыв Хаджи Амира к Дикесиму в 1357 г. и вторжение Ходжа Латифа в 1361 г. в Мацуку. По поводу первого Панарет отмечает, что Хаджи Амир дошел до Дикесима «по беспечности нашей в защите» (*ἀμελῶς αὐτῶν τῶν τῆν φύλαξιν*)²⁵⁴ — следовательно, у трапезундцев были силы и возможности защитить себя, что они и продемонстрировали, наголову разгромив Ходжа Латифа в 1361 г.

За второй период зафиксировано у Панарета лишь два столкновения в непосредственной близости от Трапезунда — оба в соседствующих областях Мармары (1370 г.) и долины Филавонита (1380 г.). Первое завершилось счастливо для трапезундцев, а второе, в целом удачное для них, в конце было омрачено неудачей²⁵⁵. Эти два столкновения не могут изменить явной тенденции к общей стабилизации обороны в прилегающих к Трапезунду бандах.

Третий период — 80-е гг. и до конца XIV в. — характеризуется спадом военной активности на материковых границах империи, значительным увеличением их безопасности.

Стабилизация южной материковой границы Трапезундской империи во второй половине XIV в. нашла выражение и в другом источнике — в тестах Андрея Ливадина. Для второй половины 30-х годов он отмечает, что град Трапезундский «вызывает сильный страх у материковых жите-

²⁵⁴ Panaretos. P. 72²⁰.

²⁵⁵ Ibid. P. 77¹⁰⁻¹⁶, 79¹²⁻²⁹; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 140—141.

лей крепкими как медь стенами, и месторасположением, и полноводным рвом, и, конечно, другими укреплениями...»²⁵⁶, т. е. имплицитно указывает на то, что у городских стен были возможности доказать свою крепость во время нападения врага. В «Исповедании веры» Ливадин писал в августе 1361 г.: «... за грехи наши и по неизбежному Божьему суду уничиженными прежде ромеями ныне повержены [персы], сраженные могучей дланью Бога Вседержителя...»²⁵⁷. Ливадин и в других текстах, относящихся к 1361 г., противопоставляет прежние неудачи ромеев нынешним их успехам в противоборстве с тюрками²⁵⁸. Как нам представляется, это было не только и не столько риторикой славословий василевсу Алексею III, сколько отражением довольно явного прогресса в борьбе с тюрками, проявившемуся как раз к началу 60-х гг. и ознаменованному блестящим разгромом байбуртского эмира Ходжа Латифа.

Если мы обратимся к данным «Вазелонских актов», то и в них увидим сходную картину. Всего семь актов из 190 упоминают попавших в плен к тюркам жителей банды Мацуки и Палеомацуки (№ 16, 38, 65, 66, 100, 106, 107)²⁵⁹. Не во всех актах отмечено число пленников, но, вероятно, упомянутыми оказалось около двадцати пяти или тридцати человек. Значительна для нас датировка актов²⁶⁰:

№ 16 — ок. 1245 г.

№ 38 — 1261 г.

№ 107 — вторая половина XIII в.

№ 106 — ок. 1300 г.

№ 65 — 1302–1310 гг. (?)

№ 66 — 1310–1344 гг. (?)

№ 100 — 1344 г.

Как видно, пленники встречаются в актах с середины XIII в. по 1344 г.; в актах второй половины XIV и XV вв. упоминаний о пленниках нет²⁶¹. Отсюда можно сделать вывод, что временем наиболее упорной борьбы в Мацуке была вторая половина XIII в. и особенно первая половина XIV в., что совпадает с периодом наиболее активного проникновения в Понтийские области кочевых тюрков из Западной и Центральной Анатолии. Хотя

²⁵⁶ Libadenos. P. 61^{16–19}.

²⁵⁷ Ibid. P. 95^{25–27}; Комментар. О. Лампсидиса: P. 233.

²⁵⁸ Ibid. P. 95^{31–33}, 112^{103–104}.

²⁵⁹ Успенский Ф., Бенешевич В. Вазелонские акты. Л., 1927.

²⁶⁰ Перевод некоторых из них дан в: Успенский Ф. И. Социальная эволюция и феодализация Византии // *Анналы*. Пг., 1922. Т. 2. С. 102–104, и в Комментариях к изданию Актов (С. LIV–LV). Об этих актах, упоминающих пленников см. также: Vryonis Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor. P. 56; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 257. Датировку их см.: Успенский Ф., Бенешевич В. Вазелонские акты. Комментарий. С. XX–XXIII.

²⁶¹ Идентификацию местностей, упомянутых в актах, см.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 257–264; а также: Bryer A. The Estates of the Empire of Trebizond // *AP*. 1979. Т. 35. P. 431–440.

число актов по векам распределилось очень неравномерно (для XIII в. их около 90, для XIV — 27, для первой половины XV в. — около 53), однако тенденция, усматриваемая в сохранившихся актах, вряд ли существенно могла бы измениться, не исчезли некоторые из них.

К концу XIV в., как это показал Э. Брайер, трапезундская граница на юге проходила по Северной Хериане, южнее шла «ничейная земля», далее на юг у крепости Аланца начинались владения Эрзинджанского эмирата²⁶¹.

3. ОСЕДЛЫЕ И КОЧЕВНИКИ

Мусульманское окружение Трапезундской империи в XIV в. не было однородным. Вдоль южных материковых границ империи располагались независимые или полунезависимые кочевники-туркмены. Следующий пояс определялся мелкими, средними и крупными городскими центрами, достаточно давно освоенными мусульманами, — Самсун, Амасья, Никсар, Кара-Хисар, Сивас, Эрзинджан, Байбурт и др. Здесь значительная часть населения была оседлой, хотя вне города и в этих областях было немало кочевников, служивших неистощимым резервуаром для пополнения армии мусульманских городских правителей. Трапезундцам приходилось сдерживать на своих южных границах агрессию и кочевников, и городских мусульман, в 1348 г. и те и другие выступили в союзе против самого Трапезунда. Враждебные действия мусульманских городских владетелей Эрзинджана (1348, 1361), Байбурта (1348, 1360, 1361), Кара-Хисара (1368, 1379), Никсара (1347 (?), 1351–1369 (?)), являвшихся вассалами Сивасского султаната Аратны и его потомков, вероятнее всего, следует рассматривать как составную часть политики Сиваса по отношению к Трапезундской империи.

Что касается кочевников на границах империи, то их зависимость от Сиваса, по-видимому, была достаточно мала. Вспомним в этой связи, что именно кочевые *ак-куйунлу* первыми из южных соседей трапезундцев установили с греками дружественные отношения.

Историю отношений Трапезундской империи с тюрками в XIV в. как отношение кочевников с оседлыми рассматривает Э. Брайер. Избранный им аспект позволил уяснить ход борьбы империи за Лимнию, особенность тюркской кочевой агрессии на территории империи (стремление кочевников закрепиться на зимних и летних пастбищах). Однако, как представляется, исследователь отчасти преувеличивает значение кочевников *чепни* в жизни трапезундских областей Мацуки, Халдии и Херианы.

Вместе с тем, не следует, как это делает Э. Брайер, абсолютизировать непримиримую враждебность кочевников к грекам. Цитированное выше сообщение Ливадина о тюрках, вынужденных союзниках Кенхрины, показывает, что греко-тюркские взаимоотношения были сложнее, они не сводились к союзу или войне с центральной трапезундской властью, но могли протекать на более низком локальном уровне мира и вражды, отдель-

²⁶² Bryer A., Winfield D.: The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 172–173, 256.

ных групп тюрков с местным греческим населением в областях их совместного обитания. В этом смысл симбиоза кочевников и оседлых — перманентная вражда не может быть выгодна ни тем, ни другим. Кочевники, потерпев неудачу в открытой борьбе с оседлыми, в конце концов, вынуждены были идти на компромисс с ними.

Более того, в конце XIV в. главной угрозой для империи оказался султанат по преимуществу оседлых мусульман — государство Бурхан ал-Дина Ахмада. Василевсу Алексею III удалось почти на два десятилетия оградить империю от сивасской угрозы посредством союза (скрепленного междинастийным браком) с эмиратом Мутаххартана с центром в Эрзинджане. Этот эмират не был столь значителен, как Сивасская держава, однако, в отличие от понтийских союзников империи, сравним с ней по могуществу. Трапезундская империя и Эрзинджанский эмират оказались интегрирующими силами, связующими звеньями в антисивасской направленности понтийских эмиратов Хаджи Амира, Кара-Хисара, Никсара, Ама-сы, Кастамона-Синоп, Бафры и Самсуна. Эти государства, как видно, не составляли коалиции в полном смысле этого слова, ибо их противостояние Сивасу часто не было единым, а эмират Никсара открыто враждовал с Хаджи Амиром. Однако существующие между ними связи, по-видимому, давали этим небольшим государствам моральные силы и уверенность продолжать свою конфронтацию с могущественным соседом и не сдаваться по его первому требованию: каждое из них по отдельности, даже Эрзинджан и эмират Кастамона-Синоп, не были соперниками Сивасу.

Однако, Бурхан ал-Дину удалось значительно потеснить союзные понтийские государства. Первой значительной их неудачей оказались события 1386 г., когда сивасцы взяли Никсар, а сын Хаджи Амира Сулайман-бек стал врагом империи. Но только через десятилетие, в середине 90-х гг., Бурхан ал-Дин смог прорваться к Байбурту и, хотя не сумел там закрепиться, потеснил Мутаххартана в областях южнее Кара-Хисара и заставил Малика Ахмада формально признать свою верховную власть. Наконец, в 1397 г. его вассалу Сулайман-беку удалось временно захватить Керасунт. В середине и конце 90-х гг. в Понтийской области сложилась нестабильная ситуация — оборона понтийских эмиратов была подорвана, но и сивасцы не одержали еще окончательной победы. Дело решилось неожиданной и дерзкой акцией Усман-бека *ак-куйунлу* и туркмен *боздоганлы*, союзников Мутаххартана, приведшей к убийству Бурхан ал-Дина в 1398 г. Однако к этому времени две новые сверхсилы зреют в Анатолии — османы и эмир Тимур Гурган.

Трапезунд и Сивас по отношению к понтийским эмиратам превратились, по-видимому, во что-то вроде двух противоположных полюсов притяжения. Пока Сивас был силен, он удерживал в подчинении себе мелких понтийских правителей, однако в 50–70-х гг., с ослаблением Сивасской державы и усилением Трапезунда, ряд эмиратов отходит от сивасцев и объединяется в союзы с Трапезундской империей. В эпоху Бурхан ал-Дина сивасский султанат вновь начинает восстанавливать свои позиции на Понте.

Таким образом, можно констатировать — если в первой половине XIV в. наиболее активным элементом среди противников Великих Комнинов являлись кочевники, то с течением времени сила кочевого давления спадает. В восточно-анатолийской политике все большую роль начинают играть (как это уже было на рубеже XII и XIII вв.) оседлые общества, как христианские, так и мусульманские.

4. ТЮРКСКИЕ ЗЯТЯ-ФЕДЕРАТЫ

Великие Комнины смогли стабилизировать границы целым рядом кардинальных мер. В первую очередь следует упомянуть широкое строительство и восстановление оборонительных сооружений. Пик строительной деятельности приходится на конец XIII — начало XIV в. Так, крепости Ардаса и Чаниха в Халдии построены в XIII–XIV вв., крепости Триполи, Кордила, некоторые укрепления в Трапезунде — в конце XIII в. К XIV в. относится строительство Голахи, Сорогены, Палеокастроны, Зиганы, некоторые работы в цитадели Трапезунда²⁶³.

Наибольшие успехи трапезундцев в их борьбе с тюрками связаны с именем василевса Алексея III²⁶⁴. В его царствование отстроены стены Керасунта, возведена важная крепость Кукус в Халдии, велись работы на трапезундских городских укреплениях²⁶⁵.

Однако, одновременно с этим строительством и по большей части удачной военной деятельностью против тюрков, Алексею III удалось чрезвычайно эффективно воспользоваться еще одним средством борьбы с тюркской угрозой — политикой брачных союзов с ними. Матримониальными союзами он не только обезопасил материковые границы империи, но даже отодвинул их на юг, в Северную Хериану²⁶⁶.

Брак его сестры, Марин Великой Комнины, с *амитиотом* Кутлубеком не только положил конец набегам на территорию империи, но и, как мы показали выше, способствовал прекращению гражданской войны. Брак сестры Алексея III Феодоры с Хаджи Амиром прекратил набеги на часть побережья восточнее Инея и на западные материковые границы. Брак дочери василевса, Евдокии, с эмиром Тадж ал-Дином обезопасил западную часть побережья с портами Лимния и Иней. Однако, как нам представляется, перечисленные союзы были все же полумерами — и это доказала угроза со стороны Кылыч-Арслана, не сумевшего пробиться к Трапезунду, но активно действовавшего в Халдии и Хериане, а может быть, и у границ Трикомии. Все-таки ни Кутлубек, ни Хаджи Амир, ни

²⁶³ Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 143, 159, 182–183, 296, 297, 304, 308, 309.

²⁶⁴ Общую характеристику правления василевса Алексея III см.: Успенский Ф. И. Очерки. С. 81, 114–115; Janssens E. *Op. cit.* P. 112–123.

²⁶⁵ Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 134, 182, 304.

²⁶⁶ *Ibid.* P. 303.

Тадж ал-Дин, будучи незначительными владельцами, не могли гарантировать безопасность империи в случае непредвиденных изменений политического status quo в областях, непосредственно прилегающих к Понту.

Нет сомнений в том, что в политике династических браков, проводимой Великими Комнинами на протяжении XIV в., наиболее значительным успехом была выдача замуж одной из дочерей Алексея III за эмира Эрзинджана Мутаххартана. Этот брак не столько, как полагает Э. Брайер, прекратил набеги тюрков на Хериану²⁶⁷, сколько прямо и косвенно обеспечил безопасность империи на протяжении всей ее материковой границы.

Таким образом, нет сомнений, Алексей III явился инициатором смелой для византийского менталитета инновации — он первым из византийских государей столь последовательно и широко стал использовать междинастические браки с иноверцами как средство для решения злободневных политических задач. Мало кто из василевсов осмеливался прежде нарушить прямой запрет византийской традиции на выдачу деспин царской крови иноземцам и тем более иноверцам²⁶⁸. Этот запрет был ясно сформулирован в известном пассаже у Константина Багрянородного, который исключал всякую возможность того, чтобы кто-либо из неверных мог «либо дочь его (т. е. василевса. — Р. Ш.) получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса», и утверждал далее: «никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками»²⁶⁹.

Первый брак между византийской царевной и тюрком имел место в западно-византийском регионе — в 1346 г. за османского эмира Орхана была выдана Феодора, дочь василевса Иоанна Кантакузина. Возможно, что примерно в это время (после 1345 г.) Михаил I Великий Комнин выдал свою племянницу за эмира Синопа-Кастамона 'Адил-бека. Вероятно, именно эти прецеденты подтолкнул и Алексея III к пересмотру византийской традиции в отношении царских невест²⁷⁰. Хотя первый шаг в этом направлении был сделан не Алексеем III, однако именно он возвел брачную политику в статус одного из главных орудий достижения поли-

²⁶⁷ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 173.

²⁶⁸ О браках византийских деспин с иноземцами см. также: *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 466; *Bryer A. Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // The Writing of History in the Middle Ages / Ed. R. Davis and J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 471–493 (=Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus. № IV); Macrides R. Dynastic Marriages and Political Kinship // Byzantine Diplomacy / Ed. J. Sheppard and S. Franklin. L., 1992. P. 263–280.*

²⁶⁹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перев., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. 13 (с. 58/59).*

²⁷⁰ *Bryer A. Greek Historians on the Turks. P. 481; Idem. Greeks and Turks // Greece, Old and New / Ed. T. Winniffrith and P. Murray. L., 1983. P. 103.*

тического успеха. Отныне Великие Комнины будут широко пользоваться этой практикой и позже. Халкокондил в XV в. отметил эти браки как характерную черту династии Великих Комнинов: «родом будучи эллинами, обычаями и также речью пользуются эллинскими; совершали [они] браки с соседними варварами»²⁷¹.

Как представляется, Великие Комнины, в их отношениях с варварами-тюрьками, даже не столько «нарушали» классическую византийскую традицию, сколько *модифицировали* ее под давлением внешних обстоятельств. В этом «мирном» привлечении на свою сторону варваров и превращении их в федератов Великие Комнины как раз в полной мере следовали классическим принципам византийской дипломатии. Другое дело, что в XIV в. ставки возросли — если прежде варвары удовлетворялись дарами или браками со знатными гречанками нецарской крови, выбирая между почетным миром или военным столкновением с империей, исход которого мог оказаться сомнительным, то теперь уже ослабшее византийское государство шло на все большие и большие уступки потенциальным федератам, отдавая за варварских вождей *деспин* царской крови.

Вместе с тем, не следует и преувеличивать роль этих зятьев-федератов внутри самой византийской иерархии. Значение этих эмиров не было велико и в глазах современников: так, о Тадж ал-Дине Сфранзи писал, что это был «владелец незначительной и малой местности», об эмире Хаджи Амуре и его людях Панарет говорил, что они «почти стали подданными» императора (μικροὶ δέ τιν' δουλικῶς)²⁷², а историк Макризис говорит об эмире *ак-куйунлу* Усмани ибн Кутлу, что был он «одним из ничтожнейших эмиров» Бурхан ал-Дина²⁷³.

В связи со сказанным мы не склонны поддерживать предположение Э. Брайера (высказанное, впрочем, достаточно осторожно), что в 1363 г. император Алексей III принужден был ко встрече с Кутлу-беком некими вассальными обязательствами по отношению к туркменскому эмиру. Возможную параллель отношениям между императором и Кутлу-беком Э. Брайер видит в «служении» Палеологов османам²⁷⁴. Не думаем, что это сравнение удачно.

Византии уже в 50–60-х гг. XIV в. противостояла набирающая силы турецкая держава, со значительными территориями и населением, активно складывающимися культурными и идеологическими ориентациями. Трапезундской же империи с ее эффективной системой защиты, земельными и денежными богатствами и мощной культурной традицией противостояло лишь племя кочевников, едва познавших государственность. Трапезундский император в XIV в. вряд ли мог оказаться в числе вассалов

²⁷¹ Chalkokondyles. T. I. P. 218–219.

²⁷² Panaretos. P. 74¹⁻².

²⁷³ Sphrantzes. *Memorii*. P. 80¹⁰⁻¹¹ (*Chronica*. P. 358²⁸⁻²⁹); Maqrizi. T. 3. P. 906 (لأنه من أهل امراة).

²⁷⁴ Bryer A. *Greeks and Turkmens*. P. 135, 136, 145–146.

лов какого бы то ни было мелкого тюркского эмира. Основную опасность для империи, по нашему глубокому убеждению, составляли не отряды кочевников, но многочисленные и профессиональные армии значительных мусульманских государей.

* * *

Каковы же были основы союза мусульманских понтийских государств и Трапезундской империи во второй половине XIV в.? Как показала Э. Захариаду, одна из причин этих союзов — стремление греков и мусульман к совместному контролю над торговыми путями в Понтийской области²⁷⁵. Мы полагаем, что в основе союза понтийских государств лежали не только торговые интересы, но более общие причины, скорее географического характера, со всеми вытекающими из них экономическими и политическими последствиями. Отделенность Понта от внутренних областей Малой Азии сказывалась на протяжении всей его истории.

Внутренний Понт был в свое время сердцевинной державы Митридата. Весьма медленно тут проходила эллинизация, не завершившаяся в ряде мест даже к XIII–XV вв. В X–XII вв. на Понте властвуют почти независимые от Константинополя Гавры. Их правление явилось прелюдией власти Великих Комнинов в XIII–XV вв.²⁷⁶ В XIV в. территории союзных понтийских эмиратов и Трапезундской империи вместе почти повторили границы владений Гавров в XI в. и самой Трапезундской империи в начале XIII в. Те же тенденции, что и сотни лет назад, имплицитно привели империю в XIV в. к союзу с мелкими эмиратами Понта, а внешняя опасность из внутренней Анатолии ускорила этот процесс. Географический принцип одержал победу над конфессиональным.

Кочевое давление на империю в XIV в., и особенно в первой половине столетия, явилось самым серьезным испытанием для державы Великих Комнинов в этот период. Тюрки были как снаружи по периметру границ империи, так внутри них. Спорадическое расселение туркмен на территории Трапезундского государства превратило тюркскую угрозу из сугубо внешней проблемы во внутреннюю. Тем не менее, Великие Комнины, благодаря в целом удачным военным и дипломатическим шагам смогли интегрироваться в реальность пост-Ильхановской Анатолии и найти вполне эффективные средства изменить ситуацию вокруг границ империи в свою пользу. Трапезундская империя вступала в XV в. как государство, знаменитое на Ближнем Востоке своими высокородными государями, процветающими торговцами и невестами царской крови.

²⁷⁵ Zachariadou E. Trebizond. P. 352–357.

²⁷⁶ Успенский Ф. И. Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // SK. 1927. Т. I. P. 26; Он же. Очерки. С. 32, 83; Карлов С. П. От феми Хаджи к империи Великих Комнинов // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 54–61; Bryer A. A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979–c. 1653 // University of Birmingham Historical Journal. 1970. Т. XII. P. 166–171.

Глава IV

ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ И ТИМУРИДСКИЙ ИРАН

В конце XIV в. Восточная Анатолия представляла собою пограничное пространство между Османским государством, стремительно набравшим силы в правление Байазидом I (1389–1402), и мамлюкским Египтом, могущество которого шло на убыль. Египет уже был не в состоянии серьезно претендовать на Анатолию, Османы же медленно, но верно укрепляли свои позиции в ее центральных и восточных областях¹. Однако казавшееся неизбежным турецкое завоевание Восточной Анатолии неожиданно натолкнулось на новую силу в ближневосточной политике — империю чагатайского эмира Тимура (1369–1405), завоевавшего к концу XIV в. весь Иран, Ирак, Азербайджан.

Завоевательная деятельность эмира Тимура оказала неожиданно мощное влияние на внешнюю политику византийских государств — как Палеологовской Византии, так и понтийского государства Великих Комнинов. О роли эмира Тимура в истории Палеологовской Византии в науке сказано немало. В первую очередь следует упомянуть замечательную книгу К.-П. Мачке, которая со всей однозначностью постулирует решающее значение Тимуровых завоеваний для истории Византии, в результате которых Палеологи получили пятидесятилетнюю отсрочку в неравной борьбе с Османами².

¹ *Yücel Y.* XIV–XV Yüzyıllar Türkiye Tarihi hakkında araştırmalar (II) // *Belle-ten*. 1973. Т. 37. S. 159–164.

² *Witteh P.* De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople // *REI*. 1938. Т. XII. P.; *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz.

В настоящей главе я предлагаю еще раз обратиться к теме «эмир Тимур и византийский мир» с несколько иной точки зрения. Главный конфликт эпохи между Байазидом I и эмиром Тимуром зрел именно в Северо-Восточной Анатолии, именно в том регионе, в политике и экономике которого издавна заметную роль играло другое византийское государство — империя Великих Комнинов. Другими словами, предлагается взглянуть на проблему с точки зрения восточного анклава византийского мира, который, в отличие от западно-византийских регионов, находился почти в эпицентре зарождавшегося конфликта между турками и чагатайским завоевателем. Такое изменение в фокусе исследования, как мы увидим, позволит нам глубже проникнуть в логику и технику византийской (палеологовской и комниновской) дипломатии в этот чрезвычайно сложный период.

Кроме того, анализ реакции Великих Комнинов на завоевания эмира Тимура представляется необходимым и по той причине, что эта тема пока еще не становилась предметом углубленного исследования. Это объясняется самым состоянием источниковой базы для такого рода исследования: история Трапезундской империи на рубеже XIV–XV вв. базируется на основе массы отрывочных, нередко весьма смутных и двусмысленных сведений, согласование которых друг с другом часто наталкивается на непреодолимые трудности. Действительно, как мы увидим, источниковая база в отношении контактов между Трапезундом и Тимуром полна лакун и недоговоренностей.

В условиях этого острого недостатка надежных сведений я предлагаю предпринять гипотетическую реконструкцию дипломатической деятельности Трапезунда опираясь, во-первых, на известные нам факты о магистральных тенденциях во внешнеполитической борьбе в регионе, и, во-вторых, по аналогии с дипломатической стратегией других участников политической игры, лучше документированной в сохранившихся источниках.

1. ПОНТИЙСКИЕ ПОХОДЫ БАЙАЗИДА I

Однако прежде остановимся на наличных политико-дипломатических структурах, на фоне которых развивалось соперничество между Байазидом I и эмиром Тимуром.

Как было показано в предыдущей главе, на анатолийском театре Великие Комнины опирались в последней четверти XIV в. на разветвленную систему политических связей с окружающими тюркскими эмирами. Однако во второй половине 1390-х гг. христианско-мусульманская

Weimar, 1981. См. также: *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). București, 1942; *Savvides A. G. C.* Tamerlane, Byzantium and Spain (with notes on Clavijo's visit to Trebizond in A. D. 1404) // AP. 1992–1993. T. 44. P. 47–57.

коалиция понтийских государств терпит цепь поражений от армий Бурхан ал-Дина Ахмада. В результате южная оборонительная система иппери, по существу, перестала существовать.

Именно в этот момент в регионе происходит ряд знаменательных событий — смерть Бурхан ал-Дина (1398 г.), вторжение в Восточную Анатолию Байазид I (1398 г.) и, наконец, властное и решительное вмешательство в анатолийскую политику эмира Тимура (1398/99 г.). Следуя логической и хронологической канве событий, начнем наш анализ с роли османского фактора.

Первые серьезные попытки закрепиться на Восточном Понте турки предпринимали еще в царствование Мурада I (1362–1389). Зимой 1383–1384 г. Мурад I выступил против эмирата Кастамона-Синопа, воспользовавшись поражением его правителя эмира Джалал ал-Дина Байазид (1361–1385), понесенным от Бурхана ал-Дина Ахмада³. Мурад I поддержал мятежного сына Байазид — Сулайман-бека, и занял Кастамон. Хотя тогда турки не смогли закрепиться в Кастамоне, воинские контингенты Джандаров участвовали в анатолийских походах турок⁴.

Байазиду I Йылдырыму, сыну Мурада, удалось сделать много больше. Первый поход к Кастамону был совершен им еще в 1390 г., но тогда его отвлекли события на европейском театре. В одном из своих писем того времени Байазид I заявлял, что от окончательного завоевания Анатолии его удерживает лишь борьба с христианами на Западе⁵. По всей видимости, так оно и было, ибо Байазид I редко задерживался в Анатолии надолго, он покорял анатолийские княжества в ходе коротких, поистине «молниеносных» кампаний. Летом 1391 г. турки заняли Кастамон и казнили эмира Сулаймана ибн Байазид (1385–1391); в том же 1391 г. Байазид I дает сражение при Кыркдилим сивасскому султану Бурхан ал-Дину. Турки терпят поражение в этой битве, тем не менее им удается закрепиться в Османджике и, вероятно, Мерзифоне. Исфандийар-бек ибн Байазид (1391–1440), новый эмир Джандар, признал верховную власть османов и сохранил за собой Синоп⁶.

³ *Inalcik H. The Conquest of Edirne (1361)* // AOtt. 1971. Т. III. P. 187, note 11; *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi. Bazm-u razm* / M. F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. İstanbul, 1928. P. 302–303, 387.

⁴ *Yücel Y. Kastamonu'nun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri (1361–1392)* // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1963. Т. 1/1. S. 133–144. О кастамонских отрядах в османском войске в битве под Коньей с тюрками Караман см.: *İdris Bidlisci. Xaht bixişt*. СПб. Публ. 6-ка. ПНС 97. Л. 1536.

⁵ *‘Abd al-Husayn Nawai. Asnad wa mukatabat-i ta’rikhiyi Iran az Teymur ta shah Isma’il*. Tehran, 1962. P. 102; *Feridun-bey Ahmet. Munsha’at al-salatin*. İstanbul, 1857. Т. 1. P. 127.

⁶ *Bazm-u razm*. P. 398–421; *Seif Th. Der Abschnitt über die Osmanen in Şükrüllahs persischer Universalgeschichte* // *Mitteilungen zur osmanische Geschichte*. 1925. Bd. 2. S. 94–96; *Mehmed Negri. Kitâb-i cihân-nüma* / Yayınlayanlar F. R. Unat,

В это же время или чуть позже под власть Байазид I перешла и Амасья, добровольно переданная ему эмиром Ахмадом ибн Шадкельды (1381–1391)⁷.

Весьма знаменателен тот факт, что Байазид в его борьбе с сивасским султаном Бурхан ал-Дином поддержала большая часть эмиров Джаника — эмир тюрок племени *ташан*, вали Бафры, а также Таджиддин-огуллары — сыновья зятя Трапезундского императора⁸.

При посредничестве египетского султана ал-Насира конфликт между Байазидом и Бурхан ал-Дином был урегулирован в 1396 г.,⁹ и военные действия между ними не возобновлялись вплоть до смерти последнего. Вполне вероятно, что ради этого мира султан Байазид оставил на произвол судьбы своих союзников в Джанике — сыновей эмира Тадж ал-Дина. Во всяком случае, Бурхан ал-Дин в 1392–1394 гг. отомстил им сполна (см. выше, гл. III).

Следующий шаг в покорении припонтийской области Байазид I сделал лишь после гибели Бурхан ал-Дина (июль 1398 г.). Османы косвенно участвовали в убийстве сивасского султана: совершивший на него нападение эмир *ак-куйунлу* Усман обговаривал детали покушения в Эрзинджане, где правил Мутаххартан, и в Амасье, где властвовал тогда сын Байазиды — Мехмед¹⁰.

После смерти Бурхан ал-Дина сивасцы, не желая подчиниться осадившему город эмиру туркмен *ак-куйунлу* Усману, добровольно отдались под покровительство Байазиды I¹¹. Байазид I, назначив в Сивасе наместником своего сына Сулаймана Челеби, пошел дальше на северо-восток и

М. А. Köymen. Ankara, 1949–1957. Т. I–II. Т. I. P. 318–322; Vom Hirterzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt *Aşik-Paşa-Sohn* / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 106–107 (далее — *Aşikpaşa-zade*); Zachariadou E. Manuel II Palaeologus on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // BSOAS. 1980. Vol. 18. P. 471–481; *Uzunçarşılı I. Sivas ve Kayseri hükümdarı Kadi Burhaneddin Ahmet*. S. 209–213; *Yaman T. M. Kastamonu tarihî*. İstanbul, 1935. S. 115–126.

И. Узунчаршылы приводит некоторые данные, подтверждающие сведения «Базм-у разм» о том, что в битве при Кыркдилиме Байазид потерпел поражение. Э. Захариадзу, не учтя их, по-видимому, напрасно пыталась показать тенденциозность и ошибочность свидетельств «Базм-у разм», источника весьма достоверного.

⁷ *Bazm-u razm*. P. 418; *Aşikpaşa-zade*. S. 107.

⁸ *Bazm-u razm*. P. 403, 415, 420–421; Zachariadou E. Manuel II Palaeologus. P. 476–477; Oral M. Z. Kuvvadar oğulları // Belleten. T. 19. 1955. S. 99–102; *Idem*. Duruğan ve Bafra'da iki türbe // Belleten. 1956. T. 20. S. 408–409.

⁹ *Ibn Furat*. The History of Ibn Furat / Ed. by C. K. Zurayk. Beirut, 1938. T. 9. P. 339.

¹⁰ *Taqi al-Din Maqrizi*. Kitab al-suluk li-ma'rifat duwal al-muluk / Ed. M. M. Ziyad. al-Qahira, 1956. Vol. 3. P. 906; *Uzunçarşılı I. Mehmed I* // *IA*. Cüz 75. S. 497.

¹¹ Подробнее см.: *Shukurov R. Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century* // MHR. 1994. Vol. 9/1. P. 27.

приблизился к Эрзинджану. Однако правитель Эрзинджана эмир Мутахартан отказался сдать город Байазиду I. В том же 1398 г. Байазиду I удалось покорить Самсун, который он отнял у местного эмира Джунайда Куббад-огуллары¹².

Именно в этот момент Байазид I входит в первое столкновение с новой силой — центрально-азиатским завоевателем эмиром Тимуром, находившимся тогда вблизи восточных границ Анатолии.

2. ЭМИР ТИМУР И «ЭРЗИНДЖАНСКИЙ КОНФЛИКТ»

Эмир Тимур, происходивший из кочевого тюрко-монгольского племени *барлас*, в 1360–70-х гг. объединил под своей властью Мавераннахр и использовал его как плацдарм для создания мировой империи потомков Чагатай (сына Чингисхана) с центром в Самарканде.

Начиная с 1380-х гг. и до 1400 г. эмир Тимур в ходе многочисленных кампаний завоевывал Иран, Азербайджан, Ирак. Эти его завоевания перемежались экспедициями против Золотой Орды и в Индию¹³.

В 1386 г. он захватывает Грузию и впервые подходит к границам Анатолии. Зимой 1386/87 г. он покоряет Эрзерум, тем самым обозначив анатолийское направление своей экспансии¹⁴. Уже тогда Мутахартан был вынужден признать верховную власть Тимура. Однако эмир Тимур в первый раз серьезно вмешивается в анатолийские дела лишь через несколько лет, в период своего «пятилетнего похода» на Иран, Ирак и Азербайджан (1392–1397). Инициатива исходила от эмира Мутахартана, который был не в силах противостоять атакам сивасского султана Бурхана ал-Дина Ахмада. В мае или июне 1394 г. Мутахартан вместе с эмиром Сирадж ал-Дином, правителем Коюль-Хисара, прибывает в ставку Тимура в Аладаге и переходит под покровительство центрально-азиатского завоевателя, надеясь получить от него военную помощь¹⁵. Тогда

¹² *Ali Yazdi. The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin Ali Yazdi / Ed. by Maulawi M. Iahdad. Calcutta, 1885–1888. Vol. 1–2. Vol. 2. P. 255–256; Taqi al-Din Maqrizi. Vol. 3. P. 979. Cf.: Mordtman J. H. Samsun // EI². P. 151; Darkot B. Samsun // IA. Cüz 102. S. 174. Мнение Дж. Мордмана и Б. Даркота о временном покорении Самсуна турками в 1393 или 1395 г. не подтверждается источниками.*

¹³ Обобщающий обзор событий эпохи походов эмира Тимура см., например: *Grousset R. L'empire des steppes. P., 1960. P. 508–514; Brion M. Tamerlan. P., 1963; Kehren L. Tamerlan. L'empire du seigneur de fer. Neuchâtel, 1978.*

¹⁴ *Bazm-u razm. P. 331–332.*

¹⁵ *Nizamuddin Sami. Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama par Nizamuddin Sami avec des additions empruntée au Zubdat at-Tawariki Baysunquri de Hafizi Abru / Ed. F. Tauer. Praha, 1937–1956. Vol. 1–2. Vol. 1. P. 153; Ali Yazdi. Vol. 1. P. 691; Bazm-u razm. P. 342, 448, 456; Shukurov R. Between Peace*

же, ради укрепления союза с Тимуром, Мутаххартан, вероятно, принял участие в военных операциях среднеазиатского воинства против христиан в Западной Грузии¹⁶.

Поэтому, когда в 1398 г. Байазид I осадил Эрзинджан, эмир Мутаххартан обращается именно к Тимуру, своему покровителю, вернувшемуся в Азербайджан из своего Индийского похода (1398 г.)¹⁷.

Эмир Тимур через посредство послов пытается заставить Байазид I отказаться от Эрзинджана. Усилия эмира Тимура дипломатическим путем уладить конфликт окончились неудачей — Байазид I ответил оскорбительным письмом. Тимур, решив проучить турок и продемонстрировать им свою решимость, в конце августа 1400 г. приближается к Сивасу и после 18 дней осады покоряет город (7 сентября)¹⁸. Анатолия содрогнулась от демонстративной жестокости Тимура — он приказал сравнять с землей крепостные стены Сиваса, а несколько тысяч османских воинов были казнены. Хотя, по утверждению самой тимуридской традиции, эмир Тимур казнил только армян — т. е. христианских защитников города: «эмир пощадил мусульман, однако было [еще] четыре тысячи воинов — все армяне, они выкопали ямы, их всех живьем бросили в яму и засыпали землей»¹⁹.

В конце сентября 1400 г. эмир Тимур покидает Анатолию, пожаловав Сивас и Малатю — ключевые стратегические центры в Восточной Анатолии, Кара-Иулуку Усману, эмиру туркмен *ак-куйунлу*²⁰.

Ответ Байазиды был незамедлительным. Байазид I захватил Эрзинджан и взял в плен Мутаххартана; он увел также в качестве заложников в Бурсу жен и некоторых приближенных Мутаххартана, а город передал в управление Кара-Иусуфу Кара-Куйунлу. Тот, однако, вскоре отказался от власти и, по требованию жителей Эрзинджана, Байазид I вернул город Мутаххартану. То, что Байазид I не осмелился разрушить Эрзинджан, как это сделал Тимур с Сивасом, по словам Клавиho, снизило авторитет султана²¹.

and Hostility. P. 37. Кроме Мутаххартана признали верховную власть Тимура эмир 'Ала ал-Дин Караман и туркмены *зиль-кадр*.

¹⁶ Это можно заключить из текста историка середины XV в. Джа'фара ибн Мухаммада из Йеэда: *Джа'фар ибн Мухаммад*. Тарихи Джа'фари. СПб. Публ. б-ка. ПНБ 201. Л. 280 об. (Об этом сочинении и его авторе см.: Бартольд В. Новый источник по истории Тимуридов // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. V. С. 5–42).

¹⁷ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 255–256.

¹⁸ *Fischel W. Ibn Haldun and Tamerlan*. Berkeley; Los Angeles, 1952. P. 51.

¹⁹ *Джа'фар ибн Мухаммад*. Тарихи Джа'фари. Л. 281:

امير مسلمانانرا امان ناد چهار هزار مرد اسپاهي بودند همه ارمني جاهاها
بگندند و همه زنده در جاه کردند و خاک بر سر ريختند

²⁰ Там же. Л. 281об.

²¹ *Шукр-Аллах Заки*. Бахчат ал-таварих. СПб. ПФ ИВ РАН. С 785. Л. 210 об; *Turan O. Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler*. Ankara, 1954. P. 82; *Ali Yazdi*. Vol. 1. P. 691, 704; Vol. 2. P. 73ff; *Рюи Гонзалес де Клавиho*. Дневник

«История» Лаоника Халкокондила содержит важное сообщение, свидетельствующее о том, что осенью 1400 г. Байазид I, после захвата Эрзинджана и пленения Мутаххартана, совершил поход и к границам Трапезундской империи. Байазид I покорил тюрок *чепли*, владевших, по словам Лаоника, «землями Колхиды у города Амастра»²². Халкокондил довольно устойчиво употребляет топоним «Колхида» как эквивалент восточному «Джанику», т. е. область между Самсуном и Трапезундом²³. Под Амастрой

путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 / Текст перевод и примечания под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 140–145.

Большинство османских источников смешивают первый и второй походы Байазид I на Эрзинджан (*Negri*. Т. 1. С. 332–334; *Asikpaşa-zade*. С. 107; *Seif Th. Der Abschnitt*. S. 96–100; Die frühosmanischen Jahrbücher des Urudschs // Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausgegeben und eingeleitet von Fr. Babinger. Hannover, 1925. S. 32, 101).

Дата захвата Эрзинджана (июль 1400 г.), приведенная у Б. Даркота, — ошибочна (*Darkot B. Erzincan* // *IA*. Т. 33. С. 339).

²² *Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes* / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922. Т. I. P. 59^{9–11}: μετὰ δὲ ταῦτα τοὺς τε Τζαῖν[ι]δας καταστρεφόμενος, οἱ κατέχοντες τὰ τῆς Κολχίδος ἐπὶ Ἀμαστρίν πόλιν καθήκοντα... Весь отрывок о походе Байазид I в Анатолию, включая этот сюжет, был недавно переведен на русский язык и прокомментирован в: *Коробейников Д. А.* Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1. Походы Байазид I Йылдырыма в Малой Азии // *ВО*. М., 1996. С. 152–168.

²³ Халкокондил употребляет топоним Колхида в следующих трех значениях:

1) Для обозначения территории Трапезундской империи, как например, *ἡ βασίλειος Κολχίδος* в различных вариациях (*Chalkokondyles*. Vol. 1. P. 76¹, 158⁴; Vol. 2. P. 218¹⁹, 247¹⁸, 274¹⁷; в сходном значении см. также: Vol. 2. P. 37¹⁷, 218²¹, 219^{1–2}).

2) Для обозначения территории Грузии, сопредельной на востоке трапезундской Лазике, т. е. почти в античном значении этого топонима (Vol. 1. P. 130: о движении из Закавказья на юг — *ἐς τὴν Ἰβηρίαν τὴν ἐν τῇ Ἀσίᾳ ἀφικόμενος, ἀπεχόμενος διὰ τῆς Κολχίδος, τὸν Φάσιν αὐτοῦ διαβάς κατατόν...* — Vol. 2. P. 223⁵).

3) Очевидно, что в отрывке о походе Байазид I этот топоним употребляется в ином, третьем значении; тут Халкокондил под Колхидой подразумевает другие *понтийские* области, не входящие во владения Великих Комнинов — т. е. *мусульманский Понт*. Именно в этом значении мусульманского Понта (Джанети) Халкокондил неоднократно употреблял топоним Колхида в других местах: Vol. 1. P. 61³; Vol. 2. P. 243¹¹, и, возможно, Vol. 2. P. 37²¹.

В первом и третьем из выделенных значений «Колхида» — абсолютно то же, что и Восточный Джаник/Джанит. Второй случай почти совпадает с топонимом грузинских источников, называвших эти и сопредельные области Джанети.

Отметим, что в тексте отрывка, интерполированного Халкокондилом в свою хронику из понтийского источника, выражение «*василевс Колхиды*» употребляется только однажды (Vol. 2. P. 247). Сами понтийцы вряд ли могли назвать своего императора «*василевсом Колхиды*» — следовательно, скорее всего это наименование возникло в результате редакторской правки Халкокондила.

О топониме Колхида в византийских источниках см. также: *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et la Géorgie // *REB*. 1977. Т. 35. P. 250–252.

Халкокондил не мог подразумевать Амастриду, ибо она, как известно, находится в Западной Пафлагонии. Отметим, что Халкокондил неплохо знал географию Анатолии и отчетливо представлял себе топографию похода Байазид I, следовательно, он вел тут речь о каком-то городе на Восточном Понте и топоним Амастра появился в тексте либо из-за описки Халкокондила, либо ошибки переписчика. Можно предположить, что под Амастрой на самом деле подразумевалась Аланца (Ἀλαντζα), крепость близ границ Трапезундской империи, ибо именно в северных окрестностях Аланцы четырем годами позже Клавихо зафиксировал кочевья туркмен *чепни*²⁴. В регионе Амастры в это время *чепни* быть не могло.

Далее Халкокондил сообщает, что Байазид в ходе этого похода безуспешно пытался покорить Кемах (Καμάχων/Σαμάχιον), являвшийся важным стратегическим пунктом в регионе и находившийся во владении двоюродного брата трапезундского императора Мануила III 'Усман-бека Ак-Куйунлу²⁵.

Таким образом, Байазид I не только, по существу, уничтожил эмират Мутаххартана, главного союзника Великих Комнинов, но и совершил поход к границам самой Трапезундской империи, ибо туркмены *чепни*, как известно, кочевали в пограничных трапезундских областях, да и Кемах находился в непосредственной близости от трапезундской границы.

Пока эмир Тимур в течение 1401 г. был занят борьбой за Сирию с мамлюкским султаном Насир ал-Дином Фараджем, Байазид I совершает еще один поход к Эрзинджану²⁶. Эмир Тимур, опасаясь потерять свой важнейший стратегический оплот в Восточной Анатолии, поспешил отправить на помощь Эрзинджану войско во главе с царевичем Шахрухом — своим сыном и одним из лучших полководцев того времени.

Однако, неожиданно Мутаххартан остановил царевича на полпути, заявив, что инцидент с Байазидом исчерпан и нет нужды в военной помощи²⁷. Затем Мутаххартан написал письмо к эмиру Тимуру, в котором убеждал его в том, что Байазид расклевывается в своем прежнем

²⁴ Клавихо. С. 129; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 173.

²⁵ Chalkokondyles. Т. 1. P. 59¹¹⁻¹⁵. Халкокондил во всех других случаях под Καμάχων/Σαμάχιον подразумевает Камаху/Кемах (Vol. 1. P. 156^{10, 15}, 157^{3, 19}), кроме одного места (Vol. 2. P. 223⁹), где этот топоним обозначает область Самххе. Так же идентифицировал этот топоним и Я. Фальмерайер (Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827. S. 218–219).

В. Миллер, Э. Жансан, Э. Брайер и ряд других исследователей неточно передают сообщение Халкокондила о походе турок на *чепни* и к Кемаху: Miller W. Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 71; Janssens E. Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969. P. 124; Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 102; Inalcik H. Bayazid I // EI²; Uzunçarşılı I. Osmanlı Tarihi. Ankara, 1947. T. 1. S. 136; cf.: Fallmerayer J. Geschichte. S. 218–219.

²⁶ Şamî. Vol. 1. P. 241; Ali Yazdi. Vol. 2. P. 372–373.

²⁷ Ali Yazdi. Vol. 2. P. 373–374.

противодействии эмиру и принимает ряд его условий²⁸. Более того, в конце 1401 г. (в декабре?) Мутаххартан сам прибывает в ставку Тимура в Карабахе в качестве поверенного Байазид, имея при себе письмо османского султана к Тимуру. Тимур, поверив Мутаххартану, дает приказ войскам уйти от границы с Анатолией и двинуться на северо-восток к Ширвану²⁹.

Вопреки заверениям Мутаххартана, на рубеже 1401 и 1402 гг. турки все-таки заняли Кемах, принадлежавший тогда Мутаххартану³⁰. Как написал сам Тимур в своем «Четвертом письме» к Байазиду, «стало ясно, что написанное Тахартан-бахадуром (т.е. Мутаххартаном. — *Р. Ш.*) о том, что они (т.е. султан Байазид. — *Р. Ш.*) раскаялись в своих грубых действиях, не соответствует действительности»³¹. Разгневанный Тимур немедленно выступил в Анатолийский поход, результатом которого, как известно, было Анкарское сражение, разгром Османской державы и бесславная смерть султана Байазид I в плену у Тимура.

Очевидно, что описанные выше кардинальные изменения в военно-политическом балансе в Восточной Анатолии и на мусульманском Понте должны были остро затронуть империю Великих Комнинов. Между 1398 и 1400 гг. Байазид расширил владения османов вплоть до границ Трапезундской империи: теперь на севере по побережью туркам принадлежал мусульманский Самсун (примерно в ста километрах от трапезундского Инея), а на юге им подчинились даже *чепни*, не признававшие, по всей видимости, власти союзника Трапезундской империи Мутаххартана. Османам теперь принадлежал также Кемах и, вероятно, Никсар, который в 1403 г. перешел по наследству к Мехмеду I³². Горные области Джаника — северо-восточное Никсара, Байазид, как видно, покорить не смог, равно как и Синоп — о последней неудаче с удовольствием напоминает ему в одном из писем эмир Тимур³³.

²⁸ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 116.

²⁹ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 377–378.

³⁰ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 116; *Клавихо*. С. 129. Клавихо отмечает особое стремление Байазид I овладеть Кемахом: «Турку очень хотелось завладеть землей Заратана (т.е. Мутаххартана. — *Р. Ш.*), а особенно этим замком Камагом». Выше Клавихо говорит о значении этой крепости: «Этот замок очень укрепленный и в таком месте, которое приносит много дохода; он охраняет всю эту землю и через него проходит много товаров в разные места, как в Сирию, так и в Турцию».

³¹ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 116–117.

³² См.: *Nesri*. Т. I. P. 378/379: «Eğer ol hisara meded yitişmezsen, kal'a elden gider» («если не поможешь той крепости (т.е. Никсару), замок потеряешь» — слова, обращенные в 1403 г. к Мехмеду I. См. также: *Uzunçarşılı İ. H. Mehmed I/II İA. Cüz 75*. S. 497.

³³ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 98:

و مدت مدید است که سینوپ را می خواست که بگیرد نتوانست
(уж много времени прошло, как желает взять Синоп, да не может).

Таким образом, продвижение Байазида I на восток окончательно уничтожило трапезундскую «систему безопасности», в результате чего империя Великих Комнинов оказалась беззащитной от масштабной османской агрессии с юга.

Вместе с тем, стремительный бросок эмира Тимура в 1402 г. в Анатолию вновь кардинально изменил политическую ситуацию в регионе, угрожая империи другой агрессией, теперь уже чагатайской. Вероятно, этот промежуток времени между 1398 и 1402 гг. был одним из самых трагичных моментов в истории понтийской империи Великих Комнинов. Как реагировал Трапезунд на эти стремительные и угрожающие изменения, развернувшиеся в непосредственной близости от ее границ?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся сперва к тому, что нам известно о взаимоотношениях между Великими Комнинами и эмиром Тимуром.

3. ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ

В Трапезунде об эмире Тимуре и его завоеваниях знали уже к концу 1386 г. Панарет фиксирует, что эмир Тимур в ноябре 1386 г. пленил грузинского царя Баграта V (1360–1395) с его супругой Анной Великой Комниний, дочь трапезундского императора Алексея III (1349–1390)³⁴. Трапезундцы знали о Тимуре, что это «монгольский» (Τάταρος) хан, что он явился из «Китая» (Χαταλας), численность его войска достигает восьмисот тысяч. Эти сведения они могли легко получить от союзных грузин или другого своего союзника — Мутаххартана, который в 1387 г. признал верховенство Тимура³⁵.

Однако первые намеки на какие-либо контакты между Великими Комнинами и эмиром Тимуром относятся к несколько более позднему времени. Мы имеем в виду то обстоятельство, что часть дипломатических контактов эмира Тимура с христианскими государями происходила при посредничестве Трапезунда.

³⁴ Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon / Ed. Od. Lampsidēs. Athena, 1958. P. 80^{20–31}; Tardy L. The Caucasian Peoples and their Neighbours in 1404 // АО. 1978. Т. 32/1. P. 96–97; Табаддзе К. О хронологии вторжения Тимура в Грузию // Мачне (Вестник АН Грузинской ССР). Серия общественных наук. 1973. № 3. С. 63–81; Какабадзе С. С. Грузинские документы IX–XV вв. М., 1982. № 35. С. 151.

³⁵ Не исключено, что авангардные отряды Тимура добрались до территории Трапезундской империи уже в 1386 г. По одной из рукописей Шами, в этом году во время похода на Грузию часть войска была послана с приказом «разорить лазов (lakziyān)». Если под *lakziyān* действительно подразумевались лазы, а не *лезгины*, то можно думать, что воины Тимура добрались и до Восточного Понта (Şami. Vol. 1. P. 100 note 6).

Так, в 1400 г. в эмировой ставке (вероятно, до первого покорения Сиваса в сентябре 1400 г.) побывали некие «послы из франкской стороны» (*az faraf-i farang*), которых эмир принял весьма благосклонно. Историк 'Али Йазди, сообщает, что «франкские» послы, получив богатые дары, «отправились назад через Трапезунд»³⁶.

Сношения между Константинополем и Тимуром и далее происходили через посредство Трапезунда: итальянские источники зафиксировали в августе 1401 г. возвращение в Константинополь через Трапезунд византийско-генуэзского посольства вместе с представителями Тимура, которое принесло весть о решимости Тимура выступить против Байазид³⁷.

³⁶ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 252; *Šami*. Vol. 1. P. 217; Джа'фар ибн Мухаммад. *Тарихи Джа'фарӣ*. Л. 280 об.; *'Abd al-Razzaq Samarqandi*. *Matla' al-sa'adain*. T. 1. Rieu, Add. 17,928. Fol. 282b; *Kh'andamir*. *Habib al-siyar fi akhbar alfrad al-bashar*. Tehran, 1954. Vol. 3. P. 486.

Может быть, речь идет о посольстве василевса Мануила II, которое он отправил к эмиру Тимуру перед своим отъездом из Константинополя в конце 1399 г. (*Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne. P. 52; *Dölger Fr.* *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453*. München, 1965. Bd. 5. S. 86 (3278); *Matschke K. P.* Die Schlacht. S. 11; *Barker J. W.* *Manuel II Paleologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship*. New Brunswick; New Jersey, 1969. P. 504–505). Нельзя исключить, что упомянутые у персидских историков послы были на самом деле венецианцами: именно в августе 1400 г. венецианский сенат назначил нового представителя в сношениях республики с Тимуром (*Jorga N.* *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. T. I // *ROL*. 1896. Vol. 4. P. 97; *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne. P. 40 note 4).

Тимуридские источники передают, что послы привезли к Тимуру «сына эмира Мурада Румийского» (*pisar-i amir Murād-i Rūmī*), т. е. османского государя эмира Мурада I (1362–1389), отца Йылдырыма Байазид^а. Однако еще Й. Хаммер указывал, что речь должна идти не о сыне Мурада, но сыне Байазид^а — Эртогруле. Братьев Байазид^а, сыновей Мурада, в то время уже не было в живых (*Hammer J.* *von*. *Geschichte des Osmanischen Reiches*. Pest, 1828. Bd. 1. S. 296, Anm. 1).

Э. Захариад^у доказывала, что в 1400 г. Тимур казнил плененного в Сивасе Эртогрула (*Zachariadou E.* *Ertogrul bey, il sovrano di Teologo (Efeso)* // *ASLSP*. N. s. 1965. T. 5. P. 156–157; 160–161). В работе К. Жукова выдвигается ряд возражений против этой точки зрения, он полагает, что Эртогрул погиб уже 1395/96 г.: *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. Москва, 1988. С. 57–58, сн. 85.

Однако дополнительные данные, не учтенные К. Жуковым, исключают предложенную им датировку. В этой связи, наряду с данными персидских источников, отметим свидетельство побывавших у Тимура итальянских послов, датированное апрелем 1401 г., о захвате эмиром «сына Байазид^а» (*Jorga N.* *Notes*. T. 1. P. 107). Указанные факты дают новое подтверждение предположению Э. Захариад^у относительно того, что Эртогрул был действительно пленен и казнен Тимуром. Одно остается не ясным: как Эртогрул попал к эмиру — был ли он захвачен при взятии Тимуром Сиваса, или же его выдали византийцы или венецианцы, как это утверждают тимуридские хроники (подробнее см. нашу рецензию на упомянутую книгу К. А. Жукова в: *BB*. 1992. T. 53. С. 196–197.

³⁷ *Jorga N.* *Notes*. T. 1. P. 113; *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne. P. 52 note 1.

Это же византийско-генуэзское посольство до 10 сентября 1401 г. вновь было отправлено к эмиру Тимуру опять через Трапезунд³⁸.

Однако отношения между Великими Комнинами и эмиром Тимуром, по всей видимости, были далеко не безоблачны. В известном письме эмира Тимура к Иоанну VII Палеологу сообщается, что трапезундский император Мануил III (1390–1417) чинил препятствия эмиру Тимуру, что заставило последнего совершить поход против трапезундцев³⁹. В результате этого трапезундский император подчинился и согласился предоставить чагатайскому воинству 20 галер; кроме того, согласно этому письму, император Мануил III был должен лично явиться в лагерь эмира⁴⁰. Насильственное подчинение империи эмиром Тимуром подтверждается данными арабского историка Ибн 'Арабшаха⁴¹.

³⁸ Ibid.

³⁹ Письмо эмира Тимура к Иоанну VII много раз публиковалось и комментировалось — см., например: *Sanuto M. Vitae Ducum Venetorum, Rerum Italicarum scriptores* / Ed. L. Muratori. Milano, 1733. T. XXII. P. 797–798; *Fallmerayer J. Geschichte*. S. 227–228; *Alexandrescu-Dersca M.-M. La campagne*. P. 123–124; *Janssens E. Trébizonde*. P. 124–125; *Brion M. Tamerlan*. P. 44; *Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. (Сношения Тимура с Византией и Францией)* // Труды Узбекского государственного университета. Нов. сер. Самарканд, 1956. Т. 61. С. 184–185; *Он же. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в нач. XV в. // Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук. Ташкент, 1960. № 1. С. 28; Он же. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в нач. XV в. // Международный конгресс востоковедов. 25-й. Доклады делегации СССР. Москва, 1960. № 214.*

⁴⁰ *Fallmerayer J. Geschichte*. S. 227–229. Предполагая, что Мануил III действительно прибыл в лагерь эмира Тимура, Я. Фальмерайер делает вывод, что император участвовал в Анкарском сражении. Однако, как справедливо отмечает У. Миллер, ни в самом письме, ни в каких-либо других, достаточно многочисленных сообщениях об Анкарском сражении не содержится и намек на участие греков в этой битве (*Miller W. Trebizond*. P. 72). Что касается числа галер, которые были обещаны императором Тимуру, то Э. Брайер высказал сомнение в том, что трапезундцы могли предоставить такое количество кораблей (*Bryer A. Shipping in the Empire of Trebizond // Mariner's Mirror*. 52. 1966. Vol. P. 5). Однако, совершенно необязательно, что под галерами в письме подразумевается определенный тип судов; скорее всего, имеются в виду суда вообще — большие и малые, боевые и торговые. В этом случае число кораблей, указанное в письме, не будет преувеличением. На это нам указал С. П. Карпов, за что мы приносим ему благодарность.

⁴¹ Дать оценку достоверности этого письма в той его части, которая касается Трапезундской империи, довольно трудно: сообщаемые им сведения уникальны. Отметим лишь, что сообщаемые им факты о взаимоотношениях Тимура с Палеологовской Византией и Первой вполне достоверны, ибо подтверждаются другими источниками. См.: *Alexandrescu-Dersca M.-M. La campagne*. P. 52; *Barker J. Manuel II Palaeologus*. P. 507; *Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. (Сношения Тимура с Византией и Францией)*. С. 185.

Тут будет не лишним сказать несколько слов о том, какой реальный смысл носило упомянутое в письме «подчинение» Великого Комнина (а также и других христианских и мусульманских государей) эмиру Тимуру. Под «подчинением» чагатайская дипломатическая практика подразумевала признание тем или иным правителем верховной власти Чагатайского дома, наследника империи Чингисхана, которая в реальности осуществлялась эмиром Тимуром. Формально эмир Тимур являлся исполнителем воли номинального чагатайского хана, находившегося в Самарканде (ханы Суйургатмыш, Махмуд). На государей, признавших власть Чагатаев без кровопролития, возлагалась неременная обязанность платить дань золотом, оказывать Тимуру почести и уважение как государю, что, в частности, включало и поднесение ему даров, достойных царского достоинства. Как правило, эмир Тимур требовал личного присутствия государя в момент признания зависимости⁴². Именно поэтому личное прибытие Мануила III Великого Комнина в лагерь Тимура представляется более чем вероятным.

Зависимый государь, в случае необходимости, должен был исполнять различного рода службу: предоставлять войско, оказывать поддержку проходящим чагатайским войскам, защищать свою границу от врагов Тимура и т.д. Немаловажной обязанностью являлось и обеспечение безопасности послов, идущих к Тимуру и от Тимура⁴³. Как видим, возложенные на Мануила III обязанности, как они описаны в письме от 15 мая 1402 г., а еще раньше — его дипломатическая посредническая деятельность, — вполне укладываются в хрестоматийную схему.

Вместе с тем, Тимур признавал незыблемость наследственных прав зависимого государя на престол. Отношение между ним и зависимым

Проверяемость и достоверность «византийской» и «генуэзской» части письма позволяют нам с соответствующими оговорками принять на веру то, что в нем сообщается о Трапезунде. Тем более, что оно созвучно данным (хотя и достаточно туманным) Ибн 'Арабшаха, который писал (без указания дат) о Трапезунде в главе, именуемой «Рассказ о том, как это мучение (т. е. Тимур. — Р. Ш.) лило воду и огонь на земли Грузии и страны христиан»:

«... Среди их городов — Тифлис, который был уже покорен этим дьяволом, и Трапезунд и Абхаз, который по преимуществу (بالاخصاص) является столицей. Когда эти города сопротивлялись ему (فتنعت هذه الأماكن عليه) и не сдавались, то он устраивал осаду и оставался [там], чтобы брать их штурмом» (*Ahmad ibn Muhammad ibn Arabshah. Kitab 'aja'ib al maqdur fi akhbar Timur. Lugduni Batavorum, 1636. P. 275; ср. с английским переводом отрывка, лексически и синтаксически менее точным, чем наш: Ahmed ibn Arabshah. Tamerlan or Timur the Great Amir / Transl. by J. H. Sanders. L., 1936. P. 202*).

В любом случае, поскольку в источниках нет прямых опровержений сведениям письма и Ибн 'Арабшаха, они вполне могут пользоваться «презумпцией достоверности».

⁴² *Syed Jamaluddin. Hereditary Chiefs under Amir Timur (1370–1405) // АО. 1989. Vol. 57/3. P. 215–217.*

⁴³ *Ibid. P. 218–219.*

государем складывались по схеме взаимоотношений между монгольским ханом и ханскими сыновьями: «сыновья» Тимура (как его кровные отпрыски, так и правители зависимых территорий) признавались царями, чей суверенитет ограничен только верховной властью их «отца» — чагатайского хана, а в реальности — Тимура⁴⁴.

4. ПОХОД ЭМИРА ТИМУРА НА ТРАПЕЗУНД

Итак, ссора между Тимуром и Мануилом III и даже военное столкновение между ними представляются на фоне описанных выше фактов дипломатического посредничества Трапезунда достаточно резким и неожиданным поворотом дела. Однако, прежде чем задаться вопросом, с чем было связано это неожиданное обострение в отношениях, разберемся с формальной стороной дела — когда именно мог эмир Тимур атаковать территорию империи.

Итак, рассмотрим, как данные письма соотносятся с реальной хронологией и географией Анатолийской кампании Тимура. Как следует из письма, эмир Тимур сам предпринял поход против империи. Судя по весьма точным персидским хроникам, он лично находился в непосредственной близости от трапезундской границы, в Эрзинджане, лишь дважды: весной 1402 г. и в марте 1403 г., т. е. в начале и в конце своего Анатолийского похода⁴⁵. Последняя дата по понятным причинам нам не подходит. Обратимся к событиям весны 1402 г.

12 марта 1402 г. войска эмира начали медленно продвигаться из Карабаха к границам Анатолии⁴⁶. Точная хронология дальнейших передви-

⁴⁴ Ibid. P. 222–227.

⁴⁵ Вблизи от Понта сам Тимур или его военачальники оказывались ранее указанных дат еще дважды. В начале 1400 г. посланные Тимуром отряды совершили рейд в Абхазию и Сванетию, а также опустошили Самхе и Тао. Источники не содержат никаких намеков на то, что эти завоевания затронули и территорию Трапезундской империи. В рейдах в Абхазию и Сванетию сам эмир Тимур не участвовал.

В конце лета 1401 г. Тимур прошел рядом с Эрзинджаном по дороге из Уника к Сивасу, однако этот марш был проделан быстро и Тимур даже не заходил в Эрзинджан. Так же и на обратном пути, он возвращался не задерживаясь в припонтйских областях: *Muin al-Din Natanzi*. *Muntahab at-tawarikh* Muini / Ed. J. Aubin. Tehran, 1957. P. 385–386; *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 263–270; *Sami*. Vol. 1. P. 216–219; *Turan O*. Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. S. 82; *Allen W.* A History of the Georgian People. L., 1932 (repr.: N. Y., 1971). P. 124; *Salia K.* Histoire de la nation géorgienne. P., 1980. P. 256.

⁴⁶ *Sami*. Vol. 1. P. 249. Основной работой по истории анатолийского похода эмира Тимура остается классическая монография *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne..., в хронологию которой, однако, в ряде случаев (как, например, в отношении начала Анатолийской кампании Тимура — р. 54) следует внести

жений эмира по Анатолии вплоть до Анкарской битвы не известна; отметим только, что о начале этой кампании в Венеции знали уже к началу мая 1402 г.⁴⁷

Первая акция армий вторжения — покорение в течение 6 дней крепости Тартум (в 40 км восточнее Испира, в 70–80 км от границ трапезундской Лазики), принадлежавшей некому Тугаю, грузинскому владельцу. После этого Тимур направляется к Эрзеруму. Оставаясь некоторое время на «лугах» (*marghazār*) Эрзерума, он дожидается прибытия из Ирака части своего войска. Прибытие иракского войска в источнике датируется «началом весны» (вероятно, конец марта или начало апреля?)⁴⁸. От Эрзерума эмир отправляет часть войска к османской крепости Кемах, что примерно в 50 км западнее Эрзинджана, а сам, по словам «Али Йазди, становится лагерем «на лугах Эрзинджана»⁴⁹.

В одном из своих писем к Байазиду, составленному на рубеже 1401 и 1402 гг., Тимур говорит: «Сейчас, моля о благословении Всевышнего Господа, собираемся мы на кочевьях Аладага, в окрестностях Трапезунда и в тех местах разбить шатры державы и лагерь многочисленного победного воинства»⁵⁰. Как видно, эмир Тимур осуществил свое желание, которое он высказал несколько месяцев назад и о котором он заблаговременно известил султана Байазид.

Что подразумевали «Али Йазди и сам эмир под «лугами Эрзинджана» и «окрестностями Трапезунда»? Вполне вероятно, что тут имеются в виду предгорья между Эрзинджаном и трапезундской пограничной Херианой, которые издавна использовались местными тюрками как кочевья⁵¹.

Таким образом, можно предположить, что на время осады Кемаха эмир Тимур расположил свою ставку в непосредственной близости от комнинских владений в Хериане. Мы полагаем, что упомянутый в письме к Иоанну VII конфликт между Тимуром и трапезундцами мог иметь место именно тогда — во время стоянки у Херианы и в период осады Кемаха, т. е. в промежутке между мартом/апрелем (выступление Тимура от Эрзерума) и 15 мая 1402 г. (даты написания письма). В дальнейшем эмиро-

⁴⁷ Thiriet F. *Régestes de délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie*. P., 1958–1961. Т. 1–3. Т. 2. P. 27 (1056). Cf.: Jorga N. *Notes*. Т. 1. P. 116.

⁴⁸ *Šami*. Vol. 1. P. 250; *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 400–402.

⁴⁹ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 406.

⁵⁰ Это так называемое «Третье» письмо Тимура к Байазиду: *Abd al-Husayn Nawai*. P. 104–110; *Feridun-bey Ahmet*. Т. 1. P. 128–131. Само письмо не датировано, однако тимуридские источники сообщают, что оно было отправлено во время пребывания эмира в Карабахе, сразу после его прибытия туда (т. е. после 29 ноября 1401 г.). В письме упомянуто, что Тимур только что отправил отряд на Багдад. Хронисты привязывают отправку отряда к концу 1401 г. На основании этих двух фактов мы и датируем письмо рубежом 1401 и 1402 гг. (*Šami*. Vol. 1. P. 243, 245, 248–249; *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 381, 385–388, 390–393).

⁵¹ Об областях между Эрзинджаном и Херианой см.: *Bryer A., Winfield D.* *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 172–173. Map 1.

во войнство все более и более удалялось от Понта: от «лугов Эрзинджана» Тимур двинулся на юго-запад в сторону Сиваса, осадил Хафик (30–35 км северо-восточнее Сиваса), оттуда отправился на северо-запад к Токату, и лишь потом — к Анкаре⁵².

Итак, эмирово войнство, скорее всего, атаковало территорию империи в апреле или мае 1402 г. приблизительно в одно время с осадой Кемаха. Таким образом, наши рассуждения в целом подтверждают мнение Якоба Фальмерайера, который подчинение Трапезунда Тимуром относил к весне 1402 г.⁵³

5. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИНТРИГА

Таким образом, взаимоотношения понтийских греков со среднеазиатским завоевателем, в начале дружественные (или, по крайней мере, не враждебные), по какой-то причине испытали острый кризис, вылившийся в весомую демонстрацию силы и военное принуждение со стороны Тимура. Что же могло произойти тогда? Попытаемся дать ответ на этот вопрос на основе некоторых косвенных данных, а именно, исходя из позиции ближайших союзников Трапезунда по отношению к конфликту между Байазидом I и Тимуром.

Ко времени конфликта, как говорилось, наиболее близким союзником Трапезунда в Анатолии был эмир Мутаххартан. Его отношения с Великими Комнинами были скреплены женитьбой на трапезундской дееспине⁵⁴. За все время его продолжительного правления в Эрзинджане (около 24 лет) сохранившиеся источники ни разу не причислили его к врагам империи. В то же время, все то, что известно о его военно-политической роли в понтийском регионе, целиком совпадало с насущными интересами здесь Великих Комнинов.

Вместе с тем, на рубеже XIV–XV вв. для Великих Комнинов не было более близких союзников на Западе, чем Палеологи. В 1395 г. вдовый Мануил III Великий Комнин женился на Анне Филантропине, а своего сына и наследника Алексея (будущего императора Алексея IV) женил на Феодоре Кантакузине. Невесты были привезены в Трапезунд Евдокией, дочерью Алексея III Великого Комнина, которая, возможно, была последней женой престарелого константинопольского василевса Иоанна V; Иоанн V умер в 1391 г., однако Евдокия, как можно предположить, продолжала оставаться в Константинополе вплоть до 1395 г.⁵⁵ Более того,

⁵² Ali Yazdi. Vol. 2. P. 400–416; Alexandrescu-Dersca M.-M. La campagne. P. 54–57.

⁵³ Fallmerayer J. Geschichte. S. 227–229.

⁵⁴ См. выше, главу III нашей книги.

⁵⁵ Panaretos. P. 81²–17. О Евдокии и ее предположительном браке с Иоанном V см. выше, главу III.

Великие Комнины оказали поддержку Константинополю оружием и довольствием (возможно, и войском) в период тяжелой турецкой осады, начавшейся в 1394 г.⁵⁶ В связи с этим следует вспомнить, что параллельно с осадой Константинополя турки вели наступление и на Понте в непосредственной близости от трапезундских границ на территориях главного союзника трапезундцев (эмира Мутаххартана), что не могло не вызвать беспокойства Великих Комнинов.

Весьма информированный Иоанн де Галонифонтибус, — доминиканец, архиепископ Султанни и посол Тимура в Венеции, Генуе, Лондоне и Париже, — однозначно утверждал в 1404 г., что Палеологи вошли в контакт с эмиром Тимуром благодаря посредничеству трапезундского императора⁵⁷. Это свидетельство, в сочетании с отмеченным выше прецедентами участия Трапезунда в дипломатических сношениях между Константинополем и эмиром Тимуром, указывает на согласованность действий обоих византийских государств по отношению к общему врагу — Байазиду I. Вероятно, поначалу Трапезунд, как и Константинополь, намеревался использовать силу эмира Тимура как противовес нарастающему давлению турок.

Ключом к разгадке причин похода Тимура на Трапезунд, возможно, являются странные изменения в позициях Мутаххартана и Константинополя, которые имели место в преддверии чагатайского вторжения в Анатолию.

О маневрах Мутаххартана мы уже говорили: когда в 1401 г. Тимур послал войско, чтобы защитить Эрзинджан от очередного нападения Байазидом I, Мутаххартан остановил своих спасителей, а через некоторое время сам появился в ставке Тимура, уже в качестве представителя османского султана.

Непоследовательные и весьма подозрительные действия Мутаххартана могут означать только одно: эрзинджанский эмир затеял дипломатическую интригу — наладив добрые отношения с османами, он пытался использовать свою вассальную и дружескую связь с Тимуром.

Самое, однако, интересное заключается в том, что примерно в этот период времени подобную же позицию в соперничестве между Байазидом и Тимуром занял и регент Иоанн VII Палеолог. На рубеже 1401 и 1402 гг. он, не прерывая дружественной переписки с эмиром Тимуром, отправляет к Байазиду «некоторых из архонтов» с ключами от Константинополя в знак, по-видимому, восстановления полного взаимного доверия между Палеологами и домом Османа⁵⁸. Это странное совпадение в

⁵⁶ Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 95.

⁵⁷ Tardy L. The Caucasian Peoples. P. 84; Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа за 1404 г. // Перевод и комментарии З. Бунятова. Баку, 1980. С. 6; The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1986. Vol. 6. P. 375.

⁵⁸ Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975–1979. Bd. 1–3. Bd. 1 (1975). S. 184–185 (28, 30); Barker J. Manuel II Palaeologus. P. 215 and

направленности дипломатической активности византийцев и тюрка Мутаххартана вряд ли было случайным.

Для Мануила III Великого Комнина, как мы отмечали, союз и партнерство с Константинополем и Эрзинджаном являлись главными, опорными столпами внешней политики. Поэтому, скорее всего, и Мануил III принял участие в маневрах своих союзников и пошел на сближение с Байазидом. Даже более того — логично думать, что именно он явился связующим звеном в выработке единой дипломатической позиции между Константинополем и Эрзинджаном. Константинополь и Эрзинджан были слишком удалены друг от друга и вряд ли могли иметь непосредственный контакт в обход и без содействия Трапезунда. В то же время, Мутаххартан, в свою очередь, мог исполнять роль посредника между эмиром Тимуром и обоими византийскими государствами.

Вероятно, Мануилом III, Иоанном VII и Мутаххартаном руководили одни и те же мотивы, связанные, как можно догадаться, с определенными изменениями в политике Байазидом по отношению к ним. По-видимому, Байазид, осознав всю опасность его конфронтации с Тимуром, решил, по крайней мере, перетянуть на свою сторону анатолийскую и балканскую оппозицию в лице Византии, Эрзинджана и Трапезунда, которые прежде, в конце 1390-х гг., открыто подстрекали Тимура к войне против Османов. Анализируемые действия византийцев и восточно-анатолийских тюрок совершенно однозначно указывают на то, что на рубеже 1401 и 1402 гг. они пошли на сближение с турками и вступили в весьма опасную для них интригу, лавируя между двумя исполними — султаном Байазидом I и эмиром Тимуром. Возможно, именно за это «предательство» интересов Тимура византийским послам придется приносить официальные извинения чагатайцам уже после Анкарского сражения, осенью 1402 г., о чем пойдет речь ниже.

Помимо приведенных рассуждений существует еще одно указание источника, возможно, подтверждающее и объясняющее кратковременное сближение между Мануилом III и Байазидом незадолго до вторжения Тимура в Анатолию. Мы имеем в виду записки Иоганна Шильтбергера, профессионального воина, находившегося в 1396–1402 гг. на службе у Байазидом I и участвовавшего во многих его кампаниях, а именно его сообщения о Понте и, главное, его рассказ о посещении Керасунта и чудесах «Ястребиной крепости»⁵⁹.

note 18; *Matschke K.-P.* Die Schlacht. S. 11; *Sauvages A.* Tamerlane, Byzantium and Spain. P. 48. Cf.: *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem nach venezianischen Quellen. Leipzig; Berlin, 1923. S. 183–184.

⁵⁹ *Johannes Schiltberger.* Reisen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859. S. 95–97. См. также: *Иоганн Шильтбергер.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. / Перев. и примеч. Ф. Бруна // ЗНУ. 1867. Т. 1 (1–2). С. 42–43.

6. КОГДА ШИЛЬТБЕРГЕР БЫЛ В КЕРАСУНТЕ: 1398–1401 ИЛИ 1402–1403 гг.?

Главный вопрос, который нас будет интересовать в связи с пребыванием Шильтбергера на Понте, — когда и при каких обстоятельствах он посетил Керасунт. Возможны три гипотетические датировки появления Иоганна Шильтбергера в Керасунте.

Во-первых, он мог быть в Керасунте в составе османского войска в период походов Байазид I на Понт в 1398–1401 гг.

Во-вторых, он мог оказаться в Керасунте в качестве пленника в составе войска эмира Тимура после Анкарского сражения в 1402–1403 гг.

В-третьих, он мог посетить Керасунт на обратном пути в Европу в 1427 г.

Третья датировка наименее вероятна по следующим причинам. Как известно, Шильтбергер пробыл в районе Керасунта, по меньшей мере, несколько дней. Однако на обратном пути, когда Шильтбергер плыл на «христианском» (итальянском?) корабле из окрестностей Батума в Константинополь, он вряд ли мог сделать продолжительную остановку на территории Трапезундской империи: корабль проделал путь от Батума до Амасры (более 800 км) за чрезвычайно короткий срок — пять с половиной или шесть суток⁶⁰. На сколько-нибудь продолжительную стоянку в Керасунте просто не остается времени.

Итак, нам остается выбрать между двумя первыми датировками — либо периодом между 1398–1401 гг., либо 1402–1403 гг. После Я. Фальмерайера, обратившегося первым к этому сюжету, в историографии утвердилось мнение, что Иоганн Шильтбергер посетил Керасунт после Анкарского сражения, в котором он попал в плен к эмиру Тимуру. Я. Фальмерайер пишет, что отряды Тимура вместе с пленными, среди которых был и Шильтбергер, через Керасунт направлялись в область Байбурта⁶¹.

Эта датировка не находит никаких обоснований в самом тексте записок Шильтбергера. Во-первых, судя по рассказу Шильтбергера, он обладал в Керасунте полной свободой передвижения, что не вяжется с утверждением Я. Фальмерайера, что Шильтбергер был тогда пленником. Во-вторых, все другие сведения о Понтийском регионе (описания Самсуна, Амасьи, Кемаха, Эрзинджана) следует связывать со временем его службы у Османов⁶². Поэтому нет веских причин считать рассказ о Керасунте исключением — вероятно, и там Шильтбергер побывал в бытность

⁶⁰ *Iohannes Schiltberger*. S. 159. Ср.: *Karpov* S. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. P. 34; *Karpov* С. П. Пути средневековых мореходов. С. 39; *Он же*. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 60–61.

⁶¹ *Fallmerayer* J. Geschichte. S. 231; *Miller* W. Trebizond. P. 72; *Tekin dağ* §. Trabzon // *IA*. S. 460.

⁶² Так, например, Самсун у него назван «турецким» (т. е. османским) городом, он описывает его захват Байазидом в 1398 г., сообщает, что посетил этот город

свою у Байазид. В-третьих, нет никаких сведений о том, что войска Тимура (а с ними и Шильтбергер) заходили на мусульманский или христианский Понт после Анкарского сражения.

В то же время, со слов самого Шильтбергера известно, что он участвовал в понтийских походах Байазид I в 1398–1400 гг.⁶³ Поэтому, мы склонны думать, что Шильтбергер посетил Кerasunt как османский солдат в период между 1398 и 1400 гг., а скорее всего — в 1400 г., когда войска Байазид I двинулись в Северо-Восточный Понт и подчинили туркмен чепни.

Поход Байазид I на северо-восточные понтийские земли в непосредственной близости от Трапезунда удостоверяется еще одним весьма авторитетным указанием источника. Эмир Тимур в своем «Четвертом письме» к Байазиду I, написанному весной 1402 г., выдвигает последний ультиматум османскому султану и, в частности, требует от Байазид вернуть законному владельцу захваченные турками земли «Хаджи-паши», т.е. Сулаймана Хаджи Амира⁶⁴.

«в бытность у Байазид» (*Iohannes Schiltberger*. S. 63, 95); то же касается, вероятно, Амасьи и Эрзинджана (S. 61, 72).

⁶³ *Bergbauer J.* Das Itinerar des münchener Orientreisenden Hans Schiltberger // *Dr. Pettermanns Mitteilungen*. Heidelberg, 1914. Bd. 60. Hf. 2. S. 263–265.

⁶⁴ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 117–118; *Feridun-bey Ahmet*. P. 134:

چا اوتانده پيش از اين طهران بهادر و جرجيس بهادر و يلماق بهادر و حاجي پاشا و فرزندان و خويشان داشته بوده باشند و متصرف بوده تعلق بدین جانب داشته باشد
چا اوتانده مدخل نسا زد و آنده تعلق بدان جناب دارد چون // سيواس و ملاطيه و البستان و غير
ذلك بر قرار تعلق بدان جناب دارد و ما و گسان ما در آن ولايت مدخل نسا زيم ايشان
نيز جمعی نوکران که بقلعه کماخ درآورده اند بيرون کنند و عهد و سوگند مصالحه برين
موجب مقرر نمانند

Вот перевод этого интереснейшего и до сих пор не комментировавшегося отрывка: «В те [земли], которыми прежде владели Тахартан-бахадур, Джирджис-бахадур, Йалман-бахадур, Хаджи-паша и их дети и родственники, а также в завоеванное [Байзидом] из относящегося к тем землям, [Байзиду] не следует вторгаться, а то, что относится к [владениям] того господина (т.е. Байазид. — *Р. Ш.*), как то: Сивас, Малатья, Албистан и другое кроме этого, продолжает принадлежать тому господину, ни нам, ни нашим людям в ту землю не следует вторгаться; они же (т.е. Байазид I. — *Р. Ш.*) пусть также выведут тот отряд воинов, который ввели в Кемах, и пусть это рассматривают необходимым условием для [заклочения] договора и [произнесения] клятв примирения».

Характерно, что все перечисленные государи, скорее всего, были понтийскими правителями, однако точная идентификация некоторых из них связана с известными трудностями.

Под Тахартан-бахадуром Тимур, вне всяких сомнений, подразумевает эмира Мутахартана, правителя Эрзинджана.

Йалман-бахадур, соответствующий эмиру Йалману в «Базм-у разм» — загадочная личность. Само имя Йалман тюркского происхождения. Судя по упоминаниям этого имени в «Базм-у разм», он являлся неким достаточно влиятельным правителем на мусульманском Понте, ближайшим союзником эмира Мутаххар-

Вассальная зависимость Сулаймана от эмира Тимура подтверждена в тексте Клавихо для 1404 г.⁶⁵ Судя же по упомянутому письму, эмир Тимур уже в начале 1402 г. берет на себя роль гаранта целостности владений Сулаймана Хаджи Амира.

Согласно этому свидетельству, Байазид I в 1400 г. не ограничился покорением туркмен *чепни*, но двинулся дальше и вторгся во владения Хаджи Амира, которые с северо-запада примыкали к землям *чепни*⁶⁶. Более того, в соответствии с данными эмира Тимура, Байазид I *отнял* у Хаджи Амира некие *земли*. Какие земли могли тут подразумеваться?

Как мы уже упоминали, в 1396/97 г. Керасунт был отобран у Великих Комнинов их бывшим союзником (и, возможно, их родственником полугреком⁶⁷) Сулайман-беком ибн Хаджи Амиром, переметнувшимся на сторону Бурхана ал-Дина Ахмада⁶⁸. Если предположить, что Шильтбергер побывал в Керасунте в составе османского войска, вторгнувшегося в Халивию во владения Сулайман-бека, то все встанет на свои места: эмир Тимур подразумевал именно Керасунт, занятый турками, вероятно, в период с 1400 по конец 1401 г.

Вместе с тем, как известно, Шильтбергер называет Керасунт *трапезундским* портом и однозначно относит город к владениям Великих

тана. В 1387/1388 г. Йалман выступил как посредник в конфликте между туркменами *ак-куйунлу* и Мутаххартаном (Bazm-u gazm. P. 369), в 1394 г. он вместе с Мутаххартаном отправился на поклон к Тимуру (Bazm-u gazm. P. 456). Однако «Азиз Астарбади не дает никаких сведений о владениях Йалмана. Вместе с тем, судя по словам Тимура, владения эмира Йалмана пострадали от агрессии Байазид I.

Кого подразумевал эмир Тимур под христианским именем Джирджис (Георгий) — неизвестно. Возможно, это был неизвестный нам христианский правитель прибрежного Понта. Может быть, Георгий — крестное имя Мелисина, греческого правителя Инея, который в 1404 г. считал себя вассалом Тамерлана и платил ему дань? (Клавихо. С. 113–114; Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149 (=Idem. The Empire of Trebizond. № V). P. 131–132; Карпов С. П. Итальянские морские республики. С. 90; об известном византийском роде Мелисинов см.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. Указатель).

⁶⁵ Клавихо. С. 114; Zachariadou E. Trebizond and the Turks (1352–1402) // AP. 1979. T. 35. P. 333–358 (Eadem. Romania and the Turks. № III). P. 344–345; ср.: Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 130.

⁶⁶ О расположении кочевий *чепни* на восточной границе эмирата Хаджи Амира см. предыдущую главу, также: Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 132–133; Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları. İstanbul, 1992. S. 241–248 и особенно S. 246–247.

⁶⁷ Отец Сулайман-бека — эмир Хаджи Амир в августе 1358 г. женился на трапезундской принцессе Феодоре, сестре Алексея III Великого Комнина. См.: Panaretos. P. 72^{а–в}; Bryer A. Greeks and Turkmens. P. 130–131; Zachariadou E. Trebizond and the Turks. P. 342; а также выше гл. III.

⁶⁸ Bazm-u gazm. P. 529; а также выше гл. III.

Комнинов⁶⁹. Сообщение Шильтбергера — это наиболее раннее свидетельство о возвращении Керасунта в пределы империи после захвата города турками в 1396/7 г.⁷⁰ Нет ли тут противоречия с нашей предыдущей реконструкцией?

Наша гипотеза заключается в том, что Байазид I действительно аннексировал Керасунт в 1400/1401 г. у Сулайман-бека ибн Хаджи Амира и возвратил его Великим Комнинам.

Эта акция османского султана могла бы иметь весьма глубокий смысл. Байазид, готовясь к войне с Тимуром, вероятно, вполне реалистично оценивал всю непредсказуемость ее исхода и предполагал ее затяжной характер. Он вряд ли мог представить себе, что проиграет и будет пленен в первом же сражении. В преддверии великой войны он мог сделать некоторые уступки своим прежним врагам в обмен на их лояльность в период борьбы с чагатайским воинством. Это было бы вполне объяснимым. Ведь османы оказались, по-существу, в полной политической изоляции: свергнутые Байазидом эмиры анатолийских княжеств Гермиан, Сарухан, Ментеше, Айдын, а также эмиры Караман, Кастамона, Эрзинджана открыто поддержали эмира Тимура, в котором увидели своего освободителя⁷¹. Не могло быть и речи о поддержке Байазиду со стороны западноевропейских христиан и, особенно, Венеции, проявлявшей особую активность в регионе.

В этой ситуации Байазид, возможно, попытался расколоть единый фронт своих врагов. Константинополю он, вероятно, сулил неприкосновенность, Мутуххартану он гарантировал власть в Эрзинджане. Одновременно с этим Байазид I заставил эмира Мутаххартана исполнить роль в хитром тактическом маневре: готовясь войне с Тимуром, он хотел посредством миссии Мутаххартана выиграть время и усыпить внимание чагатайского эмира.

Если следовать этой логике, то нет ничего удивительного в том, что он передал Керасунт Великим Комнинам как залог их лояльности в надвигающейся войне. Байазид тем самым укреплял свои тылы.

Судя по действиям Мутаххартана, примирительные шаги Байазиды имели успех и, вероятно, вызвали гнев Тимура. Мы предполагаем, что такая же двойственность в позиции Трапезунда подтолкнула Тимура еще зимой 1401/1402 г. пригрозить личным посещением граничащих с Трапезундской империей земель, а весной 1402 г. продемонстрировать Трапезунду свою военную мощь.

⁶⁹ *Johannes Schiltberger*. S. 97: «Also zugen mir wider von dann in ein Stat, genant Kereson. Es ist auch ein Land das gehört zu dem obgenanten Küngrich, genant Lasia... (i. e. Trabesanda [cf.: S. 95–96]. — *P. Ш.*)».

⁷⁰ Клавихо, проплывший мимо Керасунта в 1404 г., никак не обозначил принадлежность Керасунта (*Клавихо*. С. 117; cf.: *Zachariadou* E. *Trebizond and the Turks*. P. 345; *Byrer* A. *Greeks and Turks*. P. 131–132).

⁷¹ *Жуков* К. А. Эгейские эмираты. С. 58–59.

Рубеж веков, а именно 1400–1402 гг., один из наиболее неясных периодов в истории Трапезундской империи, и в то же время, судя по намекам содержащимся в источниках, период весьма насыщенный значительными, быть может, даже катастрофическими событиями. В записках Клавихо, где он повествует о недавней истории Трапезундской империи, содержится упоминание о поддержанном понтийской знатью мятеже Алексея (будущий император Алексей IV), сына и соправителя императора Мануила III Великого Комнина, против своего отца. По гипотезе Э. Брайера, этот мятеж, в ходе которого Алексей мог провозгласить себя самодержцем, произошел в это же самое время — в 1401–1402 гг.⁷² Датировка Э. Брайера вероятна еще и потому, что само внешнеполитическое окружение империи в то время как бы подталкивало тех, кто был недоволен политикой Мануила III, к попытке переворота. Не исключено, что Алексей и трапезундская знать восстали против союза с Байазидом, который купил за Кераунт дружбу Мануила III. Однако ультиматум Тимура, нашедший поддержку в среде мятежной трапезундской знати, окончательно не вернул Мануила III в чагатайский лагерь.

Отметим и другое весьма знаменательное совпадение: именно на 1400 г. приходится максимальное число снаряженных венецианцами судов для отправки в Трапезунд, и неожиданное падение их числа для 1401 и 1402 гг.⁷³, что было знаком неурядиц, разразившихся в империи в это время.

Клавихо так заключает свой рассказ о раздоре и последующем примирении между василевсами — отцом и сыном: «однако после произошло много бесестия, и беды, и вреда этому императору из-за того, что он держал при себе этого вельможу» — т. е. *хурджи* (Horgi), по вине которого и произошла ссора⁷⁴. Эта фраза, без сомнения, указывает на то, что Клавихо записал в своем «Дневнике» далеко не все, что знал об этом деле.

Да, по-видимому, империя (или ее император Мануил III) и в самом деле претерпела и «много бесестия, и беды, и вреда» за эти 2–3 года, которые были ценой, уплаченной Великими Комнинами за возвращение второго по значению города империи Кераунта. Вместе с тем, вероятно, именно в эти годы османы нанесли смертельный удар эмирам Халивии из рода Хаджи Амира и, тем самым, предопределили переход этого княжества под власть Великих Комнинов после 1404 г. (см. выше гл. III).

⁷² Клавихо. С. 117–118; Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholariol // Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for R. Browing / Ed. Ann Moffatt. Canberra, 1984. (=Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / Variorum collected studies series. L., 1988. № VII). P. 317–318.

⁷³ Thiriet F. Régestes de délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. P., 1959. T. 2. № 974, 975, 981, 1001, 1038.

⁷⁴ Клавихо. С. 118. О титуле *хурджи* см. Шукуров Р. Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Вып. 2 / Под ред. С. П. Карпова М. 1995. С. 92–93.

7. ПОСЛЕ АНКАРСКОГО СРАЖЕНИЯ

28 июля 1402 г. произошло знаменитое Анкарское сражение, в результате которого османская армия перестала существовать, а сам Байазид попал в плен к Тимуру. Одной из немаловажных причин поражения турков явилась полная политическая изоляция султаната, которую, вероятно, и пытался преодолеть Байазид незадолго до Анкарского сражения. У османов не только не оказалось искренних и деятельных союзников, более того, их собственная армия, в значительной степени набранная в недавно покоренных антолийских землях, оказалась нелояльной по отношению к своему султану. Отряды, набранные в Сарухане, Айдыне, Ментеше, Хамиде, Гермияне покинули Байазидов и перешли на сторону Тимура уже в ходе самого сражения⁷⁵.

Летом 1402 г., после того как чагатайская армия вышла к Мраморному морю⁷⁶, Тимур потребовал от Константинополя и генуэзцев дани и подтверждения покорности. Византия и Пера подтвердили свою верность, византийско-генуэзское посольство отправилось из Константинополя 2 сентября 1402 г. и застало Тимура по дороге к Эфесу в Алтунташе⁷⁷. По сообщениям персидских историков⁷⁸, послы привезли дань в золотой монете, удостоверили покорность своих государей и просили прощение у

⁷⁵ Жуков К. А. Эгейские эмираты. С. 59.

⁷⁶ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 454; *Ducas*. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958. P. 103. В рассказе о взятии Нихен персидский хронист сообщает, что этот город расположен «вблизи пролива Ускуодар и переправы к Галате и Истанбулу»: در نزدیکی بنای اسکندر و گذار غلطه و استنبول. Чагатайское войнство знало точно, куда двигаться дальше, чтобы попасть в Константинополь.

⁷⁷ *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne. P. 86, 132; *Matschke K. P.* Die Schlacht. S. 66–67; *Dölger Fr.* Regesten. Bd. 5. S. 74. № 3199. В отношении датировки этого посольства ср.: *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Bd. 2. S. 371–373.

⁷⁸ Рассказ о прибытии византийских послов в лагерь Тимура содержится во многих восточных источниках. Все известные нам подробные рассказы о византийском посольстве восходят к одному источнику и изобилуют текстуальными совпадениями. Одна из наиболее полных и необычных версий его встретилась нам в рукописи «Равзат ал-сафа» Мирх'анда (*Мирх'анд*. Равзат ал-сафа. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 278. Л. 254). Приводим эту версию в орфографии оригинала:

و چند نفر را با ایلچی کری بچند جا فرستاد و ازان جمله دو کس را بقسطنطنیه که مشهور باستنبول است پیش حاکم آن دیار تاکور نام ارسال نمود >>> در این اثنا فرستادگان استنبول باز آمدند و تاکور رسول سخن بان همراه ایشان کرده بود و فلوری بسیار و تحف و تبرکات بیشمار مصحوب او گردانید و ملحق سخن آنکه من یکی از بندکان درگاه کیتی بنامم و دل بمصادقت و متابعت عتبه علیا بسته و چشم بفرمان واجب الاذعان پادشاه جهانکشی کشاده باج و جزیه قبول دارم و از نزاع و مخالفت بیزارم حضرت صاحب قران جزیه بر حاکم استنبول مقرر فرمود و فرستاده را خلعت داده رخصت مراجعت ارزانی فرمود.

Тимура за прежние прегрешения⁷⁹. Как мы показали выше, послы, вероятно, имели в виду попытку византийцев пойти на сговор с турками в 1401–1402 гг. Испрошенное прощение было даровано, и послы с подарками от эмира Тимура вернулись в Константинополь.

В Константинополе вздохнули с облегчением, когда поняли, что эмир Тимур не собирается переправляться в Европу. Неожиданное появление Тимура в Анатолии и столь же молниеносное его исчезновение казались невероятным чудом. Благодаря этому чуду, Константинополь не только избежал от неминуемого разгрома Байазидом I, но и расширил свои владения на Балканах, и более того, даже приобрел несколько крепостей в Малой Азии⁸⁰.

Перевод: «Несколько человек [эмир Тимур] послал в качестве послов в некоторые земли. В частности, двух человек отправил в Константинополь, известный как Истанбул, к правителю той страны, именуемому Таквар. <...> В это время посланные в Истанбул вернулись, Таквар прислал с ними красноречивого посланника, а его сопроводил множеством *флоринов*, даров и почетных подношений и присовокупил слова: "Я — один из рабов Дворца, Убежища Вселенной. Связав свое сердце искренней дружбой и покорностью Высокому Дворцу и ожидая с открытыми глазами обязательных для исполнения повелений Покорителя Вселенной, я беру на себя [выплату] дани и джизии и раскаиваюсь из-за своего противления и вражды". Его Величество Сахибкиран (т. е. Тимур. — Р. Ш.) назначил джизью правителю Истанбула и, наградив посланника почетной одеждой, разрешил ему вернуться».

Под «Такваром» подразумевается «византийский василевс» (регент Иоанн VII). Слово это, вероятно, армянского происхождения, на Востоке им обычно обозначали византийских василевсов и армянских царей. Сахибкиран — арабо-персидское почетное именование Тимура, обозначавшее «рожденный под счастливым сочетанием звезд».

В других персидских версиях этого рассказа отсутствует упоминание о историческом искусстве византийского посла; отсутствуют и сведения о враждебных действиях византийцев, за которые они раскаиваются. Кроме того, в этом отрывке слова василевса даются прямой речью, что может указывать на то, что они восходят к самому тексту письма регента Иоанна VII к Тимуру.

С другой стороны, версия в печатном издании хроники Али Йазди, которой и пользуются большинство исследователей, добавляет, что, во-первых, Тимур отправил посольство в Константинополь с угрозами переправиться через Босфор, если византийцы не признают его власть, во-вторых, «послы Таквара подтвердили договором и клятвой» обязательство выплачивать джизью. (*Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 462–463; cf.: *Sami*. Vol. 1. P. 264; *Abd al-Razzaq Samarqandi*. *Matla' al-sa'adayn*. Fol. 327). Другие сведения о сношениях Византии и Тимура см. также: *Barker J.* Manuel II Palaeologus. Appendix XVIII. P. 504–512.

⁷⁹ Помимо отмеченного выше сближения с Байазидом до Анкарского сражения, после Анкары византийцы помогли туркам переправиться в Европу, а также вели переговоры с Генуей и Венецией о совместных мерах по предотвращению вторжения чагатайцев в европейские земли (*Клавихо*. С. 145; *Ibn Arabshah* (J. Sanders). P. 185–186; *Dölger Fr. Regesten*. Bd. 5. S. 89. № 3294).

⁸⁰ *Ducas*. P. 113 (XVIII, 2), 133 (XX, 1); *Chalkokondyles*. Vol. 1. P. 163 (καὶ Ζητοῦν καὶ παράλιον τῆς Ἀσίας χώραν); *Bakalopoulos A.* Les limites de l'empire

Ничего неизвестно о том, сделали ли какие-либо территориальные приобретения в эту эпоху Великие Комнины, однако очевидно, что они долго оставались в сфере влияния Тимура и его потомков. В 1404–1405 гг. Клавихо свидетельствует о сохранении зависимости Трапезундской империи от Тимура. Трапезундский василевс радушно принял кастильских и чагатайских послов и исполнил все, что было в его силах, чтобы обеспечить их безопасность, действуя, как видно, в соответствии с обещаниями, данными Тимуру. Интересно, что и полунезависимый понтийский династ Лев Кавазит, с которым пришлось столкнуться послам на южной границе империи, согласился с тем, что Тимур обладает верховной властью над владениями Великих Комнинов⁸¹.

В персидских источниках Константинополь и Трапезунд также продолжают фигурировать как часть Чагатайской империи и после ухода Тимура из Анатолии. Поначалу наместником Тимура в западной части чагатайской империи считался Мираншах⁸². Однако уже после грузинского похода 1403 г. Тимур пожаловал Армении, Азербайджан и Грузию, включая Трапезунд («Байлакан, Барда, Гянджу, весь Арран, Армению и Грузию вместе с Трапезундом») в удел своему внуку Халил-Султану, младшему сыну Мираншаха⁸³. Чуть позже (март 1404 г.) эти самые земли, названные в источнике «уделом Хулагу», включавшим в себя Кавказ, Западный Иран, Сирию, Ирак и «Рум до Истанбула», эмир Тимур передал Умар-Мирзе, старшему сыну Мираншаха⁸⁴.

Законными наследниками западной части империи после смерти Тимура (18 февраля 1405 г.), по всей видимости, продолжали считаться Халил-Султан вместе с своим отцом Мираншахом. Со смертью эмира Тимура, когда началась борьба между его многочисленными сыновьями и

byzantine depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // BZ. 1962. Bd. 55/1. P. 56–65 (особенно p. 60–61); Dennis G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. XXXIII; Barker J. W. Manuel II Paleologus. P. 504–505.

По сообщению восточных источников, под византийскую власть перешли по меньшей мере четыре крепости на малоазийском побережье Пропонтиды, располагавшиеся на пути между Хрисополем и Никомидией (Карталимен/Каргал, Пантхион/Ландик, Ливисса/Гебзе, Брунга/Хереке). Таким образом, анатолийские турки были лишены контроля над переправой из Азии к Константинополю. Эти крепости были возвращены османами только в правление Мехмеда I ок. 1421 г. (датыровка по Ашикпаша-заде). См., например: *Идрис Будлиси*. Хашт бихишт. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 387. Л. 212 об; *‘Ashiqpashazada ta’rikhi*. Istanbul, 1332. P. 133.

⁸¹ Клавихо. С. 127.

⁸² Мираншах был третьим сыном Тимура. Подробную генеалогию Тимуридов см., например: *Kehren L. Tamerlan*. P. 244.

⁸³ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 521 ff.; *Шарафуддин Али Язди*. Зафарнама / Нашра тайерлаш А. Уринбоевники. Тошкант, 1972. Л. 443; *Fallmerayer J.* Geschichte. S. 233; *Minorovsky V., Bosworth C. E.* Al-Kurdj // EI². P. 429.

⁸⁴ *Ali Yazdi*. Vol. 2. P. 569; *Hafiz-i Abru*. Zayl-i ta’rikh-i Zafarnama-yi Shami. Tehran, 1949. P. 13.

внуками за власть в различных частях империи, Халил-Султан, не без ведома своего отца, попытался утвердиться в восточной столице империи — в Самарканде. В связи с этим в середине 1405 г. Шахрух, один из сыновей Тимура, воцарившийся в Хорасане (1405–1447), в письме к своему старшему брату Мираншаху резко осудил Халила-Султана за попытку овладеть Мавераннахром (Центральной Азией). Шахрух полагал, что сыну Мираншаха следует «удовлетвориться областями Байлакана, Барда, Грузии, Армении, Тифлиса вплоть до границ Трапезунда, каждая из которых является [самой] цветущей частью ойкумены, и отправиться в ту страну», оставив Мавераннахр царевичу Пир Мухаммаду, другому внуку Тимура⁸⁵.

Халил-Султан до 1409 г. продолжал борьбу за Мавераннахр, так и не предприняв ничего серьезного в своем наследственном «западном» уделе⁸⁶. После гибели Халил-Султана в 1411 г. (его отец Мираншах умер еще в 1408 г.) значительной частью западного удела овладевает Шахрух (1405–1447), который наследует антиосманскую ориентацию своего отца эмира Тимура.

8. ТРАПЕЗУНД, КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ШАХРУХ

Еще эмир Тимур на рубеже XIV и XV вв. целенаправленно создавал предпосылки для структурирования и укрепления в Восточной Анатолии власти своих сателлитов, которым отводилась роль заградительного буфера для продвижения на восток Османов, а также и плацдарма для будущих завоевательных кампаний Тимура в западном направлении. Так, в 1400 г. Тимур разгромил государства Кара-Йусуфа, предводителя туркмен *кара-куйунлу*, и багдадского султана Ахмада Джалаири, которые при поддержке Байазиды намеревались остановить продвижение чагатайского эмира на запад за пределы Ирана. Далее Тимур приложил много усилий для укрепления в Восточной Анатолии власти своих вассалов, в первую очередь, эмира Мутаххартана, а также союзников последнего — туркмен *ак-куйунлу*.

Однако Мутаххартан умер в 1403 г. Вместе с тем, сразу после смерти Тимура, Кара-Йусуф Кара-Куйунлу, вернувшись из своего османского изгнания, приступил к отвоеванию Азербайджана и Ирака у Тимуридов. Обе области и часть Восточной Анатолии вновь оказались во власти

⁸⁵ *Tag̃as-Salmani*. Šams al'husn. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 / Persischer Text ins Deutsche übertragen und kommentiert von H. R. Roemer. Wiesbaden, 1956. Fol. 72^r (Übers.: S. 53):

بسويه بيلغان و بردع و كرچستان و ارمنيه و تغليس تا بحدود طرايزون كه هرين
معموره ربع مسكون است قناعت كرد[ه] روانه آن مملكت شود

⁸⁶ *Barthold W. Khalil-sultan* // EI¹; The Cambridge History of Iran. Vol. 6. P. 100–101.

Кара-Йусуфа, союзника Османов и злейшего врага Тимура и его наследников⁸⁷.

Однако это вовсе не означало, что Тимуриды окончательно утратили влияние в Анатолии. Поддержка Шахруха концентрируется на эмирах *ак-куйунлу*. Именно Шахрух, по существу, обеспечил превращение эмирата *ак-куйунлу* уже позже, в начале 1450-х гг., в мощную державу⁸⁸.

Одно из писем туркменского эмира *ак-куйунлу* Кара-Йулука Усманбека (1403–1435) указывает на вовлеченность Великих Комнинов и Палеологов в соперничество между Османами и Тимуридским Ираном. Письмо составлено до февраля 1417 г., вероятно еще в 1416 г. Эмир Кара-Йулук призывает Шахруха прибыть в Западный Иран и Анатолию, дабы тот помог ему справиться с туркменами *кара-куйунлу*, союзниками Османов⁸⁹.

В частности, обосновывая необходимость вторжения иранских войск в Анатолию и сообщая о благоприятных предпосылках для этого в анатолийской военно-политической ситуации, эмир *ак-куйунлу* писал, что от «эмира Мухаммада Караманийского, Исфандийара Кастамонийского, хакима Хамид-или Хусайн-бека, Хизр-бека — потомка Джунайд-бека Измирского, хакима *зиль-кадр* Сулайман-бека, такфур Трапезунда, такфур Константинополя и царей Грузии — ото всех получены грамоты повиновения»⁹⁰. Назван так же еще ряд мусульманских государей, подтвердивших свою приверженность Шахруху.

Все перечисленные государи, включая константинопольского и трапезундского василевсов, в свое время признали свою зависимость от Тимура. Следовательно, в неких письмах, написанных до 1416/1417 г., они удостоверяли свою приверженность Шахруху как верховному обладателю сюзеренных прав Тимура. Причем, утверждение, что такая грамота была получена от византийцев — константинопольского и трапезундского василевсов (очевидно, имеются в виду Мануил II Палеолог (1391–1425) и Мануил III Великий Комнин) являются уникальным указанием на существование дипломатических связей между византийскими землями и Тимуридским Ираном.

Какой реальный дипломатический смысл имели такого рода «грамоты повиновения»? Твердо можно сказать, что они имели вполне определенный политический вес вплоть до конца правления Шахруха.

⁸⁷ Savory R. M. The Struggle for Supremacy in Persia after the Death of Timur // DI. 1964. Vol. XL. P. 35–65.

⁸⁸ Об эмирате Ак-Куйунлу см.: Woods J. E. The Akquyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/9th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis; Chicago, 1976. См также: Savory R. M. The Struggle for Supremacy in Persia; The Cambridge History of Iran. Vol. 6. P. 157–158.

⁸⁹ Abd al-Husayn Nawai. P. 180–182. Это письмо упомянуто в: Stromer von Reichenbach W. F. König Siegmunds Gesandte in den Orient // Festschrift für Hermann Heimpel / Hrsg. von den Mitarbeitern des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Göttingen, 1972. Bd. 2. S. 599.

⁹⁰ Abd al-Husayn Nawai. P. 181; Feridun-bey Ahmet. T. 1. P. 153.

В первую очередь следует сказать, что письмо 1416/1417 г. напрямую связано с обострением соперничества в Анатолии между Османами и Тимуридским Ираном. Оно относится ко времени активной и не всегда счастливой для эмирата Ак-Куйунлу борьбы в Восточной Анатолии с вернувшимся из османского изгнания предводителем *кара-куйунлу* Кара-Йусуфом⁹¹.

Однако, дело не ограничивалось только борьбой за преобладание в Азербайджане и Восточной Анатолии. Как известно, эмир Тимур восстановил множество мелких независимых эмиратов Центральной и Западной Анатолии. В период Анатолийского похода все они получили от Тимура гарантии целостности и независимости их владений от Османов. Поэтому в борьбе с Османами, которые медленно, но верно наращивали давление на независимые эмираты (равно как и на Византию), анатолийские независимые правители апеллировали к помощи своего верховного сюзерена Шахруха, а будучи изгнанными со своих земель, нередко находили убежище в Иране. Эти факты хорошо известны, хотя и не получили до сих пор систематического освещения⁹².

Более того, сами османские султаны Мехмед I (1402–1421) и Мурад II (1421–1444) продолжали признавать Шахруха верховным владыкой, что особенно ясно видно в почтительных, а иногда и сервильных письмах Османов к иранскому Тимуриду⁹³. Страх перед Шахрухом подогревался циркулировавшими слухами о скором походе чагатайцев на Османов, как, например, прошедший слух о предполагаемом походе Шахруха на Каффу и в Кыпчацкую степь через Константинополь (!)⁹⁴. Иран, угрожая войной, продолжал активно вмешиваться во внутренние дела Османского султаната: когда в 1434/35 г. Шахрух потребовал от Мурада II изгнать

⁹¹ Подробнее: Woods J. E. The Aqquyunlu. P. 56–57.

⁹² См., например: Жуков К. А. Эгейские эмираты. С. 58–62, 70–76; Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age (1300–1600). L., 1973. P. 21, 32.

Приведем лишь некоторые из примеров, относящихся к лицам, упомянутым в письме Кара-Йулука. Так, известно, что султаны Караман всегда оставались верными союзниками Шахруха (*Абдурразок Самаркандий*. Матлаи саадайн. Тошкент, 1969. С. 178); эмир Хизр так же был покорен Шахруху (Жуков К. А. Эгейские эмираты. С. 70); в 1430 г. Исфандийар в очередной раз подтвердил свою лояльность Шахруху (*Abd al-Husayn Nawai*. P. 255–257); Ахмад Менгеше-оглу около 1426 г. искал помощи против османов у Шахруха (Жуков К. А. Эгейские эмираты. С. 75–76). В сфере влияния Тимуридов пребывала и Грузия, другой традиционный союзник Трапезунда, время от времени подтверждая свою приверженность Шахруху, как, например, это было в 1420 г., всего через 3–4 года после упомянутого письма Кара-Йулука (*Mirkh'and*. Ta'rikhi Rawzat al-safa. Tehran, 1960. Vol. 6. P. 656).

⁹³ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 164–165; 202–207; 229; 230–242. Известны монеты Мехмеда I с именем эмира Тимура: *Danışmend I. İzahlı Osmanlı tarihi kronolojisi*. İstanbul, 1947. T. I. S. 143.

⁹⁴ *Abd al-Husayn Nawai*. P. 174 (письмо Кара-Йусуфа к султану Мехмеду I).

бежавшего из Азербайджана в Турцию Искандара Кара-Куйунлу, османский султан подчинился и выслал Искандара за пределы страны⁹⁵.

Итак, возвращаясь к вопросу о связях между обоими византийскими государствами и Шахрухом, следует подчеркнуть, что существует масса косвенных данных, подтверждающих их наличие в отношении, по крайней мере, Трапезунда. Великие Комнины продолжали сохранять тесную связь со своим традиционным союзником в Анатолии — эмиратом Ак-Куйунлу, который являлся опорой западной политики Шахруха. Трапезундско-туркменский союз, в соответствии с традициями трапезундской дипломатии, был скреплен браком: вероятно, около 1422 г. Кара-Йулук Усман-бек женился на дочери, вероятно, Алексея IV Великого Комнина (1417–1429)⁹⁶.

Есть еще одно весомое подтверждение активного сотрудничества Трапезунда с *ак-куйунлу* в эту эпоху — причем, сотрудничества военного. По сообщению персидского хрониста Абу Бакра Тихрани, в 1422 г. Алексей IV прибыл с осадными орудиями на помощь к эмиру Кара-Йулук Усману под Эрзинджан:

«В окрестностях Эрзинджана султан Трапезунда прибыл в его (т. е. Усман-бека. — Р. Ш.) лагерь и доставил *manjanîq*, *arrâda*, *qarâbughrâ* в помощь и поддержку ему в покорении цитадели Эрзинджана»⁹⁷.

Союзники пытались в тот год отобрать Эрзинджан у Йар-Али, внука Мутаххартана, отдавшегося под власть султаната Кара-Куйунлу⁹⁸. В 1422 г. осада длилась 13 недель, но закончилась безуспешно⁹⁹.

⁹⁵ Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Баку, 1978–1981. Т. 1–2. Т. 2. С. 182.

⁹⁶ Ducas. P. 163–165; Kurşanskis M. La descendance d'Alexis IV empereur de Trébizonde (Contribution à la prosopographie des Grands Comnènes) // REB. 1979. T. 37. P. 244–246. Как показал М. Куршанскис, распространенное мнение о том, что Кара-Йулук был женат на дочери Алексея III, а его сын Али — на дочери Алексея IV, не имеет под собой оснований (ср., например: Nicol D. The Byzantine Family of Kantakouzenos. Washington, 1968. P. 169; Bryer A. Greeks and Turks. P. 149 note 142, 144).

⁹⁷ Abu Bakr Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya / Ed. N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1962–1964. Т. 1–2. Т. 1. P. 90:

و در حوالی ارزنجان سلطان طرابزون بمعسكر او التحاق یافت و به امداد و اسعاد او در تدبیر فتح قلعه منجنیق و عراده و قراپنرا رسانید

См., также: Kurşanskis M. La descendance d'Alexis IV. P. 244–246; Baykal B. S. Die Rivalität. S. 444; Шукуров Р. Китаби Дийарбакрийа Абу Бакра Тихрани о взаимоотношениях Трапезундской империи с тюркскими государствами Малой Азии в XIV–XV вв. // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 2. С. 347.

⁹⁸ Abu Bakr Tihrani. Т. 1. P. 76, 91.

⁹⁹ Sanjian A. K. Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969. 1422:2. Город был взят Кара-Йулук только через три года (Ibid. 1425:9).

Отметим, что в персидском тексте упоминается целый ряд осадных орудий, привезенных василевсом в помощь туркменам: *manjanīq*, *‘arrāda*, *qarābūghrā*¹⁰⁰; первые два термина, как правило, обозначали типично средневековые баллисты, однако под последним в персидском источнике могли подразумеваться огнестрельные орудия, артиллерия.

Отметим также, что это сообщение персидского хрониста не только содержит уникальные данные о наличии у трапезундцев специальных средств для осады городов (включая, скорее всего, и артиллерийский парк); оно также обозначило крайнюю южную точку военной активности понтийской греческой армии в XIV–XV вв.

Если вспомнить об участии византийских войск во главе с василевсом Мануилом II в анатолийских походах Байазидом I, то поход Алексея IV к Эрзинджану представляется сходным прецедентом¹⁰¹. Византийские экспедиционные корпуса в XIV–XV вв. продолжали действовать в турецкой Анатолии, но уже в составе армий мусульманских государей и защищая интересы последних. Однако если Мануил II воевал на стороне Байазидом вопреки своей воле, то Алексей IV был жизненно заинтересован в установлении контроля со стороны эмира ‘Усмана над Эрзинджаном, важнейшим стратегическим пунктом, который прикрывал подходы к сухопутным границам Трапезундской империи.

Тесная связь между Кара-Йулуком и Великими Комнинами удостоверяется и анатолийским армянским источником, который даже утверждал, что власть эмира Кара-Йулука распространялась и на Трапезунд¹⁰². Вообще, христиане-армяне, и, в особенности, те, кто населял Эрзинджан и его окрестности, были весьма довольны правлением ‘Усман-бека¹⁰³.

Связь между Великими Комнинами и Шахрухом, по всей видимости, осуществлялась не только через посредство эмирата Ак-Куйунлу. Великие Комнины, по утверждению Халкокондила и анонима Зораса, имели непосредственные сношения с какими-то Тимуридами, скорее всего с Шахрухом: между домом Великих Комнинов и Тимуридами существовали matrimonialные связи. Мы до сих пор не знаем, кто именно из представителей или (что вероятнее) представительниц понтийских Комнинов сочетался браком с Тимуридами, однако в свете приведенных выше фактов в наличии таких связей вряд ли можно сомневаться. За самого Тимура или кого-то из Тимуридов была выдана, скорее всего, некая дочь Мануила III¹⁰⁴.

¹⁰⁰ В. Хинц перевел *qarābūghrā* как «Minen»: *Hinz W. Irans Aufstieg zum Nationalstaat im Fünfzehnten Jahrhundert*. Berlin; Leipzig, 1936. S. 357.

¹⁰¹ *Zachariadou E. Manuel II Palaeologus*.

¹⁰² *Sanjian A. K. Colophons*. P. 210: <...> *Šah Awī’mān Bek*, whose rule stretched from *Xaran [Harran]* up to the Sea of Pontus, which is *Trapizon* <...>.

¹⁰³ *Sanjian A. K. Colophons*. 1425:9, 1435:2, 3; *Фома Мецопский*. История Тимурланка и его преемников. Баку, 1957. С. 69.

¹⁰⁴ *Chalkokondyles*. T. 2. P. 219²⁻³ о Великих Комнинах: «совершали браки с соседними варварами именуемыми “белобаранные”, и с внуками Тимура, которые

В отношении связей между Константинополем и Шахрухом, помимо комментируемого письма 1416/1417 г., не сохранилось других сведений. Однако известно, что дипломатическая деятельность Кара-Йулука, как представителя Шахруха на Западе, распространялась и на европейские территории. В марте 1431 г. послы Кара-Йулука прибыли с антиосманской миссией к императору Сигизмунду (1410–1437). В доставленном ими письме речь идет о состоянии дел и победах Шахруха, а также о готовящемся походе иранского воинства против Османов. Это обращение Кара-Йулука к императору Сигизмунду было вполне оправданным. Германский император был, пожалуй, наиболее деятельным врагом турок в ту эпоху, всерьез пытавшемся создать христиано-мусульманскую антиосманскую коалицию, которая бы включала в себя, в частности, и татар Крыма¹⁰⁵.

Таким образом, если исходить из общих тенденций в политико-дипломатическом противодействии Османам со стороны их противников в Анатолии и Европе, ориентация Константинополя в своей восточной политике на могущественного Шахруха была бы более чем логична. Ведь именно к Ирану апеллировали ближайшие соседи Византии (анатолийские эмираты, император Сигизмунд). Причем, как показывает дипломатическая активность Кара-Йулука, эмират Ак-Куйунлу, вероятно, именно благодаря своим связям с Трапезундом, стал главным посредником между христианскими державами и Тимуридским Ираном¹⁰⁶.

происходили от детей Джуки и Кара-Йусуфа»; Аноним Зораса еще более определенно указывает на «родственную связь» между Мануилом III («дедом василевса Давида») и Тимуром: καὶ εἶχε καὶ παλαῖον καὶ ὁ πάππος του συγγενεῖο μὲ τὸν Τσερελάνο (Chronikon peri ton tourkon sultanon / Ed. G. Zoras. Athena, 1960. P. 103^{26–27}; нем. перевод см.: Die Osmanen in Europa. Erinnerungen und Berichte türkischer Geschichtsschreiber / Ausgewählt und herausg. von S. Schreiner. Graz; Wien; Köln, 1985. S. 78).

Однако, М. Куршанскис показал, что брак представителя (а скорее всего — представителяницы) дома Великих Комнинов с каким-либо внуком (внучкой) Кара-Йусуфа Кара-Куйунлу и Джуки, сыном Шахруха, не был возможен. Таким образом, проблема матримониальных связей между Великими Комнинами и Тимуридами ожидает дальнейших уточнений (*Kurşanskis M. La descendance d'Alexis IV. P. 244–246*). Хотя не исключено, что Халкокондил, говоря о матримониальном союзе между Великими Комнинами и эмиром *кара-куйунлу* Кара-Йусуфом, ошибся в имени и на самом деле имел в виду Кара-Йулука, эмира *ак-куйунлу*, о чем писал, как упоминалось выше, и Михаил Дука.

¹⁰⁵ *Stromer von Reichenbach W. F. Eine Botschaft des Turkmenenfürsten Qara Yuluq an König Sigismund auf dem Nürnberger Reichstag am Marz 1431 // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. 1962. Bd. 22. S. 433–441.*

¹⁰⁶ *Ibid. S. 435.*

* * *

ск | Завоевания Тимура и его широкая дипломатическая активность в христианском мире инициировали зарождение качественно новых **полконфессиональных** (христиан-мусульманских) политико-дипломатических структур на обширных европейских и азиатских пространствах. Еще в эпоху монгольского нашествия намечались контуры «гетеро-конфессиональных» христианско-монгольских коалиций. Однако, логика этих альянсов оставалась в рамках традиционной антимусульманской направленности христианского мира, сложившейся еще в эпоху византийско-арабского соперничества и первых крестовых походов¹⁰⁷. Эмир Тимур впервые в истории христианско-мусульманских отношений на Ближнем Востоке столь последовательно и однозначно подчинил свою политику критериям политической выгоды, решительно отодвинув конфессиональный фактор на второй план. Другими словами, *он поставил интересы мировой империи выше интересов религиозной общины*. Византия, а вслед за ней и западноевропейские державы поняли и приняли новые правила игры, ибо последующая история антиосманского движения — это, одновременно, и история христиан-мусульманских коалиций.

см | Причем, как показывает наше исследование, Трапезундская империя находилась в эпицентре сложения этих новых тенденций в мировой политике. Великие Комнины, благодаря их прочным связям как в христианском, так и в мусульманском мирах, оказались главным связующим звеном в организации этих новых поликонфессиональных образований.

¹⁰⁷ Schmieder F. Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abenlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994. S. 90–117.

Глава V

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛВЕКА

1. ОСМАНЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ДЖАНИК

После Анкарского сражения в османских владениях на Понте утверждается один из сыновей Байазиды — Мехмед I, который получил от эмира Тимура (перед его уходом из Анатолии) регалии султанской власти. Таким образом, эмир Тимур, как верховный сюзерен, пожаловал Мехмеду I, своему вассалу, власть над анатолийскими владениями Байазиды. Некоторое время после завершения Анатолийской кампании Тимура, в 1403–1404 гг., Мехмед I продолжал чеканить монеты с именем Тимура. Еще в 1402–1403 гг. он укрепил свою власть в Амасье, Токате, Никсаре, Сивасе, а также попытался водвориться в понтийском Кара-Хисаре. Он успешно противостоял sporadическим атакам со стороны эмирата Кастамона и Синопа и ряда мелких туркменских эмиров, в числе которых был и эмир из рода Кубад-огуллары, бывший эмир Самсуна¹.

Уже в первые годы XV в. весь Джаник переходит по власть Мехмеда I, кроме эмиратов Таджиддин-огуллары, Хаджимир-огуллары и Кара-Хисара². Эмир Тимур не препятствовал действиям Мехмеда I, считая, по-

¹ *Neşri. Kitâb-i cihân-nüma / Yayınlayanlar F. R. Unat, M. A. Köymen. Ankara, 1949. T. I. P. 366–415; Uzunçarşılı I. H. Mehmed I // İA. Cüz 75. S. 497–498; Danişmend I. İzahlı Osmanlı tarihi kronolojisi. İstanbul, 1947. T. I. S. 143.*

² *Клавихо, Рюи Гонзалес де. Дневник путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 / Текст, перев. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 114.*

видимому, эти приобретения законными. Тимур лишь означил восточную границу распространения османов, оставив в Кемахе своего наместника с войском.

За время правления султана Мехмеда I (1413–1421) значительных приобретений, сравнимых с завоеваниями Байазидом, в этом регионе совершено не было. В результате двух походов предположительно в 1416 (или 1417, или 1418) и 1419 (или 1420/21) гг. османы аннексировали у эмира Джандар города Кангари, Тосью, Каледжик и медные рудники, оба (христианский и мусульманский) Самсуна и, возможно, на какое-то время смогли закрепиться в Кара-Хисаре, эмир которого Хасан-бек б. Малик Ахмад просил защиты у османов от агрессии туркмен *кара-куйунлу*³.

2. МУСТАФА ЧЕЛЕБИ И ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ

Вопрос о принадлежности Самсуна, одного из ключевых городов Понта, с 1402 по 1421 гг. не решен в деталях до сих пор. В 1404 г. Самсун принадлежал Сулайману Челеби, другому сыну Байазидом, правившему в Румели с 1402 по 1410 гг.⁴ До 1420 г. эмир Исфандийар из рода Джандаров захватил эмират Бафры и мусульманский Самсун и угрожал Самсуну христианскому, населенному в основном генуэзцами и греками. Генуэзцы покинули Самсун на кораблях, а город перешел в руки османов во главе с Хамза-беком, полководцем царевича Мурада (будущего султана Мурада II). Мурад призывает Мехмеда I явиться в Джаник, тот прибывает с войском, и в 1421 г. Исфандийар-бек уступает ему и мусульманский Самсун⁵. На вопрос, в связи с чем и когда произошел переход Самсуна под власть Исфандийар-бека — источники не дают никакого ответа.

³ *Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes* / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922. Т. 1. Р. 173–174; наиболее подробные османские источники об этих походах: *Идрис Будлиси*. Хашт бихишт. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН, С. 387. Л. 209 об; *Nesri*. Т. I. Р. 538–540; *Aşikpaşa-zade*. Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 126–127. В отношении датировки этих событий источники противоречат друг другу. Возможные датировки см.: *Uzunçarşılı İ. Mehmed I* // *IA*. Cüz 75. S. 501–503; *İnalcik H. Murad II* // *İA*. S. 598–599.

⁴ *Клавусо*. С. 113; *İnalcik H. Murad II*. S. 598.

⁵ *Tarikh-i taqwim* = *Turan O*. Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Ankara, 1954. Р. 23, 57; *Идрис Будлиси*. Л. 210 об; *Nesri*. Т. I. Р. 540–542; *Aşikpaşa-zade* (Kreutel). S. 127–129; *Sükrüllah=Seif Th*. Der Abschnitt über die Osmanen in Sükrüllahs persischer Universalgeschichte // *Mitteilungen zur osmanische Geschichte*. 1925. Bd. 2. S. 110; *İnalcik H. Murad II*. S. 598; *Sanjian A. K*. Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969. 1421:14.

Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что Самсун мог быть передан эмиру Исфандийару другим сыном Байазидом — Мустафой Челеби.

Мустафа Челеби был захвачен эмиром Тимуром в плен в ходе Анкарского сражения и отвезен им в Самарканд. После смерти Тимура Мустафа, как и многие другие знатные пленники, вернулся на родину и первое время находился при дворе султана Караман — Мухаммада. Затем он отправился в Синоп к эмиру Исфандийару, а от него в 1415 г. переправился в Европу, в Валахию. Такова общепринятая точка зрения на судьбу Мустафы в Анатолии⁶. Однако ряд фактов позволяет думать, что Мустафа, до того как оказался у Исфандийар-бека, побывал на Понте вне пределов его эмирата.

1) По данным письма одного из рагузских торговцев от 28 июня 1415 г., Мустафа боролся с Мехмедом I в «области Трапезунда». Это сообщение подтверждается и генуэзцами, прибывшими в Константинополь 15 июня 1415 г.⁷ Согласуется с этим известием и одно довольно смутное сообщение османского историка Муслих ал-Дина, не имеющее аналогов ни у турецких, ни у греческих авторов. Он говорит, что после победы османов над войсками султаната Караман (1414/1415) Мехмед I, оставшись в Брусе, своего визира Байазид-пашу «отправил в область Трапезунда, ибо там появилась некая ересь, свела некоторых с пути, одного слабоумного представляли пророком; упомянутый визир, мрак бытия тех людей разрушив, вернулся»⁸. Подробности этого сообщения очень неясны и, вероятно, неточны. Для нас важен тот факт, что здесь говорится о какой-то смуте именно в «области Трапезунда» Это свидетельство и по времени, и в месте согласуется с данными европейцев.

2) Известно, что в начале 1415 г. Мустафа ведет переговоры с венецианцами о предоставлении ему галеры, чтобы переправиться из Азии в Европу; в это же самое время турки начали нападать на венецианские галеры, идущие из Трапезунда⁹.

⁶ Chalkokondyles. T. I. P. 190; Ducas. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958. P. 155; Aşikpaşa-zade (Kreutel). S. 144–145; Жуков К. А. Эгейские эмираты. С. 65; Danişmend İ. İzahlı Osmanlı tarihi kronolojisi. S. 180–181, 184–187; Tekindag Ş. Mustafa // İA. S. 687–689.

⁷ Krekić B. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen âge. P., 1961. № 613. P. 264.

⁸ Муслих ал-Дин Мухаммад. Мир'ат ал-Адвар. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 427. Л. 245:

و بایزید پاشا وزیر بود بولایت طرابزون فرستاد زیرا که آنجا زندیقی پیدا شده بود و جمعی را گمراه ساخته آن غبی را نبی می پنداشتند. وزیر مذکور ظلمت وجود آن قوم را زایل ساخت باز گشت.

⁹ Thiriet F. Régestes de délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. P., 1959. T. 2. № 1564 (18 janv. 1415); Morosini Paolo. Historia della città e Repubblica di Venetia. Venezia, 1637. P. 394.

Из этих двух фактов следует, что, во-первых, Мустафа некоторое время находился восточнее эмирата Джандаров, ближе к Трапезунду — вряд ли генуэзские и рагузские торговцы могли спутать Синоп и Трапезунд; во-вторых, он был в каком-то порту, в котором не мог достать для себя лишь одного судна, что и заставило его обратиться к венецианцам. Этим портом восточнее Синопа, где трудно было найти судно, был скорее всего Самсун. Возможно, именно Мустафа передал порт Исфандийару — Мустафа переправился в Европу, возможно, на синопском судне¹⁰.

Э. Брайером была высказана мысль, что Мустафа Челеби искал поддержку в Трапезунде¹¹. В самом деле, источники слишком часто упоминают Трапезунд в связи с пребыванием Мустафы на Понте. Кроме уже упомянутых сообщений о борьбе Мустафы с войсками Мехмеда I в «области Трапезунда», известно также, что в январе 1415 г. на галере, шедшей из Трапезунда, прибыл «турок», посланец Мустафы к Мануилу II Палеологу и к венецианцам, с предложением заключить союз против Мехмеда I. Другой документ добавляет, что с эмиссаром Мустафы был некий «грек», вероятнее всего, трапезундский грек¹². И последнее, венецианские суда, как правило, не заходили в Самсун, поэтому, вероятно, что Мустафа, обратившись к Венеции за помощью, намеревался сесть на венецианский корабль в Трапезунде.

Таким образом, можно предположить, что Мустафа Челеби где-то на рубеже 1414 и 1415 гг. находился в Джанике, может быть, в Самсуне, а может быть и в Трапезунде. В своей борьбе против Мехмеда I, по крайней мере, дипломатической, он мог опираться на поддержку трапезундцев.

Определенно известно, что Мустафа уже к 10 июня 1415 г. был при дворе валахского воеводы Мирчи¹³. Следовательно, сведения о военных предприятиях Мустафы в «области Трапезунда» от 15 и 28 июня 1415 г. явно запоздавшие.

Следует отметить, что на время наибольшей активизации действий турок в Джанике приходится смерть трапезундского императора Мануила III (1417 г.). По слухам, сообщенным Перо Тафуром, Мануил III был убит своим сыном Алексеем, который обратился за помощью к Великому Турку,

¹⁰ *Chalkokondyles*. T. I. P. 190. На синопском судне переправился в Европу ранее и Муса Челеби (*Urudsch* = Die frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch / Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausg. und eingeleitet von Fr. Babinger. Hannover, 1925. S. 38; *Aşikpaşa-zade* (Kreutel). S. 118).

¹¹ *Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception* // DOP. 1975. Vol. 29. (*Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos / Collected studies series. L., 1980. № V). P. 130 note 58.

¹² *Jorga N. Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle* // ROL. 1896. T. 5. P. 225–226; *Thiriet F. Régestes de délibérations du Sénat*. T. 2. P. 131–132. № 1563–1564.

¹³ *Constantin Gh. J. Sur la date de passage par la Valachie du Cheikh Bedr ad-Din* // DI. T. 54 (1). 1977. P. 124–123; *Panaitescu P. P., Mioc B. Tara Românească*. T. I (1247–1500). Documenta Romaniae Historica. Bucarest, 1966. P. 80–81 note 38.

т. е. Мехмеду I¹⁴. Это сообщение Перо Тафура довольно трудно проверить. Не известна точно ни дата смерти Мануила III, ни обстоятельства ее.

Последние упоминания Мануила III и Алексея IV вместе как соправителей относятся к 883 г. армянского летоисчисления, т. е. с 8/XII 1413 г. по 7/XII 1414 г. Первое упоминание о том, что трапезундский престол занимает единственный император без соправителя, относится к марту 1416 г. Первое упоминание императором Алексея IV без упоминания его отца относится к сентябрю 1416 г. Однако, вероятно, лишь в октябре 1417 г. Алексей IV стал единоличным правителем¹⁵. Судя по ряду этих фактов, вполне можно допустить, что Мустафа Челеби действительно мог быть поддержан Мануилом III, что определенно вызвало недовольство турок. Этим мог воспользоваться Алексей IV, который при поддержке турок устранил от власти своего отца и позже, как передает Тафур, убил его.

3. КОНЕЦ ДЖАНИКСКОГО ЭМИРАТА

В период правления султана Мурада II (1421–1451), преемника Мехмеда I, активность османов в пределах Понта еще более понижается. Это следует объяснять активизацией военных действий на Балканах. Византийцы делают активные попытки переломить ход борьбы, прибегая для этого ко всем возможным средствам: от поддержки турецких мятежников до попыток организовать крестовый поход против османов. Серьезную угрозу для османов представляли албанский правитель Скандербег, трансильванский воевода Янош Хуньяди (1440–1467) и особенно крестовый поход 1443–1444 гг. Обостряется конфронтация и в центре Малой Азии с султаном государства Караман Тадж ал-Дином Ибрахимом.

В понтийской области Мехмедом I была создана довольно устойчивая система. Политическая раздробленность региона была практически уничтожена. Из бывшего многообразия мелких государств на Понте остался лишь единственный суверенный эмират — Хасана б. Алп-Арслана Таджидин-огуллары. Халивия — владения потомков Хаджи Амира, возможно, к этому времени перешли под контроль Великих Комнинов (см. выше в гл. III и IV), Юго-восточнее располагался эмират туркмен *ак-куйунлу*, не представлявший пока угрозы для турков.

Правда, эмир Синопа и Кастамона Исфандийар сделал слабую попытку воспользоваться сменой власти в османском государстве и выступил против крепости Сафранболу. В 1424 г. Мурад II отправляется ему на-

¹⁴ *Pero Tafur. Travels and Adventures (1439–1453) / Transl. and ed. with an introd. by M. Letts. L., 1926. P. 130.*

¹⁵ О проблеме власти в империи в 1414–1417 гг. см.: *Oikonomidès N. Prostagma Alexiou II tou Megalou Komnenou peri tes en Atho mones tou Dionysiou // Neos Athaenion. 1955. T. 1. P. 18–20; Bryer A. The Faithless. P. 315–316. В работе Э. Брайера даны подробные указания на литературу и источники.*

встречу, его сопровождает эмир Касым, сын Исфандийара, получивший от Мехмеда I во владения бывшие земли своего отца — крепость Кангар (визант. Гангра) и другие области¹⁶. У Болу произошло сражение, и Исфандийар, разбитый, бежал. Вскоре Мурад II захватывает Кастамон. Чуть позже между домом османов и Джандарами совершается ряд династических браков, формально примиривших враждовавшие державы¹⁷.

Что касается Джаникского эмирата, то это одно из последних независимых княжеств мусульманского Понта, владение потомков Тадж ал-Дина, окончило свое существование в 831 г. Х. (X/1427–X/1428). В этом году эмир Хасан-бек б. Алп-Арслан сдался, что знаменательно, по первому требованию османского военачальника Йаргуч-паши. Хасан-бек был брошен в темницу в Брусе, а его семья содержалась под арестом в Амасье. Хасан-беку удалось бежать из заключения, но через два года после этого он возвратился к Мураду II по доброй воле и получил от него землю в Румелии, а также воссоединился с семьей¹⁸.

Примерно в это же время под власть османов переходит и Лимния (в 20-е – 30-е гг.)¹⁹, принадлежавшая со второй половины XIV в. эмирату Джаник²⁰. Как было показано выше (гл. III), восточная материковая граница Османского султаната установилась по реке Мелет. Восточнее, по-видимому, лежали земли Великих Комнинов. Таким образом, османы, по всей видимости, вновь вышли на западную границу Трапезундской империи и вошли в непосредственное соприкосновение с понтийским греческим анклавом. О том, как это отразилось на дальнейшей истории Трапезундской империи, и пойдет речь ниже.

4. ПЕРВЫЙ ПОХОД ТУРКОВ НА ТРАПЕЗУНД

Падение эмирата Джаник в 1427/28 г. было не единственным значительным событием на Понте в эпоху Мурада II. Морской поход османов в царствование Мурада II против Трапезунда и Крыма, о котором

¹⁶ См. выше в этой главе.

¹⁷ *Asikpaşa-zade* (Kreutel). S. 146–147; *Urudsch*. S. 48; *Tarikh-i taqvim*. P. 23, 59; *Uzunçarşılı I. H. Çelebi sultan Mehmedin kızı Selcuk Hatun kemine evlendi* // *Bulleten*. 1957. T. 21. S. 253–255; *Idem*. Mehmed I. S. 506; *Yücel Y. Candar-oglu Çelebi Isfandiyar bey, 1392–1439* // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 1964. T. 2. S. 157–174.

¹⁸ *Asikpaşa-zade* (Kreutel). S. 159–160; *Urudsch*. S. 114. В тексте Ашикпаша-заде говорится о «Сыне Алп-Арслана». Известно, что в конце 1410-х гг. во главе Джаникского эмирата стоял Хасан-бек ибн Алп-Арслан (*Neşri*. T. I. P. 538; *Şükrullah*. S. 110), так что, скорее всего, хронист имел в виду именно этого сына Алп-Арслана — Хасан-бека.

¹⁹ *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. Гл. I, сн. 271.

²⁰ *Bryer A., Winfield D.* *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 63 (см. также выше в гл. III настоящей работы).

сообщал Халкокондил, как мы покажем, относился к этому же времени. Халкокондил писал²¹:

«И такие заботы были у него²² с самого начала (ταῦτα μὲν δὴ ἐς τὴν ἀρχὴν οὕτως ἔσχευεν αὐτῷ τὰ πράγματα). Амурат после этого отослал в землю Колхиду триеры, чтобы они вторглись в страну и разорили город [Трапезунд], если смогут, [и] чтобы поплыли в Готию и, где возможно, высадившись, ограбили страну. Отплыв, достигли триеры земли Колхиды и, в Готию прибыв, ограбивши землю, немало ее опустошили. Зима была сурова для возвращавшегося флота, и поднявшийся северный ветер погнал [его] в Азию к Понтираклии, и некоторые [из кораблей], будучи туда сносимы, погибли, и было такое-то вот несчастье».

Под Колхидой Халкокондил обычно подразумевал территорию Трапезундской империи²³, «городом» же он несомненно именует тут Трапезунд. По мнению В. Томашека, поддержанному А. А. Васильевым, под «Готией» следует понимать крымское греческое княжество Феодоро с центром в Мангупе, которое находилось в тесном союзе с Великими Комнинами²⁴.

В. Томашек, первым комментировавший этот отрывок, датирует османский морской поход 1446 г.; У. Миллер (вслед за ним и Э. Жансан) — 1442 г.²⁵ Как представляется, обе эти датировки ошибочны.

Даты 1446 и 1442 гг. избраны, по всей видимости, на основе того, что до интересующего нас отрывка Халкокондил упоминает события 1441 г. Однако легко заметить, что в этой части хроники, повествующей о начале царствования Мурада II, Халкокондил совершенно не соблюдает хронологической последовательности событий. В ней присутствует также ряд довольно отдаленных отступлений²⁶. Только по одной этой части можно понять, что «История» Халкокондила — собственно, материал для написания «Истории», но не законченный труд, отредактированный и упорядоченный автором.

В. Томашек и У. Миллер не обратили внимания на то, что отрывок о морской экспедиции турок логически не связан ни с последующим, ни с предыдущим текстом. Сороковые годы никак не назвать «самым началом» царствования Мурада II, следовательно, и сам Халкокондил относил

²¹ *Chalkokondyles*. Т. 2. Р. 37¹⁶–38³.

²² Т. е. у османского султана Мурада II.

²³ См. выше в гл. IV настоящей работы.

²⁴ *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. Vienna, 1981. S. 53; *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. P. 224.

²⁵ *Tomaschek W.* Die Goten. S. 53; *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926. P. 85; *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. P. 134. Cf.: *Vasiliev A.* The Goths. P. 224.

²⁶ Вот некоторые примеры: *Chalkokondyles*. Т. II. Р. 1–13: 1421–1423 гг.; Р. 14: 1430 г.; Р. 16: 1423 г.; Р. 17: 1424 г.; Р. 18: 1429 г.; Р. 19–20: 1428–1430 гг.; Р. 20: 1424 г.; Р. 23: 1424, 1439 гг.; Р. 24–25: 1440 г. и т.д.

эти события к более раннему времени, а отрывок о них повествующий по тем или иным причинам попал именно в эту часть хроники случайно.

Мы склонны датировать эту экспедицию более ранним временем, а именно 1427/28 г., т. е. через 6 или 7 лет после восшествия Мурада II на османский престол (1421 г.). Носила она, вероятно, карательную цель — наказать Великих Комнинов за антитурецкий союз с Палеологами. Не задолго до этого, в 1425–1427 гг. в Трапезунде находилось посольство Палеологов во главе со знаменитым Виссарионом, будущим никейским епископом, целью которого было укрепить взаимоотношения между обоими правящими домами перед лицом османской экспансии²⁷. Если исходить из внутренней истории империи в 20-х и 30-х гг. XV в., проясненной публикациями В. Лорана, М. Куршанскиса и Э. Брайера²⁸, то дата 1427/28 г. для морского похода турок на Трапезунд более чем предпочтительна. Согласно упомянутым публикациям, как раз в это время Трапезундская империя была охвачена внутренней распрей, которая, вполне возможно, явилась дополнительной причиной этой кажущейся неожиданной акции османов.

Итак, приступим к развернутой аргументации нашей гипотезы.

5. ИОАНН IV ВЕЛИКИЙ КОМНИН И СУЛТАН МУРАД II

Сын и соправитель императора Алексея IV Иоанн (правил как Иоанн IV в 1429–1460 гг.), восстал при поддержке части понтийской знати против своих родителей и бежал из Трапезунда до 12 ноября 1428 г. Сначала Иоанн находился в Грузии при дворе Александра Великого (1412–1443). К 8 ноября 1427 г. он оказался в Каффе, где побуждал генуэзцев помочь ему утвердиться на троне в Трапезунде²⁹. В конце концов, Иоанн выса-

²⁷ *Chrysanthos*. Bessarionos prosphonema pros ton eusebestaton basilea tes Trapezountos Alexion ton Meg. Komnenon // AP. 1946. T. 12. P. 117–130; *Idem*. He ekklesia Trapezountos // AP. 1933. T. 4/5. P. 270–271; *Stormon E. J.* Bessarion before the Council of Florence. A survey of his early writings (1423–1437) // *Byzantine Papers* / Ed. E. & M. Jeffreys, A. Moffatt. Canberra, 1981. P. 133.

²⁸ *Laurent V.* Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV – Jean IV et David II // AP. 1953. T. 18. P. 250–255; *Idem*. L'Assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (1429). Date et circonstances // AP. 1955. T. 20. P. 138–143; *Kuršanskis M.* La descendance d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (Contribution à la prosopographie des Grands Comnènes) // REB. 1979. T. 37. P. 239–247; *Bryer A.* The Faithless Kabazitai and Scholarioi. P. 309–327.

²⁹ *Chalkokondyles*. T. 2. P. 220; *Jorga N.* Notes. T. 4. P. 463–464; *Laurent V.* L'Assassinat. P. 138–142; *Kuršanskis M.* La descendance. P. 240–241; *Bryer A.* The Faithless Kabazitai and Scholarioi. P. 318–320.

дился с геноуэзского судна в Кордилье, его приверженцы, архонты из фамилий Кавазитов и Схολариов, 26 апреля 1429 г. убили Алексея IV, и Иоанн овладел трон³⁰.

В 1438 г. Перо Тафур засвидетельствовал, что Иоанн IV был женат на «дочери турка», т. е. мусульманке и имел своим сторонником «Великого Турка» (т. е. османского султана Мурада II). Как император объяснил Тафуру, он женился на турчанке с намерением обратить ее в христианство³¹. Вряд ли Тафур мог «напутать» в этом вопросе — он лично посетил Трапезунд и был принят при дворе. Клеветать на государя Великого Комнина у него, как кажется, не было причин. Более того, сведения о тесной связи между Иоанном IV и Мурадом II прослеживаются и в греческой хронистике того времени.

На дружественные отношения между Иоанном IV и Мурадом II, кроме сведений Тафура, указывает и известный диалог между Иоанном IV и Георгием Сфрандзи, произошедший по случаю прибытия вестей о смерти Мурада II. Вот что передает Сфрандзи о словах Иоанна IV:

«И говорит мне о смерти эмира, и что сын его стал властителем, и [прежде] дал он многое царю [Иоанну], и пожелал, чтобы была любовь, которую тот дом имел с отцом его [Мурадом]»³².

Как мы видим, слова Иоанна свидетельствуют даже не о мире, а о «любви» или «братской любви» — ἀγάπη, которая связывала императора Иоанна IV и султана Мурада II. Знаменательно и замечание, что Мехмед II и [прежде] дал многое царю»³³. Итак, Иоанн IV рад смене власти и уверен в мире с турками.

На оценку Иоанном IV своих отношений с Мурадом II в новейшей литературе так никто и не обратил серьезного внимания, что же касается слов императора о новом султани Мехмеде II, то они вызывали неизмен-

³⁰ Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholarioi. P. 322–323.

³¹ Pero Tafur. P. 131–132, 150–151; Kurşanskis M. La descendance. P. 241; Bryer A. Greeks and Turkmen. P. 135.

³² Sphrantzes. Memorii 1411–1477. In anexa Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1966. P. 76^{14–15}: καὶ λέγει μοι τὸν θάνατον τοῦ ἀμπεῖ καὶ ὅτι ἐγένετο καὶ ὁ υἱὸς αὐτοῦ αὐθέντης καὶ δέδωκε πολλὰ τὸν βασιλεῖα καὶ ἔσπερξεν, ἵνα ἔχη καὶ τὴν ἀγάπην, ἣν μετὰ τοῦ πατρὸς τοῦ εἶχε τὸ δασκίτιον ἐκεῖνο.

Вариант Мелиссина еще более красноречив — Мехмед II содеял много добра Иоанну IV (πλείστας χάριτας ἐποίησε τῷ ἀνακτὶ), с ним уже возобновлен мир, который и прежде существовал между домом Иоанна IV и Мурадом II, отцом Мехмеда II (καὶ ἡ εἰρήνη ἐπεκυρώθη... ὥς καὶ πρῶτην μετὰ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ εἶχεν ὁ ἐκείνων οἶκος): Pseudo-Phrantzes (Ibid.). P. 354.

³³ В. Греку, издатель текста Сфранзи, считает, что тут под «царем» подразумевается Константин XI Палеолог, однако для такого вывода текст не содержит никаких оснований (Sphrantzes. P. 77 note 3).

ный, хотя и не до конца осознанный интерес у большинства исследователей трапезундской истории от Я. Фальмерайера до Э. Жансана³⁴.

Интерес этот, видимо, был вызван безапелляционной уверенностью Иоанна, кажущейся легковесностью и легкомысленностью его слов. Однако слова Иоанна стали легковесными только в свете последующих событий, а не предыдущих. Сфрандзи говорит, что он разубеждал императора в его ошибочном мнении, указывая царю, что Мехмед II молод и не любит христиан. Как раз к этим словам византийского историка следует относиться осторожно — тогда, когда они писались, Сфрандзи уже знал об участии и Константинополя, и Трапезунда. В том, что свои предостережения он произнес впервые в 1451 г., можно как раз таки сомневаться.

Итак, отчего был так уверен император Иоанн в миролюбии Мехмеда II? Не оттого ли так уверен император, что Мехмед II с 1443 г. был наместником отца в Амасье³⁵ (следовательно, под его властью находился и османский Понт), и у Иоанна IV действительно были основания поверить в дружелюбие молодого царевича, еще тогда «давшего» что-то василевсу?

Мы думаем, у Иоанна были какие-то серьезные причины радоваться восшествию на престол Мехмеда II. Император Иоанн IV не был простаком, каким его хочет представить Сфрандзи. Исключая позорное начало его царствования, память о котором он, кстати говоря, пытался сгладить³⁶, Иоанн достойно и умело действовал во всем остальном — начиная с его отношений с братом Александром и кончая своевременным и единственно правильным обращением за помощью к Узун-Хасану, султану Ак-Куйунлу (1457–1478), в преддверии османского похода на Трапезунд³⁷.

Совершенно ясно одно — Иоанн IV с 30-х гг. по 1451 г. был в мирных отношениях с турками³⁸. Нужно отметить также, что отношения между Иоанном IV и Мурадом II были, по-видимому, равноправными — дань туркам трапезундцы начали платить лишь после 1453 г. (см. ниже).

Итак, это был один из аргументов, почему морскую экспедицию турок следует относить скорее к концу 20-х гг., нежели к 40-м гг. XV в.

³⁴ Fallmerayer J. Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827. S. 254; Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 130; Janssens E. Trébizonde. P. 134–136.

³⁵ Inalcik H. Mehmed II // IĀ. S. 507.

³⁶ Laurent V. L'Assassinat. P. 142–143.

³⁷ Janssens E. Trébizonde. См. также ниже в нашем тексте и Приложение 2.

³⁸ Косвенное подтверждение проосманской ориентации Иоанна IV содержится и в том, что в период его правления, скорее всего, прерываются союзные отношения империи с туркменами *ак-куйунлу*, потенциальными врагами османов. Этот союз возобновляется лишь тогда, когда османская угроза приобретает катастрофические размеры для Трапезундской империи после походов турецкого полководца Хизр-бека (см. ниже). Думается, что сведения о трапезундо-туркменских связях в 1429–1458 гг. отсутствуют не оттого, что известий о них не сохранили источники, а скорее потому, что их просто не было.

6. ЕЩЕ РАЗ О ДАТИРОВКЕ МОРСКОГО НАБЕГА ТУРОК

Имея в виду акцию турок в Джанике в 1427/28 г., мы вновь видим, что внутренние неурядицы в империи опять совпадают с всплеском османской активности в регионе. Уже до 1426 г. Иоанн IV был в ссоре с Алексеем IV. Может быть, в период еще до 1427/28 г. Иоанну удалось наладить союз с турками, о котором упоминал десять лет спустя Перо Тафур, и спровоцировать тот самый морской поход турок на Трапезунд, направленный против власти его отца.

Существуют и другие причины, заставляющие предположить, что эта морская экспедиция имела место около 1427/28 г. Как уже упоминалось, именно в это время к туркам переходит Лимния, порт, принадлежавший потомкам Тадж ал-Дина. Если не потеря этого порта, что еще могло заставить сдаться по доброй воле эмира Хасана б. Алп-Арслана?³⁹ Весьма соблазнительно предположить, что в ходе именно этой морской операции могла быть покорена Лимния — Халкокондил тут не уточняет, что именно в «Колхиде» атаковали турки. Возможно, Хасан-бек б. Алп-Арслан вернулся после побега к Мураду II добровольно (т. е. около 1430–1432) по той причине, что последний его союзник — Трапезундская империя, опасаясь султана, избрала проосманскую ориентацию. Во всяком случае, других видимых причин для этого нет.

Морская экспедиция турок имела место во второй половине года, ибо на обратном пути турецкий флот застигла зима и налетевший «северный ветер» разбил часть кораблей о скалы в районе Понтираклии. Об этом северном ветре и о другом, не менее опасном, северо-западном ветре (*маэстро*), подробно рассказывал Клавихо, объясняя, что из-за этих ветров навигация по «Великому морю» с ноября по март невозможна⁴⁰.

И последнее, что касается этого отрывка из сочинения Халкокондила. Халкокондил говорил, что корабли были посланы не только против Колхиды, но и против греческого княжества Феодоро. Попробуем согласовать нашу новую датировку этого похода с тем, что известно о Феодоро для того времени.

Первое появление турок в Крыму зафиксировано генуэзцами Каффы для времени правления уже Мехмеда II — 1454 г.⁴¹ Молчание генуэзцев

³⁹ Вспомним, что с 1386 по 1398 гг. (около 12 лет) этот эмират подвергался не прекращавшимся атакам могущественного сивасского султана, а с 1398 по 1427/28 г. (около 30 лет), имея общую границу с агрессивными османами, сумел сохранить независимость. Этому способствовала в первую очередь крайняя труднодоступность территории эмирата: с 1386 г. вся его территория состояла преимущественно из горных областей с неприступными твердынями, такими как Йенишехир, взяты которую даже после долгой осады так и не смог Бурхан ал-Дин. А в 1427/28 г. османы овладевают эмиратом не боем, но миром — факт, как кажется, немаловажный.

⁴⁰ Клавихо. С. 104–106. Во время зимовки испанских послов в Пере из-за этих ветров потерпело крушение судно, шедшее из Каффы.

⁴¹ Vasiliev A. The Goths. P. 225.

о нашем походе, мы думаем, можно рассматривать как косвенное указание на то, что он был направлен именно против владений Алексея, князя Феодоро⁴², но не против генуэзцев. Этот Алексей был связан матримониальными узами с домом Комнинов через брак его дочери Марии с деспотом Давидом, сыном Алексея IV и братом Иоанна IV. Наша датировка морского набега турок находится в полном согласии с общепринятой датировкой брака между Давидом и готийской Марией — 1426 г.⁴³ Набег турок был, по-видимому, направлен не только против Алексея IV, но и его сторонника, правителя Феодоро, только что скрепившего союз с Трапезундом династическим браком. Это соответствует и времени пребывания Иоанна IV в Каффе у генуэзцев, врагов Феодоро (8 ноября 1427)⁴⁴.

Э. Брайер высказал предположение, что ранее сообщения в хронике Панарета о браке, датированного формулой «τὸ δὲ αὐτὸ ἔτει», было несколько других, не сохранившихся отрывков, последний из которых мог бы относиться к 1429 г. или 1432 г. Следовательно, и брак этот следует отнести ко времени после 1429 г.⁴⁵ Даже если этот брак, как полагает Э. Брайер, состоялся позже, это, однако, не означает, что между Трапезундом и Мангутом не было связи до заключения матримониального союза. Следовательно, наша гипотеза остается в силе и в этом случае.

Итак, подведем итоги. Вероятно, что Иоанн IV еще до своего восшествия на престол устанавливает союзные отношения с османами. Эти добрые отношения не нарушаются вплоть до прихода к власти Мехмеда II. Турки, возможно, в отместку за антиосманские настроения Алексея IV или же в поддержку Иоанна IV осенью 1427 или 1428 гг. совершают морской поход против Трапезундской империи. Возможно, что эта морская акция затронула и эмират Хасана, потомка Тадж ал-Дина. В результате ее, а также и из-за сближения Трапезундской империи с турками Джаникийский эмират прекратил свое существование, а османы в 1427/28 г. вошли в соприкосновение с западной трапезундской границей в Халивии.

7. ПОХОД ШЕЙХА ДЖУНАЙДА НА ТРАПЕЗУНД

Георгий Сфрандзи, советовавший Иоанну IV, чтобы тот не особенно доверялся молодому Мехмеду II, оказался прав. Со смертью султана Мурада II наступает новый период в завоевательной политике Османского султаната. Через два года после упомянутого разговора между Иоанном IV

⁴² Владения князей Феодоро включали в себя южное побережье Крыма, что отразилось, в частности, в их титулатуре: αὐθέντης πόλεως Θεοδωροῦς καὶ παρὰ τὰ λαοσάσας (Vasiliev A. The Goths. P. 215; надписи 1425 и 1427 гг.).

⁴³ Panaretos = Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon / Ed. Od. Lampsidis. Athenai, 1958. P. 81; Vasiliev A. The Goths. P. 198, 214, 217–218 etc.

⁴⁴ Jorga N. Notes. T. 4. P. 463–464.

⁴⁵ Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholariot. P. 322–324.

и Сфрандзи, 29 мая 1453 г. пал Константинополь, и, видимо, сразу после этого на Трапезундскую империю была наложена дань в 2000 золотых. Произошло это до 11 сентября 1454 г.⁴⁶ Затем османы переходят к открытому давлению на империю — Хизр-бек (османский наместник в Амасье от Байазиды, сына Мехмеда II) атакует Трапезунд.

Однако, одновременно с обострением османско-трапезундских отношений, империю постигло еще одно неожиданное несчастье — ее территория и сам Трапезунд были внезапно атакованы *шейхом* Джунайдом, странствующим дервишем-рыцарем, изгнанным из своих владений в Ардебиле. Прежде чем вернуться к османско-трапезундским отношениям, сделаем небольшое отступление и остановимся подробнее на деталях этого похода в силу ряда противоречий, существующих в современных интерпретациях этого события.

Между Трапезундом и АрдIBILем почти тысяча километров по прямой; тем не менее, судьба удивительным образом свела два царских рода — Великих Комнинов и иранскую династию Сефевидов, правивших в Ардебиле в XV в., а в XVI–XVIII вв. властвовавших во всем Иране. Основатель блестящей державы Сефевидов шах Исма'ил (1501–1524) родился в 892/1487 г. Его матерью была Халима-бегум, дочь трапезундской *деспины* Феодоры и Узун-Хасана, султана Ак-Куйунлу⁴⁷. Дед шаха Исма'ила — шейх Джунайд (ум. 1460) почти за тридцать лет до рождения своего прославленного внука чуть было не взял Трапезунд, в котором почти без войска, брошенный знатью, оборонялся василевс Иоанн IV. Вероятно, вместе с ним пережила осаду его дочь Феодора, будущая жена Узун-Хасана и бабка Исма'ила. Если шейх Джунайд проявил бы тогда настойчивость в осаде и взял Трапезунд, трудно сказать, какова была бы вся последующая история Передней Азии и Ирана.

Итак, после смерти шейха Ибрахима в 851/1447–48 г. во главе суфийского ордена *сафавийа* в Ардебиле встал его сын Джунайд⁴⁸. В результате конфликта с Джахан-шахом, султаном Кара-Куйунлу (1438–1467),

⁴⁶ Критовул говорит, что сразу после падения Константинополя «город [Трапезунд] ... склонился, стал он повиноваться и цари, властвующие в нем, заключили союз с великим царем [т. е. Мехмедом II. — *Р. Ш.*] и великому царю стали выплачивать дань» (*Critobuli Imbriotae De rebus per annos 1451–1467 a Mechmete II gestis* / Ed. V. Grecu. București, 1963. IV. 1. 6). Дука относит прибытие послов от трапезундского императора к Мехмеду II с данью к осени-зиме 1453 г. (Ducas. P. 395). Имеется документ, вышедший из генуэзской канцелярии в Каффе от 11 сентября 1454 г., который сообщает о согласии трапезундского императора выплачивать дань османам (*Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio* / Ed. A. Vigna // ASLSP. 1868. T. VI. P. 106). Халкокондил сообщает, что до 1458 г. Трапезундская империя выплачивала Мехмеду II 2000 золотых в качестве дани (*Chalkokondyles*. T. 2. P. 222).

⁴⁷ Об этом браке см. ниже в этой главе.

⁴⁸ Husayn 'Abd al-Zahidi. Silsilat al-nasab-i Safawiyya. Berlin, 1928. P. 66.

шейх Джунайд был вынужден бежать из Ардебилля (ок. 852/1448 г.) и покинуть пределы Кара-Куйунлу вместе с узким кругом своих сторонников⁴⁹.

Дальнейшие злоключения шейха восстанавливаются исключительно по хронике Ашикпаша-заде. Сначала он прибывает во владения османского султана Мурада II и просит у султана наделить его землями в Айдыне. Мурад II хотя и отправил Джунайду и его *деришам* дары, однако просьбы его не удовлетворил и не предоставил ему убежища на территории Османского султаната. Произошло это, как предполагает В. Хинц, около 853/1449–50 г.⁵⁰ Тогда шейх отправился в земли тюрок *караман*, в Конью. Однако вскоре он вынужден был уйти и оттуда — из-за возникших конфликтов с местными *улемами*. Через землю тюрок *варсак* в Киликии Джунайд отправился в Сирию в Халеб (Алеппо) и обосновался в Джебель-Арсус, что располагается в заливе Искандеруна (Александретта). Однако и тут местные шейхи выступили против Джунайда и пожаловались на него египетскому султану Чакмаку (1438–1453). Чакмак приказал схватить шейха Джунайда. Чудом Джунайду удалось спастись и бежать в Джаник⁵¹. В. Хинц, основываясь на тексте Ашикпаша-заде, датирует бегство Джунайда из Сирии в Джаник временем незадолго до смерти султана Чакмака в 1453 г.⁵² В 1460 г., вскоре после возвращения в Ардебиль из своих скитаний по Сирии и Анатолии, он погибает в стычке с Халил-Аллахом, владельцем Ширвана⁵³. Сообщения османского хрониста, начиная с В. Хинца, широко используются востоковедами для реконструкции хождений Джунайда в Анатолии⁵⁴.

⁴⁹ *Kh'and Amir*. Habib al-siyar fi akhbar afrad al-bashar. T. 4. Tehran, 1954. P. 425–426; Roemer H. R. The Safawid Period // The Cambridge History of Iran. L., 1986. Vol. 6. P. 201.

⁵⁰ *Ashiqpashazada ta'rikhi*. Istanbul, 1332. P. 264; Hinz W. *Irans Aufstieg zum Nationalstaat im fünfzehnten Jahrhundert*. Berlin; Leipzig, 1936. S. 26.

⁵¹ *Ashiqpashazada* (Istanbul). P. 265–266; Hinz W. *Irans Aufstieg*. S. 26–28; Tadhkirat al-Muluk. A Manual of Safawid Administration (circa 1137/1725) / Persian text in facs., translated and explained by V. Minorsky [E. J. W. Gibb Memorial Series. New Ser., vol. XVI]. L., 1943. Комментар. В. Минорского: P. 190; Бартольд В. В. Сочинения. М., 1966. Т. 6. С. 73; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв. М., 1966. С. 364.

⁵² Hinz W. *Irans Aufstieg*. S. 28.

⁵³ Подробнее см.: Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981. С. 43.

⁵⁴ Hinz W. *Irans Aufstieg*. S. 24–32; Savory R. M. *Djunayd // EI²; Idem*. The Struggle for Supremacy in Persia after the Death of Timur // *Der Islam*. 1964. T. 40. P. 49; Tadhkirat al-Muluk. P. 190; Roemer H. R. The Safawid Period. P. 201–202; Baykal B. S. Die Rivalität zwischen Uzun Hasan und Mehmet II um das Kaiserreich von Trapezunt // Труды 25 Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. II. С. 444–445; Yücel Y. *Fatih'in Trabzon'u fethi oncesinde Osmanlı-Trabzon-Akkoyunlu ilişkileri // Belleten*. 1985. T. 49 (194). S. 292.

Вместе с тем, из целого ряда как греческих, так и восточных источников, к рассмотрению которых мы перейдем чуть ниже, в науке давно известно о походе шейха Джунайда на Трапезунд. Однако до сих пор между исследователями не было единства в датировке похода, не ясны были и многие обстоятельства этой кампании. Так, Я. Фальмерайер, Дж. Финлей, У. Миллер датировали поход 1430 гг., а Э. Жансан — 40 гг. XV в., В. Хинц, анализировавший восточные источники, датирует поход 1456 г., его датировка принята М. Куршанским, Я. Юджель считал, что событие имело место весной 1456 г.⁵⁵ Противоречия в датировке похода отразились и в последующих публикациях, затрагивающих этот сюжет. Г. Вурм ограничивается констатацией различных датировок похода, не отдавая предпочтения ни одной из них⁵⁶. Другой исследователь, Э. Брайер датировал прежде поход 50-ми гг. XV в., а позже предпочел иную датировку — 1456–1458 гг.⁵⁷

Что касается обстоятельств похода, то до сих пор оставалось не известным, на каких территориях шейх набирал войска, каков был исходный пункт его кампании против империи. Как мы покажем, сведений источников вполне достаточно, чтобы относительно точно установить время похода шейха, примерно определить место его пребывания на Понте.

8. ИСТОЧНИКИ ПО ПОХОДУ ДЖУНАЙДА

Наиболее подробный рассказ о действиях шейха Джунайда на территории Трапезундской империи содержится в сочинении Лаоника Халкокондила, а точнее — в интерполяциях анонимного трапезундского автора в текст этого сочинения (далее автора интерполяций мы будем для удобства называть Псевдо-Халкокондил)⁵⁸. Шейх назван *τις ζῶντος νόβωται*

⁵⁵ *Fallmerayer J.* Geschichte. S. 252–253; *Finlay G.* A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. Oxford, 1877. Vol. IV. P. 472; *Hammer J. von.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. I. Pešt, 1828. S. 57; *Miller W.* Trebizond. P. 83–84; *Janssens E.* Trébizonde. P. 132–134; *Hinz W.* Irans Aufstieg. S. 28–29; *Idem.* Uzun Hasan ve Şeyh Cüneyd. Ankara, 1948. S. 20. *Kurşanskis M.* Autour de la dernière princesse de Trébizonde: Theodora, fille de Jean IV et épouse d'Uzun Hasan / AP. 1977/78. T. 34. P. 78–79.

⁵⁶ *Wurm H.* Anmerkungen zum PLP in Anschluß an die Lektüre des 'Αποδείξεις ἱστορίων // JÖB. 1987. Bd. 37. S. 279–280.

⁵⁷ *Bryer A.* Greeks and Turkmens. P. 148, note 139; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 154–155.

⁵⁸ *Chalkokondyles.* T. 2. P. 220–222; Об интерполяциях в текст Лаоника см.: *Grecu V.* Zu den Interpolationen im Geschichtswerk des Laonikos Chalkokondyles // Académie Roumaine. Bulletin de la section historique. 1946. T. 27. P. 92–94.

Ἀρταβίλης («некий шейх по имени Ардебиль»), что, несомненно, является ошибочно понятым перс. *shaykh-i ardabil* («шейх Ардебиль»)⁵⁹.

Как пишет Псевдо-Халкокондил, шейх Джунайд приблизился к Трапезунду вдоль западной границы империи через Капанион и Мелиару. Попытка трапезундцев высадить с кораблей в поддержку сухопутному войску десант не удалась. Джунайд нанес поражение войскам трапезундского пансеваста Александра Кавазита, сам пансеваст погиб вместе с сыном⁶⁰. Трапезундцы в панике обратились в бегство по суше и на кораблях, в их числе был и сам император Иоанн IV, находившийся во время боя в монастыре св. Фоки в Кордиле. Шейх Джунайд, пройдя Кордилу, приблизился к Трапезунду. Через три дня, так и не взяв города, шейх ушел в Месохалдию, хотя Трапезунд остался фактически беззащитен — архонты бежали в сторону Грузии. Комментируя это сообщение, Э. Брайер отметил, что маршрут шейха Джунайда по территории Трапезундской империи примерно совпадает с маршрутом императора Алексея III в его кампании против чепни в 1380 г.⁶¹

Этот довольно пространственный отрывок много раз пересказывался и переводился в общих историях Трапезундской империи, начиная с Якоба Фальмерайера.

Другой греческий источник, «Эктезис хроники», добавляет к рассказу Псевдо-Халкокондила следующие детали⁶². В хронике Джунайд назван Σαῦ Τζουννέιτης, что точно соответствует перс. *shaykh junayd* («шейх Джунайд»). Согласно «Эктезис хроники», вторжение Джунайда было внезапным. Император и архонты находились в это время на побережье, спасаясь от некой эпидемической болезни (θάνατον). Автор хроники утверждает, что трапезундцы не были готовы к отпору⁶³. На эти сведения никто из исследователей не обратил должного внимания.

О походе упоминает единственный турецкий автор — Ашикпашазаде⁶⁴. Хронист сообщает, что шейх Джунайд, уйдя из Сирии, пошел в Джаник, а

⁵⁹ Chalkokondyles. T. 2. P. 220^{25–26}. Г. Вурм дает иную интерпретацию греческого имени (Wurm H. Anmerkungen. S. 280).

⁶⁰ О пансевасте Кавазите и его сыне см.: Bryer A. The Faithless. P. 323; Beldiceanu N. Les Kavāzid/Kabazitēs à la lumière d'un registre ottoman de Trébizonde // Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor. Napoli, 1982. T. XIX. P. 42.

⁶¹ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Ibid.

⁶² Ecthesis Chronica et Chronicon Athenarum / Ed. with critical notes and indices by Sp. Lampros. L., 1902. P. 59.

⁶³ Эти сведения повторены у Феодора Скутариота в «Синописе Хроники» и в некоторых других поздних хрониках (Synopsis chronike // Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge. T. 7 / Ed. C. Sathas. P., Venise, 1894. P. 605^{10–24}: Джунайд назван «дервишем» — ντερβίστης).

⁶⁴ Ashiqpashazada (Istanbul). P. 226–267.

«в Джанике пошел к Мухаммад-беку, несколько тысяч человек собрались, оттуда пошел к Трапезунду. Бек Трапезунда также собрал войско, послал навстречу. Бились с войсками Трапезунда, войско Трапезунда разбило, землю Трапезунда разорили. Беглербег Рума Хизр-ага / с уже собранным войском пошел против Джунайда, Джунаид, услышав, бежал, пошел к Узун-Хасану»⁶⁵.

Перед этим Ашикпаша-заде дает обстоятельное описание злоключений шейха Джунайда в Анатолии и Сирии, вкратце переданное нами выше.

Нам удалось обнаружить краткое сообщение о походе Джунайда в неопубликованной сефевидской хронике Будака Мунши Казвини (конец 70-х гг. XVI в.). Сефевидский историк сообщает:

«Когда дошла очередь до Султана Джунайда, проявил склонность к султанству, прибыл в общество великого эмира Абу ал-Насра Хасан-бека⁶⁶, а это было начало правления его; великий эмир оказал ему почет и милость, и сестру свою предложив [в жены], отдал за него. Звали ее Хадиджа-бегим⁶⁷. Через некоторое время [Джунаид] ушел к Трапезунду, там претерпел мученическую смерть в году восемьсот шестидесятом»⁶⁸.

И еще одно краткое известие в сефевидских источниках — в опубликованной хронике Кази Ахмада Гаффари Казвини «Тарих-и джахан-ара» (составлена в 972/1564–65 г.). Сообщая о прибытии Джунайда к Узун-Хасану в Дийарбакр, историк говорит:

«еще раз Его Святость [Шейх] (*ḥaḍrat-i īshān*), вознамерившись уйти, прибыл в Дийарбакр, и оттуда пойдя с отрядом *газиев*, [чьим] девизом была победа, на газават Трапезунда...»⁶⁹

⁶⁵ *‘Ashiqpashazada* (Istanbul). P. 226 (текст оригинала — на арабике, тут он дается в латинской транскрипции): «Cānīkda Meḥmed Beg qatına vardı, birçaş bin kişi cem’ oldı. Andan Trabzōna yüridi, Trabzōn begi daxı leşker cem’ idüb, qarşu gönerdi. Trabzōn leşker-ile uğraş etdiler. Trabzōn leşkerin qırdılar. Trabzōnun vilāyetini xarāb etdiler. Rūm beglerbegisi Xızr Aga daxı cem’ etdügi asker-le Cüneydün üzerine vardı. Cüneyd işidüb qaçdı, Uzun Hasana gitdi».

⁶⁶ Подразумевается султан Ак-Куйунлу Узун-Хасан.

⁶⁷ На самом деле, женился на дочери Узун-Хасана сын Джунайда Хайдар. Источники дают и другие варианты имени дочери Узун-Хасана — Халима-бегум, Алам-шах Хатун. Итальянцы знали ее под именем Марта (*Kürşanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde*. P. 84).

⁶⁸ *Будак Мунши Казвини*. Джавахир ал-ахбар. СПб. Публ. 6-ка. Dom 288. Л. 281б–282:

بصحبته امير كبير ابو نصر حسن بيك آمد / آغان سلطنت او بود، امير كبير
اورا عزيز و كريم كرد و خواهر خود را بالتماس بدو داد خديجه بيگي نام،
بعد از مدتی بطرف طرابزون رفت در آنجا شهيد شد در سال ستين و ثمانمائة

⁶⁹ *Qadi Ahmad Ghaffari Qazwini*. Ta’rikh-i jahan-ara. Tehran, 1965. P. 261:

کرت دگر حضرت ایشان عزم رحيل نموده بدياربکر نزول فرمودند و از
آنجا با فوجی از غازيان طغر شعار بغرای طرابزون رفته

и далее переходит к описанию похода Джунайда на Ширван. Оба сефевидских историка датируют смерть шейха 860 г. Х., что соответствует 11.12.1455 – 28.11.1456. Вместе с тем хорошо известно по другим источникам, что истинная дата смерти Джунайда падала на 864/1460 г. Кроме того, судя по достоверным данным Ашикпаша-заде и вопреки утверждениям сефевидских хроник, к Узун-Хасану Джунайид пришел только *после* его атаки на Трапезунд, а не до нее. Следовательно, у Узун-Хасана шейх оставался примерно до 1459 г., ибо в 1460 г. он был уже в Азербайджане (см. выше). На эти два сообщения сефевидских источников так никто из исследователей и не обратил внимания.

9. ДАТИРОВКА ПОХОДА

Достаточно точно определить дату похода позволит сравнение текстов Псевдо-Халкокондила и Ашикпаша-заде.

Псевдо-Халкокондил дает основания для двух противоречащих друг другу датировок похода. Во-первых, после отрывка о воцарении Иоанна IV Псевдо-Халкокондил так начинает свой рассказ о Джунайде: «μετὰ δὲ τινος χρόνου ἐστράτευσεν καὶ τὴς ζῦχης» («Через некоторое время пошел походом некий шейх»)⁷⁰. Однако хронология жизни Джунайда исключает какую-либо возможность того, чтобы он предпринял поход на Трапезунд достаточно скоро после воцарения Иоанна IV (1429 г.⁷¹), поэтому «ранние датировки» похода, как то 30-е (Э. Жансан) или 40-е гг. (Я. Фальмерайер, Дж. Финлей, У. Миллер) XV в. можно безоговорочно исключить. Во-вторых, сразу после отрывка о походе Джунайда в сочинении Халкокондила говорится о нападении на Трапезунд турецкого наместника в Амасье Хизр-бека. Следовательно, появляется вторая, наиболее вероятная дата — незадолго до нападения Хизр-бека на Трапезунд (1458 г.), откуда, вероятно, и произошла датировка Э. Брайера (между 1456–1458 г.).

Вспомним, что та же связь между уходом Джунайда и приближением Хизр-бека присутствует у Ашикпаша-заде. Следовательно, оба источника привязывают атаку Джунайда к кампании Хизр-бека на Понте.

К слову, этот отрывок о Хизр-беке Э. Дарко посчитал авторским текстом Халкокондила. В отрывке о Хизр-беке у Халкокондила говорится, что «беззащитен уже был город из-за сильной эпидемии и угрозы захвата»⁷². Очевидно, что тут имеется в виду та же самая эпидемия, о которой упоминалось в «Эклезис хроникис» (θάνατος), а под «угрозой захвата» подразумевалась атака Джунайда и описанное Псевдо-Халкокондилем

⁷⁰ *Chalkokondyles*. T. 2. P. 222.

⁷¹ О дате воцарения Иоанна см.: *Bryer A. The Faithless*. P. 322–323, а также выше в этой главе.

⁷² *Chalkokondyles*. T. 2. P. 222^{26–27}: καὶ ἐρήμου ἦδη οὐσης τῆς πόλεως ἤ τοῦ λοιποῦ βίᾳ καὶ προσδοκίμῳ ἀλώσεσθαι.

бегство трапезундской знати в Грузию. Таким образом, текст в сочинении Халкокондила на с. 222²² и до с. 223⁴, как нам представляется, следует признать продолжением интерполяции Трапезундского анонима, может быть, кое-где отредактированной Халкокондидом. Не исключено поэтому, что сходство между текстами Халкокондила и Ашикпаша-заде (как структурное, так и содержательное) указывает на то, что оба они восходили к некой общей версии, скорее всего, восточного происхождения, либо персидской, либо турецкой⁷³.

По сообщению Псевдо-Халкокондила, поход Хизр-бека на Трапезунд происходил в середине 1456 г., одновременно с осадой османским султаном Мехмедом II Белграда (июль 1456 г.)⁷⁴. Если датировка Псевдо-Халкокондидом похода Хизр-бека верна, то экспедиция шейха Джунайда падает на июнь-июль 1456 г.

Не противоречит этой датировке и «Эктезис хроника». Хроника упоминает о моровой болезни, от которой бежали на побережье император и архонты. В 50-х гг. XV в. на Понте, по нашим сведениям, такой моровой болезнью была эпидемия чумы, разразившаяся в 1456 г. Из сообщений Абу Бакра Тихрани (официального хрониста Узун-Хасана) следует, что в конце 1456 г. Узун-Хасан набирал войска зависимых от него эмиров для войны со своим братом Джахангиром и Рустамом Тарханом, полководцем Джахан-шаха Кара-Куйунлу. К Узун-Хасану не явился со своими отрядами некий Байазид-бек, владетель Испира, кузен Узун-Хасана. Причиной его отсутствия была эпидемия чумы (*fâ'ûl*), охватившая Испир. Эпидемия была достаточно масштабной — Байазид-бек в знак раскаяния за неисполненную службу поднес Узун-Хасану «многие богатства, которые из-за происшедшей эпидемии чумы поступили в казну»⁷⁵. Испир

⁷³ Связь между хрониками Ашикпаша-заде и Халкокондила уже демонстрировалась Ш. Баштавом (*Baştao Ş. Die Türkischen Quellen des Laonikos Chalkokondyles // XIe Congr. int. des Ét. byz. Actes. München, 1958. P. 37*). Недавно Д. А. Коробейников попытался продемонстрировать связь между текстом Халкокондила и текстами османских историков Ахмеди и Шукруллаха Заки, причем все три автора, по мнению исследователя, пользовались некой несохранившейся турецкой хроникой, составленной до 1410 г. (*Коробейников Д. А. Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1. Походы Байазиды I Иылдырыма в Малой Азии // ВО. 1996. С. 152–168*). Кроме того, есть основания полагать, что Халкокондил находился в далеком родстве с Махмуд-пашой, знаменитым визирем Мехмеда II, находившемся в родственных связях с лучшими византийскими фамилиями. Возможно также, что Халкокондил принадлежал к греко-турецкому интеллектуальному кругу Махмуд-паши, где и почерпнул из первых рук османские версии событий последних десятилетий (см.: *Cazacu M. Les parentés byzantines et ottomanes de l'historien Laonikos Chalkokondyle (c. 1423 – c. 1470) // Turcica. 1984. T. XVI. P. 108–113 et note 84*). В любом случае, знание Халкокондидом письменного турецкого языка представляется чрезвычайно вероятным.

⁷⁴ *Chalkokondyles. T. 2. P. 217; Schreiner P. Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1977. Bd. II. S. 490.*

⁷⁵ *Abu Bakr Tihrani. Kitabi Diyarbakriyya / Ed. N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1964. T. I. P. 281, см. также р. 264–265. Об эпидемиях чумы на Ближнем Востоке в*

находился недалеко от восточных трапезундских границ. Вероятно, Псевдо-Халкокондил, автор «Эктезис хроники», и Абу Бакр говорили об одной и той же эпидемии.

Следовательно, «Эктезис хроники» подтверждает относительную датировку Ашикпаша-заде и Псевдо-Халкокондила.

Что касается цитированных выше сефевидских источников, то они, по-видимому, ошибочно приняли дату похода Джунайда на Трапезунд за год его смерти. Хорошо это видно у Будака Мунши, считавшего, что Джунайда погуб в 860/1456 г. под Трапезундом.

Итак, при внимательном прочтении источников становится очевидным, что в датировке похода Джунайда сохранившиеся источники не противоречат друг другу. Поход имел место в середине 1456 г., вероятно, в июне или июле.

10. ОТКУДА ПРИШЕЛ ШЕЙХ ДЖУНАЙД

По сведениям Ашикпаша-заде, шейх Джунайд прибыл в Анатолию из Сирии. С Ашикпаша-заде согласен и Псевдо-Халкокондил, сообщающий, что шейх пришел к Трапезунду, «συνάξας ἀπανταχοῦ ἀπὸ τε ἀνατολῆς καὶ μεσημβρίας στρατὸν, ἀπὸ τε Σαμίου καὶ ἐξ ἄλλων τινῶν πόλεων» («собрал отовсюду с востока и юга войско, из Σαμίου и некоторых других городов»⁷⁶), где Σαμίου должно читаться как *Samiou* (производное от араб. *shām*) и обозначает не что иное как Сирию.

Предлагавшиеся прежде чтения Σαμίου (τὸ *Σαμίον^{Nom}) — «княжество Самихе» (Дж. Финлей)⁷⁷, «остров Самос» (Н. Йорга)⁷⁸, «Самсун» (Я. Фальмерайер, позже поддержанный В. Хинцем)⁷⁹, — следует отвергнуть как не выдерживающие критики. В стандартном «аттикизирующем» языке византийцев Сирия именовалась ἡ Συρία⁸⁰, однако в повседневной языковой практике, по крайней мере, на Понте употреблялся «ориентализированный» вариант топонима, на что указывает «Трапезундский гороскоп 1336 г.»⁸¹

XIII–XV вв. см.: *Kremer A. von. Grossen Seuchen des Orients nach Arabischen Quellen // Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. Jännerhefte des Jahrganges 1880. Wien, 1880. Bd. XCVI. S. 69–156.*

⁷⁶ *Chalkokondyles. T. 2. P. 220²⁸–221¹.*

⁷⁷ *Finlay G. A History of Greece. Vol. IV. P. 472.*

⁷⁸ *Jorga N. Geschichte des osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. II. S. 103.*

⁷⁹ *Fallmerayer J. Geschichte. S. 252; Hinz W. Irans Aufstieg. S. 28–29.* Как мы показали выше, Самсун в это время был в руках османов, и пребывание там шейха, после ссоры с Мурадом II, выглядит весьма неправдоподобным.

⁸⁰ Это традиционное наименование зафиксировано и в одном понтийском по происхождению тексте, а именно у Андрея Ливадина: *Andreou Libadenou bios kai erga / Ed. Od. Lampsidis // AP (Parartema 7). Athenai, 1975. P. 46²².*

⁸¹ *Trapezountiakon horoskopion tou etous 1336 / Ed. Sp. Lampros // NE. 1916. T. 13. P. 43^r.*

Автор «Гороскопа» называет Сирию $\Sigma\iota\acute{\alpha}\mu$ ($\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{o}\ \Sigma\iota\acute{\alpha}\mu\eta\nu$), что, вероятно, произносилось просто как $\acute{s}am^{Nom}/\acute{s}am\acute{i}n^{Acc}$ и восходило к тому же арабскому $\acute{s}h\acute{a}m$, Сирия⁸². Возможно, ударная «йота» следующая за корнем $\acute{s}am$ в $\ast\acute{S}am\acute{i}on$ предназначалась для приближения звучания слова к такой же привычной $\Sigma\upsilon\rho\acute{i}\alpha$.

Тексты Ашикпаша-заде и Псевдо-Халкокондила вновь согласуются в деталях: в обоих случаях указывается, что шейх пришел на Понт именно из Сирии.

11. КУДА ПРИШЕЛ ШЕЙХ ДЖУНАЙД

Противоречие между свидетельствами Ашикпаша-заде и Псевдо-Халкокондила можно усмотреть в другом: турецкий историк утверждает, что шейх явился в Джаник, а греческий автор говорит о войсках шейха, собравшихся «отовсюду с востока и юга».

Дело в том, что под Джаником в XV в. в османских источниках подразумевали территорию западнее Трапезунда. Джаником называли земли эмирата Таджиддин-огуллары — севернее и северо-восточнее Никсара. Османская граница на Понте в 1456 г. проходила западнее Трапезунда по р. Мелет (виз. Меланфий)⁸³. Чтобы примирить известия османского и греческого текстов, остается лишь предположить, что Ашикпаша-заде употреблял топоним Джаник в расширительном смысле, так же как Халкокондил употреблял топоним Колхида⁸⁴: вся Понтийская область, включая территорию Трапезундской империи, на восток до р. Фасис, а также области вдоль Трапезундской границы с юга. Или же турецкий хронист употребил топоним Джаник в значении, близком к грузинскому «Джанети» — область между Трапезундом и р. Фасис⁸⁵.

⁸² По предположению издателя «Гороскопа» Сп. Лампроса (Trapezountiakon horoskopion. P. 48–49), эта разговорная форма топонима была заимствована понтийскими греками у венецианцев. Вряд ли такое допущение необходимо для того, чтобы объяснить, откуда взялось это слово — трапезундцы могли научиться ему как у самих арабов Сирии, во время своих торговых поездок, так и у персидских и арабских торговцев, торговавших в Трапезунде. О «топонимическом сдвиге» в понтийском греческом языке XIII–XV вв. см. наши работы: *Шукуров Р.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья). М., 1999. Раздел 5; *Он же.* Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 54–55; *Shukurov R.* Horizons of Daily Interest // ВВ. 1999. Bd. XXV. P. 7–10.

⁸³ См. выше гл. III и в настоящей главе.

⁸⁴ О «Колхиде» Халкокондила см. выше в гл. IV.

⁸⁵ *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et la Géorgie // REB. 1977. T. 35. P. 251.

На наш взгляд, отправную точку кампании Джунайда 1456 г. надо искать на Понте восточнее османской границы. Наиболее сложной проблемой остается выяснение того, кем был Мухаммад-бек, по сообщению Ашикпаша-заде оказавший гостеприимство шейху в Анатолии.

Крепости Кара-Хисар, Кемах, Эрзинджан, Терджан, Испир, Пулур и прилегающие к ним области принадлежали в 40–50 гг. XV в. эмирам туркмен *ак-куйунлу*. Байбурт на некоторое время в 50-х гг. оказался в руках племени *духарлу*, союзников *ак-куйунлу*. Области, прилегающие к трапезундской Халдии и к Хериане, — местности Урум-Сарай и Йасы-Чаман (севернее и северо-западнее Эрзинджана), Акшахр, Сатала, Ширан (или Ширин) и далее на запад до Коюль-Хисара были неким промежуточным пространством, используемом туркменами *ак-куйунлу* как летнее кочевье для длительных и кратковременных остановок.

Во второй половине 30-х по середину 50-х гг. XV в. на Восточном Понте властвуют потомки эмира Ахмада б. Кутлу — старшего сына знаменитого Кутлу-бека, эмира *ак-куйунлу* и зятя трапезундского вассала, мало зависевшие от центральной власти султаната Ак-Куйунлу в Дийарбакире. Понтийские эмиры Кылыч-Арслан и Кутлу-бек — сыновья Ахмада б. Кутлу, принадлежали к группировке, недовольной сохранением верховной власти в эмирате у представителей младшей линии рода, происходивших от эмира Кара-Йулука 'Усмана, младшего сына эмира Кутлу-бека и ставленника Тимура, о котором подробнее говорилось в предыдущей главе настоящей книги. К ним присоединился и ряд эмиров, принадлежавших к младшей линии самого Кара-Йулука 'Усмана, так же недовольные центральной властью. Весной 1450 г. в Понтийскую область вторгается султан Кара-Куйунлу Джahan-шах, который воспользовался слабостью в регионе центральной власти Джahanгира, султана Ак-Куйунлу в 1444–1457 гг. Джahan-шаха поддержали местные эмиры *ак-куйунлу*⁶⁶. В результате вторжения Кара-Куйунлу в 1450–1451 гг. под власть Джahan-шаха попадает обширная область, которую он передает местным оппозиционным эмирам из туркмен *ак-куйунлу* и *духарлу*: Эрзинджан и Терджан (отданы во владение Кылыч-Арслану), Байбурт (отдан Махмуду Кукалташ из племени *духарлу*), Испир (отдан Байазид-беку б. Шайх-Хасану б. Кара-Йулуку 'Усману)⁶⁷.

Попытка Джahan-шаха захватить Кара-Хисар, принадлежавший некому Дала Йакубу, и Кемах, находившийся под властью Джа'фара б. Йакуба б. Кара-Йулука 'Усмана, — окончились неудачей. Войска Кара-Куйунлу тогда опустошили соседние Келькит, Ширан и Саталу, которые, вероятно, находились под контролем тех же эмиров⁶⁸.

⁶⁶ *Abu Bakr Tihriani*. Т. 1. Р. 178–179.

⁶⁷ *Ibid.* Р. 203–205.

⁶⁸ *Ibid.* Р. 205–206; *Sanjian A. K.* The Colophons. Р. 225.

Как видно, в период с 1450 по 1457 гг. положение на Восточном Понте было крайне нестабильным. В 1453 г. в Эрзинджан вступает 'Араб-шах, новый наместник Джахан-шаха, один из полководцев Кара-Куйунлу. В 1456 г. Джахан-шах отдает Эрзинджан и всю понтийскую область Джахангиру, бывшему султану Ак-Куйунлу, а ныне сопернику своего брата Узун-Хасана. В 1452, 1453, 1454, 1456 гг. в понтийскую область вторгнулся Узун-Хасан, пытаясь вытеснить оттуда своего брата Джахангира и нейтрализовать тех туркмен *ак-куйунлу*, которые прибегли к покровительству Джахан-шаха Кара-Куйунлу. Эмиры Кемаха, Испира поддержали Узун-Хасана⁸⁹.

В условиях полного отсутствия централизованной власти на Понте между 1453 и 1456 гг. у шейха Джунайда, несомненно, была возможность для выбора покровителя среди многочисленных независимых эмиров. Однако Мухаммад-бек, упомянутый у Ашикпаша-заде, нигде не фигурировал как правитель какого-либо крупного городского центра на Понте. Маловероятно, чтобы Джунайд мог остановиться в Эрзинджане, Байбурте или Терджане, ибо эмиры этих городов были подданными заклятого врага шейха — султана Кара-Куйунлу, который некогда изгнал шейха из Ардебилля. Из-за постоянного присутствия войск Кара-Куйунлу в материковых областях Восточной Анатолии, в Дийарбакре, шейх Джунайд, скорее всего, быстро миновал их на пути из Сирии.

Абу Бакр Тихрани, основной информатор о событиях на Восточном Понте в этот период, сообщает только об одном эмире, носившем имя Мухаммад. Это Мухаммад Амир Сайид — эмир Испира. В 1450 г. Джахан-шах отнял у Мухаммада Амира Сайида Испир и отдал город лояльному ему Байазиду⁹⁰. О дальнейшей судьбе этого Мухаммада в хронике нет упоминаний.

Остается лишь предположить, что именно этот Мухаммад через некоторое время принял шейха Джунайда где-либо на Понте.

Место двух-трехлетнего пребывания шейха Джунайда на Понте следует искать у южных границ Трапезундской империи, в областях, где влияние власти Османов и *кара-куйунлу* было достаточно слабым: в зоне крепостей Коюль-Хисар, Кара-Хисар, Акшахр, Ширан. На это, может быть, указывает сам маршрут похода шейха — он подошел к Трапезунду вдоль западной границы Халдии через Трикомию, а не с востока по дороге от Байбурта.

Очевидно, что нападение Джунайда на Трапезунд не было инспирировано какой-либо из великих держав — Османским султаном, державами Кара-Куйунлу или Ак-Куйунлу, но являлось не более чем разбойничьим нападением «странствующего рыцаря», стоявшего во главе случайно

⁸⁹ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. P. 225–238, 241–242, 256, 259, 261; *Sanjian A. K.* The Colophons; *Woods J.* The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/16th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis; Chicago, 1976. P. 92.

⁹⁰ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 1. P. 205.

набранного сброда⁹¹. Тем удивительнее, что трапезундцам не удалось оказать достойное сопротивление этому воинству. Неудача трапезундской обороны в 1456 г., столь эффективной во второй половине XIV в., возможно, указывает на общее понижение ее боеспособности.

12. ПОХОД ХИЗР-БЕКА

Как уже упоминалось, Хизр-бек, анатолийский османский полководец, узнав о действиях Джунайда на Понте, поспешил нанести еще один удар по Трапезунду. Интересно, что Джунайд, только прослышав о приближении османов, бежал из Понта, вероятно, испугавшись открытого столкновения с турками. Что касается Хизр-бека, то он, как видно, намеренно использовал эффект, произведенным походом Джунайда и понадеялся легко взять сам Трапезунд. Халкокондил весьма лаконично сообщает о кампании Хизр-бека. Из его сообщения следует, что турки вновь, как в 1427–28 гг., решили испробовать нападение на Трапезунд с моря. Поход этот происходил во второй половине 1456 г., скорее всего, летом или же осенью. В результате атаки турок, император Иоанн выплатил им дань в 2000 золотых; Хизр-бек, в ответ на это, освободил только что взятых им греческих пленников⁹².

В ноябре 1458 г. брат Иоанна IV деспот Давид отправился в ставку Мехмеда II и подтвердил договор с турками; дань трапезундцев османам была увеличена до 3000 золотых⁹³.

Повышение дани последовало через полных два года после нападения Хизр-бека и, по-видимому, было связано не только с описанными событиями 1456 г., но и с новым сближением примерно в это время между Трапезундом и султаном Ак-Куйунлу.

⁹¹ М. Куршанскис считает, что поход Джунайда был инспирирован султаном Ак-Куйунлу Узун-Хасаном, однако, как представляется, в истории этого инцидента нет ничего, чтобы заставляло нас делать такой вывод (*Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 79*).

⁹² *Chalkokondyles. T. 2. P. 178, 222*. На то, что эта экспедиция была сугубо морской, но не комбинированной — сухопутной и морской, впервые обратили внимание Э. Брайер и Д. Винфильд: *Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. 1. P. 63*.

См. также: *Hammer J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 1. S. 57; Finlay G. A History of Greece. Vol. IV. Oxford, 1877. P. 477; Miller W. Trebizond. P. 88; Babinger Fr. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1959. S. 201; Hinz W. Irans Aufstieg. S. 31; Janssens E. Trébizonde. P. 136–137; Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 79.*

⁹³ *Chalkokondyles. T. 2. P. 218¹⁶, 223¹⁴*; Die Osmanen in Europa. Erinnerungen und Berichte türkischer Geschichtsschreiber / Ausgewählt und herausg. von S. Schreiner. Graz; Wien; Köln, 1985. S. 78; *Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 79*.

13. СОЮЗ С УЗУН-ХАСАНОМ

В прошлых главах нам уже приходилось писать о тесных связях между туркменами *ак-куйунлу* и Великими Комнинами. Однако, если для второй половины XIV и начала XV в. союз между туркменами и понтийскими греками фиксируется в целом ряде источников, то после первых десятилетий XV в. (см. выше гл. IV) не дошло известий о каких-либо связях между Великими Комнинами и туркменами *ак-куйунлу*. Дело, как кажется, не в том, что сведения о наличии таких контактов не сохранились в источниках. Как видно, в действительности, в отношениях между султанатом Ак-Куйунлу и Трапезундской империей наступил продолжительный период взаимного охлаждения, связанный, по всей видимости, с явной проосманской позицией императора Иоанна IV, о которой много говорилось выше.

Османь же для правителей Ак-Куйунлу были злейшими врагами. Более того, османь были неизменными и ближайшими союзниками туркмен *кара-куйунлу*, которые остро соперничали с *ак-куйунлу* еще со второй половины XIV в. и на протяжении всей последующей истории. Трудно вспомнить хотя бы один эпизод в истории взаимоотношений Ак-Куйунлу и османов, когда бы они безоговорочно выступили сообща. Кстати говоря, поход шейха Джунайда на Трапезунд является косвенным указанием на разрыв давней связи между греками и *ак-куйунлу*. Если в предыдущем столетии туркмены составляли «внешний» оборонительный пояс для границ империи, то теперь они беспрепятственно пропустили через свою территорию войнство Джунайда.

Как бы то ни было, но после превращения Иоанна IV в данника османов и недвусмысленной турецкой «разведки боем», осуществленной Хизр-беком, стало очевидным, что нашествие Мехмеда II на Понт может произойти весьма скоро⁹⁴. Великие Комнины, вероятно, понимали, что турки вряд ли всерьез попытаются завоевать византийский Понт до того, как взят Константинополь — их вожделенная цель. После падения Палеологов, Великие Комнины в одночасье превратились в единственных хранителей и гарантов византийского имперского наследия, в последних безоговорочно легитимных царей византийского мира. Пока Великие Комнины оставались у власти, турецкий султан не мог себя ощущать неоспоримым наследником римского императорского титула — *qayşar-i Rûm*, «Кесаря Романии».

Теперь, после падения Константинополя, Иоанн IV не мог не понимать, что следующей жертвой османов будет его царство⁹⁵. И в этих услови-

⁹⁴ Так считал М. Куршанскис, высказавший мнение, что именно поход Хизр-бека подтолкнул Иоанна IV к союзу с Узун-Хасаном (*Kurşanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 79*).

⁹⁵ Неизбежность османской атаки на Трапезунд после падения Константинополя, несомненно, осознавалась наиболее прозорливыми современниками, как, на-

ях Иоанн IV попытался найти защиту у самых верных союзников Великих Комнинов в мусульманском мире — туркмен *ак-куйунлу*. Тем более, что с какими-то эмирами *ак-куйунлу*, своими современниками и потомками Кара-Йулука Чусмана и его жены из дома Великих Комнинов, он находился в родственных отношениях. Кто из сыновей Кара-Йулука родился от этого брака — установить пока не удастся, но присутствие их или их потомков в туркменской элите того времени представляется почти бесспорным.

Итак, вероятно, достаточно скоро после атаки Хизр-бека Иоанн IV вошел в контакт с государем султаната Ак-Куйунлу султаном Узун-Хасаном, который примерно в это время успешно завершал объединение Восточной Анатолии под своей властью. Мнения исследователей о дате заключения союза расходятся. Дж. Вудс считает, что переговоры между Иоанном IV и Узун-Хасаном начались между 1456–1457 гг.; В. Хинц датирует начало этих переговоров 1457 г., а заключение союза — 1458 г.; по мнению М. Куршанскиса, заключение союза имело место летом 1458 г.⁸⁶ Такой разброс мнений связан с тем, что не сохранилось ни одного хронологически точного указания на время заключения трапезундско-туркменского союза. Однако известно, что союзный договор был скреплен очередным матримониальным союзом — Феодора, дочь императора Иоанна IV и племянница Давида, была выдана замуж за султана Ак-Куйунлу.⁸⁷

Как принято теперь считать, помолвка состоялась в 1457 г., а сама свадьба уже в 1458. Причем, возможно, что в качестве *nymphostolos* выступил ее дядя Давид, тогда являвшийся *деспотом*, а в будущем — последним трапезундским василевсом⁸⁸. Феодора имела и приданое — земли в трапезундских *бандах* Мацука и Сирмена⁸⁹. Как считает М. Кур-

пример, Виссарионом (см.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства. С. 163. Правда, Виссарион изложил свои взгляды относительно того, что падение Константинополя предопределило неизбежность захвата Трапезунда и других греческих земель позже — после 1470 г.)

⁸⁶ Woods I. The Aquyynlu. P. 100; Hinz W. Irans Aufstieg. S. 39–41; Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 81; см. также: Bryer A. Greeks and Turkmens. Appendix II, note 146.

⁸⁷ Diehl Ch. Catherine ou Théodora? // BZ. 1913. Bd. 22. P. 88–89; Italian Travels in Persia / Transl. by Ch. Grey. L., 1873. P. 71, 73, 178; Laurent V. David II // Dictionnaire d'Histoire et de Géographie Ecclésiastiques. P., 1959. T. XIV; Janssens E. Trébizonde. P. 146; Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde; Bryer A. Greeks and Turkmens. Appendix II, note 146; Idem. Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460–1461 // BK. 1965. T. XIX–XX (=Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series. L., 1980. № X). P. 197.

⁸⁸ Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 81; Bryer A. Greeks and Turkmens. Appendix II, note 146.

⁸⁹ Barkan O. L. Osmanlı İmparatorluğunda bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. 1953–1954. C. 15. S. 219 sayı 90; Gökbilgin M. T. XVI. yüzyıl başlarında Trabzon livası ve Doğu

шанскис, Феодора родилась после 1438 г. от той самой турчанки, жены Иоанна IV, о которой упоминал Перо Тафур¹⁰⁰. Если это действительно было так, то, скорее всего, Феодора была двуязычной, владея как греческим, так и тюркским. Двуязычие она, возможно, передала и детям — две ее дочери, по одному сообщению начала XVI в., умели изъясняться на «трапезундском греческом»¹⁰¹. При дворе Узун-Хасана она заняла видное место, став «главной» женой султана и активно участвуя в контактах султана Ак-Куйунлу с западноевропейскими союзниками. Еще в 1470-х гг., как передавали итальянцы, ее красота славилась на всем мусульманском Востоке¹⁰². Феодора сохранила христианскую веру, став покровительницей христианских подданных своего мужа. До самой своей смерти она оставалась горячей противницей турок-османов и мечтала об изгнании их, по крайней мере, из Трапезунда¹⁰³.

На наличие неких отношений между Великими Комнинами и Узун-Хасаном уже в первой половине 1458 г. косвенно указывает также внезапный разрыв между османами и султанатом Ак-Куйунлу. Мехмед II инспирирует восстание против Узун-Хасана в двух ключевых твердых припонтийского региона — в Кара-Хисаре и Кемахе, которые контролировали как подходы к Трапезунду, так и дороги во внутренние области Ак-Куйунлу. Турки помогли восставшим оружием, однако Узун-Хасан ко второй половине 1459 г. подавил мятеж¹⁰⁴.

14. ЗАМУЖЕСТВО ФЕОДОРЫ (1495)

Летом 1459 г. Давид Великий Комнин прибыл во главе посольства в ставку Узун-Хасана в местности Сарукийя под Терджаном. Об этом со-

Karadeniz Bölgesi // *Belleten*. 1962. Т. 26. С. 310–320; *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkeley, 1971. P. 355; *Beldiceanu N. Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde (1487). Monastères de la Chrysoképhale et du Pharos* // *REB*. 1977. Т. 35. P. 182 note 37; *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 136–137, Appendix II, note 146; *Idem. The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location* // *AP*. 1979. Т. 35 (= *Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos*. № VII). P. 429 ff.

¹⁰⁰ *Kursanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde*. P. 77.

¹⁰¹ *Bryer A. Ludovico da Bologna*. P. 197 note 7; *Капнов С. П. Культура Трапезундской империи* // *Культура Византии*. М., 1991. Т. 3. С. 118.

¹⁰² *Italian Travels*. P. 178.

¹⁰³ *Kursanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde*. P. 84–87; *Bryer A. Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage* // *The Writing of History in the Middle Ages. Essays presented to R. W. Southern* / Ed. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 487.

¹⁰⁴ *Abu Bakr Tihriani*. Т. 2. P. 379–382 (см. ниже русский перевод отрывка: Приложение 2).

бытии сообщают два историка: византиец Халкокондил и персидский хронист Абу Бакр Тихрани. Причем, наиболее конкретным и однозначным из них является известие Абу Бакра Тихрани:

В это же время (т. е. летом 1459 г. — *Р. Ш.*) к Сахибкирану (т. е. Узун-Хасану. — *Р. Ш.*) прибыл брат султана Трапезунда и привез богатые дары. Когда наступила осень, Сахибкиран направился в долину Эрзинджана, а сына своего брата, Мурад-бека, отправил послом к румскому султану Мухаммаду б. Мурад-хану, дабы уведомить, что «Трапезунд отдала нам и согласилась вносить *джизью*, просьба [наша] заключается в том, чтобы вы помнили установление «у меня одна овца» и не посягали на Трапезунд». Султан Мухаммад не обратил внимание на это послание...¹⁰⁵

По-видимому, о том же самом посольстве сообщал Халкокондил. Рассказывая о выступлении Мехмеда II в поход против трапезундского василевса Давида, он пишет о Давиде:

«...который был другом Хасан-беку и был близким родственником [ему], поскольку его брат царь Иоанн и сам царь Давид отдали замуж за Хасана Длинного¹⁰⁶ дочь Иоанна и племянницу Давида. Царь Давид просил Хасана, чтобы Хасан повел переговоры с царем Мехмедом, дабы впредь [тог] не брал дани с Трапезунда себе, но, скорее, желая, чтобы царь Мехмед пожаловал [ее] Хасану. Итак, послы Хасана пришли к царю [Мехмеду], говорили и о других вещах надменно, более того, требовали, чтобы им [он] уступил дань с Колхидской земли»¹⁰⁷.

Близость обоих текстов знаменательна: оба автора согласны в следующих ключевых моментах: 1) упоминание о посольстве Великих Комнинов к Узун-Хасану; 2) упоминание о связанном с ним посольстве Узун-Хасана к Мехмеду II; 3) требование послов Узун-Хасана снять дань с Трапезунда; 4) указание на то, что Трапезунд платит (у Абу Бакра) или собирается платить (у Халкокондила) дань султанату Ак-Куйунлу.

Достоверность содержащейся у Абу Бакра Тихрани даты посольства Ак-Куйунлу к Мехмеду II подтверждается Дукой, который так же относит

¹⁰⁵ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 382. См. Приложение 2 с переводом продолжения этого отрывка, из которого следует, что Узун-Хасан находился в это время в Эрзинджане.

¹⁰⁶ Перевод тюркского прозвища Узун-Хасана — «Длинный Хасан».

¹⁰⁷ *Chalkokondyles*. Т. 2. Р. 243¹²¹. ὃς ἐπιτηδεύας ἔχων τὸν Χασάνην καὶ συνήθης γενόμενος, καὶ μᾶλλον ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ βασιλεὺς Ἰωάννης, καὶ αὐτὸς βασιλεὺς Δαβὶδ ἐξέδοτο ἐς γάμον θυγατέρα Ἰωάννου καὶ Δαβὶδ ἀνεψιάν Χασάνην τῷ μακρῷ. Καὶ προσεδεῖτο βασιλεὺς Δαβὶδ τὸν Χασάνην διαπράξασθαι [τὸν Χασάνην] ἐς τὸν βασιλεῖα Μεχμέτην τοῦ λοιποῦ μὴ ἀπάγειν τὸν φόρον τῆς Τραπεζοῦντος πρὸς αὐτόν, ἀλλὰ ζητῶν μᾶλλον ἀποχαρίσασθαι τῷ Χασάνῃ βασιλεὺς Μεχμέτης. οἱ μὲν οὖν Χασάνειοι πρέσβεις ἐς βασιλεῖα ἀφικόμενοι διελέγοντο μὲν καὶ ἄλλα ὑπερφανῇ, ἐν δὲ δὴ καὶ τότε ἤξιουν, σφίσιν ἀφεθῆναι τὸν τῆς Κολχίδος χώρας φόρον.

прибытие посланников от «Узун-Хасана, властвующего в землях Армении и соседствующего с *колхами*» к событиям второй половины 1459 г.¹⁰⁸

Каких-либо более ранних известий о личном посещении Давидом ставки Узун-Хасана в источниках нет. В силу близости двух цитировавшихся текстов, основных источников по времени заключения союза между Трапезундской империей и Ак-Куйунлу, следует сделать вывод, что Давид привез свою племянницу Феодору и выдал ее замуж за Узун-Хасана летом 1459 г.

Эта датировка противоречит общепринятой исследователями схеме, согласно которой матримониальный союз между Великими Комнинами и Узун-Хасаном был заключен в 1458 или даже 1457 г. По утверждению итальянских источников, Феодора была выдана замуж еще при жизни Иоанна IV¹⁰⁹; с другой стороны, согласно приписываемому Давиду письму к бургундскому герцогу, которое в действительности, вероятно, было составлено Михаилом Алигьери, Феодору женил сам Давид¹¹⁰. Упомянутое апокрифическое письмо Давида датировано 22 апреля 1459 г., и, как следует из его содержания, Иоанн IV к этому времени уже умер, Давид стал императором, а Феодора уже была выдана замуж. Поскольку точное время смерти Иоанна IV тогда еще не было известно, то напрашивался вывод, что свадьба произошла скорее всего в 1458 г. до смерти Иоанна IV, а Давид, в качестве *pnyth-photolos*, еще при жизни Иоанна IV отвез ее к Узун-Хасану. (Весьма путанная формулировка Халкокондила — Феодора была выдана замуж за Узун-Хасана «царем Иоанном и самим царем Давидом» — не способствовала прояснению дела, но в целом подтверждала приведенную схему¹¹¹.)

Однако, согласно письму, адресованному генуэзской администрацией Каффы в метрополию, которое недавно было обнаружено и опубликовано Т. Ганшу, Иоанн IV, на самом деле, умер весной 1460 г. (после 19 апреля и до 5 мая)¹¹².

Эта новая датировка ставит все на свои места — она находится в полном согласии с известием Абу Бакра Тихрани, в целом подтвержденным Халкокондиллом, о прибытии летом 1459 г. в Эрзинджан «брата султана Трапезунда», под которым вне всяких сомнений подразумевался *деспот* Давид. Следовательно, именно летом 1459 г., когда Иоанн IV был еще жив, Феодора была привезена Узун-Хасану, но не в 1458 г. или раньше, как предполагали некоторые исследователи. Тогда же, надо думать, был заключен и союз между Трапезундской империей и Ак-Куйунлу.

Таким образом, дату женитьбы Узун-Хасана и Феодоры, а также заключения союза следует отнести к 1459 г.

¹⁰⁸ *Ducas*. XLV. 10. P. 425. Дука, говоря о содержании посольства Узун-Хасана, утверждает, что послы требовали дань с самого Мехмеда II на том основании, что, якобы, прежде предки Мехмеда II были данниками государей Ак-Куйунлу.

¹⁰⁹ *Italian Travels*. P. 9, 179.

¹¹⁰ *Bryer A. Ludovico da Bologna*. P. 197.

¹¹¹ *Kursanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde*. P. 80.

¹¹² *Ganchou T. La date de la mort du basileus Jean IV Komnénos de Trébizonde* // *BZ*. 2000. Bd. 93/1. P. 120ff.

15. ТРАПЕЗУНД — ДАННИК УЗУН-ХАСАНА

В отношении содержания посольства Давида к Узун-Хасану и возникших отношений между Трапезундской империей и Ак-Куйунлу только Абу Бакр Тихрани утверждает, что Трапезундская империя приняла покровительство Ак-Куйунлу и стала выплачивать *джизью*. Кроме приведенного отрывка, Тихрани еще в одном месте говорит о требовании Узун-Хасана именно «отдать» ему Трапезунд¹¹³. Текст Халкокондила косвенно подтверждает это, указывая на готовность Давида выплачивать дань скорее туркменам, чем Мехмеду, и вкладывая в уста туркменских послов требование «уступить» дань с Трапезунда Узун-Хасану¹¹⁴.

Можно предположить, что Трапезундская империя, чтобы защититься от османов, действительно, перешла под верховный сюзеренитет Узун-Хасана. С точки зрения мусульманской политической доктрины, формальное признание империей сюзеренитета Ак-Куйунлу было бы целесообразным. По мусульманскому праву, землей, враждебной исламу и подлежащей завоеванию, были те страны, которыми управляла немусульманская администрация, не признававшая верховной власти ислама. В том случае, если иноверцы согласятся платить подушную подать (*jiziya*), примут представителей мусульманской власти и суда, разрешат свободно исповедовать ислам на своей территории, само понятие «газават» по отношению к этой стране теряет смысл.

Если Трапезундская империя приняла сюзеренитет Узун-Хасана, то по мусульманскому праву она включалась в «мир ислама» (*dār al-islām*) и война с ней превращалась в агрессию против мусульманской державы Узун-Хасана. Формальное признание Узун-Хасана сюзереном явилось бы весьма удачным политическим маневром. Если Давид не признал власти Ак-Куйунлу, то на каком основании могли требовать послы Узун-Хасана снять дань с Трапезунда? Скорее всего, Трапезундская империя формально приняла сюзеренитет Ак-Куйунлу, и именно этот пункт Узун-Хасан пытался эксплуатировать в переговорах с Мехмедом II.

16. НЕУДАЧНАЯ АТАКА УЗУН-ХАСАНА

Осенью 1459 г., одновременно с отправкой ко двору Мехмеда II Мурад-бека, султан Ак-Куйунлу выслал войска к контролируемым турками крепостям Коюль-Хисар и Мелет. Через Коюль-Хисар же лежал путь в долину Келькита, через которую можно было добраться до района Байбурта и с востока выйти на Трапезунд. Мелет прикрывал выход на север к Черному морю в районе Воны и Керасунта и на запад в глубь осман-

¹¹³ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 386. См. также Приложение 2.

¹¹⁴ Ср. со сходной интерпретацией данного отрывка в: *Jorga N. Geschichte des osmanischen Reiches*. Bd. II. S. 99.

ских владений в Джанике. Коюль-Хисар вскоре был взят, но Мелет покорить не удалось¹¹⁵.

По-видимому, это военное предприятие Ак-Куйунлу заняло не так много времени, поскольку уже зимой 1459/60 г. в восточную Анатолию прибывает 25 тысяч турок во главе с Хамза-беком, отправленных Мехмедом II для захвата Коюль-Хисара. Однако, османам, осаждавшим Коюль-Хисар до весны, удалось лишь опустошить окрестности крепости¹¹⁶. Сам Мехмед II готовился в это время к походу против Морей¹¹⁷. Видимо, не желая оставлять врага в своем тылу, он идет на заключение мира (или перемирия) с Узун-Хасаном. К султану Ак-Куйунлу был прислан некий Муш-Али. Абу Бакр Тихрани пишет, что Узун-Хасан вместе с турецким послом, отосланным назад к Мехмеду II, отправляет свое второе посольство во главе с Хуршид-беком (весной или летом 1460 г.), «требуя [для себя] Трапезунд и крепости вокруг него». Мехмед II «...отправил гонцов к своим эмирам и повелел им с честью [уйти] от Трапезунда и вновь передать [власть] уполномоченным Сахибкирана»¹¹⁸.

Из сообщения Абу Бакра Тихрани приходится сделать вывод, что Хамза-бек атаковал также и территорию Трапезундской империи. Выше (гл. III и IV) мы уже высказали по этому поводу предположение, что какие-то земли бывшего эмирата потомков Хаджи Амира в начале XV в. перешли под власть Великих Комнинов. Если это так, то действия Хамзы-бека в районе Коюль-Хисара и Мелета могли затронуть пограничные крепости Великих Комнинов. Сообщение нашего источника о «передаче власти уполномоченным» Узун-Хасана не совсем ясно. Возможно, это сообщение свидетельствует о присутствии союзных туркменских контингентов в пограничных трапезундских крепостях.

Таким образом, экспедиция османов под командованием Хамза-бека в 1460 г., носившая предварительный характер, потерпела неудачу.

Особо следует подчеркнуть, что острие атаки Ак-Куйунлу в 1459–1460 гг. было направлено на крайнюю северную часть османской границы, ближайшую к пределам империи, а не южную, где находились истинные интересы Узун-Хасана — т. е. целью Узун-Хасана в этой кампании было предотвратить османский прорыв к Трапезунду с запада. Как показывает исследование Дж. Вудса, именно союз с Трапезундской империей явился причиной столкновения султаната Ак-Куйунлу и османов в 1461 г.: в конце 50–60-х гг. XV в. основной целью Узун-Хасана, претендовавшего на создание мировой державы в Иране, было продвижение на восток, но не на запад. В это время и Мехмед II желал избежать конфронтации с Узун-Хасаном — мир, в конце концов, заключенный ими в 1461 г., не

¹¹⁵ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 382. См. также Приложение 2.

¹¹⁶ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 384–385 (см. также Приложение 2); *Asikpaşa-ade* (Kreutel). S. 223; *Neşri*. Т. II. Р. 748.

¹¹⁷ *Ducas*. Р. 425.

¹¹⁸ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 386 (см. также Приложение 2).

нарушался ни одной из сторон вплоть до начала 70-х гг.¹¹⁹ Таким образом, можно констатировать, что «Трапезундский вопрос» оказался самой существенной, а может быть, и единственной причиной столкновения между Мехмедом II и Узун-Хасаном.

17. ПАДЕНИЕ ТРАПЕЗУНДА

Следующей и последней акцией турок против империи явился Трапезундский поход Мехмеда II в 1461. Спровоцировал его отчасти сам император Давид, резко активизировавший усилия по созданию международного фронта против османов на Западе и на Востоке. Тогда же в 1459 г. Великие Комнины (когда они перешли под покровительство Узун-Хасана) пытались объединить вокруг себя целый ряд европейских, анатолийских и кавказских государств.

В письмах трапезундского василевса, доставленных в Европу посольством Лудовико да Болонья, утверждается, что Великим Комнинам будто бы удалось привлечь на свою сторону царя Картли-Имерети Георгия VIII, князя Самцхе Кваркваре, мингрельского князя Липарита, абхазского князя Рабию, князя Гурин, черкесов и осетин. Из мусульманских правителей Великих Комнинов якобы были готовы поддержать против турок аданский эмир Рамазан, Узун-Хасан, султан государства Караман Ибрахим-бек, эмир Синопа-Кастамона Исма'ил-бек. Посольство Лудовико посетило императора Священной Римской империи Фридриха III, Венецию, Флоренцию, папу Пия II, герцога бургундского Филиппа Доброго, короля Франции Карла VII, а после его смерти Людовика XI. Повсюду послы, поддерживаемые Пием II, призывали оказать военную поддержку Трапезунду против турок, т. е., по существу, организовать очередной крестовый поход¹²⁰.

Сейчас у исследователей возникают серьезные сомнения в полномочиях посольства и в реальности, обрисованной послами антитурецкой коалиции. Э. Брайер убедительно показал, что письма от Давида Великого Комнина и грузинских государей, которые привезло посольство, скорее всего, были фальшивыми. Сам Лудовико да Болонья был в конце концов разоблачен папой как шарлатан.

Однако, далеко не все в этих письмах было ложью. Союз между Великими Комнинами и Узун-Хасаном действительно существовал. Существование антиосманского союза между Узун-Хасаном, синопским Исма'илом Джандаром и султаном Караман Ибрахимом также подтверждается источниками¹²¹. (Хотя, при захвате Синопа Мехмедом в 1461 г.

¹¹⁹ Woods J. The Aqquyunlu. P. 103.

¹²⁰ Bryer A. Ludovico da Bologna; Карнов С. П. Трапезундская империя. С. 156–160 и далее.

¹²¹ См., например: *Aşıkpaşa-zade* (Kreutel). S. 219–223, 226–227; *Erzi A. S. Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar* // *Belleten*. 1954. T. 18. S. 205–210 (об Ибрахим-беке, султани Караман).

ни султан Караман, ни султан Узун-Хасан не оказали ощутимой военной поддержки Джандарам.) Обращение Давида к Западной Европе в преддверии османского вторжения представляется естественным и закономерным шагом. Скорее всего, Лудовико все же имел какие-то поручения от Давида и обнадежил его, хотя отчетливо проглядывавшее шарлатанство во всей организации посольства, вероятно, было замечено в европейских столицах и, как отметил Э. Брайер, сослужило дурную службу реально намечавшемуся антиосманскому альянсу и, возможно, даже ускорило разгром Трапезундской империи¹²².

Литература, посвященная падению Трапезунда, обширна¹²³. Однако основная масса исследований опирается на довольно схематичные данные греческих хроник (Халкокондила, Дуки, Кривоула и некоторых других)¹²⁴ и наиболее известных турецких (Са'ад ал-Дин, Нешри), которые, однако, не являются самыми репрезентативными.

Наиболее полон текст греческого исследователя А. Вакалопулоса¹²⁵. Он хотя и рассмотрел материал в традиционном ключе, но, вместе с тем, указал на некоторые новые пути в разработке темы, внимательнее и глубже своих предшественников ознакомившись с некоторыми из османских источников и современных турецких исследований.

Новый взгляд на события 1461 г. содержится в изданиях Х. Лаури, анализировавшего поздние османские *тахриры* и по-новому оценившего известные греческие тексты¹²⁶, а также Э. Брайера и Д. Уинфильда, которые привлекли целый ряд малоисследованных и малоизвестных турецких и западноевропейских источников и которые имели возможность прямо на месте — в самом Трапезунде и в Понтийской области, — оценить дошедшие до нас свидетельства современников¹²⁷. Новая версия османского похода на Трапезунд, изложенная в книге Э. Брайера и Д. Уинфильда, базируется на хронике Турсун-бека, участника похода Мехмеда II на Трапезунд, и реконструирует маршруты продвижения османских

¹²² Bryer A. Ludovico da Bologna. P. 195.

¹²³ Наиболее полную библиографическую сводку можно составить по: Savvides A., Lampakis S. *Genike bibliographia peri tou byzantinou Pontou kai tou kratous ton Megalon Komnenon tes Trapezountas*. Athena, 1992.

¹²⁴ Все репрезентативные греческие источники по падению Трапезунда собраны и прокомментированы в: *Lampsidis Od. Pos helothie he Trapezous* // AP. 1952. T. 17. P. 15–54; см. также: Savvides A. *Ashik-pasha-zade on the Conquest of Trebizond by the Ottoman Turks in A. D. 1461* // AP. 1987. T. 42. P. 240–247; Zachariadou E. *Schetika me ton Asik-pasa-zade kai tes halose tes Trapezountas* // AP. 1988/1989. T. 42. P. 134–138.

¹²⁵ Vacalopoulos A. E. *Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461*. New Brunswick, 1970. P. 221–231.

¹²⁶ Lowry H. *The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trabzon (ca. 1486–1583)* / A diss... Un. of California. Los Angeles, 1977 (турецкий перевод работы: Lowry H. *Trabzon şehrinin islamlaşma ve türkleşmesi: 1463–1583*. Istanbul, 1981).

¹²⁷ Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 60–65.

войск¹²⁸. В общем, изложение обстоятельств похода Мехмеда в этих трех работах можно считать исчерпывающим для ныне существующего комплекса греческих, турецких и большей части западноевропейских источников¹²⁹. К сведениям, собранным в этих исследованиях, следует только добавить данные Абу Бакра Тихрани о столкновении между Узун-Хасаном и Мехмедом II, уже комментировавшиеся турецкими историками О. Байкалом и Я. Юджелем, а также вкратце пересказанные М. Куршанским по работе Дж. Вудса¹³⁰.

Турки готовились к походу против Трапезундской империи зимой 1460/61 г., однако до самого последнего момента Мехмед II скрывал цель своего похода. Снаряженная армия состояла из трех главных элементов: флот во главе с Касым-беком и Иакуб-беком (около 100 судов с осадной артиллерией на борту), сухопутный корпус великого визира Махмуд-паши и сухопутные войска во главе с самим султаном Мехмедом II. Общая численность турецких войск оценивается современными исследователями в 150 тысяч человек (60000 конных и 80000 пеших воинов)¹³¹. Османское войско сопровождал огромный обоз, в котором в качестве гужевого транспорта использовались и верблюды — животные, как считалось, наиболее выносливые. После 23 марта 1461 г. Мехмед II выступает на Эдирне (Адрианополь). Той же весной был отправлен и флот в Черное море. 21 апреля Махмуд-паша уже находился в Брусе. Вскоре туда прибывает и Мехмед II со своим войском. В середине мая османская армия оказалась уже в Анкаре.

После отказа эмира Синопа Исма'ил-бека Джандара присоединиться к походу со своим войском, Махмуд-паша совершает марш к Синопу и берет город без боя (до 10 июля). Мехмед II стоял в это время в Кастамоне, а затем приблизился к Синопу. Он лично принял Исма'ил-бека и отнял у него страну, пообещав взамен новые владения в азиатской Турции¹³².

Точную хронологию дальнейших передвижений османского войска пока восстановить не удастся. Из бывших владений Исфаидийаридов османы пошли по дороге через Касаба (8 часов пути западнее Мерзифона) — Амасью — Ладик и далее к Коюль-Хисару. Вопреки мнению Э. Брайера

¹²⁸ *Tursun-beg. The History of Mehmed the Conqueror* / Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey. Minneapolis; Chicago, 1978.

¹²⁹ Пока сохраняется надежда, что нечто новое могут сообщить итальянские, в первую очередь венецианские и генуэзские, неопубликованные источники того времени, исследование которых продолжается по сию пору (см., например, 1–5 вып. сб.: Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991–2001).

¹³⁰ *Baykal B. S. Die Rivalität zwischen Uzun Hasan und Mehmet II; Idem. Fatih Sultan Mehmed-Uzun Hasan rekabetinde Trabzon meselesi // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1964. T. 11 (3–4); Idem. Die Vorbereitungen Uzun Hasans zum Entscheidungskampf gegen die Osmanen und der Beginn des Krieges // Belleten. 1957. T. 21. S. 285–296; Yücel Y. Fatih'in Trabzon'u fethi oncesinde Osmanlı-Trabzon-Akoyunlu ilişkileri; Kurşankis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 81.*

¹³¹ *Babinger Fr. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. S. 204.*

¹³² См. Приложение 1.

и Д. Уинфильда, которые опирались на сообщение Халкокондила, Мехмед II, по всей видимости, в Сивас не заходил¹³³. Косвенно это отмечает и Критовул, писавший, что из Пафлагонии к Тигранокерту (Эрзинджану) турки двигались по труднодоступным горным дорогам¹³⁴.

Подойдя к Коюль-Хисару, принадлежавшему Узун-Хасану, турки осадили крепость и начали ее бомбардировку из осадных пушек. На третий день осады крепость сдалась. Затем турки свернули на юго-восток к Эрзинджану, опорной твердыне в северо-западной части султаната Ак-Куйунлу. Они встали лагерем в Йасы-Чаман, примерно в 30 км севернее Эрзинджана в горах Сепикёр; войска Ак-Куйунлу встали в местности Урум-Сарай. Через некоторое время Мехмед двинулся в долину Эрзинджана, вызывая этим Узун Хасана на генеральное сражение. Узнав о движении османского войска, Узун Хасан повелел своим эмирам устроить засаду в Кайкубском ущелье на подходах к долине. В засаду попал отряд турецкого полководца Ахмад-паши Кадука; войсками Ак-Куйунлу, по сообщению Бидлиси, командовал Хуршид-бек¹³⁵. Абу Бакр Тихрани и османские историки в похожих выражениях сообщают о жестокости битвы. Идрис Бидлиси пишет, что победа досталась туркам, Абу Бакр Тихрани утверждает, что турки с позором бежали. Константин из Островицы сообщает, что турки были разбиты, но спас их от полного поражения янычарский корпус¹³⁶. Исход сражения не ясен и нам.

После сражения между османами и Ак-Куйунлу начались переговоры. В лагерь Мехмеда II прибывает для переговоров Сара-Хатун, мать Узун-Хасана, известная своими дипломатическими миссиями¹³⁷. В момент прибытия посольства Мехмед II отошел на север к местности Келькит, будто бы отказавшись от дальнейших действий против Ак-Куйунлу¹³⁸. Однако затем Мехмед II забирает Сара-Хатун вместе с собой в поход на Трапезунд в качестве заложницы, окончательно связав тем самым руки Узун-Хасану, и отправляется к Байбурту¹³⁹.

¹³³ *Ibn Kemal*. *Tevârih-i Âli Osman*. VII. Defter / Hazırlyyan Dr. Şerafettin Turan. Ankara, 1957. P. 190 n. 3.

¹³⁴ *Critobulos*. IV, 6. 1.

¹³⁵ *Идрис Бидлиси*. Хашт биhiшт. Л. 301 (см. также Приложение 1); *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. P. 390–391 (см. также Приложение 2); *Neşri*. Т. II. P. 750/751. Хуршид-бек, стоявший во главе войск Ак-Куйунлу, вероятно, был тем самым Хуршид-беком, который возглавлял посольство Узун-Хасана к османам весной или летом 1460 г.

¹³⁶ *Константин Михайлович из Островицы*. Записки янычара / Введение, перевод и комментарии А. И. Рогова. М., 1978. С. 83–84. Один из последних комментариёв к описанию Константином взятия Трапезунда см. в: *Radic R. Serbian Sources on the Turkish Conquest of Trebizond in 1461* // *AP*. 1996–1997. Т. 48. P. 125–130.

¹³⁷ *Aşikpaşa-zade* (Kreutel). S. 225; *Neşri*. Т. II. P. 752; *Critobulos*. IV, 6. 1; *Chalkokondyles*. Т. 2. P. 244.

¹³⁸ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. P. 391 (см. также Приложение 2).

¹³⁹ *Бидлиси*. Хашт биhiшт. Л. 3016 (см. также Приложение 1); *Aşikpaşa-zade* (Kreutel). S. 225; *Critobulos*. IV, 6. 2–3.

В чем причина неудачи Узун-Хасана? Все же туркмены *ак-куйунлу* располагали на тот момент самой боеспособной конницей в регионе, а огнестрельное оружие (один из будущих «козырей» турок-османов в войнах с государями Востока) в те годы только испытывалось Мехмедом II как средство осады и еще не играло никакой роли в открытых столкновениях. С другой стороны, очевидно, что Узун-Хасан не был настроен на легкие компромиссы с турками. Как показали последующие события, Узун-Хасан оказался последовательным противником османов: он старался вовлечь в союз против Мехмеда II европейцев, надеялся водвориться в Трапезунде, однако в 70-х гг., попытавшись взять реванш, потерпел от турок сокрушительное поражение, решившее судьбу султана Ак-Куйунлу¹⁴⁰.

Абу Бакр Тихрани вскользь обронил выше, что когда «ратники» [*lashkariyān*] Узун-Хасана узнали о нападении Мехмеда II на Синопский эмират, они решили, что вторжение османов в пределы султаната Ак-Куйунлу произойдет нескоро и разошлись по своим «местам», т. е. квартирам¹⁴¹. Другими словами, Абу Бакр свидетельствует о том, что в момент вторжения войска Ак-Куйунлу были рассредоточены и не были готовы к серьезной войне. Несомненно, это было ошибкой самого Узун-Хасана, которую верноподданный хронист приписал его подчиненным. В результате этой роковой ошибки Узун-Хасан, вероятно, оказался не в состоянии должным образом ответить на турецкий вызов.

На ошибочное решение Узун-Хасана, вероятно, в большой степени повлияла «дезинформационная атака», предпринятая Мехмедом II перед его анатолийским походом. Мехмед II, встревоженный деятельностью Лудовико да Болонья и неоспоримой силой Узун-Хасана в военном отношении, готовил анатолийский поход в глубоком секрете. Следует подчеркнуть, что Мехмед II всерьез опасался Узун-Хасана — османский историк Нешри считал, что главной причиной похода явилась недружественная политика Ак-Куйунлу¹⁴². Широко известен пассаж из сочинения Дуки, в котором в ответ на вопрос одного из своих приближенных, куда отправляется столь могучее войско, собранное Мехмедом II, султан ответил: «Если узнаю, что один волос из моей бороды крадет у меня мою

¹⁴⁰ См., например: *Kuršanskis M.* Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 83–87. О взаимоотношениях Османского султаната и Ак-Куйунлу см. также: *Махмудов Я.* Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV — начало XVII в.). Баку, 1991. С. 52–57, 66–117. В поисках союзников против турков Узун-Хасан установил связь даже с Польшей (1474 г.): *Halecki O.* La Pologne et l'empire byzantin // *Byzantion*. 1932. T. 7. P. 66; более полная работа: *Dąbrowska M.* Uzun Hasan's Project of Alliance with the Polish King (1474) // *Mélanges d'histoire byzantine offerts à O. Jurewicz à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire*. Łódź, 1998. P. 171–185.

¹⁴¹ *Abu Bakr Tihrani.* T. 2. P. 389 (см. также Приложение 2).

¹⁴² *Negri.* T. II. P. 740.

тайну, вырву его и сожгу!» Рассказав эту историю, Дука заключает: «Так скрытен и гневлив [был этот] муж!»¹⁴³. Дука слишком поверхностен в своей оценке — на самом деле, Мехмед II был тем политиком, который знал истинную цену «информационной войне»¹⁴⁴.

Кроме того, Абу Бакр Тихрани утверждает, что султан Мехмед II первым направил посла к Ак-Куйунлу и обещал не трогать Трапезунд, если к нему прибудет для переговоров Сара-Хатун, но, в конце концов, он нарушил обещание¹⁴⁵. Таким образом, Мехмед II во второй раз обманул Узун-Хасана.

Можно, поэтому, предположить, что успех Мехмеда II и неудача Узун-Хасана в столкновении за Трапезунд была обусловлена целым комплексом глубоко продуманных дипломатических и военных шагов османского султана. Мехмед II обыграл своих соперников по всем статьям, продемонстрировав, в частности, высокую роль интеллектуального усилия в мировой политике.

Как бы то ни было, попытки Узун-Хасана защитить Трапезунд провалились, император Давид Великий Комнин остался в одиночестве.

Как показали Э. Брайер и Д. Уинфильд, основывавшиеся на хронике Турсун-бека, в Байбурте османское сухопутное войско делится на две части: одна часть войска во главе с Махмуд-пашой обошла Халдию и Машуку через Хериану с юга, и через Кордилу выходит к Трапезунду с запада; другая часть войска во главе с султаном по труднодоступным тропам обходит центральный укрепленный район империи справа и выходит к городу с востока. В общих чертах это подтверждается и Идрисом Бидлиси: «справа и слева, со стороны равнины (т. е. с запада — войска Махмуд-паши. — *Р. Ш.*) и [со стороны] гор (т. е. с юго-востока — войска Мехмеда. — *Р. Ш.*) в долине Трапезунда появились ряды отрядов султанского воинства»¹⁴⁶. Подтверждает это и османский хронист Ибн Кемал: «Когда Султан, на вождя туркмен и курдов совершив набег, подошел через Байбурт к области Трапезунд, сделал великого визира Махмуд-пашу [главой] авангарда, румелийские войска победных знамен вместе с упомянутым [визиром], [обладающим] счастливыми знаменьями, отослал налево, сам с многочисленным войском азиатской земли, с пешим и конным дворцовым людом пошел прямо (yukarı)»¹⁴⁷.

¹⁴³ *Ducas*. XLV. 15.

¹⁴⁴ Сохранение в тайне своих ближайших планов, введение в заблуждение относительно готовящихся шагов — было известным приемом в военной истории древности и средневековья. В качестве ближайшей параллели маневру Мехмеда II можно привести пример сицилийского короля Вильгельма II, который в 1185 г., готовясь к нападению на Византию, скрывал цель предстоящего похода и распространял ложные слухи (*Brand C. M. Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge; Mass., 1968. P. 162*).

¹⁴⁵ *Abu Bakr Tihrani*. Т. 2. Р. 392 (см. также Приложение 2).

¹⁴⁶ *Идрис Бидлиси*. Хашт бихишт. Л. 3026 (см. также Приложение 1).

¹⁴⁷ *Ibn Kemal. Tevârih-i Âli Osman*. P. 190.

К этому времени уже около месяца трапезундцы успешно отражали атаки турецкого морского десанта. Осажденные смоглидержать натиск десанта, хотя противнику удалось овладеть пригородами¹⁴⁸.

Махмуд-паша подошел к Трапезунду на один день раньше Мехмеда. После появления под городом штандартов султана, император Давид сдался, выговорив, по всей видимости, сохранение жизни и части имущества для своей семьи и для себя, и освобождение от грабежа и убийств для своих подданных.

Мехмед II отправил Давида с семьей в Константинополь. Вместе с ним была выслана и часть трапезундской знати. Средние и низшие слои населения не только не были переселены, но и не подверглись, по условиям сдачи, грабежу¹⁴⁹. По устной понтийской традиции город был взят 15 августа 1461 г.¹⁵⁰ То, что событие произошло в августе 1461 г., подтверждается и недавно опубликованной «малой хроникой» трапезундского происхождения: ἐπάρθη ἡ Τραπεζοῦντα τῶν τοῦς ἡμεῶν ἀνδράσιν («Трапезунд был взят в году 6969 [1461], в месяце августе») ¹⁵¹.

Как отмечает Абу Бакр Тихрани, Узун-Хасан во время взятия Трапезунда Мехмедом II не стал нападать на беззащитные коммуникации турок в Джанике. На обратном пути из Трапезунда через Джаник Мехмед II отправил Сара-Хатун назад к Узун-Хасану, сопроводив ее примирительным посольством во главе со своим сыном Кутлушахом¹⁵².

¹⁴⁸ Как отметили Э. Брайер и Д. Уинфильд, схема комбинированного морского и сухопутного нападения на Трапезунд, возможно, была подсказана Мехмеду II недавними экспедициями Хизр-бека и Джунайда. Обе они были неудачны, поэтому османский султан, возможно, пришел к выводу о необходимости полной блокады города с моря и суши: подобно тому, как это делал Хизр-бек, турецкий флот высадил десант в пригородах Трапезунда, а визир Махмуд-паша, подобно Джунайду, обошел неприступные крепости в Халдии и Мауике с юга и атаковал Трапезунд с запада (Bryer A., Winfield D. *The Byzantine Monuments*. Vol. 1. P. 63).

¹⁴⁹ Lowry H. *The Ottoman Tahrir Defters*. P. 27–30; Beldiceanu N. *Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde*. P. 187.

¹⁵⁰ Bryer A. *Ludovico da Bologna*. P. 193 note 63. Cf.: Babinger Fr. *La date de la prise de Trébizonde par les turcs (1461)* // REB. 1950. T. 7. P. 205–207; Schreiner P. *Die byzantinischen Kleinchroniken*. Bd. II. S. 499–500.

¹⁵¹ Prinzing G. *Trapezuntia in Krakau. Über die Kleinchronik und andere Texte im Cod. Berolin. graec. qu. 5* // POLUPLEUROS NOUS. *Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag* / Hrsg. von C. Scholz und G. Makris. München; Leipzig, 2000. S. 293 (№ 2), 294.

¹⁵² Critobulos. IV, 84–85; *Aşikpaşa-zade* (Kreutel). S. 226; *Abu Bakr Tihrani*. T. 2. P. 392.

* * *

26 марта 1463 г. Давид, трое его сыновей и его племянник Алексей (сын императора Иоанна или другого брата — Александра) были брошены турками в темницу в Адрианополе. Причиной явилось попавшее к Мехмеду II письмо (возможно, подложное) Феодоры, жены Узун-Хасана, в котором содержалась просьба прислать ко двору Узун-Хасана Алексея, племянника императора Давида, чтобы возвести его на трапезундский престол, если туркменам удастся взять Трапезунд. Разгневанный Мехмед велел казнить Давида с сыновьями и племянником. Казнь состоялась в Константинополе 1 ноября 1463 г.¹⁵³

¹⁵³ Подробнее см.: *Chalkokondyles*. Т. 2. Р. 248–249; *Papadopoulos-Kerameus A. Trapezountiaka. Byzantina Chronika* // BB. 1898. Т. 5. Р. 680; *Powell J. Die letzten Tage der Gross Komnenen* // BZ. 1937. Bd. 37. S. 359–360; *Laurent V. Le vaticanus latinus 4789* // REB. 1951. Т. 9. Р. 88–89; *Gamillscheg E. Der Kopist der Par. Gr. 428 und des Ende der Gross Komnenen* // JÖB. 1986. Bd. 36. S. 295–300. В работе Э. Гамильшер даны отсылки к другим источникам и исследованиям относительно смерти последнего Великого Комнина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на тесное соседство с мусульманским миром, Трапезундская империя сохраняла все особенности византийской монархии. Как показывает опыт военно-дипломатической истории, исследовавшийся в настоящей книге, политический и культурный центр мира в глазах трапезундцев находился на западе от границ империи — в Константинополе, в Византии.

Основным центром притяжения для понтийских греков был, конечно, Константинополь, неизбывную связь с которым трапезундцы ощущали весьма отчетливо на протяжении всей истории империи. Стремление на запад, обращенность к Западу — влиятельнейшее направление вектора их политических надежд и симпатий. В первые десятилетия своего существования Трапезундская империя пыталась продвинуться в западном направлении силой оружия. Лишившись в 1214 г. своих западных территорий, она в течение нескольких последующих десятилетий будет пытаться переломить ход событий в Западном Понте, не единожды атакуя Синоп. Характерная черта этого периода в истории империи — отказ Великих Комнинов признать Ласкарисов, а позже — Палеологов; Комнины еще надеялись вступить с ними в спор за обладание константинопольским престолом. К началу 80-х гг. XIII в., когда тщетность этих надежд была осознана, устремление трапезундцев к Константинополю лишается своей первоначальной конфронтационности и обретает формы политической и культурной ориентации на Византию, проявлявшейся иногда отчетливее, иногда приглушеннее вплоть до падения обеих империй. В данном случае мы, конечно, подразумеваем ориентацию трапезундцев не только и не столько на того или иного византийского василевса, но на саму идею византизма, воплощением которой являлся Великий

Град — Константинополь. Проявления этой *природной* близости Трапезунда и Константинополя многочисленны и хорошо известны¹.

Византийский тип культуры на территории Трапезундской империи безраздельно господствовал. Конечно, этнический состав империи был пестр, сложна была и конфессиональная ситуация, однако все это многообразие этносов и конфессий, как видно, не отменяло преобладания греко-византийского типа (об этом нельзя забывать, когда речь идет об иноземных «влияниях» на Трапезунд — картельских, мусульманских, тюрко-монгольских). Не этническое происхождение большинства подданных определяло цивилизационный тип, но укоренившийся в государстве идеологический, социальный и культурный порядок, основными элементами которого были приверженность Православию, византийской концепции социума и государства, эллинской культуре.

1. ПАРАДИГМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Два обозначенных выше обстоятельства — ориентация на Константинополь и приверженность византизму, — и определили некоторые относительно устойчивые парадигмы отношений Трапезундской империи с Востоком.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что в политико-идеологическом плане восточные влияния на Трапезундскую империю были весьма ограниченными. Трапезундские императоры ревниво блюли в отношениях с Востоком идею своей богоизбранности и несомненного превосходства перед варварами-иноверцами. Даже в то время, когда политические реальности шли вразрез с этой идеей и Трапезунд покорялся какому-либо восточному государю («Изз ал-Дину Кай-Кавусу I, или монгольским ханам, эмиру Тимуру или Мехмеду II), то и тогда эта реальная подчиненность державы не получала не только официального признания, но даже констатации внутри страны. Так заставляет думать то обстоятельство, что за всю историю империи нет ни одной официальной записи на камне, монете, бумаге или пергамене, где между трапезундским императором и Богом был бы упомянут какой-либо посредник — верховный сюзерен трапезундского императора.

Трапезунд был счастливым исключением среди христианских государств Передней Азии: киликийские армяне в XIII в. (по отношению к монголам) и в еще большей мере грузины в XIII–XV вв. (по отношению к монголам и мусульманским государям) были менее щепетильны, чеканя монету с именами иноверных владык и не почитая зазорным упоминать о своей зависимости в историографии. В этой связи характерна

¹ Карпов С. П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. М., 1991. Т. 3. С. 86–119; Он же. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99; Он же. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164.

позиция Михаила Панарета, официального историографа Великих Комнинов, — скудость его хроники на факты в той части, что посвящена времени монгольского владычества в Анатолии, скорее всего, объясняется нежеланием хрониста выдать то унизительное для императорской власти положение, в котором она оказалась при Ильханах. Панарет готов оставить державу без истории или ее части, если эта история не согласуется с историческою концепцией византизма.

В отношениях трапезундцев с соседними варварами-мусульманами можно выделить следующие базовые модели, которые выстраиваются в некий иерархический порядок.

1. Наивысший уровень — взаимоотношения со значительными государствами Востока. Только по отношению к ним, подчиняясь непреодолимому политическому императиву, трапезундский император мог признать себя подчиненным. Это, как было сказано, не отражалось на формулировках официальной концепции власти внутри страны, но во внешних сношениях без изъявления покорности было не обойтись. Вероятно, так было в случае с Иоанном II Великим Комнином, который в Константинополе был принят как деспот, но продолжал оставаться василевсом для всех трапезундцев. То же, вероятно, было и с основателем империи Алексеем I, произнесшим в клятве осенью 1214 г.: «Если султан мне, Киру Алексею, дарует жизнь, мне и моим потомкам назначит (*muqarrar dârad*) владение Джанит вне крепости Синоп и ее окрестностей...»² — вряд ли эта его клятва внесла какое-либо изменение в официальный образ василевса, бытовавший на территории империи.

Отношения трапезундских императоров с султаном Ак-Куйунлу Узун-Хасаном, пожалуй, исключение для истории империи. Отношения с этим могущественным государем были по сути дружественными и равными, хотя в политических целях Великие Комнины могли и принять сюзеренитет Ак-Куйунлу. В искренности отношений между Давидом Великим Комнином и Узун-Хасаном вряд ли можно сомневаться.

Возможно, что здесь мы наблюдаем тот же случай обоюдной симпатии, какой возник, например, между византийским императором Мануилом II Палеологом и османским султаном Мехмедом I, людьми разных культур и даже более того — волею судьбы соперниками. Давид Великий Комнин и Узун-Хасан были к тому же родственниками — Давид приходился ему свяжком (дядей жены).

2. Следующий, более низкий уровень — отношения с правителями соседних городских центров, независимыми эмирами (как эмир Синопа в первой четверти XIV в., эмиры Тадж ал-Дин из Джаника, Хаджи Амир из Халивни, Мутаххартан из Эрзинджана в 80-х гг. того же века) и вассалами крупных восточных династий (сельджуков, монголов, государей Сиваса в XIV в., эмира Тимура, османов). Как строились отношения с ними —

² Histoire des Seldjoudes d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjoucنامه d'Ibn-Bibi / Texte persan publié... par M. H. Houtsma. Leide, 1902. P. 57.

в подробностях не известно. В середине и третьей четверти XIV в. империя столкнулась с беспрецедентным давлением владельцев Эрзинджана, Байбурта, Кара-Хисара и Никсара. Именно за этих правителей преимущественно и выдавались замуж трапезундские принцессы. Эти браки были для трапезундских императоров не столько данью, средством умерить враждебность их соседей, но, вероятно, в большей мере средством связать их с греческим государством союзом политического и торгового характера. Иногда Великим Комнинам приходилось от них и откупаться — Клавихо в начале XV в. писал, что император платил дань не только эмиру Тимуру, но и «другим туркам, своим соседям»³. Тем не менее, как показало наше исследование, вряд ли трапезундский император мог оказаться в числе вассалов кого-либо из них, напротив, например, об эмире Хаджи Амуре (которому была отдана в жены трапезундская *деспина*) и его людях Панарет говорил, что они «почти стали подданными» императора (μικροὶ θεῖν δουλικῶς)⁴.

3. Третий уровень отношений — с кочевниками на границах империи. Кочевники-тюрки на Понте появились еще в XII в., в эпоху утверждения здесь власти Данишмандидов. Однако, лишь ко во второй половине XIII в. кочевники превратились в заметную силу на границах империи. Характерная особенность кочевников как политических партнеров — их независимость от кого бы то ни было, большая мобильность и при относительной малочисленности высокая боеспособность. В источниках зафиксировано пребывание на Понте четырех туркменских племен (в действительности их было больше): *чепни*, *ак-куйунлу*, *боз-доган*, *духар*. Из них только с *ак-куйунлу* трапезундцы установили дружественные отношения и выдали за их эмира царевну Марию. С туркменами *чепни* трапезундцы враждовали (войны 1265/66 гг., 1277 г., 1370 г., 1348 г., 1380 г., в начале XV в. об их враждебности грекам говорил Клавихо⁵). Кочевники использовались враждующими группировками трапезундцев в гражданской войне 1340–1355 гг.

Основной принцип, которому следовали Великие Комнины в военно-политических отношениях с Востоком, — принцип сдерживания. После 1214 г. империя никогда не пыталась военным путем осуществить свои претензий на территории, не входившие в ее состав в 1204–1214 гг. Все усилия Комнинов сводились к удерживанию имевшихся под их властью территорий, к замораживанию границы. Кочевые миграции в XIV в. имели некоторый успех, но почти не затронули ядра земледельческих поселений империи в Мацуке, Палеомацуке, в восточных бандах и Лазии.

³ Клавихо, Рюи Гонзалес, де. Дневник путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 / Текст, перев. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28. С. 117.

⁴ Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon / Ed. Od. Lampsidis. Athena, 1958. P. 741–2.

⁵ Клавихо. С. 129.

ке. Более того, в начале XV в. грекам-понтийцам удалось вернуть утраченную в последней четверти XIII в. Халивию.

Смертельную опасность для империи представляли большие армии великих азиатских государей, которые одним ударом могли прорвать греческую оборону, но не их вассалы и, тем более, не кочевники. В ряде случаев удалось проследить, что приближение мощных армий к границам империи могло нарушить внутренний мир в государстве. Приближение к границам азиатских завоевателей не раз оказывало влияние на взаимоотношения царской власти со знатью, в среде которой тлели центробежные тенденции. К фактам такого рода может быть причислена выдача императора Георгия Великого Комнина в 1280 г. архонтами под Тебризом, мятежи знати в 1400–1401 гг., в 1417, 1427–28 гг., когда у границ империи стояли османы и, наконец, предательство аристократией императора Иоанна IV в 1456 г., бежавшей из Трапезунда в страхе перед отрядами ардебильского шейха Джунайда. Появление третьей силы на границах, по всей видимости, нарушало сложившееся *status quo* внутри трапезундского общества.

Вообще, трапезундское общество представляется довольно стабильным и устойчивым в борьбе с внешними вызовами. Как показывает наше исследование, в политической истории взаимоотношений Трапезундской империи с Востоком не наблюдается сколько-нибудь заметного упадка жизненных сил в противостоянии с иноверцами. Напротив, ее значение в глазах мусульман растет по мере расширения функций греческого государства как политического посредника между Востоком и Западом, особенно в эпоху эмира Тимура и султана Узун-Хасана, т. е. незадолго до конца империи. Поэтому причины падения Трапезундской империи в 1461 г. мы склонны искать не в ее упадке, но в непреодолимой силе завоевателя Византийского мира — османского султана Мехмеда II. Василевс Давид сдался османскому султану в 1461 г., успешно выдержав месячную осаду Трапезунда османским флотом и высаженным с него десантом. Василевс сдался, как только штандарты Мехмеда II появились у города, так и не дав боя основным силам турок. Сделал он это, скорее всего, из чувства обреченности, из безнадежности ситуации, из-за страха за жизнь своей семьи да и всех жителей города, а вовсе не потому, что османы одержали безусловную победу на поле брани в этой последней в истории империи войне⁶.

2. ВОЛЯ К ВЫЖИВАНИЮ

Настоящее исследование я хочу завершить тем же, чем начинал свою классическую статью «Греки и туркмены: понтийское исключение» Энтони

⁶ Подробнее об этом см.: *Шукуров Р.* Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // *Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья)*. М., 1999. С. 194 и сл.

Брайер, а именно, вопросом, поставленным еще Сп. Врионисом, о причинах необычайной устойчивости эллинизма в Понтийском регионе. К 1461 г., когда османы установили свой контроль над Трапезундом, понтийская греческая община была, вероятно, самым большим греческим анклавом в Анатолии. Понтийский эллинизм в эпоху туркокрации из века в век все более размывался и ослабевал; чем далее исследователь углубляется в эпоху владычества Османской империи, тем более влиятельную и многочисленную греческую общину он находит на Понте. Как хорошо известно, значительная часть понтийцев сохранила греческий язык и греко-христианскую самоидентификацию вплоть до «обмена населением» между Грецией и Турцией в 1923–1928 гг. При том, что к началу XX в. практически вся Малая Азия была давно и бесповоротно туркизированной и исламизирована⁷. Более того, греческая понтийская речь до сих пор звучит на Понте: к примеру, некоторые жители городка Оф и прилегающих селений между Ризе и Сюрмене до сих пор двуязычны и говорят на греческом (наряду с турецким), хотя и исповедуют ислам и считают себя турками⁸. «Грекоязычные турки» на современном Понте — наверное, самый значительный анклав автохтонного греческого населения в Малой Азии.

По мысли Сп. Вриониса, решающими факторами в консервации византизма на Понте явились два обстоятельства, оба связанных с военно-политической стороной дела. Во-первых, сохранению на Понте греческого субстрата немало способствовала политическая власть Великих Комнинов, которая много дольше, чем где-либо еще в Анатолии, поддерживала полноценное существование византизма на этих территориях. Во-вторых, туркам вплоть до османского завоевания никогда надолго не удавалось утвердиться на территориях севернее Понтийских Алып, и эти земли избежали разрушительных последствий широкомасштабной туркменской кочевой миграции. Утверждавшаяся тут после падения Великих Комнинов власть османов была властью по преимуществу оседлых и находи-

⁷ К рубежу XIX и XX вв., помимо наиболее мощного Понтийского региона, в Анатолии сохранилось еще, по меньшей мере три значительных пост-византийских анклава: 1) область Шебинкарахисара (Кара-Хисар, Колония), примыкающая к Понту с юга; 2) ряд селений на Анатолийском плато между Нигде и Кайсери (на территории византийской Каппадокии); 3) далее на юго-восток еще один анклав, состоявший из шести селений, главное из которых Фараса. Еще три пункта, в которых греческое население сохранялось вплоть до XX в. — городок Силле под Коньей, Ливиси на средиземноморском побережье Анатолии у залива Фетхие, и в Западной Анатолии селение Гельде (недалеко от Алашехира/визант. Филадельфии): *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century*. Berkley, 1971. P. 449–452.

⁸ *Asan Ömer. Pontos Kültürü*. Istanbul, 1996. В книге дано подробнейшее описание греческого диалекта Офа, одной из модификаций понтийского греческого (S. 169–330).

лась уже на достаточно высоком уровне развития, чтобы последствия ее установления не были столь разрушительны для традиционных социокультурных структур. Таким образом, туркменскую кочевую миграцию Сп. Врионис наделяет статусом главного фактора дезэллинизации, который проявил себя относительно слабо на византийском Понте⁹.

В свою очередь Э. Брайер в указанной работе, в принципе принимая объяснения Сп. Вриониса, а также Кл. Каэна, подчеркивавшего роль кочевого элемента в тюркизации Анатолии¹⁰, задался вопросом, почему именно греческий Понт смог избежать разрушительных кочевых нашествий. При этом, английский исследователь приводит в пример целый ряд других исключений, помимо понтийского — киликийское армянское и грузинское общества на востоке, равно как и знаменитый прецедент западно-анатолийской Филадельфии (Алашехир), опыт которых показывает, что оседлые были в состоянии успешно сопротивляться кочевникам, что туркменские кочевые орды отнюдь не были непреодолимой силой. Следовательно, вопрос заключается в том, в чем истоки той воли к выживанию, которую продемонстрировали понтийские греки (а также киликийские армяне и грузины) и которой была лишена большая часть греческого населения за пределами Понта. Э. Брайер обнаруживает ответ на этот вопрос в наличии у понтийцев развитого чувства «локального сепаратизма и идентичности» (*local separatism and identity*), «Pontic separatism»). «Там, где существовала воля к сопротивлению, базирующаяся на локальных автономизме, власти или идентичности и соединенная со сдерживающим началом централизованного государства, никакие туркмены не были в состоянии преодолеть ее», — утверждает Э. Брайер¹¹.

Как видно, одну из главных компонент «выживаемости» понтийского эллинизма оба исследователя видят в наличии на Понте византийского централизованного государства, способного противостоять кочевому вызову. Рассмотренный нами политико-дипломатический аспект взаимоотношений между Трапезундом и анатолийскими тюрками, как мы видели, в полной мере подтверждает этот тезис. Именно централизованная власть Великих Комнинов, — обладавшая полноценным бюрократическим аппаратом, профессиональной армией и ополчением, сравнительно большим людским и финансовым потенциалом, — обеспечила стратегическую победу понтийских греков над кочевой вольницей. Конечно, ряд земель в ходе борьбы с кочевниками либо было потеряно (Лимния, Иней и прилегающие к ним материковые территории), либо подверглось депопуляции (Халивия, долина р. Филавонит), однако большая часть территорий, на которых расселялись понтийские греки, избежала разорения, номадиза-

⁹ *Vryonis Sp. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor*. P. 451.

¹⁰ *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey*. L., 1968. P. 307ff.

¹¹ *Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1975. Vol. 29 (= *idem. The Empire of Trebizond and the Pontos* / *Collected studies series*. L., 1980. № V). P. 115–116.

ции и тюркизации. Причем, надо отдать должное Великим Комнинам: они проявили недюжинную изобретательность, приводя в действие все представимые средства защиты — от создания системы оборонительных замков на границах империи до набора в собственную армию тюрок и матримонимальных союзов с ними.

Несомненно, как подметил Э. Брайер, у проблемы есть и другой аспект — скорее ментального свойства. Да, действительно, у хорошо организованного общества оседлых всегда оставался шанс выйти победителем в противостоянии с кочевой миграцией, однако, что именно, какие ментальные, социальные или экономические факторы делали понтийское общество «хорошо организованными»? Что было в «понтийском характере» такого, что грекам Понта, в отличие от западно-анатолийских их сородичей, дало «волю к сопротивлению»? Да и существовал ли этот особый «понтийский характер»? Что есть, наконец, «понтийский автономизм», который, по Э. Брайеру, стоял за этой «волей»? Следует признать, что на эти вовсе не праздные вопросы ни собранный в настоящем исследовании материал, ни блестящая статья самого Э. Брайера не дают сколь-нибудь полного ответа.

Ныне, когда *внешняя*, политическая канва взаимоотношений между понтийскими греками и тюркскими кочевниками и оседлыми в значительной мере прояснена, следует обратиться к описанию самого феномена понтийского сознания, тех *внутренних* трансформаций в нем, которые были порождены встречей с тюркским началом. Следовало бы задать вопросом: чем отличались непосредственные реакции понтийских и западно-византийских греков на столкновение с тюрками? Возможно, именно это и даст ответ (или хотя бы часть ответа) на вопрос о ментальных основаниях удивительной «живучести» эллинизма на Понте. Однако очевидно, что это — тема отдельного исследования.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

1. «ХАШТ БИХИШТ» ИДРИСА БИДЛИСИ

Ниже приводятся два раздела из сочинения Идриса Бидлиси, посвященные анатолийскому походу османов в 1461 г. Базовые сведения об Идрисе Бидлиси и его сочинении содержатся во Введении к настоящей книге (раздел «Обзор источников»). Транскрипция и перевод извлечений дается по списку, хранящемуся в Петербургском филиале Института востоковедения РАН под шифром С 387¹. Рукопись была переписана в XVII в. в Турции. Переплет восточный, картонный, покрыт кожей. Бумага европейская. Текст написан восточной тушью, почерком *наста'лик*, заголовки — красными чернилами. Текст переписан аккуратно, каллиграфическим почерком достаточно опытного мастера. Помарок практически нет, однако описки встречаются, что вполне объяснимо чрезвычайной сложностью текста и наличием множества малоупотребительных слов. Единственный большой недостаток переписчика заключается в том, что он, вероятно, не был знатоком арабского языка, поэтому большая часть арабских слов, выражений и цитат, которыми изобилует повествование Идриса, содержат ошибки и прочитываются лишь предположительно.

Я осознаю заведомую неполноту представленных ниже как издания, так и перевода извлечений из «Хашт бихишт», сделанных лишь по одной

¹ В библиотеках России хранится по крайней мере 5 списков сочинения Идриса: 2 списка в Петербургском филиале Института востоковедения РАН (см.: Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1975. Вып. 3. № 506–507), 2 списка в Публ. б-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1 список в Библиотеке СПбГУ (Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М., 1972. Ч. 2. С. 1258–1259).

(и, по всей видимости, далеко не самой лучшей) рукописи из многих десятков, среди которых есть и автографы (см. «Введение»). По существу, это лишь первый, рабочий опыт издания и перевода достаточно пространного отрывка из сочинения Идриса Бидлиси. Автор надеется, что сама эта попытка подвигнет, наконец, исследователей трудов Идриса Бидлиси к тому, чтобы ускорить работу над изданием полного критического текста этого ценнейшего сочинения.

В приведенной ниже транскрипции текста сохранена орфография переписчика. Мы сочли возможным внести лишь следующие изменения: передающая звук «g» буква *kaf* заменена на *gaf*, восстановлены все пропущенные диакритические точки. В ряде случаев для облегчения ориентации в сложнейшем тексте, наполненном риторикой, нами расставлены знаки препинания — точки, запятые и двоеточия. В квадратных скобках вставлены некоторые отсутствующие в рукописи элементы (отдельные слова, предлоги, союзы), наличие которых диктуется правилами персидской грамматики. Стихотворные иллюстрации как на персидском, так и на арабском языках нами опускались, если они не несли исторически значимой информации.

2. ПЕРСИДСКИЙ ТЕКСТ

299b داستان ثانی از فتوحات دیار مسلمانی
 بیمنه میمنت² منصوره سلطانی در بیان اتفاق
 انتزاع شهر قسطنطنیه و سینوب و معدن مس از
 اسمعیل بیگ ولد اسفندیار بیگ و غضب سلطان
 بر او جهت امتناع از ملازمت و موافقت در غزای
 طرابزون از ولایت ارمینه کبری و مساکن کفار

چون دواعی عنایت ازلی و بواپت کفایت لهم یزلی متوجه انشاء آثار و افشاء احکام توتی الملک من تشا و تنزع الملک ممن تشا در باره سعادتمندی از مظاهر تعز من تشا و تذلل من تشا شود و موجبات تائید غیبی و مقدمات الطاف وهبی مستدعی اعلان مراسم احسان [بی] پایان از منشاء ان الفضل بید الله یوتیه من یشا گردد، بی تقدیم مقدمات عادی ویی ترتیب مبادی مطلوب مرغوب ناگاه چون نعمت غیر مرغوب میسر و مقدر افتد چنانچه مساعدت اسباب ظاهری و معاضدت تدبیرات بشری را در آن راه مداخلت نماند و رابطه معنوی و مناسبات منوی آنرا حکیم عقل و خرد فهم نمودن نتواند چراکه تدبیر حقیر و ادراک قصیر آدمی در عالم غیب چون ظایر شکسته بالست و از جوانگاه همت انسانی تا حریم عوالم ربانی چندین هزار هزاران قدام و احتمال عروض و بالست، بیت: <...> و از آن جمله غرایب

² در متن: میمنه

توفیقات. سلطانی از قضایاتی اتفاقیات و از جمله عجایبات حالت تاضیفات او بی سبق ترتیب مقدمات اتفاق تسخیر ولایت و مساکن اسفندیارست که در ولایت ارمیه کبری و رومیه صغری بهترین آن دیار است، که القصه سلطان مجاهدانرا همیشه منوی خاطر خطیر و مرکوز ضمیر الهام پذیر آن بود [که] بغزای حصار و مملکت طرابزون توجه فرماید و حکم جهانمطاع بجمیع ملوک و حکام نافذ شد که هر کس با لشکر خود بمعسکر همایون توجه نماید، و اسمعیل بیگ حاکم قسطنطنیه از اولاد اسفندیار دعوی متابعت و اخلاص آن درگاه عالم مدار داشت. و مملکت او چون بر ممر طریق طرابزون بود سلطان نظر انتظار بر استقبال و رهنمونی او در آن طریق صواب برنگاشت و مع ذلک مکرراً مکاتبات عالیّه مشتمل بر تحریک مواد مصادقت و استدعای اقدام بلوازم موافقت با اسمعیل بیگ ارسال فرمود. و این ملک کلام بر آن مراسله درج نمود که چون غزای طرابزون منوی خاطر همایون شده و جهت اعداد اسباب تسخیر آنجا از طرف دریا کشتیهایی مجاهدانرا از سینوب که مملکت اوست عبور خواهند نمود و رایات نصرت آیات از راه خشکی بنزدیکی دیار او نهضت خواهند فرمود. و ترقب از محبت و اخلاص او آنکه ستاین مجاهدانرا در آن مسالک بحری امداد فرماید. و خود بقانون معهود با سپاهی آراسته باین سفر بعزیمت خیر بمجلس عالی و معسکر غازیان آید. درین اثنا قزل احمد بیگ برادر اسمعیل بیگ بملازمت سلطان مبادرت نمود و جهت منازعه ملک موروثی میان او و برادر خصومتی تمام بود. ازین معنی اسمعیل بیگ در توجه باستان سلطانی مساهله و تاخیر کرد. قزل احمد بیگ در خشم انگیزی سلطان انواع دلایل و شواهد با این تعلل او در تقدیم مراسم ملازمت بهم آورد. لاجرم || 300 بمقتضای مضمون حقیقت مؤلای و انا اردنا ان نهلک قریة امرنا مترقیها ففسقوا فیها حق علیها القول قدمرنها تدمیرا، سلطان مجاهدان چون بنواحی قسطنطنیه رسید و مطلقاً بدستور معهود از اسمعیل بیگ طریقه اقبال بقبول اوامر علیه ندیده حکم فرمود که معدن مس را که در زمان پادشاه سعید والد جنت معادش سلطان مراد داخل مداخل سلطان بوده و جهت تقدیم مراسم خدمتگاری و جانشپاری اولاد کورتم بابزید جد اسمعیل بیگ شفقت فرموده، با تمام ولایت قسطنطنیه از دست اسمعیل بیگ استرداد فرمایند و از روی مواخذه بتقصیر خدمات او <...؟ انتزاع ملک او نمایند و حسن چلبی ولد اسمعیل بیگ را [که] در خدمت نواب بود حکم حبس و زند کرد. و اسمعیل بیگ با وجود ورود چنین سلطانی بمهمانی دیار او مطلقاً طریقه مهمانداری و اقامت وظیفه فزای ضیافت بجای نیاورد. و حال آنکه بیت:

بخانه که چنین میهمان فرود آید
همای سر ره در آن آشیان فرود آید.

و رای ارکان دولت سلطانی برین قرار گرفت که قبل از شروع بغزای طرابزون تصفیه³ مشارب آن مسالک و تخلیه حدود آن ممالک از شوابب کدورات نفاق فرمایند⁴ و کار موافقت با مخالفت اسمعیل بیگ را بر سر راه مبین و متعین باید فرمود. مبدا در اثنای شروع بامر طرابزون از رهگذر مخالفت او ناگاه حذری یکشئیهای مجاهدان رسد و مهم آینده و روندۀ او دیار او که بر ممر طریقت بتشویش و رفع امن و امان کشد. چنانچه از اردشیر درین ملک تدبیر منقولست و بحسب تجارب سابقان مضارب اینمعنی مقبول که لبس الایام بصاحب من لم یتامل فی العواقب، شعر: <...>. بنا برین معانی

³ در متن: تصفیه

⁴ در متن: فرمودند

جمعی از امرا عظام و عساکر نصرت فرجام را با وزیر اعظم محمود پاشا و بندرگی و رنمونی قول امدد بمحاصره سینوپ و تشییع مهم اسمعیل بیگ فرستاد و جماعت لشکریان که از طرف دریا متوجه طرابزون بودند اولا بمحاصرت سینوپ از روی دریا فرمان داد و وزیر صاحب تدبیر جون اسمعیل بیگ را در حصار سینوپ محاصره ساخت و بشخیر آنجا کما یبقی فیروزه کشتی او بود و پادشاه اولا بطریقه نصیحت و انذار اسمعیل بیگ را بمحاصرت و اجتناب الزام فرمود که با وجود سوابق مصاحبت و ائتلاف و رسوم بنیان اخلاص و وفای خاندان نسبت باخدا ممتنع علیه سلطان ارا را ایجاد جنت مکان پیغمبر و ظن فاسدی معارض و معادات اید و انفا نمودن از مسلک عقل دور است و ارتکاب این مخالفت بموجب ثناعت و دشمنی در عزایت. اگرچه قلمه سینوپ در احکام و مراتب مسترد برین دیار است اما بوجود دولت قاهره سلطانی و این صمر اسباب کفور ستانی تسخیر اشل آن حصار چه کار است. بیته:

ز رخ نعل ستوران رستم دستان
میزد قلعه استنبیال دیوانست.

اسمعیل بیگ در جواب محمود پاشا کلمات ملایمانه باز فرستاد و ادای عذر بر اساس پاس و هراس از غضب سلطانی و ترک ملایمت و استیانتس بپاد ادا محمود پاشا بقصد عود و تعهد و تمامی عذر و صفح چهل سلطان عمیم الاحسان نمود و سلطان نیز مکتوبی مقتمل بر تذکر و تنسیه سابق سابق و شکایاتیا تقصیر او در سلک عبارهای لایق رائق با اسمعیل بیگ ارسال فرمود و هرچند روابط آن بلند ترکی مؤدای شده بود قاسما جون خالی بجلالت پلالت می نمود بترجمه فارسی بلا تغییر و تبدیل نقل آن مناسب نمود. شمع حسن بر ضمیر تنیر در رموز قضا و قدر خیرست مضی نشانند که این صمم را با آجینانی شریف نیست محبت و القی بود که تعاضای آن نمی نمود که برین وجه ترک ملاقات ملحوظ یا مغفون کرد و اما در حدیث قدسی فرموده که انا ملک الملوك و قلوب الملوك [أ] بیسی اقلیها کیف اشد. بر آن موجب این امر نادره رافع شد. بیته:

از زمانه نمی کنی گله
که بیانسته ام⁸ که مجبور است

هر آینه هر حسب اقتضای الاسلام التمیمه شمره دوستی و نتیجه آن³⁰⁰⁶ آنگه آنچه از ما پشما رسد نصیحتست، فان الذکری تنفیغ المومنین خود مضمون ضمانت که در جانب بر و بحر شمارا عساکر ظفره رهمر محیط شده فرجه خلاص مشهور نیست موجه آن می نماید که عرض اهل و [و] چال خوربا نگاه باریه و اهل¹⁰ مملکت را که در حقیقت عیال الله اند و هنوز [یا] لگ کرب خیل سپاه گوشت¹¹ نشده بحال ایمان ترجم کنید و بخت و احوال خود بیرون آمده قلعه و مملکت را تسلیم نمای¹² تا در مقابله از عوالم

³ در متن: دنیان
⁴ در متن: بهخیر
⁵ در متن: با وجود
⁶ در متن: بیانسته ام
⁷ در متن: مضمون
⁸ در متن: اهل
⁹ در متن: کربار
¹⁰ در متن: کربار
¹¹ در متن: کربار
¹² در متن: نماید

پادشاهان بدل مملکت شما مملکتی تعیین شود و در سایه دولت آسوده و خوشحال باشید، بیت:

صد قلعه بر کند چو کند لشکر هجوم
صد کوه گر بود بکند طوب این سپاه

این لشکر جرار را قلعه مانع نتواند شد و نعوذ بالله من سئ الحال، شعر: <...> این نصیحت اذا حق مودت عد کنید که بلغ ماعلیک فان لم تقبلوا فما علیک شیئی از نصایح حکمت امیر حکماست، لطف فرموده قبل از یتکشف اللفظ و یحل علیکم منا الخطا جواب صواب ارسال فرمانید و السلام، چون این مکتوب با اسمعیل بیک رسید و حقیقت¹³ این کلمات را بمعاینه دید بی توقف از قلعه بیرون آمده با محمود پاشا مخالفت و مصاحبت نمود و عهد و میثاق بهرچه موجب تسلی و تسکین خاطر او بود بتقدیم رسید، و سر اوقات جلال سلطانی چون کله ماه منیر در فضای سینوب میسوط و مفتوح شد، و اسمعیل بیک متوجه عتبه بوسی درگاه جهت عذر گناه خود و استغفار از حرکت مقدوح گشت، اولاً جمیع امرا و ارکان دولت بوظایف ضیافت و حرمت نازی اقدام کردند آنگاه گناه او را باکمال اعظام و اکرام بمجلس همایون درآوردند و سلطان کریم الاخلاق جهت وفای عهد و میثاق بسبب دلداری اسمعیل بیک از خرگاه ملایک پناه چند قدم پا بیرون نهاد و بتقدیم مراسم استقبال او را بیارگاه اقبال بار داده در حین پای بوس سلطان دست مرحمت بر فرق سر افزائی او کشیده بمعانقه و مصافحه او را سر بلندی ساخت و بکلمات ملاطفات سناست که شیرینتر از شکوای محبان محبویان در حین وصال باشد او را بناوخت و بر حسب موعود وفا نموده وظایف رعایت او را استیفا فرمود و ینگی شهر را با بعضی ولایت در عوض مملکت او ارزائی داشت و او را با اهل و عیال و خدم و عیید بمملکت جدید فرستاد و جهت سکون و فراغت او را بمقام خود باز گذاشت، و از میان عنایت سلطان عمیم الاحسان جمیع اولاد او الی الآن بر مناصب مناسب منصوب اند و هر یک باایالت قطری از اقطار بلاد منسوب، بیت: <...> چون تمامی ممالک قسطنطنیه و معدن مس و صامصون و سینوب و سایر قلاع و بقاع اسفندیاری بتصرف نواب سلطانی استقرار یافت و بر هرکدام حکام و ضابطان گماشت و بصوب مطلب اصلی شتافت، شعر: <...>

داستان یازدهم از فتوحات میسره میشره سلطانی
در ذکر توجه سلطان بغزای طرابزون و مصادفت
حسن بیک باینردی در آن طریق و انزهار او از
مصادمت سپاه نصرت شعار و گفتار در طریق
توفیق فتح شهریند و حصار طرابزون و توابع آن
با مقارنات فتح قلعه و مملکت قوینلو حصار در
مقدمات شروع تسخیر¹⁴ آن دیار

چون باتفاق آرای اهل تحقیق و بتصدیق ارباب توفیق همیشه تبدلات اوضاع گردن و تعلیات احوال مادیون دایره بر آوازه فلک پاراده سبحانست، و سایر لواحق این امور سایر بمقتضای حرکات محدد جهات در افلاک روحانی، لیکن سویدا دل فرد کامل انسانی بمنزله مرکز آن دوایر در حرکات آسمانهای آن جهانی برقرار است، و دو دیده بصیرت سعادت‌مندان نظر یافته پمناشه دو قطب

¹³ در متن: حقیقت حقیقت

¹⁴ در متن: و تسخیر

ممل النهر از آن الافلاک بر انوار بیفتد... و سلاطین دین که بجزیره الئاب
 دین زمین اند وظایف الهی از آن مرسوم و موهوبند و بساطی حق در مسند
 شاهی معروف که سایه وار از آن گردش خورشید عوالم ربانی همگرازی
 301 معروفند و در حرکات و سکنات تابع و مشایخ غیبت و ظهور آن
 کواکب لامع النورند. هر آینه چون مقصد کلی و غرض اصلی ایشان در تفسیر
 اسفار و بر عروسی مصوب فطری از افطار بی سبق مقدمات کلیه از آسمان
 تائینات ازبیه طوارق شمرند و تفرج بر رخسار دولت ایشان طالع گردد، چنانچه
 ملوک و گریزنگهان در اعداد مبارک ایشان را طالع گردند، بیفتد... چنانچه
 در جمیع توهمات و عزائم نفسی غزوات و ملاحم از میان حسن اعتقاد ردگرد
 افتد و امر جهاد آن سلطان دین محمدی را فتوحات و تائیدات زیاده از
 قانون متناهی بقضای للذین احسنوا الصنعی و زیاده اتفاق می افتاد و از آن
 حمله عزیمات نسبت آیات سفری بود که بپیت خالص بخلیص ملک طلائیز
 از خجانت عیده اسمان تصمیم اعتراف نمود و در تهیه اسباب و معاتک آن
 مللرب سعی بلیغ و کمال اهتمام فرمود، بیفتد... هر چند آن مملکتی بود
 بنایت اسوار و ساهل بر تصرف اقارب قیامهه استنبول بر قرار استوار و
 باستظهار مصوبت مسالک بر ممالک و ب اعتماد مناط خیال بر متاعب، بملقا
 ممانت و فورسایدی پادشاهان از اهل توحید و ایمن نمی نمودند و سلاطین
 ایرانی از دیار مسلمانی در مدد تسخیر آنجا نمی بودند از آنکه از اطراف آن
 دیار خرموسا محل شورشهای دهمسار بچال راسیات و میاه جاری رخاړ محمود
 است و توقوف لشکرهای بسیار در آن تنگنای غیر مقدور شمرند... و چون
 سلطان دین از پسا^{۱۱} قتل و احسان مخصوص بخطاب کثیر الامتنان و هو
 الذی سفر لکم ما فی الارض جمیعا موسوم بود، بشعر: >... لاجرم در بدایت
 ترحه بجزای مملکت طلائیز باقتضای سرق الهی اولا ممالک دریا پار و نسلت
 دیار استنباد مفتوح شد و جهت قرب جوار آن ملک بحدود کشور گذار اسفار
 اسباب تسهیل تکمیل غزای آن جوارب بر وجه صواب ممدوح گفتند، بعد از ضیاء
 و عبور از ملک استنباد چون حدود ولایت و قلعه قیونلو حصار مخیم سراق
 جلال خرابزنگار دیدگار شد، و والی قدیم آن ملک بنا برسوق مناسبت ترکمانی
 همسایگی دیار بکر پادشاه آن قویونلو حسن بیگ پایندری استعانت کرد و
 باستانی حمایت ملک او از لگد کوب مراکب ممالک کمانجی سلطانی کرد و رقایت
 او التجا آورد و حسن بیگ چون بمصامرت و دامادی حاکم و ککور طلائیز
 منسوب بود اندیشه موافقهای آن کافر مرود در خاطر محزون خود مخزون
 نمود گریا مرکز از اهل حق و یقین اخبار پراختار مبین و لا یقصد الکافورین
 اربابا من دون المومنین مگوش جان و سماع اندکان خود تشبیه بود بنا برین
 دواعی با نفسی لشکر از قویونلو بنواحی ارزجان در بعضی کوهها کاخ تسمن
 کرد و بطریقه قطاع الطریق بعضی از معامله گران عساکر کوهها کاش و شغلا و
 باز مانده های لشکر ایشان گاهی شیخون می آورد، اما با وجود آن شرکت
 جمعی و سطور خورشیدی سلطان چون امثال آن ترکائرا یارای مواجعت و
 مغالبت نبود، خود را در مدد معارضه صریح در هیچ مقام نمی شمرده چرا که
 شد رقی سلی انهار کسار را در جنب بحر زخار چه مقدار نمی سرعت انصار
 میاه جویبار را یا لجه عمان که ساحل و کنار چه اعتبار، بیفتد... تا آنکه
 رفتی از گره ستر که بزرنگ ارزجان است حسن بیگ ابن عم خود خورشید

^{۱۱} در متن: بر تحصیل

^{۱۲} در متن: بیان

یک را با خلاصه لشکریان اق قویتلر و گروہی مخصوص بدستور معهود
 اوسون در کهنهگاه خود صادر و وارد مرقند نشانده بود و سپهبد غازي و
 بهمن ایام معونی پاشا احمد کورک تامل در جمعیت آن جماعت از آنجا گذار
 می نمود. چون ایشان اعرف پمسکن و آگاه تراز نیک و بد اساکن خودند
 خود را در دریشی باحمد پاشا رسانیده اند و آن محمل مضیق را پسند
 تیغ حید مستحکم گردانیده. بعد از تلاقی طرفین و التماسین جنگ و چال
 ۴۴ پوست که بهرام سهر با همه موکه گذاری ۳۰۱۵ موگ. چنین ملحه
 مواسک از روی درین درجهای شده بود و دیده مور خاروی در مدت چهارگوشی
 و عالم گیری از این رنگاهی عدیل شفق پر خورن در آفاق اصرار پینلر اعتبار
 ندیده بود. بیت: >...> چون سپاه مجاهدین و آن سپهبد صاحب اقدام تشکین
 مقرر و موید بمضمون و هو الذی ایکی بنمره و بالمواسنین بودند احمد پاشا
 جنگ کدان آن گروه اهل بیی و عدوانرا باز پس نشانیده و از عقب آن‌صرومان
 ۴۵ پور [اسی] مبارزید تا بمسک حسن یک رسانید. چون این صورت عذر با
 گشتایی از جانب حسن بطور رسید بر حسب مناسبت اخلاق سلطان با
 آن خلاصه نوع بشر که مکمل پنگله انا عبور و الله اعبر بود توسن سر کفن
 نشیب و تهور سلطان عنان اختیار بموجب انتقام در مضمار کارزار کشید و
 زمام سمند غلام غرار بطرف دیار و مقر قرار سپاه غدار حسن بیگ گردانید.
 چون حسن بیگ این نهفت منتقمانه سلطان را شنید و مال بر نکال اصرار
 خود را منحصر بموال ملک و انتفال دیوت و قطع امال دید و بحقیقت میانست
 که مقاومت آن گروه سپاه شبیه بمقابله انبوهی پشه ضعیف با یاد مصروست
 لا محال از مکارحه شهابازی بسر شکار با کبرتر، بیت: >...> بنا برین
 ملاحظات حسن بیگ تشبیه پازدبال استعمار و استعلافت از سو قفل و ریخت
 امل خود نمود و والده خود را با جمعی از اهل حرمت و اعتبار جهت تقدیم
 مراسم اعتذار بخدمت خدام مکرمت شعار فرستاد و بنیاد احکام بنیان اخلاص و
 ضمیمه مواد اعتقاد نهاد. و فرستاده های او بوزیر اعظم محمود پاشا متوسل
 گشت. والده اشن مهمات خود را بدلیل اهتمام او انتاخت و مشارالیه نیز بنا بر
 وزیر و اکرام ضیف و حرمت بری وشب [۱] مطالب ایجابرا به بهترین دجی
 ساخت و بر وجهی که مقتضای اصلاح ذات البین بود خواربنگار را از مقام
 غیظ و انتقام در گذرانید و طبع ۱۲ سلطانان را که محبوس بر جوراندوزی و
 بغضایش بود مایل بغفر و احسان گردانید. و جهت تمهید عفر و حسن عقیدت
 برسات نزد حسن بیگ فرستاد. که منتظر نظر فرستاد و بعد از ادای تحیت و اهدا السلام پانین اسلوب
 بار پیام اتشاس با جمع سپاه دیدن سفر غزا در عداد مجاهدان معهود می بود
 ۱۳ شجاعت انتساب با ۱۴ در زمره سایر ارباب دیوت بکسب فضیلت چهار و بل و چن پتل مجبور
 می نمود. چون بعضی موانع عارضی اودا از ادراک این مطلب عالی عایق افتاده
 و والده و کسان او درین توجه بمرافقت و موافقت مجاهدان دین ایستاده شد.
 از فتح لشکر اسلام بمراجعت صواب انجام مرخص و مجاز خرافه شد.
 چون عنان عزم سلطان بجانب طرابزون مقرر گشت و ولایت و قلمه قویتلر
 حصار بشصرف نواب کامیاب میسر مسفر شد از آنجا سلطان منصور دین
 ۱۵ سلمانی پا ۱۶ سپاه و حشمت سلیمانی بشهر و حصار طرابزون روانه شدند.
 و هر چند صعوبت طرق و مسالک آن ولایت مشهور اهل علم و علم و رایت

۱۱ در متن: طلیح
 ۱۲ در متن: ریا

درایت بود اما هادی توفیق مواکب کواکب سرایت را رهنمونی سیل رشاد و
 <...>¹⁹ هدایت نمود، شعر>...> چون سلطان مجاهدان پسرحدود ولایت طرابزون [رسید]
 بسط بارگاه و خیام گردون مقام واعلام نصرت را از قلل جبال مملکت
 سر برگردن برآورد و محمود پاشا را با بعضی عساکر ظفر قرین از پسره
 مشیره بفتح و اقبال متوجه ساخت، و قیل [از این] از راه دریا تجهیز جهازها
 و کشتیها نموده ضبط و محاصره آنها را از جانب بر و بحر طرح انداخت و
 در هر کشتی اسباب طوب و تفنگ بر مثال اجرام کواکب بزرگ و کوچک در
 زورق فلک تعین فرمود، اتفاقاً لشکر کشتی بتحریرک باد مراد پیشتر از رایات
 منصوره نزول و حلول نمود، این سپاه حری از جانب بحری بر سر قلعه
 هجوم فرمودند و باهل قلعه پیوسته در زد و گیر و قتل و نهیب || 302
 بودند و محاربات عظیم باهل قلعه و حصار مینمودند، املاحکم طرابزون را سر
 استغنا و غرور وجود و عدم آن لشکر منصور می نمودند و بدشواری
 مداخل و مسالک از جانب خشکی بغایت خرسند و مباحات کتان می بود و
 می پنداشت که حلول و نزول سلطان چنین عالیشان با اینچنان لشکر کواکب
 نشان از آن مضایق خیال و اوام²⁰ محالست و ملک و حکومت او بدستور
 قدیم مامون النزل و مصون از عروض اختلال و بال، ذاهل از اینمعنی که
 مقتضای لکل اجل کتاب هر معموره [و] دولتی آخر الامر²¹ بخرابست و هر
 نظم ثبات و جمعیتی البته روزی معروض تضرعت و پناست²² بیت : <...>
 تا آنکه صبح بگاه که در قلل جبال مشرق از تیغ افشانی خسرو سیارگان
 لمعات جهانگشایی تابیدن گرفت و از افق خاور زمین بسپاه نورانی اشعه
 آسمانی چشم بخت و دیده شادمانی روشنی پذیرفت و از یمن و یسار و از
 دشت و کوهسار عرصه طرابزون صفوف صوف عساکر سلطانی آشکار گشت،
 و تکور کوریخت را از شعشه منجوق اعلام سپاه سلطانی دیده دولت خیره و
 چشم امیدواری تیره شد، و بعد از مشاهده آیات زوال ملک و مال از وصول
 رایات اقبال آن سلطان مجاهدت فعال فرصت و مجال بیرون رفتن از آن قلعه
 محصوره التجا ببعضی قلعههای دور محال یافت و از غلبه وهم و هراس و هجوم
 لشکر خوف و پاس بطریقه استسلام و ضراعت بدرگاه فرمانبرداری و اطاعت
 شتافت و از خدام آستان سلطان بسر و جان و خان و مان عفو و امان
 خواست و عنوان رسالت را بخدام سلطان بانواع ضراعت و خشوع بیارست، و
 سلطان نیز در اجابت مسئول و قبول عفو و مرحمت فرموده تسلی خاطر
 تکور مذکور بعهده و میثاق نمود، و تکور نیز بتسلیم²³ قلعه و مملکت سر
 فرمانبرداری بر زمین عبودیت و اطاعت نهاد و بعد از حصول وثوق و اعتماد
 بعتبه بوسی سلطان اسلام سر افزان گشته رضا بقضا داد، سلطان نیز تکور را
 بمراحم پادشاهانه و عطایای خسروانه مخصوص و متعین فرمود و بمواطف
 مشفقانه خاطر او را از هر جهت مطمئن نمود و او را با جمیع اثقال و اموال
 و خدم و عیید و اهل و عیال بدار الخلافه اسطنبول فرستاد و وجه معاشی و
 آئی فراخور حال و بمقدار کافی تبع اهل و عیال او داد، فاما اموال و جهات
 رعایا و ساکنان آن مملکت را جهت ایقاع معموری ملک در دست صاحبان
 مسلم داشتند و بجزیه و خراج شرعی تمام اهل ذمت آنها را امان داده لشکریانرا

¹⁹ در متن: مایرد²⁰ در متن: وهار²¹ در متن: ایل²² در متن: ثمرعة و ثباتست²³ در متن: تسلیم

بنهب و غارت نگذاشتند، لیکن از اطراف و جوانب که در مقام عناد بودند مال و جهات مشهب و اسیران و سایر اموال مکتسب هرچه غازیان داشتند و آنچه از وجوه خمس سلطانی وصول یافته بود بکشتیهای اسطنبول فرستادند، و سلطان مجاهدان در غایت منسبط و کامران بعد از ضبط حصار و مملکت و نصبت²⁴ قضاة و حکام و رفع دعایم و اعلام شعایر اسلام از راه ولایت جانیک بخطه توقات باز گردانید، فاما از صعوبت طرق و مسالک و سمیت و ضرر بعضی گیاههای آن ممالک نقصان بسیار بسترهای عساکر رسید، فاما چون در آن توجه و عزیمت همایون سه مملکت معتبر و چندین حصار و شهر بهشتی مفتوح شده آمنتدار خسران و نقصان مالی پیش نظر غانمان ننمود.

3. ПЕРЕВОД

[2996] Сказ второй о победах мусульманской страны, [осуществленных] счастливым и победоносным правым флагом султанским, рассказывающий о случившемся отторжении городов Кастамон и Синоп, и медных рудников у Исм'ил-бека сына Исфандийар-бека²⁵, и о гневе Султана на него по поводу уклонения от службы и содействия в газавате Трапезунда, [что] в области Великая Армения, и земель, [населенных] неверными.

Поскольку причины божественного благоволения и основания достаточности [милостей со стороны] бесконечной сущности при творении явлений и изъявлении [таких] повелений, [как] «Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, у кого пожелаешь»²⁶, касающихся [обретения] счастья, проистекают из воплощения [максимы]: «и возвеличи-ваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь»²⁷, а причины помощи от [Всевышней] Тайны и предпосылки Божественных милостей для просящего об открытии [для него] церемонии [наделения] безграничной милостью проистекают из источника «Поистине, милость — в руке Бога: Он дарует ее тем, кому пожелает!»²⁸, то желанная цель без подготовки обычных предпосылок и предуготовления начал, внезапно, как нежданное счастье, осуществится и свершится, ибо помощи внешних средств и содействию человеческой предусмотрительности на тот путь нет доступа, и духовную связь и предопределенные взаимоотношения в этом [дан] не может постичь прозорливейший мудрец, ведь жалкая предусмотритель-

²⁴ در متن: بنصبت

²⁵ Исм'ил-бек, Джандаридский правитель Кастамона и Синопа в 1443–1461 гг. Исфандийар-бек — правил эмиратом в 1391–1440 гг.

²⁶ Коран. III, 25.

²⁷ Коран. III, 25.

²⁸ Коран. III, 66.

ность и ущербное понимание человеческого в тайном мире как птица со сломанными крыльями, и между ристалищем мыслей человеческой и свяшенным пространством миров божественных лежат тысячи тысяч шагов, сомнение же в этом — грех. Двустийшие: <...>.

Одним из всех тех чудес султанских успехов в случившихся событиях и среди всех диковинных [случаев] содействия ему без предварительной подготовки условий является свершившийся захват области и земель Исфандийара, которые являются лучшими землями (*bihtarîn-i âl diyâr ast*) в области Великая Армения и Малая Романия (*rûmiyya*). Итак, у Султана *муджахидов*²⁹ всегда присутствовало в глубоком [его] уме намерение и сильное желание, воодушевлявшие [его] на то, чтобы отправиться на *газават* крепости и государства Трапезунд. И изошло покоряющее мир повеление всем царям и правителям, чтобы каждый со своим войском направился в царский лагерь. Исма'ил-бек, правитель Кастамона из рода Исфандийара, выставлял себя покорным и искренним [по отношению к] тому дворцу — оси мира. Поскольку его государство лежало на пути к Трапезунду, Султан обратил взор ожидания на то, что он встретит и станет путеводителем в том благом пути. В связи с этим [султан] неоднократно отправлял к Исма'ил-беку высочайшие письма, состоявшие в побуждении проявить верность и в призыве проявить необходимое согласие. Этот властелин слова в той переписке писал:

«Поскольку *газават* Трапезунда стал намерением царственного ума, и для подготовки средств завоевания той земли со стороны моря корабль *муджахидов* (т. е. османов. — *Р. Ш.*) проследуют через Синоп, который является его (т. е. Исма'ил-бека. — *Р. Ш.*) владением, а знамена с победными знаменами будут двигаться по суше поблизости от его страны, то от его любезности и искренности ожидается, что он поможет судам *муджахидов* на тех морских дорогах, а сам, по установленному закону, с добрыми намерениями в этом путешествии присоединится вместе со снаряженным войском к высокому собранию и лагерю *газиев*».

В это время Кызыл Ахмад-бек, брат Исма'ил-бека, вступил в свиту Султана, а между ним и братом была глубокая вражда из-за спора о наследовании царства (*mulk-i tawrûthî*). По этой причине Исма'ил-бек тянул и медлил со своей отправкой к султанскому порогу. Кызыл Ахмад-бек, возбуждая гнев Султана, привел этому уклонению его от поднесения подобающего служения множество доказательств и свидетельств.

Волей-неволей, в соответствии с [// 300] абсолютно истинной максимой: «А когда Мы желали погубить селение, Мы отдавали приказ одаренным благами в нем, и они творили нечестие там; тогда оправдывалось над ним слово, и уничтожали Мы его совершенно»³⁰, Султан

²⁹ Султан *муджахидов* — т. е. султан ведущих *джихад*, войну за веру; тут и далее подразумевается османский султан Мехмед II.

³⁰ Коран. XVII, 17.

муджахидов, когда дошел до окрестностей Кастамона и не узрел от Исма'ил-бека совершенно никаких признаков подобающего одобрения высочайших приказов, то повелел, чтобы медные рудники (*ma'dan-i mis*)³¹, которые во времена счастливого правления его отца султана Мурада³² (возвратившегося в Рай), будучи в числе источников доходов Султана, были пожалованы роду Кётюрюма Байазиды, деда Исма'ил-бека³³, как дар за службу и самоотверженность, — вместе со всей областью Кастамона были отняты из рук Исма'ил-бека; в наказание за плохую службу отобрали у него царство. Хасана Челеби, сына Исма'ил-бека³⁴, который был на наместнической службе, [султан] приказал подвергнуть аресту и заключению.

[Итак,] Исма'ил-бек, несмотря на прибытие такого [великого] султана в гости в его страну, совершенно не проявил гостеприимства и не исполнил [своего] долга по устройству почетного пира. Дело же в том, что (двустышие):

дом, куда приходит такой гость —

это то гнездо, куда спускается по пути Хумай³⁵,

и поэтому мнения вельмож султанского государства сошлись на том, чтобы перед выступлением в *газават* Трапезунда [Султан] очистил стези тех дорог и избавил границы той земли от лицемерия осадков разлада, а также [на том], что следует на [этом] истинном и несомненном пути действовать в соответствии с противодействием Исма'ил-бека, ибо нельзя допустить (*tabaddā*), чтобы в момент отправки на трапезундское дело на переправе его противодействия неожиданно был причинен вред кораблям *муджахидов*, а снаряжение, проходящее через его землю, лежащую

³¹ Месторождения меди в районе Синопа и Кастамона были исключительно богаты и приносили немалые доходы (см.: Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 29; *Он же*. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 51).

³² Имеется в виду османский султан Мурад I (1360–1389), об этом эпизоде взаимоотношений между османами и эмиратом Джандаров см.: Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье. С. 51.

³³ Джалал ал-Дин Байазид Кётюрюм — Джандаридский эмир в 1361–1385 гг.

³⁴ Незадолго до описываемых событий Мехмед II потребовал от Исма'ил-бека прислать его сына Хасана в качестве заложника, которого османский султан затем отправил назад к отцу с посланием (*Aşikpaşa-zade. Vom Hinfenzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln, 1959. S. 220; Ducas. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1958. P. 429*). Как видно из нашего текста, Хасан был в конце концов арестован османами, что подтверждается Турсун-беком (*Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror. P. 45*).

³⁵ *Хумай* — птица счастья в иранской мифологии, тень ее, покрыв человека, делала его счастливым.

на пути, оказалось бы под угрозой, вне спокойствия и безопасности. По тому, что дошло от Ардашира в этой юдоли прозорливости, и в соответствии с опытом прежних бойцов ратного поля, [этим событиями] подходят следующие слова: *«Не хозяин дней своих тот, кто не размышляет о последствиях»*, стихотворение: <...>.

Исходя из этой мысли, [Султан] некоторых из великих эмиров и победоносных ратников вместе с великим визиром Махмуд-пашой и с Кызыл Ахмадом (в качестве сопровождаителя и проводника) отправил на осаду Синопа и разрешение дела Исма'ил-бека, а той части воинов, которая по морю направлялась в сторону Трапезунда, приказал вначале осадить Синоп со стороны моря. Прозорливый визир, осадив Исма'ил-бека в крепости Синопа и приступив к покорению ее в соответствии с его способом завоевания царств, сначала в качестве совета и предостережения пригрозил Исма'ил-беку осадой и войсками:

«Вопреки былой преданности и союзу, прочности строения искренности и единодушия их рода по отношению к слугам высокого двора Султана и [его] отца и дедов, обитающих в Раю, зачинать и вести распрю и вражду по собственной воле и из необоснованных подозрений — неразумно, а оказание такого противодействия приведет, в конце концов, к неизбежному раскаянию и ущербу. Хотя крепость Синопа лучшая по укреплённости и мощи в этой стране, однако что стоит покорение подобных крепостей для бытия могучего султанского государства и этих средств завоевания земель? Двусишь:

От ударов подков коней Рустама Дастана
до сих пор замок Исфандийара³⁶ в руинах».

Исма'ил-бек ответил Махмуд-паше в примирительных выражениях, испрашивал прощение от страха и ужаса перед султанским гневом и нарушением доброго и дружественного отношения. Однако, Махмуд-паша обещал заключение договора и соглашения и дарование милостивого извинения и прощения великодушным Султаном. Султан так же отправил к Исма'ил-беку послание, содержащее в подобающих и ясных выражениях обещание возродить былую дружбу, а также сетования по поводу его проступка. Хотя письмо было написано на тюркском, но все же, поскольку оно показалось лишенным сладости красноречия, то представилось уместным пересказать его на фарси без изменений и перемен, стихотворение: <...>.

«От сияющего разума, который осведомлен о тайнах промысла и предопределения, да не будет сокрытым, что этот друг (т. е. автор. — Р. Ш.)

³⁶ *Рустам Дастан* и *Исфандийар* — имена героев-антагонистов одного из сказаний иранского героического эпоса. Имя отрицательного героя Исфандийара намекает тут на эмиров Джандаридов, которых поздняя традиция именовала Исфандийарами по имени эмира Исфандийара. Следовательно, Рустам Дастан (самый знаменитый положительный герой иранского эпоса) обозначает тут османского султана.

питает такую любовь и дружественную привязанность к тому благородному господину (т. е. адресату. — Р. Ш.), что никак нельзя, чтобы по этой причине отказ от встречи вызвал [нежелательные] мысли или подозрения. В *Хадисе кудси*³⁷ говорится: «Я царь царей, и сердца ста тысяч в моей власти, поворачиваю их как пожелаю». В связи с эти возникло следующее меткое высказывание, двустийше:

Не жалуясь я на судьбу,

ибо узнал, что и она под принуждением.

В любом случае, в соответствии с максимой: «Ислам — это наставление», плод дружбы и ее итог [/ 300b] заключается в том, что бы ни исходило от нас [по отношению] к Вам — есть наставление. [Слова] «Ведь напоминание помогает верующим»³⁸ относится к Вам, ибо со стороны суши и моря Вы окружены воинством, которому сопутствует победа, возможность спастись не предствима, видится целесообразным, чтобы Вы сохранили честь свою и Вашу семью, а [что касается] жителей государства, которые в действительности дети Божии и которые до сих пор не испытали ударов копыт конницы [султанского] войска, то проявите милосердие к их положению, и, [сохраняя] величие и достоинство свое, выходите и сдайте крепость и страну, чтобы в ответ, по царской благосклонности, взамен страны Вашей была назначена [Вам] другая страна, и чтобы в тени державности [Вы] обрели спокойствие и благополучие, двустийше:

Войско мое, вторгнувшись, сотню замков опрокинет,
если будет сотня гор на его пути —

обратит их в черепки эта рать.

Этому несметному войску крепость не может быть препятствием. «Ищем убежище у Бога от злополучия», стихотворение: <...>. Это наставление поймите как «знак нашей дружбы», ибо «Когда постигнет [тебя] то, что тебе [предопределено], если не противиться [этому], нет на тебе никакого [греха]» — одно из наставлений мудрости эмира мудрецов. Явив милость, «прежде, чем откроется завеса и навлечете на себя от нас удар», пришлите добрый ответ. Мир [Вам]»³⁹.

Когда это письмо достигло Исма'ил-бека и он воочию узрел смысл этих слов, не медля он вышел из крепости и начал переговоры и советы с Махмуд-пашой, и были [ему] даны обещания и клятвы относительно всего того, что было необходимо для успокоения и умиротворения его души, а султанское могущество, подобно шатру сияющей луны, распространилось и засверкало на пространствах Синопа. Исма'ил-бек направил-

³⁷ *Хадис кудси* — высказывание от имени Бога, произнесенное пророком Мухаммадом.

³⁸ Коран. LI, 55.

³⁹ Это письмо было составлено на тюркском Турсун-беком, служившим тогда секретарем у Махмуда-паши, и включено им в свою хронику: *Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror*. P. 14; тюркский текст письма: p. 45.

Исма'ил-бег
Турсун-бег
Султан-бег

ся на поклон ко двору [султана]⁴⁰, чтобы [испросить] прощение за свою вину и извинение за преступные действия. Сначала все эмиры и столпы державы исполнили обязанности гостеприимства и приветливости, затем его преступление было представлено с полным почтением и уважением на царском собрании. Благородный нравом Султан, преданный договору и клятве, чтобы утешить Исма'ил-бека, вышел на несколько шагов из [своего] чертога, прибежища ангелов. Во исполнение церемонии встречи введя его во дворец счастья, в момент целования [Исма'ил-беком] ног [султана] Султан простер руку милосердия на голову его воодушевления, объятием и рукопожатием вселил в него надежду, учтивыми речами, которые сладостнее упреков любящих к возлюбленным в момент соединения, обласкав его, обещанное совершил и исполнил долг уважения к нему. [Султан] пожаловал ему взамен его государства⁴¹ Йени-шехир с некоторыми областями, и отправил его с семьей и домочадцами, слугами и рабами в его новую страну, ради успокоения и отдохновения [его] направил в его [новую] землю. По благословенной заботливости наимилосерднейшего Султана все дети его сейчас же были назначены на подобающие должности и каждый получил в наместничество область в стране, двустихье: <...>.

Когда все земли Кастамона, медных рудников, Самсуна и Синопа и остальных крепостей и земель Исфандийара⁴² были покорены султанскими наместниками, в каждой из них [султан] поставил правителя (*hâkim*) и командующего гарнизоном (*dâbit*) и поспешил к своей основной цели. Стихотворение <...>.

⁴⁰ Букв.: «на целование порога Дворца».

⁴¹ Тут Бидлиси следует Турсун-беку, который так же указал на Йени-шехир (*Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror*. P. 46). Другие османские источники добавляют, что, кроме Йени-шехира, Исма'ил получил Айнегёль и Йархисар, местности в Западной Анатолии, восточнее Бурсы (*Nesri. Kitâb-i cihân-nûma / Yayınlayanlar F. R. Unat, M. A. Köymen. Ankara, 1949. T. I. P. 748; Asîqpaşa-zade (Kreutel). S. 222*). Византийские историки утверждают, что Исма'ил-бек получил земли у Филиппополя (Пловдив) в европейской части Османского султаната (*Critobulos. De rebus per annos 1451–1467 a Mechemete II gestis / Ed. V. Grecu. Bucureşti, 1963. IV, 5, 7; Ducas. XLV, 17; Chalkokondyles. T. 2. P. 240–241; Chronikon peri ton tourkon sultanon / Ed. G. Zoras. Athena, 1960. P. 108*). Район Филиппополя, вероятно, к тому времени был достаточно сильно туркизирован: еще султан Мехмед I переселил туда среднеазиатских «татар» (т. е. тюрок, не принадлежавших к огузской ветви), наводнивших Анатолию в результате нашествия эмира Тимура в начале XV в. (см.: Таварих Ал-и Осман. СПб. Публ. б-ка. ТНС 231. Л. 52б).

По свидетельству Ашикпаша-заде, в Европу Исма'ил-бек был переселен из Анатолии лишь после бегства его брата Кызыл-Ахмада к караманскому султану, врагу османов, позже, в 1461 г. (*Asîqpaşa-zade (Kreutel). S. 226–227*). Эта версия представляется наиболее правдоподобной, примиряющей две первые традиции.

⁴² Подразумевается кастамонский эмир Исфандийар-бек.

Сказ одиннадцатый о победах султанского левого фланга, приносящего добрые вести, в упоминании об обращении Султана к газавату Трапезунда, и о встрече в этом пути с Хасан-беком Байандури⁴³ и поражении его в столкновении с победным войском, и рассказ об обстоятельствах [султанского] успеха в завоевании городских стен и цитадели Трапезунда и его окрестностей одновременно с покорением крепости и страны Коюль-Хисар⁴⁴ в самом начале захвата той земли.

Поскольку по согласным воззрениям ученых мужей и удостоверению мужей удачливых, всегда перемены в состоянии мира и восхождение низших частей круга к славе Неба происходят по воле Всевышнего, а прочие побочные обстоятельства этих событий находятся в соответствии с определенными движениями в духовных Небесах, однако [при этом] сущность уникального сердца Совершенного Человека пребывает неподвижным, как на стоянке центра тех кругов, [описываемых] движениями метафизических (*ān jahānī*) Небес, и два oka прозорливости счастливых обретают зрение подобно двум полюсам небесного меридиана от тех полных света Небес⁴⁵. Двустийше: <...>.

Султаны Веры, которые подобны Солнцу земли, [именно] потому именуются и описываются как Тень Бога⁴⁶ и известны как Божественная Тень на царском троне, что, подобно тени от хождения солнца Господних миров, всегда знамениты [своим] хождением по миру [// 301], а в [своих]

⁴³ Имеется в виду султан государства туркменов *ак-куйунлу* Узун-Хасан (1457–1478).

⁴⁴ В тексте искаженное наименование топонима: *Куйунлу-Хисар*. О крепости Коюль-Хисар см. в гл. II настоящей работы.

⁴⁵ Смысл сравнения глаз с полюсами небесного меридиана заключается в том, что если наблюдатель находится в обоих полюсах одновременно, то он может созерцать все мироздание непрерывно и в совокупности. Помимо этого, также подразумевается, что через полюса проходит воображаемая ось, вокруг которой вращается мир и которая символизирует неизменность и стабильность, в противоположность изменчивости мира. Таким образом, пассаж призван указать на вселенскую мудрость султана и причастность его к сфере трансцендентного. Для этих же целей выше введено сравнение султана с Совершенным Человеком (о Совершенном Человеке в исламской традиции см.: *Шукуров Ш. Совершенный Человек и богочеловеческая идея в Исламе // Совершенный человек. Теология и философия образа / Ред. Ш. М. Шукуров. М., 1997. С. 41–71; Шукуров Р. Мир, путь, совершенство: трактат «Мир'ат ал-мухаккикин» шейха Махмуда Шабистари // Там же. С. 331–367. Полную библиографию вопроса см. в этих работах).*

⁴⁶ В тексте *zilliyat-i ilaḥī*, cp.: «*zilliyat* — quality of being the shadow of God» (*Steingass F. Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1985. P. 656*).

передвижениях и остановках⁴⁷ подчиняются и следуют заходу и восходу тех лучезарных звезд. Как бы то ни было, поскольку главная цель и основное намерение их при захвате стран мира заключено в обретении одобрения Божества, то при каждом пожелании отправиться в походы и при каждом отправлении в какую-либо страну взойдут без всякой предварительной подготовки, благодаря предвечной поддержке Неба, счастливые звезды победы и завоеваний на лике их счастья, а невольники и цари, и строптивые в числе их рабов им подчинятся. Двустийше: <...>.

Поскольку все намерения и помыслы, все *газаваты* и сечи [проистекали] из полноты веры и избытка усердия в деле *джихада*, тому Султану Мухаммадову религии выпадали победы и помощь сверх обыкновенной меры в соответствии с [максимой]: «*которые добро деяли, — добро и придача*»⁴⁸. В числе тех волеизъявлений, ознаменованных победой, был один поход, на который он решился с искренним намерением очистить царство Трапезунда от злодеяния идолопоклонников⁴⁹. В приготовлении средств и орудий [для достижения] той цели он проявил великое усердие и совершенное старание. Двустийше: <...>.

Хотя то [царство] было страной чрезвычайно сильной, и многие годы оно находилось под властью родственников кесарей Стамбула, [которые пребывали] в продолжительном покое и надеялись на труднодоступность гибельных дорог, и веровали в ложные фантазии, полные зла; никогда [они] не подчинялись и не покорялись царям из народа Единобожия и Веры. Иранские султаны из мусульманских земель не собирались покорять эту землю, поскольку окрестности той земли и, в особенности, места, укрепленные крепостями и замками, окружены труднодоступными горами и бурными и полноводными речками, и нахождение многочисленных войск в той теснине невозможно. Стихотворение: <...>.

Поскольку Султан религии от избытка мудрости и благодетельности характеризовался обязывающим ко многому высказыванием: «*он тот, кто подчинит вам все, что есть на земле*», (стихотворение: <...>), то волей-неволей в начале обращения к *газавату* государства Трапезунд, в соответствии с божественным побуждением, сначала завоевал [он] земли морского порта и остальную страну Исфандийара, и, в силу близкого соседства того царства к границам страны преступных неверных, оказались запретными [те] действия, [которые] препятствуют осуществлению *газавата* в том крае, по причине богоугодности (*sawdb*) его. После захвата и пересечения царства Исфандийара, когда границы области и крепости Коюль-Хисар превратились в лагерь шатров величия Властителя эпохи, прежний правитель (*wālī*) того царства, из-за давних отношений с соседними туркменами Дийарбакра, обратился за помощью к царю Ак-

⁴⁷ *Передвижения и остановки* — в тексте *ḥarakāt-i sahnāt*, которые можно перевести и как «поступки», что здесь также подразумевается.

⁴⁸ Коран. X, 27.

⁴⁹ Букв. *поклоняющихся идолам*.

Куйунлу Хасан-беку и, умоляя охранить его царство от ударов копыт покоряющей мир султанской рати, отдался под его покровительство⁵⁰. Хасан-бек, поскольку состоял в свойстве с правителем (*hākim*) и *такуром*⁵¹ Трапезунда и был [его] зятем⁵², хранил в своей сумеречной душе приверженность тому проклятому неверному, будто никогда от народа Истины и достоверности не слышал ухом своей души и слухом доверия неоспоримой и полной предостережения вести: «не объединить и двух самых близких неверных без верующих» (?). По этим причинам [он] со всем войском Ак-Куйунлу в окрестностях Эрзинджана засел в замках на некоторых горах и, подобно разбойникам, время от времени совершал кровавые налеты на некоторых торговцев из войска *муджахидов*, и на слабых и отставших от их рати. Однако, тем не менее, у таких, как те *тюрки*⁵³, не было сил противостоять и противодействовать Джемшедовой⁵⁴ мощи и солярной⁵⁵ силе Султана, нигде себя не проявили уверенно в противоборстве, ибо разве можно сравнить сход селя горных рек с бушующим морем, а скорость бурлящих вод потока с бездной безбрежного и бескрайнего океана? Двустыше: <...>.

[Так продолжалось] до тех пор, пока однажды Хасан-бек с горы Мандиз⁵⁶, находящейся близ Эрзинджана, Хуршед-бека, сына своего дяди по отцу, с отборными ратниками Ак-Куйунлу и особым отрядом посадил, по обыкновению разбойников, в засаду, чтобы подстергать проходящих мимо⁵⁷. Ахмад-паша Кадуку, полководец-гази и богатырь эпохи газавата, не

⁵⁰ Крепость Коюль-Хисар располагалась на пути в долину Келькита, через которую проходит наиболее удобный материковый путь к Трапезунду из внутренней Анатолии. В 1459 г. Коюль-Хисар был захвачен у османов Узун-Хасаном (см. ниже Приложение 2). В описываемое время правителем крепости был Йар-Али (см. ниже в тексте Бидлиси).

⁵¹ *Такур* или *таквар* — восточное именование царей Малой Армении и Трапезунда, о титуле подробнее см. выше «Введение».

⁵² Узун-Хасан был женат на Феодоре Комнине, дочери трапезундского императора Иоанна IV (1429–1460) и племяннице последнего трапезундского императора Давида (1460–1461). См. выше гл. V.

⁵³ *Тюрки* — в эпоху Идриса Бидлиси это именование в османской историографии еще сохраняло негативный оттенок. Османское воинство именуется как *муджахиды*, мусульмане-борцы за веру, которым противостоят враждебные *тюрки*, почти язычники. Ниже к этой схеме будут добавлены иранские эпические реминисценции: противостояние «нас-людей» и «чужаков-тюрков».

⁵⁴ *Джемшед* — в иранском эпосе шах их династии Пешададилов. Семисотлетняя эпоха правления Джемшеда считалась «золотым веком» легендарной истории иранцев.

⁵⁵ *Солярный* — *khārshīdī*, довольно необычный эпитет для обозначения могущества и мощи.

⁵⁶ По всей видимости, подразумевается местность Ильдиз, столкновения в районе которой подробно описаны в «Китаби Дийарбакрийа» (см. ниже наш перевод отрывков из этого сочинения).

⁵⁷ У Эрзинджана войско Ак-Куйунлу встало в местности Урум-Сарай, османское — в Йасы-Чаман. Узун-Хасан в местности Дашкард в Кайкубском ущелье по-

зная об этом сборище, проходил там. Поскольку они лучше знали местность и были осведомлены о выгоде и неудобстве собственной земли, то настигли Ахмад-пашу в теснине и самое узкое место в ущелье укрепили прочной стеной острых мечей. После того как противники столкнулись и встретились ряды, началась такая битва и сеча, что небесный Марс⁵⁸ во всех устроенных [им] войнах [// 301b] никогда не встречался на земле со столь страшным сражением, а очи солнца Востока за время скитаний по миру и властвования над Вселенной не наблюдали внимающим взором подобной кровавой зари над горизонтами мира⁵⁹, [как] над этим полем битвы. Двустийше: <...>.

Поскольку воинство *муджахидов* и тот отважный полководец пре-
бывали в незыблемом и твердом спокойствии в соответствии со [слова-
ми]: «Он тот, который помог тебе своей помощью и [помощью] веру-
ющих», Ахмад-паша с боем обратил в бегство тот отряд бунтовщиков и
врагов и гнался за теми побежденными несчастливцами, пока не загнал
их в лагерь Хасан-бека. Когда случилась со стороны Хасан-бека эта ве-
роломная и наглая выходка, то, в соответствии с нравом Султана и тех
избранников рода людского, которые провозглашают: «Я — ревностен,
но Бог — более ревностен», норовистый скакун гнева и храбрости Сул-
тана узду воли направил в сторону отмщения на ристалище битвы, браз-
ды буланого коня расплаты за коварство [Султан] повернул по направле-
нию к местонахождению⁶⁰ вероломного войска Хасан-бека⁶¹. Когда Ха-
сан-бек услышал об этом мстительном движении Султана, и увидел, что
исход [дела] приведет в наказание за содеянное им к гибели царства,
отвращению счастья и утрате надежды, то понял, что сопротивление тому
отряда [султанского] войска сопоставимо с противостоянием множества
слабых мошек разрушительному ветру и сравнимо с борьбой между охо-
тящимся соколом-балабаном и голубем. Двустийше: <...>.

Исходя из этих соображений, Хасан-бек ухватился за подол просьбы
о прощении и мольбы об извинении за дурные дела и отвратительные
поступки свои, и свою мать⁶² в сопровождении некоторого числа почтен-

велел устроить засаду (см. *Abu Bakr Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya / Hazirlyanlar N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1964. Т. 2. Р. 390, см. также Приложение 2).*

⁵⁸ В тексте *bahrām* — иранское название планеты Марс, в мусульманской астрологии планета войны и злосчастья.

⁵⁹ В тексте *amšār*, мн. ч. от араб. *mišr* «город, большой город».

⁶⁰ В тексте *diyār-u maqarr*, что буквально переводится как «земля и место нахождения».

⁶¹ Возможно, что туркам, вопреки утверждениям Бидлиси, не удалось одержать решающей победы. Ср. с описанием той же стычки у Абу Бакра Тихрани, который приписал победу воинству Узун-Хасана.

⁶² Мать Узун-Хасана — Сара-Хатун, по происхождению, возможно, армянка (*Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. Vol. 29. P. 113–149 (=Idem. The Empire of Trebizond. № V. P. 149 note 144 со ссылкой на Ашикпаша-заде)*), известная как исполнительница многих сложных дипломатиче-

ных и уважаемых людей отправил для подношения приличествующей просьбы о прощении в распоряжение великодушных слуг (Султана), и заложил основание столпов для достижения искренности и очищения ткани доверия. Посланные им прибегли к покровительству величайшего визира Махмуда-паши, его мать свои дела поручила его попечению, а упомянутый так же, ради уважения и почтения к гостю и оказания почета, устроил наилучшим образом скопище [*wishb* ?] их просьб, и тем способом, который бы привел к примирению обеих сторон, вывел Государа (*khudāwandigār*) из состояния гнева и жажды мщения, и нрав Султана, который был полон рыцарства и милосердия, склонил к прощению и милости. Для достижения прощения, благорасположения и дружбы, и укрепления соглашения о чистоте помыслов и доверии, Султан так же одного из доверенных слуг отправил с посольством к Хасан-беку. После приветствия и пожелания добра направил ему послание следующего вида:

«Разумение (*manẓar-i naẓar*) искренности и праведности было таким, что тот отважный (*shujā'at intisāb*) господин вместе со всем войском в этом походе газавата окажется в числе *муджахидов* и в плееде остальных высших лиц государства изволит для обретения благодати *джихада* поднести дар [собственного] усилия охотно и искренне. Поскольку некоторые несущественные препятствия помешали ему в осознании этой возвышенной цели, то мать и люди его, в этом походе (*tawajjuh*) оставшись в спутствии и единомыслии с *муджахидами* религии, будут отпущены [*mirakhhkhas-u mujāz*] для возвращения в ту благую землю после победы воинства Ислама».

Когда узда желания Султана обратилась в сторону Трапезунда, а область и крепость Коюль-Хисар оказались покорены [благодаря] завоевательным усилиям счастливых наместников Султана, оттуда победоносный Султан мусульманской религии с соломоновыми войском и пышностью отправился к городу и замку Трапезунд. Хотя труднопроходимость дорог и путей той области была известна людям знания и знаменитым в осведомленности, однако Проводник Удачи многочисленному как звезды конному войску указал стезю истинного пути и наставления [на путь истинный]. Стихотворение: <...>.

Когда Султан *муджахидов* достиг границы страны (*wilāyat*) Трапезунд, то поднял до небес величественные (*gardūn maqām*) шатры⁶³, палатки и знамена победы на горных вершинах упомянутой (?) страны, а Махмуд-пашу вместе с частью победоносного воинства из левого фланга, приносящего добрые вести, направил к победе и торжеству.

Ведь перед этим [Султан], на морском пути снарядив суда и корабли, наметал план⁶⁴ захвата и завоевания той страны со стороны суши и

ских поручений Узун-Хасана (см.: *Hinz W. Irans Aufstieg zum Nationalstaat im fünfzehnten Jahrhundert*. Berlin; Leipzig, 1936. S. 45).

⁶³ В тексте *bast-i bārgāh*, т.е. буквально «расстиланье шатров».

⁶⁴ Как известно, султан Мехмед II при осаде Константинополя составил план города, стремясь, вероятно, нарисовать детальную картину предстоящего штурма.

моря, и каждый корабль приказал снабдить пушками и бомбардами (*iufang*), подобно телам больших и малых звезд в ладье неба. Случилось так, что войско на кораблях, при содействии попутного ветра, подошло и прибыло раньше победных знамен⁶⁶. Это отборное войско со стороны моря напало на крепость, и непрерывно вело против защитников крепости (*ahl-i qal'a*) сечу и брань, [*/ 302*] и давало великие сражения защитникам крепости и замка.

Однако, правитель (*hakim*) Трапезунда в силу спесивости⁶⁶ и гордыни пренебрегал победоносным войском⁶⁷ и весьма радовался и хвастал труднодоступностью подходов и путей со стороны суши, он полагал, что прибытие столь могущественного султана с таким войском, многочисленным как звезды, через те теснины является неосуществимой фантазией и иллюзией, а его царство и господство, как и встарь, защищены от вторжения и убеждены от причинения разлада, [вызванного] тяготами, позавыв ту (*in*) истину, что, согласно [максиме], «*всему предшесн конец*», ^{с. 304} всякие благоденствие и государство, в конце концов, разрушатся, и всякий устойчивый порядок и объединение, непременно, однажды испытают унижение и рассеяние. Двустийше: <...>.

До тех пор [было так], когда утром, — как только на вершинах гор на востоке от взмахов меча царя планет начали сверкать лучи миропокорения, и от восточного горизонта земли глаза счастья и очи радости обрели свет от лучезарного войска небесных лучей, — справа и слева, со стороны равнины и [со стороны] гор в долине (*'arsa*) Трапезунда не появились ряды отрядов султанского воинства⁶⁸. У злополучного *Такура* от

Может быть, что и тут под «начертанием плана» скрывается нечто большее, чем метафора султанской предусмотрительности. Возможно, что метод подготовки Мехмеда II к штурму Константинополя не являлся чем-либо исключительным, и перед атакой на Трапезунд османы распланировали свои действия с помощью карт или планов мест, где пройдут решающие сражения.

⁶⁶ Трапезунд был блокирован с моря турецким флотом примерно за месяц до прибытия Мехмеда II. Георгий Амируци, очевидец штурма, оценивает численность десанта примерно в 10 тыс. человек (*Amiroutzes. Georgios Amiroutzes Besarioni* // PG. T. 161. Col. 725; об этих данных Амируци см. также: *Lampros Sp. He peri alaseos Trapezountos epistole tou Ameroutze* // NE. 1915. T. 12. P. 776–778).

⁶⁷ *Спесивости* — в тексте араб. *istighna*, в персидском это слово более употребительно в значении «отсутствие потребности, независимость, незаинтересованность», избранное Бидлиси значение скорее свойственно арабскому языку.

⁶⁸ Буков.: «для правителя Трапезунда в силу спесивости и гордыни наличие и отсутствие того победоносного войска представлялись одинаковыми». Тут, по-видимому, содержится намек на упорное сопротивление греков османскому десанту, о чем сообщают Амируци (*Ibid.*), Критовул (IV, 7.3) и Дука (XIV, 19).

⁶⁹ Сухопутные силы турков подошли к Трапезунду двумя колоннами (см. об этом гл. V). Константин из Островицы сообщает о непрерывном дожде, сопровождавшем турок на их пути к Трапезунду (*Константин Михайлович из Островицы. Записки янычара / Введение, перевод и комментарий А. И. Рогова. М., 1978. С. 83*). Первым вышел к Трапезунду Махмуд-паша, опередив султана на

сияния, [исходившего от] наконечников знамен султанского войска, очн благополучия ослепли, а глаза надежды померкли. После созерцания знамен той Султана, вершашего *джихад*, он нашел неосуществимым, [что ему предоставится] удобный случай и возможность (*fursat-u majal*) выйти вон из той осажденной крепости, чтобы сберечься в некоторых отдаленных крепостях⁶⁹, и от победы [в нем] боязни и страха и нападения войска ужаса и печали он поспешил по пути смирения и покорности ко двору повиновения и подчинения. У служителей султанского порога просил [он] прощения и пощады для своей головы и души, дома и семьи, а титульный лист послания к слугам Султана украсил всякими [выражениями] покорности и смирения⁷⁰.

Султан так же удовлетворил просьбу и принял извинения и, явив милость, успокоил упомянутого *Такура* обещанием и посулом. *Такур* точно так же сдалей крепости и государства склонил голову повиновения к земле зависимости и подчинения и, по достижении согласия и доверия, будучи возвышен целованием порога Султана Ислама⁷¹, смирился с судьбой. Султан также отличил и наградил *Такура* падишахскими милостями и царскими дарами, участливой благожелательностью успокоил его во всех отношениях, отправил его со всеми пожитками и имуществом, слугами и рабами, домочадцами и семьей в столицу халифата Истанбул и назначил ему средства существования, приличествующие его положению, и в количестве, достаточном для содержания родственников и семьи⁷².

Что же касается имущества и владений населения и жителей той страны, то ради сохранения процветания царства они остались в руках хозяев; всему покровительствуемому населению⁷³ той земли дав пощаду

один день (*Critobulos. IV, 7.4*), встал лагерем в местности Скилолимы и начал установку осадных орудий и другие приготовления к штурму (*Chalkokondyles. T. 2. P. 247; Amiroutzes. Col. 726*). Одновременно с этим он вступил в переговоры с императором Давидом. Переговоры велись со стороны турок Фомой Катаволином, а со стороны греков — Георгием Амируци, *протосевастом* Трапезундской империи.

⁶⁹ Вероятно, имеются в виду многочисленные трапезундские твердыни в горных районах Мацуки, Палеомацуки и Халдии (о них см. также ниже).

⁷⁰ Давид сдал город в тот самый день, когда Мехмед II появился у стен Трапезунда. Давид, очевидно, рассчитывал только на помощь Узун-Хасана. Когда стало ясно, что Узун-Хасан прекратил борьбу, императору ничего не оставалось, как сдать город.

⁷¹ Другими словами, удостоился аудиенции султана.

⁷² После возвращения в Константинополь султан пожаловал Давиду владения в Адрианополе.

⁷³ В тексте *ahl al-dhimmat* — категория населения в средневековом мусульманском государстве, к которой относились христиане, иудеи и зороастрийцы, жизнь, свобода вероисповедания и неприкосновенность имущества которых гарантировались при условии выплаты *джизьи*, особого налога на немусульман.

[назначением] шариатской *джизы* и *хараджа*⁷⁴, [Султан] запретил войнам разорять и грабить. Только в тех окрестностях и округе, которые пребывали в неповиновении, имущества и владения были конфискованы (*mushahhab*)⁷⁵, а пленники и другое захваченное имущество, которое было у *газиев* и то, что поступило в качестве султанского *хумса*⁷⁶, было отправлено [в столицу] на истанбульских кораблях.

Султан *муджахидов*, удовлетворенный и довольный, после завоевания крепости и страны и назначения судей и наместников, и возвышения столпов и провозглашения девизов Ислама⁷⁷, повернул назад через область Джаник к местности Токат. Однако трудность путей и дорог, ядовитость и вредоносность некоторых растений тех земель многим ущерб принесли верховым животным воинов⁷⁸. Тем не менее, поскольку в том царском вояже и походе три значительных государства и множество крепостей и райских городов было покорено, та мера материальных потерь и ущерба не была заметна взору овладевших добычей.

⁷⁴ *Джизья* — см. выше; *харадж* — главный подушный налог в мусульманском мире.

⁷⁵ Это сообщение о сохранении имущества за большинством прежних хозяев и о конфискации его у отказавшихся сложить оружие подтверждается более поздними данными османских кадастров (*Beldiceanu N. L'empire de Trébizonde à travers un registre ottoman de 1487 // AP. 1977/78. Т. 35. Р. 56*). Произошло, по видимому, перераспределение богатств и в среде старой понтийской знати: так, по свидетельству Халкокондила, область Кавазитов (вероятно, в Халдин) была отдана бывшему трапезундскому *пансевасту* и его сыну (*Chalkokondyles. Т. 2. Р. 248*). Кавазиты, вероятно, были среди тех, кто оказал сопротивление османам за пределами Трапезунда. Они были окончательно покорены османами лишь в 1479 г. (*Bryer A. The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location // AP. 1979. Т. 35. Р. 370–477 (=Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series. L., 1980. № VII). Р. 416; Idem. Greeks and Turkmens. Р. 126, 132; Bryer A. Rural Society in Matzouka // Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. by A. Bryer and H. Lowry. Birmingham: Washington, 1986. (=Idem. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / Variorum collected studies series. L., 1988. № XII). Р. 70–75*).

⁷⁶ *Хумс* — пятая часть военной добычи, отходившая халифу и распределявшаяся им на нужды всей мусульманской общины. Позднее *хумс* отходил султану на содержание двора и другие государственные нужды.

⁷⁷ Управление Трапезундом было передано Касым-беку, бывшему турецкому правителю Галлиполи (*Chalkokondyles. Т. 2. Р. 248*). По дороге из Трапезунда Мехмед II отправил к Узун-Хасану его мать с богатыми дарами (*Critobulos. IV, 8. 4–5; Asikpaşa-zade (Kreutel). S. 226; см. также выше*).

⁷⁸ Турсун-бек добавляет, что на пути к Токату, когда у султана возникала нужда в провианте и корме для скота, все необходимое доставлял османский флот (*Tursun Beg. The History of Mehmed the Conqueror. Р. 47*). Мехмед II, по всей видимости, отправился к Коюль-Хисару, не заходя в Кара-Хисар (*Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments. Vol. I. Р. 148*).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

УЗУН-ХАСАН И МЕХМЕД II В БОРЬБЕ ЗА ТРАПЕЗУНД

Ниже представлены переводы извлечений из двух пространных глав (*dihkr*) сочинения Абу Бакра Тихрани «Китаб-и Дийарбакрийа» — «Рассказ о походе Сахибкирана на Грузию» и «Рассказ об устроенном пире по случаю свадьбы царевича Мухаммад-бека», в которых детально описываются события 1458–1461 гг.¹ В этот период времени Абу Бакр находился еще на службе Кара-Куйунлу; он перешел к Узун-Хасану только через 7–8 лет после описываемых событий (см. «Введение. Обзор источников» в настоящей книге). Однако обилие значимых исторических деталей в повествовании (множество имен действующих лиц, детальные топографические данные, мельчайшие подробности событий, точная временная их привязка) указывает на то, что в распоряжении историографа находился как письменный документальный материал, так и обширные свидетельства участников боев с турками.

Переведенные ниже отрывки прежде использовались византинистами только в пересказах американского востоковеда Дж. Вудса, разбросанных по его известной монографии, посвященной истории *ак-куйунлу*². Широко использовались данные Абу Бакра Тихрани в работах турецких историков, писавших о соперничестве Мехмеда II и Узун-Хасана

¹ *Abu Bakr Tihrani. Kitab-i Diyarbakriyya / Hazırlıyanlar N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1964. T. 2. P. 379–392.*

² *Woods J. Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/9th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis; Chicago, 1976. P. 101–103; Kurşanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde: Théodora, fille de Jean IV et épouse d'Uzun Hasan // AP. 1977/78. T. 34. P. 81–82.*

за Трапезунд³. Вместе с тем, представляется нелишним иметь этот весьма важный для поздней истории Трапезундской империи текст в полном переводе на русский язык. Уникальность сообщений Абу Бакра определяется тем, что только в «Китабе» подробно излагается позиция Узун-Хасана, одного из субъектов политического треугольника Османы—Трапезунд—Ак-Куйунлу. Причем, рассказ Абу Бакра абсолютно не зависит от греческих и османских источников, близких друг к другу, прямо или косвенно влиявших друг на друга.

Мы посчитали излишним воспроизводить персидский оригинал сочинения Абу Бакра Тихрани, который существует ныне в удовлетворительном издании турецких исследователей Н. Лугала и Ф. Сюмера (причем, дважды опубликованном — в Анкаре и Тегеране) и который вполне доступен в российских и европейских библиотеках. Пагинация в нашем переводе дается по упомянутому изданию хроники.

ПЕРЕВОД

<На с. 376–379 ведется повествование о походах Узун-Хасана против христианской крепости Самакар около Тартума и князей Самцхе в Западной Грузии в 1457–1458 гг.⁴>

[с. 379] Когда правители (*hākim*) крепостей Кара-Хисар и Кемах, прекратив участие в этом *газавате*, во вредительстве, проявлении враждебности и гордыне подняли голову, и наипервейшим делом для потребностей царства и исправления [дел] страны стало устранение вреда от их враждебности и смуты от их интриг, то бразды высочайшего намерения были повернуты от Самцхе (*akhsakhā*) в сторону Эрзерума. Оттуда [Сахибкиран⁵] отправил царевичей Султан Халила, Халила Таваджи, Амир-

³ Baykal B. S. Die Rivalität zwischen Uzun Hasan und Mehmet II um das Kaiserreich von Trapezunt // Труды 25 Международного конгресса востоковедов. М., 1963. Т. II. С. 442–448; *Idem.* Fatih Sultan Mehmed-Uzun Hasan rekabetinde Trabzon meselesi // Tarih Araştırmaları Dergisi. 1964. Т. II (2–3). P. 67–81; *Idem.* Die Vorbereitungen Uzun Hasans zum Entscheidungskampf gegen die Osmanen und der Beginn des Krieges // Belleten. 1957. Т. 21. С. 285–296; Yücel Y. Fatih'in Trabzon'u fethi oncesinde Osmanlı—Trabzon—Akkoyunlu ilişkileri // Belleten. 1985. Т. 49. С. 287–311.

⁴ Об этих походах Узун-Хасана см. также: Kurşanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde. P. 81. По мнению исследователя, именно эти походы, явившиеся своего рода «вызовом» Трапезундской империи, привели, в конце концов, к выдаче *деспины* Феодоры за Узун-Хасана (см. также выше гл. V о взаимоотношениях Великих Комнинов и Узун-Хасана).

⁵ Сахибкиран — «обладатель счастливого сочетания звезд», тут и ниже почетное именование Узун-Хасана.

бека, Сухраба Шайх-Хасана и Сайида Махмуда «Арабкира на осаду Кемах, сам же с отборным войском отправился к Кара-Хисару. Расстояние между Кара-Хисаром и Эрзинджаном восемь дневных переходов, между Кемахом и Кара-Хисаром — то же расстояние. Оба войска проделали свой путь за три дня и осадили обе крепости. Хуш Кадам взял крепость Кил (*kīl*), Мамаш Ибрахим взял Курнар (*qūrnār*). [// с. 380]

Во время этой осады высочайшему слуху сообщили, что султан Мухаммад Румский⁶, прислав посланников к осажденным в обеих крепостях, призывает их к твердости в сопротивлении и помогает им оружием и военными приспособлениями, как то луки и прочее, несмотря на то, что население этих двух крепостей, противодействуя [раньше] румийцам⁷, нанесло [им] много вреда. Когда [эти] вести подтвердились, Сахибкиран возвратился в высочайшую ставку и назначил царевича Махмуда Мирзу на осаду Кара-Хисара.

Вскоре среди населения каждой из двух крепостей начались раздоры и победа явила лицо царевичам. Кемах был пожалован Султан Халилу, а Кара-Хисар — Махмуд-беку. Покорив также Араста, Йанкан и Алка (*arasta, yankān, alka*), [войска] повернули к зимовьям.

<Далее на с. 380–382 идет рассказ о военных кампаниях Узун-Хасана с весны по лето 1459 г. в Курдистане, в области Терджана, о кризисе между Узун-Хасаном и султанатом Кара-Куйунлу. Сразу после сообщения об отправке примирительного посольства к султану Кара-Куйунлу (летом 1459 г.) помещен следующий текст:>

[с. 382] В это же время к Сахибкирану прибыл брат султана Трапезунда (*barādar-i sulṭān-i Trābzūn*) и привез богатые дары (*amwāl-i farāwān*).

Когда наступила осень⁸, Сахибкиран направился в долину Эрзинджана, а сына своего брата, Мурад-бека, отправил послом к румскому султану Мухаммаду б. Мурад-хану, дабы уведомить, что «Трапезунд отдал нам и согласились вносить *джизью*, просьба [наша] заключается в том, чтобы вы помнили установление “у меня одна овца”⁹ и не посягали на Трапезунд». Султан Мухаммад не обратил внимания на это послание, тогда Сахибкиран отправил Агрылу-Мухаммад-бека к Коюль-Хисару и через короткое время захватил эту крепость. [Он также] отправил Халила Тавваджи с несколькими эмирами и осадил крепость Мелет (*malat*)¹⁰, окрестности той крепости разорили и овладели неисчислимой добычей.

⁶ Султан Мухаммад Румский — здесь и ниже подразумевается османский султан Мехмед II.

⁷ Румийцы — здесь и ниже турки-османы.

⁸ Вероятно, сентябрь-октябрь 1459 г.

⁹ Коран. XXXVIII, 23.

¹⁰ Современное Месудие.

Затем, в долине Эрзинджана занялись подготовкой свадьбы <...>
[// с. 383] Султан Халила Мирзы.

<Далее на с. 383 дается описание свадебных увеселений и после этого:>

[с. 383] Когда брак был заключен, [Сахибкиран] посадил царевича Мухаммад-бека в крепости Кара-Хисар. Его величество Сахибкиран вместе с победными войсками, которые как семя человеческое (*baniya-i insāniya*) из чресел отцов входит в чрева матерей, с той стоянки пошли по всем зимним кочевьям, чтобы, подобно травам и цветам, прорастающим из расщелин и теснин, на [горных] вершинах и возвышенностях, весной раскинуть шатры радости и зонты [// с. 384] безопасности на зелени и у бурных речек. Той зимой пребывали в спокойствии¹¹.

В это время принесли известие, что примерно двадцать тысяч человек из Рума подошли к Коюль-Хисару и осадили крепость. Царевич Мухаммад-бек, собрав войско, выступил из Кара-Хисара, [однако,] не сумев оказать противодействие, возвратился. Так как была зима, несмотря на подобные известия, ничего не могло сдвинуться с места до того времени, [пока] плод весны из чрева круговорота не появился на свет, и царь мира (*shāh-i jahān*)¹² из зимней стоянки (*qishlāq*) перешел на летнюю (*yaylāq*).

В это время¹³ пришло известие, что некий Сайф из арабов Анайна с бесчисленными приверженцами, сойдя с дороги покоя и спокойствия, протянул руки грабежа к имуществу и добру подданных тех провинций. Сахибкиран послал царевича Султана Халила, чтобы тот подверг грабежу тех арабов. Вскоре он вернулся и большую часть имущества обиженных, которую захватили арабы, возвратил. После этого Сахибкиран направился на осаду Ас'арда¹⁴.

Во время осады вновь до высокого слуха донесли известие о войсках Рума и продвижении их к Коюль-Хисару. По причине поступления этих известий, Сахибкиран соизволил совершить оттуда нападение на Коюль-Хисар. Когда [// с. 385] [он] достиг местности Памбухлу (*pāmbūkhlu*)¹⁵, то оттуда, за два дня покрыв расстояние в пятьдесят фарсах¹⁶, пошел к горе Ильдиз (*yaldūz*)¹⁷. Румийцы при приближении Сахибкирана рассея-

¹¹ Речь идет о зиме 1459/60 г.

¹² В тексте, стр. 7–8: *shāh-i jahān-shāh mīrza* (царь Джахан-шах Мирза), что, исходя из контекста отрывка, представляется явной ошибкой переписчика или издателя. Тут, несомненно, идет речь о переходе из зимы в весну «царя мира», т. е. солнца, а не Джахан-шаха. Поэтому это место предпочтительнее прочесть как *shāh-i jahān* и опустить явно излишние два последние слова *shāh mīrza*.

¹³ Речь пошла о событиях весны 1460 г.

¹⁴ Ас'ард — крепость в Курдистане.

¹⁵ Памбухлу — этот топоним идентифицировать не удалось.

¹⁶ Фарсах — мера длины, тут 1 фарсах равен примерно 7 км.

¹⁷ Ильдиз — местность, локализуемая издателями текста севернее Сиваса и южнее Токата.

лись. Сахибкиран повелел, чтобы зерно из Сиваса перевезли в Коюль-Хисар.

В момент отправления к Коюль-Хисару в местности Памбухлу от Джахан-шаха Мирзы¹⁸ прибыл посол <...>.

<Мы опускаем пространное описание даров, привезенных Узун-Хасану от Джахан-шаха Кара-Куйунлу.>

После перехода в местность Тармух (*tärmükh*), [Сахибкиран] прибыл в державный стан и со всем войском (*ülüs*) обратился против румийцев. Румийский султан Мухаммад отправил Муш-‘Али с предложением мира.

Еще перед прибытием посла, Сахибкиран отправил *амирахура*¹⁹ Касыма вместе с эмиром Угли-Хасаном и некоторыми военачальниками против румийцев. [Они] учинили великий разгром [румийцам]. После разорения [врага они] возвращались и устроили где-то привал, чтобы отдохнуть, и каждый из них, отдыхая в спокойствии, уснул. Неожиданно на них, как дурной сон, обрушились румийцы. Отдыхающие же воины, несмотря на [// с. 386] безмятежность свою и спокойствие, [не теряли] уверенность в собственной безопасности, вскочили с ложа и взялись за оружие, чтобы отразить нападение. Произошла великая битва между ними. На мече *амирахура* Касыма осталось девять зазубрин от ударов мечей противника, а у Хусайна Ибрахима стрела оставила на лице навечно шрам, как знак мужества и отваги. Пир-‘Али, обнаженным соскочив с лошади и вскочив на неоседланного коня, надел пояс с колчаном, прискакал в лагерь и конных врагов стрелами сбивал с коней. Вскоре этот «малочисленный отряд»²⁰ одержал победу над столь [великим] войском и, с помощью всемогущего Бога, большую часть этой многочисленной рати взял в плен и возвратился.

Сахибкиран же освободил пленных из оков неволи, и посла Рума, который прибыл ранее, вместе с Хуршид-беком, который был одним из великих эмиров Сахибкирана, отправил к султану Мухаммаду, требуя Трапезунд и крепости в его округе. Султан Рума, в ответ на великое благородство, явленное Сахибкираном по отношению к [пленным] эмирам, отправил гонцов к своим эмирам и приказал им отойти от Трапезунда и передать [власть] уполномоченным Сахибкирана.

<Далее на с. 386–388 следует описание свадьбы царевича Мухаммад-бека, которая проходила в долине Эрзинджана, вероятно, зимой 1460/61 г., затем короткое сообщение о признании власти Узун-Хасана рядом курдистанских крепостей, что, вероятно, имело место уже весной 1461 г., когда Узун-Хасан находился в курдистанском Ас‘арде.>

¹⁸ Имеется в виду Джахан-шах, султан Кара-Куйунлу в 1438–1467 гг.

¹⁹ *Амирахур* — «конюший», высокая дворцовая должность, распространенная во многих дворах мусульманских государств.

²⁰ Коран. II, 250.

Там опять получили известие, что султан Мухаммад Румский со ста тысячами человек в полной боевой готовности направляется в эту землю. Сахибкиран, как солнце, которое из зимней стоянки Юга обращает лицо к летней стоянке Севера, направился к летним кочевьям области Эрзинджана. [// с. 389]

В это время Джахан-шах Мирза был в Исфагане и по дороге к Ширазу отослал Савлан-бека к Сахибкирану для получения обязательств и клятв. [Савлан-бек] удостоился чести прибыть в это кочевье с царскими подарками и призвал Сахибкирана дать обязательство и клятву. Вновь Сахибкиран ответил теми же словами, что дружба того, кто принадлежит к [истинно] верующим, не нуждается в клятве. Но Савлан-бек настаивал на этом, пока Сахибкиран не удовлетворил его просьбу. [Сахибкиран] отослал Мавлана 'Убайда, чтобы Джахан-шах Мирза так же дал клятву.

Савлан-бек был еще в лагере Сахибкирана, когда пришла весть о направлении султана Рума в область Армению (*arman*). Сахибкиран занялся подготовкой ратного снаряжения и свел войска из окрестностей. Когда султан выступил из Рума, пленил Исма'ил-бека, правителя Кастамона, и взял Кастамон, ратники Сахибкирана в период похода султана к Кастамону подумали, что поход на Дийарбакр теперь задержится и каждый из них вернулся на свое место.

После взятия Кастамона вновь пришло известие о его приближении. Сахибкиран, вновь приготовив войска, выступил вперед. Султан же уже осадил Коюль-Хисар. Йар-'Али-бек от имени Сахибкирана был начальником (*dārūgha*) той крепости. Испугавшись, что между победными войсками и той крепостью далекое расстояние и, не дай Бог, никакая помощь не придет от них, и султан [// с. 390] силой в гнев возьмет крепость и прикажет полностью вырезать защитников крепости, [Йар-'Али-бек] по договору сдал крепость.

Румийцы оттуда направились к Эрзинджану. Сахибкиран встал в местности Урум-Сарай, а султан Рума — в Йасы-Чаман²¹. Авангард Сахибкирана сообщил, что султан завтра собирается спуститься в долину Эрзинджана. Сахибкиран назначил некоторых из своих приближенных и эмиров, как то Йусуф-бека, Мехмад-бека, Йар-'Али-бека, эмира 'Умар-бека, и из воинов (*nūkarān*) царевича Султана Халила — Хамза-бека и 'Азиз-бека, устроить засаду вместе с двумя тысячами всадников в местности Дашкард²², а сам же собственной персоной в местности Кайкуб с двумя тысячами конных устроил засаду. Со стороны противника отважные всадники, и Сулайман-бек, и Фархад-бек (вали Анкурии и Бурсы) с двадцатью эмирами *санджака* вскочили на коней, чтобы сражаться, и прибыли к

²¹ Урум-Сарай (тюрк. «ромейский дворец») и Йасы-Чаман — местности, находящиеся очень близко друг от друга, примерно в 30 км северо-западнее Эрзинджана (примечание Н. Лугала и Ф. Сюмера).

²² Дашкард — располагается севернее Эрзинджана, юго-западнее Урум-Сарая, возможно, — ныне деревня Васкирд (примечание Н. Лугала и Ф. Сюмера. Р. 390 note 2; *Kemali A. Erzinçan tarihi, coğrafi, ictimai, etnografî, idari. İstanbul, 1932. S. 298*).

Дашкарду. Оба войска неистово бросились друг на друга, пыль с поля брани затмила звезды Большой Медведицы и скрыла источник [солнечного] света.

Стихи:

От копыт скачущих по степи скакунов
и из-за ударов ног бойцов
все камни и песок [бранного] поля
растолклись в порошок и на глазах превратились в сурьму,
пал огонь, столь полный искр,
что сгорало от его жара и сухое, и мокрое [// с. 391].

Йусуф-бек отважно сражался и убил двести румийцев, шестьдесят из самых славных было пленено. Мехмад-бек показал образец мужества в бою, ударил копьем одного из богатырей румского войска — правителя Бурсы, и сбросил его с коня желания, а его острый вороной меч, вселяющий смятение, преградил врагу путь к бегству. Барабаны и знамена врага сломались и изорвались, куски их привязали к седельным ремням как охотничью добычу. Остаток румийского войска побежденным и обращенным в бегство, падая и вставая, вернулся в лагерь султана.

Когда султан увидел победу врага и поражение великих эмиров, он собрался повернуть вспять, и не осталось у него больше решимости. Хотя [он] и расчистил для повозок дороги, [он] не смог спуститься между горами в долину, туда, где собирают и разворачивают боевые порядки. У Сахибкирана поэтому не было необходимости идти [туда].

Султан Рума отошел в сторону Келькита (*kalkit*) и отправил послов с тем, что «у нас нет вражды и противоречия с мусульманами, мы намерены предпринять *газават* Трапезунда». Сахибкиран также отошел отсюда и направился по дороге к Сакл-Тутан (*saql tütân*), чтобы преградить им путь. Молодцы и богатыри *ак-куйунлу* повсюду захватывали пленных и добычу, храбро атакуя [врагов] и рассеивая их.

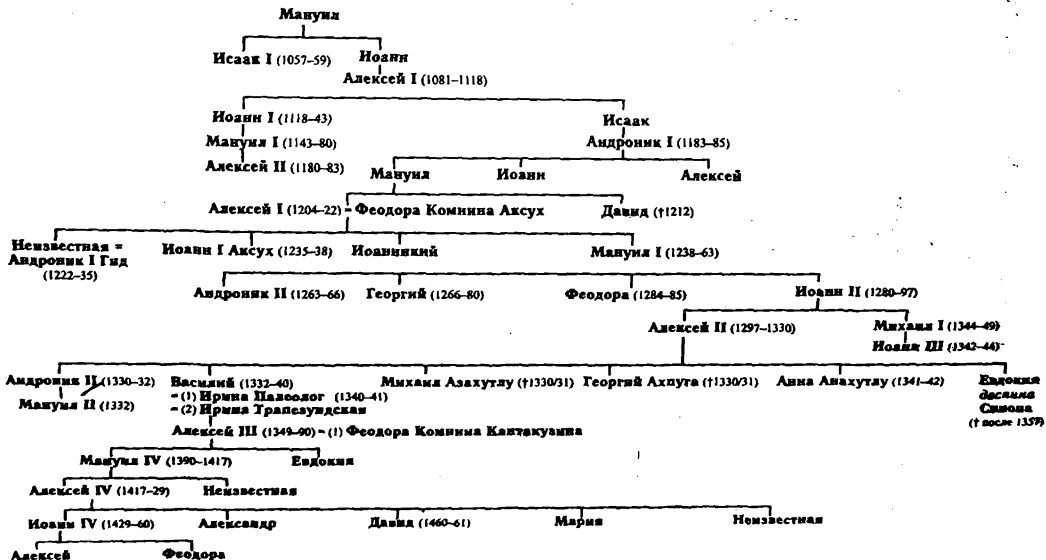
Когда среди [туркмен] *ак-куйунлу* стало известно, что султан намерен вести *газават* Трапезунда, Сахибкиран запретил своему войску громить их и нападать на них. Ее величество, прибежище [// с. 392] целомудрия, мать Сахибкирана, *мавлана* Ахмад Йакриджи и другие *улемы* сошлись во мнении, что, поскольку он является мусульманским царем и направляется в *газават*, ссора с ним, в соответствии с *шариатом*, порицаема и недозволена, а мир с ним — есть мир Ислама, необходимый покой и отдохновение людей.

Султан Мухаммад также отправил [послание] и дал понять, что «если мать Сахибкирана придет для обсуждения мира, то в обмен на это отдам Трапезунд». Сахибкиран отправил [свою] мать, прибежище целомудрия, они же так же прислали [султанского] сына Кутлушаха. Таким образом состоялся мир.

Султан Рума нарушил обещание и захватил Трапезунд. Оттуда он двинулся через Джаник (*chanik*). Его казнохранилище и лагерь остались без защиты, но Сахибкиран в силу заключенного договора никак не посягнул [на них], а возвратясь, собрал войско и отправился в *газават* Грузии.

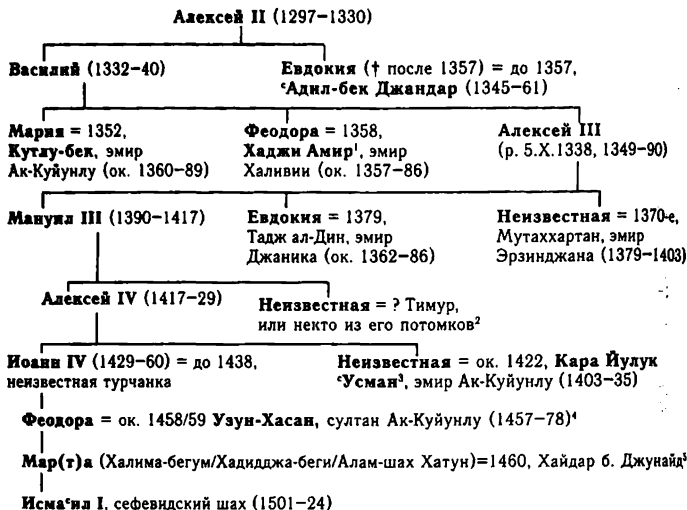
ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ВЫБОРОЧНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ВЕЛИКИХ КОМНИНОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

БРАКИ ВЕЛИКИХ КОМНИНОВ С МУСУЛЬМАНАМИ

¹ Э. Брайер полагал, что и сын Хаджи Амира — Сулайман-бек, был женат на трапезундской *деспине*, однако это ошибочное мнение базируется на неточном прочтении Панарета: *Michael tou Panaretou peri ton Megalon Komnenon* / Ed. Od. Lampsidis. Athena, 1958. P. 80^{14–15}; *Bryer A. Greeks and Turkmens: the Pontic Ex-ception* // DOP. 1975. Vol. 29. P. 148 note 140 (спорный перевод хроники), 150 (генеалогическая таблица); поправка чтения: *Zachariadou E. Trebizond and the Turks 1352–1402* // AP. 1979. T. 35. P. 351 note 3.

² *Chronikon peri tourkon soultanon* / Ed. G. Zoras. Athena, 1960. P. 103^{26–27}; *Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes* / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1924. T. 2. P. 219^{5–9}. Предположение Э. Брайера, что некая дочь Алексея IV была выдана за Джахан-шаха Кара-Куйунлу (*Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 149 note 145, 149–150), не подтверждается данными источников (*Kuršanskis M. La descendance d'Alexis IV, empereur de Trébizonde* (Contribution à la prosopographie des Grands Commènes) // REB. T. 37. 1979. P. 245).

³ *Ducas. Historia Turco-Byzantina 1341–1462* / Ed. V. Grecu. București, 1958. P. 163–165; *Kuršanskis M. La descendance*. P. 245–246; см. также гл. IV.

⁴ *Bryer A. Greeks and Turkmens*. P. 150 note 146; *Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde: Théodora, fille de Jean IV et épouse d'Uzun Hasan* // AP. 1977/78. 34. P. 77–87.

⁵ *Kuršanskis M. Autour de la dernière princesse de Trébizonde*. P. 84.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

СЕЛЬДЖУКСКИЕ СУЛТАНЫ РУМА

- 1077 — Сулайман ибн Куталмыш
1086 — *междоусарствие*
1092 — Кылыч-Арслан I
1107 — Малик-шах
1116 — Рукн ал-Дин Мас'уд I
1156 — 'Изз ал-Дин Кылыч-Арслан II
1192 — Гийас ал-Дин Кай-Хусрав I
1196 — Рукн ал-Дин Сулайман II
1204 — 'Изз ал-Дин Кылыч-Арслан III
1205 — Гийас ал-Дин Кай-Хусрав I (вторично)
1211 — 'Изз ал-Дин Кай-Кавус I
1219 — 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I
1237 — Гийас ал-Дин Кай-Хусрав II
1246 — 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II
1249 — 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II вместе с братом Рукн ал-Дином Кылыч-Арсланом IV
1250 — 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II, Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан IV и их младший брат 'Ала ал-Дин Кай-Кубад II
1256 — Рукн ал-Дин Кылыч-Арслан IV
1266 — Гийас ал-Дин Кай-Хусрав III
1282 — Гийас ал-Дин Мас'уд II
1284 — 'Ала ал-Дин Кай-Кубад III
1284 — Гийас ал-Дин Мас'уд II (вторично)
1293 — 'Ала ал-Дин Кай-Кубад III (вторично)
1294 — Гийас ал-Дин Мас'уд II (третье правление)
1301 — 'Ала ал-Дин Кай-Кубад III (третье правление)
1303 — Гийас ал-Дин Мас'уд II (четвертое правление)
1305 — 'Ала ал-Дин Кай-Кубад III (четвертое правление)
1307 — Гийас ал-Дин Мас'уд III

ПЕРЕЧЕНЬ ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ ДО СЕРЕДИНЫ XV В.

- 1281 — Осман I
1324 — Орхан
1362 — Мурад I
1389 — Байазид I Йылдырым
1402 — Мехмед I
1403-1410 — Сулейман в Румелии
1421 — Мурад II

- 1444 — Мехмед II
 1446 — Мурад II (вторично)
 1451 — Мехмед II (вторично)
 1481 — Байазид II
 <...>

ПЕРЕЧЕНЬ МОНГОЛЬСКИХ ХАНОВ ИРАНА (ИЛЬХАНОВ)

- 1256 — Хулагу
 1265 — Абака
 1282 — Ахмад Такудар
 1284 — Аргун
 1291 — Кайхату
 1295 — Байду
 1295 — Газан
 1304 — Улджайту
 1317 — Абу Са'ид
 1335 — Арпа
 1336 — Муса
 (1336–1353 — власть Ильханов номинальная)

ТИМУРИДЫ В ИРАНЕ ДО СЕРЕДИНЫ XV В.

- 1370 — Тимур
 1404 — Мираншах
 1409 — Халил
 <...>
 1415–1447 — Шахрух

ЭМИРЫ И СУЛТАНЫ АК-КУЙУНЛУ (ДО СЕР. XV В.)

- середина XIII в. — Пахлаван-бек
 конец XIII в. — после 1348 — Тур 'Али б. Пахлаван-бек
 ок. 1352 — Кутлу-бек б. Тур 'Али
 1389 — Ахмад б. Кутлу-бек
 1403 — Кара-Йулук 'Усман б. Кутлу-бек
 1435 — Хамза б. Кара-Йулук 'Усман
 1444 — Джахангир б. 'Али б. Кара-Йулук 'Усман
 1457 — Узун-Хасан б. 'Али б. Кара-Йулук 'Усман
 1478 — Халил б. Узун-Хасан
 <...>

ПРАВИТЕЛИ СИВАСА (1341–1398)

1. Султанат Аратны и его потомков (1341–1381)
 1341 — Аратна

- 1352 — Мир Мухаммад б. Аратна
 1365 — 'Ала ал-Дин 'Али б. Мир Мухаммад
 1380 — Мухаммад б. 'Ала ал-Дин 'Али

2. Султанат Бурхан ал-Дина (1381-1398)

- 1381 — Бурхан ал-Дин
 1398 — 'Ала ал-Дин 'Али Челеби б. Бурхан ал-Дин
 (1398 — османское завоевание Сиваса)

МАНГУДЖАКИ

1. Эрзинджан

- ок. 1118?—? — Гази Мангуджак
 ?—? — Исхак б. Гази Мангуджак
 ?—1163 — Давуд б. Исхак
 1166 — Фахр ал-Дин Бахрам-шах б. Давуд
 1228 — 'Ала ал-Дин Давуд-шах б. Фахр ал-Дин Бахрам-шах

1166 —
 5-
 1228

2. Ветвь в Дивриги

- ?—? — Сулайман
 до 1180/81—после 1195/96 — Шаханшах

ПРАВИТЕЛИ ЭРЗИНДЖАНА В XIV-XV ВВ.

- до 1348 — Ахи Айна-бек
 1362 — Пир-Хусайн б. (?) Ахи Айна-бек
 1379 — Мутаххартан (племянник султана Аратна)
 1403 — Йар-'Али, внук Мутаххартана
 1410 — завоевание кара-куйунлу
 1420 — Йар-'Али, внук Мутаххартана (вторично)
 1425 — завоевание ак-куйунлу

ЭМИРАТ ДЖАНИК

- до 1362 — Тадж ал-Дин
 1386 — Махмуд Челеби б. Тадж ал-Дин, Алп-Арслан б. Тадж ал-Дин
 1393 — смерть Алп-Арслана
 1394 — последнее упоминание в источниках имени Махмуда Челеби¹
 ок. 1410 — Хасан б. Алп-Арслан
 1427/28 — османское завоевание

¹ Aziz ibn Ardaşir Astarabadi. Bazm-u razm / [Hazırhyan Kilisli Muallim Rif'at]. F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. İstanbul, 1928. P. 449.

ПРАВИТЕЛИ ХАЛИВИИ

- ок. 1301 — Куш-Туган
 до 1313 — Байрам-бек (? б. Куш-Туган)
 до 1357 — Хаджи Амир б. Байрам-бек
 1386 — Сулайман-бек б. Хаджи Амир
 1400 — ? *османская оккупация*
 1404 — последнее упоминание эмирата в источниках²
 между 1404–1427/28 гг. — *присоединен к Трапезундской империи*

ПРАВИТЕЛИ КАРА-ХИСАРА

- ок. 1330/31 — Шейх Хасан Кучук
 1338–1343 — Сарват Хусайн
 до 1351 — *завоевание Аратны*
 до 1362 — Пир-Хусайн
 до 1368 — Кылыч-Арслан, из рода Сельджуков
 1381 — Малик Ахмад
 до 1410-х — Хасан б. Малик Ахмад
 между 1416 и 1421 — *османская оккупация*
 до 1440-х — *оккупация ак-куйунлу*
 до 1457 — Узун-Хасан
 1461 — *османское завоевание*

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРАВИТЕЛИ СИНОПА

1. Потомки Му'ин ал-Дина Парвана

- ок. 1296/97–1300/01 — Мас'уд-бек, внук Му'ин ал-Дина Парвана
 ок. 1300 — ок. 1324 — Гази Челеби б. Мас'уд-бек

2. Джандары в Синопе

- ок. 1324 — Шуджа' ал-Дин Сулайман I (Сулайман-паша I)
 1345 — 'Адил-бек б. Сулайман
 1361 — Кеткюрюм Байазид б. 'Адил-бек
 1385 — Сулайман II б. Байазид
 1391 — Исфандийар б. Байазид³
 1440 — Ибрахим б. Исфандийар⁴
 1443 — Исма'ил б. Исфандийар
 1461 — *османское завоевание*

² Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406. С. 114.

³ Ум. в рамазане 843 (феврале-марте 1440) (Şakir M. Sinop'ta Candar oğulları zamanına ait tarihî eserler. İstanbul, 1934. S. 9).

⁴ Ум. в мухарраме 847 (мае-июне 1443) (Ibid. S. 10).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ — Византийский временник
ВО — Византийские очерки
ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗНУ — Записки Императорского Новороссийского университета
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИРАИК — Известия Русского Археологического института в Константинополе
ИФЖ — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР
СОПЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
УЗИАН — Ученые записки Императорской Академии Наук
- ABAW — Abhandlungen der hist. Klasse der bayerischen Akademie der Wissenschaften
AO — Acta orientalia
AOtt — Archivum Ottomanicum
AP — Archeion Pontou
AS — Anatolian Studies
ASLSP — Atti della Societa Ligure di Storia Patria
Belleten — Belleten, Türk Tarih Kurumu
BF — Byzantinische Forschungen
BK — Bedi Kartlisa
BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies
BS — Byzantinoslavica
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
BZ — Byzantinische Zeitschrift

- DI — Der Islam
 DOP — Dumbarton Oaks Papers
 DOS — Dumbarton Oaks Studies
 EEBS — Epeteris Hetaireias byzantinon Spoudon
 EI — The Encyclopaedia of Islam
 EI² — The Encyclopaedia of Islam. New Edition
 IĀ — Islam Ānsiklopedisi
 JA — Journal asiatique
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JLib — Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik
 MHR — Mediterranean Historical Revue
 NC — Numismatic Chronicle. Royal Numismatic Society
 NE — Neos Hellenomnemon
 NH — Neo-Hellenica
 ODB — Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan, A. M. Talbot.
 New York; Oxford, 1989. Vol. 1–3.
 PG — Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, Series Graeca
 REB — Revue des études byzantines
 REI — Revue des études islamiques
 ROC — Revue de l'Orient Chrétien
 ROL — Revue de l'Orient Latin
 SBAW — Sitzungsberichte Bayerischen Akademie der Wissenschaften,
 Philos.-philol. und hist. Klasse
 SI — Studia Islamica
 SK — Seminarium Kondakovianum
 TM — Travaux et Mémoires
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

РУКОПИСИ

1. *ал-Айни*. "Икд ал-джуман. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 350.
2. *Будак Мунши Казвини*. Джавахир ал-ахбар. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 288.
3. *Джа'фар ибн Мухаммад*. Тарих-и Джа'фари. СПб. Публ. 6-ка. ПНС 201.
4. *Ибн ал-Асир*. Камил ал-таварих. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. D 373.
5. *Идрис Бидлиси*. Хашт биhiшт. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 387.
6. *Идрис Бидлиси*. Хашт биhiшт. СПб. Публ. 6-ка. ПНС 97.
7. *Мирх'анд*. Равзат ал-сафа. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 278.
8. *Муслих ал-Дин Мухаммад*. Мир'ат ал-адвар ва миркат ал-ахбар. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С. 427.
9. *Мухаммад Шабанкараи*. Маджма' ал-ансаб. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 372.
10. *Таварих ал-и осман*. СПб. Публ. 6-ка. ТНС 189.
11. *Таварих ал-и осман*. СПб. Публ. 6-ка. ТНС 231.
12. *Хафиз Аbru*. География. СПб. Публ. 6-ка. Dorn 290.
13. *Шукр-Аллах Заки*. Бахчат ал-таварих. СПб. Отд. рукоп. ПФ ИВ РАН. С 785.
14. *'Abd al-Razzaq Samarqandi*. Matla' al-sa'adayn. T. 1. British Library. Rieu, Add. 17,928.
15. *Hafiz Abru*. Geography. British Library. Or. 9316.
16. *Hafiz Abru*. Geography. British Library. Or. 1577.

17. *Hafiz Abru*. Geography. Oxford. Bodleian Library. Elliot 357.
18. *ʿIbad-Allāh b. ʿAbd-Allāh Nishāpurī*. Ta'rikh-i Turkmanīyya. British Library. Ethé 573.

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

19. *Абд ар-Рашид ал-Бакуви*. География. М., 1971.
20. *Абдурразок Самаркандий*. Матлаи саадайн. Тошкент, 1969.
21. *Абу Бакр Кутби ал-Ахари*. Тарихи Шейх Увейс / Введ., пер. и комм. М. Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку, 1984.
22. *Абу-л-Гази-хан*. Родословная туркмен / Пер. и комм. А. Н. Кононова. М.; Л., 1958.
23. *Аджа'иб ад-Дунйа* (Чудеса мира) // Крит. текст, пер. с перс., введ., комм. и указат. Л. П. Смирновой. М., 1993.
24. *Басили*. Жизнь царицы цариц Тамар / Пер. В. Дондуа // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
25. *Васильевский В. Г.* Epirotica saeculi. XIII: Из переписки Иоанна Навпактского // ВВ. 1896. Т. 3. С. 574–578.
26. *Галстян А.* Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеармянского. М., 1962.
27. *Гамкрелидзе А.* «Трапезундская хроника» Михаила Панарета // Материалы для истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1960. Вып. 33.
28. *Гарбузова В. С.* Сказание о Мелике Данишменде. Историко-филологическое исследование. М., 1959.
29. *Иоанн де Галонифонтибус*. Сведения о народах Кавказа за 1404 г. / Пер. и комм. З. М. Бунятова. Баку, 1980.
30. *Каухчишвили С. Г.* Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1967. Т. 7. С. 164–224.
31. *Каухчишвили С. Г.* Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Т. 1.
32. *Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. Л. А. Ханларян. М., 1976.
33. *Клавихо, Рюи Гонзалес, де*. Дневник путешествий ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 / Текст, пер. и примеч. под ред. И. И. Срезневского // СОРЯС. 1881. Т. 28.
34. Книга моего деда Коркута / Пер. В. В. Бартольда. М.; Л., 1962.
35. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Текст, пер., комм. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989.
36. *Константин Михайлович из Островицы*. Записки янычара / Введ., пер. и комм. А. И. Рогова. М., 1978.
37. *Мелиоранский П. И.* Сельджук-намэ как источник для истории Византии XII–XIII вв. // ВВ. 1892. Т. 1. С. 613–640.
38. *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани*. Дастур ал-китаб фи та'йин ал-маратиб / Крит. текст, предисл. и указат. А. А. Али-заде. М., 1964–1971. Т. 1. (Ч. 1–2). М., 1976. Т. 2.

39. *Насави* = *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны / Изд. крит. текста, пер. с араб., предисл., комм., примеч. и указат. З. М. Буниятова. М., 1996.
40. *Нешри Мехмед*. Зерцало мира. История османского двора. М., 1987.
41. *Пападопуло-Керамевс А.* Сборник источников по истории Трапезундской империи, 1 // Записки историческо-филологического факультета Имп. С.-Петербургского Университета. СПб., 1897. Т. 44.
42. *Панарет, Михаил*. Трапезундская хроника / Греческий текст с пер., предисл. и комм. издал А. Хаханов. М., 1905.
43. *Рашид ал-Дин*. Джаме ат-Таварих. М., 1980. Т. 2. Ч. 1.
44. *Рашид ад-Дин*. Джаме' ат-таварих / Крит. текст А. А. Ализаде, перев. А. К. Арендса. Баку, 1957. Т. III.
45. *Рашид ад-Дин*. Огуз-наме / Пер., предисл., комм., примеч. и указат. Р. М. Шукюровой. Баку, 1987.
46. *Рашид ал-Дин*. Переписка / Пер., введ. и комм. А. И. Фалиной. М., 1971.
47. *Рашид ал-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1952–1960. Т. 1–2.
48. *Рубрук* = *Карпини Джиованни*. *Рубрук Гильом*. История монголов. Путешествия в восточные страны. М., 1957.
49. *Саади*. Гулистан / Крит. текст, пер., предисл., примеч. Р. М. Алиева. М., 1959.
50. *Смбат Спарамет*. Летопись / Пер. с древнеармянского, предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974.
51. *Тер-Мкртчян А. Х.* Армянские источники о Средней Азии (VIII–XVIII вв.). М., 1985.
52. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. (Извлечения из арабских сочинений). СПб., 1884. Т. 1; (Извлечения из персидских сочинений). М.; Л., 1941. Т. 2.
53. *Успенский Ф., Бенешевич В.* Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV вв. Л., 1927.
54. *Фома Мецопский*. История Тимуланка и его преемников. Баку, 1957.
55. *Хачатрян А. А.* Корпус арабских надписей Армении. VIII–XVI вв. Ереван, 1987. Вып. I.
56. *Хамави* = *Мухаммад ал-Хамави*. ат-Тарих ал-Мансури (Мансурова хроника) / Изд. текста, предисл. и указат. П. А. Грязневича. М., 1960.
57. *Хамдаллах Казвини*. Зайли Тарих-и гузида / Пер. и примеч. В. Пириева. Баку, 1986.
58. *Челеби, Элия*. Книга путешествий / Под ред. А. Д. Желтякова. М., 1983. Вып. 3.
59. *Шарафуддин Али Язди*. Зафарнома / Нашрга тайёрлаш А. Уринбоевники. Тошкант, 1972.
60. *Шильтбергер, Иоганн*. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 гг. / Пер. и примеч. Ф. Бруна // ЗНУ. 1867. Т. 1. (1–2).

61. Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // ВВ. 1927. Т. 25. С. 53–77.
62. *Abu al-Faraj, Gregorius*. The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron / Ed. E. A. W. Budge. L., 1932. Vol. 1–2 (repr.: Amsterdam, 1976).
63. *Abu al-Faraj*. Mukhtasar tarikh al-duwal. Beirut, 1890.
64. *Abu Bakr Tihriani-Isfahani*. Kitab-i Diyarbakriyya / Hazırliyanlar N. Lugal, F. Sümer. Ankara, 1962–1964. T. 1–2 (repr.: Tehran, 1977).
65. *Abu-l-Feda*. Annales musulmici. Arabice et latine / Ed. I. G. C. Adler. Hafniae, 1792. T. 4.
66. *Ali Yazdi*. The Zafarnamah by Maulana Sharafuddin Ali Yazdi / Ed. Mawlawi M. Iahdad. Calcutta, 1885–1888. Vol. 1–2.
67. *Ahmad ibn Muhammad ibn Arabshah*. Kitab 'aja'ib al maqdur fi akhbar Timur. Lugduni Batavorum, 1636.
68. *Ahmed ibn Arabshah*. Tamerlan or Timur the Great Amir / Tr. by J. H. Sanders. L., 1936.
69. *Aksarayi = Kerimuddin Mahmud Aksarayi*. Müsameret ül-ahbar. Moğol zamanında Türkiye selçukluları tarihi / Mukaddime ve haşiyelerle tashih ve neşreden O. Turan. Ankara, 1944.
70. *Amiroutzes = Georgios Amiroutzes Bessarioni* // PG. Col. 723–728. T. 161.
71. *Aşikpaşa-zade*. Vom Hirtenzelt zu Hohen Pforte. Frühzeit und Aufstieg des Osmanenreiches nach der Chronik «Denkwürdigkeiten und Zeitläufte des Hauses Osman» vom Derwisch Ahmed, genannt Aşik-Paşa-Sohn / Übersetzt, eingeleitet und erklärt von R. F. Kreutel. Graz; Wien; Köln; 1959.
72. 'Ashiqpashazade ta'rikhi. Istanbul, 1332.
73. *Aziz ibn Ardaşir Astarabadi*. Bazm-u razm / [Hazırliyan Kilisli Muallim Rif'at], F. Köprülü-zade tarafından eser ve müellifi hakkında yazılan bir mukaddimeyi havidir. Istanbul, 1928.
74. *Beldiceanu N., Beldiceanu-Steinherr I.* Biens des Amiroutzès d'après un registre ottoman de 1487 // TM. 1981. T. 8. P. 63–78.
75. *Beldiceanu N., Năsturel P.* Biens du monastère Sainte-Sophie de Trébizonde dans plusieurs bandons du pays à la charnière de la conquête (1461) // Byzantion. 1990. T. 60. P. 25–89.
76. *Beldiceanu N., Năsturel P.* Le monastère de la Théosképastos à la lumière d'un recensement ottoman de Trébizonde // Byzantion. 1985. T. 55. P. 260–331.
77. *Beldiceanu N.* Biens des Grands Commènes en 1461 d'après un registre ottoman // Byzantion. 1979. T. 49. P. 21–41.
78. *Beldiceanu N.* Biens monastiques d'après un registre Ottoman de Trébizonde (1487). Monastères de la Chrysoképhale et du Pharos // REB. 1977. T. 35. P. 175–213.
79. *Beldiceanu N.* L'empire de Trébizonde à travers un registre ottoman de 1487 // AP. T. 35. 1979. P. 54–73.

80. *Beldiceanu N.* Les Qavâzîd/Kabazîtes à la lumière d'un registre ottoman de Trébizonde // *Studia turcologica memoriae Alexii Bombaci dicata*. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor. Napoli, 1982. T. XIX. P. 41–54.
81. *Beldiceanu N.* Les sources ottomanes au service des études byzantines // *Studien zur Geschichte und Kultur des vorderen Orients. Festschrift für Bertold Spuler zum siebzigsten Geburtstag*. Leiden, 1981. P. 1–11.
82. *Bessarion*. Enkomion eis Trapezounta / Ed. Od. Lampsides // *AP*. 1984. T. 39. P. 20–72.
83. *Brosset M.* Collection d'historiens arméniens du Xe au XIXe siècle. St.-Petersbourg, 1874. T. I.
84. *Brosset M.* Histoire de la Géorgie. St.-Petersbourg, 1850. T. I.
85. *Brosset M.* Matériaux pour servir à l'histoire de Géorgie depuis l'an 1201 jusqu'en 1755. St.-Petersbourg, 1841.
86. *Bryer A.* Some Trapezuntine Monastic Obits (1368–1563) // *REB*. 1976. T. 34. P. 125–138 (= *Idem*. The Empire of Trebizond and the Pontos. № IX).
87. *Cahen Cl.* Quelques textes négligés concernant les Turcomans de Roum au moment de l'invasion mongole // *Byzantion*. 1939. T. 14. P. 131–139.
88. *Chalkokondyles = Laonici Chalcocondylae* historiarum demonstrationes / Rec. E. Darkó. Budapestini, 1922–1924. T. 1–2.
89. *Chronikon peri ton tourkon sultanon* / Ed. G. Zoras. Athena, 1960.
90. *Chrysanthos*. Bessarionos prosphonema pros ton eusebestaton basileas tes Trapezountos Alexion ton Meg. Komnenon // *AP*. 1946. T. 12. P. 117–130.
91. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio / Ed. A. Vigna // *ASLSP*. 1868. T. VI.
92. *Critobuli Imbriotae* de rebus per annos 1451–1467 a Mechemete II gestis / Ed. V. Grecu. București, 1963.
93. *Cumont F.* Inscription de l'époque des Comnènes de Trébizonde // *Mélanges Pirenne*. P., 1926. T. 1. P. 67–72.
94. *Dede Korkut kitabi* / Ed. Dr. M. Ergin. Ankara, 1958–1963. T. 1–2.
95. *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.
96. *Ducas*. Historia Turco-Byzantina (1341–1462) / Ed. V. Grecu. București, 1958.
97. Die Osmanen in Europa. Erinnerungen und Berichte türkischer Geschichtsschreiber / Ausgewählt und herausg. von S. Schreiner. Graz; Wien; Köln, 1985.
98. *Ecthesis Chronica and Chronicon Athenarum* / Ed. with critical notes and indices by Sp. Lampros. L., 1902.
99. *Fallmerayer J.* Original Fragmente, Chroniken, Inschriften und anderes Materiale zur Geschichte des Kaisertums Trapezunt. Teil 1–2 // *ABAW*. 1843–1844. Bd. 3–4.
100. *Feridun-bey Ahmet*. Munsha'at al-salatin. Istanbul, 1857. T. 1.
101. Géographie d'Aboulféda / Texte arabe publié par M. Reinaud. P., 1840.

102. Géographie d'Edrisi / Traduite de l'arabe en français par P. Amédée Jaubert. P., 1840. T. 1-2.
103. *Georges Pchymérés*. Relations Historiques / Ed. A. Failler. P., 1984. T. 1.
104. *Georgii Acropolitae* opera / Rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903. T. 1-2.
105. *Georgii Pachymeris* de Michaelis et Andronico Paleologis libri XIII / Rec. I. Bekker. Bonnae, 1835. Vol. 1-2.
106. *Giesecke H.* Das Werk des 'Azīz ibn Aradašīr Astarābādī. Eine Quellen zur Geschichte des Spätmittelalters in Kleinasien. Leipzig, 1940.
107. *Grégoire H.* Les veilleurs de nuit à Trébizonde (14e siècle) // BZ. 1909. Bd. 18. S. 490-499.
108. *Hāfiz-i Abrū*. Zayl-i Jāmi' al-Tawārikh-i Rashīdī. Tehran, 1938. T. I.
109. *Hāfiz-i Abrū*. Zayl-i ta'rīkh-i Zafarnāma-yi Shāmī. Tehran, 1949.
110. *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaiser-tums und der Kirchenunion // SBAW. 1922-23. Bd. 1-3.
111. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouc-na-meh d'Ibn-Bibi / Texte turc publié... par M. H. Houtsma. Leide, 1897.
112. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure par un anonyme / Texte persan publié... par F. N. Uzluk. Ankara, 1952.
113. History of Yaballaha III / Transl. J. A. Montgomery. N. Y., 1927.
114. *Husayn 'Abd al-Zahidi*. Silsilat al-nasab-i Safawīyya. Berlin, 1928.
115. *Ibn al-Athir*. Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C. T. Tomberg. Leiden, 1853. T. XII.
116. *Ibn Battuta*. The Travels of Ibn Battuta AD 1325-1354 / Transl. by H. A. R. Gibb. Cambridge, 1962. Vol. 1-2.
117. *Ibn Bibi* = Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouc-nameh d'Ibn-Bibi / Texte persan publié... par M. H. Houtsma. Leide, 1902.
118. *Ibn Bibi*. El-Evāmīrū'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Onsöz ve fihristi hazırlıyan A. S. Erzi. Ankara, 1956.
119. *Ibn Bibi*. El-Evāmīrū'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye / Neşr edenler N. Lugal, A. S. Erzi. Ankara, 1957. T. 1.
120. *Ibn Furat*. The History of Ibn al-Furat / Ed. by C. K. Zurayk. Beirut, 1936-1938. T. 9. Pt. 1-2.
121. *Ibn Kemal*. Tevārih-i Âli Osman. VII. Defter / Hazırlıyan Dr. Şerafettin Turan. Ankara, 1957.
122. *Ibn Khaldun*. Kitab al-ibar wa diwan al-mubtada wa al-khabar fi ayyam al-'arab wa al-ajam wa al-barbar. al-Qahira, 1856. T. 5.
123. *Ibn Taghri Birdi's* Chronicle of Egypt / Arabic Text ed. by W. Popper. Berkley; Los Angeles, 1957. Vol. 5.
124. *Ibn Taghri Birdi*. Annals, entitled 'an-Nujum az-zahira fi muluk Misr wal-Qahira' / Ed. by W. Popper. Berkley; Los Angeles, 1932-1936. Vol. 5 (Pts. 1-4).
125. *Işiltan F.* Die Seltshuken-Geschichte des Akseräyī. Leipzig, 1943.
126. Italian Travels in Persia / Transl. by Ch. Grey. L., 1873.

127. *Jorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle // ROL. T. 4–8. 1896–1900.
128. *Juwayni (Qazwini) = The Tarikh-i-Jahan-Gusha of Ala'u 'd-Din 'Ata Malik-i-Juwayni* / Ed. with an introduction, notes and indices... by Mirza Muhammad ibn Abdu'l-Wahhab-i-Qazwini // E. J. W. Gibb Memorial Series. L., 1916. Vol. 16.
129. *Juwayni (J. Boyle) = Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror* / Translated by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1–2. (repr.: Manchester, 1997).
130. *Kh^{and} Amīr.* Habib al-siyar fi akhbar afraad al-bashar. Tehran, 1954. T. 3–4.
131. *Kinnamos = Ioannis Cinnami* epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnæ, 1836.
132. *Konstantinos Loukites.* Epitaphion // Papadopoulos-Kerameus A. Analekta Hierosolymitikes stachyologias. P. 421–430. T. 1.
133. *Krekic B.* Dubrovnik (Raguse) et le Levant au moyen âge. P., 1961.
134. *Kreutel R. F.* Leben und Taten der türkischen Kaiser. Die anonyme vulgärgriechische Chronik Codex Barbarianus Graecus 111 (Anonymos Zoras). Graz; Wien; Köln, 1971.
135. *Lammens H.* Correspondances diplomatiques entre les Sultans Mamlouks d'Egypte et les puissances chrétiennes // ROC. 1904. Vol. 9/2. P. 151–187.
136. *Lampros S.* Anekdoton chrysoboullon Alexiou G tou Megalou Komnenou autokratoros Trapezountos // NE. 1905. P. 187–198. T. II.
137. *Laurent V.* Deux chrysobulles inédits des empereurs de Trébizonde Alexis IV — Jean IV et David II // AP. 1953. P. 241–278. T. 18.
138. *Libadenos = Andreou Libadenou* bios kai erga / Ed. Od. Lampsidis // AP (Parartema 7). Athena, 1975.
139. *Loon J. B. van.* Ta'rikhi Shaikh Uwais. An Important Source for the History of Adharbayjan in the 14th Century. Hague, 1954.
140. *Magoulias H. J.* Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks by Doukas. Detroit, 1975.
141. *Magoulias H. J.* O City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates. Detroit, 1984.
142. *Majeska G. P.* Russian Travelers to Constantinople in the 14th and 15th Centuries. Washington, 1984.
143. *Mandeville J.* Von seltsamen Ländern und wunderlichen Völkern: Ein Reisbuch von 1356 / Hrsg. G. Grümmer. Leipzig, 1986.
144. *Maqrizi, Taqi al-Din.* Kitab al-suluk li-ma'rifat duwal al-muluk / Ed. M. M. Ziyad. al-Qahira, 1956. Vol. 3.
145. *Mercier R.* An Almanac for Trebizond for the Year 1336. [Corpus des astronomes byzantins, VII]. Louvain-la-Neuve, 1994.
146. *Miklosich F., Muller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1887. T. V.

147. *Millet G.* Inscriptions byzantines de Trébizonde // Bulletin de correspondance hellénique. 1896. T. 20. P. 496–501.
148. *Mirkh^{and}.* Ta'rikhi Rawzat al-safa. Tehran, 1960. T. 6.
149. *Morosini Paolo.* Historia della citta e Republica di Venetia. Venezia, 1637.
150. *Müneccimbaşı, Derviş Ahmed.* Sahaif-ul-ahbar. Istanbul, 1974.
151. *Natanzi = Muin al-Din Natanzi.* Muntahab at-tawarikh Muini / Ed. J. Aubin. Tehran, 1957.
152. *Nawai Abd al-Husayn.* Asnad wa mukatabat-i ta'rikhiyi Iran (az Teymur ta shah Isma'il). Tehran, 1962.
153. *Neşri.* Kitāb-i cihān-nūma / Yayınlayanlar F. R. Unat, M. A. Köymen. Ankara, 1949–1957. T. 1–2.
154. *Nicephori Gregorae* Byzantina historia / Ed. L. Schopen, I. Bekker. Bonn, 1829–1830. T. 1–2.
155. *Nicetas Choniates.* Historia / Ed. J. L. van Dieten. Berlin, N. Y., 1975. Vol. 1–2.
156. *Nicetas Choniates.* Orationes et epistulae / Rec. J. A. van Dieten. Berlin, 1972.
157. *Nizamuddin Şami.* Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafar-nama par Nizamuddin Şami avec des additions empruntée au Zubdat at-Tawarikh Baysunguri de Hafizi Abru / Ed. F. Tauer. Praha, 1937–1956. Vol. 1–2.
158. *Panaiteescu P. P., Mioc B.* Tara Românească. T. I (1247–1500). Documenta Romaniae Historica. Bucureşti, 1966.
159. *Panaretos = Michael tou Panaretou* peri ton Megalon Komnenon / Ed. Od. Lampsides. Athena, 1958.
160. *Papadopoulos-Kerameus A.* Analekta Hierosolymitikes stachyologias. СПб., 1891. T. 1.
161. *Papadopoulos-Kerameus A.* Symbolai eis ten historian Trapezountos // BB. 1906. T. 12. P. 132–147.
162. *Papadopoulos-Kerameus A.* Trapezountiaka. Byzantina Chronika // BB. 1898. P. 678–680. T. 5.
163. *Paranikas M.* Epigraphai kai nomismata Trapezountos // Ho en Konstantinoupolei Hellenikos Philologikos Syllogos. 1907. P. 296–306. T. 29.
164. *Petit L.* Acte synodal du patriarche Nicéphore II sur les privilèges du métropolitain de Trébizonde (1 janvier 1260) // ИРАИК. 1902–1903. P. 163–171. T. VIII.
165. *Pero Tafur.* Travels and Adventures (1439–1453) / Transl. and ed. with an intro. by M. Letts. L., 1926.
166. *Powell J.* Die letzten Tage der Gross Komnenen // BZ. 1937. S. 359–360. Bd. 37.
167. *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / Introduc., texte et traduc. par J. Verpeaux. P., 1966.
168. *Qadî Ahmad Qaffārî Qazwîni.* Ta'rikh-i jahān-ārā. Tehran, 1965.
169. *Qalqashandi = Abu al-ʿAbbas al-Qalqashandi.* Kitab subh al-asha' fi kitabat al-insha'. al-Qahira, 1915. T. V–VIII.

170. *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996.
171. *Rubrouck* = Guillaume de Rubrouck, voyage dans l'empire Mongol, 1253–1255 / Trad. et comment. de Cl. Claire et R. Kappler. P., 1993.
172. *Sanjian A. K.* Colophons of Armenian Manuscripts (1301–1480). A Source for Middle Eastern History. Cambridge, 1969.
173. *Sanuto M.* Vitae Ducum Venetorum. Rerum Italicarum scriptores / Ed. L. Muratori. Milano, 1733. T. XXII.
174. *Schiltberger, Johannes.* Reisen in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 / Hrsg. von K. F. Neumann. München, 1859.
175. *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken. Wien, 1975–1979. Bd. I–III.
176. *Shafi M.* Letters of Rashid ad-Din Fadl Allah / Pers. text ed. by M. Shafi. Lahore, 1947.
177. *Simon de Saint-Quentin.* Histoire des Tartares / Ed. J. Richard. P., 1965.
178. *Sphrantzes.* Memorii 1411–1477. In anexa Pseudo-Phrantzes: Macarie Melissenos Cronica 1258–1481 / Ed. V. Grecu. București, 1966.
179. *Stephanos Sgouropoulos.* Pros ton basilea kyron Alexion ton Komnenon stichoi egkomiastikon // Analekta Hierosolymitikes stachyologias. СПб., 1891. T. 1. P. 431–437.
180. *Šükrüllah* = *Seif Th.* Der Abschnitt über die Osmanen in Šükrüllahs persischer Universalgeschichte // Mitteilungen zur osmanische Geschichte. 1925. Bd. 2. S. 63–128.
181. Synopsis chronike // Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge / Ed. C. Sathas. P.; Venice, 1894. T. 7.
182. *Tadhkirat al-Mulūk.* A Manual of Safawid Administration (circa 1137/1725) / Persian text in facs., translated and explained by V. Minorsky [E. J. W. Gibb Memorial Series. New Ser., vol. XVI]. L., 1943.
183. *Tag̃ as-Salmani.* Šams al'husn. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 / Persischer Text ins Deutsche übertragen und kommentiert von H. R. Roemer. Wiesbaden, 1956.
184. *Tardy L.* The Caucasian Peoples and their Neighbours in 1404 // AO. 1978. T. 32/1. P. 83–111.
185. *Tarix-e al-e Saljuq dar Anatoli* compiled by Unknown Author / Ed. N. Jalali. Tehran, 1999.
186. *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées venitiennes concernant la Roumanie. P., 1966–1971. T. 1–2.
187. *Thiriet F.* Régestes de délibérations du Sénat de Venise concernant la Roumanie. P., 1958–1961. T. 1–3.
188. *Turan O.* Istanbulun fethinden önce yazılmış tarihi takvimler. Ankara, 1954.
189. *Tursun-beg.* The History of Mehmed the Conqueror / Text published in facsimile with English translation by H. Inalcik and R. Murphey. Minneapolis; Chicago, 1978.

190. *Al-Umaris Bericht über Anatolien in seinem Werke «Masalik al-Absar fi Mamalik al-Amsar»* / Zum ersten Male herausg. von Fr. Teaschner. Teil I, Text. Leipzig, 1929.
191. *Umarī. Al-Ta'rif bi-l-mustalah al-sharif. al-Qahira, 1312/1894–1895.*
192. *Urudsch* = Die frühosmanischen Jahrbücher des Urudsch / Nach den Handschriften zu Oxford und Cambridge erstmals herausgegeben und eingeleitet von Fr. Babinger. Hannover, 1925.
193. *Varagine de Jacobus* = *Iacop de Varagine* anonimi Giorgio Stella An-nali Genovesi. Genova, 1941. T. I.

ЛИТЕРАТУРА

194. *Али-заде А.* Социальная, экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XV вв. Баку, 1956.
195. *Бартияян Р. М.* О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. Т. 118. 1987. № 3. С. 190–200; 1987. Т. 119. № 4. С. 181–193; 1988. Т. 120. № 1. С. 163–178.
196. *Бартольд В. В.* Новый источник по истории Тимуридов // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. V. С. 5–42.
197. *Бартольд В. В.* О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. (Отчет о командировке) // ЗВО. 1908. Т. XVIII. Вып. IV. С. 115–154 (= *Он же.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 220–253).
198. *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. I–VIII.
199. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I.
200. *Богданова Н. М.* К вопросу о городском управлении в Херсоне в начале XIII в. // Социальные группы традиционных обществ Востока. М., 1985. С. 42–63. Ч. 1.
201. *Богданова Н. М.* Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991. Вып. 1. С. 8–172.
202. *Бунятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегинов (1097–1231). М., 1986.
203. *Васильев А. А.* История Византийской империи (от начала Крестовых походов до падения Константинополя). СПб., 1998.
204. *Вернадский Г.* Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // SK. 1927. Т. 1. С. 73–84.
205. *Веселаго Е. Б.* Историческое сочинение Лаоника Халкокондила // ВВ. 1958. Т. 12. С. 205–217.
206. *Веселаго Е. Б.* Лаоник Халкокондил. «История» (из книги VIII) // ВВ. 1953. Т. 7. С. 431–444.
207. *Геологические изыскания в районах Трапезунда и Эрзерума* // Известия Кавказского отделения Имп. Русского географического общества. 1917. Т. XXV. Ч. 1.

208. Гиёс-ул-лугот. Душанбе, 1987. Т. 1–3.
209. Гиппус А. И. Вилает Сивас и сеть путей к западу от Эрзерума. Тифлис, 1890. Ч. I–III.
210. Гордлевский В. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.: Л., 1941.
211. Джалагания И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. Тбилиси, 1979.
212. Диль Ш. Византийские портреты / Пер. М. Безобразовой. М., 1994.
213. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV в. Тюмень, 1995.
214. Еремеев Д. Е. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
215. Жаворонков П. И. Дополнения к третьему тому «Регест» Ф. Дэлгера периода Никейской империи // ВВ. 1980. Т. 41. С. 183–193.
216. Жаворонков П. И. Никейская империя и Восток // ВВ. 1978. Т. 39. С. 93–101.
217. Жаворонков П. И. Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–61.
218. Жаворонков П. И. Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // ВО. М., 1982. С. 183–190.
219. Жаворонков П. И. У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30–37.
220. Жаворонков П. И., Шукуров Р. М. рецензия на: Savvides A. A. Byzantium in the Near East: its relations with the Seljuk Sultanate of Rum in Asia Minor, the Armenians of Cilicia and the Mongols. Thessaloniki, 1981 // ВВ. 1987. Т. 46. С. 172–178.
221. Жирмунский В. М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. С. 190–200.
222. Жордания Э. Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. Часть I: Лазы // BS. Т. 58. 1997. С. 125–139.
223. Жордания Э. Этнический состав населения Понта в XIII–XV вв. и некоторые вопросы топонимики Понта. Часть II: Чаны // BS. 1999. С. 71–86. Т. 60.
224. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
225. Каждан А. П. Аграрные отношения в Византии XIII–XIV вв. М., 1952.
226. Каждан А. П. Армяне в составе господствующего класса Византии в XI–XII вв. Ереван, 1975.
227. Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
228. Какабадзе С. С. Грузинские документы IX–XV вв. М., 1982.
229. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1985.
230. Капанадзе Д. Г. Так называемые грузинские подражания трапезундским аспрам // ВВ. 1950. Т. 3. С. 201–210.
231. Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец 14–начало XV вв.) // ВО. 1982. С. 191–207.

232. Карпов С. П. Итальянские «бароны» трапезундских императоров // ВВ. 1995. С. 144–155. Т. 56.
233. Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
234. Карпов С. П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. М. 1991. С. 86–119. Т. 3.
235. Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.
236. Карпов С. П. Новое издание Андрея Ливадина // ВВ. 1978. Т. 39. С. 262–264.
237. Карпов С. П. Образование Трапезундской империи и роль Грузии (1204–1215) // Всесоюзная научная конференция «Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья». Тезисы докладов. Тбилиси, 1975. С. 83–85.
238. Карпов С. П. Основание Трапезундской империи (1204–1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 5–29.
239. Карпов С. П. Особенности образования Трапезундской империи (1204–1206) // XVe Congrès int. des études byz. Résumés des communications. Athènes, 1976.
240. Карпов С. П. Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Трапезунд в XIII–XV вв.) // ВО. 1977. С. 79–106.
241. Карпов С. П. От фемы Халдия к империи Великих Комнинов // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982. С. 54–58.
242. Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов. М., 1994.
243. Карпов С. П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. 1973. Т. 35. С. 154–164.
244. Карпов С. П. Трапезунд и Константинополь в XIV в. // ВВ. 1974. Т. 36. С. 83–99.
245. Карпов С. П. Трапезундская империя и Афон // ВВ. 1984. Т. 45. С. 95–101.
246. Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
247. Карпов С. П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 38–47.
248. Карпов С. П. У истоков политической идеологии Трапезундской империи (о происхождении титула MEGAS KOMNHNOS) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101–105.
249. Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов в XIII — начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г. Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 428–473.
250. Коробейников Д. А. Восточные источники Лаоника Халкокондила. Эпизод 1. Походы Байазид I Йылдырма в Малой Азии // ВО. 1996. С. 152–168.
251. Коробейников Д. А. Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 156–169.

252. Костанян С.-А. Ст. Термин шаһап в раннесредневековых армянских источниках // Кавказ и Византия. Ереван, 1979. С. 120–131. Т. 1.
253. Крымский А. Е. Низами и его современники. Баку, 1981.
254. Кузнецов И. В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М., 1995.
255. Куник А. О связи трапезундско-сельджукской войны с первым нашествием татар на Северное Причерноморье // УЗИАН. 1854. Т. II. С. 734–746.
256. Куник А. Основание Трапезундской империи в 1204 г. // УЗИАН по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. С. 705–733.
257. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
258. Лебедев Н. Византия и монголы в XIII в. (По известиям Георгия Пахимера) // ИЖ. 1944. Кн. 1.
259. Литаврин Г. Г. Представления «варваров» о Византии и византийцах в VI–X вв. // ВВ. 1986. Т. 46. С. 100–108.
260. Маевский В. Заметки о Понтийском хребте в районе караванных путей от Трапезонда к Байбурту // Известия штаба Кавказского военного округа. 1906. № 17–18.
261. Махмудов Я. Взаимоотношения государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (2-я половина XV — начало XVII в.). Баку, 1991.
262. Медведев И. П. Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988.
263. Микаелян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952.
264. Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М., 1975. Вып. 3.
265. Мустафаев Ш. М. Восточная Анатолия от Ак-Коюнлу к Османской империи. М., 1994.
266. Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
267. Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 222–254.
268. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв. М., 1966.
269. Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991–2001. Вып. 1–5.
270. Сейфеддини М. А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII–XV вв. Баку, 1978–1981. Т. 1–2.
271. Совершенный человек. Теология и философия образа / Ред. Ш. М. Шукуров. М., 1997.
272. Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор / Переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М., 1972. Ч. 1–3.
273. Табатадзе К. О хронологии вторжения Тимура в Грузию // Маине (Вестник АН Грузинской ССР). Серия общественных наук. 1973. № 3. С. 63–81.

274. Умняков И. И. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в нач. XV в. // Известия АН Узбекской ССР. Серия общественных наук. Ташкент, 1960. № 1. С. 27–33.
275. Умняков И. И. Из истории международных отношений Средней Азии с Западной Европой в нач. XV в. // Международный конгресс востоковедов. 25-й. Доклады делегации СССР. М., 1960. № 214.
276. Умняков И. И. Международные отношения Средней Азии в начале XV в. (Сношения Тимура с Византией и Францией) // Труды Узбекского государственного университета. Нов. сер. Самарканд, 1956. Т. 61. С. 179–200.
277. Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24. С. 1–16.
278. Успенский Ф. И. Выделение Трапезунда из состава Византийской империи // СК. 1927. Т. I. С. 21–34.
279. Успенский Ф. И. История Византийской империи (XI–XV вв.). М., 1997.
280. Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
281. Успенский Ф. И. Социальная эволюция и феодализация Византии // Анналы. 1922. Т. 2. С. 95–114.
282. Чеснокова Н. П. Самозванцы в Византии (К вопросу о характере императорской власти в конце XII—начале XIII в.) // ВО. 1996. С. 97–100.
283. Чужое: опыты преодоления (очерки по истории культуры Средиземноморья) / Под ред. Р. М. Шукурова. М., 1999.
284. Шестаков С. Византийский посол в Русь, Мануил Комнин // Mélanges Korsakov. Казань, 1913.
285. Шукуров Р. Великие Комнины и «синопский вопрос» в 1254–1277 гг. // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова. М., 2000. Вып. 4. С. 177–208.
286. Шукуров Р. Восточные этнические элементы в населении Трапезундской империи // 18 Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 1052–1053.
287. Шукуров Р. Зона контакта: проблемы межкультурных отношений в современной византистике (рец. на: Арутюнова-Фиданьян В. А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994; Balivet M. Romanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. Istanbul, 1994) // ВВ. 2000. Т. 59 (84). С. 258–268.
288. Шукуров Р. Имя и власть на византийском Понте (чужое, принятое за свое) // Чужое: опыты преодоления. С. 194–234.
289. Шукуров Р. Китаби Дийарбакрийа Абу Бакра Тихрани о взаимоотношениях Трапезундской империи с тюркскими государствами Малой Азии в XIV–XV вв. // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 2. С. 343–360.

290. *Шукуров Р.* Латентная тюркизация: опыт византийского Понта // Byzantium. Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18–24 August, 1996. Copenhagen, 1996. № 3126.
291. *Шукуров Р.* Мир, путь, совершенство: трактат «Мир'ат ал-мухаккикин» шейха Махмуда Шабистари // Совершенный человек. Теология и философия образа. С. 331–367.
292. *Шукуров Р.* «Новый Манцикерт» императора Феодора I Ласкариса // Византия между Востоком и Западом. Опыт исторической характеристики / Под ред. Г. Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 409–427.
293. *Шукуров Р.* Рец. на: Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988 // ВВ. 1987. Т. 46. С. 172–178.
294. *Шукуров Р.* Трапезундская империя и государства Востока (1204–1461) / Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1990.
295. *Шукуров Р.* Трапезундский гороскоп 1336/1337 г. и проблема горизонтов жизненного мира // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 47–59.
296. *Шукуров Р.* Трапезундская империя и тюркские эмираты Понта в XIV в. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1991. Вып. 1. С. 217–254.
297. *Шукуров Р.* Три жизни одного прорицания // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты. История, археология... М., 1996. С. 168–178.
298. *Шукуров Р.* Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1995. Вып. 2. С. 68–103.
299. *Шукуров Р.* Ходжа Хафиз и будущее // Культурное наследие Ирана на пороге XXI века. М., 2001. С. 170–177.
300. *Шукуров Р., Коробейников Д. А.* Великие Комнины, Синоп и Рум в 1223–1230 гг. (Загадка текста Иоанна Лазаропула) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. М., 1998. Вып. 3. С. 178–200.
301. *Шукуров Ш. М.* Совершенный Человек и богочеловеческая идея в Исламе // Совершенный человек. Теология и философия образа. С. 41–71.
302. *Эфендиев О.* Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981.
303. *Alexandrescu-Dersca M.-M.* La campagne de Timur en Anatolie (1402). București, 1942.
304. *Ali C.* Memâlik-i Osmaniyyenin tarih ve cuğrafiya luğati. Istanbul, 1895–1896. Т. 1–4.
305. *Allen W.* A History of the Georgian People. L., 1932 (repr.: New York, 1971).
306. *Allsen Th.* Mongol Imperialism: the Policies of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkley, 1987.
307. *Amitai R.* Mongol Raids into Palestine (A. D. 1260 and 1300) // Journal of the Royal Asiatic Society. 1987. P. 236–255.
308. *Angold M.* A Byzantine Government in Exile. Oxford, 1975.

308. *Angold M.* Byzantine «Nationalism» and the Nicaean Empire // *BMGS*. 1975. Vol. 1. P. 49–70.
309. *Artuk I. & Artuk C.* Istanbul Arkeoloji Müzeleri Teşhirdeki İslami sikkeler kataloğu. İstanbul, 1971. T. 1.
310. *Asan Ömer.* Pontos Kültürü. İstanbul, 1996.
311. *Ateş A.* Hicri VI–VIII. (XII–XIV.) asırlarda Anadolu'da farsça eserler // *Türkiyat Mecmuası*. 1945.
312. *Atiya A. S.* The Crusade in the Latter Middle Ages, L., 1938.
313. *Ayalon D.* The Auxiliary Forces of the Mamluk Sultanate // *DI*. 1988. T. 65/1. P. 13–37.
314. *Babinger Fr.* Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.
315. *Babinger Fr.* La date de la prise de Trébizonde par les turcs (1461) // *REB*. 1950. T. 7. P. 205–207.
316. *Babinger Fr.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. München, 1959.
317. *Bakalopoulos A.* Les limites de l'empire byzantine depuis la fin du XIVe siècle jusqu'à sa chute (1453) // *BZ*. 1962. Bd. 55/1. P. 56–65.
318. *Bala M.* Kadi Burhaneddin // *İA*.
319. *Balivet M.* Byzantins et Ottomans: Relations, interaction, succession. İstanbul, 1999.
320. *Balivet M.* Roumanie byzantine et pays de Rûm turc: Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque. İstanbul, 1994.
321. *Balivet M.* Une dignité byzantine d'origine turque: le «Myrtaites» (Μυρταίτης) // *Idem.* Byzantins et Ottomans. P. 115–123.
322. *Barkan O.L.* Osmanlı İmparatorlugunda bir iskan ve kolonizasyon metodu olarak sürgünler // *İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası*. 1953–1954. T. 15. S. 209–237.
323. *Barker J.* Manuel II Palaeologus (1391–1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey, 1969.
324. *Barthold W.* Khalil-sultan // *EI*¹.
325. *Bartusis M.* The Late Byzantine Army. Arms and Society, 1204–1453. Philadelphia, 1992.
326. *Bartusis M.* The Megala Allagia and the Tzaousios: Aspects of Provincial Military Organization in Late Byzantium // *REB*. 1989. T. 47. P. 183–207.
327. *Baştaş Ş.* Die Türkischen Quellen des Laonikos Chalkokondyles // *XIe Congr. int. des Ét. byz.* Actes. München, 1958. P. 34–42.
328. *Baykal B. S.* Fatih Sultan Mehmed — Uzun Hasan rekabetinde Trabzon meselesi // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 1964. T. II (2–3). P. 67–81.
329. *Baykal B. S.* Die Rivalität zwischen Uzun Hasan und Mehmet II um das Kaiserreich von Trapezunt // *Труды 25 Международного конгресса востоковедов*. М., 1963. T. II. S. 442–448.
330. *Baykal B. S.* Die Vorbereitungen Uzun Hasans zum Entscheidungskampf gegen die Osmanen und der Beginn des Krieges // *Belleten*. 1957. T. 21. S. 285–296.

328. *Becqué-Gramment J.-L.* al-Aksarayi // EI².
329. *Belke K.* Paphlagonien und Honorias / *Tabula Imperii Byzantini*. Wien, 1996. Bd. 9.
330. *Bergbauer J.* Das Itinerar des münchener Orientreisenden Hans Schiltberger // *Dr. Pettermanns Mitteilungen*. Heidelberg, 1914. Bd. 60. Hf. 2. S. 263–265.
331. *Beygu K.* Erzurum tarihi, anıtları, kitabeleri. Istanbul, 1936. C. 1–2.
332. *Bilgin M.* Sürmene Tarihi. Istanbul, 1990.
333. *Bilgin M.* Türkmen beylikleri ve iskân hareketleri // *Giresun tarihi sempozyumu 24–25 Mayıs 1996*. Bildiriler. Istanbul, 1997. S. 77–109.
334. *Boyle J. A.* Dynastic and Political History of the Il-Khans // *Cambridge History of Iran*. Cambridge, 1968. Vol. V.
335. *Boyle J. A.* The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Grand Khan Möngke // *Central Asiatic Journal*. Vol. 9. 1964. P. 175–189 (= *Idem.* The Mongol World Empire. № X).
336. *Boyle J. A.* The Mongol World Empire. 1206–1370 / *Variorum Reprints*. L., 1977.
337. *Boyle J. A.* The Posthumous Title of Batu Khan // *Proceedings of the 9th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference*. Naples, 1970. P. 67–70 (= *Idem.* The Mongol World Empire. № XVIII).
338. *Boyle J. A.* The Successors of Cenghis Khan. N. Y.; L., 1971.
339. *Brand C.* Byzantium Confronts the West, 1180–1204. Cambridge; Mass., 1968.
340. *Brand C.* The Turkish Element in Byzantium, 11th–12th centuries // *DOP*. 1989. Vol. 43. P. 1–25.
341. *Brion M.* Tamerlan. P., 1963.
342. *Brockelmann C.* Geschichte der arabischen Literatur. Weimar, 1898–1902. Bd. 1–2; Leiden, 1937–1938. Suppl. Bd. 1–2.
343. *Bryer A.* A Byzantine Family: The Gabrades, c. 979–c. 1653 // *University of Birmingham Historical Journal*. 1970. Vol. XII. P. 164–187 (= *Idem.* The Empire of Trebizond. № IIIa).
344. *Bryer A.* Greek Historians on the Turks: the Case of the First Byzantine-Ottoman Marriage // *The Writing of History in the Middle Ages*. Essays presented to R. W. Southern / Ed. R. Davis, J. Wallace-Hadrill. Oxford, 1981. P. 471–493 (= *Idem.* Peoples and Settlement. № IV).
345. *Bryer A.* Greeks and Turkmens: the Pontic Exception // *DOP*. Vol. 29. 1975. P. 113–149 (= *Idem.* The Empire of Trebizond. № V).
346. *Bryer A.* Greeks and Turks // *Greece, Old and New* / Ed. T. Winnifrieth, P. Murray. L., 1983. P. 95–110.
347. *Bryer A.* David Komnenos and Saint Eleutherios // *AP*. 1988/89. T. 42. P. 163–187.
348. *Bryer A.* Eclipses and epithalamy in fourteenth-century Trebizond // *Byzantium. A tribute to Andreas N. Stratos* / Ed. N. Stratos. Athens, 1986. Vol. 2. P. 347–352 (= *Idem.* Peoples and Settlement. № VI).
349. *Bryer A.* Edward I and the Mongols // *History Today*. 1964. Vol. 14. P. 696–704.

350. *Bryer A. Family Planning in Trebizond: The AIMA of the Grand Komnenoi // To Hellenikon. Studies in Honour of Speros Vryonis, Jr. Vol. 1: Hellenic Antiquity and Byzantium / Ed. J. S. Langdon. 1993. P. 85–90.*
351. *Bryer A. Han Turali rides again // BMGS. 1987. Vol. 11. P. 193–206. (=Idem. Peoples and Settlement. № II).*
352. *Bryer A. Ludovico da Bologna and the Georgian and Anatolian Embassy of 1460–1461 // BK. 1965. T. XIX–XX. P. 178–198 (=Idem. The Empire of Trebizond. № X).*
353. *Bryer A. Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / Variorum collected studies series. L., 1988.*
354. *Bryer A. Rural Society in Matzouka // Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. by A. Bryer, H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986. P. 53–95 (=Idem. Peoples and Settlement. № XII).*
355. *Bryer A. Shipping in the Empire of Trebizond // Mariner's Mirror. 1966. Vol. 52. P. 3–12 (=Idem. The Empire of Trebizond. № VIII).*
356. *Bryer A. Some Notes on the Laz and Tzan (I) // Bedi Kartlisa. 1966. Vol. XXI–XXII (50–51). P. 174–195 (=Idem. Peoples and Settlement. № XIVa).*
357. *Bryer A. Some Notes on the Laz and Tzan (II) // Bedi Kartlisa. 1967. Vol. XXIII–XXIV (52–53). P. 161–168 (Idem. Peoples and Settlement. № XIVb).*
358. *Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontos / Variorum collected studies series. L., 1980.*
359. *Bryer A. The Estates of the Empire of Trebizond. Evidence for their Resources, Products, Agriculture, Ownership and Location // AP. 1979. T. 35. P. 370–477 (=Idem. The Empire of Trebizond. № VII).*
360. *Bryer A. The Faithless Kabazitai and Scholarioi // Maistor: Classical, Byzantine, Renaissance Studies for R. Browing / Ed. Ann Moffatt. Canberra, 1984. P. 309–327 (=Idem. Peoples and Settlement. № VII).*
361. *Bryer A. The Fate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // BZ. 1973. Bd. 66. P. 332–350 (=Idem. The Empire of Trebizond. № 4).*
362. *Bryer A. The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // Res Orientales. 1994. T. VI [Itinéraires d'Orient. Hommages à Cl. Cahen]. P. 257–261.*
363. *Bryer A. The Pontic Greeks before the Diaspora // JRS. 1991. Vol. 4. № 4. P. 315–334.*
364. *Bryer A. The Question of Byzantine Mines in the Pontos: Chalybian Iron, Chaldian Silver, Koloneian Alum, and Mummy of Cheriana // AS. 1982. Vol. 32. P. 133–150 (=Idem. Peoples and Settlement. № XI).*
365. *Bryer A. The Structure of the Late Byzantine Town: Dioikismos and the Mesoi // Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society. Birmingham; Washington, 1986 / Ed. A. Bryer, H. Lowry. P. 263–279 (=Idem. Peoples and Settlement. № X).*

366. *Bryer A.* The Tourkokratia in the Pontos. Some Problems and Preliminary Conclusions // *Neo-Hellenika*. 1970. Vol. 1. P. 29–53 (*Idem.* The Empire of Trebizond. № XI).
367. *Bryer A.* Who was Eudokia/Euphemia? // *AP*. 1975–76. T. 33. P. 17–23.
368. *Bryer A., Fassoulakis St., Nicol D. M.* A Byzantine Family: The Gabrades. An Additional Note // *BS*. 1975. T. 36. P. 38–45 (= *Idem.* The Empire of Trebizond. № IIIb).
369. *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. (DOS. XX). Washington, 1985. Vol. 1–2.
370. *Butak B.* XI, XII ve XIII. yüzyıllarda resimli Türk paraları. İstanbul, 1947. T. 1.
371. *Byzantine Diplomacy* / Ed. by J. Shepard, S. Franklin. L., 1992.
372. *Cahen Cl.* Eretna // *EI*³. Vol. 2. P. 705–707.
373. *Cahen Cl.* La Turquie pré-ottomane. İstanbul; P., 1988.
374. *Cahen Cl.* Le commerce anatolien au début du XIIIe siècle // *Mélanges d'histoire du moyen âge dédiés à la mémoire de Louis Halphen*. P., 1951. P. 91–101 (= *Idem.* *Turcobyzantina et Oriens Christianus*. № XII).
375. *Cahen Cl.* Notes pour l'histoire des Turcomanes d'Asie Mineure au XIIIe siècle // *JA*. 1951. T. 239. P. 335–354.
376. *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. L., 1968.
377. *Cahen Cl.* Questions d'histoire de la province de Kastamonu au XIIIe siècle // *Selçuklu Araştırmaları Dergisi*. T. 3. 1971. P. 146–151 (= *Idem.* *Turcobyzantina et Oriens Christianus*. № X).
378. *Cahen Cl.* Seldjukides de Rûm, byzantins et francs d'après le 'Seljuknameh' anonyme // *Mélanges Henri Grégoire*. Bruxelles, 1951. P. 97–106. T. 3.
379. *Cahen Cl.* *Turcobyzantina et Oriens Christianus* / *Variorum Reprints*. L., 1974.
380. *Cahen Cl.* Une famille byzantine au service des Seldjoukides d'Asie Mineure // *Polychronion. Festschrift Franz Dölger zum 75. Geburtstag* / Hrsg. P. Wirth. Heidelberg, 1966. P. 145–149.
381. *Carile A.* *Partitio terrarum Imperii Romaniae* // *Studi veneziani*. 1966. T. VII. P. 125–305.
382. *Catalogue of the Arabic and Persian manuscripts in the Oriental Public Library at Bankipore* / Ed. Sir E. D. Ross, J. A. Chapman and others. Calcutta, 1918. Vol. 6.
383. *Cazacu M.* Les parentés byzantines et ottomanes de l'historien Laonikos Chalkokondyle (c. 1423–c. 1470) // *Turcica*. 1984. T. XVI. P. 95–114.
384. *Chalandon F.* Les Comnènes. Études sur l'empire byzantin au XIe et au XIIe siècles. T. 2: Jean II Comnène (1118–1143) et Manuel I Comnène (1143–1180). P., 1912.
385. *Charanis P.* Cultural Diversity and the Breakdown of Byzantine Power in Asia Minor // *DOP*. 1975. Vol. 29. P. 3–19.
386. *Charanis P.* Strife among Palaeologi and Ottoman Turks (1370–1402) // *Byzantion*. 1944. T. XVI. P. 287–314.

387. *Charanis P.* Studies on the Demography of the Byzantine Empire. L., 1972.
388. *Cheynet J. Cl.* Pouvoir et contestations à Byzance (963–1210). p., 1990.
389. *Chrysanthos.* He ekklesia Trapezountos // AP. 1933. T. 4/5.
390. *Constantin Gh. J.* Sur la date de passage par la Valachie du Cheikh Bedr ad-Din // DI. 1977. T. 54 (1).
391. Continuity and Change in late Byzantine and early Ottoman Society / Ed. A. Bryer, H. Lowry. Birmingham; Washington, 1986.
392. *Crow J.* Alexios Komnenos and Kastamon: Castles and Settlements in Middle Byzantine Paphlagonia // Alexios I Komnenos / Ed. M. Mullett, D. Smythe. Belfast, 1996. P. 12–36.
393. *Crow J., Hill S.* The Byzantine Fortifications of Amastris in Paphlagonia // AS. 1995. Vol. XLV. P. 251–265.
394. *Dąbrowska M.* Uzun Hasan's Project of Alliance with the Polish King (1474) // Mélanges d'histoire byzantine offerts à O. Jurewicz à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire. Łódź, 1998. P. 171–185.
395. *d'Ohsson C.* Histoire des Mongols depuis Tchingiz-Khan jusqu'à Timour Beg ou Tamerlan. La Haye; Amsterdam, 1834. Vol. 1–4.
396. *Danışmend İ.* İzahlı Osmanlı tarihi kronolojisi. İstanbul, 1947. T. 1.
397. *Darkot B.* Erzincan // IĀ. Cüz 33. S. 339
398. *Darkot B.* Samsun // IĀ. Cüz 102. S. 174.
399. *Dawkins R. M.* Modern Greek in Asia Minor // JHS. 1910. Vol. 30. P. 109–132; 267–291.
400. *Dawkins R. M.* Modern Greek in Asia Minor. Cambridge, 1916.
401. *Dawkins R. M.* Notes on the Study of Modern Greek of Pontus // Byzantion. 1931. T. 6. P. 389–400.
402. *Dennis G. T.* The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // OCP. 1967. Vol. 33. P. 72–88.
403. *Diehl Ch.* Catherine ou Théodora? // BZ. 1913. Bd. 22. P. 88–89.
404. *Digenes Akrites.* New Approaches to Byzantine Heroic Poetry / Ed. by R. Beaton, D. Ricks. L., 1993.
405. *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente in Neupersischen. Wiesbaden, 1963–1975. Bd. 1–4.
406. *Drouin M. E.* Notice sur les monnaies mongoles // JA. 1896. T. 7. P. 486–544.
407. *Duda H. W.* Ibn Bibi // EI².
408. *Dölger F.* Byzantinische Diplomatik: 20 Aufsätze zum Urkundenwesen der Byzantiner. Ettal, 1956.
409. *Dölger Fr.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. München, 1965. T. 5.
410. *Dölger F.* Zu den Urkunden des Vazelonklosters bei Trapezunt // Dölger F. Byzantinische Diplomatik. S. 350–370.
411. *Emecen F. M.* Giresun tarihinin bazı meseleleri // Giresun tarihi sempozyumu 24–25 Mayıs 1996. Bildiriler. İstanbul, 1997. S. 19–24.

412. *Emiroğlu K.* Trabzon-Maçka Etimoloji Sözlüğü. Ankara, 1989.
413. *Erzi A. S.* Akkoyunlu ve Karakoyunlu tarihi hakkında araştırmalar // Belleten. 1954. T. 18. S. 178–229.
414. *Erzi A. S.* Ibn Bibi // İA.
415. *Euangelides Tr.* Historia tes Pontikes Trapezountos apo ton Archaïotaton Chronon mechri ton kath'hemas, 756 p. Ch.–1897. Одесса, 1898.
416. *Fallmerayer J.* Fragmente aus dem Orient. Stuttgart, 1877.
417. *Fallmerayer J.* Gesammelte Werke / Hrsg. von G. M. Thomas. Leipzig, 1861. Bd. 1–3.
418. *Fallmerayer J.* Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827.
419. *Finlay G.* A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time. Oxford, 1877. Vol. IV.
420. *Finlay G.* The History of Greece from its Conquest by the Crusades to its Conquest by the Turks and of the Empire of Trebizond: 1204–1461. Edinburgh; L., 1851.
421. *Fischel W.* Ibn Haldun and Tamerlan. Berkley; Los Angeles, 1952.
422. *Foss C.* Nicaea: A Byzantine Capital and Its Praises, with the Speeches of Theodore Laskaris «In Praise of the Great City of Nicaea» and Theodore Metochites «Nicene Oration» / With the collaboration of J. Tulchin. Brookline, 1996.
423. *Gamillscheg E.* Der Kopist der Par. Gr. 428 und des Ende der Gross Komnenen // JÖB. 1986 S. 287–300. Bd. 36.
424. *Ganchou T.* La date de la mort du *basileus* Jean IV Komnènos de Trébizonde // BZ. 2000. P. 113–124. Bd. 93/1.
425. *Gautier P.* Le synode des Blachernes // REB. Vol. 29. 1971.
426. *Geanakoplos D. J.* Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282. Cambridge, 1959.
427. *Georgacas D.* The Names for the Asia Minor Peninsula and a Register of Surviving Anatolian Pre-Turkish Placenames [Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge / Hrsg. von R. Schützeichel, Beiheft 8]. Heidelberg, 1971.
428. Giresun kültür sempozyumu 30–31 Mayıs 1998. Bildiriler. İstanbul, 1998.
429. Giresun tarihi sempozyumu 24–25 Mayıs 1996. Bildiriler. İstanbul, 1997.
430. *Gottschalk H. L.* Bericht des Ibn Nazif al-Hamawi über die Schlacht von Jasyçimen (25–28. Ramadan 627/7–10. August 1230) // WZKM. 1960. Bd. 59.
431. *Greco V.* Zu den Interpolationen im Geschichtswerk des Laonikos Chalkokondyles // Académie Roumaine. Bulletin de la section historique. 1946. T. 27. P. 92–94.
432. *Grousset R.* L'empire des Steppes. P., 1960.
433. *Grégoire H.* Les veilleurs de nuit à Trébizonde au XIVe siècle // BZ. 1909. Bd. 18. S. 490–499.
434. *Grégoire H.* Notes épigraphiques. X, Michel Comnène, émir d'Arane // Revue de l'instruction publique en Belgique. 1909. T. 52. P. 12–17.

435. *Gökbilgin M. T.* XVI. yüzyıl başlarında Trabzon livası ve Doğu Karadeniz Bölgesi // *Belleten*. 1962. T. 26. S. 293–337.
436. *Halecki O.* La Pologne et l'empire byzantin // *Byzantion*. 1932. T. 7. P. 41–67.
437. *Hammer J. von.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Pešt, 1828. Bd. I.
438. *Hasluck F. W.* Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929. Vol. I–II.
439. *Hennequin G.* Bibliothèque Nationale. Catalogue des monnaies musulmanes. Asie pré-Mongole. P., 1985.
440. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Leipzig, 1885–1886. T. 1–2.
441. *Hinz W.* Irans Aufstieg zum Nationalstaat im fünfzehnten Jahrhundert. Berlin; Leipzig, 1936.
442. *Hopwood K.* Nomads or Bandits? The pastoralist/sedentarist interface in Anatolia // *Manzikert to Lepanto*. P. 179–194.
443. *Huart Cl.* İlçi, EI, 2.
444. *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1–2.
445. *Inalcik H.* Bayazid I // EI²
446. *Inalcik H.* Murad II // İA. S. 598–599.
447. *Inalcik H.* The Conquest of Edirne (1361) // *AOtt*. 1971. T. III. P. 185–210.
448. *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age (1300–1600). L., 1973.
449. *Inalcik H.* The Rise of the Ottoman Historiography // *Historians of the Middle East* / Ed. B. Lewis, P. M. Holt. Oxford, 1962.
450. *Inan K.* Giresun ve havalisinde türkmenler // *Giresun tarihi sempozyumu* 24–25 Mayıs 1996. Bildiriler. İstanbul, 1997. S. 59–76.
451. *Ioannides S.* Historia kai statistike Trapezountos kai tes peri tauten choras. Konstantinoupolis, 1870.
452. *Irwin R.* The Middle East in the Middle Ages: the early Mamluk Sultanate, 1250–1382. L., 1986.
453. *Jamaluddin S.* Hereditary Chiefs under Amir Timur (1370–1405) // *AO*. 1989. Vol. 57/3. P. 211–227.
454. *Janssens E.* Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969.
455. *Jorga N.* Geschichte des osmanischen Reiches. Gotha, 1908. Bd. 1–2.
456. *Jurewicz O.* Andronik I Komnenos. Wrocław, 1962.
457. *Káldy-Nagy Gy.* The First Centuries of the Ottoman Military Organization // *AO*. T. 31/2. 1977.
458. *Karadenizli K.* Trabzon tarihi. Ankara, 1954.
459. *Karapotosoglou K.* Etymologika se pontiakies lexeis // *AP*. 1990–1991. T. 33. P. 256–335.
460. *Karpov S. P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma. 1204–1461. Roma, 1986.

461. *Karpov S. P.* The Southern Black Sea Coast in the System of Economic Relations between East and West (XIIIth–XVth Centuries) // *Byzantiaka*. 1986. T. 6. P. 49–55.
462. *Kehren L.* Tamerlan. L'empire du seigneur de fer. Neuchâtel, 1978.
463. *Kemali A.* Erzincan tarihi, coğrafi, ictimai, etnografî, idari. İstanbul, 1932.
464. *Kislinger E.* Macht und MOIXEIA am Hof von Trapezunt // *JÖB*. 1994. Bd. 44. S. 245–253.
465. *Köprülü M. F.* Islam in Anatolia after the Turkish Invasion (Prolegomena) / Transl., ed., with an Introduc. by G. Leiser. Salt Lake City, 1993.
466. *Köprülü M. F.* The Seljuks of Anatolia. Their History and Culture According to Local Muslim Sources / Transl. and ed. by G. Leiser. Salt Lake City, 1992.
467. *Kremer A. von.* Grossen Seuchen des Orients nach Arabischen Quellen // Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der Kais. Akademie der Wissenschaften. Bd. XCVI, Jännerhefte des Jahrganges 1880. Wien, 1880. S. 69–156.
468. *Kurşanskis M.* Autour de la dernière princesse de Trébizonde: Théodora, fille de Jean IV et épouse d'Uzun Hasan // *AP*. 34. 1977/78. P. 77–87.
469. *Kurşanskis M.* Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'empire de Trébizonde // *AP*. 1970. T. 30. P. 107–116.
470. *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et la Géorgie // *REB*. 1977. T. 35. P. 237–256.
471. *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // *REB*. 1988. T. 46. P. 109–124.
472. *Kurşanskis M.* L'usurpation de Théodora Grande Comnène // *REB*. 1975. T. 33. P. 187–210.
473. *Kurşanskis M.* La descendance d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (Contribution à la prosopographie des Grands Comnènes) // *REB*. 1979. T. 37. P. 239–247.
474. *Kurşanskis M.* Note sur Eudocie/Euphémie // *AP*. 1977–78. T. 34. P. 155–158.
475. *Kurşanskis M.* Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens // *BK*. 1976. T. 34. P. 112–127.
476. *Kurşanskis M.* The Coinage of the Grand Komnenos Manuel I // *AP*. T. 35. 1979. P. 23–37.
477. *Kurşanskis M.* Une alliance problématique au XVe siècle. La mariage de Valenza Comnène, fille d'un empereur de Trébizonde, à Niccolò Crispo, Seigneure de Santorin // *AP*. 1970/71. T. 30. P. 94–106.
478. *Laiou A. E.* The Black Sea of Pachymeres // *The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D. M. Nicol*. L., 1993. P. 94–121.
479. *Lambton A. K. S.* Landlord and Peasant in Persia. L., 1953.
480. *Lampros Sp.* He peri haloseos Trapezountos epistole tou Ameroutze // *NE*. 1915. T. 12. P. 776–778.
481. *Lampsides O.* Glossika scholia eis mesaionika keimena tou Pontou // *AP*. 1952. T. 17. P. 227–238.

482. *Lampsidis O.* Ho antagonismos metaxu ton kraton tes Nikalas kai ton Megalon Komnenon dia ten kleronomian tes Buzantines ideas // AP. 1977/78. T. 34. P. 3-19.
483. *Lampsidis O.* La rivalité entre l'état des Grands Comnènes et celui de Nicée à propos de l'héritage de l'idée byzantine // Actes du XVe congrès international d'études byzantines. P. IV. Histoire. Athènes, 1980. P. 186-191.
484. *Lampsides O.* Peri ten hidrysin tou kratous ton megalon Komnenon // AP. 1971-1972. T. 31. P. 3-18.
485. *Lampsidis O.* Pos helothe he Trapezous // AP. 1952. T. 17. P. 15-54.
486. *Lampsides O.* Sprachliches zu den Vazelonos Urkunden // BZ. 1935. Bd. 35. S. 18-19.
487. *Lampsides O.* Tzerga // Pontiaka Fulla. Dec. 1936. T. 11/10. P. 5.
488. *Lampsides O.* Zu Bessarions Lobrede auf Trapezunt // BZ. 1935. Bd. 35. S. 15-17.
489. *Lane-Pool St.* Catalogue of Oriental Coins in the British Museum. Vol. 3. London, 1877.
490. *Langdon J.S.* Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor, The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. N. Y., 1992.
491. *Larner J.* Marco Polo and the Discovery of the World. New Haven; L., 1999.
492. *Laurent J.* Byzance et les Turcs seldjoucides dans l'Asie occidentale jusqu'en 1081. P., 1913.
493. *Laurent V.* Andronic Synadénos ou la carrière d'un haut fonctionnaire byzantin au XIIIe siècle // REB. 1962. T. 20. P. 210-217.
494. *Laurent V.* David II // Dictionnaire d'Histoire et de Géographie Ecclésiastiques. P., 1959. T. XIV.
495. *Laurent V.* L'Assassinat d'Alexis IV, empereur de Trébizonde (1429). Date et circonstances // AP. 1955. T. 20. P. 138-143.
496. *Laurent V.* La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue // REB. 1955. T. 13. P. 135-138.
497. *Laurent V.* La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue. Une précision // REB. 1956. T. 14. P. 200-201.
498. *Laurent V.* Le vaticanus latinus 4789 // REB. 1951. T. 9. P. 64-105.
499. *Lefebvre M.-M.* Timars alloués aux garnisons de plusieurs forteresses maritimes de la province de Trébizonde après 1461 // Byzantion. 1992. T. 62. P. 311-379.
500. *Lehmann B.* Die Nachrichten des Niketas Choniates, Georgios Akropolites und Pachymeres über die Selçuquen in der Zeit von 1180-1280 n. Chr. Leipzig, 1939.
501. *Leszka M. J.* Uzurpacje w Cesarstwie Byzantyjskim w okresie od IV do połowy IX wieku [Byzantina Lodziensia. Vol. VI]. Łódź, 1999.

502. *Lilie R.-J.* Twelfth-century Byzantine and Turkish States // *Manzikert to Lepanto*. P. 35–51.
503. *Limper B.* Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasiens im 13. und beginnen den 14. Jahrhundert. Köln, 1980.
504. *Linder R. P.* The Challenge of Qilich Arslan IV // *Near Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honour of George C. Miles* / Ed. D. K. Kouymjian. Beirut, 1974. P. 411–417.
505. *Loenertz R.* Une erreur singulière de Laonic Chalcocondyle: le prétendu second mariage de Jean V Paléologue // *REB*. 1957. T. 15. P. 176–184.
506. *Lowry H.* The Ottoman Tahrir Defters as a Source for Urban Demographic History: the Case Study of Trabzon (ca. 1486–1583) / A diss. ... Un. of California. Los Angeles, 1977.
507. *Lowry H.* Trabzon şehrinin islamlaşması ve türkleşmesi: 1463–1583. İstanbul, 1981.
508. *Macrides R.* Dynastic Marriages and Political Kingship // *Byzantine Diplomacy*. P. 263–280.
509. *Macrides R.* What's in the Name «Megas Komnenos» // *AP*. 1978. T. 35. P. 238–241.
510. *Mansuroğlu M.* The Rise and Development of written Turkish in Anatolia // *Oriens*. 1954.
511. *Manzikert to Lepanto*. The Byzantine World and the Turks 1071–1571 / Ed. A. Bryer, M. Ursinus [BF. Bd. XVI]. Amsterdam, 1991.
512. *Matschke K. P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981.
513. *Mélíkoff I.* Géorgiens, Turcomans et Trébizonde: Motes sur le 'Livre de Dede Korkut' // *BK*. 1964 T. 17–18. P. 18–27.
514. *Mélíkoff I.* Les Géorgiens et les Arméniens dans la littérature épique des Turcs d'Anatolie // *BK*. 1961. T. 11–12. P. 27–35.
515. *Ménage V.* The Beginnings of Ottoman Historiography // *Historians of the Middle East* / Ed. B. Lewis and P. M. Holt. Oxford, 1962.
516. *Miller W.* Trebizond. The Last Greek Empire. L., 1926.
517. *Minorsky V.* Bidlisi // *El*².
518. *Minorsky V.*, *Bosworth C.E.* Al-Kurdj // *El*².
519. *Minovi M.*, *Minorsky V.* Nâsiir al-dîn Tûsî on Finance // *BSOAS*. 1940. Vol. 10/3.
520. *Miroğlu I.* Kemah sancağı ve Erzincan kazası (1520–1566). Ankara, 1990.
521. *Miroğlu I.* XVI yüzyılda Bayburt sancağı. İstanbul, 1975.
522. *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Leiden, 1983. Bd. 1–2.
523. *Mordtman J. H.* Samsun // *El*².
524. *Morgan D. O.* The Mongols and the Eastern Mediterranean // *Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1202* / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. L., 1989.

525. *Mostras C.* Dictionnaire géographique de l'empire Ottoman. St.-Petersbourg, 1873.
526. *Necipoglu N.* Ottoman Merchants in Constantinople during the First Half of the Fifteenth Century // BMGS. 1992. Vol. 16. P. 158-169.
527. *Nicol D.* The Byzantine Family of Kantakouzenos. Washington, 1968.
528. *Nystazopoulou M. G.* He en te Taurike Chersoneso polis Sougdaia. Athena, 1965.
529. *Nystazopoulou M. G.* La dernière reconquête de Sinope par les Grecs de Trébizonde (1254-1265) // REB. 1964. T. 22. P. 241-249.
530. *Obolensky D.* Byzantine Frontier Zones and Cultural Exchanges. Congr. int. des ét. byz. Rapports. București, 1971. Vol. 2. P. 91-101.
531. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. L., 1971.
532. *Oğuz M.* Taceddin oğulları // Ankara dil ve tarih coğrafya fakültesi dergisi. 1948. T. 6.
533. *Oikonomidès N.* La décomposition de l'empire Byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la Partitio Romaniae // XVe Congr. int. d'études byzantines. Rapports et co-rapports. 1. Histoire. Atheni, 1976.
534. *Oikonomidès N.* Les Danishmendides, entre Byzance, Bagdad et le sultanat d'Iconium // RN. 6e série. 1983. T. 25. P. 189-207.
535. *Oikonomidès N.* Protagma Alexiou II tou Megalou Komnenou peri tes en Atho mones tou Dionysiou // Neos Athenaion. 1955. T. 1. P. 18-20.
536. *Oikonomidès N.* Symeionta peri ton epistolon Gregorion tou Chioniadou // AP. 1955. T. 20. P. 40-42.
537. *Oikonomidès N.* The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial Tradition and Political Reality // AP. 1975. T. 35. P. 299-332.
538. *Oral M. Z.* Duruğan ve Bafra'da iki türbe // Belleten. 1956. T. 20. S. 385-410.
539. *Oral M. Z.* Kuvvadar oğulları // Belleten. 1955. T. 19. S. 99-102.
540. Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan, A. M. Talbot. N. Y.; Oxford, 1989. Vol. 1-3.
541. *Papadopoulos A.* Historikon lexikon tes Pontikes dialektou. Athenai, 1960-61. T. 1-2.
542. *Pelliot P.* Les mongols et la papauté. P., 1923.
543. *Planhol X., de.* La signification géographique du livre de Dede Korkut // JA. T. 254. 1966. P. 225-244.
544. *Polemis D. I.* A Note on the Origin of the Title Μέγας Κομνηνός // NH. 1970. Vol. 1. P. 18-22.
545. *Popper W.* Egypt and Syria under the Circassian Sultans, 1382-1468 AD. Berkley; Los Angeles, 1957.
546. *Prinzing G.* Trapezuntia in Krakau. Über die Kleinchronik und andere Texte im Cod. Berolin. graec. qu. 5 // POLUPLEUROS NOUS. Miscellanea für Peter Schreiner zu seinem 60. Geburtstag / Hrsg. von C. Scholz und G. Makris. München; Leipzig, 2000. S. 290-310.

547. Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976. Bd. 1.
548. *Rabino H. L.* Coins of the Jala'ir, Kara Koyunlu, Musha'sha and Ak Koyunlu Dynasties // NC. 6th ser. 1950. Vol. 10. P. 94–139.
549. *Rachewiltz I. de.* Papal Envoys to the Great Khans. L., 1971.
550. *Radic R.* Serbian Sources on the Turkish Conquest of Trebizond in 1461 // AP. 1996–1997. T. 48. P. 121–130.
551. *Ramsay W.M.* The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890.
552. Répertoire chronologique d'épigraphie arabe / Ed. E. Combe, J. Sauvaget, G. Wiet. Le Caire, 1931–64. Vol. 1–XVI.
553. *Richard J.* La papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome, 1977.
554. *Riza Y.* Cenupta bozdoğanlılar // Ülke. 1934. T. III. № 17.
555. *Roemer A.R.* The Türkmén Dynasties // The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1986. Vol. 6.
556. *Roemer H. R.* The Safawid Period // The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1986. Vol. 6.
557. *Rosenqvist J. O.* Three Trapezuntine Notes // BS. 1993. P. 288–299. Vol. 54.
558. *Sadeque S. F.* Baybars the First of Egypt. Oxford, 1956.
559. *Salia K.* Histoire de la nation géorgienne. P., 1980.
560. *Şakir M.* Sinop'ta Candar oğulları zamanına ait tarihî eserler. İstanbul, 1934.
561. *Şevket K.* Trabzon tarihi. İstanbul, 1877. T. 1–2.
562. *Şükri M.* Das Heşt Bihişt des İdris Bidlisi, I. Teil: von den Anfängen bis zum Tode Orhans // DI. 1931. Bd. XIX. S. 131–157.
563. *Savory R. M.* Djunayd // EI².
564. *Savory R. M.* Kurçî // EI².
565. *Savory R. M.* The Struggle for Supremacy in Persia after the Death of Timur // DI. 1964. T. 40. P. 35–65.
566. *Savvides A.* Ashik-pasha-zade on the Conquest of Trebizond by the Ottoman Turks in A.D. 1461 // AP. 1987. T. 42. P. 240–247.
567. *Savvides A. G. C.* Byzantium in the Near East. Thessalonike, 1981.
568. *Savvides A. G. C.* Byzantium's Oriental Front in the First Part of the 13th Century // Diptycha. 1982–83. T. 3. P. 160–175.
569. *Savvides A.* Gia ten tautoteta tou «Melik» sten seltzoukike ekstrateia tou 1222–1223 kata tes Trapezountas // 14-Panellenio-Istoriko Synedrio Praktika. Thessalonika, 1994. P. 79–98.
570. *Savvides A.* Ho byzantinios Pontos, hoi Seltzoukoi kai hoi Ntanismentides Tourkoi // AP. T. 47. 1996–97. P. 91–106.
571. *Savvides A.* Hoi Megaloi Komnenoi tou Pontou kai hoi Seltzoukoi tou Rûm (Ikoniou) ten periodo 1205/6–1222 // AP. 1988. T. 39. P. 169–193.
572. *Savvides A. G. C.* Late Byzantine and Western Historiographers on Turkish Mercenaries in Greek and Latin Armies: the Turcoples/Tourkopouloi // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D. M. Nicol. L., 1993. P. 122–136.

573. *Savvides A.* Tamerlane, Byzantium and Spain (with notes on Clavijo's visit to Trebizond in A.D. 1404) // AP. 1992–93. T. 44. P. 47–57.
574. *Savvides A., Lampakis S.* Genike bibliographia peri tou byzantinou Pontou kai tou kratous ton Megalon Komnenon tes Trapezountas. Athena, 1992.
575. *Schütz E.* The Decisive Motives of Tatar Failure in the Ilkhanid-Mamluk Fights in the Holy Land // AO. 1991. T. XLV/1. P. 3–22.
576. *Schreiner P.* Byzantinische Orientreisende im 14. Jahrhundert // ZDMG. Supplement VI. Wiesbaden, 1985. S. 141–149.
577. *Schurmann H. F.* Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1956. Vol. 19. P. 304–389.
578. *Shukurov R.* AIMA: the Blood of the Grand Komnenoi // BMGS. 1995. Vol. 19. P. 161–181.
579. *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. 1994. Vol. 9/1. P. 20–72.
580. *Shukurov R.* Eastern Ethnic Elements in the Empire of Trebizond // Acts, 18th International Byzantine Congress, Selected Papers: Main and Communications, Moscow, 1991 / Editors-in-Chief I. Sevchenko and G. Litavrin. Vol. 2: History, Archaeology, Religion and Theology. Shepherdstown, 1996. P. 75–81.
581. *Shukurov R.* Horizons of Daily Interest // BF. 1999. Bd. XXV. P. 1–14.
582. *Shukurov R.* The Byzantine Turks of the Pontos // Mésogaios. 1999. T. 6. P. 7–47.
583. *Shukurov R.* The Campaign of shaykh Djunayd Safawi against Trebizond (1456 AD/860 H) // BMGS. 1993. Vol. 17. P. 127–140.
584. *Shukurov R.* Three Lives of One Prophecy // The Humanities in Russia: Soros Laureates (Psychology, History...). Moscow, 1997. P. 87–91.
585. *Silberschmidt M.* Das orientalische Problem nach venezianischen Quellen, Leipzig; Berlin 1923
586. *Siouffi M.* Notice sur le cachet du Sultan Mongol Oldjaïtou Khodabendeh // JA. 1896. T. 8. P. 331–345.
587. *Sivan E.* L'Islam et la croisade: idéologie et propagande dans les réactions musulmanes aux croisades. P., 1968.
588. *Smith J. M.* 'Ayn Jälüt: Mamluk success or Mongol Failure? // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1984. T. 44/2. P. 307–346.
589. *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit (1220–1350) / 3. Auflage. Berlin, 1968.
590. *Steingass F.* Arabic-English Dictionary. New Delhi, 1985.
591. *Steingass F.* Persian-English Dictionary. L., 1984.
592. *Stormon E. J.* Bessarion before the Council of Florence. A Survey of his Early Writings (1423–1437) // Byzantine Papers / Ed. E. & M. Jeffreys, A. Moffatt. Canberra, 1981. P. 128–156.
593. *Stromer von Reichenbach W. F.* Eine Botschaft des Turkmenenfürsten Qara Yuluq an König Sigismund auf dem Nürnberger Reichstag am

- Marz 1431 // Jahrbuch für fränkische Landesforschung. 1962. Bd. 22. S. 433–441.
594. *Stromer von Reichenbach W. F.* König Siegmunds Gesandte in den Orient // Festschrift für Hermann Heimpel / Hrsg. von den Mitarbeitern des Max-Planck-Instituts für Geschichte. Göttingen, 1972. Bd. 2. S. 591–609.
595. *Symeonidis Ch.* Die Nominalendung -άντ(οι), -άντων, -άντα im neugriechischen Dialekt des Pontos // AP. 1979. T. 36. S. 97–103.
596. *Symeonidis Ch.* Lautlehre der türkischen Lehnwörter im neugriechischen Dialekt des Pontos // AP. 1971–1972. T. 31. S. 17–231.
597. *Sümer F.* Karakoyunlular. Ankara, 1984.
598. *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, Boy teşkilatı, Destanları. İstanbul, 1992.
599. *Taeschner F.* Amasya // EI².
600. *Taeschner F.* The Turks and the Byzantine Empire to the End of the 13th Century // Cambridge Medieval History. Cambridge, 1966. Vol. 4/1. P. 737–752.
601. *Tekin F.* Giresun ağızlarının Anadolu ağızları içindeki yeri // Giresun kültür sempozyumu. Bildiriler. İstanbul, 1998. S. 267–275.
602. *Tekindap Ş.* Trabzon // İA.
603. *Tekindap Ş.* Mustafa // İA.
604. *Tewhid A.* Müze-i Humâyûn'un meskûkât-i kadime-i islâmîye kataloğu. Qustantiniyya, 1321. T. 4.
605. The Cambridge History of Iran. Cambridge, 1986. Vol. 6.
606. *Thorau P.* Sultan Baibars I von Ägypten. Ein Beitrag zur Geschichte des Vorderen Orients im 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 1987.
607. *Tomaschek W.* Die Goten in Taurien. Vienna, 1881.
608. *Toumanoff C.* Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucasic chrétienne (Arménie—Géorgie—Albanie). Roma, 1977.
609. *Toumanoff C.* On the Relationship between the Founders of Trebizond and the Georgian Queen Tamar // Speculum. 1940–1941. Vol. 15. P. 299–312.
610. *Trapp E.* Aktualität in byzantinischen Reiseberichten // Zeitgeschichte und seine Darstellung im Mittelalter / Hrsg. von C. Cormeau. Bonn, 1995. S. 47–58.
611. *Turan O.* Anatolia in the Period of the Seljuks and the Beyliks // Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol. 1. P. 231–263.
612. *Turan O.* Les souverains seldjoukides et leurs sujets non-musulmans // SI. 1953. Vol. 1. P. 65–100.
613. *Ünal R. H.* Monuments salgukides de Kemah (Anatolie Orientale) // REI. 1967. T. 35. P. 149–172.
614. *Uzunçarşılı İ. H.* Çelebi sultan Mehmedin kızı Selcuk Hatun keminle evlendi // Belleten. 1957. T. 21. S. 253–255.
615. *Uzunçarşılı İ. H.* Mehmed I // İA. Cüz 75. S. 497.
616. *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı Tarihi. Ankara, 1947. T. 1.

617. *Uzunçarşılı İ. H.* Sivas-Kayseri ve dolaylarında Eretna devleti // *Belleten*. 1968. T. 32. S. 161–191.
618. *Uzunçarşılı İ. H.* Sivas ve Kayseri hükümdarı Kadı Burhaneddin Ahmet // *Belleten*. 1968. T. 32. S. 191–232.
619. *Vacalopoulos A. E.* Origins of the Greek Nation. The Byzantine Period, 1204–1461. New Brunswick, 1970.
620. *Vagiakakos D.* Dialektika ek tou mesaionikou Pontou // *AP*. 1964. T. 26. P. 267–289.
621. *Vajay S. de.* Essai chronologique à propos de la famille du Grand-Comnène Manuel, 1238–1263 // *BF*. 1979. P. 281–291. Bd. 6.
622. *Varzos K.* Alexios Komnenos — Eirene he Rossike kai hoi atychoi apogonoi tous // *Byzantina*. 1975. P. 160–173. T. 7.
623. *Varzos K.* Hoi treis gamoi kai ta tekna tou Manouel (I) Megalou Komnenou (1238–1263) autokratora tes Trapezountas // *Byzantina*. 1982. T. 11. P. 57–74.
624. *Varzos K.* He genealogia ton Komnenon. Thessalonike, 1984. T. 1–2.
625. *Varzos K.* La politique dynastique des Comnènes et des Anges, la prédiction AIMA (Sang) et l'héritage des Grands Comnènes de Trébizonde et des Anges—Comnènes—Doukas d'Épire face aux Lascarides de Nicée // *JÖB*. 1982. Bd. 32/2. P. 355–360.
626. *Vasiliev A.* Empire of Trebizond in history and literature // *Byzantion*. 1940–1941. T. 15/1. P. 316–377.
627. *Vasiliev A.* Mesarites as a source // *Speculum*. 1938. Vol. 13. P. 180–182.
628. *Vasiliev A.* Pero Tafur, a Spanish Traveller of the Fifteenth Century, and his Visit to Constantinople, Trebizond and Italy // *Byzantion*. 1932. T. 7. P. 75–122.
629. *Vasiliev A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222) // *Speculum*. 1936. Vol. 11. P. 3–37.
630. *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge; Massachusetts, 1936.
631. *Vernadsky G.* Relations byzantino-russes au XIIe siècle // *Byzantion*. 1927–28. T. 4.
632. *Vogel K.* Byzantine Science // *Cambridge Medieval History*. Cambridge, 1967. Vol. 4/2.
633. *Voegelin E.* The Mongol Orders of Submission to European Powers, 1245–1255 // *Byzantion*. 1940–1941. T. 15/1. P. 378–413.
634. *Vryonis Sp.* Byzantina kai Metabyzantina. Studies on Byzantium, Seljuks and Ottomans. Malibu, 1981.
635. *Vryonis Sp.* Byzantium: its internal history and relations with the Muslim world / Variorum Reprints. L., 1971.
636. *Vryonis Sp.* Nomadization and Islamization in Asia Minor // *DOP*. 1975. Vol. 29. P. 43–71.
637. *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkley, 1971.

638. *Vryonis Sp.* «The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization», the book and its Reviewers ten years later // Greek Orthodox Theological Review. 1982. Vol. 22. P. 225–285.
640. *Vryonis Sp.* «The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization», the book in the light of subsequent scholarship, 1971–1998 // Eastern Approaches to Byzantium. Hampshire, 2001. P. 1–15.
641. *Vryonis Sp.* The Question of the Byzantine Mines // *Speculum*. 1962. P. 1–17. Vol. 37.
642. *Wächter A.* Der Verfall des Griechentums in Kleinasien im XIV Jahrhundert. Leipzig, 1903.
643. *Wittek P.* Das Fürstentum Mentesche. Istanbul, 1934.
644. *Wittek P.* De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople // *REI*. 1938. T. 12. P. 1–34.
645. *Wittek P.* Le sultan de Rûm // *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves*. 1938. T. 6. P. 361–390.
646. *Woods J. E.* The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. A Study in 15th/9th Century Turco-Iranian Politics. Minneapolis; Chicago, 1976.
647. *Wurm H.* Anmerkungen zum PLP in Anschluß an die Lektüre des 'Αποδείξεις ἱστοριῶν // *JÖB*. 1987. Bd. 37. S. 277–291.
648. *Yaman T. M.* Kastamonu tarihi. Istanbul, 1935.
649. *Yücel Y.* Candar-oğlu Çelebi Isfandiyar bey, 1392–1439 // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 1964. T. 2. S. 157–174.
650. *Yücel Y.* Fatih'in Trabzon'u fethi oncesinde Osmanlı-Trabzon-Akkoyunlu ilişkileri // *Belleten*. 1985. T. 49. S. 287–311.
651. *Yücel Y.* Kadı Burhaneddin. Ankara, 1987.
652. *Yücel Y.* Kastamonu'nun ilk fethine kadar Osmanlı-Candar münasebetleri (1361–1392) // *Tarih Araştırmaları Dergisi*. 1963. T. 1/1. S. 133–144.
653. *Yücel Y.* XIV–XV Yüzyıllar Türkiye Tarihi hakkında araştırmalar (II) // *Belleten*. 1973. T. 37. S. 159–190.
654. *Zachariadou E.* Ertogrul bey, il sovrano di Teologo (Efeso) // *ASLSP*. N.s. 1965. T. 5. P. 155–161 (*Eadem*. Romania and the Turks. № VIII).
655. *Zachariadou E.* Les janissaires de l'empereur byzantin // *Studia theologica memoriae Alexii Bombaci dicata*. Istituto Universitario Orientale, Seminario di Studi Asiatici, Series Minor. Napoli, 1982. T. XIX. P. 591–597 (*Eadem*. Romania and the Turks. № XI).
656. *Zachariadou E.* Manuel II Palaeologus on the Strife between Bayezid I and Kadi Burhan al-Din Ahmad // *BSOAS*. 1980. Vol. 18. P. 471–481. (*Eadem*. Romania and the Turks. № IV).
657. *Zachariadou E.* Noms coumans à Trébizonde // *REB*. 1995. T. 53. P. 285–288.
658. *Zachariadou E.* Notes sur la population de l'Asie Mineure turque au XIVe siècle // *BF*. 1987. Bd. XII. P. 223–231.
659. *Zachariadou E.* Observations on Some Turcica of Pachymeres // *REB*. T. 36. 1978. P. 261–267 (= *Eadem*. Romania and the Turks. № 1).

660. *Zachariadou E.* Romania and the Turks (c.1300 – c.1500) / *Variorum Reprints.* L., 1985.
661. *Zachariadou E.* Schetika me ton Asik-pasa-zade kai tes halose tes Trapezountas // *AP.* 1988/1989. T. 42. P. 134–138.
662. *Zachariadou E.* Trebizond and the Turks (1352–1402) // *AP.* 1979. T. 35. P. 333–358. (*Eadem.* Romania and the Turks. № III)
663. *Zachariadou E., Kazhdan A.* Turks in Byzantine Service // *ODB.* Col. 2129–30.
664. *Zerzelides G.* Toponymiko tes ano Matzoukas // *AP.* 1961. T. 24. P. 245–290.

THE GRAND KOMNENOI AND THE ORIENT, 1204-1461

ABSTRACT

INTRODUCTION contains a brief review of the main developments in the contemporary studies in the Late Byzantine Pontos and, especially, in the Greek-Turkish relations during the reign of the Grand Komnenoi. Modern studies of relations between the Empire of Trebizond and the East (i. e. Turkic, Persian, Arabic and Mongol states of the Near East and Asia Minor) mostly rely on Greek, Caucasian (Armenian, Georgian), Latin and Turkish Ottoman primary sources, often ignoring documents written in the Persian and Arabic languages. Meanwhile the latter were, in the twelfth to the fourteenth centuries, the dominant written languages in Muslim Anatolia and the Near East. The main aim of the present study is to give a comprehensive description of these relations on the basis of all available Christian and Muslim sources including those Oriental ones which are less known or completely unknown to modern scholars of the Byzantine Pontos.

A description of the most important Greek, Persian and Arabic sources is given in Section II, «A Survey of Primary Sources». Special attention is paid to the unpublished Oriental primary sources, which contain a new material for the history of Trebizond and Northern Anatolia as a whole (see Bibliography). The sources analysed here include eighteen Persian, Arabic and Turkish manuscripts that have never been used as a source for the history of the Empire of Trebizond and the surrounding area. The overall number of the primary sources analysed adds up to about two hundred, representing various genres of the Mediaeval literature (chronicles, hagiography, geography, epistolography, acts, etc.).

We further discuss the terminology of Oriental Medieval authors, who wrote on the Byzantine Pontos and its inhabitants. We also introduce the reader to the territory, population and military organisation of the Empire of Trebizond, and provide other basic information to help the reader in entering the subsequent narration.

CHAPTER ONE explores the establishment of the power of the Grand Komnenoi in Trebizond in 1204, viewed as a part of a broad «restoration movement» of the Komnenoi towards recovering their control over Constantinople. The progress of the Grand Komnenoi was halted in the Pontos; this and the ensuing creation of a state independent of Constantinople was a result of sheer misadventure.

The Komnenian military and political failure in 1214, when the Grand Komnenoi lost Sinop and the western provinces of their empire, resulted in a drastic reduction in their possessions. This failure was a result of the bargain made between Lascaris I of Nicaea and the Saljuq Sultan according to which the former possessions of the Grand Komnenoi in Paphlagonia were divided between Saljuqs and Nicaean Greeks. We present a number of amendments and additions to the modern scholarly version of these events, based on the re-reading and reinterpretation of Greek, Georgian and Oriental primary sources.

In **CHAPTER TWO**, relations between Trebizond and the Saljuqs and Mongols in the thirteenth century are examined. A military and diplomatic contest for Sinop between the Saljuqs and the Grand Komnenoi was in the focus of these relations. At least until 1277, the Grand Komnenoi had been cherishing the hope to recover Sinop, a city apparently regarded by them as a gate to Constantinople. They fought for the control over the city at least seven times (in 1204, 1214, 1225, 1228, 1254, 1265/66 and 1277), but eventually gained no success. Having abandoned their hopes in the 1280s, the Grand Komnenoi entered a new stage in their history, presumably remaining content with the role of a marginal Byzantine dynasty.

This Chapter includes a new interpretation of the well-known but still enigmatic narration of John Lazaropoulos on «Malik»'s attack against Trebizond. We suggest that the entire narration of Lazaropoulos on Malik's campaign is based on several (at least four) separable written fragments of historiographical nature dating back to the first half of the thirteenth century, which were available for Lazaropoulos but have not survived until now. The *Fragment A* (on the enthronement of Andronikos Gidos and the Saljuq-Greek peace treaty) is dated to 1223 by Lazaropoulos himself. The *Fragment B1* (on the Saljuq attack against a Greek ship) can be dated to 1225. The *Fragment B2* (on the Greek counterattack against Sinop) refers to the events of 1228. And finally the *Fragment C* (on the Saljuq invasion of Trebizond) can be dated to the summer-autumn 1230. It is plausible that the hypothetical primary sources, known to Lazaropoulos (before 1364), had vanished by the time of Panaretos (the end of the fourteenth century), who apparently was completely unaware of them.

Part Two of this Chapter focuses on the epistolary formula of the Mamluk chancery for the letters addressed to the enigmatic *Malik of Sinop*. This formula is preserved in the epistolographical works of al-Umari (fourteenth century) and al-Qalqashandi (fifteenth century). According to my interpretation, this formula was based on a real letter of Baybars to Andronikos II which possibly was sent not long before June 1264 (the date of the hypothetical Mamluk embassy to Trebizond). An attempt of typology of the relationship between Anatolian states and the Mongols is given in this chapter. The Emperors of Trebizond, like Great and Lesser Armenian rulers, on the earliest stages of the Mongol invasion, found themselves under the patronage of the Iranian Mongols, while the Saljuqid sultanate and the Georgian kingdom sought the support of the Golden Horde. However, by the 1260s, the final establishment of the Iranian Mongols in Saljuq Anatolia had resulted in a drastic deterioration of the position of Trebizond in Pax Mongolica. The Iranian Mongols had weakened their links with Trebizond and took the Saljuq side in the Greek-Turkic contest for Sinop. The aforementioned letter of Baybars to Andronikos II is the earliest surviving indication of the Grand Komnenoi's attempt to establish closer contacts with Egypt and the Golden Horde.

CHAPTER THREE deals with the long period of severe strife between Trebizond and neighbouring Turkic sedentary and nomadic chieftains which lasted until the end of the fourteenth century. The beginning of the nomadic migration in Northern Anatolia is considered in **Part One**. It is shown that the tide of the mass migration of the nomads reached Northern Anatolia as late as in the 1260s. *Chepni* Turkmens can be traced among the earliest newcomers to Paphlagonia. This tribe, led by Parvana, possibly took part in the siege of Sinop in 1265/66 (Qalqashandi). The first wave of nomadic migrants invaded the Pontos as late as in the 1290s.

Part Two concentrates on the relationship between Trebizond and neighbouring sedentary Turks. My main goal in this section is to reconstruct in all possible details the inner history of the Turkic emirates of the Pontos using a number of Oriental sources unnoticed or not properly investigated by the modern historians of the region. In particular, it is argued that the emirate of Haji Amir vanished in the early fifteenth century when its territories (Chalybia) probably returned under the control of Trebizond. We also attempt at reconstructing the still obscure relationships between Trebizond and Sinop in the fourteenth century. We suggest the possibility that, after 1345, the Greek princess Eudokia was given in marriage to the emir of Sinop by her uncle the emperor Michael I. It seems plausible that Eudokia, who visited Trebizond in 1357 and then apparently came back to Sinop, might well have given temporary shelter to the two Trapezuntine dissidents and pretenders to the Komnenian throne, Alexios III in 1349 and John III in 1362, but her real role in the dynastic strife between different branches of the Komnenian clan still remains obscure.

Part Three is focused on the Pontic nomads and their interrelations with Trebizond. If the first wave of nomadic migrations in the Southern Pontos can be dated to the late thirteenth century, the second one reached the borders of the Empire in the 1330s. Both waves were directed from the west to the east of Anatolia, not from the south to the north as many of modern scholars believe. Evidently the first nomadic wave of the late thirteenth century passed further to the south from the borders of the Empire of Trebizond and covered the regions of Amasya, Tokat, Niksar, Sivas, Erzincan and Bayburt, save those nomads who settled in Greek Chalybia. It is not impossible that the Turkmens of *salur* came with this first wave and settled in the region of Sivas. Sources preserve the names of the four Turkmen tribes (*chepni*, *aq-quyunlu*, *boz-doghan*, and the *dukhar* branch of *qaraqyunlu*) which came to the Pontos with the second nomadic wave taking the northern root along the Black Sea coast. Later in the fourteenth century, these tribes were slowly moving further eastward and southward. It is remarkable that the presence of these four tribes in Muslim Anatolia was attributed by the detailed and reliable Oriental sources of that time to as late a date as the second half of the fourteenth century. The earliest mention of the tribes in the 1340s unambiguously links them with the region of the Pontos. Consequently, moving eastward from Paphlagonia, they first reached the Greek Pontos and only few decades later migrated further to the south-east to inner Anatolia.

Part Four deals with those extraordinary diplomatic and military measures that were undertaken by the Grand Komnenoi in order to halt the nomadic tide. In particular, these included open military deterrent, creation of a chain of small forts defending the border against small groups of nomads, matrimonial alliances with the neighbouring Turks and so on.

Relations between Trebizond and Timur and his descendants in Iran are explored in **CHAPTER FOUR**. According to our hypothesis, Trebizond played for Constantinople the role of the main source of 'intelligence' information about Oriental affairs in general and, especially, emir Timur's activity. One of the main sources of information for the Grand Komnenoi themselves was Mutahharten, the emir of Erzincan and Timur's ally since 1386/87. In 1400-1401 Constantinople and Trebizond, likely in alliance with Mutahharten, were involved into a dangerous diplomatic game which was aimed at aggravating a clash of interests between the Ottoman Sultan and Timur. This activity nearly ended with a catastrophe for both Byzantine states. Timur launched an attack against Trebizond and threatened the Palaiologoi who eventually had to send him an embassy with apologies and ample gifts. In the second and third decades of the fifteenth century, Trebizond and Constantinople still remained within the range of the Timurid influence being regarded as a counterbalance to the increasing might of the Ottomans.

Some new details of the Ottoman conquests in the Pontic region at the end of the fourteenth century have been hypothetically reconstructed. In

particular, it is possible that Schiltberger visited Kerasous in 1398–1401 as an Ottoman soldier rather than as a Timur's captive (as commonly asserted in the literature). During his Pontic campaigns, the Ottoman Sultan Bayazid probably seized Kerasous from Sulayman b. Haji Amir; this event seems to be reflected in one of Timur's letters to Bayazid.

CHAPTER FIVE addresses the last fifty years of the Empire of Trebizond and especially relations between the Grand Komnenoi and their most powerful Muslim neighbours, the Ottoman and Aq-Qyunlu states. I reconsider the date of the well-known first attack of the Ottomans against Trebizond, launched by the Turkish fleet. The suggested date of the attack is 1427/28, with an implication that this sea raid upon Trebizond occurred very soon after the Ottoman conquest of the Emirate of Janik. It is not impossible that this Turkish attack against Trebizond was somehow connected with the conflict between the emperor Alexios IV Grand Komnenos and his son John, who assassinated his father and enthroned as John IV in 1429. In any case, a number of direct and indirect evidences in various sources indicate that John IV, unlike his father, was on good terms with the Ottomans, in the 1430s–1450s.

I further consider the date and circumstances of the attack of Junayd against Trebizond (1456) using a parallel reading of Greek and Persian accounts of the event (including those from an unpublished Safawid chronicle).

The last part of the Chapter, dealing with the relationship between Trebizond and Uzun-Hasan and the conquest of Trebizond by the Ottomans, is based, in particular, on the analysis of several underestimated but quite important and informative Persian sources.

CONCLUSIONS represent an attempt of inductive analysis of the prevailing forms of relationship between the Empire of Trebizond and the Muslim states. I also discuss the origins of the exceptional vitality of the Byzantine Pontic society, a problem formulated by Sp. Vryonis and A. Bryer.

APPENDICES contain (1) the original Persian text and translation of an excerpt from the still unpublished chronicle of Idris-i Bidlisi *Hasht Bih-isht* (on the basis of a St.-Petersburg's manuscript) concerning the Ottoman conquest of Sinop and Trebizond in 1461; (2) translation of excerpts from «Kitab-i Diyarbakriya» dealing with the Aq-Qyunlu—Ottoman fight for Trebizond; (3–5) genealogical and chronological tables and maps.

УКАЗАТЕЛИ

- Абака, Ильхан 159, 167, 185, 198, 372
Абд ал-Латиф ал-Багдади, мусульманский врач и философ 120
Абд ал-Раззак Самарканди, историк 37
Абд ал-Рахим б. Рустам, курдский воин 205
Абд ал-Хусайн Наваи, иранский исследователь 42
Абу ал-Аббас ал-Калкашанди, писец 42, 170–178
Абу ал-Гази-хан, историк 232
Абу ал-Наसर Хасан-бек (Узун-Хасан, Хасан-бек, Хасан Длинный), султан Ак-Куйунлу 33–35, 208, 215–216, 222–223, 302, 305, 309–311, 315–331, 334, 336, 354–358, 362–368, 370, 372
Абу ал-Фарадж (Бар-Эбрей, Григорий Абу ал-Фарадж, Григорий Бар-Эрбей), историк 38, 93, 97, 140, 141, 159, 160
Абу ал-Фида, историк и географ 38, 39, 46, 93, 96, 101, 137, 138, 211
Абу Бакр Кутби, историк 205, 209
Абу Бакр, см. Абу Бакр Тихрани
Абу Бакр Тихрани (Абу Бакр), историк 32–33, 48, 215, 216, 221, 231–234, 236, 237, 242, 243, 289, 311, 315, 320, 321–323, 326–330, 357, 362–363
Абу Са'ид, Ильхан 154, 201, 372
Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах сельджукский правитель Эрзерума 95–97, 117–120, 130–131, 138–139, 151
Абхаз, см. Абхазия
Абхазия (Абхаз) 198, 272, 273, 324
Аваг, сын Иванэ Закаряна, атабек 159
автократор 114
агаряне 59, 229
Агафангел, историк 143
Агрылу-Мухаммад-бек, эмир *ак-куйунлу* 364
Адам 99, 232
Аджам Шер, эпический персонаж 234
Адил-бек б. Сулайман, правитель Синопа 225, 226, 257, 370, 374
Адрианополь (Эдирне), город 226, 227, 326, 331, 360
азапы, тюркские корсары 226–227
Азат Муса, туркменский вождь 195–197
Азахутлу, см. Михаил Азахутлу
Азербайджан 76, 90, 122, 154, 210, 215, 234, 260, 264–265, 285–286, 288–289, 310
Азиз Астарабadi, историк 31–32, 48, 207, 213, 216–218, 220, 231, 235, 250, 280
Азиз-бек, эмир *ак-куйунлу* 367
Айдын, эмират 227, 249, 281, 283, 306, Аййубидский султанат 117
Аййубиды, сиро-египетский род 93, 95, 117–126, 135, 139–151
Айн Джалут 168
Айна-бек, см. Ахи Айна-бек, Yaxlayana Век
Айни (ал-Айни), историк 38, 154
Айя София, рукописное собрание 28, 30, 35

- Адампис (Чорох), река 51
 Акбука, сын ишхана Ваграма, князь 159
 Акдаг, хребет 51
 Ак-Куйунлу, эмират, султанат 5, 32–34, 57–58, 147, 208, 215–216, 222, 225, 234, 255, 258, 265, 267, 287–291, 297, 302, 305, 309, 314–323, 327–329, 334, 354, 356, 362–368
 ак-куйунлу, туркменское племя 16, 32–33, 48, 50, 199, 204, 208, 225, 228, 231–249, 254, 258, 263, 265, 280, 286, 287, 289, 297, 314–315, 328, 335, 362
 акриты 69, 129
 Аксарай, город 29, 155
 Аксарайн, см. Карим ал-Дин Махмуд Аксарайн
 Аксухи, византийский род 65, 73, 97, 111–114
 Ак-Тоган, эпический персонаж 232
 Акшахр (Акшар), крепость 120, 213–214, 221, 230, 314–315
 'Ала ал-Дин Давуд-шах б. Фахр ал-Дин, правитель Эрзинджана 120–121, 373
 'Ала ал-Дин Джувайни, историк 27
 'Ала ал-Дин ибн Джафар Аратна, сивасский султан 201–203, 209, 213, 254, 372–373
 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I сельджукский султан 27–28, 95–97, 118–127, 130–133, 135–137, 140, 142–144, 151–152, 156, 165, 371
 'Ала ал-Дин Кай-Кубад II, сельджукский султан 371
 'Ала ал-Дин Кай-Кубад III, сельджукский султан 371
 'Ала ал-Дин Караман, султан (эмир) Караман 265
 'Ала ал-Дин Мухаммад, хорезмшах 122
 'Ала ал-Дин 'Али б. Мир Мухаммад, правитель Сиваса 203, 207, 213, 373
 'Ала ал-Дин 'Али Челеби б. Бурхан ал-Дин, правитель Сиваса 204, 373
 Аладаг, местность 264, 274
 Аламут, государство 121
 Алам-шах Хатун, см. Марта Аладжик, крепость 234
 Аланца, крепость 230, 254, 267
 ал-Асир, см. Ибн ал-Асир
 Аластан 72
 Алашехир, см. Филадельфия
 Албистан, область 118, 184, 279
 Александр Великий, Багратид 300
 Александр Кавазит, трапезундский пансеваст 308
 Александр Македонский, царь 49
 Алексей, племянник Давида I Великого Комнина 331
 Александр, сын Алексея IV Великого Комнина 302, 331, 369
 Алексей I Великий Комнин, трапезундский василевс 47, 62–63, 66–67, 70–81, 85–92, 94–104, 106, 109–114, 116, 137, 334, 369
 Алексей I Комнин, византийский василевс 63–66, 369
 Алексей II Великий Комнин, трапезундский василевс 25, 126, 188, 198–199, 224, 369, 370
 Алексей II Комнин, византийский василевс 65
 Алексей III Ангел, византийский василевс 64–65, 74–76, 79, 106
 Алексей III Великий Комнин, трапезундский василевс 23, 84, 210–212, 215–217, 219, 220–221, 225–227, 229, 239–240, 243–246, 253, 255–258, 269, 275, 280, 308, 369, 370
 Алексей IV Ангел, византийский василевс 76–77
 Алексей IV Великий Комнин, трапезундский василевс 86, 247, 275, 282, 289–290, 296–297, 300–301, 303–304, 369, 370
 Алексей Пактиар, трапезундский чиновник 127, 137–138
 Алексей, князь Феодоро 304
 Алексей, правнук кесаря Вриенния и Анны Комнины 65
 Алексей, незаконнорожденный сын Андроника I Комнина 72, 74
 Алексей, сын Анны Комнины и Никифора Вриенния 73
 Алексей, сын Иоанна II Комнина 65, 73
 Алеппо, см. Хaleb
 'Али б. Кара-Йулук 'Усман, эмир ак-куйунлу 289
 'Али Йазди, историк 274
 'Али, Сальдукид, эмир 117
 'Али-шер, см. Карим ал-Дин 'Али-шер Алиг'ери, см. Михаил Алиг'ери

- Аликс, см. Алексей I Великий Комнин, кнр Аликс
- Алка, местность 364
- аллагия 58–59
- Алп-Арслан б. Тадж ал-Дин, эмир Джаника 218, 373
- Алп-Арслан-оглу, см. Хасан б. Алп-Арслан
- Алтунташ, местность 283,
- Амальрик I, иерусалимский король 68
- Амасра (Амастра, Амастрида), город 78–79, 81–82, 92, 99, 266, 278
- Амасыя, город 123, 194, 196, 202–204, 214, 217, 219, 222, 254–255, 263, 278, 292, 298, 302, 305, 310, 326
- Амид, город 117, 151, 233–236
- Амир-бек, эмир *ак-куйунлу* 363
- амирджандар 58–59
- Амиручи, см. Георгий Амиручи
- Амир-шах, см. Муджир ал-Дин Амир-шах
- Амис (Аминс), см. Самсун
- Амит, см. Омидия
- амитиоты (туркмены *ак-куйунлу*) 235, 237, 239–240, 242–246, 251–252, 256
- Амударья (Аму), река 153, 248
- Амурат, см. Мурад II
- Амшен, см. Аракел 53
- ‘Анайн, местность 365
- Анатолия *passim*
- Анахутлу, см. Анна Анахутлу
- Ангелы, византийская императорская династия 63–66, 71–72, 74–76, 78, 111, 114
- Андрей Ливадин, писатель и энкомиаст 24–25, 84, 210, 219, 225, 244–246, 253–254, 312
- Андроник I Гид, трапезундский василевс 113, 116, 126–128, 130, 134, 136, 138, 149, 369
- Андроник I Комнин, византийский василевс 63–70, 72–75, 79, 84, 86, 110, 112, 114, 146, 369
- Андроник II Великий Комнин, трапезундский василевс 165, 168, 183, 187, 228, 369, 370
- Андроник III Великий Комнин, трапезундский василевс 369
- Андроник, см. АИМА
- Андроникашвили, грузинский род 72
- Аня, город 158
- Анкара (Анкира), город 57, 96–97, 118, 155, 275, 284, 326, 363
- Анкарское сражение 57, 268, 271, 274, 277–279, 283–284, 293, 295,
- Анкира, см. Анкара
- Анна, дочь Алексея III Великого Комнина 269
- Анна Анахутлу, трапезундская императрица 87, 369
- Анна Комнина, историк 65, 73
- Анна Филантропина, жена Мануила III Великого Комнина 275
- Антакья, см. Антиохия
- Анталья, город 107
- Антиохия (Антакья), город 68, 155
- ‘Араб-шах, эмир Кара-Куйунлу 315
- Аракел (Амшен, Хемшин) 53, 211–212
- Аральское море 153
- Араниоты, о-в 226
- Араста, местность 364
- Аратна, см. Ала ал-Дин ибн Джафар Аратна
- Аргун, Ильхан 159, 372
- Ардаса, крепость 256
- Ардашир, легендарный царь-мудрец 351
- Ардебиль, город 305–306, 308, 315
- Армения, см. также Великая Армения, Киликийская Армения 153, 175, 285–286, 321, 356, 367
- армяне 7, 49, 53–55, 59, 104, 107–108, 118, 125, 139, 141, 147, 149, 152, 157–161, 163–165, 175, 193–194, 209, 211, 224, 265, 290, 333, 338, 357
- армяне амшенские 53, 211
- армяне-монофизиты 55, 161
- армяне-халкидониты 55, 141
- Арпа, Ильхан 372
- Арран, местность 154, 285
- Артукиды, туркменский род 118–119, 193
- Асан О. (Ö. Asan) 19
- асасины, мусульманская секта 121
- Асомат, местность 219
- Ас‘ард, крепость 365–366
- Афанасий, св. 150
- Афзал ал-Дин Хакани, поэт 120
- Афон 74, 82, 87–88
- Ахи Айна-бек (Yaxıyauna Bek), эмир 209–212, 228, 230–231, 252, 378
- ахи (футувава) 36, 209

- Ахлат, город 76, 118, 121, 123–125, 140–141, 144, 151
- Ахмад б. Кутлу, эмир *ак-куйунлу* 314, 372
- Ахмад б. Шадкельды, эмир, правитель Амасыи 214, 263
- Ахмад Иакриджи, улем 368
- Ахмад Даджи, греческий раб, эмир 206
- Ахмад Джалаир, султан 286
- Ахмад Ментеше-оглу 288
- Ахмад Такудар, Ильхан 159, 372
- Ахмад-паша Кадук, османский полководец 327, 356–357
- Ахпуга, см. Георгий Ахпуга
- Ашиклаша-заде, историк 39, 48, 285, 298, 306, 308–315, 353, 357
- Ашкар (ал-Ашкар), арабское именование византийского василевса 136–137
- Ашраф (ал-Ашраф), см. Малик ал-Ашраф
- Баба Исхак, туркменский мятежник 194
- Баг, река 218
- Багдад 31, 69, 274
- Баграт V, грузинский царь 269
- Багратиды, грузинская царская династия 73–74, 111–112, 119, 138, 183
- Бадр ал-Дин Абу Бакр, сельджукский чиновник 100
- Байазид I Йылдырым, османский султан 35, 42, 204, 214, 216, 221, 260–270, 274–284, 286, 290, 293–295, 371
- Байазид II, османский султан 34–35, 305, 372
- Байазид Кетюрюм, см. Кетюрюм Байазид
- Байазид-бек б. Шайх Хасан б. Кара-Йулук Усман, см. Байазид-бек, эмир Испира 311, 314–315
- Байандыр (топонимы в Западной Анатолии) 235
- байандыр*, туркменское племя 232, 235
- Байбарс I, мамлюкский султан 183–186
- Байбурт (Пайперт), город 51, 52–53, 56, 118, 142, 195–197, 202, 208–210, 212–215, 228, 235, 249, 251, 254–255, 278, 314–315, 322, 327, 329, 335
- Байджу-нойон (Байджу), монгольский полководец 154–160, 163, 165
- Байду, Ильхан 372
- Байкал Б. (B. Baykal) 326
- Байлакан, город 286–286
- Байрам-бек (? б. Куш-Туган), эмир Халивии 199, 219, 222, 374
- Балак, Артукид 119
- Балдуин I Фландрский, латинский император Константинополя 77
- Баливе М. (M. Balivet) 20
- Балканы 8, 68, 77, 109, 284, 297
- банды, трапезундские военно-административные округа 58–59, 235, 251–253, 318, 335
- Банкипур, город 35
- Бардулия 156
- барлас*, монгольское племя 264
- Бартольд В. В. 30
- Бару, местечко у Эрзинджана 207
- Бар-Саума, Раббан, несторианин, монгольский посол 198
- Бар-Эбрей, см. Абу ал-Фарадж
- Басианское сражение 76
- басмалла (бисмилла) 174 и сл.
- Батум (Ваги), порт 278
- Бату-хан (Бату, Саин-хан), монгольский хан 153–159, 165, 169, 180–181
- Бафра (Павра), порт 88, 105, 222
- Баха ал-Дин, отец Джалал ал-Дина Руми 120
- Бахрам Таранблуси 100
- Бахрам-шах Мангуджак, см. Фахр ал-Дин Бахрам-шах б. Давуд
- Баштав III. (Ş. Baştav) 311
- Бекджуказ б. Хаджи, приближенный Малика Ашрафа 206
- Берке-хан (Берке), золотоордынский хан 169
- Биби-и Мунаджжима 27
- Бидлиси, см. Идрис Бидлиси
- Бильгин М. (M. Bilgin) 19, 216
- Бирмингем 18
- боз-доган* (*боз-доганы*), туркменское племя 228, 237–238, 247–249
- Боз-Доган (топонимы в районе Айдын и в Трикоми) 249, 255, 335
- Боз-Доган, туркменский вождь 237–238
- Болнис 122
- Болу, город 235, 298
- Большой дворец в Константинополе 65
- Босфорский пролив 182, 284

- Брайер Э. (A. A. M. Bryer) 5, 13, 15, 18, 24, 44, 54, 58–59, 69, 78–79, 82–83, 88, 93, 105–106, 121, 160, 162–163, 168, 183, 185–186, 191, 199, 205, 210, 212, 216, 221, 224, 226, 228, 230–231, 235–236, 238, 247–248, 254, 257–258, 267, 271, 282, 296–297, 300, 304, 307–308, 310, 316, 324–326, 329–330, 336–339, 370
- Броссе М. (M. Brosset) 40
- Брунга (Хереке), крепость 285
- Будак Мунши Казвини, историк 37, 309, 312
- Бурса, город 265, 353, 367–368
- Буртулуш, крепость 213–214
- Буруглу, крепость 156
- Бурхан ал-Дин Ахмад Сиваси (Бурхан ал-Дин) 31–32, 203–204, 207–208, 213–214, 218, 220–221, 238, 250, 255, 258, 262–263, 303, 373
- Ваграм, ишхан Шамхора 159
- Важе С. де. (de Vajay S.) 113
- Вазелон, см. Вазелонский монастырь
- Вазелонские акты 253
- Вазелонский монастырь 41
- Вакалопулос А. (A. Vasilopoulos) 325
- вахф 29
- Варзос К. (K. Varzos) 71–72, 74
- варсак, тюркское племя 306
- Василий I Великий Комнин, трапезундский василевс 114, 225, 369, 370
- василика аллагия 58
- Васильев А. А. 12, 71–72, 99, 111, 299
- Вати, см. Батум
- Ватопед, см. Ватопедский монастырь
- Ватопедский монастырь 82, 87–88
- Великая Армения 46, 76, 121, 157–159, 348–349
- Великая Лазия, см. Лазия
- Великие Комнины, трапезундский императорский род *passim*
- венецианцы 54, 76, 108, 147, 200, 270, 282, 295–296, 313, 326
- Венеция 13, 223, 274, 276, 281, 284, 296, 324
- Византия *passim*
- Вильгельм II, сицилийский король 329
- Виссарион Никейский 26, 91, 112, 126, 199, 300, 318
- Вифиния, область 75–77, 79–80, 85, 92, 105, 187
- Вона, порт 221
- Восточный Туркестан 194
- Вотанос, местность 249
- Вриенний, кесарь 65, 73
- Врионис Б. (Sp. Basil Vryonis) 5, 20
- Врионис Сп. (Sp. Vryonis) 5, 14–15, 17, 20, 189, 192, 209, 337–338
- Вудс Дж. (J. Woods) 5, 16, 242, 318, 324, 326, 362
- Вурм Г. (H. Wurm) 307–308
- Гавры (Гафрас), византийский род 66, 69–70, 119, 165–167, 259
- газават 242, 248, 309, 322, 348–350, 354–358, 363, 368
- Газан-хан (также Газан), Илхан 159, 233, 372
- гази (газий) 309, 349, 356, 361
- Гази Мангуджак, эмир 119, 373
- Гази Челеби б. Мас'уд-бек, эмир Синопа 188–189, 223–224, 374
- Галата 283
- Галицкое княжество 67, 72
- Галлиполи 227, 361
- Галстян А. Г. 40
- Гангра (Кангари), город 294, 298
- гангрская митрополия 81
- Ганшу Т. (T. Ganchou) 321
- Гафрас, см. Гавры
- Гебзе (Ливисса), крепость 285
- Гедегара, город 222
- Гедикалан (Кагала?), местность 222
- Гекхесак, крепость (?) 221
- Гельде, селение 337
- Гелькёй, крепость 221–223
- Гемора, трапезундская банда 58, 251
- Генрих I, латинский император Константинополя 80–81
- Генуя 13, 223, 225, 276, 284
- генуэзцы 54, 147, 189, 219, 223–225, 270–271, 283, 294–296, 300–301, 303–304, 321, 326
- Георгий III, Багратид 73
- Георгий IV Лаша, Багратид 144
- Георгий VIII, Багратид 324
- Георгий Акрополит, историк 73, 82
- Георгий Амиручи, трапезундский чиновник и писатель 42, 359–360

- Георгий Ахпуга, царевич из дома Великих Комнинов 369
- Георгий Великий Комнин, трапезундский василевс 168, 183, 185–187, 336, 369
- Георгий Мелисин (?) (Джиржис-бахадур) 218, 280
- Георгий Пахимер, историк 400
- Георгий Сфранзи, историк 26, 301, 304
- Георгий Схоларий, трапезундский аристократ и чиновник 246–247
- Георгий, севаст 68
- Геракл 110
- Германия, эмират 131, 234, 281, 283
- Гидон, именование трапезундского василевса 166
- Гизеке Г. (H. Giezecke) 32
- Гийас ал-Дин Кай-Хусрав I, сельджукский султан 89–90, 95, 103, 106–107, 121, 137, 371
- Гийас ал-Дин Кай-Хусрав II, сельджукский султан 122, 132–133, 145, 151–152, 155–156, 158, 371
- Гийас ал-Дин Кай-Хусрав III, сельджукский султан 184, 234, 247, 371
- Гийас ал-Дин Мас'уд II, сельджукский султан 371
- Гийас ал-Дин Мас'уд III, сельджукский султан 371
- Гилас, оруженосец Геракла 110
- Гильом де Рубрук, писатель 41, 161, 166
- Гиресун, см. Керасунт
- Гиресун, горный хребет 52
- Голаха, крепость 210–212, 230–231, 252, 256
- Гония, город 51
- Гордлевский В. 29
- Готия, см. Феодоро
- греки *passim*
- греческий язык 7, 18, 46–47, 52–53, 56, 59, 97, 143–144, 199, 211, 235–236, 313, 319, 337
- Григорий Абу ал-Фарадж, см. Абу ал-Фарадж
- Григорий Бар Эбрей, см. Абу ал-Фарадж
- грузины 49, 78, 111, 117–119, 120, 122–123, 139, 141, 147, 149, 152, 194, 248, 269, 333, 338
- Грузия (Иверия) 9, 12, 70–78, 106, 111, 117–118, 120, 122–124, 126, 139–140, 142, 144, 151, 153–157, 159, 175, 183, 199–200, 244, 264, 266, 269, 272, 285–287, 300, 308, 311, 362–363, 368
- Гурия, область 324
- Гуюк-хан, монгольский великий хан 155, 157, 159, 162
- Гуююш, местность 222
- Гуююштегин Гази, Данишмандид 66, 119
- Гуююшхане, горный хребет 52
- Гянджа, город 285
- Давид Великий Комнин, деспот, сын севастократора Мануила Комнина 63, 66–67, 70–74, 76–89, 92, 102–103, 110–112, 114, 116, 369
- Давид Великий Комнин, трапезундский василевс 291, 304, 316, 318, 320–322, 324–325, 330–331, 334, 336, 356, 360, 369, 370
- Давид, муж царицы Тамары 117
- Давид II Строитель, Багратид 76
- Давид V Нарин, Багратид 119, 157, 183, 187
- Давид VI Улу, Багратид 157, 183
- Давуд б. Исхак, Мангуджак 373
- Давуд, сын Мугтис ал-Дина Тутрул-шаха 119
- Давуд-шах, см. Ала ал-Дин Давуд-шах б. Фахр ал-Дин
- Дадивра, город 100
- Дала Йакуб, эмир 314
- Дамаск, город 117, 184
- Дамган 32
- Данишмандиды, туркменский род 47, 57, 66, 95, 119, 121, 139–140, 193, 335
- Данишмандийа, область 46, 95–96, 166
- Данишмандские земли, см. Данишмандийа
- Данишменд И. (I. Danişmend) 222
- Даркот Б. (B. Darkot) 264, 266
- Даукинс Р. (R. M. Dawkins) 18
- Дафнусия, порт 182
- Дашкард, местность 356, 368
- Дашти Кыпчак, область 90, 122, 154
- Двин, город 76
- Дегирмен, см. Дикесим
- деспина Синопа, см. Евдокия, дочь Алексея II Великого Комнина
- Джазира, область 90, 233
- Джалаириды (Джалаиры), тюрко-монгольская династия 201, 232

- Джалал ал-Дин Байазид, см. Кетюрюм Байазид
- Джалал ал-Дин Манкбурны, хорезмшах 27, 119, 122–126, 135–136, 139–142, 146–148, 151
- Джалал ал-Дин Руми Балхи, суфий и поэт 120
- Джалал ал-Дин Хабиб, предок Бурхан ал-Дина Ахмада 250
- Джалали Н. (N. Jalali) 36
- Джамшед, эпический царь 356
- Джандары (Исфандийриды, Исфандий-ары), турецкий род, правители Синопа и Кастамона 224–225, 227, 262, 294, 296, 298, 324–327, 348, 350–351, 370, 374
- Джанети, см. Джаник
- Джаник (Джанети, Джанит, Чанети) 45, 47–48, 94, 97, 101, 166, 178, 188–189, 206, 250, 263, 266, 268, 292, 294, 296, 303, 306, 308–309, 313, 323, 330, 334, 361, 368
- Джаник, горный хребет 51
- Джаникский эмир (Таджиддин-огуллары) 32, 201, 216–223, 249, 297–298, 304, 334, 370
- Джанит, см. Джаник
- джанитец 48, 84, 184–185
- Джанихиты, см. Чанихиты
- Джа'фар б. Йакуб б. Кара-Йулук 'Усман, эмир *ак-куйунлу* 314
- Джа'фар ибн Мухаммад, историк 37, 265
- Джахангир б. 'Али б. Кара-Йулук 'Усман, султан Ак-Куйунлу 311, 314–315, 372
- Джахан-шах Мирза, см. Джахан-шах, султан Кара-Куйунлу
- Джахан-шах, султан Кара-Куйунлу 33, 216, 305, 311, 314–315, 365–367, 370
- Джебел-Арсус, город 306
- Джирджис-бахадур, см. Георгий Мелисин
- джихад 135, 241–242, 248, 358, 360
- Джуки, сын Шахруха, Тимурид 291
- Джунайд (султан Джунайд), сефевидский шейх 25, 304–317, 330, 336, 370
- Джунайд, эмир Кубад-огуллары 218, 264
- Джунайд-бек, эмир Иамира 287
- Джурджан, область в Иране 27
- Джучи, сын Чингисхана 153
- Дивриги, город 119, 373
- Дийарбакр 118, 151, 233, 236, 248, 309, 314
- Дикесим (Дегирмен) 219, 252
- Диль Ш. (Ch. Diehl) 12
- Доган-шах, см. Тоганджук
- Долин (? Tulan/Dolan) 243
- Доменико Дориа 39
- Дораниты, понтийский род 56, 238, 240, 243
- Дуда Г. (H. Duda) 184
- Дука, см. Михаил Дука
- Луки, византийский род 63, 78
- Дурабизун, см. Трапезунд
- духар*, туркменское племя 241–243, 247–249, 314, 335
- духарлу*, см. *духар*
- Евгений, св. 127–128, 132
- Евдокия, дочь Алексея II Великого Комнина, деспина Синопа 224–227, 369–370
- Евдокия, дочь Алексея III Великого Комнина 217, 256, 275, 369–370
- Евдокия (Ката), дочь Давида II Багратида 73
- Евдокия, дочь Михаила VIII Палеолога 187
- Евфимия, монахиня 224
- Египет (Миср) 38, 117, 144, 147, 168, 170, 178, 233, 260
- Ешиль-Ирмак (Ирис), река 218, 221
- Жансан Э. (E. Janssens) 11, 110, 132, 141, 267, 299, 302, 307, 310
- Жуков К. 143, 270
- Зайлуса, местность 142
- Зайнаб-хатун, жена Идриса Бидлиси 34
- Закарз Закарян-Мхаргрдзели, ишхан 118, 158–159
- Закаряны, см. Закаряны-Мхаргрдзели
- Закаряны-Мхаргрдзели, армяно-грузинский знатный род 142
- Заморье (Περσεία), крымские владения Великих Комнинов 178–179
- Западная Европа 9, 13, 169, 325
- Заратан, см. Мутаххартан
- Захариаду Э. (E. Zachariadou) 15, 164, 191, 199, 203, 207, 216–217, 219, 220–221, 231, 236, 238, 242, 259, 263, 270

- Захир ал-Дина Или, сельджукский *парвана* 95
 Зигана 51–52, 256
 Зийа ал-Мулк Ибн Боз-Доган, эмир 237
 Зийа ал-Мулк б. Са'ад ал-Мульк, эмир *боз-доган* 237
 Зиле, крепость 222
 Золотая Орда 8, 43, 153–157, 169, 179, 181–183, 187, 264
 золотоордынцы 154–155, 157, 164–165, 180–181, 187
 зороастрийцы 360
зиль-кадр, туркменское племя 265, 287
- ‘Ибад-Аллах Нишапури, историк 248
 Ибн ‘Абд ал-Захир, историк 181
 Ибн ал-Асир, историк 38, 46, 50, 89–91, 123, 135–136, 138–139
 Ибн ‘Арабшах, историк 31, 38, 271–272
 Ибн Баттута, географ 39, 202, 209, 235
 Ибн Биби, историк 27–29, 31, 46, 48, 50, 60, 84, 93–97, 100–101, 110, 112–113, 128, 140–141, 143, 157, 160, 165–166, 185
 Ибн Кемал, историк 329
 Ибн Натиф (Назиф), см. Мухаммад ал-Хамави, историк
 Ибн Тагрибирды, историк 38
 Ибн Фадл-Аллах ал-‘Умари, географ и писатель 39, 42, 49–50, 171–178, 180, 236–237
 Ибн Фурат, историк 38
 Ибн Халдун, историк 38
 Ибн Шаддад, историк 38, 166–167
 Ибрахим б. Исфандийар, Джандарид 374
 Ибрахим, сефевидский шейх 305,
 Ибрахим-бек, султан Караман 297, 324
 Иванэ Закарян-Мхаргрдзели, ишхан 118, 158–159
 Ивирия (см. также Грузия) 71, 75
 ивиры 140–141, 178
 Идрис Бидлиси, историк 6, 34–36, 48, 84, 227, 327, 329, 340–341, 353, 356–357
 Идрис, см. Идрис Бидлиси
 Идрис-бек, легендарный предок *ак-куй-унлу* 232
 Идриси, географ 39
 Идрис-Кёшкю, местность 34
 Иерусалим 67–68
- ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус I, сельджукский султан 93–97, 99–100, 103–104, 117–118, 120, 137, 333, 371
 ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус II, сельджукский султан 155–156, 165, 180, 184, 371
 ‘Изз ал-Дин Кылыч-Арслан II, сельджукский султан 371
 ‘Изз ал-Дин Кылыч-Арслан III, сельджукский султан 371
 ‘Изз ал-Дин, см. ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус I и ‘Изз ал-Дин Кай-Кавус II
 ‘Иzzат-Малак, жена Шейх Хасана Кучука 206
 Иконий, см. Конья
 Иконийский султанат, см. Сельджукский султанат
 Икономидис Н. (N. Oikonomides) 47, 171
 Ильдиз, гора 356, 365
 Илькан-хан, легендарный предок Джалаиридов 232
 Ильханы, монгольская династия 5, 29, 42–43, 49, 57, 147, 156, 166–170, 181, 183–185, 187–188, 195–198, 200–201, 209, 259, 334, 372
 Имерети, область 78, 157, 168, 187, 324
 Иналджик Х. (H. Inalcik) 5, 39
 Инан К. (K. Inan) 19, 185
 Индия 122, 264
 Иней (Унье), порт и крепость 51, 73, 78–79, 88, 105, 216, 218, 221, 251, 256, 268, 280, 338
 Иоанн I Аксух, трапезундский василевс 97, 112–114, 369
 Иоанн II Великий Комнин, трапезундский василевс 187–188, 192, 197–198, 334, 369–370
 Иоанн II Комнин, византийский василевс 65–66, 73, 111
 Иоанн III Ватац, никейский василевс 136, 160
 Иоанн III Великий Комнин, трапезундский василевс 87, 226, 240, 369
 Иоанн IV Великий Комнин, трапезундский василевс 300–305, 308, 310, 316–321, 331, 336, 356, 369–370
 Иоанн V Палеолог, византийский василевс 217, 275
 Иоанн VI Кантакузин, византийский василевс 225, 257

- Иоанн VII Палеолог, византийский император 271, 274, 276–277, 284
 Иоанн Аксух Комнин Толстый (Παχὺς), мятежник 65, 73
 Иоанн Апокавк, патриарх 85
 Иоанн Галонифонтис, посол и писатель 41, 276
 Иоанн Кавазит, трапезундский вельможа 212
 Иоанн Лазаропул, писатель 24, 126–135, 138, 143–145
 Иоанн Навпактский 81
 Иоанн Предтеча, св., см. Вазелонский монастырь
 Иоанн Толстый, см. Иоанн Аксух Комнин Толстый
 Иоанн, сын Андроника I Комнина 68
 Иоанн, сын севастократора Исаака Комнина 66–67, 69
 Иоанн-Алексей, сын Василия Великого Комнина (см. также Алексей III Великий Комнин) 114
 Иоаннидис С. (S. Ioannides) 11
 Иоанникий, сын Алексея I Великого Комнина 87, 98, 112–114
 Иоганн Шильтбергер, воин и писатель 40, 277–281
 Ирак 8, 90, 122, 147, 151, 153, 260, 264, 274, 285–286
 Ираклия (Понтираклия, Ираклия Понтийская) 50, 79–83, 87, 92, 99, 101–102, 110, 299, 303
 Иран 8–9, 21, 30, 32, 34, 50, 57, 117–118, 122, 149, 153–154, 156, 158, 161, 168, 187, 194, 197–198, 200, 206, 209, 232–233, 250, 260, 264, 285–288, 291, 305, 323, 372
 Ирина Палеолог, первая жена Василия Великого Комнина 240, 244, 246
 Ирина Трапезундская, вторая жена Василия Великого Комнина 114, 225
 Исаак I Комнин 369
 Исаак II Ангел 63–65, 68, 71–72, 76–77
 Исаак, племянник Андроника I Комнина 65, 72
 Исаак, севастократор, сын Алексея I Комнина 66–67, 86, 112
 Искандар, султан Кара-Куйунлу 289
 Искандерун (Александретта), город 306
 Искефсер, город 216, 218, 220, 285
 Искилип, город 222
 Исма'ил I, севевидский шах 305, 370
 Исма'ил-бек б. Исфандийар, Джандар 324, 326, 348–353, 367, 374
 Испир, город 52, 195–197, 211–212, 214–215, 274, 311, 314–315
 Истанбул, город (см. также Константинополь, Стамбул) 182, 283–284, 285, 360
 Исфаган, город 32, 367
 Исфандийар, эпический антигерой 351
 Исфандийар-бек ибн Байазид (эмир Исфандийар), Джандар 262, 287–288, 294–296, 298, 348–349, 353, 355, 374
 Исфандийариды, см. Джандары
 Исфандийары, см. Джандары
 Исхак б. Гази Мангуджак, эмир 373
 Италия 8, 317
 италянцы 54, 187, 198, 270, 278, 309, 319
 иудеи 360
 Ихтияр ал-Дин Хасан б. Гафрас (Гафра), эмир 69
 Ишильтан Ф. (F. İşıltan) 31
 Йазыджи-оглу Али, историк 29, 93
 Йакуб ибн Усман, эмир *ак-куйунлу* 208
 Йакуб, султан Ак-Куйунлу 34
 Йакуб-бек, османский полководец 326
 Йалман (Йалман-бахадур), эмир 279–280
 Йанкан, местность 364
 Йаргу 185–186
 Йаргуч-паша, османский военачальник 219, 298
 Йар-Али, внук Мутаххартана 216, 289, 373
 Йар-Али, шейх, сивасский посол 220
 Йар-Али-бек, эмир Ак-Куйунлу 356, 367
 Йархисар 353
 Йасы-Чаман, местность 125, 140–142, 144, 146, 314, 327, 356, 367
 Йени-шехир (Джаник) 303
 Йени-шехир (около Бурсы) 353
 Йорга Н. (N. Jorga) 312
 Йусуф Духари, вождь племени *духарлу* 241–242
 Йусуф-бек, эмир *ак-куйунлу* 367–368
 Кавазиты, понтийский знатный род 56, 59, 212, 238, 285, 301, 308, 361
 Кавказ 16, 21, 77, 116, 151, 153–154, 193, 285

- Кагала, см. Гедикалан
 Кагуния, см. Кара-Хисар
 Казвин, город 77
 Казим Ахмад Гаффари Казвини, историк 232, 309
 Каир, город 31, 117, 179, 181–184, 204
 Кай-Кавус (I), см. 'Изз ал-Дин Кай-Кавус I
 Кай-Кавус (II), см. 'Изз ал-Дин Кай-Кавус II
 Кай-Кубад (I), см. 'Ала ал-Дин Кай-Кубад I
 Кай-Кубад (II), см. 'Ала ал-Дин Кай-Кубад II
 Кайкубское ущелье 327, 356, 367
 Кайсери (Кесария), город 47, 57, 94–96, 118, 142, 155, 157–158, 184, 203, 214, 337
 Кайхату, Ильхан 188, 372
 Кай-Хусрав (I), см. Гийас ал-Дин Кай-Хусрав I
 Кай-Хусрав (II), см. Гийас ал-Дин Кай-Хусрав II
 Кай-Хусрав (III), см. Гийас ал-Дин Кай-Хусрав III
 Калкашанди, см. Абу ал-'Аббас ал-Калкашанди
 Калоноанн, сын Василия Великого Комнина 114
 Каледжик 294
 Камаг, см. Кемах
 Камал ал-Дина Тифлиси, визир 195
 Камаха, см. Кемах
 Камахины, понтийский род 56, 238
 Кан-Турали, туркменский эпический герой 243
 Кангари, см. Гангра
 Капанадзе Д. Г. 43
 Капанион, местность 308
 Каппадокия, область 337
 Кара-Йакуб, местность 207
 Кара-Йулук 'Усман б. Кутлу-бек (также Кара-'Усман, 'Усман-бек) 50, 204, 232–233, 255, 258, 263, 265, 267, 287–291, 314, 318, 370, 372
 Кара-Йусуф Кара-Куйунлу, султан 248, 265, 286–288, 291
 Кара-Куйунлу, султанат 32–33, 57, 216, 289, 306, 315, 362, 364, 366
 кара-куйунлу, туркменское племя 208, 216, 235, 242, 248, 286–288, 291, 294, 315, 317, 373
 Карабах, область 268, 273–274
 Каракорум 155, 157
 Караман, область 47
 Караман, туркменский султанат 262, 281, 288, 295, 297, 324–325
 караман, туркменское племя 306
 Кара-'Усман, см. Кара-Йулук 'Усман
 Кара-Хисар (Кагуния, Колония, Кугуния, Шебинкарахисар), крепость 53, 69, 119, 123, 139, 146, 201–203, 207, 212–213, 215, 219, 221–222, 235, 254–255, 293–294, 314–315, 319, 335, 337, 363–365
 Карахисарский эмир 121, 201, 205–208, 214, 235, 254–255, 374
 Карим ал-Дин 'Али-шер, эмир 234
 Карим ал-Дин Махмуд Аксарайи 29–31, 36, 165–167, 188–189, 195–196
 Карин (см. также Эрзерум) 118
 Карл VII, король Франции 324
 Карпов С. П. 8, 13–14, 20, 26, 61, 77–78, 101, 182, 189, 218, 271
 Картал, см. Карталимен
 Карталимен (Картал), крепость 285
 хартвелы 7, 45, 53–54, 56, 139, 144, 333
 Картли, область 324
 Каруса (Gerze), местность 127, 139
 Касаба, местность 327
 Каспийское море 122
 Кастамон (Кастамону), город 52, 56–57, 107, 195, 204, 218, 223–227, 250, 257, 262, 298, 326, 348–350, 353, 367
 Кастамонский эмират (Синопский эмират) 223–227, 255, 262, 281, 293, 297, 324
 Кастамону, см. Кастамон
 Касым, амирахур Ак-Куйунлу 366
 Касым, сын Исфандийара Джандара 298
 Касым-бек, османский полководец 326, 361
 Катя-Евдокия, см. Евдокия, дочь Давида II Багратида
 Катукия, местность 142
 Каухчишвили С. Г. 40
 Каффа 288, 300, 303–305, 321
 Каэн Кл. (Cl. Cahen) 55, 107, 118, 125, 130–131, 137, 152, 166, 185, 189, 192, 200, 209, 236, 238, 338

- Кваркваре, князь Самцхе 324
 Келтшина, см. Эрзинджан
 Келькит (Ликос), река 221, 356
 Келькит, крепость 314, 322, 327, 368
 Кемали А. (А. Kemalî) 43
 Кемах (Камаг, Камаха), крепость 119, 121, 123, 139–140, 201–202, 215, 267–268, 274–275, 279, 294, 314–315, 319, 363–364
 Кенхрина, крепость 25, 51, 245–246, 254, Кеос, остров 110
 Кёпрюлю Ф. (F. Köprülü) 32
 Керасунт (Гиресун), порт 19, 25, 32, 46, 51–52, 54, 78, 199–200, 219–223, 226, 236, 244–246, 251, 255–256, 277–282, 322
 Кесария, см. Кайсери
 Кёседаг 28, 152, 154, 157, 160, 162–163
 Кётюрюм Байязид б. 'Адил-бек (Байязид Кётюрюм, Джалал ал-Дин Байязид), эмир Синопа 226, 350, 374
 Киев, город 67
 Кизик, город 80
 Кил, крепость 364
 Киликия 306
 Киликийская Армения 49, 66, 95, 124–125, 154, 157–159, 164, 193
 Кипр, остров 65
 кир Аликс (см. также Алексей I Великий Комнин, Аликс) 47, 136, 138
 Киракос Гандзакец, историк 40, 118, 157, 159
 Китай 269
 Китора, крепость 78–79
 Клавихо, Рюи Гонзалес, де, кастильский посол и писатель 41, 59, 163, 216, 221, 223, 230–231, 265, 267–268, 280–282, 285, 303, 335
 Коджаба, монгольский чиновник 197
 Колония, см. Кара-Хисар
 Колонорос, местность 107
 колхи, картвельское племя 321
 Колхид, область 266, 299, 303, 313, 320
 Комнины, византийский императорский род 63–69, 71–79, 84, 86, 98, 112, 114
 Комнины-Дуки, см. Дуки
 Коникийский султанат, см. Сельджукский султанат
 Константин Гавра, правитель феми Халдии 119
 Константин Драгаш 218
 Константин из Островицы, воин и писатель 210, 327, 359
 Константин Лукич, писатель 25, 86, 126, 128, 130–131
 Константин Татикий Комнин, мятежник 65
 Константин I Великий, римский император 47, 84
 Константин VII Багрянородный, византийский василевс 257
 Константин XI Палеолог, византийский василевс 301
 Константинополь (см. также Истанбул, Стамбул) 8–9, 39, 41, 44, 55, 63, 68, 71–74, 76–80, 82, 89, 92, 99–100, 105, 107–108, 111, 114, 161, 172–173, 175, 178–179, 181–183, 187–188, 225, 259, 270, 275–278, 281–288, 291, 295, 302, 305, 317–318, 330–334, 358–360
 Конья (Иконий), город 53, 69, 103–104, 116, 118, 121, 125, 130–131, 139, 150, 154–155, 183, 193, 250, 262, 306, 337
 Коп, горный хребет 51
 Кордила (монастырь св. Фоки), местность 256, 301, 308, 329
 Коробейников Д. А. 136, 142, 144, 197, 311
 Коюль-Хисар, крепость 121, 139, 207, 213–214, 222, 230, 264, 313–315, 322–323, 326, 354, 356, 358, 361, 364–367
 крестовые походы 76, 78, 108, 114, 292, 297, 324
 Критовул, историк 305, 325, 327, 359
 Кромна, крепость 79
 Крым 8–9, 51, 78, 107–109, 139, 153, 181–182, 186, 247, 291, 298, 303–304
 Кубад-огулары, туркменский эмират 293
 Кугуния, см. Кара-Хисар
 Куко, крепость 46, 210–212, 256
 Куманот, крепость 207
 куманы, тюркское племя (см. также *кыпчаки*) 53, 123, 247
 Куник А. А. 12, 71–72, 111, 130
 Курдистан 34, 125, 364–365
 курды, племена 34, 53, 117, 205, 234, 329
 Курнар, крепость 364
 Куршанскис М. (M. Kuršanskis) 5, 16, 71–74, 91, 95–96, 141, 162, 167–168, 183, 187, 291, 300, 307, 316–319, 326
 Кутлу, см. Кутлу-бек б. Тур 'Али

- Кутлу-бек б. Ахмад б. Кутлу 314
 Кутлу-бек б. Тур 'Али, эмир 33, 215, 225, 233, 235, 239–243, 256, 258, 314, 370, 372
 Кутлушах б. Мехмед II 330
 Куш-Туган (Kuş-Toghān, он же Kuşdogan), туркменский эмир 199, 219, 368, 374
 Кызыл Ахмад-бек, брат Исма'ил-бека Джандара 349, 351, 353
 Кылыч-Арслан I, сельджукский султан 371
 Кылыч-Арслан II, см. 'Изз ал-Дин Кылыч-Арслан II
 Кылыч-Арслан III, см. 'Изз ал-Дин Кылыч-Арслан III
 Кылыч-Арслан б. Ахмад б. Кутлу, эмир *ак-куйунлу* 314
 Кылыч-Арслан, Сельджукид, эмир Кара-Хисара 203, 207–208, 213, 217, 231, 252, 256, 374
 Кыпчак, область, см. Дашти Кыпчак
 кыпчаки, тюркское племя (см. также *куманы*) 53, 122–123, 154, 247
 Кыпчакская степь, см. Дашти Кыпчак
 Кыркдилим, местность 262
 Кыр-шехир, местность 142
 Кытахья, город 234
 Ладик, город 222, 326
 Лазаропул, см. Иоанн Лазаропул
 Лазика, см. Лазия
 Лазистан, см. Лазия
 Лазистан, горный хребет 51
 Лазия, фема (Великая Лазия), область (Лазика, Лакзи, Лазистан) 46, 51, 53, 58, 78, 85, 106, 139, 211–212, 214, 230, 244, 251, 266, 274, 335
 лазы, народ 46, 53, 55, 59, 211, 269
 лакзи (ал-лакзи), см. лазы
 Лакзи (ал-Лакзи), см. Лазистан, горный хребет
 Лакзи, см. Лазия
 Ламменс Г. (H. Lammens) 170–172
 Лампакис С. (S. Lampakis) 14, 43
 Лампрос Сп. (S. Lampros) 12, 313
 Лампсидис Од. (Od. Lampsidis) 12, 23, 25, 71, 73, 113, 239, 244, 253
 Ляоник Халкокондил, историк 25–26, 111, 217, 230, 258, 265–267, 290–291, 299, 303, 305, 307–308, 310–313, 316, 320–322, 325, 327, 361
 Ларанда, город 123
 Лараханис, река 207,
 Ласкари (Ласкариди), см. Ласкари-Ватацы
 Ласкари-Ватацы, византийский императорский род 8, 56, 58, 63, 78, 149, 332
 Ласкарис, см. Феодор I Ласкарис
 Ласкарь, см. Феодор I Ласкарис
 Лаури Х. (H. Lowry) 18, 325
 Лев Кавазит, трапезундский аристократ 285
 Левант б
 Левон II, царь Киликийской Армении 95–96, 118
 лезгины, народ 269
 Ленерц Р. (R. Loenertz) 218
 Леона, см. Вона
 Лже-Алексей II 65
 Лже-Алексей III 65
 Лже-Алексей IV 65
 Ливадин, см. Андрей Ливадин
 Ливиси, местность 337
 Ливисса (Гебзе), крепость 285
 Ликос, см. Келькит
 Лили Р.-Й. (R.-J. Lilie) 108
 Лимния, порт 51, 79, 106, 216–217, 240, 251, 254, 256, 298, 303, 338
 Липарит, мингрельский князь 324
 Лондон б, 276
 Лоран В. (V. Laurent) 218, 300
 Лугал Н. (N. Lugal) 34, 363, 367
 Лудовико да Болонья, трапезундский посол 324–325, 328
 Лукит, см. Константин Лукит
 Лэнгдон Дж. (J. S. Langdon) 109, 137
 Лэнгли, Джеффри, английский посол 198
 Людовик IX Святой, французский король 161
 Людовик XI, французский король 324
 Мавдуд-Тоган, легендарный предок *ак-куйунлу* 232
 Мавераннахр, область 122, 248, 264, 286
 Мавлана 'Убайд, посол *Ак-Куйунлу* 367
 Маджд ал-Дин Мухаммад Тарджуман, отец Ибн Биби 27
 Мазандаран, область 7
 Майафаркиин, город 117, 143, 151

- Махризи, историк 38, 258
 Малатья (Мелитина), город 57, 95–96, 119, 131, 142, 155, 184, 265, 279
 Малая Азия 8, 14, 29, 104, 106, 108, 193–194, 200, 206, 248–250, 259, 284, 297, 324, 337
 Малая Романия, историческая область 349
 Малик Ахмад, эмир Кара-Хисара 208, 213, 255, 374
 Малик Ашраф (Малик ал-Ашраф), Аййубид 95, 119, 121, 124, 141–142
 Малик Ашраф, Чобанид 206, 209
 Малик-шах, сельджукский султан 371
 Мамаш Ибрахим, эмир Ак-Куйунлу 364
 Мангуджак, см. Гази Мангуджак
 Мангуджаки, туркменские эмиры Эрзинджана 70, 119–121, 132, 139–140, 373
 Мангул, см. Феодоро
 Мандиз (то же, что Ильдиз?), гора 356
 Мансур, аббасидский халиф 231
 Мануил I Великий Комнин, трапезундский василевс 112–114, 150, 160–166, 168, 181, 183, 186–187, 228, 369
 Мануил I Комнин, византийский василевс 65, 67–69, 89, 105, 111
 Мануил II Великий Комнин 369
 Мануил II Палеолог, византийский василевс 217, 270, 287, 290, 296, 334
 Мануил III Великий Комнин, трапезундский василевс 267, 271–273, 275, 277, 282, 287, 290–291, 296–297, 369–370
 Мануил Комнин, византийский посол в русских землях 67
 Мануил Комнин, севастократор, сын Андроника I Комнина 67–68, 70, 74, 86
 Мануил Маврозом, византийский аристократ 89
 Мануил, сын Исаака II Ангела 64
 Мануил, см. АИМА
 Маншикерт, город 76, 105, 108
 Мария Комнина, жена Амальрика I 68
 Мария Комнина, внучка Иоанна II Комнина 65
 Мария Феодоро («Готийская») 304
 Мария, дочь Алексея IV Великого Комнина 369
 Мария, дочь Василия I Великого Комнина 225, 239–240, 243, 256, 335, 370
 Мария-Исения, дочь Раймунда Антиохийского 68
 Мармара, область 228–229, 252
 Марс, планета 357
 Марта (Алам-шах Хатун/Хадиджа-бегги/Халима-бегум), дочь Узун-Хасана 47, 309, 370
 Мас'уд-бек, внук Му'ин ал-Дина Парвана 188–189, 223, 374
 Махмуд б. Мухаммад Карим ал-Дин Аксарайи, см. Карим ал-Дин Аксарайи
 Махмуд Кукалтай, эмир *духарлу* 314
 Махмуд Мирза (Махмуд-бек), эмир Ак-Куйунлу 364
 Махмуд Челеби б. Тадж ал-Дин, эмир Джаника 218, 373
 Махмуд, чагатайский хан в Самарканде 272
 Махмуд-паша, османский великий визирь 39, 311, 326, 329–330, 351–352, 358–359
 Мацука (Мачка) 18, 41, 53–54, 58–59, 210, 219, 222, 251–254, 318, 330, 335, 360
 Мачке К. (K. Matchke) 260
 Меандр, река 103, 106
 Меланфий, река, см. Мелет
 Мелет (Месудие), крепость 222, 298, 313, 322–323, 364
 Мелет (Меланфий), река 222–223, 313
 Мелиара, местность 308
 Мелисин (Меласено), Георгий (?), см. Георгий Мелисин
 Мелитина, см. Малатья
 Мелудия, дворец 68
 Менаж В. (V. Ménage) 35, 210
 Менгу-хан, монгольский великий хан 157–158
 Ментеше, эмир 281, 283
 Мерзифон, крепость 222, 262, 326
 Месарит, см. Николай Месарит
 Месохалдия, область 212, 226, 308
 Месопотамия, область 149
 Мессия 49
 Месудие, город 222
 Мехмад-бек, эмир Ак-Куйунлу 367–368
 Мехмед (Мухаммад) I, османский султан 35, 222, 263, 268, 285, 288, 293–298, 334, 371
 Мехмед (Мухаммад) II, османский султан 35, 39, 60, 215, 222, 231, 301–305, 311, 316–317, 319–320, 322–323, 333–336, 348–364, 366–368, 372–373

- Мехмед Нешри, см. Нешри
 Мизия, область 110
 Мизоматы, трапезундский род 238
 Миллер В. (W. Miller) 11, 226, 267, 271, 299, 307, 310
 Мир Мухаммад б. Аратна, сивасский султан 203, 373
 Мираншах, Тимурид 31, 285–286, 372
 Мирнокефал 105
 Мирх'анд, историк 37, 283
 Мирча, валахский воевода 296
 Миср, см. Египет
 Митра, гора 205, 251
 Михаил I Великий Комнин, трапезундский василевс 87, 225–226, 240, 257, 369
 Михаил I Дука, основатель Эпирского царства 77
 Михаил IV Авториан, константинопольский патриарх 81, 98–99
 Михаил VIII Палеолог, византийский василевс 179, 187
 Михаил Азахутлу, трапезундский царевич 269
 Михаил Алигьери, трапезундский посол 321
 Михаил Дука, историк 26, 291, 305, 321, 325, 328–329, 359
 Михаил Панарет 10, 23, 59–60, 70–71, 73–75, 86–87, 112–113, 126, 131, 133, 163, 185, 188, 192, 194, 199–200, 205, 209, 211–212, 215–217, 221, 224, 226, 228–230, 233, 235–244, 246–247, 249, 251–252, 258, 269, 304, 334–335, 370
 монголы, народ 16, 28, 30, 42, 53, 57, 122–123, 125, 151–170, 180–188, 194, 197–201, 209, 235, 247–248, 333–334, 372
 Моравчик Д. (G. Moravcsik) 133
 Мортман Дж. (J. H. Mordtman) 264
 Морея, область 323
 Мострас К. (C. Mostras) 44
 Мосул, город 90
 Мраморное море 227, 283
 Муганская степь 155
 Мугис ал-Дин Тугрул-шах, см. Абу Харис Мугис ал-Дин Тугрул-шах
 Мужир ал-Дин Амир-шах, монгольский наместник в Анатолии 29, 188–189
 Музаффар ал-Дин Мухаммад, Данишмандид, малик Кара-Хисара 121
 Музаффар Малик-шах, Сальдукид 117
 Мурад I, османский султан 35, 204, 219, 226, 262, 270, 350, 371
 Мурад II (Амурат), османский султан 28, 35, 288, 294, 297–304, 306, 371–372
 Мурад-бек, эмир и посол Ак-Куйунлу 320, 322, 364
 Муса Челеби б. Байазид, османский царевич 296
 Муса, Ильхан 372
 Му'ин ал-Дин Парвана (Первый) 165–167, 169, 186, 228, 374
 Му'ин ал-Дин Парвана (Второй) 195–197, 223, 374
 Муслих ал-Дин Лари, историк 38, 234, 295
 Муста'сим, аббасидский халиф 233
 Мустафа Челеби б. Байазид I, османский царевич 294–297
 Мутаххартан (Заратан, Тахартан-бахадур), племянник султана Аратна, эмир Эрзинджана 32–33, 204, 208, 213–217, 237, 255, 257, 263–269, 275–277, 279–281, 286, 289, 334, 370, 373
 Мухаззаб ал-Дин, сельджукский визир 154
 Мухаммад ал-Насави, см. Шихаб ал-Дин Мухаммад ал-Насави
 Мухаммад ал-Хамави, историк 38, 136–145
 Мухаммад Амир Сайид, эмир ак-куйунлу 315
 Мухаммад б. 'Ала ал-Дин 'Али, сивасский султан 373
 Мухаммад б. Салдук, эмир 69, 117
 Мухаммад Нахчивани, писец и писатель 43, 49
 Мухаммад Рикабдар (Рикабдър) (также Махмуд екептарис) 210, 228
 Мухаммад Руми, греческий раб 206
 Мухаммад Шабанкаран, историк 37
 Мухаммад, предок Бурхан ал-Дина Синваси 250
 Мухаммад, пророк 30, 167, 352, 355
 Мухаммад, султан Караман 287, 295
 Мухаммад-бек, правитель в Джанике 309, 314–315
 Мухаммад-бек, эмир Ак-Куйунлу, сын Узун-Хасан 362, 365–366
 Мухаммади-мирза, эмир Кара-Куйунлу 32

- Муш 'Али, османский посол 323, 366
 Мхаргрдзели, см. Закарияны-Мхаргрдзели
- Наван А. (A. Nawai) 42**
 Наджм ал-Дин, правитель Ахлата 118
 Насави, см. Шихаб ал-Дин Мухаммад ал-Насави
 Насир (ал-Насир), мамлюкский султан 202, 263, 267
 Неокесария, см. Никсар
 несторяне 175, 198
 Нешри, историк 39, 325, 328
 Нигде, город 250, 337
 Низам ал-Дин Йахья, монгольский сборщик налогов 196–197
 Низам ал-Дин Шами, историк 269
 Низами Ганджави, поэт 120
 Никейская империя 26, 79, 105, 108–109, 250
 Никей, город 63, 77, 79, 81–82, 85, 98, 102, 105–106, 108, 111, 156, 160, 179, 283
 Никита Схоларий, трапезундский аристократ 240, 243
 Никита Хоннат, писатель 26, 65–66, 72, 85, 88, 110
 Николай Месарит, эфесский митрополит 81–82, 93–95, 97–99, 101, 103, 110
 Никомидия, город 79–82, 90, 107, 116, 285
 Никсар (Неокесария), город 45, 53, 56, 66, 117, 121, 139, 192, 202–203, 207, 214, 216, 218, 221–222, 236–237, 254–255, 268, 293, 313, 335
 Нилу, базар в Сивасе 91
 Нистазопулу М. (M. G. Nystazopoulou) 166–167
 Нишапури, см. 'Ибад-Аллах Нишапури
 Нувайри (ал-Нувайри), историк 154
 Нур-и Османие, рукописное собрание 35
- Огнестрельное оружие 60, 290, 328**
 Огуз, легендарный предок *огузов* 232
 Огуз М. (M. Oğuz) 216
огузы, тюркское племя 53, 232, 237–238, 353
 Оксфорд 5
 Олти, княжество 141–142, 144
 Омидия (Амит), местность 233, 236, 249
 Орал М. (M. Z. Oral) 43
 Орду 222
 Орхан, османский эмир 35, 257, 371
- осетины 324
 Осман I, османский эмир 35, 371
 Османджик, город 222, 250, 262
 Османы, турецкая правящая династия 5, 25, 34–35, 260, 263, 268, 276–278, 286–288, 291, 293, 317, 363
 Офис/Оф, город 337
- Павра, см. Бафра**
 Пазар, см. Стома
 Пайперт, см. Байбурут
 Пактиар, см. Алексей Пактиар
 Палеокастрон, крепость 256
 Палеологи, византийский императорский род 8–9, 47, 57–58, 60, 63, 78, 102, 106, 147, 168–169, 179, 258, 260, 275–276, 287, 300, 317, 332
 Палеомацука, трапезундская банда 58, 207, 222, 253, 335, 360
 Палестина, область 168
 Памбухлу, крепость 365
 Панарет, см. Миханл Панарет
 Панаскерт, город 141
 Пандик, см. Пантихион
 Пантихион (Пандик), крепость 285
 Пападопул, трапезундский мятежник 187
 Пападопуло-Керамевс А. 12
 Папство 147, 168–169, 187–188
 Париж 276
 пархарин (летнее кочевье) 251–252
 Пафлагония, область 12, 31, 51–52, 57, 75, 77–83, 85, 87–88, 92–94, 98–107, 109, 114, 185, 194–195, 235, 267, 327
 Пахимер, см. Георгий Пахимер
 Пахлаван-бек, эмир *ак-куйунлу* 233–236, 372
 Пелагий, кардинал 99
 Пера 271, 283, 303
 Перо Тафур, писатель 41, 296–297, 301, 303, 319
 Петрома, крепость 51, 229
 Пешдадида, иранский царский род 356
 Пий II, папа 324
 Пир-Али, эмир *ак-куйунлу* 366
 Пир Мухаммад, брат Мутаххартана 214
 Пир Мухаммад, Тимурид 286
 Пир-Умар-бек, эмир Кара-Куйунлу 208, 216
 Пир-Хусайн б. (?) Ахи Айна-бек 207, 212–213, 373–374

- Пловдив, см. Филиппополь
 Плусида, местность 79–80
 Поло (Марк, Матфей, Николай) 198
 Польша 328
 Понт *passim*
 понтийцы *passim*
 Понтираклия, см. Ираклия
 потомки Тадж ал-Дина, см. Джаникский эмир
 Пританис, река 207
 Причерноморье 8, 13, 20, 57, 77, 102, 107–108, 180–181, 195, 198, 227, 230, 250
 Прокопий, св., церкви 133
 Пролывы 76, 79–80, 182
 Пропонтида 82, 285
 Псевдо-Халкокондил (трапезундский Аноним), историк 307–308, 310–313
 Пулур, город 208, 214, 314
- Ра'ис ал-бахр 127
 Раббан Бар-Саума, монгольский посол 198
 Рабино Г. Л. (H. L. Rabino) 43
 Рабия, абхазский князь 324
 рабы 91, 179, 206, 247, 353, 355, 360
 Раймунд Антиохийский 68
 Рамазан, эмир Аданы 324
 Рашид ал-Дин, см. Фазл-Аллах Рашид ал-Дин
 Ризе, см. Ризеон
 Ризеон (Ризе), город 51, 53–54, 58, 251, 337
 Рифат К. М. (K. M. Rifat) 32
 Розенквист Й. (J. Rosenqvist) 24, 126, 128–129, 131–132
 Романия, историческая область 80, 179, 317
 ромей (ромейки) (см. также румийцы) 28, 46, 50, 60, 63, 66, 89, 98, 111, 114, 137–138, 160, 172–173, 178–179, 206, 229, 234, 253, 257
 Ромейская империя (держава), см. Византия
 Российская империя 230
 Ростислав, киевский князь 67
 Рубрук, см. Гильом де Рубрук
 Ругад, селение 27
 Руки-ал-Дин Джахан-шах б. Мугис ал-Дин, сельджукид 118–119, 121, 123–125, 138, 140, 148
- Руки ал-Дин Кылыч-Арслан IV, сельджукский султан 155–156, 165–167, 184, 234, 247, 371
 Руки ал-Дин Мас'уд I, сельджукский султан 66, 371
 Руки ал-Дин Рахат Сиваси, сельджукский наместник в Самсуне 188–189
 Руки ал-Дин Сулайман II, сельджукский султан 88–89, 117, 371
 Рум (ал-Рум), историческая область 28, 31, 46–47, 58, 76, 89–91, 117, 121–123, 125–126, 128–129, 135–136, 147, 153, 155–156, 159, 171, 173, 196–197, 201–203, 205–206, 233–234, 285, 309, 365–368, 371
 Румелия, область 219, 294, 298
 румийцы (см. также ромей) 135, 206, 364–365, 367
 Румский султанат, см. Сельджукский султанат
 румы, см. румийцы
 Рус, см. Русь
 русские 159
 Русские земли, см. Русь
 Рустам Дастан, иранский эпический герой 351
 Рустам Тархан, полководец Кара-Куйунлу 311
 Рустам, туркменский вождь 238
 Русудан, грузинская царица, жена Мануила I Великого Комнина 187
 Русудан, грузинская царица 119, 122–123, 151, 157, 159
 Русудан, сестра царицы Тамары 74
 Русь (Русские земли) 8–9, 67, 72, 90
 Рухи, историк 77
 Рэмзей У. (W. M. Ramsay) 44
- Са'ад ал-Дин, историк 325
 Са'ад ал-Мулк б. Зийа ал-Мулк Ибн Боз-Доган, эмир *боз-доган* 237
 Са'ади Ширази, поэт 220
 Савва, св., монастырь на Понте 87
 Саввидис А. (A. Savvides) 14, 16, 43, 92, 94, 126
 Савлан-бек, посол Джахан-шаха Кара-Куйунлу 367
 Садид (ал-Садид), участник хорезмийского посольства 123

- Сайид Махмуд 'Арабкир, эмир Ак-Куй-унлу 363
- Сайн-хан, см. Бату-хан
- Сайф, эмир кочевых арабов 365
- Сакл-Тутан, местность 368
- Салах ал-Дин, Аййубид 117
- Салима, крепость у Аксарая 29
- салур, туркменское племя 249–250
- Сальджан-хатун, эпическое имя трапезундской деспины 243
- Сальджуки-хатун, дочь Бахрам-шаха Мангуджака 120
- Сальдук ибн 'Али, Сальдукид, правитель Эрзерума 117
- Сальдукиды, туркменский род 69, 117–119, 146
- Самакар, крепость у Тортума 363
- Самарканд 41, 264, 272, 286, 295
- Самос, о-в 312
- Самсун (Амис/Аминс), порт 45, 79, 88, 91, 102, 106, 185, 188, 198–199, 222, 254–255, 264, 266, 268, 278, 293–296, 312, 353
- Самцхе, область и княжество в Грузии 139, 267, 273, 312, 324, 363
- Сангарий, река 79–81
- Санджиан А. (A. K. Sanjian) 40
- Санкт-Петербург (также Петербург) 5, 39
- Сара-Хатун, мать Узун-Хасана 327, 329–330, 357
- Сарват Хусайн, чобанидский эмир 206, 374
- Саргис (Шахиншах), князь Ани, сын Закаре Закаряна 158
- Сарукия, местность под Терджаном 319
- Сарухан, эмир 281, 283
- Сасаниды, иранская царская династия 232
- Сатала, крепость 314
- Сатылмыш-Джаник 222
- сафавийа, см. Сефевиды
- Сафранболу, крепость 297
- Саффах, аббасидский халиф 236
- Сахиб Шамс ал-Дин, представитель Бату в Руме 155
- Сванетия, область 273
- Святая Гора, см. Афон
- Священная Римская империя 147, 324
- Сгуропул, см. Стефан Сгуропул
- Севастия, см. Сивас
- Селевкия, город 107
- Селим I, османский султан 34
- Сельджукиды, туркменский султанский род 28, 30, 57, 76, 88, 102, 107, 116–117, 120, 124, 135, 145, 147, 151–152, 154, 169, 189–190, 371, 374
- Сельджукский Рум, см. Сельджукский султанат
- Сельджукский султанат (Иконийский султанат, Конийский султанат, Румский султанат) 5, 116–117, 120, 126, 132, 150, 152, 156, 158, 165, 168
- Сепикёр, горы у Эрзинджана 327
- Сефевиды, шахский род 34, 42, 305
- Сивас (Севастия), город 31, 47, 53, 57, 90–91, 94, 132, 142, 151, 155, 158, 195–196, 201–204, 206–208, 210, 213–214, 216–217, 219–220, 235, 250, 254, 263, 265, 270, 273, 275, 279, 293, 327, 334, 365–366, 372–373
- Сигизмунд Люксембург, император Священной Римской империи 291
- Силле, город 337
- Симикла, местность на Понте 229
- Симон де Сен-Кантен, хронист 41, 150, 160
- Синадин, полководец Великих Комнинов 80
- Синоп (Синуб), порт 28, 31, 35–36, 43, 46, 52, 57, 79, 85, 92, 94–95, 97–102, 105–108, 110, 112–116, 127, 134–136, 138–139, 145, 150, 159, 161, 164–169, 194–195, 204, 223–228, 255, 257, 262, 268, 293, 295–297, 324, 326, 328, 332, 334, 348–353, 374
- Синуб, см. Синоп
- Сирадж ал-Дин, сивасский наместник 80
- Коюль-Хисаре 213, 264
- Сирия (Шам) 8, 38, 90, 117, 122–124, 139, 144, 147, 150–151, 153, 161, 168, 193, 233, 237, 250, 267–268, 285, 306, 308–309, 312–313, 315
- Сирмена (Сюрмене), трапезундская банда 52–53, 58, 251, 318, 337
- Сис (см. также Киликийская Армения) 49, 172–173
- Сис, крепость 213
- Скандербег, албанский князь 297
- Скилолимны, местность 360
- Скутарий, город 107

- Слафопиаст, крепость 229
 Смбаб Сларапет, историк 40, 96, 157
 Солхат, город 224
 Сонуса, крепость 202, 216, 222
 Сорогена, крепость 212, 252, 256
 София, Св. (Айя София), константинопольский храм 28, 30, 35, 39, 65
 Средиземное море 107, 122
 Средиземноморье 8, 77, 109, 180
 Средняя Азия 152–153, 194, 209, 247, 250
 Стамбул (см. также Константинополь, Истанбул) 34, 55, 234, 355
 Стефан Сгуропул, энкомиаст 25–26, 83, 199
 Стома (Пазар) 221
 Сулак, порт 81, 107, 182
 Суйургатмыш, чагатайский хан в Самарканде 272
 Сулайман I, эмир Джандар 224–225, 237, 374
 Сулайман II б. Байазид, эмир Джандар 374
 Сулайман б. Куталмыш, сельджукский султан 371
 Сулайман Мангуджак, правитель Дивриги 373
 Сулайман Челеби б. Байазид I, османский царевич 262–263, 294, 371
 Сулайман-бек б. Хаджи Амир, эмир Халивии 217–222, 255, 278–281, 370, 374
 Сулайман-бек, хаким *зуль-кадр* 287
 Сулайман-бек, эмир Ак-Куйунлу 367
 Сулайман-бек Джандар, см. Сулайман II б. Байазид
 Сулайман-паша, см. Сулайман I, эмир Джандар
 Султан Халил (Халил Мирза), эмир Ак-Куйунлу 363–365, 367
 Султания, город 276
 Сумела, монастырь на Понте 59
 Сурган б. Чобан, чобанидский эмир 206
 Сурмари 151
 Сухраб Шайх-Хасан, эмир Ак-Куйунлу 363
 Сфранзи, см. Георгий Сфранзи
 Схоларни, понтийский род 24, 56, 238–247, 301
 США 17
 Сюмер Ф. (F. Sümer) 34, 185, 192, 250, 363, 367
 Сюрмене, см. Сирмена
 Тавроскифы 72
 Тагачара, эмиры 195
 Тадж ал-Дин, эмир Джаника 45, 60, 207, 213–214, 216–218, 220–221, 223, 249, 256–258, 263, 298, 303–304, 334, 370, 373
 Тадж ал-Дин Ибрахим, султан Караман 297
 Таджиддин-огуллары, см. Джаникский эмир
 Тайбуга, сельджукский наместник в Синопе 184
 Тамара, грузинская царица 71, 73–78, 111, 117–118, 120
 Тамара, грузинская жена Кай-Хусрава II, 119
 Тамерлан, см. Тимур
 Тамта, дочь Иване Мхаргрдзели 118, 141
 Тао, область 139, 141, 273
 Тармух, местность в восточной Анатолии 366
 Тарс, город на юге Анатолии 158
 Тарсия, город в Вифинии 79, 90
 Тартум 274, 363
 Тасбина, легендарное имя трапезундской царицы 241
 татары (монголы) 135, 157–158, 163–164, 248
 татары, тюркское население Крыма 224, 291, 353
 Тахартан-бахадур, см. Мутаххартан *ташан*, туркменское племя 263
 Тебриз, город 183, 185, 198, 200–202, 206, 336
 Тегеран, город 363
 Терджан, город 212, 215, 314–315, 319, 364
 Тер-Мкртичан Л. Х. 40
 Тзанихиты, см. Чанихиты
 Тигранокерт, см. Эрзинджан
 Тимур, чагатайский завоеватель 11, 31, 40–42, 50, 57, 60, 147, 204, 208, 213, 216, 221, 227, 233, 255, 260–262, 264–295, 314, 333–336, 353, 370, 372
 Тимур Гурган, см. Тимур
 Тимуриды, иранский султанский род 5, 25, 42, 50, 147, 260, 287–291, 372
 Тимурташ, монгольский наместник в Анатолии 30, 201–202

- Тифлис, город 122, 157, 278, 286
 Тихрани, см. Абу Бакр Тихрани
 Тоганджук (Доган-шах, Тоганчук), анатолийский эмир 232, 236–237
 Тоган-хан, легендарный предок *ак-куйунлу* 232
 Тоганчук, см. Тоганджук
 Токат, крепость 45, 95, 194–195, 202, 207, 222, 275, 361, 365
 Томашек В. (W. Tomaschek) 299
 Торул, крепость 229
 Тосья, крепость 235, 294
 Трабзон, см. Трапезунд
 Трапезунд (Дорабизун, Трабзон) *passim*
 Трапезундская империя *passim*
 Трикомя, банда и область 51, 54, 58, 235, 249, 251, 315
 Триполи, порт 222, 256
 Тугай, грузинский князь Тортума 274
 Тугрул-шах, см. Мугис ал-Дина Тугрул-шах
 Туттаб, местность 135
 Туки-нойон, монгольский военачальник 196–197
 Туманов К. (С. Toumanoff) 74
 Тур ‘Али б. Пахлаван-бек, эмир *ак-куйунлу* 233, 372
 Тура-бек, эмир *кара-куйунлу* 248
 Туран О. (O. Turan) 30–31, 37, 132
 Туркестан 194
 Турократия 337
тур-‘али., см. *ак-куйунлу*
 Турсун-бек, историк 35, 39, 325, 329, 350, 352–353, 361
 Турхал, крепость 195, 222
 Турция 5, 19, 61, 268, 289, 326, 337, 340
 Тианиха, см. Чаниха
 Тьерри де Лош, сенешаль Романии 80
- Угли-Хасан, военачальник Ак-Куйунлу 366
 Узбек-хан, золотоордынский хан 154
 Узун-Хасан, см. Абу ал-Наср Хасан-бек
 Узунчаршылы И. (I. Uzunçarşılı) 204, 263
 Уинфильд Д. (D. Winfield) 13, 44, 325, 327, 329–330
 Улджайту, Ильхан 372
 Улу Давид, см. Давид VI Улу
 ‘Умар-бек эмир *ак-куйунлу* 367
 ‘Умари, см. Ибн Фадл-Аллах ал-‘Умари
 ‘Умар-Мирза, сын Мираншаха Тимурида 285
 Уник, крепость 273
 Унье, см. Иней
 Упсала, город 10
 Урум-Сарай, местность 314, 327, 367
 Ускюдар, местность 283
 ‘Усман-бек, см. Кара-Йулук ‘Усман
 Успенский Ф. И. 11–12, 68
- Фасис, река 313
 Фазл-Аллах Рашид ал-Дин, историк 42, 167, 195, 197–199, 232
 Фальмерайер Я. (J. Fallmerayer) 11–12, 15, 19, 50, 129, 141, 169, 267, 271, 275, 278, 302, 307–308, 310, 312
 Фанария, долина 216, 218
 Фараса, селение 337
 Фаридун-бей Ахмед 42
 Фарс, область 250
 Фархад-бек, вали Анкурии и Бурсы 367
 Фахр ал-Дин ‘Али, сельджукский визир 186
 Фахр ал-Дин Бахрам-шах б. Давуд, Мангуджак, правитель Эрзерума 70, 118–120, 373
 Феодор I Ласкарис (также Феодор I, Ласкарис, Ласкарь), никейский василевс 77, 79–83, 87, 90, 92, 98–105, 108–110, 114, 182
 Феодор II Ириник, константинопольский патриарх 99
 Феодор Гавра, византийский аристократ 69
 Феодор Скутариот, хронист 308
 Феодора I Великая Комнина, трапезундская императрица 187–188, 369
 Феодора Комнина Аксук, жена Алексея I Великого Комнина 111
 Феодора, дочь Иоанна VI Кантакузина 257, 275
 Феодора, дочь Алексея I Комнина 63
 Феодора, дочь Василия I Великого Комнина 219, 256, 280, 370
 Феодора, дочь Иоанна IV Великого Комнина 305, 318–321, 331, 356, 363, 369–370
 Феодора, племянница и любовница Андроника I 72

- Федоро (Готия, Мангуп), княжество 51,
 299, 303–304
 Феодосиуполь, см. Эрзерум
 Феоскепаст, монастырь на Понте 83
 Фетхье, залив 337
 Филавонит (Харшит), река 51–52, 207,
 214, 229–230, 252, 338
 Филладельфия (Алашехир), город 337–338
 Филипп Добрый, герцог бургундский 324
 Филиппополь (Пловдив), город 68, 353
 Финлей Дж. (G. Finlay) 11, 307, 310, 312
 Флоренция, город 324
 Фока, св., монастырь в Кордиле 308
 Фока, св., монастырь под Трапезундом
 150
 Фома Катаволин 360
 Фома Мецопский, историк 40
 Франция 17, 161, 324
 Фридрих II, император Священной Рим-
 ской империи 124
 Фридрих III, император Священной Рим-
 ской империи 324
 Хаджи Амир б. Байрам-бек, правитель
 эмирата в Халивни 32, 199, 201, 214,
 217, 219–223, 249, 252, 255, 258, 280,
 297, 334–335, 370, 373
 Хаджи Шадкельды, правитель Амасьи 214
 Хаджимир-огюллары, эмир 201, 216,
 219–223, 280, 293, 323
 Хадиджа-беги, см. Марта
 Халкокондил, см. Лаоник Халкокондил
 Хазар (ал-Хазар), см. Черное море
 Хайдар б. Джунайд, Сефевид 309, 370
 Хайзенберг А. (A. Heisenberg) 80, 99
 Хакани, см. Афзал ал-Дин Хакани
 Халдия, трапезундская провинция 45, 96,
 140–141, 146, 196, 207, 210, 212, 214,
 251–252, 254, 256, 314–315, 329–330,
 360–361
 Халдия, феода 7–8, 51, 69, 73, 75–76, 78,
 101, 104, 119
 Халеб (Алеппо), город 214, 306
 Халивия, область 192, 194, 197, 199, 201,
 219, 221, 223, 249, 280, 297, 304, 334,
 336, 338, 370, 373
 Халил б. Узун-Хасан 372
 Халил Таввадж, эмир *ак-куйунлу* 363–
 364
 Халил-Аллах, правитель Ширвана 306
 Халил-Султан, сын Мираншаха 285–286,
 372
 Халима-бегум, см. Марта
 Халисат ал-Дунья ва ал-Дин, дочь Фахр
 ал-Дина Мангуджака 120
 Халкокондил, см. Лаоник Халкокондил
 Хамави (ал-Хамави), см. Мухаммад ал-
 Хамави
 Хамза б. Кара-Йулул 'Усман, эмир *ак-
 куйунлу* 372
 Хамза-бек, эмир Ак-Куйунлу 367
 Хамза-бек, османский полководец 294,
 323
 Хамид, эмир 283, 287
 Хамид-или, см. Хамид
 Хаммер Й. (J. von Hammer) 270
 Харпурт, крепость 118
 Харсанус, крепость 207
 Харшит, см. Филавонит
 Хасан б. Алп-Арслан (Алп-Арслан-оглу),
 эмир Джаника 218–219, 297–298,
 303–304, 373
 Хасан б. Малик Ахмад, эмир Кара-Хиса-
 ра 208, 294, 374
 Хасан Бузург, см. Шейх Хасан Бузург
 Хасан Джалал, армянский князь Хачена
 158
 Хасан Длинный, см. Узун-Хасан
 Хасан Кучук, см. Шейх Хасан Кучук ибн
 Тимурташ
 Хасан Челеби, сын Исма'ила Джандара
 350
 Хасан, сын ишхана Ваграма 159
 Хасан-бек Румлу, историк 34
 Хафиз, поэт 32
 Хафик, крепость 275
 Хаханов А. 23
 Хачатрян А. 43
 Хачен, область 158
 Х'андамир, историк 34, 38
 Хемшин, см. Аракел
 Хереке, см. Брунга
 Хериана, область 53, 56, 141, 196, 207, 212,
 214, 230–231, 251–252, 254, 256–257,
 274, 314, 329
 Херсон, город 51, 78–79, 81, 127, 138
 Хетум, царь Кикликской Армении
 157–158
 Хизр-ага, см. Хизр-бек, османский бег-
 лербег

- Хизр-бек, османский беглербек 303, 305, 309–311, 316–318, 330
 Хизр-бек, эмир Измира 287–288
 Хинц В. (W. Hinz) 12, 290, 306–307, 312, 318
 Хюниад, писатель и ученый 199
 Ходжа Латиф, правитель Байбурта 210, 252
 Холдон Дж. (J. Haldon) 18
 Хоннат, см. Никита Хоннат
 Хорасан, область 32, 120, 286
 Хорезм, область 122, 250
 Хошоглан, легендарный герой 207
 Хошоглан, река 207
 Хрисанф, митрополит (Chrysanthos) 11
 Хрисополь, город 285
 Хулагу, Ильхан 156, 167–168, 179, 232, 234, 285, 372
 Хулагу-хан, см. Хулагу
 Хуладжу, монгольский царевич 188
 Кумай, сказочная птица 350
 Хуршид-бек, посол и эмир Ак-Куйунлу 323, 327, 356, 366
 Хусайн Ибрахим, эмир Ак-Куйунлу 366
 Хусайн-бек, эмир Хамид-или 287
 Хусам ал-Дин Чупан (Чобан), сельджукский беглербек 107–108
 Хуш Кадам, эмир Ак-Куйунлу 364
 Чагатай, сын Чингисхана 264
 Чагатайская династия 272–273, 285
 Чакмак, мамлюкский султан 306
 Чанети, см. Джаник
 Чаниха (Джаниха, Тцаниха), крепость 45, 256
 Чанихиты (Джанихиты, Тцанихиты), понтийский знатный род 45, 56
 чаны, картвельский народ 45, 53, 59, 139
 чепли, туркменское племя 184–185, 195, 212, 214–215, 220, 227–231, 235–236, 238, 247–249, 254, 266–268, 279–280, 308, 335
 черкесы 324
 Черное море (Хазар) 8, 44, 46, 92, 102, 106–107, 135, 153, 177, 182, 186, 218, 221, 223, 226, 322, 326
 Черноморье 45
 Чимен, горный хребет 51
 Чимиш-Гезек, крепость 215
 Чингисиды, ханская династия 157
 Чингисхан, монгольский завоеватель 122, 153, 185, 250, 264, 272
 Чичек К. (K. Çiçek) 19
 Чобан Кёпрю, местность 207
 Чобан, см. Хусам ал-Дин Чупан
 Чобан, эмир, наиб Ильханов 201, 207
 Чобан Кордуманшах, Чобанид 207
 Чобаниды, потомки эмира Чобана 201–202, 205–207, 209
 Чобан-кале, местность 207
 Чобанлы, местность 207
 Чормагун, см. Чурмагун
 Чорох, см. Акампис
 Чорум, крепость 222
 Чорумлу, местность 222
 Чурмагун, монгольский военачальник 152, 154, 234, 247
 Чурмагун-нойон, см. Чурмагун
 Шабанкаран, см. Мухаммад Шабанкаран
 Шакир М. (M. Şakir) 43
 Шам, см. Сирия
 Шами, см. Низам ал-Дин Шами
 Шамс ал-Дин Мухаммад Туркмени, туркменский эмир 196–197
 Шамс ал-Дин, см. Сахиб Шамс ал-Дин
 Шамхор, город 159
 Шараф ал-Мулк, визир хорезмшаха 123
 Шафи М. (M. Shafi) 198
 Шаханшах Мангуджак, правитель Дивриги 373
 Шахавиван, армянское имя 143
 Шах-намэ 189
 Шахрух б. Тимур, Тимурид 50, 267, 286–291, 372
 Шебинкарахисар, см. Кара-Хисар
 Шевкет Ш. (Ş. Şevket) 19, 43
 Шейзар, местность 237
 Шейх Хасан Бузург, Джалаирид 201, 205
 Шейх Хасан Кучук ибн Тимурташ, Чобанид 202, 205–206, 251, 374
 Шильтбергер, см. Иоганн Шильтбергер
 Шираз, город 32, 367
 Ширван, город 123, 268, 306, 310
 Ширан (Ширин), крепость 314–315
 Шихаб ал-Дин Гази, аййубидский правитель Майафарикина 143–145
 Шихаб ал-Дин Мухаммад ал-Насави, историк 135–136, 138

- Шуджа^а ал-Дин 'Абд ал-Рахман, сельджукский ра'ис ал-бахр 164, 181
- Шуджа^а ал-Дин Сулайман I (Сулайман-паша), см. Сулайман I, эмир Джандар
- Шукр-Аллах Заки, историк 38, 311
- Шукуров Ш. М. 61
- Эвлия Челеби, географ 207
- Эдирне, см. Адрианополь
- Эдуард I, английский король 198
- Эзбидер, крепость 213
- Эйлюб, пригород Стамбула 34
- Элефтерий, св. 83
- Эмеджен Ф. (F. M. Emecen) 199–200
- эмир Тимур, см. Тимур
- Эмироглу К. (K. Emiroğlu) 19
- Эпир, область 63, 77
- Эрзерум (Феодосиуполь), город 53, 56, 76, 95–97, 117–118, 120–121, 123–125, 130, 132, 134–135, 138–144, 146, 148, 152, 155, 206, 211, 213, 215, 235, 242, 248, 264, 274, 363
- Эрзи А. (A. Erzi) 231–232, 235
- Эрзинджан (Келтчина, Тигранокерт), город 33, 43, 53, 56, 69–70, 117, 119–121, 123, 132–133, 135, 139–142, 146, 155–156, 158, 163, 184, 188, 195–197, 201–204, 207–216, 228, 231, 235, 254–255, 257, 263–267, 273–279, 281, 289–290, 314–315, 320–321, 327, 334–335, 356, 364–367, 370, 373
- Эрзинджанский эмират 139, 209–216, 219, 230, 254–255
- Эртогрул б. Байазид I, османский царевич 270
- Эфес, город 283
- Юджель Я. (Y. Yücel) 307, 326
- юрюки, туркменские племена 238
- Яковиты 161
- Якубовский А. Ю. 12
- Янош Хуняди 297
- Ярослав, галицкий князь 67
- Ясон, мыс 219, 222, 251

ahl al-dhimmat 360
 AIMA 64, 68, 86
 akhsakha 363
 'alāmat sharif (al-'alāmat al-sharif) 174
 amir-zāda 212
 'arrāda 289-290
 baḥr-i azāq 45
 baḥr-i nūṭish 44
 baḥr-i Trābzūn 45
 barādar-i sulṭān-i Trābzūn 364
 Būzantiya 44
 dār al-islām 322
 dūkhāriyān 241
 du'ā 174, 176-177, 179-181
 faranj (al-faranj) 160
 Gerze 127
 Ghaḍrās 166
 ghurūr 84
 gustākhi 84
 ḥākim-i Trābzūn 48
 ḥadrat al-malik 49, 179
 ḥadrat-i īshān 309
 Harraṇ (Xaran) 290
 Horci 282
 Iṣṭānbul 44
 'isāwiyyān 49
 jānīt 45
 jānītī 48, 84
 jiziya 322
 kadargha 184
 khatt sharif (al-khatt al-sharif) 174, 176
 kīr aliks 47
 Koman 123
 kūgh-i trābzūn 210-211
 kūsa payghambar 203
 kuffār 46
 k'urt 205
 kyr 50
 lafz yūnāni 46
 lakzi (al-lakzi) 46, 269
 malik 47, 130, 175, 178-179
 malik 'ālim (al-malik al-'ālim) 130
 malik al-Rūm 47, 179
 malik Rūmī (al-malik al-Rūmī) 47, 179
 malik Sindb 178
 malik-i Jānīt 47
 manjanīq 289-290
 mulk-i Sindb 166

naṣārī 49
 nūkarān 367
 nymphostolos 318, 321
 qarābughra 289-290
 qayṣar 317
 Quṣṭāntiniyya 44
 rasm al-mukātaba 174
 Rhome 44
 Rūm 44, 46-47, 179, 309, 317
 rūmī 46, 91, 206, 270
 rūmiyya 349
 ṣāhib 48, 171, 178
 ṣāhib Ṣinūb 178
 ṣāhib Trābzūn 48
 ṣāhib-i Jānīt 48
 Ṣinūb 178
 Salur (место в Джанике и районе Сурна) 250
 Salur (место в районе Кастамона) 250
 Salur Beḡi (место в районе Кастамона) 250
 Shām 312-313
 shahīd 212
 shaykh junayd 308
 shaykh-i ardabil 308
 sulṭān mu'zzam (al-sulṭān al-mu'zzam) 174
 sulṭān-i Trābzūn 48, 364
 tā'un 311
 ta'rikh 174, 176
 takfūr 48, 241
 takfūr-i Trābzūn 48
 takhavor 50
 takwar-i Trābzūn 48
 tasbīna 241
 Trābzūn begi 48, 309
 Trābzūn tekvurī 48
 Trābzūn 48
 Trābzūn 45, 48, 178, 210-211, 364
 trābzūnī 48, 84
 turkmān (tarākima, turkmānān) 194
 walad-i 'Alishīr 234
 wilāyat-i dānishmandiyya 46
 wilāyat-i Jānīt 45
 Xoṣay Yali см. Ходжа Латиф
 Yaxiayana Bek см. Ахи Айна-бек
 yūnān 46-47
 yūnānī 46, 160

- άζάπικα παρασκάλμια 226
 αϊφνίδιος θάνατος 226
 'Αλατιανή 129, 131
 άνθη Κομνηνών 83
 άρχων 138
 αύτοκράτωρ 178-179
 βάνδον 58
 βασιλέκγονος/βασιλέγγονος 83
 βασιλεύς 128, 130-131, 175, 178-179, 266, 301, 320
 Γίδων 112, 131, 166
 δημοσιακός άρχων 138
 δέσποινα της Σινώπης 224
 δούλος 100, 128, 258, 335
 Δολίνης 243
 'Ετούμης ('Ετούμης) ό Ραΐσης 127
 εύσεβέστατος 82, 85
 ζύχης [sikhēs] 307, 310
 κάτεργον 184
 Κολχίς 266
 κομνηνόβλαστος 83
 Κομνηνοφύα 84
 Κουμάνος 123
 Κουστουγάνης 199
 Λαμάχαν/Σαμάχιον βλ. Kemaх
 Λάζοι 211
 Λαζική 211
 Λαζία 211
 Μαχμάτ εικεπαρίς 210
 Μεγάλη Λαζία 211
 Μεγάλοι Κομνηνοί 78
 μουρτάτοι 58
 ντερβίσης 308
 όσπιτόκαστρον 219, 221-223
 Παραδούλια* (?), βλ. Бардулиа
 παρασκάλμια βλ. άζάπικα παρασκάλμια
 πορφυρόβλαστος 83
 πορφυρανθής 83
 Ραΐσης βλ. 'Ετούμης ό Ραΐσης
 Σαμάχιον βλ. Kemaх
 Σαμίον [šamion] (βλ. Шам, Sham, Сирия) 312-313
 Σάχ Τζουνεΐτης 308
 Σθλαβοπιιάστης 229
 Σιάμι(ης) [šam(es)] βλ. Σαμίον, Шам, Sham, Сирия
 Σινωπίται 224
 σουλτάνος 129-131, 133
 Τζάνιχα 45
 Τζανιχίτης 45
 Τζιαπνίδες 228
 Τζαπνίδες 266
 Χαλυβία 192

- اسمعيل بيك 341-344
 اغرخان 248
 اق قويئلو 345-346
 النجق 233
 الوس 248
 آمويه 248
 امير بزرگ 97
 امير توره بيك 248
 اوركوب 230
 اوزبك خان 154
 اوزون حسن 309, 344-346
 ايل 348
 ايوب حمصاى 230
 بانو 154
 بايبرت 215
 بختيار 127
 بسم الاب والابن والروح القدس 159
 بلاد الروم 173
 بورسا 233
 ابو نصر حسن بيك ر. ك. اوزون حسن
 الانراك 172-173
 احمد پاشا كدوك 346
 اخي 209
 ادرس 232
 آذربايجان 154
 اران 154
 ارزن الروم 215, 248
 ارزنجان 215, 289, 345
 ارض روم ر. ك. ارزن الروم
 الاشكوى 136-137, 182
 ارمنيہ 286, 341-342
 ارمنيہ كبرى 341-342
 استنبول ر. ك. اسطنبول
 اسطنبول 172-173, 182, 283, 345, 347-348
 اسفنديار 343
 اسفنديار بيك 341-342, 344-345
 اسكندر 283
 اسلام 241, 343, 346-348

- 236 بوز دوغان (چوق)
 279 بوز دوغان
 289 بوز دوغان
 206 ملك
 248, 309, 341-342, 344-345, 348 غلامان
 206 غلامان چانك
 233 غلامان الدين (ثالث سلجوقي)
 168 غلامان
 100, 160 تورنگ
 100 نورنگان (نورنگان) رومى
 283 لاورى
 289 قرايغرا
 215, 230 قرا حصار
 230 قرايغرا
 230 قرايغرا
 248 قرايغرا
 342-343 قرايغرا
 341-342, 344 قرايغرا
 123, 154 قرايغرا
 230, 344, 346 قرايغرا
 221 قرايغرا
 233, 241, 248, 341, 345 قرايغرا
 174 قرايغرا
 215, 279 قرايغرا
 230 كوكخسك (كوكخسك)
 94, 110, 136-137 كير
 94, 110 كيرالكس
 123, 248 كير
 123, 286 كيرجان
 161, 233 كيرسان
 139 كيرسان
 139 كيرسان
 248 كيرسان
 233 كيرسان
 341-342, 344 كيرسان
 248 كيرسان
 130 كيرسان
 289 كيرسان
 345 كيرسان
 232 كيرسان
 100 كيرسان
 230 كيرسان
 233 كيرسان
 279 كيرسان
 241 كيرسان
- 238 بوز دوغان
 233 بوز دوغان
 248 تاتار
 283 تاور
 215 ترچان
 123 ترك
 241 تسيينه
 160, 345, 347 تكور
 286 تغليس
 248 توره بېك
 139 جانيت
 206, 348 جانك
 140 جبال طراييزون
 279 جرجيس بهادر
 241, 248, 345-346 جهاد
 230 چيني (چيني)
 233 چرماغون نويان
 215 چمشگزك
 248 چنكيزخان
 279 حاجي پاشا
 283, 342, 345, 347 حاكم
 342 حسن چلبى ولد اسمعيل بېك
 309 خديجه بيگى
 172-173 الخليل القسطنطينى
 345 خورشيد بېك
 182 درابزون
 182 دفنسيا
 248 دور على
 248 دياربكر
 343 رستم دستان
 233 ركن الدين (رابع سلجوقي)
 100, 172, 206 رومى
 100 روميان
 341-348 سلطان محمد (ثاني فاتح)
 342 سلطان مراد (ثاني)
 130 السلطان المعظم
 172-173 سنوب
 182 سوباق
 230 سونسا
 172-173 سيس
 268, 341-344 سينوب
 143 شهاب الدين
 172-173 صاحب
 344 صامصون
 234 طراييزون
 140, 215, 234, 236, 241, 286, 289, 295 طراييزون
 309, 341-345 طراييزون
 234 طور على

CONTENTS

Introduction: STUDIES OF THE GREEK-TURKISH RELATIONS IN THE PONTOS

I. The aims of this book	7
II. Primary Sources	22
1. Narrative Sources	23
2. Acts	41
3. Epistolography	42
4. Epigraphics and Numismatics	43
III. On the Terminology of the Oriental Sources	44
1. Political, Geographical and Ethnic Nomenclature	47
2. The Names of the Emperors of Trebizond	51
IV. The Byzantine Pontos: a Preliminary Survey	51
1. Territory and Population	51
2. Muslim Environment	56
3. Military Organisation in the Empire of Trebizond	58

Chapter I

THE KOMNENIAN REVOLT	62
1. The Komnenian Restoration Movement	63
2. The Scions of Sebastokratoros Isaac	66
3. The Grandsons of Andronikos and Georgia	70
4. The Revolt of 1204	77
5. The Road to Constantinople	79
6. The Enigma of David	82
7. The Appanage of Alexios I	88
8. The Paphlagonian Conflict of 1214	92
9. An Attempt of the Portrait of Alexios I Grand Komnenos	109
10. Three Sons of Alexios I Grand Komnenos	112
11. The Aftermath of the Events of 1204-1214	114

Chapter II**THE STRUGGLE FOR SINOP (1221-1277)** 11**PART I. The Grand Komnenoi and the Question of Sinop in the 1214-1230s** 11

1. The Muslim Pontos and the Syro-Caucasian Milieu 11
2. A King without a Kingdom 12
3. The Enigma of Lazaropoulos 12
4. The First Greek Recovery of Sinop (1225-1228) 13
5. The Fight between the Coalitions 13
6. Syrian Sultan-Maliks in 1230 14
7. Some Conclusions 14
8. An 'Indirect' Diplomacy 14
9. The Junior Partner 15

PART II: The Question of Sinop During the Mongol Invasion (until 1277) 15

1. The Mongols of Iran and the Golden Horde 15
2. The Saljuqs and Georgia 16
3. Lesser and Great Armenia 16
4. The Second Greek Recovery of Sinop 16
5. The Mongols and Maluks 16
6. A Letter of the Mamluk Sultan to the 'King of Sinop' 17
7. Al-'Umari and al-Qalqashandi's Editions 17
8. Formula of the Letter 17
9. A Historical Commentary 17
10. The Malik and Sahib of Sinop 17
11. Narratio, Datum, Inscriptio, Intitulatio 18
12. The Last Attempt 18
13. Strive for Sinop 18
14. Back to the Ilkhans 18
15. «Frankish» Attack against Sinop in 1299 18

Chapter III**THE EMPIRE OF TREBIZOND AND THE TURKS IN THE 14TH CENTURY** 19**PART I. The Nomadic Migration** 19**PART II. Sedentary Turks of Eastern Anatolia** 20

1. The Rulers of Sivas 20
2. The Emirate of Qara-Hisar 20
3. Akhi Ayna Bek and the Emirate of Erzincan and Bayburt 20
4. Emir Mutahhartan in Erzincan 20
5. The Emirate of Janik 20
6. The Emirate of Haji Amir 20
7. On the Border between Haji Amir's and Janik Emirates 20
8. A Greek Recovery of Chalybia? 20
9. Sinop and Kastamon 20

PART III. Trebizond and the Pontic Nomads	227
1. Chapni <i>Turkmens</i>	227
2. The Epic Tradition of Aq-Quyunlu	231
3. The Question of Amid/Omidia	233
4. Tughan-Juq, the Emir of Aq-Quyunlu	236
5. The Boz-Doghan <i>Turkmens</i>	237
6. Aq-Quyunlu and the <i>Scholarioi</i>	238
7. The Byzantine <i>Turkmens</i>	244
8. The <i>Turkmen Confederation</i> in the Pontos	247
PART IV. The Defence System of Trebizond	251
1. Three Zones of Defence	251
2. Inland Struggle	251
3. Settled and Nomadic Turks	254
4. <i>Turkmen Sons-in-Law</i>	256
 Chapter IV	
THE GRAND KOMNENOI AND THE TIMURID IRAN	260
1. Pontic Campaigns of Bayazid I	261
2. Emir Timur and the Erzincan Conflict	264
3. First Contacts	269
4. Timur's Campaign against Trebizond	273
5. A Diplomatic Plot	275
6. When did Schiltberger visit Kerasunt: in 1398-1401 or 1402-1403?	278
7. After the Battle by Ankara	283
8. Trebizond, Constantinople and Shahrukh	286
 Chapter V	
THE LAST FIFTY YEARS	293
1. The Ottoman Recovery of Janik	293
2. Mustafa Chelebi and the Grand Komnenoi	294
3. The End of the Emirate of Janik	297
4. The First Ottoman Campaign against Trebizond	298
5. John IV Grand Komnenos and Murad II	300
6. The Date of the Ottoman Sea Raid against Trebizond	303
7. The Campaign of Shaykh Junayd	304
8. Primary Sources of the Campaign	307
9. The Date of the Campaign	310
10. The Starting Point of Shaykh Junayd's Attack	312
11. The Object of Shaykh Junayd's Attack	313
12. The Assault of Khidr Bek	316
13. The Alliance with Uzun-Hasan	317
14. On the date of Theodora's marriage (1459)	319
15. Trebizond as a Satellite State	322
16. The Abortive Onset of Uzun-Hasan	322
17. The Fall of Trebizond	324

Conclusions	329
1. The Paradigms of Relationships	329
2. The Will to Resist	338
Appendix 1	341
1. Hasht Bihisht of Idris Bidlisi	341
2. Text	341
3. Translation	348
Appendix 2	349
Uzun-Hasan and Mehmed II according to Kitab-i Diyarbakriyya	362
Translation	363
Appendix 3	369
A Selective Genealogy of the Grand Komnenoi	369
Appendix 4	370
Alliances between the Grand Komnenoi and Muslim Rulers	370
Appendix 5	371
Chronological Tables	371
Abbreviations	376
Bibliography	377
Abstract	379
Indexes	381

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Введение в изучение византийско-восточных отношений на Понте	7
I. О задачах этой книги	10
II. Обзор источников	22
1. Нарративные источники	23
2. Актовый материал	41
3. Эпистолографические источники	42
4. Эпиграфика и нумизматика	43
III. Терминологический экскурс	44
1. Политико-географическая и этническая номенклатура	44
2. Именования трапезундских василевсов	47
IV. Предварительные сведения о византийском Понте в XIII–XV вв.	51
1. Территория и население	51
2. Мусульманское окружение	56
3. О военной организации империи	58
 Глава первая КОМНИНОВСКИЙ МЯТЕЖ (1204–1214 гг.)	62
1. Попытка реставрации	63
2. Потомки севастократора Исаака	66
3. Внуки Андроника и Грузия	70
4. Мятеж (1204 г.)	77
5. На пути к Константинополю	79
6. Загадка Давида	82
7. Удел Алексея	88
8. Пафлагонский конфликт (1214 г.)	92

9. Опыт портрета Алексея I Великого Комнина	109
10. Три сына Алексея I Великого Комнина	112
11. Некоторые итоги событий 1204–1214 гг.	114

Глава II

СТРЕМЛЕНИЕ К СИНОПУ (1221 – ок. 1313 гг.)

Часть I. Великие Комнины и «синопский вопрос» в 1214–1230-х гг.	116
---	-----

1. Мусульманский Понт и Сиро-Кавказские альянсы	116
2. Царь без царства	122
3. Загадка текста Лазаропула	126
4. Первое возвращение греков в Синоп (1225–1228 г.)	135
5. Борьба коалиций	138
6. Сирийские султаны-малики в 1230 г.	142
7. Итог	145
8. «Опосредованная» дипломатия	146
9. Младший партнер	150

Часть II: Синопский вопрос в эпоху монгольских завоеваний (до 1313 г.)	159
---	-----

1. Монголы Ирана и Золотая Орда	163
2. Сельджуки и Грузия	164
3. Малая и Великая Армении	167
4. Второе возвращение греков в Синоп	169
5. Монголы и мамлюки	168
6. Письмо мамлюкского султана к «Царю Синопа»	170
7. Редакции ал-«Умари и ал-Калкашанди	172
8. Формуляр	174
9. Исторический комментарий	177
10. Малик и сахиб Синопа	178
11. Narratio, Datum, Inscriptio, Intitulatio	180
12. Последняя попытка	183
13. Стремление к Синопу	186
14. Под властью Ильханов	187
15. Атака «франков» на Синоп в 1299 г.	188

Глава III

ТРАПЕЗУНДСКАЯ ИМПЕРИЯ И ТЮРКИ В XIV в.

Часть I: Кочевая миграция	192
Часть II: Оседлые тюрки Восточной Анатолии	201
1. Правители Сиваса	201
2. Карахисарский эмират	203
3. Ахи Айна-бек и эмират Эрзинджана и Байбурта	209
4. Эмир Мутаххартан в Эрзинджане	213
5. Джаникский эмират	215
6. Эмират Хаджимир-огуллары	219

7. Границы эмиратов Хаджи Амира и Джаник	221
8. Греческое возвращение в Халивию?	223
9. Синоп и Кастамон	223
Часть III: Трапезунд и кочевники Понта в XIV в.	227
1. Туркмены <i>челли</i>	227
2. Эпическое предание <i>ак-куйунлу</i>	231
3. Проблема Амиды/Омидии	233
4. Тоганджук — эмир <i>ак-куйунлу</i>	236
5. Туркмены <i>боздоган</i> и туркменская конфедерация на Понте	237
6. <i>Ак-куйунлу</i> и Схоларии	238
7. Туркмены-византийцы	244
8. Туркменская конфедерация на Понте	247
Часть IV: Оборонительная система империи	251
1. Три зоны обороны	251
2. Борьба на материке	251
3. Оседлые и кочевники	254
4. Тюркские зятья-федераты	256

Глава IV

ВЕЛИКИЕ КОМНИНЫ И ТИМУРИДСКИЙ ИРАН	260
1. Понтийские походы Байазид I	261
2. Эмир Тимур и «Эрзинджанский конфликт»	264
3. Первые контакты	269
4. Поход эмира Тимура на Трапезунд	273
5. Дипломатическая интрига	275
6. Когда Шильтбергер был в Керасунте: 1398–1401 или 1402–1403 гг.?	278
7. После Анкарского сражения	283
8. Трапезунд, Константинополь и Шахрух	286

Глава V

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛВЕКА	293
1. Османы возвращаются в Джаник	293
2. Мустафа Челеби и Великие Комнины	294
3. Конец Джаникского эмирата	297
4. Первый поход турков на Трапезунд	298
5. Иоанн IV Великий Комнин и султан Мурад II	300
6. Еще раз о датировке морского набега турок	303
7. Поход шейха Джунайда на Трапезунд	304
8. Источники по походу Джунайда	307
9. Датировка похода	310
10. Откуда пришел шейх Джунайд	312
11. Куда пришел шейх Джунайд	313
12. Поход Хизр-бека	316

13. Союз с Узун-Хасаном	317
14. Замужество Феодоры	319
15. Трапезунд — данник Узун-Хасана	322
16. Неудачная атака Узун-Хасана	322
17. Падение Трапезунда	324
Заключение	332
1. Парадигма взаимоотношений	333
2. Воля к выживанию	336
Приложение 1	
1. Идрис Бидлиси. «Хашт бихишт»	340
2. Текст	341
3. Перевод	348
Приложение 2	346
Узун-Хасан и Мехмед II в борьбе за Трапезунд	362
Перевод	363
Приложение 3	368
Выборочная генеалогия Великих Комнинов	369
Приложение 4	
Браки Великих Комнинов с мусульманами	370
Приложение 5	
Хронологические таблицы	371
Список сокращений	375
Библиография	377
Abstract	409
Указатели	414
Contents	439
Содержание	443

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

В. С. Кучукбаев

Редактор:

Л. А. Абышко

Оригинал макет:

И. А. Смаришева

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 06.05.2000. Подписано в печать 24.07.2001.

Формат 60×88/16. 28 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 4339

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Академической типографии «Наука» РАН.

Качество соответствует представленным оригиналам.

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

Наши книги в Интернете:

<http://www.petropol.com>
<http://www.biblio-globus.ru>

**Для получения книг почтой
заказы направляйте по адресу:**

199034: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»
факс (812) 218-4422, тел. (812) 218-7763,

а также заказав их через отдел «Книга — почтой»

Санкт-Петербургского Дома Книги,
прислав заказы по адресу:
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
АВТОРОВ, ПЕРЕВОДЧИКОВ, РЕДАКТОРОВ**

АЛЕТЕЙЯ

Телефон редакции: (812) 567-2239,

fax: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Пишите нам по адресу: Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 13, издательство «Алетейя»